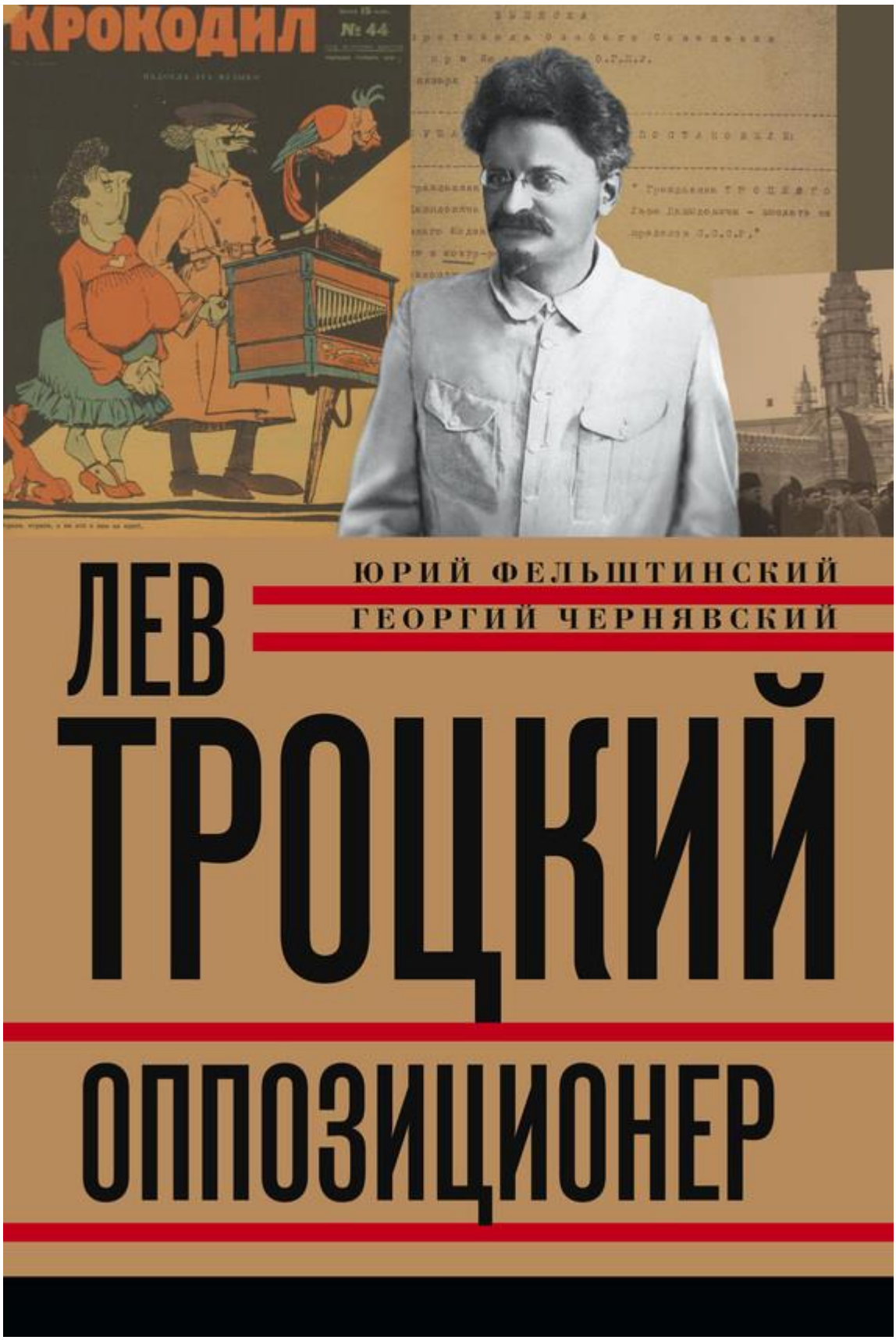
Юрий Георгиевич Фельштинский Геогрий Иосифович Чернявский
Лев Троцкий. Оппозиционер. 1923-1929

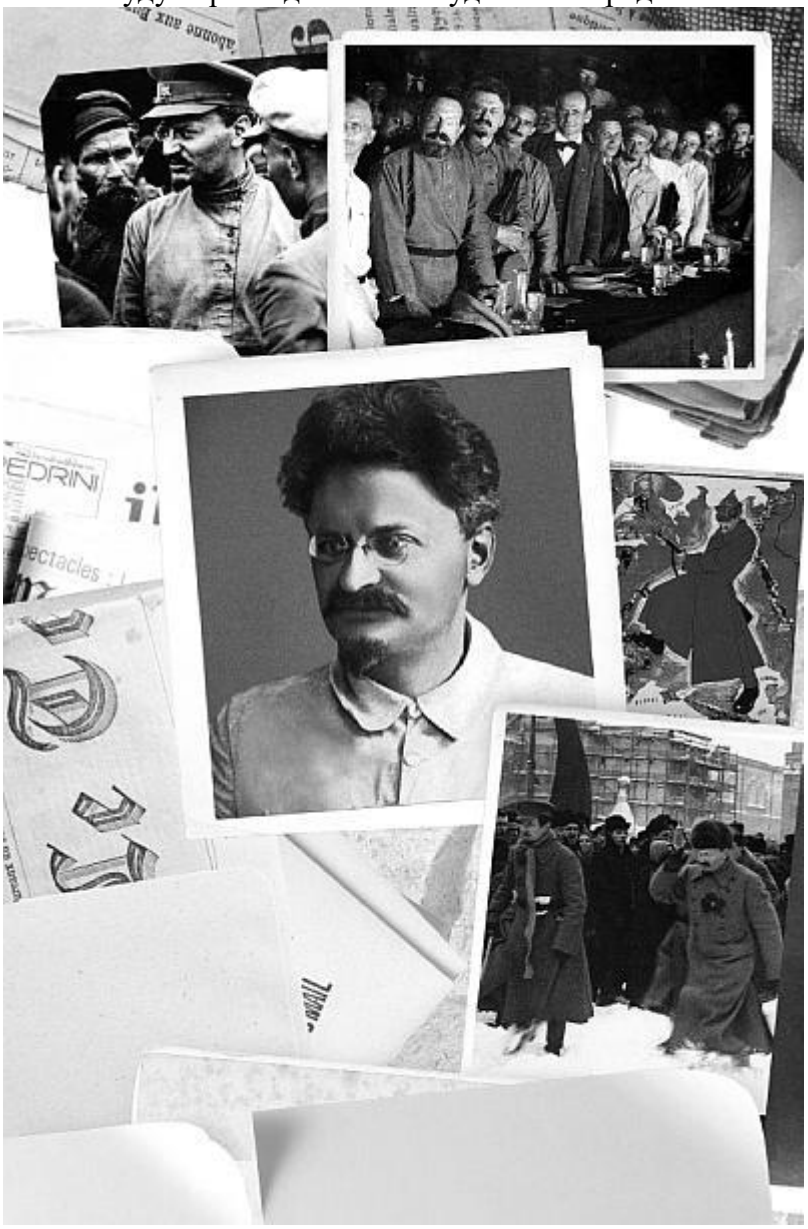
Лев Троцкий –



Юрий, Фельштинский, Георгий Чернявский
Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер 1923 – 1929 гг.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые

попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.



Глава 1 Отход от «генеральной линии»

1. Фиктивная оппозиция

Столкновения, происходившие в 1923 г. между Троцким, с одной стороны, и Сталиным, Зиновьевым и Каменевым – с другой, были пока еще только внутренними стычками, не выходившими за пределы самого узкого круга высшей партийной элиты. К сторонникам Сталина в тот период принадлежал также молодой многообещающий вождь партии Бухарин. По существу, борьба велась за идейное наследие сначала еще не умершего, доживавшего последние месяцы в Горках Ленина. О его возвращении к работе не могло быть речи, что сознавали большевистские лидеры. На практике все сводилось к вопросу о том, кто станет преемником Ленина после его смерти (последовавшей 21 января 1924 г.), хотя реальные цели участниками споров всячески камуфлировались различными пропагандистскими ухищрениями и демагогическими формулами типа: «диктатура пролетариата», «советская власть», «общественная собственность», «социалистическая и

коммунистическая перспектива». Американский автор Леонард Шапиро писал: «Никто не понимал до Сталина, что подлинная цель пропаганды состояла не в том, чтобы убедить или хотя бы уговорить людей, а в том, чтобы снабдить их однородной системой официальных формул, в рамках которых малейший признак неортодоксальной мысли сразу же обнаруживается как режущий ухо диссонанс» [1] .

В оценке сущности большевистской пропаганды Шапиро был прав. Ошибался он, однако, в определении того, когда таковая возникла и кем она была инициирована. В действительности мифологический характер большевистской пропаганды возник еще в дооктябрьское время, а со времени прихода к власти стал официальным инструментом в руках Ленина, Троцкого, Сталина и других иерархов. Теперь же эту маскировочную одежду использовали все группы и деятели, участвовавшие в борьбе за власть, независимо от того, каковы были их истинные позиции.

Шансы на успех определить было не так-то просто. Сталин со своими союзниками – Каменевым и Зиновьевым – обладали тем главным преимуществом, что они оказывали решающее влияние на партийные кадры на местах (Зиновьев – в качестве руководителя Ленинградской парторганизации, Каменев – как признанный лидер московских коммунистов). У самого Сталина в руках было сосредоточено руководство, назначения и перемещения партийных, государственных и хозяйственных кадров по всей стране – не только в Москве, но и в губернских центрах и союзных республиках. При этом «тройка» не была монолитна во всех вопросах. Между ее членами возникали стычки и дрязги, причем на первом этапе Зиновьев и Каменев не считали, что уступают Сталину в значимости. Лишь постепенно они осознали, что отодвинуты Сталиным на второй план.

В руках Троцкого не было аппаратных нитей, но он обладал другими важнейшими средствами борьбы: авторитетом организатора Октябрьского переворота и побед Советской республики на фронтах Гражданской войны, поддержкой Красной армии, личным интеллектуальным и агитационно-публицистическим потенциалом.

Очередной этап внутренней борьбы, не переходящей пока еще в открытую оппозицию сталинской группе, относится к концу лета – осени 1923 г., когда хозяйственный кризис, в основе которого лежали «ножницы цен», достиг своего апогея. Низкие цены на сельскохозяйственные продукты вели ко все более сокращавшемуся снабжению городов жизненно важными продуктами питания. В начале октября индексы розничных цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию составляли по сравнению с 1913 г. соответственно 187 и 58% [2] , что означало, что промышленные товары стоили почти вдвое дороже, а сельскохозяйственные продукты почти вдвое дешевле. Иначе говоря, «ножницы» раздвинулись более чем в три с половиной раза. Города вновь оказались почти на уровне голода. Стали появляться подпольные группы недовольных, в которых принимали участие бывшие меньшевики и беспартийные. Возникли нелегальные кружки недовольных коммунистов, получили распространение «неофициальные» забастовки – так как официальные запрещались, а профсоюзы к этому времени были полностью подчинены советской власти. Ширились требования дополнить НЭП экономический НЭПом политическим. Сколько-нибудь организованного руководства и четкой программы эти группы и выступления не имели, однако само их возникновение нарушало монополию коммунистической партии на власть и рассматривалось большевиками как опасное явление. Центральные и местные органы ВЧК выявляли и арестовывали участников нелегальных групп, но полностью искоренить их не удавалось.

В мае – июне 1923 г. Троцкий прочитал в Коммунистическом университете имени Свердлова четыре лекции по вопросам промышленности и налаживания планового хозяйства, которые звучали спокойно и оптимистично [3] . Вскоре после этого он отправился на отдых в Кисловодск. Он впервые в это время почувствовал невероятную усталость, нервную истощенность, тем более что как раз в это время у Натальи Ивановны началась малярия с тяжелыми приступами, когда температура достигала 40 градусов. Самому Льву Давидовичу рекомендовано было грязелечение на фоне «абсолютного покоя», как

говорилось в медицинском предписании. Когда он получил весточку от старого знакомого по Петербургскому Совету 1905 г. Д.Ф. Сверчкова, жившего теперь на Северном Кавказе, с предложением встретиться, Троцкий ответил утвердительно и согласился поехать с ним в горы пострелять перепелов с одним условием – не вести деловых разговоров [4] .

Возвратившись в августе из отпуска, несколько окрепший Троцкий на заседаниях Политбюро и пленумах ЦК вновь начал свои атаки на курс, проводимый «тройкой» [5] . Троцкий говорил, что все происходившее в СССР было результатом состояния умов членов партии, их чувства разочарования, их недоверия к руководству. Он считал, что утвержденные партийным съездом меры по преодолению «ножниц» не проводятся в жизнь в силу административного консерватизма, назначенчества, недоверия к партийным низам. Даже в годы Гражданской войны система назначенчества не достигала одной десятой того, что происходило теперь. Троцкий признавал, что в требованиях нелегальных групп было зерно демагогии, так как полную «рабочую демократию» в условиях режима диктатуры, который необходимо сохранять, невозможно было развить. Однако «дисциплина периода Гражданской войны» должна уступить место сознательной дисциплине и «широкой партийной ответственности». Вместо этого невиданные размеры получила бюрократизация партийного механизма, а зажим критики ведет к тому, что критические настроения уходят в подполье, приобретая неконтролируемые и опасные формы [6] .

Некоторые из своих соображений, опасений и предложений Троцкий излагал и в официальных документах, которые направлял в ЦК или в Политбюро. В его архиве сохранились четыре таких документа, относящиеся к лету – началу осени 1923 г. Они касаются ошибочности «разделения труда» между членами Политбюро. Троцкий мотивировал это примером Зиновьева, на которого, как на главу Коминтерна, были возложены еще и проблемы Наркомата иностранных дел, что неизбежно должно было привести к слухам о слиянии Наркоминдела с Коминтерном. Троцкий настаивал на необходимости перестройки работы Центральной контрольной комиссии (ЦКК), будучи человеком непьющим, выступал против советского сухого закона – против восстановления «в фискальных целях» свободной продажи крепких спиртных напитков. «Попытка перевести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю», – писал он. Наконец, Троцкий касался и общих вопросов экономического и финансового кризиса, их причин и вероятных последствий [7] .

Пытаясь сгладить углы, Рыков, фактически замещавший Ленина на посту председателя Совнаркома (он будет утвержден на этом посту сразу же после смерти Ленина), предложил организовать неформальное совещание членов Политбюро, но практически ничего для этого не сделал. «Я очень виноват, – писал он Троцкому, – что не ответил на Вашу записку, которую Вы мне прислали в ответ на приглашение устроить совещание с некоторыми членами ЦК» [8] .

Что касается Сталина, по адресу которого направлялись основные стрелы Троцкого, то он вначале пытался действовать обходными путями. В ответ на выдвинутые Троцким обвинения в бюрократизации партии и злоупотреблении властью со стороны партработников ЦКК РКП(б) в сентябре 1923 г. приняла решение образовать специальную комиссию во главе с членом коллегии ОГПУ Я.Х. Петерсом [9] , которая должна была собирать компрометирующий материал об оппонентах сталинскому курсу. Официально задачи комиссии Петерса состояли в отслеживании и борьбе со злоупотреблениями при исполнении служебных обязанностей: приобретением в собственность автомобилей, колясок и лошадей, чрезмерной роскошью при обустройстве частных квартир и служебных помещений за казенный счет, азартными играми, слишком большими расходами в ресторанах, использованием служебного персонала и командировок в личных целях и т. д. [10]

Произошел, однако, конфуз. Основными фигурантами Петерса, который воспринял поставленную перед ним задачу слишком буквально, оказались работники, поддерживавшие группу Сталина. Комиссия была распущена. Краткое ее существование дало лишний фактический материал для критических выступлений Троцкого [11] .

Полагая, что его усилия саботируются сталинским большинством, Троцкий теперь стремился выйти за пределы Политбюро и даже ЦК. Он понимал, что донкихотскими методами он не добьется никакого результата. Очевидно, на протяжении августа – сентября 1923 г. он беседовал с отдельными партийными деятелями, которых считал своими соратниками. Скорее всего, именно в ходе этих бесед постепенно вырабатывался текст документа, который затем был дан на подпись ряду других партийных и хозяйственных лидеров.

Масло в огонь подлило постановление сентябрьского пленума ЦК об изменении состава Реввоенсовета Республики, согласно которому в этот орган, являвшийся главной опорой Троцкого, были введены пять членов ЦК и военный руководитель Н.И. Муралов, членом ЦК не являвшийся. В решении пленума шестерку называли «военными цекистами». В качестве таковых рассматривались Сталин, Ворошилов (командующий СевероКавказским военным округом), Орджоникидзе (первый секретарь Закавказского крайкома партии), Пятаков (заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства – ВСНХ), Лашевич (командующий Сибирским военным округом) и Муралов (командующий Московским военным округом). Одновременно при председателе Реввоенсовета образовывался исполнительный орган, в который были включены Сталин, С.С. Каменев, Склянский, Пятаков и другие [12] . В этом втором постановлении главным был пункт о введении в состав исполнительного органа самого генсека, который рассчитывал теперь стать непосредственным надсмотрщиком над председателем РВС и наркомвоенмором Троцким.

Происшедшее довольно живо передал в своих воспоминаниях Борис Бажанов, являвшийся тогда техническим секретарем Политбюро: «Без одной минуты десять с военной точностью входит Троцкий и садится на свое место. Члены тройки входят через три-четыре минуты один за другим – они, видимо, перед входом о чем-то совещались. Первым входит Зиновьев, он не смотрит в сторону Троцкого, и Троцкий тоже делает вид, что его не видит, и рассматривает бумаги. Третьим входит Сталин. Он направляется прямо к Троцкому и размашистым широким жестом дружелюбно пожимает ему руку» [13] .

Каменев вошел вторым. Троцкий отлично понимал показной характер всей этой игры. Он негодовал прежде всего по поводу того, что в состав руководимого им органа включены его заклятые враги – Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. На заседании ЦК наркомвоенмор возражал против включения в Реввоенсовет новых членов, не называя их, правда, по именам, а затем, заявив, что «не намерен выслушивать заранее заготовленные речи», демонстративно покинул заседание пленума. Сталинский секретарь Бажанов в стиле фельетона по существу очень точно передал сцену ухода Троцкого из зала заседаний пленума: «Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтобы ее открыть, Троцкий потянул ее изо всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не заметил и старался изо всех сил ею хлопнуть. Чтобы закрыться, дверь поплыла так же медленно и торжественно… Получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью» [14] .

Слухи о происшедшем стали довольно быстро распространяться за пределами высших партийных кругов, в том числе и в армии [15] , которая пока еще в основном поддерживала Троцкого. Смысл проводимых в Реввоенсовете изменений откровенно сформулировал в разговоре с Троцким В.В. Куйбышев – председатель Центральной контрольной комиссии и нарком рабоче-крестьянском инспекции (на этом посту он сменил Сталина). В ответ на упрек Троцкого, что действительные мотивы кадровых перестановок в РВС не имеют ничего общего с формально названными причинами, Куйбышев ответил: «Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но не можем вас объявить врагом; вот почему мы вынуждены прибегать к таким методам» [16] .

Тогда Троцкий выступил с подробным обоснованием своей позиции. 8 октября 1923 г. он обратился с «совершенно секретным» письмом к членам ЦК и ЦКК РКП(б) [17] . Письмо касалось многих партийных вопросов и общего положения в партии и в стране, но основной

смысл документа состоял в том, что после XII съезда ситуация во всех отношениях значительно ухудшилась. Троцкий обращал внимание на в корне неправильный и нездоровый внутрипартийный режим и недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, сложившимся в результате не только объективных трудностей, но и «коренных ошибок хозяйственной политики»: решения съезда по экономическим вопросам не выполняются; Госплан вместо наделения его административно-распределительными правами (осторожно не говорилось о придании ему законодательных функций) «отодвинут еще более назад»; экономические вопросы решаются в Политбюро наспех, без должной подготовки; сохраняются и еще более раздвигаются «ножницы цен». «Чудовищное несоответствие цен, при тяжести единого налога, тяжелого главным образом своей несогласованностью с реальными хозяйственными отношениями, – писал Троцкий, – вызвало снова крайнее недовольство крестьян. Это последнее отразилось на настроении рабочих и прямо и косвенно. Оппозиционные группировки ожили и усилились. Их недовольство обострилось [18] . Таким образом, смычка: от крестьянина – через рабочего – к партии – повернулась к нам своим другим концом».

Важным положением документа было утверждение о порочном способе подбора кадров со стороны «генерального секретариата». Троцкий употребил этот выдуманный им термин для того, чтобы, не называя Сталина, обратить внимание на образовавшуюся вокруг генсека новую партийно-бюрократическую структуру. Подбираются кадры только с точки зрения того, содействуют они или противодействуют новому партийному режиму, утверждал Троцкий. В качестве примера он привел Украину, где была проведена серьезная кадровая перестановка: председатель Совнаркома республики сторонник Троцкого Х.Г. Раковский, занимавший относительно самостоятельную позицию и отстаивавший определенную степень автономии, был снят со своего поста и отправлен в «почетную ссылку» – полпредом СССР в Великобритании, с которой еще даже не были установлены формальные дипломатические отношения (это произойдет в 1924 г.) [19] .

Троцкий, как уже было сказано выше, теперь резко критиковал режим назначенчества, который раньше он поддерживал, настолько, насколько считал его проявлением диктатуры партии. Ныне же он обоснованно возмущался проявлением «секретарской психологии», подменившей «рабочую демократию» банальным бюрократизмом. Новая партноменклатура, указывал Троцкий, пребывала в убеждении, что «секретарь способен решать все и всякие вопросы без знакомства с существом дела». Даже «в самый жестокий момент военного коммунизма» назначенчество в партии не имело такого широкого распространения, писал Троцкий, и, видимо, если писал искренно, вводил здесь в заблуждение и себя, и читателей, поскольку ничего, кроме назначенства, в большевистской партии после прихода к власти не существовало.

Критикуя бюрократию, бюрократизм, бюрократизацию партийного и государственного аппарата, автор не давал четкого определения этих категорий, но видел в них прежде всего бездумное проведение в жизнь приказов и инструкций сверху. Первопричиной этих весьма негативных явлений он считал низкий экономический и культурный уровень страны, отсутствие подготовленных, компетентных и самостоятельно мыслящих, преданных партии кадров и в то же время стремление Сталина – Зиновьева – Каменева («тройки») обеспечить послушное проведение своей линии и в конечном счете сохранение и укрепление их собственной власти. Осознавал ли Троцкий в этот момент, что бюрократизация партии и государства, основным выразителем которой все более становился Сталин, была внутренним порождением того режима, установленного Троцким и Лениным в 1917 г.? По крайней мере, если и сознавал, то внешне ничем этого не выдавал. Возникновение «секретарской психологии» Троцкий относил только к текущему моменту, то есть к тому времени, когда Сталин стал генеральным секретарем ЦК РКП(б).

Попытка Политбюро «построить бюджет на продаже водки» (против «водочного бюджета» и государственной монополии на водку Троцкий возражал на пленуме ЦК 26 – 27 июня 1923 г. и в своем письме в ЦК и ЦКК от 29 июня [20]) также связывалась автором

документа с «самодовлеющим характером секретарской психологии», ибо бюджет становился в этом случае как бы независимым от успехов экономики страны. Троцкий с удовлетворением отмечал, что попытка введения водочной монополии приостановлена в результате поступавших протестов, но предостерегал по поводу опасности того, что она не отвергнута самым решительным образом. Он был прав. Действительно, с 1 января 1924 г. вступило в силу совместное постановление ЦИК и СНК СССР о возобновлении производства и продажи крепких спиртных напитков, запрещенных большевистским декретом в декабре 1917 г. Повсеместная продажа водки началась с октября 1925 г.

В заключение Троцкий угрожал вынести критику существующего партийного режима за пределы узкого круга лидеров и сделать ее достоянием каждого члена партии, которого он считает «достаточно подготовленным, зрелым, выдержанным и, следовательно, способным помочь партии выйти из тупика без фракционных судорог и потрясений». Упоминая о «фракционных судорогах», Троцкий намекал на то, что оставляет за собой право, в случае если к его доводам не прислушаются и не примут их к руководству, начать фракционную борьбу.

Письмо Троцкого от 8 октября предопределило дальнейшие коллективные и индивидуальные выступления и характер недолгой дискуссии, последовавшей за этим документом. На состоявшемся 11 октября заседании Политбюро Троцкий сообщил, что ознакомил со своим письмом еще и «небольшой круг ответственных товарищей», не входивших в Секретариат ЦК, ЦК и ЦКК. В ответ Политбюро проинформировало Троцкого о принятом решении отложить рассылку письма членам ЦК и ЦКК. Иными словами, Политбюро постановило не распространять письмо Троцкого даже в узком кругу высокопоставленных партийных работников. С этим решением Троцкий, подчиняясь партийной дисциплине, вынужден был согласиться [21] . Собственноручно инициировав рассылку письма в период между 8 и 11 октября, Троцкий, сам тоже не подозревая и, может быть, не желая, нарушил запрет высшего партийного органа.

В результате письмо распространилось достаточно широко. 14 октября оно обсуждалось на заседании бюро Московского комитета партии, где с серьезной тревогой сообщалось, что текст письма разошелся по партийным организациям, что под ним собирают подписи и что попутно выдвигаются требования созыва внеочередного партийного съезда. Московская парторганизация увидела в этом попытку создания Троцким фракции со своей собственной платформой и подвергла резкому осуждению действия будущих оппозиционеров, которые «несут неисчислимые опасности партии, стране и делу мировой революции» [22] . По отношению к Троцкому и его сторонникам предлагалось предпринять санкции, предусмотренные резолюцией X съезда «О единстве партии». Постановлением Политбюро от 15 октября 1923 г., принятым по предложению В.М. Молотова и М.П. Томского, на Троцкого была возложена ответственность за распространение крамольного письма, но, учитывая, что письмо уже разошлось по рукам партийного актива, запрет на рассылку письма членам ЦК и ЦКК был теперь снят. Троцкий, формально демонстрируя подчинение партдисциплине, снял с себя ответственность за дальнейшее распространение злосчастного текста и обратился к партактиву с просьбой не заниматься распространением письма и сбором под ним подписей [23] .

В середине октября в Политбюро было послано письмо, получившее название «Заявление 46-ти» [24] . Оно явилось прямым отголоском письма Троцкого от 8 октября. Вряд ли перо Троцкого касалось этого «Заявления», но то, что с текстом Лев Давидович был предварительно ознакомлен, что он давал свои рекомендации, представляется более чем вероятным. И уж во всяком случае «подписанты», бесспорно, были знакомы с письмом Троцкого от 8 октября. В «Заявлении» констатировались признаки экономического, в частности кредитного и финансового, кризиса, который дополнялся и в значительной мере был обусловлен разделением партии на секретарскую иерархию и «мирян», профессиональных функционеров, назначаемых сверху, и массу, не участвующую в общественной жизни. Авторы шли даже несколько дальше утверждений Троцкого, что легко

объяснимо: он был членом Политбюро и вынужден был себя во многом сдерживать.

В «Заявлении 46-ти» [25] утверждалось, что после X съезда РКП(б) в партии сложился «режим фракционной диктатуры», предопределенный резолюцией о единстве партии. «Фракционный режим должен быть устранен – и это должны сделать в первую очередь его насадители, он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии», – писали авторы заявления, среди которых не было ни одного представителя высшего партийного руководства. Впрочем, среди подписантов были известные партийные деятели: Альский – заместитель наркома финансов СССР; Антонов-Овсеенко – один из организаторов Октябрьского переворота в Петрограде, а теперь начальник Политического управления Красной армии; Бубнов – заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б); Муралов – командующий войсками Московского военного округа; Преображенский – председатель финансового комитета ЦК и Совнаркома; Пятаков – заместитель председателя Госплана; Сапронов – секретарь Президиума ВЦИКа; Серебряков – заместитель наркома путей сообщения; И.Н. Смирнов – нарком почт и телеграфов СССР. Заявление подписали также известные всей стране партийные журналисты: А.К. Воронский [26] – редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор» и Л.С. Сосновский [27] – редактор газет «Беднота» и «Коммунар», острые статьи и жалящие фельетоны которого появлялись к тому же чуть ли не в каждом номере «Правды» и других центральных газетах.

19 октября последовал новый текст Троцкого – письмо в Президиум ЦКК и в Политбюро [28] . Троцкий решительно возражал против того, что он не был приглашен на заседание Президиума ЦКК 15 октября, где обсуждалось его предыдущее письмо, которое собравшиеся члены Президиума объявили фракционной платформой. Он заявил, что не собирался создавать ни фракции, ни платформы, и не слишком убедительно доказывал, что «при действительной решимости рассмотреть вопросы без фракционных конвульсий и потрясений» содержание письма от 8 октября «могло бы не выйти за эти пределы» – узкий круг членов ЦК и ЦКК. В том, что письмо получило сравнительно широкое распространение, Троцкий обвинял руководство партии.

В тот же день, 19 октября, последовал обширный, по объему составлявший целую брошюру ответ членов Политбюро на заявление Троцкого от 8 октября [29] . Имея в виду стиль документа, его словесную расплывчатость, повторение одних и тех же положений в различной форме и некоторую заумную псевдоученость, можно предположить, что писал его Зиновьев (Бухарин в составлении основной части документа участия не принимал; он находился в Петрограде и прислал на имя Сталина и Томского телефонограмму с некоторыми уточнениями по тексту брошюры) [30] . В тексте документа имелись также исправления и дополнения, сделанные Сталиным.

«Ответ» Политбюро Троцкому был отпечатан тиражом 300 экземпляров, то есть был предназначен для сравнительно широкого распространения среди партактива, и свидетельствовал о серьезной озабоченности Сталина и его группы выступлением Троцкого и последовавшим за этим обращением группы его сторонников и присоединившихся к ним членов бывшей группы «демократического централизма». Политбюро называло Троцкого зачинщиком борьбы против ЦК «в трудный момент» и опровергало в основном справедливые суждения возмутителя партийного спокойствия по целому ряду вопросов: об экономической политике партруководства, об оценке политического положения внутри страны, о внешней политике и «германской революции», о введении новых членов в состав Реввоенсовета Республики, о намерении перейти к продаже водки на началах государственной монополии и, наконец, о внутреннем положении в партии. Наиболее «сильным» аргументом, наносившим удар по Троцкому, как создателю фракционной платформы, было убедительное сопоставление его письма от 8 октября и «Заявления 46-ти», в котором были найдены чуть ли не цитаты из письма Троцкого, разумеется раскавыченные. В то же время Политбюро указывало, что нынешний режим в партии был создан после X съезда, то есть при непосредственном участии Ленина.

Заключение выглядело куда более миролюбиво, нежели основная часть текста. Здесь

явно чувствовалась рука Сталина, который в рассматриваемый период набрасывал на себя маску умиротворителя и сдерживал распалявшегося Зиновьева. Троцкого призывали признать ошибку и продолжать оставаться «искренним революционером». Но Троцкий этому неискреннему призыву внять не пожелал и накануне пленума ЦК, назначенного на 24 октября, «ответил на ответ» [31] . «Авторы письма считали исключенной необходимость и возможность серьезных изменений в проводимой ныне партийной и хозяйственной политике и совершенно отметали мысль о создании нормальных условий здоровой коллективной работы в руководящих учреждениях партии», – писал Троцкий. Он ссылался на авторитет Ленина, приводил адресованные ему ленинские записки, свидетельствовавшие о поддержке Лениным вносимых Троцким предложений и о попытке Ленина опереться на Троцкого в кампании, направленной против Сталина.

Эти ленинские записки будут вновь и вновь фигурировать в полемике Троцкого – на протяжении многих лет. Отрешиться от ленинского авторитета по психологическим и тактическим соображениям он уже не мог. Это была своего рода «тигровая шкура», некий спасательный амулет, который давал Троцкому право, по его мнению, претендовать на ленинское наследие, так как в последние месяцы сознательной жизни Ленина Троцкий был наиболее верным и самым близким его соратником.

25 – 26 октября на пленуме ЦК основной спор разгорелся именно между Троцким и Сталиным. Оба они выступили с докладами, а затем, после прений, с заключительными словами. Троцкому изменила его обычная выдержанность. Он говорил нервно, сбивчиво, часто отвлекался на смежные или даже совсем посторонние вопросы. С полным основанием оратор отвергал термин «троцкизм», который был изобретен в предыдущие недели и стал усиленно навязываться представителями сталинского большинства, прежде всего Зиновьевым и Куйбышевым. В выступлении содержалось прямое предостережение по поводу того, что намеченное решение пленума с осуждением поведения Троцкого и его сторонников «подготовляет почву для тех, кто хочет уничтожить почву для дальнейшей совместной коллективной работы». Оратор призвал участников пленума хорошо подумать, прежде чем принять решение. «Если вы ступите на тот путь, на который вы как будто бы хотите вступить, вы сделаете огромную ошибку» [32] .

Сталин выступил с короткой речью, спокойно, без эмоционального напряжения, в свойственной ему упрощенно-дидактической манере. Он вновь попытался набросить на себя маску примирителя, при этом серьезно извращая факты и занимаясь откровенной демагогией. Смысл его выступления состоял в том, что новую дискуссию допускать ни в коем случае не следует, что необходимо во что бы то ни стало осудить ошибочные поступки Троцкого и «обеспечить такой порядок, чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились вовне ее». Иронизируя по поводу требования члена ЦК Яковлевой (она поддерживала в это время Троцкого) провести дискуссию, Сталин произнес: «Как чеховская дама: «дайте мне атмосферу». Бывают моменты, когда не до дискуссий… Партия ушла в огромную и важнейшую работу по мелочным [по конкретным] [33] вопросам. Выдумывать сейчас дискуссии преступно… Дискуссия в центре сейчас необычайно опасна. И крестьяне, и рабочие потеряли бы к нам доверие, враги учли бы это как слабость» [34] .

Именно в таковом духе были выдержаны постановления пленума [35] . Помимо резолюции о выступлении Троцкого и «Заявлении 46-ти» было утверждено решение пленума «О внутрипартийной демократии», в котором было указано на намечаемый Политбюро курс на демократизацию партийной жизни. Иначе говоря, осудив Троцкого и следовавших за ним деятелей, пленум фактически утвердил компромиссный курс, который, впрочем, Сталин осуществлять не планировал. Это был банальный обман партийного актива, в том числе и Троцкого, оказавшегося в безвыходном положении. С ним вроде бы согласились, ему вроде бы пошли на уступки. Но в чем именно ему уступили, понять было невозможно. Все прошлые кадровые изменения остались в силе. Инструментов воздействия на секретариат Сталина, Политбюро, где Троцкий был в меньшинстве, РВС, где Троцкий тоже теперь был в меньшинстве, ЦК и ЦКК, где сторонников Троцкого было мало, у Троцкого не было. Курс на

демократизацию партийной жизни был обещан, но резолюцию X съезда партии о запрете фракционной деятельности пока что никто не отменял. Что было делать – не ясно.

Чтобы отвлечься от тяжкого нервного напряжения, он, как делал это и ранее, отправился на охоту в местность, известную под названием Заболотье, на подмосковной реке Дубне. Некоторое время назад он познакомился здесь с крестьянином Иваном Васильевичем Зайцевым из села Калошина, с которым и предпринимал свои экспедиции. Обычно в таких походах участвовали также близкие к Льву Давидовичу партийные деятели – Преображенский, Муралов и Пятаков. Седова вспоминала, что утиная охота приносила Троцкому «душевное успокоение благодаря тесному общению с землей, деревьями, водой, со снегом и ветром. Это было одновременно состязанием с природой и временем размышлений» [36] . В последнее воскресенье октября после охоты Троцкий провалился в болото. Все окончилось вроде бы благополучно. Он смог выбраться, дошел до автомобиля, но сильно промок и промерз. На следующий день он слег с сильной простудой. За простудой последовали серьезные осложнения. Температура прыгала, и это его невероятно мучило. Долгое время – весь остаток осени и зиму – он провел в постели.

В начале ноября была объявлена общепартийная дискуссия по вопросам, волнующим партактив. Сохраняя видимость примирения и частичного признания правильности позиции Троцкого, Сталин и другие члены Политбюро предложили Троцкому подготовить совместную резолюцию о внутрипартийной демократии. Троцкий согласился, не просчитав, в какую ловушку попадает. «Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на уток», – саркастически писал он в мемуарах [37] . Несколько неформальных встреч между болеющим Троцким и Сталиным и Каменевым прошли в квартире Троцкого, в его домашнем кабинете. Седова вспоминала: «Это были тяжелые дни, дни напряженной борьбы… Я сидела в спальне рядом и слышала его выступления. Он говорил всем своим существом, казалось, что с каждой такой речью он теряет часть своих сил, с такой «кровью» он говорил им. И я слышала в ответ холодные безразличные ответы. Ведь все предрешалось заранее. Зачем им было волноваться? Каждый раз после такого заседания у Л[ьва] Д[авидовича] подскакивала температура, он выходил из кабинета мокрый до костей и ложился в постель. Белье и платье приходилось сушить, будто он промок под дождем. Заседания происходили в то время часто, в комнате Л[ьва] Д[авидовича] с тусклым старым ковром, который мне из ночи в ночь снился в виде живой пантеры: дневные заседания ночью превращались в кошмар» [38] .

Выступления 1923 г. еще не были оппозицией, как это стали утверждать вскоре сталинисты, объявив действительную оппозицию Каменева и Зиновьева в конце 1925 г. «новой оппозицией» и противопоставив ее «старой оппозиции» Троцкого. Вслед за партаппаратчиками легенду об оппозиции 1923 г. повторяли советские историки. Традиционно эта легенда сохранилась до наших дней. На самом деле пока что речь шла о критических выступлениях совершенно закрытого, секретного характера в узких кругах партийной элиты, о критике «недостатков» официального и единственно правильного курса, а не о противопоставлении, тем более открытом, официальному курсу какой-либо принципиально иной (пусть тоже коммунистической) линии. Действительно оппозиционные бои только еще предстояли.

Сталин тем временем не упускал ни одной возможности скомпрометировать или хотя бы уязвить своего врага публично, пусть в замаскированной форме. Он особенно хорошо помнил собственные столкновения с Троцким во время Гражданской войны, в которых, как правило, оказывался побежденным, и теперь прилагал все усилия, чтобы развенчать, бросить тень на репутацию Троцкого как организатора победы. 17 ноября 1923 г., выступая в Военно-научном обществе на заседании в честь 4-летия Первой конной армии, генсек вроде бы делился воспоминаниями, но на деле чернил наркомвоенмора. В Царицын, по его словам, в 1918 г. приехала высшая военная инспекция, которая выступила против конницы. «Дескать, вот положение, утвержденное наркомвоенмором, которых тогда было несколько

[39] , и из которого следует, что никакой конницы нам не полагается». Сталин приказал арестовать инспекцию, посадить ее на месяц в тюрьму, дабы «она могла легко убедиться, что без конницы Гражданская война немыслима» [40] . Все это рассказывалось так, будто именно он, Сталин, а не Троцкий, выдвинул известный лозунг «Пролетарий, на коня!». Никто из присутствовавших на заседании с возражениями или вопросами выступить не рискнул. Это молчание для Сталина означало, что «армия» за Троцким уже не идет.

2. «Новый курс»

Для подготовки резолюции о внутрипартийном положении Политбюро образовало комиссию в составе Каменева, Сталина и Троцкого. Как писал Каменев, в кабинете Троцкого в те дни «шла грубая торговля из-за каждой поправки». Троцкий считал необходимым дать более решительную и категорическую формулировку для вроде бы намечаемых шагов по «демократизации» партийного режима, тогда как Каменев и Сталин заверяли, что его опасения необоснованны, что перестраховываться словесными заявлениями не следует, что они действительно намерены обеспечить принципы партийной демократии [41] .

В результате была выработана резолюция «О партстроительстве», утвержденная 5 декабря на заседании Политбюро и Президиума ЦКК и затем опубликованная в усеченном виде [42] . Она состояла из набора общих фраз, которые декларировали добрую волю по отношению к «сверхдемократическим» претензиям Троцкого и должны были в то же время успокоить недовольных, чьи голоса все громче слышались на партийных собраниях. «Только постоянная, живая идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов, – говорилось в резолюции. – «Требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности». Прекраснодушные лозунги процитированного документа почти полностью были заимствованы у Троцкого. Троцкий полагал, что одержал победу. Проблема оказалась в том, что лозунги никто не собирался выполнять.

Троцкий отлично понимал, что борьба за власть и за правильный, с его точки зрения, политический курс еще не завершена, но без должных к тому оснований он считал себя победителем на данном этапе схватки. Он стремился закрепить занятую позицию новым циклом выступлений. В то же время он убеждался, что сделать это будет не просто, ибо одновременно с принятием компромиссной резолюции высшие партаппаратчики продолжали нападки на его взгляды и на него лично. Как раз накануне принятия названной резолюции Сталин, выступавший на собрании партактива Краснопресненского района Москвы, получил записку: «Скажите, какое основание имеет слух в среде партийцев о каком-то письме тов. Троцкого? Каково его содержание? Довольно секретов. Сообщите». В ответ Сталин сначала заявил, что содержание этого документа по решению пленумов ЦК объявлено секретным, но вслед за этим якобы разгласил партийную «тайну», умышленно дезинформировав своих слушателей: «Переходить через известную грань дискуссии – это значит создать фракцию, это значит расколоть правительство… Это значит погубить советскую власть… На этом основании пленумы ЦК и ЦКК осудили товарищей».

Троцкий выступил с протестом, указав, что Сталин не имеет права самолично решать, что можно, а что нельзя говорить, раз содержание объявлено секретным. Вопрос обсуждался на Политбюро, которое одобрило поступок Сталина. Собственно, именно тогда Зиновьев в записке несколько параноидального характера предложил сталинскому большинству сплотиться для дальнейшей борьбы с Троцким: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы *немедленно* не создадим своей настоящей архисплоченной фракции – все пропадет. Я предлагаю этот вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, – может быть у Сталина за

городом или у меня. Промедление смерти подобно» [43] .

Разумеется, вечно паниковавший Зиновьев, призывая, вопреки решению X съезда, формально зафиксировать создание фракции, которая и так существовала в действительности, весьма преувеличивал опасность, нависшую со стороны Троцкого. Но теоретически угроза того, что после временного перемирия Троцкий может, перейдя в наступление, овладеть положением и повести за собой значительную часть партактива, бесспорно сохранялась. Поэтому на записке Зиновьева появились подписи Сталина, Томского, Каменева и Рыкова, засвидетельствовавшие согласие с Зиновьевым. По всей видимости, конспиративное совещание сталинской группы состоялось, хотя никаких сведений о нем в источниках нет.

Именно в этих условиях Троцкий 8 декабря написал статью «Новый курс. (Письмо к партийным совещаниям)», в котором развивал основные положения резолюции от 5 декабря. Впрочем, делал он это достаточно хитро, не выдвигая каких-либо принципиально новых предложений. Главным было требование замены «оказенившейся и обюрократившейся части партаппарата свежими силами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь». «Новый курс» должен был «начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию». Кто мог «терроризировать партию», было ясно уже всем партийцам, даже не очень грамотным, – сталинское большинство в партруководстве.

С задержкой в три дня, 11 декабря, Бухарин, являвшийся главным редактором «Правды», решился опубликовать письмо Троцкого в форме статьи [44] . Видимо, сделано это было по согласованию со Сталиным, потому что уже 13 декабря в «Правде» появилась передовая статья «Наша партия и оппортунизм», написанная Бухариным. Весь ее полемический запал был направлен на то, чтобы представить Троцкого в качестве «оппортуниста». Бухарин вспоминал и его антибольшевистское прошлое, и якобы неизбежную связь этого прошлого с настоящим, и то, что статья Троцкого будто бы противоречила резолюции Политбюро, хотя Троцкий предал гласности положения своего письма от 8 декабря под предлогом, что на них была основана резолюция Политбюро.

Троцкий обвинялся Бухариным также в том, что стремился подорвать авторитет центральных учреждений партии, в которых громадное большинство принадлежало ученикам Ленина. И пока Троцкий обдумывал, как отвечать на статью Бухарина и что это означает, в «Правде» 15 декабря появилась статья Сталина под очень длинным заголовком: «О дискуссии, о тов. Рафаиле, о стать ях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого». Сталин пытался связать выступления Троцкого с позицией других оппозиционеров, причем нарочито и пренебрежительно отодвигал Троцкого на последнее место в списке [45] .

Дискуссия разгорелась с новой силой. Но теперь она уже не находилась под покровом глубокой секретности, а вышла на поверхность. Следовали новые и новые заявления Троцкого, Бухарина, «тройки», диспуты на партсобраниях и всевозможных совещаниях и съездах, в которых, однако, Троцкий не принимал участия в связи с продолжавшейся болезнью.

17 декабря было принято и на следующий день опубликовано в «Правде» постановление Политбюро, которое в очередной раз носило лицемерный, двойственный характер [46] . С одной стороны, впервые в отношении сторонников Троцкого употреблялся термин «оппозиция», которая, мол, использовала выступление Троцкого для обострения внутрипартийной борьбы. С другой стороны, высказывалось убеждение, что несогласие с Троцким имеется только «в тех или иных отдельных пунктах», а предположение, будто работа Политбюро ЦК, партийных и государственных учреждений возможна «без активнейшего участия тов. Троцкого», объявлялось злостным вымыслом. В заключение постановление Политбюро указывало на стремление сделать все возможное, чтобы «дружная работа была обеспечена и впредь». В том же духе было написано обращение Петроградской партийной организации, опубликованное в том же номере «Правды». Похоже, что все эти

тексты подготовил Зиновьев.

18 декабря Троцкий написал письмо в редакцию «Правды»: «Я не отвечаю на некоторые специфические статьи, появившиеся за последнее время в «Правде», так как полагаю, что это более соответствует интересам партии и, в частности, ведущейся ныне дискуссии о «Новом курсе». На следующий день этот коротенький текст был опубликован в «Правде» с комментариями редакции (Бухарина) о том, что она готова «в любую минуту» предоставить Троцкому свои страницы для ответа» [47] .

Трудно понять, насколько Бухарин писал искренне. В верхах существовала известная растерянность, о чем свидетельствует выступление того же Зиновьева на партконференции Краснопресненского района Москвы 16 декабря [48] . Вся его речь состояла из малосвязанных демагогических фраз очень общего содержания. Оратор утверждал, что в партии существуют «прямо зияющие раны», что культурный уровень коммунистов ниже, чем у беспартийных, что партийные органы заедает бюрократия. «Положа руку на сердце, скажу, что я и сам плохо разбираюсь в законах и целый ряд декретов и законов совершенно не знаю», – признавался Зиновьев, хотя никто не просил его откровенничать. При этом Зиновьев заявлял, что «хаить аппарат – это меньшевистская психология», что партия сплочена и не допустит раскола, что свобода фракций – «лучшее средство загубить диктатуру пролетариата». «У нас, товарищи, партийной спайки мало, надо сознаться, следовало бы побольше, – вещал петроградский партийный руководитель, – но если выражать недоверие ЦК, то это должны делать не определенные лица, а все вместе», – закончил Зиновьев, не очень сознавая, что именно имеет в виду.

Отповедь Зиновьеву на этой конференции дал Преображенский [49] , заявивший, что выступление Зиновьева нанесло чрезвычайный вред ЦК, ибо поставило под сомнение серьезность поворота ЦК к демократии.

Накануне в Петрограде Зиновьев произнес сходную по содержанию, но значительно бóльшую по объему речь на собрании бюро партколлективов города, которую озаглавил «О борьбе за партию. (О фракционности и ошибках Троцкого)» [50] . В центре этого выступления были угрозы применить к сторонникам Троцкого резолюцию X съезда «О единстве партии» и хвастливые ссылки на свою близость к Ленину и на ленинские негативные оценки Троцкого (которые, правда, никакого отношения к обсуждаемым в 1923 г. вопросам не имели): «Не забуду встречи в коридорах Смольного с тов. Лениным, когда мы получили известие, что немцы, воспользовавшись тем, что у нас были колебания о заключении Брестского мира, двинули войска на Псков. Тов. Ленин сказал мне: «Кажется, все погибло. Один раз в жизни мы уступили людям, которые неправильно вели партию, и, кажется, от этого погибнет вся революция» [51] .

Не называя Троцкого, Зиновьев намекал на «предательство» Троцкого во время брестских переговоров, не указывая, впрочем, что в Бресте Троцкий действовал согласно инструкциям ЦК.

О самом Троцком во всех этих выступлениях оратор говорил сравнительно мягко, хотя горько жаловался, что тот сравнивает его, Каменева, Сталина и Дзержинского с германскими социал-ревизионистами Бернштейном и Каутским. В Петрограде Зиновьев во время речи получил записку: «Неужели Троцкий хочет зла для партии?» В ответ Зиновьев стал рассказывать о заслугах Троцкого и свел конфликт к разногласиям о бюрократизме. Троцкий, хорошо зная госаппарат, не осведомлен о механизме партии и поэтому «не понимает, что без аппарата, без губкомов мы даже единого налога не соберем и никогда не исправим бюрократизма в государственном аппарате» [52] , – ответил Зиновьев.

В этом последнем суждении, исполненном заискивания перед партийными бюрократами, содержалось зерно истины, ибо Троцкий действительно недооценивал ту опору, которую Сталин и его единомышленники последовательно и целеустремленно ковали в лице местного партийного аппарата, являвшегося почти безграничным хозяином российской провинции. В центре же господствовал Сталин. Всеми заброшенный и забытый Ленин тихо умирал в Горках.

Бухарин рассказывал несколько позже, что Сталин встретился тогда с Калининым, Бухариным, Каменевым, Рыковым и Троцким и сообщил, что дни Ленина сочтены. Сталин говорил, что смерть вождя не должна застать партию врасплох, что надо подумать, как организовать похороны. Он заявил, что «товарищи из провинции» против сжигания тела Ленина, что это не согласуется с «русским пониманием любви и преклонения перед усопшим». «Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего».

Троцкий был возмущен: «Когда товарищ Сталин договорил до конца свою речь, только тогда мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин – русский человек и его надо хоронить по-русски… Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые, по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина и создать из них мощи. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют ничего общего».

Большинство присутствовавших высказалось тогда за предложение Сталина [53] . Решение о бальзамировании еще живого Ленина, «вечно живого вождя», позже реализованное в формате Мавзолея на Красной площади, стало символом советского коммунистического режима, следовавшего старинным языческим традициям.

В декабре 1923 г. Троцкий опубликовал в «Правде» еще несколько статей, подвергавших критике бюрократическое перерождение партийных и государственных органов и содержавших предложения по тем хозяйственным вопросам, которые были обсуждены XII съездом, но на практике не реализованы. Эти статьи вместе с некоторыми новыми материалами Троцкий включил в брошюру «Новый курс», вышедшую в январе 1924 г., как раз накануне смерти Ленина [54] . Параллельно с этим на страницах «Правды» и других партийных газет развернулась дискуссия по основным вопросам политики, в которой ряд старых партийных деятелей, а также солидарных с ними представителей молодого поколения, следуя за Троцким, пытались противопоставить существовавшую в партии (как им казалось) свободу мнений при Ленине и ее отсутствие при новом режиме. 29 декабря Троцкий, Пятаков и Радек выступили с обширным заявлением, протестуя против постоянных искажений, подлогов и фальсификаций, которые допускали партийные периодические издания, прежде всего бухаринская «Правда», при изложении взглядов и позиции оппозиционеров. Особенно ярким примером было сравнение подлинной телеграммы РОСТА о собрании в Печерском районе Киева с тем, как она была преподнесена «Правдой». В подлиннике говорилось: «Собрание категорически протестует против недопустимых обвинений Троцкого в оппортунистических уклонах и меньшевизме». В «Правде» же опубликовали: «Собрание категорически протестует против недопустимых обвинений, выдвинутых т. Троцким против ядра партии в оппортунистических уклонах и меньшевизме». По словам авторов заявления, эти изменения были сделаны А.М. Назаретяном, в 1922 – 1923 гг. являвшимся заведующим бюро Секретариата ЦК партии и спешно введенным в редколлегию газеты. «Бесполезно говорить о партийной демократии, – заключали авторы, – если подлог безнаказанно заменяет партийную информацию» [55] .

Перед самым Новым годом, 31 декабря, Политбюро приняло постановление, в котором обвинило Троцкого, Пятакова и Радека во фракционности и в том, что они смотрят на ЦК и его печатный орган как на враждебную силу, выдвигая «неслыханные и огульные обвинения». По существу этих обвинений, однако, ни одного слова произнесено не было [56] . Троцкий же, наоборот, высокомерно не отвечал на личные выпады и ограничивался полемикой касательно «больших вопросов». М. Истмен вспоминал, как спросил Троцкого, почему тот не взял все номера «Правды», где были опубликованы злобные выпады против него лично, и не удалился на неделю, чтобы написать полное и исчерпывающее фактическое объяснение. Троцкий ответил, что эти материалы не содержат аргументации: «Я не могу отвечать на подобные вещи». По словам Истмена, он распростер руки, подчеркивая, что это его решение совершенно очевидно. «Ну, Вы могли бы взять, например, речь Сталина о «шести ошибках товарища Троцкого», – возразил Истмен. «Что это?» – спросил Троцкий,

давая понять, что этой статьи Сталина он не читал. «Почему я должен читать то, что они пишут? – спросил он. – Они не обсуждают ничего, что я говорил» [57] .

Будем надеяться, что Троцкий лукавил. Он не мог не читать того, что писали о нем Сталин и члены его фракции. В конце концов, таких публикаций было не слишком много. Но высокомерие Троцкого просто не позволяло ему публично опускаться на уровень «кавказского комитетчика» [58] .

3. Новая культура

В самом начале 20-х гг. Троцкий стал задумываться и над тем, чтобы запечатлеть свой жизненный путь в созданных, сохраненных и доступных для широкого читателя сборниках собственных произведений. Начать эту работу его призвал в 1921 г. руководитель комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарта) М.С. Ольминский [59] : «Почему бы Вам не приступить к подготовке полного собрания своих литер[атурных] работ? Ведь это [Вы] могли бы поручить кому-либо под своим руководством. Пора! Новое поколение, не зная, как следует, истории партии, не знакомое со старой и новой литературой вождей, всегда должно будет сбиваться с линии» [60] . Так что выпуск такового издания Ольминским рассматривался как задача сугубо политическая, а не научная. До собрания сочинений тогда не дошло, но в 1922 г. Троцкий выпустил двухтомник «Война и революция», которому предпослал предисловие и введения к томам, носившим отчасти общеисторический, отчасти автобиографический характер. (Некоторые страницы введений были позже полностью перенесены в книгу воспоминаний «Моя жизнь».) Но мемуарные фрагменты были значительно шире, нежели тема книги. Так, во введении к первому тому довольно подробно рассказывалось о встречах с Плехановым еще в начале века, о контактах с Каутским во время второй эмиграции. Но в основном речь шла о перипетиях собственной судьбы, изданиях, в которых Троцкий участвовал, об их сотрудниках. Порой возникали весьма живые, запоминающиеся образы, например члена Военно-революционного комитета 1917 г. Г.И. Чудновского, погибшего в бою во время Гражданской войны [61] . Всего в двухтомник вошло свыше 250 статей, опубликованных в эмигрантской прессе в 1914 – начале 1917 г.

Политические и культурные выступления, дополняемые документами из прошлого, служили Троцкому опорой в конфликте со сталинской группой. Последняя не могла не замечать этого и, не демонстрируя открыто сугубого недовольства, давала понять, что Троцкий подменяет своими эстетико-публицистическими увлечениями серьезную государственно-партийную работу. Между тем Сталин, который вел еще себя внешне подчеркнуто скромно, уже в 1923 г. видел в Троцком того деятеля, которого необходимо любой ценой устранить со сцены с помощью верных в то время союзников – Зиновьева, Каменева и покорного партийного псевдоинтеллектуала Бухарина.

Ведя напряженную борьбу против сталинской группы, Троцкий пытался использовать не только политические методы. По сравнению с большинством партийного руководства Троцкий был более образован, обладал большим кругозором, знал иностранные языки. Он пытался сочетать «пролетарскую революцию», демагогическое воспевание «простых людей» как носителей власти, всеобщее огрубление нравов, – с показным уважением к ценностям общемировой культуры и ее носителям, с попытками внушить этим самым низшим слоям необходимость приобщения к цивилизации, как чисто бытовой, так и возвышенной – художественной и интеллектуальной. Троцкий был единственным из высших большевистских деятелей, кто не только признавал совместимость «диктатуры пролетариата» и достижений человеческой мысли и культуры (формально на такой позиции стояли все руководители со времени резкого выступления Ленина в 1920 г. против идеологии и практики Пролеткульта [62]), но и пытался перевести эти общие соображения в конкретную плоскость. Именно поэтому многочисленные выступления Троцкого по вопросам культуры были важной составной частью его политической деятельности, его борьбы за собственное сохранение в высшем эшелоне власти, за расширение своего влияния

через противопоставление чисто политической партийной иерархии.

Статьей под несколько странным, не вполне грамотным названием «Не о политике единой жив человек» Троцкий открыл серию публикаций о культуре в «Правде». Вскоре эта статья, с дополнениями, была выпущена отдельной брошюрой [63] . Позже – уже как книга – она неоднократно переиздавалась, с новыми и новыми дополнениями, на разных языках [64] . В связи с выходом ее на татарском Троцкий писал: «При писании этой книжки я опирался главным образом на русский опыт и, следовательно, не учел того бытового своеобразия, которое характеризует мусульманские народы… Незачем говорить, что вопросы быта в моей книжке ни в коем случае не исчерпаны, а только поставлены и отчасти намечены. Центральная задача при перестройке быта – освобождение женщины, превращенной старыми семейно-хозяйственными условиями во вьючное животное» [65] .

В брошюре были собраны материалы по самой различной тематике, которую можно было бы в целом охарактеризовать словами Троцкого: «Нам нужна культура в работе, культура в жизни, культура в быту… Но нет такого рычага, чтобы сразу поднять культуру. Тут нужен долгий процесс самовоспитания рабочего класса, а рядом с ним и вслед за ним крестьянства» [66] . Буквально все вопросы быта, охраны материнства и младенчества, физкультуры, работы клубов и библиотек ставились Троцким с точки зрения упрочения большевистской власти и превращения СССР в объект поклонения и подражания за рубежом.

Троцкий придавал важное значение мелочам поведенческой культуры. Одна из его статей так и называлась – «Внимание к мелочам». Здесь он решительно выступал против неопрятности, неряшливости, грязи, объявлял поход против распространенного невнимания к культурным мелочам. Другая нетривиальная статья этого же цикла «Водка, церковь и кинематограф» была опубликована в «Правде» 12 июля 1923 г. Не обрушиваясь еще открыто на «пьяный бюджет», который фактически уже начинал реализовываться через ряд партийных решений, лицемерно допускавших «исключения» из общих правил и по существу поощрявших производство и продажу водки, Троцкий призывал «развить, укрепить, организовать, довести до конца антиалкогольный режим в стране возрождающегося труда».

Поняв ранее других большевистских лидеров несложную истину о необходимости развлечений и их использования в целях воздействия на толпу, автор статьи подчеркивал, что делать это необходимо осторожно, одновременно повышая вкусы масс: «Мы ищем точек опоры в этом живом человеческом материале для приложения нашего партийного и революционно-государственного рычага. Стремление развлечься, рассеяться, поглазеть и посмеяться есть законнейшее стремление человеческой природы. Мы можем и должны давать этой потребности удовлетворение все более высокого художественного качества и в то же время сделать развлечение оружием коллективного воспитания, без педагогического опекунства, без назойливого направления на путь истины».

Любопытно, что в этой статье Троцкий особое внимание уделял кинематографу, который он рассматривал в качестве важнейшего позитивного противопоставления кабаку и церкви (особенно – церкви). «И это соперничество может стать для церкви роковым, если отделение церкви от социалистического государства мы дополним соединением социалистического государства с кинематографом». На деле, однако, оказывалось, что кино вполне может сочетаться с кабаком, более того, при известных условиях превращаться в его дополнение, а борьбу против религиозного сознания большевистские лидеры предпочитали вести путем репрессий. Так что и в этом отношении Троцкий оказался утопистом.

Особый интерес представляла группа материалов, которую позже Троцкий включил в двадцать первый том своего собрания сочинений под общим заголовком «Наука и революция». Помимо краткой статьи «Внимание к теории», предназначенной для первого номера журнала «Под знаменем марксизма», сюда вошли два действительно интересных документа: письмо академику И.П. Павлову [67] и ранее опубликованная в «Правде» статья «К Первому всероссийскому съезду научных работников». Первый материал, написанный 27 сентября 1923 г., до 1927 г. опубликован не был. Троцкий обращался к Павлову не как

политик, а как человек, серьезно, хотя и по-дилетантски, интересовавшийся проблемами физиологии и психоанализа. Он вспоминал, что в период пребывания в Вене довольно близко соприкасался с фрейдистами, читал их работы и даже посещал заседания. «Меня всегда поражало в их подходе к проблемам психологии сочетание физиологического реализма с почти беллетристическим анализом душевных явлений» [68] .

Троцкий высказывал предположение, что учение Павлова об условных рефлексах охватывало теорию Фрейда «как частный случай»: «Фрейдисты похожи на людей, глядящих в глубокий и довольно мутный колодезь. Они перестали верить в то, что этот колодезь есть бездна (бездна «души»). Они видят или угадывают дно (физиологию) и делают даже ряд остроумных и интересных, но научно-произвольных догадок о свойствах дна, определяющих свойство воды в колодце». По мнению Троцкого, физиологическое учение Сеченова и Павлова было шагом вперед, ибо оно не удовлетворяется «полунаучным, полубеллетристическим методом вприглядку», а «спускается на дно и экспериментально восходит вверх».

Организаторы I Всероссийского съезда научных работников [69] пригласили Троцкого участвовать в съезде и выступить с докладом. Это, однако, были как раз те дни, когда он простудился на охоте. Появиться на съезде Троцкий не смог. Статья же его отличалась известным либерализмом суждений. Во всяком случае, он призывал ученых к научной объективности, предостерегал их от «создания казенной науки нового, советского образца». Среди отраслей естественных наук, на которые он обращал наибольшее внимание, были физиология (вновь подробно говорилось о достижениях И.П. Павлова) и химия. Не вполне тривиальной мыслью, проходившей через всю статью, была недопустимость «невежественной ограниченности или, еще откровеннее, самодовольного хамства». Естественно, автор выражал надежду «на всестороннее содействие научной мысли, которая определила свою общественную ориентировку в сторону трудящихся масс и их рабочего государства».

2 июня 1922 г. в «Правде» появилась статья Троцкого «Диктатура, где твой хлыст?», направленная против работ критика Ю.И. Айхенвальда, и в частности его новой книги «Поэты и поэтессы». Троцкий обвинял Айхенвальда в защите «чистого искусства», утверждал, что за философией чистого искусства и литературной критикой «всегда и неизменно обнаруживали ослиные уши реакции», что у Айхенвальда «уши длины непомерной», что он стремится найти в художественной литературе «чуть-чуть замаскированный булыжник, которым можно было бы запустить в глаз или в висок рабочей революции». Но у диктатуры «есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убраться к черту, в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву – со всей своей эстетикой и со своей религией». По существу, это был неприкрытый призыв репрессировать автора.

Тогда же, находясь в отпуске и только еще готовясь к затяжным и нервным политическим боям, Троцкий задумал переиздать свои старые статьи по вопросам литературы и искусства и написать к ним предисловие. Предисловие разрослось, и вышла довольно большая книга «Литература и революция», опубликованная в 1923 г. [70] В 1924 г. она вышла вторым, несколько дополненным изданием [71] , а затем многократно переиздавалась на разных языках [72] . Троцкий посвятил ее своему другу Раковскому, занимавшему в то время пост председателя Совнаркома Украины, но вскоре «сосланному» на дипломатическую работу за «национальный уклонизм».

Хотя книга была выдержана в общепринятых для большевистского отношения к художественной литературе тонах, в ней отвергалось особое «пролетарское искусство». Точнее, автор признавал возможность создания «пролетарской культуры» в принципе, но полагал, что у рабочего класса не хватит времени на то, чтобы в переходную эпоху создать свою особую культуру. В сборнике звучали осуждающие нотки по адресу «диктатуры в сфере культуры». Троцкий приветствовал появление «попутчиков», то есть тех писателей и деятелей искусства, которые шли на сотрудничество с советской властью, не будучи ее

сторонниками. Он давал им следующее определение: «Попутчиком мы называем в литературе, как и в политике, того, кто, ковыляя и шатаясь, идет до известного пункта по тому же пути, по которому мы с вами идем гораздо дальше». Изобретенный Троцким термин прочно вошел в обиход советского литературоведения и искусствоведения.

Кроме разделов о попутчиках и «пролетарской культуре» выделялись главы о «внеоктябрьской литературе», о футуризме и формальной школе, о партийной политике в искусстве. Более того, в книге высказывалась совершенно крамольная для большевистского социологизма идея, что художественные произведения следует судить по собственным законам искусства (а не по классовым критериям). Тут же, впрочем, автор переходил к противоположным критериям – политической полезности.

Внутренние противоречия книги «Литература и революция» служили свидетельством нестандартности эстетического мышления Троцкого, его избавления от примитивно-упрощенческого подхода к творениям человеческой мысли и души. Социал-демократическое центристское прошлое Троцкого подчас пробивалось наружу сквозь большевистскую оболочку. Отметим попутно, что в написанном в это же время (28 марта 1924 г.) письме крикливому литературному критику и борцу за «чистоту» пролетарской литературы Л. Авербаху [73] Троцкий выступал с явной, хотя и несколько сдержанной защитой «попутчиков»: «Они не повернулись спиной к революции, они глядят на нее, хотя бы и косым взглядом. Они видят многое, чего мы не видим, и показывают нам это… Попутчик, хоть сколько-нибудь расширяющий поле нашего зрения, более ценен, чем художник-коммунист, который ничего не прибавляет к тому, что мы осознали и прочувствовали до него и без него» [74] .

В центре книги был раздел «Формальная школа поэзии и марксизм», предварительно помещенный в «Правде» [75] . Хотя к формализму в области литературы и искусства Троцкий проявлял явно и решительно отрицательное отношение, допускал грубые выражения, характеризуя его, например, как «препарированный недоносок идеализма» или «скороспелое поповство», автор признавал научную ценность достижений формализма и обращал внимание только на наиболее полемически заостренные тезисы литературоведов В.Б. Шкловского и Р.Я. Якобсона (ставшего позже языковедом всемирного класса). Чуть позже во время полемики Шкловский осмелился бросить по адресу Троцкого дерзкие слова: «У вас армия и флот, а нас четыре человека. Так чего же вы беспокоитесь?» [76] Кроме Шкловского и Якобсона речь шла о поэте и лингвисте А.Е. Крученых. У самого Шкловского из-за этой фразы возникли тогда проблемы с ОГПУ, которое поставило его на контроль. При случайной встрече с Троцким Шкловский не нашел ничего более подходящего, как попросить «дать ему что-нибудь, с чем он мог бы ходить спокойно». Троцкий будто бы написал ему записку: «Такой-то арестован мною и никаким арестам больше не подлежит» [77] .

Многие разделы и фрагменты книги Троцкого были посвящены творчеству отдельных писателей (С. Есенина, Вс. Иванова, В. Маяковского). С Есениным Троцкий познакомился летом 1923 г. Нарком произвел на эмоционального поэта самое великолепное впечатление. Есенин даже называл Троцкого «идеальным типом человека» [78] . Троцкий, видимо, тоже тепло относился к Есенину. 20 января 1926 г., после гибели поэта, он опубликовал в «Правде» и «Известиях» глубоко сочувственную статью «Памяти Сергея Есенина», в которой пытался объяснить, обусловить и оправдать крестьянские интонации в лирике поэта, его отчаяние в связи с разрушением сельских идеалов, приведшее к самоубийству. Первые и последние строки статьи Троцкого были проникнуты неподдельным чувством горя, обычно не свойственным большевистским руководителям, да и не слишком характерным для самого Троцкого: «Мы потеряли Есенина – такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, – может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и по мягкости эти его последние строки! Он ушел из жизни без крикливой обиды, без ноты протеста, – не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь… И в

нашем сознании скорбь острая и совсем еще свежая умеряется мыслью, что этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отобразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказавши о любви, о синем небе, упавшем в реку, о месяце, который ягненком пасется в небесах, и о цветке неповторимом – о себе самом».

Трудно было ярче и непосредственнее выразить глубокую человеческую боль в связи с понесенной утратой. Искренность Троцкого становилась особенно очевидной при сравнении его некролога со статьей о Есенине «интеллигентного» и «образованного» Бухарина, опубликовавшего в редактируемой им «Правде» статью на смерть Есенина «Злые заметки», в которой он обрушился на покойного поэта с самыми тяжкими обвинениями, заявив уже в первых строках, что «есенинщина – это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания явление нашего литературного дня» [79] . Это был очевидный ответ сталинского большинства на теплую статью Троцкого. Троцкого пытались дискредитировать еще и с литературного фланга [80] .

Особое внимание Троцкий уделил поэзии А.А. Блока. Имея в виду поэму «Двенадцать», Троцкий утверждал, что Блок создал «самое значительное произведение нашей эпохи». Признание тем более важно, что критик-нарком представлял себе истинный характер этого произведения. В книге говорилось: «Блок дает не революцию и уж, конечно, не работу ее руководящего авангарда, а сопутствующие ей явления… по сути, направленные против нее… [81] Для Блока революция есть возмущенная стихия» [82] .

Одна из глав книги была посвящена творчеству Б.А. Пильняка, которого в высших партийных кругах рассматривали чуть ли не как контрреволюционера [83] . Троцкий же приветствовал произведения писателя и заключал: «Талантлив Пильняк, но и трудности велики. Надо ему пожелать успеха» [84] . В связи с преследованием цензурой произведений Пильняка Троцкий 15 декабря 1923 г. обратился к Луначарскому с официальным письмом, где поставил риторический вопрос: «Что же творит наша милая, но слишком богомольная цензура?» [85]

Следует отметить, что даже к тем писателям, творчество которых было ему совершенно чуждо и в политическом и в культурном смысле, Троцкий не просто относился терпимо, но, в отличие от других высших большевистских функционеров, стремился им помочь. Характерно в этом плане его отношение к писателю Ф.К. Сологубу, с которым Троцкий был знаком с 1911 г., встречался с ним в Мюнхене. Гротескно-сатирический роман Сологуба «Мелкий бес» Троцкому очень не нравился. Тем не менее он несколько раз сочувственно откликался на просьбы писателя, находившегося в крайне бедственном положении. По просьбе Сологуба Троцкий просил пересмотреть решение ВЧК о запрете ему выезда за границу, содействовал предоставлению ему дачи, предпринимал меры для охраны его квартиры в Петрограде, даже ходатайствовал о льготном билете писателю из Костромы в Петроград [86] , наконец, сочувственно отнесся к идее В.П. Полонского [87] , руководившего литературно-издательским отделом Политуправления Красной армии, оказать Сологубу материальную помощь.

По просьбе того же Полонского помощь была оказана также живописцу Б.М. Кустодиеву, который, хотя и придерживался в целом реалистической манеры, отдавал дань модернистским течениям, чего Троцкий не одобрял. В последние годы жизни Кустодиев был разбит параличом, находился в почти катастрофическом материальном положении. Узнав об этом, Троцкий распорядился оказать ему скорейшее материальное содействие. «Опыт с Кустодиевым показал, – писал Полонский Троцкому в июне 1924 г., – что из всех влиятельных товарищей Вы один приняли его дело близко к сердцу. Благодаря Вашему содействию удалось облегчить его положение» [88] .

Еще раньше, в августе 1922 г., накануне отъезда за границу поэта Бориса Леонидовича Пастернака, который отбывал в Германию по официальному разрешению, Троцкий пригласил его к себе, дав получасовую аудиенцию, которая была больше похожа на допрос. Биограф Пастернака Д. Быков пишет: «Это был первый контакт Пастернака с партийным чиновником такого уровня. Накоротке с Троцким была Рейснер, с которой Пастернак был на

«ты»; однако лично разговаривать с вождями ему доселе не случалось. Стратегию он с самого начала выбрал безупречную – разговаривал с вождем очень просто, отвечал, как всегда, туманно. Троцкий спросил, не планирует ли Пастернак остаться за границей. Пастернак горячо – и вполне искренне – заверил, что вне России себя не мыслит. Впрочем, утешил его Троцкий, скоро ведь революция шагнет и в Германию, и повсюду… А почему, спросил он, вы не откликаетесь на события текущего момента? Пастернак принялся объяснять, что «Сестра моя жизнь» и есть самый актуальный отклик, что об этом даже пишут – книга революционная, а ничего революционного в ее тематике нет; революция, говорил он, призвана дать прежде всего свободу индивидууму. Разве не так? Троцкий кивнул, в его концепцию это вписывалось. А если так, продолжал Пастернак, то лирика и есть наивысшее проявление индивидуальной свободы… расцвет личности… Троцкий благосклонно отпустил его» [89] .

Отпустил, потому что не в состоянии был вести диалог с Пастернаком: они находились на разных культурных уровнях. В начале 1927 г. Троцкий пригласил к себе в Главконцесском группу писателей, входивших в так называемый ЛЕФ (Левый фронт) или близких к нему. Среди присутствовавших оказался Пастернак. Лев Давидович вспомнил как бы незаконченный прошлый разговор, начатый во время предыдущей встречи, и, желая продолжить с Пастернаком дискуссию о революции, не очень деликатно спросил, искренне ли Пастернак писал поэмы «Девятьсот пятый год» и «Шмидт» (которые в творчестве Пастернака конечно же выделялись прежде своей неискренностью). Пастернак даже опешил от такой прямолинейной постановки вопроса: «Ну, знаете, на такие темы я не разговариваю даже с близкими родственниками!» [90]

Незадолго до того, как Троцкий приступил к подготовке книги «Литература и революция», он познакомился с находившимся в России в качестве представителя итальянской компартии в Исполкоме Коминтерна Антонио Грамши [91] . Этот интеллектуал, ставший коммунистическим лидером в силу приверженности марксистским взглядам, но смотревший на марксизм не как на собрание рецептов, а как на метод, требующий не просто совершенствования, но внесения в него существенных концептуальных дополнений и изменений, приглянулся Льву Давидовичу неортодоксальностью своих суждений, в частности по отношению к литературе и искусству.

Троцкий попросил Грамши написать эссе об итальянском футуризме, которое он включил в «Литературу и революцию» [92] . Оба они были близки в оценке футуризма как «богемно-революционного ответвления буржуазного искусства», понимая под «буржуазным искусством» не классовое происхождение течения, а его существование в эпоху господства буржуазии. И тот и другой, однако, игнорировали факт существования и даже процветания футуризма в России в первые годы большевистской власти, которая поначалу смотрела на него как на революционную струю в литературе и искусстве, и продолжалось это до середины 20-х гг., когда власти начали унификацию культурной сферы. Троцкий и Грамши не вполне одобрительно относились к футуристическим выступлениям, но не в силу стремления к унификации, а по своим художественным вкусам и предпочтениям.

Партийной элитой (неясно, насколько искренно) книга «Литература и революция» была встречена восторженно. «Блестящая книга, блестящий вклад в нашу культуру», – писал нарком просвещения Луначарский [93] , опубликовавший большую статью «Лев Давидович Троцкий о литературе», в которой «с великой радостью» отмечал «появление этой поистине замечательной книги» [94] . Луначарский особенно подчеркивал, что автор выступает против «пролетчванства», выражающегося в том, что «страждущие им думают, что именно с них начинается история культуры». Справедливость требует уточнить, что Троцкий скорее выступал не против пролетарского, а против коммунистического чванства в художественной области.

Политике партии в области художественной литературы Троцкий посвятил свою речь, произнесенную на совещании, организованном отделом печати ЦК РКП(б) 9 мая 1924 г. [95] Она стала главным событием этого совещания и была затем переведена на многие языки.

Оставаясь в плену коммунистической идеологии, Троцкий в то же время выступал за максимально допустимую в этих узких пределах свободу самовыражения, то есть предлагал, чтобы писателей держали на поводке, но чтобы этот поводок был подлиннее. Он резко полемизировал с напостовцами (группой литераторов, сплотившихся вокруг редколлегии журнала «На посту» [96]), решительно возражая против негативного, грубого, презрительного их отношения к литературным попутчикам. Наиболее активную роль среди них играл старый знакомый Троцкого и бывший муж его возлюбленной – Раскольников. Хотя между Троцким и Раскольниковым пока еще сохранялись нормальные личные отношения, именно Раскольников – моряк, дипломат, писатель – стал основным объектом критики наркома. Троцкий настолько увлекся собственным сарказмом, что использовал против Раскольникова даже недавнее возвращение с дипломатической службы в Афганистане, куда Раскольников вместе с Ларисой Рейснер был сослан в почетную ссылку то ли из-за ошибок, допущенных в начальный период Кронштадтского восстания, то ли из-за остывшего к Ларисе Троцкого, желавшего теперь от нее избавиться. И в том и в другом случае вопрос об отсылке Раскольникова в Афганистан решал Троцкий. И он же теперь над Раскольниковым надсмехался: «После долгой отлучки Раскольников выступил здесь со всей афганской свежестью – тогда как другие «напостовцы» немножко вкусили от древа познания и наготу свою стараются прикрыть». Раскольникову слушать от Троцкого про «древо познания» и «наготу» было, наверное, двойне обидно. Троцкий наносил удар «ниже пояса».

Оскорбительно для пролетарских литераторов звучали слова Троцкого о дореволюционных большевистских «поэтах», которые сами себя представляли читателям и которых большевистская печать выводила в качестве «пролетарских» художников. Их публикации, по словам Троцкого, были исключительно политическим, но не литературным фактом. Ориентировать на них современную литературу Троцкий не советовал. Более того, он выступил против монопольной политики партии в области искусства, мотивируя это, в частности, отсутствием за спиной партии необходимых для этого «художественных элементов». Специфику искусства он проиллюстрировал на примере «Божественной комедии» Данте, которая «поднимает переживания современной эпохи на огромную художественную высоту», и на примерах Шекспира и Байрона, которые «кое-что говорят нашей душе». Иллюстрации привлекались из западной классической литературы и вряд ли были случайны – Троцкий хотел продемонстрировать свою эрудицию и свои художественные пристрастия.

Литературу надо воспринимать с литературной точки зрения как совершенно специфическую область человеческого творчества – такова была важнейшая мысль выступления. Нельзя относиться к художественному творчеству как к политике – не потому, что оно «есть священнодействие и мистика», а потому, что оно имеет свои приемы и методы, законы развития и оригинальную природу, в которой огромную роль играют подсознательные процессы. «Художественное творчество данной эпохи представляет собой очень сложную ткань», «Сиюминутным путем» она «не вырабатывается, а создается сложными взаимоотношениями» – таков был вывод докладчика, существенно отличающийся от ленинского принципа партийности литературы, принятого на вооружение советским руководством.

Маяковскому Троцкий впервые написал еще в августе 1922 г., пытаясь разобраться в том, что собою представляет русский футуризм. Тот ответил, может быть не слишком серьезно, что футуризм – это стремление ответить на любую задачу советской власти специфическими средствами языка [97] . У коммунистических функционеров к Маяковскому положено было относиться хорошо и считать его одним из немногих талантливых пролетарских поэтов. Троцкий не был здесь исключением и неоднократно указывал, что высоко ценит поэта. Он считал, однако, художественным провалом поэму «150 000 000», в которой Маяковский, по мнению Троцкого, вышел из своей «творческой подоплеки», вступив на рационалистический путь. Иначе говоря, произведение Маяковского подвергалось критике как раз за нечто противоположное тому, за что поэта травили

напостовцы и близкие к ним литераторы. Завершил Троцкий свое оригинальное и весьма необычное для партийного форума выступление словами: «Вы хотите, чтобы партия от имени класса официально установила вашу маленькую художественную пролетарскую диктатуру. Вы думаете, что, посадив фасоль в цветочный горшок, вы способны взрастить древо пролетарской литературы. На этот путь мы не встанем. Из фасоли никакого древа произрасти не может».

Можно полагать, что рассмотренное выступление имело важное, принципиальное значение для тех организационных мер, которые были приняты вскоре. Партийные лидеры вынуждены были прислушаться к мнению Троцкого, тем более что в данном случае оно совпадало с позицией Бухарина, а последний смог убедить в его правильности еще и Сталина, согласившегося пойти по данному вопросу на принятие соответствующего решения ЦК. 18 июня 1925 ЦК РКП(б) утвердил резолюцию «О политике партии в области художественной литературы», основное содержание которой было близко к позиции Троцкого, выраженной на майском заседании 1924 г. С 1926 г. вместо журнала «На посту» стал выходить журнал «На литературном посту», объявивший свою приверженность этому партийному решению, хотя проводил он его в жизнь непоследовательно и от своей прежней позиции полностью не отказался. Через много лет писатель и историк литературы Бенедикт Сарнов расскажет, как случайно «однажды, заказав – так, на всякий случай, не ожидая найти в ней ничего особенного – брошюру с унылым, казенным названием «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе», я обнаружил в ней прямо-таки золотые россыпи крамолы… Речь была выдержана совсем не в партийно-держимордовском, а вполне либеральном духе» [98] .

За пределами партийных форумов Троцкий продолжал внимательно следить за развитием художественной литературы и искусства, прилагал усилия по привлечению колебавшихся писателей на сторону советской власти, проявлял значительно бóльшую, нежели другие партийные лидеры, широту взглядов, сохраняя в то же время не только коммунистический утилитаризм, но и высокую степень субъективизма в оценке художественного творчества. Наиболее одобрительно Троцкий отзывался о тех писателях, которые членствовали в партии или в комсомоле и тем самым были его политическими единомышленниками. Он вполне отдавал себе отчет в художественной бездарности Демьяна Бедного и почти не скрывал этого, но написал предисловие к австрийскому изданию его брошюры «Главная улица» [99] . Впрочем, Троцкий отрабатывал аванс, полученный от Бедного в 1923 г., когда тот опубликовал в «Правде» подхалимское стихотворение про переход на сторону Сталина, проигнорировав опального Ленина, но недвусмысленно упомянув Троцкого:

Мне ныне черт не брат. Нежданно у меня
Стальной союзник появился.
Из крепких слов его я выжал крепкий сок
И усладил себя целительным напитком.
Нам Троцкий вексель дал, в грядущее бросок,
Который мы учтем с неслыханным прибытком! [100]

С возвышением Сталина и опалой Троцкого Демьян Бедный стал писать про Троцкого совсем другие тексты, но пока что хранитель «векселя» – концепции перманентной революции – врагом объявлен не был, и Бедный упоминал Троцкого нейтрально-положительно.

Следует отметить, что пролетарский поэт Бедный был старым партийным функционером. В 1910 г. он познакомился с В.Д. Бонч-Бруевичем, будущим секретарем и помощником Ленина. Бонч-Бруевич, в свою очередь, познакомил Бедного со многими большевиками. С 1911 г. Бедный печатался в большевистской «Звезде», позднее переименованной в «Правду». В середине апреля 1912 г. Бедный знакомится со Сталиным, затем с Молотовым и Свердловым. В том же году Бедный вступает в партию, заочно, через

переписку, завязывает контакты с Лениным, который ему очень покровительствует и ценит его талант. В 1914 г. Бедный знакомится с Горьким. Во время Первой мировой войны – с сестрами Ленина М.И. Ульяновой и А.И. Елизаровой. В апреле 1917 г. Бедный встречается с Лениным и с апреля по июнь помогает ему при редактировании «Правды», не теряя связи со Сталиным. Сталин публикует в «Правде» статью «Американские миллионы», направленную против министра-меньшевика Церетели. Бедный пишет против Церетели стихотворение «Коалиционное». Сталин пишет в «Правду» статью «Заговор против революции» (против Корнилова). Бедный пишет о том же стихотворение «Песня». После неудавшейся июльской попытки захватить власть, когда Ленин прячется от ареста, Бедный, как и Бонч-Бруевич, рядом с Лениным [101] .

Но самые близкие отношения сложились у Бедного со Сталиным. «В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало», – писал Троцкий о 1919 годе [102] . Приближенный Сталина, Бедный умудрился прожить в Кремле с марта 1918 до начала 1933 г., когда развелся с женой – Верой Руфовной Придворовой – и переехал, оставив кремлевскую квартиру жене, в особняк на Рождественском бульваре, 16. Бедный занимал половину особняка. Во второй половине размешался Государственный литературный музей, директором которого был старый знакомый Бедного – В.Д. Бонч-Бруевич.

Квартирный вопрос Бедного всегда очень интересовал. В 1920 г. подробнейшее письмо поэта было написано Троцкому именно по поводу увеличения жилплощади. Обратим внимание на то, как подписано это письмо, – «уважающий и любящий Вас».

...

«Дорогой Лев Давидович!

Препровождаю Вам 5 моих листовок и 1 книжечку, изданные на Западном фронте… В пятницу снова уезжаю для агитации – «До Советской Варшавы!», если не последует иных указаний…

Что касается не разъездной, а оседлой работы, то я предвижу, что, проработав минувшую зиму самое большое в половину своей мощности, скоро я сойду на одну треть… У меня нет рабочего кабинета. Я – писатель, работающий на ночном горшке. Справа у письменного стола – две кровати – семейная и детская. У меня 2 комнаты с третьей – полусортиром.

Естественно, что Кремлевское домоуправление – по своему заявлению – сочло необходимым дать мне соседнюю с отдельным ходом комнату (№ 6 белого коридора) для рабочего кабинета. Ордер был написан, но [член Президиума ВЦИК] Лутовинов его зачеркнул, а Енукидзе исправить такое свинство отказался…

Не поставить Вас в известность об этом я не мог. Моисей как-то ударил по скале палкой – и из скалы брызнула живая вода. Вы меня осенью и зимой ударите партийной палкой десять раз, и ни черта из меня не брызнет. Или брызнет вода, а нужны боевые стихи.

Рядом со мной живут Петропавловские [семья комиссара Кремлевских военных курсов]… а дальше за ними – т. Никитин [зав. финансовым отделом ВЦИК]… Я предлагал: дать мне соседнюю комнату (№ 6) Петропавловских, а им отрезать комнату от Никитина.

Казалось бы, просто. И необходимо. Для дела. И Кремлевское домоуправление в таком смысле и составило ордер, отмененный Лутовиновым. Теперь я упираюсь в милейшего Енукидзе, который рассуждает как ишак…

Хоть для очистки совести: знайте, дескать, дорогие товарищи, что после этого можно с меня спрашивать?

Уважающий и любящий Вас *Демьян Бедный* .

Приложения: 1) Листовки; 2) План вышеперечисленных квартир» [103] .

После переезда правительства в Москву в начале 1918 г. в Кремле жило все советское

руководство. Иногда к Бедному заходил Ленин. Иногда Сталин. Дружил Бедный и с секретарем ЦК Стасовой, бывал в секретариате, по ее словам, чуть ли не ежедневно. Для разъездов по фронтам Гражданской войны в агитационных целях Бедному был выделен личный вагон первого класса (раньше принадлежавший од ному из великих князей), который подцеплялся к поездам. Кажется, Бедный стал единственным писателем, удостоенным такой чести (причем вагон оставался в собственности Бедного чуть ли не до 30-х гг.). Наградам Бедного не было конца. С 1922 г. первым из советских писателей Бедный стал депутатом Моссовета. В Пензенской области его именем назвали город Беднодемьянск. В Одесской губернии – Демьянобедновскую волость. По Волге пустили пароход «Демьян Бедный». В пожизненное пользование Бедный получил дачу в Мамонтовке. К личной даче прибавилась еще и государственная. К личной машине с личным шофером – еще и казенная с казенным шофером.

Может быть, самой большой наградой писателя следует считать его контракт с Госиздатом на издание полного собрания сочинений. Контракт был подписан, видимо, в конце 1922 г. Первый том вышел в 1925 г. До 1934 г., когда Бедный впал в немилость Сталина, успело выйти 19 томов, охвативших произведения до февраля 1932 г.. В августе 1934 года, выступая на съезде писателей, Бедный говорил о 20 томах своего собрания сочинений, еще не зная, что двадцатый том опубликован не будет.

Троцкий открыл для советского читателя молодого коммунистического поэта Александра Безыменского и стал автором предисловий к первому крупному сборнику его произведений и к первой поэме [104] . Вождю перманентной революции, безусловно, пришлись по душе исполненные страсти (но не ритма и рифмы) стихи поэта:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Троцкий писал не без внешнего изящества: «Из всех наших поэтов, писавших о революции, для революции, по поводу революции, Безыменский наиболее органически к ней подходит, ибо он от ее плоти, сын революции, Октябревич» [105] .

В течение некоторого времени Безыменский поддерживал Троцкого, даже подписал заявление 93 комсомольских деятелей, выражавших с ним солидарность [106] , но вскоре счел благоразумным перейти на официальную точку зрения. Позже, отчаянно боясь за свою судьбу и пытаясь реабилитировать себя в глазах Сталина, поэт, подобно Д. Бедному, написал немало гнусностей о Троцком и «троцкизме».

Троцкий приветствовал появление еще одного молодого поэта – Александра Жарова, с удовольствием цитируя его «Песню о червонце» в предисловии к сборнику «Поколение Октября», выпущенному издательством «Молодая гвардия» в 1924 г., и обращая особое внимание на то, как поэт мастерски увязывает воедино великие потрясения с вопросами мелкого быта [107] . Явное влияние Троцкого было заметно в творчестве начинавшего тогда писать И.Э. Бабеля, причем это влияние усиливалось авторитетом видного советского литературного критика, редактора, организатора художественной периодики Воронского, участвовавшего в дискуссии 1923 г. на стороне Троцкого.

Взгляды Воронского Бабель сначала разделял только в вопросах литературы. Со временем он стал смотреть глазами Воронского и на ситуацию в стране. Как-то в 1926 г. Воронский устроил на своей квартире в гостинице «Националь» выступление поэта Эдуарда Багрицкого, который прочитал свою новую поэму «Дума про Опанаса». На выступлении был Троцкий, который расспрашивал писателей об их судьбах и творческих планах. Бабель тоже был тогда у Воронского, о чем и «показал» на допросе в 1939 г. Если очистить показания от отвратительных оценочных эпитетов вроде «контрреволюционный», «фашистский» и т. п., записанных усердными следователями, можно полагать, что рассказанные Бабелем факты соответствовали действительности: Троцкий одобрительно отозвался о поэме Багрицкого, спрашивал, знают ли присутствующие иностранные языки, следят ли за новинками западной

литературы, и заявил, что без этого не мыслит себе творческого роста писателей [108] .

Когда в 1924 г. вышел в свет первый альбом сатирических и юмористических рисунков карикатуриста Бориса Ефимова, по предложению Полонского автор был представлен Троцкому, который воскликнул: «О, да вы совсем молодой!» Ефимов не растерялся и ответил: «В моем возрасте, Лев Давидович, за вами было уже два побега из ссылки». Любезностью, безусловно искренней, ответил и Троцкий: «Что ж, а за вами много хороших рисунков». Просмотрев альбом, высказав одобрительные и критические замечания, Троцкий «благословил» Ефимова на дальнейшее творчество и написал предисловие к новому изданию его карикатур [109] . Предисловие Троцкого 24 июля 1924 г. было опубликовано и в газете «Известия».

Создавая карикатуры и плакаты по заказу советской власти, Ефимов после опалы Троцкого некоторое время уворачивался от заданий высмеять в рисунках бывшего наркомвоенмора. Но после ареста и расстрела родного брата журналиста Михаила Кольцова, понимая, что иначе пойдет по его стопам, Ефимов сдался; и в центральных газетах СССР появилась целая серия клеветнических по содержанию и отвратительных по форме изображений Троцкого как шпиона, агента гестапо и вдохновителя «врагов народа» внутри страны.

Троцкий покровительствовал известному режиссеру-экспериментатору В.Э. Мейерхольду, в частности при подготовке им к постановке спектакля «Земля дыбом» в 1923 г. Для этого спектакля, поставленного по пьесе французского драматурга Марселя Мартине, нарком приказал выделить военную амуницию, прожекторы, полевые телефоны и даже мотоцикл. Спектакль «Земля дыбом» режиссер посвятил «первому красноармейцу Льву Давидовичу Троцкому». Когда в годы Большого террора Мейерхольда арестовали, ему это конечно же припомнили.

Троцкий продолжал поддерживать дружеские отношения с рядом советских издательств и журналов. Довольно тесные связи установились у него с издательством «Молодая гвардия», в котором он выпустил давние воспоминания о своем втором побеге из сибирской ссылки, снабдив их написанным в ноябре 1925 г. предисловием «Молодым читателям» [110] . «Пройдет еще 18 – 20 лет, и сибирская пустыня, по которой совершен был побег на оленях, перестанет быть пустыней, а люди, надо думать, перестанут убегать друг от друга, ибо перестанут преследовать друг друга», – писал он, вряд ли догадываясь о том, во что превратится со временем советская «сибирская пустыня» и насколько невозможно будет убежать оттуда зэку не только за границу, даже за пределы лагеря.

Дважды Троцкий обращался к сотрудникам и читателям журнала «Молодая гвардия» – первый раз в 1923 г. в связи с первой годовщиной журнала, а затем через год по поводу вступления в третий год выпуска [111] . В обоих случаях, особенно четко во втором письме, речь шла о нежелательности формирования замкнутых «школок» или «направлений» под различными громкими названиями, о необходимости «появления, пробуждения и роста молодняка в политике, в публицистике и в художественном творчестве». А в речи на съезде работников военной печати [112] Троцкий остроумно высмеивал не только многочисленные неряшливости, допускаемые советской прессой, но и приукрашивание ею действительности, шаблоны, казенщину, которая есть «смерть всякой мысли».

К молодежной тематике Троцкий обращался и во многих других своих печатных и устных выступлениях. В определенной мере это были отголоски той ориентировки на молодое поколение, которая так не понравилась Сталину и его окружению во время дискуссии конца 1923 – начала 1924 г. Особенно ярко эта связь прозвучала в предисловии к книге Авербаха «Вопросы юношеского движения и Ленин», выпущенной издательством «Молодая гвардия» в 1924 г. [113]

Троцкий оценивал книгу Авербаха как удачную попытку свести воедино взгляды Ленина на молодежное движение. При этом автор предисловия высказывал свои оригинальные мысли по поводу партийной идейной преемственности, которая не решается автоматически: молодежь должна выйти на ленинскую дорогу «не проторенными тропами

старшего поколения, а своими собственными»; молодежь не может пассивно воспринимать ленинизм, а должна «активно завоевывать его», ища и находя связь повседневной работы с основными партийными задачами. Иными словами, и в этом предисловии проводилась мысль о самостоятельном, особом пути молодежи в революции, в коммунистическом движении, в тесной связи с компартией, но не под мелочной ее опекой, чего добивалось официальное руководство.

Лев Давидович выступил на открытии юбилейной выставки, посвященной 5-летию Госиздата, 6 июня 1924 г., найдя нестандартные слова, которые явно пришлись по вкусу работникам печати: он говорил, что не знает «более приятного запаха, как запах свеженапечатанной книги, который действует лучше всего на психику, на воображение и лучше всего ободряет» [114] . Троцкий знал, о чем говорил. С еще дореволюционных времен книг у него выходило много, и он относил себя, безусловно, в том числе и к писателям. За публикуемые книги и статьи в советские годы Троцкому начислялись гонорары, которые он не получал, передавая эти средства в пользу издательств и на культурные нужды. Деньги были немалые. В 1924 г. только поступления из Госиздата составляли свыше 7 тысяч рублей, в 1925 г. – 6,5 тысячи рублей, в 1926 г. – свыше 4 тысяч рублей. Как правило, договоры предусматривали выплату авторских гонораров в размере по 100 рублей за печатный лист, а книги издавались объемом 40, 50 и более авторских листов каждая, причем по несколько томов в год различными издательствами [115] . Так что издательства Троцкого любили.

А вот в кругах интеллигенции к Троцкому относились по-разному. Одним «попутчикам» льстило, что он приобщал их к ведущим направлениям общественно-политического развития страны и призывал считаться с их творческой индивидуальностью. Таких, наверное, было большинство. Другим же писателям и литераторам снисходительные и унизительные подачки Троцкого были не нужны, и у них сложилось устойчиво негативное мнение об этом большевистском выскочке, «одетом в военный костюм», как записал о Троцком в дневнике К.И. Чуковский [116] .

Чуковский был как раз из тех интеллигентов, у которых отношения с Троцким «не сложились». Началось все с того, что Троцкий еще до революции опубликовал критическую и даже презрительную статью об историко-литературных этюдах Корнея Ивановича, в которых «нет никакого метода мысли». Возможно, обида забылась бы, но Троцкий включил эту статью в послеоктябрьский сборник, тем самым обратив на нее внимание современников. Язвительный С. Маршак откликнулся на перепечатку эпиграммой:

Расправившись с бело-зелеными,
Прогнав и забрав их в плен,
Критическими фельетонами
Занялся наркомвоен.
Палит из Кремля московского
На тысячи верст кругом.
Недавно Корнея Чуковского
Убило одним ядром [117] .

Чуковский ответил Троцкому взаимностью, хотя и не публично. С явным удовлетворением он записал в дневник 26 ноября 1924 г.: «В Госиздате снимают портреты Троцкого, висевшие чуть не в каждом кабинете» [118] . Но самые искренние свои чувства, и уже не сдерживаясь, хотя снова в формате дневниковой записи, Чуковский высказал в январе 1933 г.; и в этом отрывке звучала вся ненависть к коммунистам русской интеллигенции за истерзанную большевиками страну: «Троцкисты для меня были всегда ненавистны не как политические деятели, а раньше всего как *характеры* . Я ненавижу их фразерство, их позерство, их жестикуляцию, их патетику. Самый их вождь был для меня всегда эстетически невыносим: шевелюра, узкая бородка, дешевый провинциальный демонизм. Смесь Мефистофеля и помощника присяжного поверенного. Что-то есть в нем от Керенского. У меня к нему отвращение физиологическое. Замечательно, что и у него ко мне – то же самое: в своих статейках «Революция и литература» он ругает меня с тем же самым презрением,

какое я испытываю к нему» [119] .

С некоторыми представителями «свободомыслящей» интеллигенции Троцкий поддерживал контакты, когда он считал это лично для себя целесообразным. Особенно это касалось художников, ибо Лев Давидович уже начинал все чаще задумываться о том, как запечатлеть себя в художественных образах. Троцкому необходимы были новые и новые произведения советских мастеров, которые могли бы стать украшением лучших художественных музеев. Так возник заказ портрета Троцкого для художественной выставки, посвященной 5-летию Красной армии (март 1923 г.). Решено было поручить эту работу известному художнику-портретисту Юрию Павловичу Анненкову [120] . Он работал в «ставке» наркомвоенмора в бывшем имении князей Юсуповых Архангельском в начале 1923 г., создал многочисленные эскизы, а затем несколько поясных портретов и большой портрет в полный рост, выполненный в агитационно-конструктивистском стиле. Анненков оставил обширные воспоминания о своих встречах с Троцким, к которому проникся теплыми чувствами (нарком умел производить на своих собеседников хорошее впечатление, когда считал это целесообразным).

Анненков, в частности, вспоминал, что в кабинете Троцкого висел портрет Л.Н. Толстого и что преклонение наркома перед писателем было очевидно. Во время сеансов они много говорили о литературе, о поэзии и, естественно, об изобразительном искусстве. Анненков свидетельствовал, что любимцем Троцкого в те годы был Пабло Пикассо, в искусстве которого, в его постоянных поисках новых форм, он видел воплощение перманентной революции [121] .

Портрет Троцкого работы Анненкова был воспринят публикой настолько благожелательно, что стал одним из важных экспонатов советской экспозиции на художественной выставке в Венеции в 1924 г. В будущем кубофутуристические портреты Троцкого работы Анненкова будут часто печататься в виде репродукций в разных странах. В США после Второй мировой войны один из них был даже выпущен в виде почтовой открытки, которая стала раритетом и до настоящего времени продается коллекционерам за немалые деньги. Любопытно в то же время отметить, что, поощряя создание собственного образа в «нетленных» художественных произведениях, Лев Давидович отнюдь не одобрял создание портретов своих соратников. Посетив художественную выставку в Москве, посвященную 5-летию Красной армии, он оставил в книге отзывов запись, то ли шутливую, то ли грозную: «Хорошо, но я запрещаю портреты генералов на пять лет» [122] .

Мелким эпизодом, имевшим весьма ощутимые последствия, было столкновение Троцкого со студентом-меньшевиком Л.М. Гурвичем, оказавшимся племянником Ю.О. Мартова, происшедшее на молодежной конференции по вопросам НЭПа в начале 1922 г., на которую буквально случайно заглянул Лев Давидович. Юноша смело выступил против однопартийной диктатуры, показав лицемерие власти, продолжавшей закручивать гайки, давая одновременно экономические послабления. Стычка окончилась вничью, но Ленин – тогда еще функционирующий – увидел в ней опасность усиления влияния меньшевиков в молодежной среде и обозвал Гурвича «белогвардейцем». Ленин так комментировал происшедшее в требовательной записке Троцкому: «Я не сомневаюсь, что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора, и репрессий против них» [123] .

Действительно, вскоре начались массовые аресты меньшевиков и эсеров, а затем был проведен показательный судебный процесс над эсеровскими лидерами. Впрочем, на проведение суда над меньшевистским активом большевистские власти так и не решились, ограничившись высылкой за границу некоторых наиболее видных из них и подвергнув ограничениям и преследованиям остальных в административном порядке (вплоть до отправки в тюрьмы и лагеря).

В истории с «философским пароходом» – так был назван пароход, вывезший из Советской России виднейших представителей русской интеллигенции – литераторов, литературоведов, деятелей искусства, философов, экономистов, социологов, правоведов,

математиков, – Троцкий целиком и полностью был на стороне партии. За пределами советской России в результате этой акции оказалось более 500 представителей российской интеллектуальной элиты [124] . Троцкий не участвовал в комиссии по подготовке высылки, образованной Политбюро. Но после того как 16 – 18 августа 1922 г. в тюрьме или под домашним арестом оказался подлинный цвет русской интеллигенции (с задержанных были взяты подписки с обязательством немедленно выехать за границу за свой счет и о расстреле в случае самовольного возвращения) [125] , Троцкий дал интервью известной американской левой журналистке Анне Луизе Стронг [126] , поддерживавшей большевиков, которое было тотчас опубликовано в «Известиях» [127] .

Троцким была предпринята попытка оправдать высылку неизбежной войной. Он объявил ученых и литераторов «непримиримыми и неисправимыми» врагами советского строя, которые в случае войны должны были бы подлежать расстрелу. «Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что Вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». Именно так и поступала американка, написавшая в западной прессе, что большевики всего лишь обороняются [128] .

Интересно, что именно в 1925 – начале 1926 г., когда Троцкий, оставаясь членом Политбюро, был фактически отстранен от власти, но еще не встал в открытую оппозицию, он стал уделять особое внимание теоретическим проблемам культурного развития, обобщая свою позицию, в основе которой лежали воззрения Маркса и Энгельса. В наиболее концентрированном виде взгляды эти были выражены Троцким в статье «Культура и социализм», опубликованной в начале 1927 г. в журнале «Новый мир» [129] .

Любопытен был подход к самому понятию культуры. Признавая культуру как совокупность всего созданного, усвоенного, построенного, завоеванного человеком, Троцкий обращал особое внимание на ту «драгоценнейшую часть культуры», к которой он относил ее отложения в сознании человека – приемы, навыки, сноровку, благоприобретенные способности, выросшие из материальной культуры и перестраивающие и саму культуру, и всю человеческую жизнь. Подходя сравнительно широко к диалектико-материалистическому пониманию действительности, Троцкий призывал к тому, чтобы марксистская критика науки была осторожной – иначе она может вылиться в лицемерие, фамусовщину. В качестве примера тех научных открытий, которые необходимо было «вписать» в традиционные марксистские представления, он приводил рефлексологию И.П. Павлова и психоанализ З. Фрейда. Накопление физиологического количества в экспериментах Павлова он считал базой нового «психологического» качества. Вслед за этим следовал заумный или парадоксальный, а потому непонятный вывод: «Обобщения завоевываются шаг за шагом: от слюны собаки к поэзии, т. е. к ее психической механике… причем пути к поэзии еще не видать». Похоже, что в этом своем оригинальном описании рефлексологии Павлова Троцкий слегка запутался. Не менее оригинально трактовался фрейдистский психоанализ, который, по мнению Троцкого, стремился взять многие промежуточные ступени одним скачком, «от религиозного мифа, лирического стихотворения или сновидения – сразу к физиологической основе психики».

В науке, в культуре, повторял Троцкий, голое командование может принести только вред. Здесь надо «учиться». Он писал о глубочайших культурных противоречиях, характерных для Советской страны: первая в мире по количеству собранных томов Публичная библиотека в Ленинграде – и бóльший процент неграмотных, чем в какой-либо другой европейской стране; гигантские проекты Днепростроя и Волго-Донского канала – и семейные избиения в деревне. «От Москвы до Шатуры сто с лишним километров. Казалось бы – рукой подать. А между тем, какая разница условий!.. Отъедешь несколько десятков километров – глушь, снег да ель, замерзшие болота да звери». Так с «черного хода» Троцкий вновь и вновь стремился противопоставить отсталость российской глубинки западноевропейской культуре, в частности – культуре быта, косвенно подводя читателей к убеждению, что желанный социализм в СССР может быть достигнут только в группе цивилизованных наций, куда будет входить еще и Советский Союз.

4. Поражение германской революции

В первые годы НЭПа, когда перспективы международной революции отодвинулись на весьма неопределенное время, Троцкий уделял международному коммунистическому движению значительно меньшее внимание, чем внутренним делам и борьбе в высшем партийном руководстве. Однако его внимание к европейскому коммунистическому движению было значительно бóльшим, чем у основной части членов Политбюро (Сталина, Рыкова, Каменева и других), которые предпочитали заниматься почти исключительно внутренними делами. Естественно, в качестве председателя Исполкома Коминтерна, внимательно следил за международным рабочим и революционным движением Зиновьев. Тем не менее именно Троцкого – творца концепции мировой революции – в начале 20-х гг. считали главным экспертом в области международных отношений и мирового революционного движения, и он не без самодовольства брал на себя эту роль. В то время Советская Россия переходила к НЭПу. В Западной Европе стало намечаться неблагоприятное для коммунистических сил изменение положения в сторону стабилизации режимов. Штурм капиталистической крепости не удался, и коммунисты вынуждены были перейти к осаде.

В этих условиях в самих европейских компартиях, которые несли на себе отпечаток прежнего социал-демократизма, возникали различные течения, от правых, считавших возможным сотрудничество с другими социалистическими силами, стоявшими на более умеренных позициях, до крайне левых, призывавших к «тактике наступления» во что бы то ни стало и в ближайшее время. Важное отличие внутренней ситуации в компартиях Европы от положения российских коммунистов состояло в том, что европейская ментальность, свойственная и коммунистам, по крайней мере значительной части из них, была значительно более демократичной, и репрессивные постановления вроде резолюции X съезда «О единстве партии» в западных компартиях провести было бы нелегко.

В обстановке внутренней борьбы в компартиях проходила подготовка к III конгрессу Коминтерна (июнь – июль 1921 г.). Троцкий, согласившийся выступить с одним из основных докладов на конгрессе – «Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коммунистического Интернационала», – тщательно к нему готовился. Еще в апреле 1921 г. он критически оценил так называемое «мартовское выступление» в Германии, когда в районе Галле-Мерзебург произошли вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками, а руководство компартии призвало к интенсификации борьбы и превращению ее в восстание. В тезисах по этому вопросу, не предназначенных для печати (Троцкий назвал их «заметками для себя»), Троцкий отмечал, что в Германии установилось «относительное равновесие», а ЦК компартии сделал ряд тактических ошибок – момент для выступления был неблагоприятным, отчетливость в формулировках была недостаточна [130] .

Вскоре после этого, 29 апреля, Троцкий подготовил анкету для делегатов III конгресса, которые вскоре начали съезжаться в Москву (некоторые с явной готовностью почти постоянно пребывали там в качестве сотрудников руководящих органов Коминтерна). Для подготовки своего доклада на конгрессе Троцкий просил делегатов ответить на ряд вопросов, в частности, произошло ли в последнее время укрепление буржуазных государств, упрочиваются ли позиции и укрепляется ли буржуазия. Были также и вопросы о выступлениях рабочих, условиях труда и быта, безработице и пр. На анкету поступили десятки ответов, которые Троцкий использовал в докладе, а в октябре 1921 г. послал все эти ответы в секретариат Исполкома Коминтерна для обработки [131] , которая, судя по всему, так и не была проведена.

Троцкий встречался с некоторыми делегатами конгресса, а с двумя из них – супругами Альфредом и Маргаритой Росмер, прибывшими из Франции, – у него возобновились неформальные, дружеские отношения, установленные еще в Париже во время мировой войны, которые будут продолжаться на протяжении следующих двух десятилетий, вплоть до

гибели Троцкого, несмотря на то что политически они через несколько лет встанут на разные позиции. Именно с подачи Росмеров Троцкий послал 5 июня 1921 г. возмущенное письмо Ленину и другим членам Политбюро по поводу того, как отвратительно идет организационная подготовка конгресса и в каком неблагоприятном положении оказываются делегаты, которые «лишены самых минимальных жизненных удобств». В письме говорилось далее, что «приезжающие делегаты получают сразу же ужасающее представление о наших порядках. Самое возмутительное – это грубое невнимание к приезжающим товарищам. На постелях нет матрацев, подушек, нет умывальников» [132] .

Во время конгресса за Троцким внимательно наблюдал французский делегат А. Моризэ, вскоре вышедший из компартии, возвратившийся к социалистам, но сохранивший определенную степень симпатии к большевистским руководителям. Через два года в Москве была выпущена его брошюра с предисловием Троцкого. В ней содержался не столько политический анализ, сколько живые зарисовки и портреты. Там рассказывалось, например, что Троцкий – «изысканный дипломат», что автор испытывал к нему чувство «великого благоговения» как к человеку действия и организатору, пользующемуся «исключительным влиянием», хотя его больше боялись, чем любили [133] .

Доклад и заключительное слово Троцкого [134] делегаты конгресса встретили бурей восторга, хотя в нем было сказано немало нелицеприятного по адресу некоторых компартий и их деятелей, в частности по адресу группировок в германской партии, как правой во главе с возглавлявшим партию Паулем Леви [135] , так и «левой» во главе с Августом Тальгеймером [136] . В докладе подчеркивалось, что в соотношении сил на мировой арене произошли изменения, темпы мировой революции замедлились, а буржуазия начала наступление на рабочий класс. Речь шла и об антагонизме между Великобританией и США, ведущем к возможному вооруженному конфликту.

Правда, за внешним единодушием, которым завершились довольно острые дискуссии, скрывались сохранявшиеся разногласия. О них, в частности, свидетельствовало письмо Тальгеймера и Эрнста Фрисланда (Рейтера) [137] в ЦК РКП(б) от 16 июня. Оба они заявляли, что германская делегация пошла на уступки по вопросу о тактике «мартовского выступления» только потому, что «в политическом отношении было желательно, чтобы германская делегация работала на конгрессе вместе с русской». Посылая Троцкому этот документ, Ленин презрительно приписал: «Это на 3/4 пустые фразы, не в серьез» [138] .

Жаркие споры о тактике разгорелись на конгрессе 2 июля. Только что вступивший в компартию бывший деятель центристской Независимой социал-демократической партии Германии Эрнст Тельман [139] , весьма энергично пробивавший себе путь к высшему руководству, выступил не просто с левых позиций, но, по словам Троцкого, критиковал внесенный проект тезисов (его автором был сам Троцкий), заявляя, что они «создадут для нас труднейшее положение».

В то же время тезисы критиковали и ультралевые, в частности венгерский коммунист Бела Кун [140] , Карл Радек, считавшийся советско-польско-немецким коммунистом, и другие. Как отмечал Троцкий в письме Ленину, он «солидаризовался» с Зиновьевым, но категорически противопоставил «наши тезисы» многочисленным поправкам. В пояснение того, почему «мы» не можем идти на смягчение тезисов, Троцкий неодобрительно отозвался о речи Тельмана, который «совершенно правильно» напомнил всем, что «настроения руководящих и полуруководящих членов коммунистической партии, которые остались на месте в Германии, целиком еще совпадают с настроениями Бела Куна, Тальгеймера» [141] .

Иначе говоря, Троцкий (как и Зиновьев) занимал тактически очень осторожную позицию. Его главная задача состояла в том, чтобы не оттолкнуть от компартии ни правых, ни левых. Его действия очень напоминали ту примиренческую, объединительную тактику, которой он придерживался в отношении российского социал-демократического движения после революции 1905 – 1907 гг.

По мнению Троцкого, важно было сохранить единство, а уж затем добиваться в компартиях проведения курса, соответствующего его позициям. Все еще сохраняя веру в

европейскую революцию в сравнительно недалеком будущем, Троцкий склонялся к мнению, что главная задача компартий должна состоять в неуклонном выполнении воли советских руководителей и в защите их интересов за рубежом любыми самыми неприглядными методами. Но в отличие от Сталина Троцкий балансировал между внутренними и международными задачами, тогда как Сталин и близкие к нему деятели рассматривали Коминтерн исключительно с точки зрения внутриполитических и геополитических задач, как подсобный инструмент своей власти, которым можно было всячески манипулировать.

Тезисы о тактике, предложенные Троцким, конгресс принял единогласно. Правда, прозвучал ряд заявлений с особым истолкованием тезисов, с оценкой их как компромисса, то ли уступки правым, то ли уступки левым. Но это были именно заявления, даже не поправки. Была внесена лишь одна поправка американского делегата [142] . Два важнейших документа, утвержденные III конгрессом по докладу Троцкого и им написанные, – тезисы о тактике и тезисы «Мировое положение и наши задачи» – не только тематически, но и терминологически перекликались. В них подчеркивалось, что в общемировом развитии начался новый этап. «Классовая самоуверенность буржуазии и внешняя устойчивость ее государственных органов несомненно укрепились. Паническое отношение к коммунизму если не прошло, то ослабело. Руководители буржуазии даже хвастают могуществом своего государственного аппарата и во всех странах перешли в наступление против рабочих масс как на экономическом, так и на политическом фронте» [143] .

Детальный анализ экономического положения в мире, колониального вопроса, изменений в положении рабочего класса приводил Троцкого к выводам, что наступил период оборонительной борьбы, который, однако, может внезапно смениться значительно более быстрым темпом революционного движения. Троцкий констатировал, что Коминтерн в большинстве западных стран еще не смог создать свои массовые партии, что в некоторых компартиях «политически неопытные элементы» прибегают к авантюристическим методам и своими нерасчетливыми действиями «могут надолго погубить всю истинно революционную подготовительную работу пролетариата к захвату власти» [144] . В тезисах о тактике Троцкий поддержал выдвижение «частичных требований» рабочих, установление контактов со средними слоями (городской мелкой буржуазией, служащими, интеллигенцией, значительной частью крестьянства).

Троцкий явно склонялся к «правым» элементам в компартиях, в частности в среде германских коммунистов, хотя он был вынужден примириться с тем, что новое руководство компартии во главе с Тальгеймером добилось исключения бывшего партийного руководителя Пауля Леви из партии за «правый уклон». Единственное, чего смогли прямо-таки выторговать российские коммунисты, прежде всего Троцкий, было изменение формулировки. Леви теперь вменялась в вину только «недисциплинированность». В то же время Троцкий не решился поддержать стремление старейшей деятельницы германского рабочего движения Клары Цеткин добиться отмены решения об исключении Леви из компартии [145] .

Так началось формирование новой политики Коминтерна, которая вскоре войдет в историю под названием «единого рабочего фронта». Проводить ее должен был Исполком Коминтерна, в состав которого на III конгрессе был избран вместе с Лениным, Зиновьевым, Бухариным и Радеком еще и Троцкий [146] .

На IV конгрессе Интернационала (ноябрь – декабрь 1922 г.) Троцкий произнес доклад о новой экономической политике Советской России и перспективах мировой революции [147] . Каких-либо новых мыслей в докладе не было. Главным его содержанием была констатация плодотворности НЭПа и смешанной экономики, а также умеренно оптимистическая оценка революционных перспектив в Европе. На конгрессе дискуссии и разногласия между фракциями и группами в компартиях усилились. Дело доходило до прямых расколов и исключений. Особенно тяжелая ситуация сложилась во французской партии. Она буквально раздиралась противоречиями по самым различным вопросам политики и тактики: отношение к социалистам, профсоюзы, «теория наступления», политический курс представителя партии

в Исполкоме Коминтерна Бориса Суварина. Съезд партии, состоявшийся в октябре в Париже, оставил все эти противоречия в «подвешенном состоянии» и счел нужным передать их на рассмотрение конгресса Интернационала.

Для выработки позиции по вопросу о положении во французской партии конгрессу пришлось образовать специальную комиссию, в которую вошел Троцкий. Не будучи формально ее главой (председателя просто не выбирали), он фактически возглавил эту комиссию. 22 ноября Троцкий поделился своими соображениями с Зиновьевым (копии его письма были посланы Ленину, Радеку и Бухарину) [148] . Письмо свидетельствовало о том, какими методами управлял Интернационал европейскими партиями, являвшимися всего лишь его секциями, то есть составными частями единой мировой коммунистической партии. «Создавать ли на конгрессе официально новый Центральный комитет французской коммунистической партии?» – ставил вопрос Лев Давидович, озабоченный не самим существом дела – грубым вмешательством в дела одной из партий, причем в то время самой крупной в Коминтерне, – а только тем, какое впечатление это произведет и к каким последствиям приведет. Троцкий опасался, как бы столь кардинальное решение не имело своим прямым результатом разрыв французских коммунистов с Коминтерном. Поэтому он предлагал, чтобы конгресс принял осторожное, рекомендательное решение, означавшее, что «нынешний центристский ЦК просуществует еще некоторое время в качестве руководящего органа партии» [149] .

В результате по докладу Троцкого 1 декабря конгресс решил, что в ЦК французской компартии (ФКП) должны быть представлены все фракции по принципу пропорционального представительства и что оснований для раскола в этой партии не существует [150] . Тем не менее, опять-таки по инициативе Троцкого, конгресс принял документ «Рабочая и боевая программа Французской коммунистической партии» [151] , в котором позволил себе диктовать этой партии, как ей следует себя вести, в частности в борьбе «против Версальского договора и его последствий».

Троцкий высказывался и по итальянскому вопросу, фактически поддерживая левую фракцию Амедео Бордиги [152] , возглавлявшего компартию, против центристов (так называемых «максималистов»), во главе которых стоял Джачинто Серрати [153] , но советовал Бордиге придерживаться значительно более осмотрительной тактики и дать формальное согласие на объединение с «максималистами» при сохранении «величайшей бдительности» к пережиткам центризма [154] .

Если на предыдущих конгрессах Троцкий избирался членом Исполкома Коминтерна, то теперь он оказался кандидатом в члены. Таким же кандидатом был избран Ленин [155] . Казалось, ничто не предвещало новой революционной бури. Но с самого начала 1923 г. развернулись события, которые многие деятели Коминтерна оценили как весьма вероятное начало европейской революции – в Германии, руководители которой систематически саботировали выплату репараций странам Антанты, установленных Версальским договором. Важным средством саботажа была безудержная денежная эмиссия [156] . В течение всей второй половины 1922 г. французские власти угрожали Германии оккупацией. В этих условиях правительство Вильгельма Куно, образованное в ноябре 1922 г., попыталось прощупать, возможна ли поддержка Советской России в случае, если вторжение французских войск в Германию будет осуществлено.

22 декабря 1922 г. посол Германии в Москве граф Ульрих Брокдорф-Рантцау встретился с Троцким и поставил перед ним вопрос, как правительство Советской России относится к военному шантажу со стороны Франции. Наркомвоенмор ответил уклончиво, но благожелательно, и этот ответ удовлетворил немцев. «В момент, когда Франция предпримет военные действия, все будет зависеть от того, как поведет себя германское правительство. Германия сегодня не в состоянии оказать значительное военное сопротивление, однако правительство может своими действиями дать понять, что оно исполнено решимости не допустить такого насилия. Если Польша по зову Франции вторгнется в Силезию, то мы ни в коем случае не останемся безучастными, мы не можем этого потерпеть и вступимся!» [157] –

так записал германский посол ответ Троцкого.

Троцкий, таким образом, провоцировал немцев, причем события стали развертываться непредсказуемым образом. 11 января 1923 г. Рурская область Германии – промышленное сердце этой страны – была оккупирована войсками Франции и Бельгии. Французское правительство (Бельгия играла лишь вспомогательную роль) стремилось добиться исправной уплаты репараций. Правительство Куно вместо капитуляции ответило противодействием, объявив «пассивное сопротивление». Предприятия в оккупированной области прекратили работу. В стране начался затяжной тяжелейший экономический, а затем и политический кризис. Развернулись массовые забастовки и демонстрации. Полиция стреляла по уличным шествиям. В июне 1923 г. прошла 100-тысячная забастовка в Силезии. 6 августа Куно ушел в отставку. Новое правительство во главе с Густавом Штреземаном взяло курс на мирное разрешение конфликта.

Ситуация в Германии находилась в центре внимания советского руководства. Особенно бдительно за ней следил Троцкий. Он отлично понимал, что, если кризис в Германии перейдет в стадию вооруженного выступления с участием коммунистов, а тем более под руководством компартии, это будет означать начало германской, а может быть, и европейской социалистической революции.

В августе 1923 г. Троцкий, Зиновьев и Бухарин отдыхали в Кисловодске. Они, однако, продолжали внимательнейшим образом наблюдать за драматическими событиями в Германии [158] . На состоявшемся 9 августа заседании Политбюро решено было вызвать в Москву руководящих представителей германской компартии для обсуждения положения в связи с событиями в Германии. 11 августа Троцкий телеграфировал Сталину: «Считаю необходимым совещание в Москве особенно ввиду того, что [с] нашей стороны своевременно принят ряд подготовительных мер». Имелось в виду, что по приказу Троцкого части Красной армии были выдвинуты к западным границам. Нарком продолжал: «Могу выехать в среду 15 августа, предпочел бы выехать по ходу лечения в субботу 18 августа. Перерыв должен длиться не более недели» [159] .

При немалом внимании к германской революции, Троцкий думал еще и о своем здоровье. В Москву выехали также Зиновьев и Бухарин. При обсуждении вопроса о приглашении в Москву «немцев», то есть представителей компартии Германии, для обсуждения складывавшегося в Германии положения, Зиновьев предложил, чтобы в делегацию вошли Генрих Брандлер [160] , являвшийся вторым лицом в партии (его считали представителем относительно умеренного крыла), и радикально настроенный Тельман [161] . Возражений против этого не последовало. Советское руководство ориентировалось на левый курс при фактическом пренебрежении позицией умеренных. Соответствующие пожелания были переданы германским коммунистам по линии советской разведки.

Немцы приехали в Москву за советами или, точнее, за указаниями, очевидно, 20 августа. Возвратившийся накануне в Москву Зиновьев разослал высшим партийным руководителям свои тезисы о положении в Германии, с которыми в основном солидаризовался Троцкий. Переговоры с делегацией компартии Германии (КПГ) продолжались три дня. С советской стороны в них участвовали Зиновьев, Троцкий и Бухарин. Однако, вопреки позиции Зиновьева, были приняты решения, отвергавшие установки как правого, так и левого течения, причем инициатором этого «центристского» курса был именно Троцкий [162] .

В советском руководстве наметились некоторые разногласия. Троцкий и Зиновьев, несмотря на принадлежность к противоположным группировкам, вскоре оказались единодушными в оценке обстановки в Германии. 12 августа по призыву компартии и социал-демократов началась массовая забастовка, в которой участвовало около 3 миллионов человек. Она стала перерастать в вооруженные столкновения с полицией и войсками. Для участия в этих столкновениях КПГ стала формировать вооруженные «красные сотни». После недолгих уговоров к «революционной» позиции, с некоторыми оговорками, присоединился Сталин. На недолгое время по вопросу о «революции в Европе» между Сталиным и Троцким

было достигнуто понимание.

Сталин занимал более осторожную, чем Троцкий, позицию, стремясь не дать повода «думать, что революция «продиктована», «инспирирована» из России». «Необходимо действовать только через Германскую компартию и от ее имени», – писал он в замечаниях к тезисам Зиновьева. В то же время Сталин не принимал всерьез лозунга «единого фронта», который Троцкий и Зиновьев были намерены реально осуществлять в Германии. Генсек утверждал, что этот лозунг является только агитационным и речь идет о взятии власти коммунистами без социал-демократов. «Если мы хотим действительно помочь немцам – а мы этого хотим и должны помочь, – заявлял Сталин, – нужно нам готовиться к войне… В тезисах этот вопрос затушеван» [163] . Отсюда вытекали и более мелкие разногласия. Троцкий не считал необходимым выдвигать в Германии лозунг создания Советов, полагая, что их роль сыграют уже существовавшие фабрично-заводские комитеты. Сталин же настаивал на этом лозунге. (Через четыре года, в разгар конфликта между сталинской фракцией и оппозицией, генсек лицемерно возложил на Троцкого ответственность за поражение в Германии в 1923 г. в силу отказа от создания там Советов [164] .)

На заседании Политбюро 22 августа, состоявшемся после первой встречи с немецкой делегацией, при активном участии Троцкого было принято постановление, в котором констатировалось, что «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть». Выступление Троцкого на этом заседании дает отчетливое представление о том, что по вопросу о германских событиях разногласия со Сталиным были преодолены [165] . «Точка зрения Сталина правильна – нельзя, чтобы было видно, что мы руководим, не только РКП, но и Коминтерн[ом]». Троцкий учитывал слабость германской компартии с военной точки зрения. Он полагал, что революция может пойти разными путями, и не исключал ее поражения. Тем не менее он был главным инициатором открытого выступления. Германская компартия должна была, по его мнению, поставить вполне определенный срок, к которому готовиться и в «военном отношении, и соответствующим темпом политической агитации». Он настаивал, чтобы этот срок был установлен в пределах ближайших месяцев или даже недель. «Подготовка должна быть построена по календарному плану, должны быть назначены сроки, и к этим срокам должна строиться подготовка». Сталин считал, что «срок решительного выступления назначать нельзя». Троцкий настаивал именно на «календарной программе», мотивируя это тем, что революция может иначе начаться слишком рано, когда необходимые ресурсы еще не будут мобилизованы в полной мере. «Если нет работы по организации, наступит прострация у боевиков, и мы ослабим имеющиеся у нас силы» [166] .

Очевидно, Троцкий вспоминал октябрьские дня 1917 г. в Петрограде, свой курс на организацию вооруженного выступления, приуроченного к определенной дате – открытию II съезда Советов. Теперь нарком пытался применить собственную схему шестилетней давности к событиям в Германии, что отдавало схематизмом. В соответствии с этим формулировались задачи РКП(б): «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть» (этот пункт был принят в редакции Троцкого); политическая подготовка трудящихся СССР к грядущим событиям заключается в мобилизации «боевых сил республики»; должна быть также оказана экономическая помощь германским рабочим, проведена «соответствующая дипломатическая подготовка». Для разработки этих задач была образована комиссия в составе Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека и Чичерина [167] .

На следующих заседаниях Политбюро рассматривались конкретные вопросы помощи «германской революции». 21 сентября было решено создать комиссию под руководством Троцкого для проведения мобилизации в случае возникновения военного конфликта [168] . Такой конфликт должен был начаться, если бы в какой-то части Германии к власти пришли революционные силы, обратившиеся за помощью к СССР. Троцкий, правда, скептически относился к руководителям ГКП и считал, что они проникнуты фатализмом и в силу этого германская революция обречена на гибель [169] .

Длительные совещания с немецкими делегатами по вопросу о «германской революции», в которых принимали участие также представители Исполкома Коминтерна и компартий Франции и Чехословакии, вновь происходили 21, 25, 26 сентября, 4 октября. Во всех этих заседаниях участвовал и выступал Троцкий [170] . Решающее заседание Политбюро по германскому вопросу состоялось 4 октября [171] . К этому времени внутренняя обстановка в Германии обострилась до предела. Во второй половине сентября при ЦК КПГ был образован Военный совет для непосредственной подготовки и организации восстания. Правительство Штреземана объявило о введении в стране чрезвычайного положения. Последовало раскрытие причастности берлинского полпредства СССР к организации государственного переворота.

10 октября в Саксонии, а 16 октября в Тюрингии были образованы «рабочие правительства» с участием коммунистов и социал-демократов, создание которых рассматривалось советским правительством как начало революции. Политбюро утвердило предложения комиссии по международным делам, где решающую роль играли Троцкий и Зиновьев. «Согласиться с комиссией в вопросе о назначении срока – 9 ноября с. г., – таков был главный пункт резолюции. – Приложить все политические и организационные усилия к тому, чтобы этот срок был соблюден». Были приняты также решения о военной и продовольственной помощи немецким коммунистам. Позиция Троцкого возобладала.

На заседании Политбюро Троцкий заявил о своей готовности отправиться в Германию для руководства революцией. Зиновьев добавил, что он тоже хотел бы стать «солдатом германской революции», вместе с Троцким. Сталин завершил это одноактное шоу предложением не пускать в Германию «своих любимых вождей». Тогда Троцкий заявил, что просит вычеркнуть его «из числа актеров этой унизительной комедии». В результате Политбюро отклонило инициативу о посылке членов Политбюро в Германию: «Возможный арест названных товарищей в Германии принес бы неисчислимый вред международной политике СССР и самой германской революции. Задачи, стоящие перед СССР в связи с надвигающимися событиями, и организация активной помощи германской революции требуют непременного пребывания этих товарищей в СССР» [172] . В Германию решено было послать двух сторонников Троцкого – Пятакова и Радека и двух сторонников Сталина – Рудзутака и Куйбышева, что свидетельствовало о существовании взаимного недоверия в германском вопросе между сторонниками Сталина и Троцкого. Вместе с Радеком в Германию отправилась и его новая возлюбленная Лариса Рейснер.

Перед отъездом германских делегатов и их российских наставников Троцкий несколько раз встречался с Брандлером, давал ему советы, интересовался мельчайшими техническими деталями подготовки к восстанию. Лев Давидович возлагал на Брандлера большие надежды, считал его способным и трезвым руководителем. Прощание между ними было очень теплым. Троцкий «был действительно тронут; он желал успеха руководителю германской революции накануне великих событий» [173] , – вспоминала немецкая коммунистка Рут Фишер [174] .

Развязывание революции в Германии было теснейшим образом связано с позицией Польши, ибо прямая советская военная интервенция могла быть предпринята только через ее территорию. С конца августа Троцкий требовал каким-то образом заинтересовать Польшу, имея в виду ее территориальные претензии на часть Силезии и другие земли, оставшиеся в составе Германии после окончания мировой войны, предложить ей заключить договор о ее невмешательстве в германские дела и в то же время о косвенном содействии советским акциям. В письме в ЦК и ЦКК от 23 октября он заявлял, что «политика в отношении Польши» должна вестись «в плоскости переговоров о транзите и военном невмешательстве» [175] .

В ответ на инициативу Троцкого польские власти, опасаясь советского вторжения, приступили к сосредоточению войск на границе с СССР. Шифровальщик Реввоенсовета А.И. Боярчиков вспоминал, что однажды в полночь ему позвонил секретарь Троцкого Глазман и попросил немедленно явиться. По просьбе Глазмана он зашифровал и передал приказ командующему «Западным фронтом» (так все еще назывался Западный военный округ с

центром в Смоленске) Тухачевскому о приведении войск на польской границе в полную боевую готовность в связи с концентрацией польских войск на границе с СССР. Вскоре приказ был отменен [176] .

Можно высказать только самые осторожные предположения о том, как развивались бы события в случае удачи «германского ноября». Однако революция провалилась. Руководители КПГ давали крайне противоречивые указания своим местным организациям. Не согласившись с установленным в Москве сроком, ЦК КПГ разослал директиву начать вооруженное восстание 23 октября, а вслед за этим, испугавшись, новое указание – об отмене предыдущего решения. 23 октября вооруженное выступление произошло только в портовом Гамбурге, куда не дошло новое указание ЦК. Три дня там продолжались уличные бои, руководимые Тельманом [177] . Восстание не было поддержано в других районах Германии и потерпело сокрушительное поражение. Точно так же полной неудачей завершился «пивной путч» Гитлера в Мюнхене, назначенный на те же дни – 8 – 9 ноября, ставший первой попыткой национал-социалистической партии прощупать возможность прихода к власти. Выступившие против правительства Веймарской республики в разные сроки, германские коммунисты и национал-социалисты ослабили свои шансы на победу и были разбиты.

В связи с подготовкой в ноябре 1923 г. письма Исполкома Коминтерна, о происшедших событиях в ЦК германской компартии, Троцкий выступил с резкой критикой политики германской партии, приведшей, по его мнению, к катастрофе. Он считал, что «низы партии поняли эти перспективы», в то время как ЦК «переселился на саксонские квартиры и прикрывал свою пассивность фаталистическим оптимизмом». В результате массы отхлынули от компартии и от революции, убедившись, что «твердого руководства и шансов на близкую победу нет» [178] .

Поражением окончилось и другое выступление, спровоцированное Коминтерном и советским руководством, – восстание в Болгарии в сентябре 1923 г. Троцкий резко критиковал деятелей болгарской компартии, а вместе с ними и Политбюро РКП(б) за то, что они «не отнеслись своевременно к восстанию как к искусству», и выражал опасение, что германские события разыграются по болгарскому образцу [179] . Сталин был жестким противником тактики «нейтралитета», которая осуществлялась руководством болгарской компартии непосредственно после правого государственного переворота 9 июня 1923 г., и был инициатором включения Троцкого в комиссию по болгарскому вопросу, образованную Политбюро 24 июля [180] . 29 июля комиссия пришла к выводу, что восстание в Болгарии теперь не может считаться актуальной задачей [181] . Очередной этап перманентной революции, на котором сошлись было ненадолго интересы Троцкого и Сталина, завершился провалом. Троцкий снова был загнан во внутреннюю оппозицию.

Глава 2 На пути к оппозиции

1. XIII съезд партии

Дискуссия конца 1923 г. завершилась вничью. Троцкий добился принятия антибюрократической резолюции. Сталин и его группа, закрепив свою власть и влияние в аппарате, смогли свести эту резолюцию, которую никто из правившей верхушки не собирался выполнять, к ничего не значившим фразам, к бессодержательному тексту. Троцкий продолжал оставаться в составе Политбюро, но реально не принимал участия в его деятельности в связи с затянувшейся болезнью. Троцкий продолжал выступать в «Правде» и других центральных газетах, причем его статьи немногим отличались от текстов других партийных лидеров, разве что большей яркостью и образностью.

Январь 1924 г. стал тем рубежом, когда критика и обвинения по адресу Троцкого

вышли из плотно закрытых кремлевских кабинетов и стали по партийным, а затем и более широким агитационно-пропагандистским каналам распространяться по всей стране. Связано это было с XIII конференцией РКП(б), проходившей 16 – 18 января 1924 г. Накануне конференции господствовавшая в Политбюро группа приняла решение по «делу» Антонова-Овсеенко – деятеля, близкого к Троцкому еще со времени мировой войны, теперь занимавшего пост начальника Политического управления Реввоенсовета (ПУРа). В этом качестве Антонов-Овсеенко находился в двойном подчинении – он был непосредственно подотчетен председателю Реввоенсовета Троцкому и в то же время обязан был согласовывать свои действия с ЦК партии, так как ПУР считался отделом ЦК. 27 декабря 1923 г. Антонов-Овсеенко обратился в Политбюро и в Президиум ЦКК с письмом в защиту Троцкого. Он протестовал против «бесшабашных и безыдейных нападок на того, кто в глазах самых широких масс является бесспорно вождем – организатором и вдохновителем побед революции». Более того, в письме была высказана весьма неосторожная угроза, что Красная армия сможет «призвать к порядку зарвавшихся вождей» [182] . Эти слова могли рассматриваться как угроза военного переворота.

Репрессии последовали почти немедленно, хотя само по себе наказание следует считать мягким. Антонову-Овсеенко было вынесено «порицание» за то, что он… не согласовал с ЦК вопрос о проведении партконференции военных вузов. Антонов-Овсеенко оспорил партийное решение. 2 января он обратился к Сталину с письмом, в котором объявлял, что нападки на него связаны с его критическими выступлениями во время недавней дискуссии о политике «большинства ЦК». «Вам нужен на руководящих постах подбор абсолютно «законопослушных» людей. Я к таковым не принадлежу» [183] , – писал Антонов-Овсеенко. Ровно через десять дней, 12 января, Антонов-Овсеенко был вызван на заседание Оргбюро ЦК и снят с поста за «неслыханный выпад». 15 января на пленуме ЦК он выступил с ответным заявлением: «Я отнюдь не заблуждаюсь, что этой широко ведущейся кампании дан определенный тон и не кем другим, как товарищем Сталиным» [184] . После этого соратник Троцкого был отправлен в почетную ссылку послом в Прагу.

Троцкий в связи с болезнью не участвовал в XIII партконференции, на которой было произнесено немало осуждающих слов по его адресу. Еще 8 января в «Правде» было впервые опубликовано сообщение о состоянии здоровья Троцкого, в котором говорилось, что он 5 ноября заболел гриппом и что ввиду лихорадочного состояния больного и затянувшейся болезни ему предоставлен отпуск не менее чем на два месяца «для специального климатического лечения». Отпуск действительно был предоставлен решением Политбюро от 14 декабря [185] , 31 декабря состоялся консилиум кремлевских врачей, в том числе личного невропатолога и нейрохирурга Ленина О. Ферстера, констатировавший тяжелое состояние здоровья больного и признавший необходимым на некоторый срок его полное освобождение от всяких обязанностей, а 5 января по докладу наркома здравоохранения Н.А. Семашко Политбюро решило отправить его на лечение в Сухуми [186] .

Это означало фактическое отстранение Троцкого от активного участия в политической жизни страны. В предыдущие два месяца он, несмотря на заболевание, активно выступал в печати. Теперь же все выпады против Троцкого и его сторонников должны были оставаться без ответа. Троцкий оказывался в положении, аналогичном взятому под домашний арест в Горках Ленину. То, что речь шла именно о домашнем аресте Троцкого, свидетельствует письмо члена Коллегии ОГПУ А.Я. Беленького [187] , отвечавшего за охрану высшего руководства страны, главе правительства Автономной республики Абхазии, где находился Сухуми, Н.А. Лакобе [188] : «Доктора прописали товарищу Троцкому полное спокойствие, и, хотя наши люди будут Троцкого охранять, я тем не менее прошу Вас… взять товарища Троцкого под свое крыло… Я уверен, что Вы полностью меня поняли. Конечно, не должно быть *никаких* митингов или формальных парадов». 5 января с аналогичным письмом к Лакобе обратился его шеф Дзержинский, настоятельно и многозначительно подчеркивавший, что «из-за его состояния здоровья товарищ Троцкий будет не в состоянии

покидать дачу, и поэтому главная задача в том, чтобы не дать возможности каким-то посторонним или неизвестным лицам проникнуть внутрь» [189] .

Следует учесть, что именно в это время в «Правде» развернулась беспрецедентная (по масштабам того времени) травля Троцкого серией редакционных статей под общим названием «Долой фракционность (ответ редакции Ц[ентрального] о[ргана] т. Троцкому)» [190] . Сопоставляя эту кампанию с сообщением о болезни, все те, кто следил за развитием политической ситуации, могли сделать вывод, что Троцкий снят со всех постов или, по крайней мере, фактически отстранен от работы. Именно к такому заключению пришел, например, писатель М.А. Булгаков, записавший в дневник: «Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни. Итак, 8 января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет» [191] .

Если в «Правде» Троцкого обвиняли в том, что он вступил на путь фракционности, то на партконференции Троцкого стали клеймить в еще более страшном грехе: в отклонении от главного символа новой веры, от «ленинизма». Собственно говоря, постепенно входивший в моду термин «ленинизм» был поначалу только служебным словцом, изобретенным адептами Сталина как раз для того, чтобы противопоставить это квазиучение другой квазитеории, которую все чаще и чаще стали с сугубо осуждающими интонациями называть «троцкизмом». Перед самой конференцией отдельной брошюрой под грифом «Совершенно секретно. На правах шифра» были опубликованы письма Троцкого от 8 и 24 октября, «Заявление 46-ти» и ответы на эти документы. В личном архивном фонде Сталина эта брошюра хранится с его многочисленными пометами. Генсек тщательно готовился к партконференции [192] .

Сталин задал тон «антитроцкистской кампании» 17 января своим докладом на конференции об очередных задачах партийного строительства и особенно заключительным словом, произнесенным на следующий день. Он предъявил Троцкому претензии, что тот создал оппозицию (хотя формальной оппозиции пока еще не существовало), развязал в партии дискуссию, совершает «антипартийные акты», противопоставив партийный аппарат партии, а молодежь – старым партийным кадрам. «Ошибка Троцкого в том и состоит, – указал Сталин, – что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями» [193] . Он заявил, что оппозиция «имеет свое бюро» и это служит доказательством существования фракции, достаточным для постановки вопроса об исключении из партии. «Вы партию пугаете!» – выкрикнул во время речи Сталина Преображенский [194] . Однако организационные меры против Троцкого на партконференции приняты не были. Сталину необходимо было сначала лишить Троцкого того авторитета, которым он пользовался в широких партийных, административных, военных кругах, среди молодежи и даже среди интеллигенции, и действовал генсек весьма осмотрительно, не торопясь, но и не идя на попятную. Именно этим он нравился тем молодым партийным работникам, которые, подобно Н.С. Хрущеву, поддерживали большинство, но считали, что и выступающие с критикой должны быть выслушаны. Хрущев вспоминал, как во время одного из споров с Троцким Сталин вполне миролюбиво заявил, что сделает все, чтобы сохранить единство партии. «Но раз вы так себя ведете, бог с вами», – заключил Сталин [195] .

Троцкий отбыл в Сухуми на лечение 18 января, в день окончания партконференции. Предостережением Троцкому и его сторонникам должно было послужить решение конференции о рассекречивании пункта резолюции X съезда «О единстве партии», позволяющего исключать из ЦК и даже из партии членов ЦК, вставших на путь фракционности. Путешествие в Сухуми было тяжелым. Седова вспоминала, что Троцкого почти непрерывно лихорадило, временами подскакивала температура. «Но дорога действовала скорее успокаивающим образом. По мере того как отъезжали от Москвы, мы отрывались несколько от тяжести обстановки за последнее время. Но все же чувство у меня было такое, что везу тяжело больного» [196] .

Известие о смерти Ленина 21 января застало Троцкого во время длительной остановки

поезда на вокзале в Тифлисе. Сообщил ему о происшедшем генсек специальной секретной телеграммой, на которую Троцкий немедленно ответил телеграфным же запросом: «Считаете ли целесообразным мое немедленное возвращение в Москву. Физическое состояние делает возможным участие в закрытых заседаниях, но не в публичных выступлениях» [197] , – подчеркивал Троцкий. Из текста этой телеграммы становилось ясно, что Троцкий обещал не выступать публично, если ему разрешат вернуться в Москву.

Помимо отправки официальной телеграммы, Троцкий позвонил в Москву, и Сталин сообщил ему, что похороны состоятся в субботу, но что возвратиться ко времени похорон Троцкий все равно не успеет и Сталин рекомендует ему продолжать курс лечения [198] . Этот телефонный разговор был продублирован затем формальной телеграммой Политбюро за подписью Сталина: «Сожалеем о технической невозможности для Вас прибытия к похоронам. Нет оснований ждать каких-либо осложнений. При этих условиях необходимости в перерыве лечения не видим. Окончательно решение вопроса, разумеется, оставляем за Вами. Во всяком случае, просим сообщить телеграфно Ваши соображения о необходимых новых назначениях» [199] .

Фальшивость телеграммы была очевидна. Троцкий легко мог развернуть свой поезд и успеть к похоронам (которые состоялись не в субботу, а в воскресенье, 27 января), «технической невозможности» для такого возврата не было; лечение Троцкого еще не начиналось, так что прерывать было нечего. И хотя «окончательное решение» вопроса было оставлено за Троцким, становилось понятно, что Сталин просто подстраховывается, не желая, чтобы запрет на присутствие Троцкого на похоронах Ленина выглядел как не подлежащий обсуждению приказ.

Во многих своих работах и особенно в воспоминаниях, касаясь этого эпизода, Троцкий объяснял свое невозвращение и неучастие в похоронах Ленина тем, что Сталин его обманул, указав неправильную дату похорон. Но это объяснение представляется до предела надуманным и наивным. Решение Троцкого о невозвращении не носило спонтанного характера, а имело политический смысл. Троцкий пытался продемонстрировать Сталину свою лояльность и готовность в новых условиях, после смерти Ленина, возобновить сотрудничество с генсеком. Это была одна из последних попыток Троцкого сохранить свое положение в высшем партийном и государственном эшелоне как партийного деятеля, подчиняющегося дисциплине и готового добровольно отойти на вторую роль. Он умышленно предоставлял Сталину возможность выступить у гроба Ленина с пресловутой «клятвой» [200] . «Тройка имеет вид наследников Ленина (а Троцкий… даже не счел нужным приехать)», – записал Бажанов [201] .

Совершенно не понимал поведения своего отца старший сын Лев. Он все глубже и глубже погружался в политические споры, приходил к выводу о полной политической правоте своего отца, внимательно изучал его работы и стремился их пропагандировать в молодежной среде. Лев Седов (сыновья носили фамилию матери) почтил память Ленина, пройдя у его гроба в Колонном зале Дома союзов, и с нетерпением, с часу на час, ждал возвращения родителей в Москву. Когда же оказалось, что они не собираются возвращаться, он написал им письмо, в котором «слышались горькое недоумение и неуверенный упрек» [202] .

Через несколько месяцев после кончины Ленина Троцкий поручил своему секретарю Глазману подобрать положительные высказывания Ленина о Троцком периода первой российской революции [203] . Ссылки на авторитет Ленина, бесспорно, имели некоторое значение для того, чтобы удержать своих сторонников, ряды которых начинали постепенно редеть. Сталинская группа воспользовалась этим же инструментом – ленинским авторитетом, но значительно более эффективно и болезненно для Троцкого. Для дискредитации Троцкого были привлечены и умышленно распространяемые слухи, в том числе самого мрачного характера. Ссылаясь на письмо Антонова-Овсеенко, легкомысленно намекавшее на возможность военного выступления в поддержку Троцкого, Сталин стал нагнетать обстановку, утверждая, что Троцкий создает подпольную организацию и

приступает к подготовке государственного переворота силами находившейся под его руководством Красной армии.

Некоторые из приближенных к наркому военных, в частности командующий Московским военным округом Н.И. Муралов, действительно предлагали осуществить государственный переворот, арестовать, по крайней мере ненадолго, Сталина, Каменева и Зиновьева, провозгласить Троцкого руководителем партии и правительства, то есть «вождем». Троцкий этот план сразу же решительно отверг, хотя, как можно полагать, что у плана были некоторые шансы на успех [204] , имея в виду популярность Троцкого в Красной армии и учитывая благодарное отношение к нему со стороны высшего командного состава – в основном бывших офицеров и генералов царской армии, которых он взял на службу в армию, дав им возможность заниматься, причем в большинстве случаев успешно, своей профессией, и защитил их от произвола политкомиссарского состава. Именно в таком духе более чем через десять лет давали на следствии показания лица, обвиненные в «троцкизме», и эту малую часть их показаний можно считать правдивой. Бывший председатель Киевского горсовета Р.Р. Петрушанский на допросе в марте 1937 г. признавал, что в 1924 г. у него были «троцкистские колебания», которые как раз и выражались в мнении, что Троцкий должен стать во главе партии и страны [205] .

Тем временем, находясь на лечении и отдыхе в Сухуми, Троцкий продолжал внимательно следить за развитием политической ситуации в партии и стране. Однажды у него появилась целая делегация, приехавшая по «поручению ЦК», то есть по заданию Сталина. Она должна была «согласовать» с Троцким новые персональные изменения в руководстве военного ведомства. Сталин все еще продолжал действовать «дозированно». В делегацию наряду со сталинцами Томским, М.В. Фрунзе [206] и Гусевым входил сторонник Троцкого Пятаков.

Как оказалось, 31 января – 3 февраля состоялся пленум ЦК, на котором рассматривался отчет комиссии ЦК и ЦКК по обследованию армии и ее реформе. Наибольшее внимание первоначально предполагалось уделить вопросам текучести и плохого снабжения армии, но по требованию генсека комиссия вышла далеко за эти пределы. С докладом выступал председатель комиссии Гусев; в состав ее входил ряд недругов Троцкого (Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев). В докладе констатировалось «крайне неудовлетворительное состояние общего руководства вооруженными силами страны». Гусев заявил, что «Реввоенсовета СССР как руководящего коллективного органа фактически не существует… Троцкий ничего не делает в Реввоенсовете» [207] . Попытки Склянского и других руководителей Наркомата по военным и морским делам оспорить критику, которая содержалась в докладе и выступлениях членов комиссии, вызывала еще более жесткие нападки. Особенно желчно выступали Ворошилов и Орджоникизде. Ворошилов заявил, что все беды военного ведомства оттого, что Троцкий ведет себя слишком независимо от ЦК, и потребовал уравнять военное ведомство со всеми остальными наркоматами [208] . В свою очередь, петроградский партдеятель, ставленник Зиновьева П.А. Залуцкий [209] предостерегал Политуправление Красной армии от заигрывания с «оппозицией». «Ваша задача работать в Красной армии и вести твердую линию большинства ЦК… Командный состав должен подчиняться партийному большинству» [210] . Тем самым «тройка» недвусмысленно предупреждала, что нового Антонова-Овсеенко на политработе в армии она ни в коем случае не потерпит.

В марте месяце решением Политбюро в наркомате Троцкого были проведены угодные Сталину кадровые изменения. 25 марта был снят заместитель Троцкого по военной деятельности, заместитель председателя Реввоенсовета Республики и самый близкий Троцкому сотрудник и единомышленник – Склянский. Плохим знаком был даже не то, что Склянского сняли, а куда именно его перевели. А перевели его на бессмысленную должность председателя треста Моссукно ВСНХ (под контроль руководителя ВСНХ Дзержинского). Склянского заменяли в формальном отношении почти равноценной фигурой – Михаилом Васильевичем Фрунзе, являвшимся до этого наркомом Украины по военным и морским

делам. Существенная разница состояла в том, что между Троцким и Фрунзе были сугубо формальные отношения и последний намечался Сталиным в преемники самому Троцкому.

Фрунзе не был в буквальном смысле слова креатурой Сталина, но являлся для Сталина «наименее нежелательной фигурой» [211] . Кроме того, в состав Реввоенсовета еще осенью 1923 г. был введен И.С. Уншлихт [212] , заместитель председателя ВЧК, ОГПУ и ГПУ, ответственный чекист и «амбициозный и бездарный интриган», по оценке Троцкого [213] . Уншлихт должен был обеспечить контроль за военным наркоматом в переходный период со стороны ГПУ и Политбюро, ибо Сталин явно опасался осложнений при попытке убрать Троцкого из военного ведомства. Введение в Реввоенсовет Буденного, Каменева и некоторых других противников Троцкого было продолжением этой игры. Показательным завершением этого цикла перемещений явилась еще одна перестановка, произведенная в мае 1924 г., – близкий друг Троцкого Муралов, один из авторов «Заявления 46-ти», был смещен с поста командующего Московским военным округом и переведен на Северный Кавказ, а в Москве теперь стал командовать войсками Ворошилов, являвшийся ранее командующим Северо-Кавказским военным округом. Замена Муралова Ворошиловым была произведена решением Политбюро без предварительного согласования с Троцким [214] .

С конца 1923 – начала 1924 г. Троцкий начал терять многих новых своих весьма влиятельных сторонников, которые шестым чувством ощущали, куда дует ветер, и спешили продемонстрировать свою лояльность, если не верность Сталину, который постепенно начинал возвышаться над остальными членами «тройки». Окончательно разошлись политические взгляды Троцкого и Бухарина, сблизившихся во время профсоюзной дискуссии. Правда, чистота теории отходила на задний план. Троцкий вел борьбу за собственное политическое выживание. Бухарин, щеголявший языком философских и экономических трактатов, направил свою деятельность на оправдание и возвеличивание сталинского курса, хотя прикрывалось это глубокомысленными теоретическими рассуждениями. Наиболее ярким проявлением бухаринской беспринципности были те самые редакционные статьи «Правды», направленные против Троцкого, автором которых, по всей видимости, был главный редактор газеты Бухарин. Оказавшись в положении, когда его все больше оттирали с передовых позиций, Троцкий понимал, что он может противостоять своим противникам только путем организации равноценной массовой опоры. Однако таковой возможностью он не располагал. За ним шла только часть старых партийных кадров, убежденных в его идейной правоте и с презрением или ненавистью относившихся к выскочке Джугашвили и его подручным, небольшая группа руководящих и рядовых экзальтированных комсомольцев и большинство военных. Однако даже эти группы сторонников Троцкого не были его безоговорочной опорой, так как сдерживались догмами о необходимости сохранения партийного единства и соблюдения дисциплины. Наконец, большинство просто боялось за свои должности и карьеру. Примеры Раскольникова, Антонова-Овсеенко и Муралова служили весьма конкретными напоминаниями о том, что может произойти с отступниками от «генеральной линии».

После дискуссии конца 1923 – начала 1924 г. Троцкий колебался, следует ли ему вступать в открытый и явно неравный бой с партийным большинством, и если вступать, то в какой форме. В 1929 г., непосредственно после изгнания из СССР, он писал: «И после того, как глубокие политические разногласия определились, оттеснив далеко назад личную интригу, я пытался удерживать споры в рамках принципиального обсуждения и противодействовал форсированию борьбы, чтоб дать возможность на фактах проверить противоречивые оценки и прогнозы. Наоборот, Зиновьев, Каменев и Сталин, который осторожно укрывался на первых порах за первыми двоими, форсировали борьбу изо всех сил. Они как раз и не хотели дать партии время обдумать и проверить разногласия на основе опыта» [215] .

При этом Троцкий нередко допускал политические промахи, которыми весьма умело пользовались его оппоненты и враги. В ряде выступлений он подчеркивал, что Ленин был блестящим практиком, в то же время не отмечая его заслуг в качестве теоретика. В условиях,

когда раздувался культ личности Ленина, это была непростительная тактическая ошибка. За нее ухватился, в частности, Бухарин, который уже через месяц после смерти Ленина выступил перед слушателями Коммунистической академии с докладом, подвергая резкой критике позицию Троцкого и одновременно пытаясь лишить его теоретических регалий, заявляя, будто Ленин добился «исторического завершения» марксизма [216] . (Вот тут и сказалась правота Ленина в теоретических вопросах – Ленин в своем «Письме к съезду» обвинил Бухарина в плохом понимании марксистской диалектики, отвергавшей «завершение марксизма». Но тогда на мелочи внимания не обращали, ибо они были выгодны сталинской группе.)

18 мая 1924 г. Крупская официально передала Каменеву записи Ленина с характеристиками руководящих партийных деятелей (о которых Сталин и Каменев знали через своих шпионов – приставленных к Ленину секретарей). В сопроводительном письме она сообщала, что Ленин выражал твердое пожелание довести эти заметки до сведения партийного съезда [217] . На следующий день Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин и Калинин письменно подтвердили решение довести эти материалы до сведения ближайшего пленума ЦК [218] , а на предстоящем партийном съезде зачитать документы «по делегациям», с запрещением делать какие-либо заметки. На пленарном заседании съезда решено было «завещание» Ленина не зачитывать и о нем не упоминать [219] . Тем не менее непосредственно перед открытием съезда, 21 мая, на заседании сеньорен-конвента – совета старейшин, собрания руководителей местных делегаций и членов ЦК, называемого иногда пленумом ЦК, – был оглашен документ, получивший название «Письмо к съезду» или «завещание» Ленина.

Видимо, только на этом заседании Троцкий впервые услышал полный текст пресловутого документа. Открыл заседание и огласил письмо Каменев. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряженным [220] . После оглашения письма слово в соответствии с намеченным сценарием взял Зиновьев: «Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон… Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич, не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК» [221] .

Затем было подтверждено решение зачитать письмо Ленина не на пленарном заседании съезда, а только по делегациям без права обсуждения и с запрещением конспектировать текст, причем сам факт оглашения ленинского документа тоже рассматривался как совершенно секретный [222] . «Письмо» зачитывали Каменев и Зиновьев. Нет оснований считать, что они зачитывали текст полностью. Акценты, видимо, расставлялись так, что у слушателей оставалось выгодное Сталину ощущение. Вот что вспоминал об этой процедуре Л.М. Каганович [223] : «Когда письмо Ленина оглашалось и обсуждалось на делегациях, товарищи, при всей своей любви, уважении и верности Ленину, прежде всего ставили вопрос: а можно ли найти такого человека, который обладал бы, как пишет сам Ленин, всеми качествами Сталина и отличался лишь одним перевесом – более терпим, лоялен, вежлив и т. д. Если бы Ленин был уверен, что это легко сделать, то он со свойственной ему прямотой просто предложил бы снять Сталина и выдвинуть такого-то, а он написал осторожно или, может быть, условно. Можно думать, что Ленин и здесь, ставя так вопрос, рассчитывал на исправление Сталиным своих недостатков» [224] .

XIII съезд проходил с 23 по 31 мая 1924 г. Троцкий был избран в президиум съезда. Его поведение на съезде, проявившееся, в частности, в прениях по политическому и организационному отчетам ЦК, было еще одной демонстративной попыткой подчеркнуть свое лояльное отношение к сталинскому большинству, не отказываясь, однако, от особой позиции по основным вопросам внутренней и внешней политики государства [225] . Иными словами, его выступление было своего рода прощупыванием почвы перед принятием решения о возможности нового витка борьбы против «тройки». Троцкий начал свою речь с

заявления о намерении устранить все то, что может обострить отношения в руководстве и сделать более трудной ликвидацию затруднений, которые возникли перед партией. Оратор отстаивал верность резолюции от 5 декабря 1923 г. о внутрипартийной демократии, которая была с трудом вырвана им у сталинской группы и которую теперь Сталин всячески стремился выхолостить. Но резолюция оставалась официальным документом, и ее защита не являлась крамолой. Именно на базе этой резолюции Троцкий критиковал продолжавшуюся бюрократизацию партийного аппарата.

В выступлении подвергалась критике «маргариновая демократия», то есть демократия поддельная, искусственная, которая насаждалась в партии. Этим необычным термином, который он впервые употребил еще в 1913 г. по отношению к курсу Ленина, Троцкий теперь именовал чисто формальную статистику собраний: как часто проводятся, каков процент высказывается за различные позиции во время дискуссий и т. п. Он настаивал на том, что демократия в партии – это режим, обеспечивающий «идейное политическое и организационное руководство старого подпольного, богатого опытом поколения большевиков… и в то же время такой режим, который… обеспечивает, с другой стороны, молодому поколению выход на большую дорогу ленинизма не школьным путем… а путем активного, самостоятельного, деятельного участия в политической жизни партии и страны».

При всей демагогичности такого рода заявлений, они свидетельствовали о стремлении Троцкого, а также части его сторонников к оттеснению от власти сталинской группы, к постепенному выдвижению на передовые позиции представителей нового поколения, в первую очередь тех, кто был организационно или политически к нему близок. Именно поэтому Троцкий подчеркивал, что ни в коем случае нельзя считать проявлением фракционности местную критику партбюрократов. Именно бюрократизация верховного партийного аппарата ведет к созданию фракций – высказывал убеждение оратор.

В тщетном стремлении убедить делегатов съезда в отрицательном отношении к фракциям, имея в виду, что с легкой руки Ленина, а затем и «тройки» само слово «фракция» применительно к внутрипартийной группе воспринималось теперь не столько как политическое понятие, сколько как политическое весьма грубое ругательство, Троцкий, говоривший, как всегда, экспромтом, явно хватил через край. Увлекшись ораторскими приемами и стремясь убедить присутствовавших в своей большевистской святости, он повторил тезис, оглашенный им еще на XII съезде: «Товарищи, никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач… Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала».

Перефразировав высказывание англичан «Права или не права, но это моя страна», Троцкий закончил: «С гораздо бóльшим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия». Вслед за этим он стал говорить о том, что не только у отдельных членов партии, но и у партии в целом могут быть ошибки, но и в этом случае, если коммунист считает решение неправильным, он полагает: «Справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца».

В очередной раз Троцкий протягивал руку Сталину. Он признавал, что партия всегда права, а он, Троцкий (или он – Сталин), являясь всего лишь винтиками большой машины, могут быть не правы. В великой исторической перспективе, называемой всемирной коммунистической революцией, партия была всегда права. Сталин принял протянутую Троцким руку. В своем заключительном слове [226] он снисходительно пожурил Троцкого, что тот преувеличивает всегдашнюю правоту партии, которая не раз ошибалась, не раз ошибется и не может не ошибаться, но умеет исправлять свои ошибки.

Дебаты на XIII съезде показали, что позиции Троцкого в партии явно слабеют. В его

прямую поддержку не выступил никто. Даже Преображенский, подписавший «Заявление 46-ти» и в целом отстаивавший правильность этого документа, ни разу не упомянул его фамилию. Крупская, только еще недавно заверявшая в теплом отношении ее покойного супруга к Троцкому, а теперь робко высказывавшаяся за примирение в партии, полностью поддержала курс Политбюро, хотя и она лично Троцкому претензий не предъявляла. Другие же делегаты, отлично чувствуя, куда дует ветер, позволяли себе грубые нападки на Троцкого, борясь не столько за сталинскую линию, сколько за собственную карьеру. Некоторые из них, не обладая достаточной осторожностью и хитростью, подчас проговаривались, почему столь нервно восприняли слова Троцкого о «губкомовской обломовщине» и о необходимости омоложения аппарата. Как сказал К.М. Гулый, избранный от Харьковской губернии, «мы поняли это на местах таким образом, что тов. Троцкий хочет распустить губкомы, распустить товарищей, которые мешают тов. Троцкому вести ту или иную политику». Гулый несколько раз повторил, что Троцкий «заболел от своих ошибок», что ему надо «излечиться от своих ошибок» [227] . Защищать Троцкого от обвинений провинциального депутата никто из участников съезда не стал.

Формально считавшийся в это время то ли вторым, то ли третьим лицом в партии, послушно выполнявший в те дни сталинскую волю, Зиновьев был особенно непримирим к Троцкому. Он заявил, что в «Новом курсе» Троцкого «нет ни грана большевизма» [228] , безапелляционно и директивно отвергал возможность не только существования в партии фракций, но и групп, отстаивающих свои взгляды, на сохранении которых настаивали некоторые партработники, в частности помощник прокурора РСФСР Крыленко [229] . Зиновьев предлагал исключить Троцкого из состава ЦК и даже поставил вопрос об изгнании его из партии. Однако предпочитавший не торопиться Сталин это предложение отверг [230] . Более того, на XIII съезде Троцкий был избран в состав ЦК, а затем и в Политбюро [231] .

2. «Уроки Октября» и «литературная дискуссия»

Троцкому были чужды нравы, удовольствия и развлечения советской партийной среды. Он не скрывал этого. В своих мемуарах он писал:

«Если я не участвовал в тех развлечениях, которые все больше входили в нравы нового правящего слоя, то не из моральных принципов, а из нежелания подвергать себя испытаниям худших видов скуки. Хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, а участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть» [232] .

Таков был характер Троцкого, исправить его наш персонаж не был в состоянии, да и не собирался это делать. Но оружия Троцкий не складывал. Вскоре после съезда он начал переходить от активной обороны к своеобразным фланговым или периферийным наступательным операциям, избрав в качестве средства печатные выступления в жанре исторического очерка и мемуарных фрагментов, насыщенных ярко выраженным политическим содержанием с характеристиками Ленина и других деятелей революции. Троцкому необходимо было показать, что из всех большевистских руководителей он ближе всех стоял к Ленину, что именно эта пара внесла решающий вклад в успешное проведение Октябрьского переворота. Ленинский культ личности, созданный Сталиным, Зиновьевым и Каменевым для борьбы с Троцким, должен был, по плану Троцкого, помочь Троцкому удержаться у власти.

Троцкий действительно был наиболее близок к Ленину в предоктябрьский период и непосредственно после прихода к власти. Это была близость почти исключительно политическая, в отдельные моменты переходившая в личную, хотя и тот и другой

предпочитали не иметь подлинных друзей, являющихся неудобной ношей в политике. Не случайно первые историко-политические произведения Троцкого были посвящены именно покойному Ленину, с которым уже нечего было делить.

В первой работе – небольшой брошюре «Ленин как национальный тип» [233] – Троцкий вообще не упоминал о себе. Это были размышления, записанные в первые недели после кончины Ильича. Однако эта брошюра привлекала к себе и, следовательно, к своему автору внимание особенностью трактовки личности Ленина, о чем свидетельствовало уже само ее название. Троцкий стремился, чтобы его работа резко выделилась из массы сугубо другой апологетической литературы, появлявшейся в первые месяцы 1924 г., после смерти Ленина. Именно поэтому Троцкий, известный публике как отъявленный интернационалист и космополит, выделял в Ленине совершенно другие стороны деятельности и характера. «Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации, – говорилось в брошюре. – Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния» [234] .

Ленин представал в брошюре как порождение именно русского пролетариата, свободного, по словам Троцкого, от рутины и шаблона, от фальши и условности и к тому же обладающего совсем еще свежим крестьянским прошлым. Эти и подобные им определения, носившие умозрительный недоказуемый характер, подкреплялись лишь словами, что у Ленина была «мужицкая внешность» и «крепкая мужицкая подоплека». Любопытно, что Троцкий входил в противоречие с марксистскими догмами или, по крайней мере, трактовал их весьма вольно и расширительно, когда писал об «интуиции» Ленина или о «неведомых, наукой еще не раскрытых путях», которые сформировали личность вождя [235] .

В рассмотренной брошюре проявилась важная особенность Троцкого как историка: он оказался способным при всей своей приверженности марксистским догматам оторваться от «классового подхода», выйти за пределы марксистской парадигмы, если этого требовал собственный политический интерес: «Теми неведомыми, наукой еще не раскрытыми путями, какими формируется человеческая личность, Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего в человеческой истории революционного действия. Именно потому, что через Ленина социальная революция, давно имеющая свое интернационально-теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение, Ленин стал в самом прямом и самом непосредственном смысле революционным руководителем мирового пролетариата» [236] .

Автор явно стремился противопоставить себя тем примитивным, по его мнению, суждениям о Ленине, которые в изобилии появлялись в эти месяцы из-под пера Каменева, Зиновьева и особенно Сталина, но преуспел главным образом в хлесткости стиля, яркости выражений и сравнений, внося свой вклад в прославление покойного.

В несравненно большей степени эти свойства были характерны для значительно более обширной работы, написанной вслед за брошюрой о национальных чертах Ленина. На этот раз речь шла о воспоминаниях, посвященных двум узловым моментам: «старой» «Искре» – то есть первой российской социал-демократической газете, до того времени, как она оказалась в руках меньшевиков, а Ленин перестал в ней участвовать, – и «решающему году», в центре которого стоял Октябрьский переворот, событиям с середины 1917 до осени 1918 г.: «О Ленине. Материалы для биографа» [237] . Это была первая книга воспоминаний Троцкого, для которой характерны в максимальной степени хорошо известные историкам позитивные стороны и недостатки лучших произведений этого жанра. Яркие подробности событий, великолепно вычерченные образы, неизвестные или почти неизвестные факты сочетались в книге с субъективностью оценок, явным подчеркиванием собственной роли и деятельности, приданием им подчас решающего значения, стремлением к минимальному освещению или даже почти полному игнорированию тех эпизодов, которые теперь представлялись автору то ли мелкими, то ли не соответствующими его нынешней позиции, то ли попросту политически невыгодными для передачи современникам. Автор, правда,

утверждал, что о всех других персонажах, кроме Ленина, в том числе о самом себе, он рассказывал лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы показать Ленина, но, соблюдая это намерение в отношении всех остальных, он отнюдь не выполнил обязательства применительно к себе, порой сбиваясь на повествование о своей жизни.

Первая часть мемуаров посвящалась в значительной мере сотрудничеству Ленина и Троцкого перед II съездом РСДРП [238] . Разрыв с Лениным на съезде, переход Троцкого в меньшевистский лагерь и острая полемика двух лидеров представлены были лишь в самом конце очерка и крайне бегло. В то же время воспоминания о том сравнительно давнем времени были достоверными, яркими, хлесткими, как это почти всегда было свойственно Троцкому. Но в этом фрагменте Ленин представал уже как зрелый партийный деятель, равный известным руководителям группы «Освобождение труда» Плеханову и Засулич. Ленин в определенной мере противопоставлялся Мартову, статьи которого Ленин находил «недостаточно определенными», а эгоистические свойства Ленина, которые автор, к чести его, не игнорировал, объяснялись объективными условиями и политической необходимостью.

Сходный характер носила и вторая, значительно бóльшая по объему часть «Вокруг Октября». Но это был материал о событиях более близких и о том периоде, когда Троцкий и Ленин находились на почти идентичных позициях во время подготовки захвата большевиками власти, закрепления большевистской диктатуры, брестских переговоров и начала Гражданской войны. Исключением являлись только разногласия на заключительном этапе переговоров в Брест-Литовске, которые как раз во время подготовки книги воспоминаний Троцкого стали всячески преувеличивать сторонники Сталина, пытаясь превратить их в «особую позицию» Троцкого, приведшую к «срыву» переговоров.

В этой части Троцкий вполне достоверно воспроизводил действительные события и детали революции 1917 г., свидетелем и активнейшим участником которых он был. В данном случае максимально объективная картина являлась в то же время наиболее для него целесообразной с точки зрения его текущих политических задач в борьбе против сталинской группы, которую он попросту игнорировал, как будто ни Сталина, ни Зиновьева с Каменевым вообще не существовало на свете. В числе важнейших моментов, отличавших воспоминания Троцкого от откровенно апологетической литературы, были указания на то, что Ленин был рьяным сторонником большевистского террора, что партия далеко не всегда покорно следовала за Лениным и не ловила глазами каждый взмах его дирижерской палочки; что после 1917 г. в большевистской партии не раз возникали серьезные разногласия, что Ленин был не столько теоретиком, сколько практическим исполнителем заветов Маркса и Энгельса.

Троцкий написал о том, что Ленин весьма необдуманно в первые дни после Октябрьского переворота выдвинул подстрекательский лозунг «Грабь награбленное!», от которого вскоре отказался под предлогом изменившихся обстоятельств. Чуть позже, отвечая на одну из негативных рецензий, Троцкий писал: «Если теперь представить себе, что приведенный у меня по памяти, без всяких политических тенденций разговор происходил после этого знаменательного перелома нашей революционной политики, то все окажется на месте и все станет ясно. Понятно станет политически и не менее понятно психологически: Ленин не раз, с такой же вот досадой, с ироническим отчаянием, с особым этаким выразительным кряхтением отмахивался в тех случаях, когда ему приходилось слышать его же собственные лозунги, формулы или просто выражения, в известных условиях и на известный предмет сказанные, но ходом вещей уже выпущенные в тираж» [239] .

Это были вполне искренние суждения, но они уже не соответствовали тем культовым установкам, на которые «тройка» ориентировала весь пропагандистский аппарат.

Воспоминания Троцкого о Ленине получили весьма позитивную оценку в тех печатных органах, которые редактировались деятелями, близкими к Троцкому по своим взглядам или, по крайней мере, стремившимися сохранить какое-то подобие независимости суждений. В.И. Невский, незадолго перед этим опубликовавший книгу о Николаевском рабочем союзе и

роли в нем юного Льва Бронштейна, теперь писал: «Книга тов. Троцкого во многих отношениях не только книга «О Ленине», но и книга о Троцком. Я не собираюсь писать дифирамб тов. Троцкому, так как являюсь противником всяческих и тем более партийных молебнов и акафистов, но хочу только сказать, что образ нашего вождя, зарисованный художественной кистью человека, о котором тоже можно сказать, что он в своем роде primus inter pares [240] , так удачен, так близок и так дорог» [241] .

В журнале «Красная новь», выходившем под редакцией Воронского, подписавшего в 1923 г. Заявление 46-ти, была опубликована весьма лестная рецензия критика Г. Даяна, в которой подчеркивалось, что Троцкий создал образ Ленина в его формировании, становлении и развитии, показал Ильича подчас боровшимся против взглядов, господствовавших в партии, а подчас отступавшего и одинокого. «Художественность образов, мастерство стиля, благородство тона и при этом перлы остроумия, приперченные тонкой, но едкой иронией» – таковы были, по словам критика, черты мемуарной книги [242] .

Естественно, столь благосклонные, подчас даже преувеличенно похвальные отклики никак не могли понравиться партийной верхушке, сталинской группе, которая, однако, вначале почти не реагировала на эту работу, явно выбивавшуюся из стройных рядов стандартного восхваления покойного вождя, переполнявшего газеты и журналы страны. В то же время Сталин внимательно прочитал как саму книгу Троцкого о Ленине, так и появившуюся вслед за ней критическую брошюру секретаря ЦК компартии Украины Э.И. Квиринга [243] , и тут же записал для памяти: «Сказать Молотову, что Тр[оцкий] налгал на Ильича на счет путей восстания» [244] . (Упоминание Молотова здесь не случайно: он уже получил задание Сталина подготовить разгромную брошюру против книги Троцкого.)

В появившемся в том же 1924 г. очерке Горького «В.И. Ленин» Троцкий не увидел прямой конкуренции своим воспоминаниям – очень уж неравными были весовые категории советского наркомвоенмора и эмигрантского писателя. Тем не менее нарком не скрыл своей весьма сдержанной оценки книги Горького, опубликовав в «Правде» и в других центральных газетах 7 октября 1924 г. статью «Верное и фальшивое о Ленине: Мысли по поводу горьковской характеристики». Вопрос, который ставил Троцкий, звучал так: понимал ли Горький до конца и глубоко личность Ленина, соответствовал ли реальности созданный им «прекрасный образ»? Автор приходил к выводу, что Горький пытался создать некий идеализированный тип интеллигента, который доходит «до самоистязания, самоуродования». Но в вышедшем из-под пера Горького образе Ленина больше фальшивого, чем верного. «Не подходит к Ленину, совсем и вовсе не подходит это церковное, сектантское, постное, на конопляном масле слово «праведник». Это был человек, большой и великолепный человечище, и ничто человеческое не было ему чуждо», – писал Троцкий. Особо неприемлемо было для Троцкого утверждение, что Ленин принес себя в жертву. «Как гвоздем по стеклу», – описал ощущение от этого выражения Троцкий. Ленин, по его словам, жил «ключом бьющей жизнью, разворачивая свою личность до конца, на службе цели, которую сам себе свободно поставил». Ленин, по Троцкому, – «суровый реалист, профессиональный революционер, разрушитель романтики, ложной театральности, революционной цыганщины». Если в борьбе ему приходилось разрушать культурные ценности прошлого, он делал это без плаксивой сентиментальности. «Для меня Ленин – герой легенды, человек, который вырвал из груди…» – писал Горький. И на это Троцкий ответил оскорбительным для Горького: «Брр!..»

Некоторые замечания Троцкого Горький все же учел. Во второе и следующие издания «вырвал из груди…» уже не вошло. Что касается оценки Ленина Троцким в этой статье-рецензии, то она была несравненно более реалистичной и трезвой, нежели сентиментальные излияния писателя Горького, создавшего не столько воспоминания, сколько своего рода молебен.

Вторую половину лета и часть осени 1924 г. Лев Давидович провел в Кисловодске [245] , где стремился поправить свое здоровье при помощи целебных минеральных ванн, пил

нарзан и проводил другие лечебные процедуры. Отдыхал он в одном из особняков парковой зоны, неподалеку от бювета главной нарзанной галереи. Именно в этом году на базе нескольких особняков здесь был организован правительственный санаторий имени Троцкого (поразительно, но чиновничья инерция продолжала давать себя знать – имя опального деятеля все еще присваивалось государственным учреждениям!), который ныне носит название «Жемчужина Кавказа». Здесь, снятый со всех постов, но еще не вставший в активную открытую оппозицию, а потому располагавший и временем и аппаратом, Троцкий приступил к подготовке издания.

Тома не подготавливались и не выпускались хронологически. В 1925 г. первым был издан третий том, часть первая, посвященная 1917 г. Троцкий приложил силы, чтобы издание носило по возможности научный, хотя и не академический характер. Над его подготовкой к печати работала большая группа помощников и редакторов, которые разыскивали материалы, опубликованные в прессе, лишь изредка проводили селекцию, работали над обширным архивом самого Троцкого, проверяли и сопоставляли факты, писали обширные содержательные предисловия и примечания, которые иногда превращались в миниатюрные научные исследования. Среди этой группы большевиков, большинство которых стали историками не по «партийному поручению», а по призванию, хотя и не имели соответствующего образования и специальной подготовки, и из симпатии к Троцкому, следует назвать М. Глазмана (являвшегося одновременно личным секретарем Троцкого), Н. Ленцнера, Е. Кагановича, В. Эльцина [246] , И. Павлова, Н. Палатникова, М. Любимова, В. Зурабова, И. Румера, С. Соломина. Редактором третьего тома был Наум Ленцнер, который затем удостоился весьма нелестных оценок со стороны Сталина за некоторые комментарии, положительно оценивавшие роль Троцкого в 1917 г. Вскоре Ленцнер, спасая себя, покинул Троцкого, присоединился к его хулителям, был послан на журналистскую работу в Белоруссию, затем стал секретарем провинциального райкома партии, но, как и остальные редакторы сочинений Троцкого, не избежал печальной судьбы – был арестован и расстрелян во время Большого террора.

Всего над собранием сочинений Троцкого работало 25 – 30 человек – большинство в качестве постоянных сотрудников, часть на сдельной оплате [247] . Намечалось выпустить 23 тома, причем некоторые тома в двух книгах. Все издание предполагалось разделить на семь серий: «Подготовление Октября»; «Перед историческим рубежом»; «Война»; «Проблемы международной пролетарской революции»; «На пути к социализму»; «Проблемы культуры»; «Ленин и ленинизм». Впрочем, в ходе работы возникла мысль вне этих серий опубликовать еще и библиографический том, который содержал бы в том числе рецензии и критические статьи Троцкого [248] . В 1925 – 1927 гг. в свет вышли 10 томов (13 книг) Троцкого. Гонорары за них автор получать отказался. В 1927 г. издание было прервано – еще до исключения Троцкого из партии. Госиздат мотивировал это тем, что намеченный объем 500 печатных листов был уже достигнут и даже несколько превышен. Но, разумеется, дело было не в объеме. Это была лишь отговорка, прикрывавшая директиву Сталина [249] .

Посвященный 1917 г. третий том был не вполне грамотно назван «Историческое подготовление Октября» и состоял из двух частей. Первая – «От Февраля к Октябрю», вторая – «От Октября до Бреста». В том вошли доклады, речи, статьи и другие документы, свидетельствовавшие об исключительно важной роли Троцкого на этом решающем для судеб революции и страны этапе. Однако квинтэссенцией тома стала вступительная статья Троцкого, которая называлась «Уроки Октября» (для других томов автор вступительных статей не писал, в лучшем случае ограничиваясь короткими предисловиями).

Главная задача статьи состояла в том, чтобы разрушить авторитет Каменева и Зиновьева и тем самым нанести косвенный удар по Сталину. Для этого автор использовал позицию Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. Он стремился полностью развенчать легенду о том, что они были соратниками Ленина при подготовке Октябрьского переворота. Бесспорным положительным героем статьи был Ленин, верным соратником которого представал сам Троцкий (в основном применительно ко второй половине года это была

вполне справедливая оценка), антиподом Ленина фигурировал Каменев, а вторая роль в этом внутреннем враждебном стане отводилась Зиновьеву (в качестве противника Ленина назывался еще и Ногин).

Ленин и Троцкий были представлены как последовательные и непримиримые борцы за превращение демократической революции в социалистическую с тем, чтобы она из России распространилась на другие страны и превратилась в перманентную мировую революцию. Иначе говоря, ставился знак равенства между концепцией перманентной революции Троцкого и линией Ленина на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, что применительно к данному этапу в основном соответствовало действительности. В статье приводились многочисленные факты и документы, рисующие Каменева в качестве «правого» большевика, стремившегося к превращению России в демократическую республику и ратовавшего за откладывание социалистической революции как в России, так и за ее пределами на неопределенное время. Фактически Троцкий обвинил Каменева в меньшевизме, а это было самое страшное обвинение для большевика того времени, тем более занимавшего один из высших руководящих постов в партии и государстве. Как можно доверять такому деятелю, как бы спрашивал Троцкий. Вопрос стал внутренним содержанием «Уроков Октября» [250] . Добавим, что вопрос этот по существу относился не только к Каменеву, но и к Зиновьеву и, главное, к стоявшему за их спиной генсеку Сталину. Правда, Троцкий заявлял, что ворошить старые разногласия он не собирается. Но произнесены были эти слова только для того, чтобы «старые разногласия» возвести на подлинно принципиальную высоту: «Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах октябрьского переворота, имеющих международное значение».

Автор обосновывал публикацию сенсационной вступительной статьи недавними поражениями революций в Германии и в Болгарии. Он считал необходимым во всей конкретности выяснить причины жесточайших поражений, которые понесли компартии в этих странах, а для этого серьезно проанализировать историю Октября. «Пора собрать все документы, издать все материалы и приступить к их изучению!» – провозглашалось в статье. Далее следовала попытка анализа этих самых материалов и документов, а точнее говоря, оценка Троцким главных коллизий 1917 г., начиная от февральского свержения монархии и завершая Октябрьским переворотом. Рассматривались причины успеха «мелкобуржуазных» партий – меньшевиков и эсеров – на первом этапе революции, который Троцкий объяснял тем, что они смогли опереться на армию, состоявшую в основном из малограмотной, малосознательной, доверчивой по отношению к реформистам крестьянской массы.

Далеко не все в анализе революционных событий 1917 г. было точным и достоверным. Многие оценки Троцкого были в дальнейшем значительно скорректированы. Не выдерживает, например, критики его утверждение, что Апрельская конференция большевиков закрепила победу ленинского курса на подготовку социалистической революции. Сам Троцкий вслед за этим признавал, что и после апреля 1917 г. в партии сохранилось немало сторонников умеренного курса, в том числе и в высшем ее эшелоне. Скорее всего, автор, стремясь завершить свою работу как можно быстрее, просто не заметил возникшего противоречия и, более того, несоответствия его столь высокой оценки Апрельской конференции и главной концепции статьи – о наличии в руководстве партии влиятельного правого крыла.

Именно этому весьма острому вопросу и была в основном посвящена статья. Автор подробно останавливался на совещании большевистской фракции Демократического совещания, на котором впервые выявились острые противоречия между правыми, прежде всего Каменевым и Ногиным, и левыми, во главе которых был Троцкий. Но основной удар приберегался под самый конец. Речь шла о письме Каменева и Зиновьева от 11 октября 1917 г. Оно было написано после заседания ЦК большевистской партии, проведенного 10 октября. После острых споров на этом заседании было принято решение о проведении в ближайшее время вооруженного восстания. Письмом от 11 октября Каменев и Зиновьев предприняли

попытку не допустить вовлечения партии в опасную, как они полагали, вооруженную авантюру. Троцкий, таким образом, раскрывал одну из сокровенных тайн высшего большевистского руководства, причем тайна эта касалась людей, которые вместе со Сталиным сегодня управляли государством. Это немедленно сделало историческую по жанру статью «Уроки Октября» важнейшим политическим документом [251] . Политическая злободневность лежала на поверхности работы. Не только изощренные в аппаратных битвах и канцелярских уловках объекты этой весьма острой атаки, но самая широкая читательская масса должна была сразу увидеть и понять, на кого направлены критические стрелы Троцкого.

Рассекреченные Троцким эпизоды недавней советской истории неминуемо должны были всколыхнуть страсти, на что, собственно, и рассчитывал автор. Полагая, что получит немалую поддержку, Троцкий, однако, ошибся в оценках расстановки сил. Он подписал статью «Уроки Октября» к печати 16 сентября 1924 г., в Кисловодске. Через четыре недели появилась первая корректура, которую всполошившиеся цензоры немедленно доставили Каменеву, курировавшему издательское дело. Последний тотчас понял, что он и Зиновьев, а косвенно и Сталин будут безнадежно скомпрометированы, если не предпримут какие-то жесткие контрмеры. На квартире Каменева для обсуждения вопроса, допускать ли статью в печать или наложить на нее запрет, состоялось совещание «тройки». Сталин, однако, счел целесообразным принять вызов и допустить публикацию статьи в качестве вводной к тому сочинений Троцкого с тем, чтобы, используя ее, нанести затем по Троцкому ответный удар. Одновременно Сталин получал первоклассный компромат на двух потенциальных конкурентов на власть Сталина в партии – Каменева и Зиновьева, причем компромат этот высвобождался не руками Сталина, а по инициативе Троцкого, что для Сталина было крайне выгодно.

Направленная против опубликованной Троцким книги кампания получила официальное название «литературной дискуссии». Никакого отношения к дискуссии, тем более к литературе кампания эта не имела, а явилась попыткой всесторонней политической дискредитации и шельмования Троцкого. Был использован богатый фонд ленинских критических и просто ругательных высказываний по адресу Троцкого в период между 1903 и 1917 гг.; было создано впечатление, что эти высказывания Ленина сохранили свою актуальность и после 1917 г. Одновременно решено было обелить Каменева и Зиновьева, изобразив дело таким образом, что их ошибочные взгляды были лишь кратковременным заблуждением, не рассорившим их с Лениным, для которого главным и постоянным врагом оставался Троцкий. В заключение «тройка» утверждала, что Троцкий пытается подменить ленинизм некой особой системой взглядов – «троцкизмом».

Лев Давидович в очередной раз недооценил и степень влияния «тройки» на партийный аппарат, и ее хитрую изощренность, и пассивность подавляющей части членов партии, основную массу которой теперь составляли не «профессиональные революционеры», то есть люди, идейно преданные своему делу, независимо от морально-политической оценки этого дела, а те, кто рассматривал партийный билет в качестве своего рода продуктовой и промтоварной карточки или же купона, гарантирующего карьерное продвижение или хотя бы должностную стабильность. Если во время дискуссии осени 1923 г. Троцкий имел значительную поддержку части партийных и советских работников, а также учащейся молодежи, разделявших его критику «секретарского бюрократизма» и «аппаратной обломовщины», то теперь он оказался фактически в одиночестве. Его бывшие сторонники в основном перешли на сторону Сталина. Но и те, кто сохранил критическое отношение к происходящему и был недоволен «отклонением» революции от «правильной», с их точки зрения, линии, в исторические споры, тем более компрометирующие высших партийных руководителей, втягиваться больше не желали. Так что «литературной дискуссии», как это и замышляла «тройка», по существу дела не было. Имела место открытая и грубая кампания нападок на Троцкого. Последний, возвратившись из недолгого отпуска из Кисловодска, отмалчивался, что не способствовало сохранению остатков его авторитета и отстаиванию

правдивости фактов, изложенных в «Уроках Октября».

Против Троцкого развернулась массированная атака на партийных собраниях, конференциях и всевозможных активах, в газетах и журналах, в публицистике. Открыл кампанию, как и должно было быть, Каменев, выступивший 18 ноября с огромной речью на заседании Московского комитета партии и партийного актива. На следующий день он повторил свой доклад на заседании большевистской фракции ВЦСПС, 24 ноября – на совещании сотрудников политотделов военных округов и других военных политработников [252] . Основной смысл аргументации Каменева состоял в том, что Троцкий напал не на него лично, а на партию, извратив партийную историю. Каменев утверждал, что большевизм сформировался в борьбе не только с меньшевизмом, но и с «троцкизмом». В докладе был сделан, таким образом, первый шаг в отождествлении этих течений, из которых второго, конечно, не существовало.

Обвиняя Троцкого в извращении партийной истории, сам Каменев ее грубо фальсифицировал. Троцкий разошелся с Лениным на II съезде РСДРП при обсуждении проекта устава партии. Каменев утверждал, что при выборах ЦК меньшевики хотели протащить туда Троцкого, Ленин на это не согласился, произошел разрыв, и Троцкий объединился с меньшевиками. Все это было ложью. В докладе Каменева не упоминалось, что Троцкий находился во главе Петербургского Совета в 1905 г. Вся первая часть доклада, посвященная дооктябрьскому периоду, почти полностью состояла из ленинских цитат, направленных против Троцкого. Троцкий в представлении Каменева был врагом ленинизма, врагом Октября. Свои же разногласия с Лениным, которые на самом деле в 1917 г. были реальными, тогда как Троцкий являлся тогда союзником Ленина, Каменев в целом проигнорировал. Только в самом конце доклада он формально признал, что его и Зиновьева ошибка «была громадной», но она продолжалась всего несколько дней и не имела каких-либо реальных последствий, причем внимание обращалось не на саму ошибку, а на то, что она не имела реальных последствий и используется теперь только злейшими врагами большевизма. Троцкий же, по словам Каменева, прибег к «отравленному оружию», предпринял «злопыхательскую попытку» создать правое, чуть ли не меньшевистское крыло в большевистской партии.

За Каменевым последовал Сталин. Выступив 19 ноября на том же заседании комфракции ВЦСПС [253] , он в еще большей степени, чем его предшественник, разразился грубыми ругательствами по адресу Троцкого, не гнушаясь прямым искажением и фальсификацией событий. Защищая своих нынешних союзников – Каменева и Зиновьева – от «нападок» Троцкого, которые Сталин объявил личными (в чем был известный смысл, хотя личные моменты здесь неразрывно переплетались с сугубо политическими), генсек всячески преуменьшал роль Троцкого в октябрьских событиях 1917 г. и выпячивал разногласия, связанные с подписанием мирного договора с Германией в начале 1918 г. Сталин ввел термин «новый троцкизм» (в отличие от «исторического троцкизма», то есть взглядов Троцкого до 1917 г.) и утверждал, что цель этого «нового течения» – опорочить партийные кадры и самого Ленина, подменить ленинизм троцкизмом. Генсек, наконец, касался особенно болезненной для него темы – роли Троцкого (а следовательно, своей собственной) в Гражданской войне. Он возражал против «легенды», что Троцкий был создателем Красной армии. Игнорируя слишком уж очевидные в смысле правоты Троцкого события в районе Царицына, Сталин разглагольствовал об ошибках Троцкого в планировании операций против Колчака и Деникина.

К массированной «антитроцкистской» кампании присоединились Зиновьев (выступивший со статьей «Большевизм или троцкизм?») [254] и Бухарин (опубликовавший в «Правде» редакционную статью «Как не нужно писать историю Октября») [255] . В свою очередь Молотов атаковал «политического противника» с другого фланга, написав большую статью, выпущенную брошюрой, с критикой книги Троцкого о Ленине [256] . Выход на полемическую арену «каменной задницы», как почти открыто именовали Молотова в

высших партийных кругах, должен был стать для Троцкого особенно оскорбительным, тем более что этот бюрократ был слишком прямолинеен в «разоблачении отступничества». Достаточно показательным было заключение брошюры, отражающее ее догматический, корявый по стилю текст с массой повторений: «Если современный троцкизм пытается кое в чем затушевать разницу между троцкизмом и ленинизмом, если современный троцкизм пытается оправдать в чем-либо троцкизм перед ленинизмом, это нельзя рассматривать иначе, как покушение с дурными средствами, какие бы тут ни были личные намерения… Троцкист в Троцком берет верх над ленинцем. Эта книга, как и «Уроки Октября» и «Новый курс», будет служить материалами для характеристики двойственности теперешней политической позиции Троцкого и тем самым материалами об уроках троцкизма» [257] .

После Молотова по поводу воспоминаний о Ленине стали критически высказываться и другие авторы. Одному из них – И. Вардину (Мгеладзе) [258] , работавшему в аппарате ЦК (позже он в качестве приближенного Зиновьева примкнет к объединенной оппозиции и на недолгое время станет ее довольно активным деятелем), Троцкий резко ответил в «Большевике». Рецензия Вардина была опубликована в 10-м номере журнала за 1924 г. Троцкий написал, что в ней побит «советский рекорд уплотненной путаницы» [259] . Особенно Вардина возмутил эпизод, когда Ленин фактически осудил собственный лозунг «Грабь награбленное!». На сторону Вардина, по существу, стала редакция журнала, написавшая в редакционной статье о глубоких принципиальных разногласиях Троцкого с Лениным до 1917 г. и о том, что Троцкому свойственна «излишняя запальчивость» и что он не учится на собственных ошибках [260] .

Через непродолжительное время вновь выступил Каменев, который на этот раз включился в полемику с Троцким по поводу оценки последним Ленина. Член «тройки» поместил в «Правде», а затем издал отдельной брошюрой текст, в котором развивал уже высказанную рядом «вождей» согласованную ими версию, что Троцкий называет себя ленинцем, не будучи таковым на самом деле, и фактически проповедует под видом ленинизма «подмену ленинизма троцкизмом». Для Каменева приберегли важный документ, призванный окончательно скомпрометировать Троцкого: то самое письмо Троцкого Чхеидзе, написанное в 1913 г., причем Каменев придал этому письму весомость, упомянув его в заголовке памфлета [261] и опубликовав в приложении. Через пять с лишним лет Троцкий сокрушался: «Не имея понятия о вчерашнем дне партии, массы прочитали враждебные отзывы Троцкого о Ленине. Они были оглушены. Правда, отзывы были написаны за 12 лет перед тем. Но хронология исчезала перед лицом голых цитат. Употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе, представляет собой один из величайших обманов в мировой истории» [262] .

Неясно, правда, в чем состоял обман. Письмо отражало политическую атмосферу того времени. Вражда между Лениным и Троцким была в тот период бесспорным фактом. Оба революционера не жалели нелицеприятных слов, чтобы очернить друг друга. Так что обмана не было. Письмо было передано партийному руководству Ольминским. В сопроводительной записке, которую правильнее было бы назвать доносом, сообщалось, что три года назад Ольминский написал Троцкому об обнаружении этого документа и запросил его о целесообразности публикации, на что последний ответил отрицательно: «Время для истории еще не пришло. Письма писались под впечатлением минуты и ее потребностей, тон письма этому соответствовал». Ольминский также утверждал, что «письма» (на самом деле только одно письмо) – не результат минутного настроения, а «один из этапов политической борьбы между большевиками и меньшевиками» и что в письме «сквозит презрение к партии» [263] . Вопреки воле Троцкого и в интересах «истины» Ольминский пересылал теперь письмо Троцкого руководству для публикации.

Выступления и статьи Каменева, Сталина, Зиновьева и других, направленные против «Уроков Октября», многократно перепечатывались местными издательствами [264] , их содержание вдалбливалось в головы членов партии и беспартийных, которых убеждали в существовании «троцкизма» (которого не было), враждебного «ленинизму» (которого тоже

не было). Ради удержания личной власти изобретались фантомы, на которые опирались псевдотеоретики в борьбе против столь же несуществующих других, «враждебных» фантомов. Эта кампания была настолько бесстыдной, что даже ненавидящий Троцкого Чуковский испытал неловкость и записал в своем дневнике в декабре 1924 г.: «Ах, какая грустная история с Троцким!» [265]

Через пару лет, когда Зиновьев и Каменев оказались в оппозиции сталинской группе вместе с Троцким, эта пара не раз повторяла, что «Уроки Октября» стали удобным предлогом для продолжения борьбы с Троцким. На пленуме ЦК в июле 1927 г. Зиновьев говорил: «Я ошибался, когда после заболевания Ленина вошел во фракционную семерку, которая постепенно стала орудием Сталина и его ближайшей группы» [266] . (В «семерку» входили члены Политбюро Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский и председатель ЦКК Куйбышев.) Радек же дал письменное показание: «Присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Л.Б. [Каменев] расскажет на пленуме ЦК, как они [Каменев и Зиновьев] совместно со Сталиным решили использовать старые разногласия Л.Д. [Троцкого] с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партии. Кроме того, много раз слышал из уст Зиновьева и Каменева о том, как они «изобретали» троцкизм как актуальный лозунг» [267] .

Массированная кампания против вымышленного «троцкизма», а по существу дела против влияния и авторитета наркомвоенмора, все еще занимавшего как свой административный пост, так и место в Политбюро, ставила своей целью разрушить в общественном сознании образ Троцкого как ближайшего соратника Ленина, как одного из вождей Октябрьского переворота, как ведущего политического деятеля Советской России. Ответственные партийные работники сознавали, что влияние Троцкого, хотя и подорванное ухищрениями «тройки» и «семерки», да и его собственными не всегда расчетливыми действиями, остается весьма значительным. Подвойский, один из практических организаторов Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде и в то время близкий к Троцкому человек, теперь полностью переметнувшийся на сторону сталинской группы, записал в дневник в 1924 г.: «Троцкизм опасно быстро растет… Им питается комсомол и несоюзное юношество, пионеры, начальные школы, фабзавучи, рабфаки и вузы» [268] .

Наиболее враждебную позицию по отношению к Троцкому продолжал занимать Сталин, который, однако, весьма ловко маскировал свои чувства, набрасывая на себя маску «центриста», стремившегося добиться партийного единства. Свою речь против «Уроков Октября» Сталин завершил внешне спокойными, но таившими внутреннюю угрозу словами: «Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма. Мы не хотели и не добивались этой литературной дискуссии. Троцкизм навязывает ее нам своими антиленинскими выступлениями. Что ж, мы готовы, товарищи» [269] .

Замыслы Сталина были куда более зловещими. Он ставил своей конечной целью устранение Троцкого с политической арены, а при необходимости и возможности – его физическое уничтожение. Об этом рассказали Троцкому Зиновьев и Каменев, пошедшие на недолгий союз с Троцким после того, как Сталин лишил их власти. В конце 1924 или начале 1925 г. Сталин созвал узкое совещание, на котором поставил на обсуждение вопрос о том, не целесообразно ли физическое уничтожение Троцкого. Доводы за были ясны и очевидны: окончательное устранение весьма опасного соперника и критика. Но сам Сталин продолжал колебаться. Главный его довод против физической расправы был таков: «Молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами». Так что в результате план устранения Троцкого был если не отвергнут полностью, то по крайней мере отложен. Но Каменев предупреждал Троцкого: «Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить Вам?.. Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить» [270] .

Троцкий продолжал бороться пером. В ответ на разнузданные обвинения он

подготовил в ноябре 1924 г. обширную статью «Наши разногласия», в которой весьма аргументированно развенчал три основные установки сталинской группы: обвинение в ревизии ленинизма; обвинение в особом «троцкистском» уклоне в освещении событий 1917 г.; утверждение, что статья «Уроки Октября» представляла собой особую «платформу» и ставила целью создание в партии особого «правого крыла». Это было именно объяснение, причем по всем пунктам оборонительное, примирительное. В «Наших разногласиях» Троцкий утверждал, что основной идеей «Уроков Октября», и это было действительно так, но лишь отчасти, являлась мысль о решающей роли в Октябрьском перевороте большевистской партии. «Никакие натяжки, никакие софизмы не смогут опрокинуть того факта, что центральное обвинение, выдвинутое против меня – в умалении значения партии – ложно в корне и находится в вопиющем противоречии со всем тем, что я говорю и доказываю» [271] . Правда, Троцкий продолжал развивать и обосновывать критику позиции Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г. Вопреки воле Ленина Каменев и Зиновьев пытались противостоять революции, утверждал он. «Именно Ленин разъяснял им, что эта их позиция задерживает необходимое развитие революции. Я лишь конспективно и в явно смягченной форме воспроизвел его критику и оценку. Как же отсюда мог получиться вывод в сторону ревизии ленинизма?» [272] – писал Троцкий, намекая, что он всего лишь пересказывает точку зрения Ленина о Каменеве с Зиновьевым.

Троцкий отвергал «безобразные извращения» своих слов критиками и в то же время подчеркивал, что у него нет разногласий со сталинским большинством по вопросам текущей политики, что лично он строго проводил в жизнь решения XIII партсъезда. Ради возврата к власти и единства партии Троцкий готов был пойти на новые и новые уступки. Однако после того, как статья «Наши разногласия» уже была подготовлена к печати, Троцкий не стал ее издавать. Может быть, он понял бессмысленность новых уступок. Или, наоборот, считал, что в случае публикации она будет использована Сталиным для дальнейшего разжигания страстей. На первой странице текста, сохранившего в архиве Троцкого в Бостоне, рукою автора было помечено: «Единственный экземпляр. Не было напечатано» [273] .

3. Социализм в одной стране

После расправы с Лениным и предпринятыми Сталиным попытками политического и даже физического устранения Троцкого последний не должен был уже надеяться на возможность примирения с партаппаратным большинством советского руководства. Нужно отметить, что к этому времени обозначилось расхождение, которое впервые со времени Брестского кризиса можно было назвать теоретическим, но при этом абсолютно реальным: о возможности строительства социализма в одной отдельно взятой стране. Сталин выступил с теорией, противоречащей, как, по крайней мере, казалось Троцкому, его концепции перманентной революции.

В 1924 – 1925 гг. при активном участии и под руководством Бухарина была сформулирована «теория победы социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения». Основана она была на выхваченном из контекста высказывании Ленина 1915 г. о неравномерном развитии капитализма, в результате которого возможен прорыв капиталистического системы первоначально в одной, отдельной взятой стране. Ленин об этом высказывании вскоре просто забыл, переключившись на установку о международной революции, о чем он неоднократно писал и говорил, без которой советский строй в России не может удержаться и обречен на поражение. Но эти совсем еще недавние высказывания Ленина теперь были предусмотрительно забыты, а мимоходом брошенная фраза 1915 г. активнейшим образом взята на вооружение пропагандистской машиной Сталина.

Самому Сталину теория социализма в одной стране настолько понравилась, а факт, что у него появилась собственная теория, соизмеримая с теорией Троцкого о перманентной революции, был настолько важен, что под новую теорию Сталин сменил союзников. Он стал отдалять от себя Каменева и Зиновьева, по инерции ориентирующихся на скорую

международную революцию, и сближаться с создателем новой теории Бухариным и умеренным Рыковым, по классификации Политбюро считавшимся «правым».

Троцкий до того, как он оказался в оппозиции, также признавал возможность строительства социализма в России без обязательной увязки с мировым контекстом. Выступая в мае – июне 1923 г. с лекциями перед слушателями Университета имени Я.М. Свердлова, Троцкий указал на ряд признаков, создававших совершенно исключительные условия для строительства социализма в России «в одиночку»: «Если мы подойдем к России, то увидим, что особенности у нее величайшие… У нас на одном полюсе очень концентрированная и квалифицированная индустрия, а на другом тайга, болота, которые нуждаются в самой элементарной обработке… если бы весь мир провалился, кроме России, погибли бы ли мы?.. Нет, не погибли бы при наших средствах, при условии, что мы являемся шестой частью земного шара…» [274]

Сталинско-бухаринская теория тоже не отказывалась от марксистско-ленинской догмы о социализме (коммунизме) во всем мире. Но акцент в сталинской теории делался на военно-административное укрепление СССР, усиление его экономического и военного могущества, расширение советского влияния на соседние и более отдаленные страны и постепенный отрыв новых государств от капиталистического лагеря, в том числе и главным образом при помощи прямой военной интервенции Красной армии. Тот факт, что теория построения социализма в одной стране не исключала «мировой революции», просто другим способом организованной, Троцкий игнорировал.

В статье «К политической биографии Сталина», написанной вскоре после высылки из СССР и затем включенной в книгу «Сталинская школа фальсификаций», Троцкий кратко суммировал переход Сталина к новой доктрине: «1924 год – год великого поворота. Весною этого года Сталин повторяет еще старые формулы о невозможности построения социализма в отдельной стране, тем более отсталой. Осенью того же года Сталин порывает с Марксом и Лениным в основном вопросе пролетарской революции, и строит свою «теорию» социализма в отдельной стране. Кстати сказать, нигде у Сталина эта теория в положительной форме не развернута и даже не изложена… Ни на одно возражение Сталин не ответил. Теория социализма в отдельной стране имеет административное, а не теоретическое обоснование» [275] .

В теории построения социализма в одной стране Троцкий видел прямую ревизию марксизма и позиции Ленина (термин «марксизм-ленинизм» он решительно отвергал). Он приводил многочисленные высказывания Ленина вплоть до 1922 г., когда тот еще функционировал, о том, что советским республикам надо лишь продержаться до победы революции в Европе. Сталинскую теорию Троцкий считал ошибочной, потому что она разрывала «единый диалектический процесс» революционного развития, недооценивала мировой характер современной экономики, переоценивала крестьянство, забывая о его мелкособственнической природе, исходила из предпосылки о возможности затяжного кризиса капиталистического мира. По мнению Троцкого, революционная перспектива классовых боев в мировом масштабе заменялась по Сталину перспективой национально-реформистской, что явилось оборотной стороной глубочайшего неверия Сталина в дело международной пролетарской революции, усыпления революционной бдительности рабочего класса, которому навязывали потерю перспективы. Троцкий не обвинял Сталина в меньшевизме, но, думается, сильно сдерживал себя, чтобы это слово не соскочило у него с языка.

Сталин значительно лучше Троцкого знал настроения и чувства низших партийных слоев. Он не строил иллюзий и не сковывал себя догмами, доктринами и предрассудками, а заботился прежде всего об укреплении своей личной власти. Он был способен на любые тактические повороты, независимо от уровня их политической и житейской беспринципности, и проявлял в этом недюжинную хитрость. Он умело играл на элементарных чувствах, на непосредственных жизненных устремлениях до предела уставшего, изголодавшего и обнищавшего населения, которому давно надоели слова о

мировой революции и о необходимости во имя завтрашнего дня туже подтянуть пояса. Революция в России захлебнулась в том смысле, что незначительное число революционеров, осуществивших Октябрьский переворот, составляли теперь абсолютное меньшинство нового правящего класса, как бы его ни называли – элитой, номенклатурой, партийной бюрократией, – и этот новый класс уже не стремился к развязыванию международной революции, а хотел стабильности, внутреннего покоя и житейского благополучия. Эти настроения уловил Сталин и на время сделал их своими.

В то же время сталинская теория косвенно отражала те сдвиги, которые происходили на международной арене. Провозглашенная большевиками, прежде всего Троцким, международная пролетарская революция не начиналась. Революционные выступления, которые с торжественными восклицаниями и шумными митингами каждый раз выдавались за начало революции, прежде всего в Германии, подавлялись относительно легко и быстро. Карлу Радеку, сторонника Троцкого и перманентной революции, принадлежал анекдот: один еврей получил в Москве пожизненную работу – он должен был подниматься каждое утро на башню Московского Кремля, чтобы немедленно сообщить о зареве пролетарской революции.

Говоря простыми словами, Сталин считал, что капиталистические страны со всеми их противоречиями могут существовать вечно и единственный способ нарушить этот длительный «кризис» – ввести в бой главный, бесспорный и единственный ресурс Советского Союза – Красную армию. А она все еще находилась под командованием Троцкого. Понятно, что такое положение сохраняться больше не могло.

4. Назначение и устранение Фрунзе

10 декабря 1924 г. Сталин устроил преемнику Троцкого на посту наркомвоенмора Фрунзе последний экзамен на лояльность. При обмене записками по вопросу о том, почему на политзанятиях в воинских частях проводится беседа под названием «Троцкий как вождь Красной армии» [276] , Фрунзе выразил возмущение. На состоявшемся вскоре после этого пленуме ЦК и ЦКК, заседавшем с 17 по 20 января 1925 г., Троцкий был снят и заменен Фрунзе. Для Троцкого неожиданностью это не было. Из-за нервного стресса, который обычно сопровождался у Троцкого недомоганием с повышением температуры, Лев Давидович в пленуме не участвовал, но обратился в ЦК с письмом, кратко суммировавшим его неопубликованную статью «Наши разногласия»: «Я считал и считаю, что мог бы привести в дискуссии достаточно веские принципиальные и фактические возражения против выдвинутого обвинения меня в том, будто я преследую цели «ревизии ленинизма» и «умаления» роли Ленина. Я отказался, однако, от объяснения на данной почве не только по болезни, но и потому, что в условиях нынешней дискуссии всякое мое выступление на эти темы, независимо от содержания, характера и тона, послужило бы только толчком к углублению полемики, к превращению ее в двухстороннюю из односторонней, к приданию ей еще более острого характера. И сейчас, оценивая весь ход дискуссии, я, несмотря на то что в течение ее против меня было выдвинуто множество неверных и прямо чудовищных обвинений, думаю, что мое молчание было правильно с точки зрения общих интересов партии».

Решительно отвергая само понятие «троцкизм», Троцкий, демонстрируя свою лояльность и дисциплинированность, просил освободить его от обязанностей председателя Реввоенсовета и заявлял о готовности выполнять любую работу под любым партийным контролем [277] . Назвать этот текст иначе, как полной капитуляцией перед Сталиным, поистине трудно.

Январский пленум ЦК справедливо оценил письмо Троцкого как проявление слабости, но не принял капитуляцию Троцкого, а поставил своей целью добить раненого противника. Пленум утвердил резолюцию, в которой были суммированы выдвигаемые против Троцкого в последние два месяца обвинения. Хотя «литературная дискуссия» объявлялась завершенной,

к партактиву предъявлялось требование развивать работу по разъяснению «антибольшевистского характера троцкизма», проводя ее не только в партийных организациях, но и среди беспартийных [278] .

Относительно того, какие именно административные и карательные меры принять против Троцкого, полного согласия не было. Об этом можно судить по характеру резолюций местных парторганизаций, которые в огромном количестве публиковались в те дни и которые, вне всякого сомнения, диктовались или по крайней мере инспирировались высшим руководством. Если ленинградские коммунисты по указанию Зиновьева требовали исключить Троцкого из партии, то в других резолюциях с мест речь шла об удалении Троцкого только из ЦК или даже об оставлении его в ЦК при снятии с поста председателя Реввоенсовета [279] . Сталин и на этот раз выступил в качестве наиболее «умеренного», причем вновь сумел использовать свою позицию для изменения расстановки сил в Политбюро к собственной выгоде. «Триумвират» Сталина уже не устраивал. Отказавшись от поддержки неформальной «тройки» (Сталин – Зиновьев – Каменев), он переключился на другой им же созданный неформальный орган: «семерку» (Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Куйбышев). Сталин взял под временную защиту Троцкого, возражая против его исключения из партии и Политбюро ЦК, используя его имя и публикации для дальнейшего ослабления Зиновьева с Каменевым, которых задумал уничтожить вслед за Троцким. Именно генсеком были спровоцированы разногласия с Зиновьевым и руководителями Ленинградской партийной организации во главе с Петром Антоновичем Залуцким, которые проявились на январском пленуме ЦК в связи с вопросом о санкциях в отношении Троцкого.

Несколько позже, на XIV партсъезде в декабре 1925 г., выступая с заключительным словом, Сталин «доверительно» рассказал о начале «размолвки» с Зиновьевым и Каменевым, которую генсек связывал с вопросом о том, «как быть с Троцким». «Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились» тогда исключить Троцкого из партии, сказал Сталин, и «имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена. Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови – а они требовали крови – опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии?» [280]

Трудно представить более лицемерное заявление, исходящее от человека, ставшего палачом миллионов людей, в том числе и сотен тысяч членов партии. На самом деле Сталин считал, что время для снятия Троцкого еще не пришло. Накануне январского пленума он доверительно разъяснял своему окружению: «Еще не наступил момент для исключения Троцкого. В партии и стране такой шаг… будет неверно понят» [281] . В результате подавляющее большинство членов ЦК и ЦКК проголосовало за снятие Троцкого с поста председателя Реввоенсовета и наркома (именно за снятие, а не за удовлетворение его просьбы об освобождении), но оставило его членом Политбюро. Правда, Троцкого перевели в категорию заложника: в случае нарушения или неисполнения им партийных решений ЦК «будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед объединенным заседанием ЦК и ЦКК об его устранении от работы в ЦК» [282] .

После январского пленума в течение нескольких месяцев Троцкий оставался без должностей, формально сохраняя только пост члена Политбюро, не дававший Троцкому реальных рычагов власти. Зато в мае он получил сразу три назначения, но все они носили издевательский характер. Троцкий стал председателем Главного концессионного комитета при Совнаркоме (в условиях, когда концессионный курс все более сворачивался [283]);

начальником электротехнического управления ВСНХ (хотя никогда не имел ни малейшего отношения к электротехнике); и председателем научно-технического отдела все того же ВСНХ, отдела по сути бездействовавшего. Как в свое время Склянского, Троцкого переводили под Дзержинского, являвшегося по совместительству и руководителем ВСНХ, и председателем ОГПУ. Таким образом Троцкий был передан под начало своего противника, чекиста, организовывавшего ранее и изоляцию Ленина в Горках, и домашний арест Троцкого в Сухуми.

Пост председателя Реввоенсовета на недолгое время занял Фрунзе. Это было буферное замещение. Сталин считал опасным ставить на место Троцкого стопроцентно своего человека. 31 октября 1925 г. Фрунзе скончался в результате хирургической операции язвы желудка, которая с медицинской точки зрения не представлялась необходимой, но на которую Фрунзе вынужден был пойти, ибо по этому вопросу было принято соответствующее решение Политбюро (3 ноября Фрунзе похоронили). Пост наркома занял ставленник Сталина Ворошилов, единомышленник Сталина и враг Троцкого еще с царицынских времен [284] .

После смерти Фрунзе распространились версии о том, что Фрунзе был убит по указанию Сталина. «Вы помните, что Фрунзе умер при невыясненных обстоятельствах – неожиданная операция, поползшие по Москве слухи, что он был убит и т. д.» – писал 4 августа 1927 г. советологу Исааку Дон Левину известный анархист Александр Бекман [285] . Тридцатью годами позже ту же версию высказывал историк и архивист Б.И. Николаевский в письме Суварину: «Между прочим, встретил человека – профессор военной академии [им. М. В.] Фрунзе, который рассказал, что Тухачевский (они были товарищами по Михайловскому училищу) ему в 1925 году говорил, что «операция» у Фрунзе была убийством, совершенным с согласия самого Фрунзе, чтобы избежать разоблачения, так как раскрылись, де, его связи с Охранкой» [286] .

Но предоставим слово более информированному современнику тех лет – самому Троцкому, поскольку в контексте последующих событий важно даже не то, убил ли Сталин Фрунзе, а что именно считал на эту тему Троцкий. В его архиве среди черновиков незаконченной биографии Сталина о Фрунзе была сделана следующая запись:

«На посту руководителя вооруженных сил ему суждено было оставаться недолго: уже в ноябре 1925 г. он скончался под ножом хирурга. Но за эти немногие месяцы Фрунзе проявил слишком большую независимость, охраняя армию от опеки ГПУ; это было то самое преступление, за которое погиб 12 лет спустя маршал Тухачевский. Оппозиция нового главы военного ведомства создавала для Сталина огромные опасности; ограниченный и покорный Ворошилов представлялся ему гораздо более надежным инструментом. Бажанов изображает дело так, что у Фрунзе был план государственного переворота. Это только догадка и притом совершенно фантастическая. Но несомненно, Фрунзе стремился освободить командный состав от ГПУ и ликвидировал в довольно короткий срок комиссарский корпус. Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина. Факт, во всяком случае, таков, что Фрунзе сопротивлялся операции. Смерть его уже тогда породила ряд догадок, нашедших свое отражение даже в беллетристике. Далее эти догадки уплотнились в прямое обвинение против Сталина. Фрунзе был слишком независим на военном посту, слишком отождествлял себя с командным составом партии и армии и несомненно мешал попыткам Сталина овладеть армией через своих личных агентов.

Из всех данных ход вещей рисуется так. Фрунзе страдал язвой желудка, но считал, вслед за близкими ему врачами, что его сердце не выдержит хлороформа, и решительно восставал против операции. Сталин поручил врачу ЦК, т. е. своему доверенному агенту, созвать специально подобранный консилиум, который рекомендовал хирургическое вмешательство. Политбюро утвердило решение. Фрунзе пришлось подчиниться, т. е. пойти навстречу гибели от наркоза. Обстоятельства смерти Фрунзе нашли преломленное отражение в рассказе известного советского писателя Пильняка. Сталин немедленно конфисковал рассказ и подверг автора официальной опале. Пильняк должен был позже

публично каяться в совершенной им «ошибке».

Со своей стороны, Сталин счел нужным опубликовать документы, которые должны были косвенно установить его невиновность в смерти Фрунзе. Права ли была в этом случае партийная молва, я не знаю; может быть, никто никогда не узнает. Но характер подозрения сам по себе знаменателен. Во всяком случае, в конце 1925 года власть Сталина была уже такова, что он смело мог включать в свои административные расчеты покорный консилиум врачей, и хлороформ, и нож хирурга».

Говоря о писателе Б. Пильняке, Троцкий имеет ввиду «Повесть непогашенной луны». Законченная в январе 1926 г. и опубликованная в «Новом мире» (1926. № 5), повесть не увидела света, так как весь тираж журнала был конфискован [287] . Пильняк располагал информацией об обстоятельствах смерти Фрунзе, так как дружил или был хорошо знаком со многими партийными деятелями. Вот что вспоминает жена Л.П. Серебрякова Галина: «Воронский обычно приводил с собой писателей. Тогда-то зачастил к нам Всеволод Иванов, затем Есенин, Клюев, Пильняк, так и оставшийся близким к Серебрякову. Позже они вместе ездили в Японию. Мы также бывали у Пильняка и его красивой жены, артистки Малого театра» [288] . Серебряков, в свою очередь, был посвящен в дело Фрунзе, так как с незапамятных времен дружил с Дзержинским. Бывал у Серебрякова в гостях и Г.Г. Ягода, который, вероятно (по приказу Сталина), руководил операцией по устранению Фрунзе. «Приезжал Ягода поиграть в китайскую игру мадзян, – писала Серебрякова. – Он был азартен, нетерпим, если проигрывал. Однажды он привез и назвал своим приятелем Суварина, юркого маленького француза» [289] – одного из руководителей французской компартии, с которым позже вел оживленную переписку Николаевский. В общем, был «узок круг этих революционеров»… Все знали друг друга и все друг о друге.

5. «Новая оппозиция»

Подозрительный Сталин не мог поверить в то, что на январском пленуме Троцкий, в последние месяцы много болевший и постоянно плохо себя чувствовавший, действительно сдался. Он считал, что теперь уже опальный бывший наркомвоенмор при первом благоприятном случае объявит Сталину войну и найдет новые подходы для критики и разоблачения официального курса партии, пойдя на союз с теми группами и лидерами, с которыми будет выгодно объединиться по тактическим соображениям прежде всего для критики новой сталинской теории. В целом Сталин был прав. Троцкий сдался.

«Теория социализма в одной стране» означала не только продолжение НЭПа, но и обещание сытой социалистической жизни не в отдаленном будущем, после победы мировой революции, а в самое близкое время. Она предусматривала более осторожную внешнюю политику и провозглашала отказ от курса на революцию в Европе и от ориентирования руководимого Зиновьевым Коминтерна на немедленные национальные революции. Запустив новую теорию, Сталин перевел ее в практическую плоскость. На пленуме ЦК 23 – 30 апреля 1925 г. были приняты решения о серьезных экономических уступках крестьянству, которыми могли воспользоваться все его слои, включая «кулачество»: допускалась сдача земли в долгосрочную (до 12 лет) аренду, организация хуторских и отрубных хозяйств выделившимся из общины крестьянам, снимались ограничения на применение наемного труда, понижался единый сельскохозяйственный налог, причем платить его теперь нужно было деньгами. Изъятие налога в натуре запрещалось [290] .

Эти нововведения нельзя было назвать иначе как экономической либерализацией, направленной на повышение благосостояния населения, и советские граждане восприняли их положительно. Но в правительстве единства в этом вопросе не было. Очередной пленум ЦК, состоявшийся в октябре 1925 г., принял компромиссную резолюцию и даже осудил «кулацкий уклон», на чем настояли Зиновьев и Каменев. Сталин и Бухарин оказались в сложном положении. Троцкий самым внимательным образом наблюдал за происходившими

многочисленными перестановками, а главное – назревавшим и затем разразившимся конфликтом внутри «триумвирата», еще вчера единого в своей борьбе с Троцким. 9 декабря он сделал объемистую дневниковую запись под заголовком «Блок с Зиновьевым» [291] . Троцкий анализировал позиции «ленинградской группы», возглавляемой Зиновьевым и поддержанной Каменевым, ее аргументацию, сущность того, что он называл «аппаратной оппозицией против ЦК». Он раздумывал, следует ли идти на риск сближения с этой группой: «Глухой верхушечный пока что характер борьбы придает ее идейным отражениям крайне схематический, доктринерский и даже схоластический характер. Придавленная аппаратным единогласием партийная мысль при столкновении с новыми вопросами или опасностями прокладывает себе дорогу обходными путями и путается в абстракциях, воспоминаниях, бесчисленных цитатах. Сейчас партийное внимание как бы сосредоточивается печатью на теоретическом определении нашего режима в целом» [292] , – философски размышлял Троцкий на языке не доступном и не понятном никому, кроме него самого.

Заголовок этой записи совершенно не соответствовал содержанию: ни о каком блоке с Зиновьевым в тексте речи не было. Создается впечатление, что в данном случае сработало подсознание. Находясь на стадии формирования будущих принципиальных политических установок, Троцкий отмечал необходимость поставить во главу угла промышленное развитие на основе комплексного хозяйственного плана, «опирающегося на могущественный комбинат промышленности, транспорта, торговли и кредита», на «сознательную постановку больших хозяйственных задач» и «создание условий для их выполнения». В написанных через три дня заметках «Обвинения в хозяйственном пораженчестве», черновых записях для возможного выступления, Троцкий писал, что критику методов партийно-хозяйственного руководства группа Сталина пыталась отождествить с пораженчеством, то есть расчетом на ухудшение экономического положения страны и вытекающее отсюда недовольство масс. «Трудно представить себе более чудовищную клевету. Только новые, более сложные задачи, вырастающие из хозяйственного подъема, способны воспитывать партийную мысль, закалять ее, поднимать ее на более высокую ступень» [293] .

В заметках значительно четче, чем раньше, проявилась критика введенной недавно государственной монополии на продажу крепких спиртных напитков. Аргументация этой критики была следующей. Отнюдь не решив официально поставленную задачу вытеснения из деревни самогона, который продолжали гнать и пить крестьяне, используя его также в качестве некоего денежного суррогата, и давая лишь минимальные фискальные выгоды, водочная политика захватила город, подрывая материальное благосостояние рабочих, понижая их культурный уровень, нанося им еще и физиологический удар, понижая авторитет государства. Критика Троцким политики спаивания населения стала в последующие годы одним из важных пунктов экономической платформы объединенной оппозиции. Недаром Троцкий сделал на документе приписку: «Очень важно развить».

Накануне XIV съезда партии, открывшегося в декабре 1925 г., Троцкий анализировал представленные на его рассмотрение, как члена Политбюро, тезисы о путях дальнейшего развития экономики и те разногласия, которые возникли у сталинского большинства с Зиновьевым, Каменевым и их союзниками. Так появилась «новая оппозиция», прежде никогда не существовавшая и противопоставленная «старой оппозиции» Троцкого и группы сорока шести, тоже в общем-то не существующей как организованная сила. «Новая оппозиция», возглавляемая Зиновьевым и Каменевым, была незначительной группой партийных работников, рыхлой и полной внутренних противоречий. Она проявила какие-то черты активности только накануне съезда, существовала всего лишь несколько недель, а после съезда, потерпев на нем сокрушительное поражение, прекратила существование. Сталин признал наличие разногласий с ленинградскими коммунистами ровно за десять дней до открытия съезда – 8 декабря, обратившись с письмом к Ленинградской губернской партийной конференции, в котором призывал к «единству ленинцев» [294] , а в написанном тогда же шифрованном письме секретарю Северо-Кавказского крайкома партии Микояну сообщал «для сведения», что «верхушка Ленинградской парторганизации перешла в атаку»

против ЦК, что «раскольнической политикой руководит» Зиновьев. «Посмотрим, что будет на съезде. Если сунутся воевать на съезде, придется принять меры обороны» [295] , – писал Сталин.

Если «тройка» уже распалась, то «семерку» (включая Каменева и Зиновьева) генсек пытался сохранить. Весьма важно в этом смысле его письмо от 14 декабря, адресованное «членам семерки» [296] . Оно полностью подтверждало факт существования этого неуставного, фракционного органа самим обращением Сталина, где тот высказывал беспокойство по поводу возможности выступлений на съезде членов Политбюро друг против друга. Сталин предлагал «семерке» собраться «для обсуждения вопроса о нашем поведении на съезде». Сохранить единство Политбюро на съезде Сталин, однако, не смог – Зиновьев и Каменев выступили против генсека.

22 декабря Троцкий сделал для памяти новую заметку: «О ленинградской оппозиции» [297] . Он обращал внимание, что ораторы, принадлежавшие к большинству, характеризуют эту группу как продолжение и развитие «старой оппозиции» 1923 – 1924 гг. Не оспаривая самого термина «оппозиция», Троцкий признавал, что таковое сближение заключает в себе некую частицу истины. Какую же? Троцкий указал на существование «кулацкого уклона» в партруководстве, который он неразрывно связывал с лозунгом «лицом к деревне», с провозглашением теории замкнутого национального хозяйства и замкнутого построения социализма, то есть того, что Сталин назвал «социализмом в одной стране в условиях капиталистического окружения». Троцкий готов был объединиться со своими вчерашними противниками – Зиновьевым и Каменевым – в «левом» блоке, который он готов был противопоставить «правому», «кулацкому» блоку Сталина и Бухарина.

Против этого сталинско-бухаринского курса выступали теперь ленинградские «оппозиционеры», которые, как полагал Троцкий, вновь демонстрируя свой классовый догматизм, «вынуждены приспособляться к классовой восприимчивости ленинградского пролетариата». Он отнюдь не переоценивал качеств Зиновьева и прочих ленинградских лидеров, отмечал их «агитаторскую крикливость» и «местническую заносчивость», но все же считал выступление ленинградцев положительным фактором, хотя и относился скептически к возможности завоевания этой группой сколько-нибудь существенного влияния. Во враждебности к ленинградской верхушке он видел враждебность к «идейной диктатуре города над деревенской страной». «Провинция ухватилась за оппозицию Ленинграда Москве, чтобы подготовить удар по городу вообще», – пугал Троцкий. Противовесом этой тенденции могли стать, по его мнению, мощные пролетарские организации промышленных центров, прежде всего Москвы и Ленинграда. Но на съезде наблюдалось обратное явление. «Скованный целиком аппаратным режимом Ленинград на сто процентов послужил делу борьбы против оппозиции под лозунгом «Лицом к деревне» и помог, таким образом, тенденциям национал-деревенской ограниченности развернуться и достигнуть уже достаточно яркого выражения на нынешнем съезде партии».

До установления контактов и тем более совместных действий дело пока не доходило. На XIV съезде партии Троцкий, избранный как член Политбюро в президиум, не выступал. С политическим отчетом ЦК на этом съезде впервые выступил Сталин. Зиновьев, добившийся предоставления ему слова для содоклада, непоследовательно и растянуто изложил установки «ленинградской группы» и Каменева, который их разделял. При этом он непрерывно ссылался на авторитет Ленина и подчеркивал, что в основном солидарен с большинством съезда. Каменев на съезде осмелился подвергнуть критике непосредственно Сталина, за что в порядке наказания не был избран в состав Политбюро и был переведен в кандидаты (хотя в ЦК Каменева все-таки избрали). Вслед за этим Каменев был снят со всех должностей и назначен директором Института Ленина при ЦК партии. А вот промолчавшего весь съезд Троцкого оставили и в ЦК, и в Политбюро.

Во время дебатов на съезде имя Троцкого почти не упоминалось. Одно из таких упоминаний имело место во время выступления Крупской, которая, поддерживая ряд положений «ленинградской группы», заявила: «Большинство не должно упиваться тем, что

оно – большинство, а беспристрастно искать верное решение. Если оно будет верным… оно направит нашу партию на верный путь». Когда растерянная Крупская произнесла эти в общем почти ничего не значившие слова, из зала раздалась едкая реплика: «Лев Давидович, у вас новые соратники» [298] .

Более показательным было примирительное выступление Калинина, выполнявшего указание Сталина: «Мое расхождение с тов. Зиновьевым началось с истории с тов. Троцким. Это было первое практическое расхождение. В чем суть этого расхождения? Мне казалось, что тот накопленный авторитет, который носит персонально тов. Троцкий, есть капитал, накопленный партией; растрачивать этот капитал надо очень и очень осторожно; поэтому и формы борьбы с ним должны быть таковы, чтобы при достижении максимальных результатов минимально пострадал накопленный партией авторитет Троцкого» [299] .

Нелегко было понять действительный смысл этой речи. И борьбу против Троцкого надо вести, и сохранять авторитет Троцкого, возводимый в партийный авторитет… В любом случае через «всесоюзного старосту» Сталин подавал сигнал и Троцкому, и партактиву, что не готов окончательно разрывать с Троцким. В то же время непосредственно после съезда Сталин тщательнейшим образом отслеживал реакцию на решения прежде всего по организационным вопросам со стороны республиканских и местных партийных организаций, стремясь не допустить, чтобы Троцкий, Зиновьев и Каменев смогли привлечь на свою сторону деятелей с периферии. Когда же такая опасность, по мнению Сталина, возникла на Украине, где еще в апреле 1925 г. пленум ЦК КП(б)У принял резолюцию, выглядевшую как уступка «троцкизму», Сталин принял немедленные организационные меры: генеральный секретарь ЦК КП(б)У Квиринг был снят со своего поста и заменен присланным из Москвы безоговорочно верным Сталину Кагановичем [300] . Формально замена была проведена под предлогом того, что Квиринг уделял недостаточное внимание «украинизации» кадров. Квиринг был переведен в Москву и занял второстепенный пост заместителя председателя ВСНХ. Сменивший его Каганович под видом «украинизации» проводил нейтрализацию и исключения сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева [301] .

О том, насколько неоднозначно было отношение большевистского руководства к вопросу о вытеснении Троцкого, 20 января 1926 г. коряво, но доступно в публичной речи на Путиловском заводе рассказал выступавший там Томский:

«Какие были разногласия и как они нарастали, с чего они начались? Я на этом остановлюсь, но не буду слишком глубоко входить в историю. Они начались после того, как мы плечо с плечом дрались против Троцкого. Троцкий был побежден идейно, он был разбит. Сущность его идей была ясна для всей партии. После этого встал вопрос об организационных выводах. Вы знаете, какую страстность вносят в вопрос об организационных выводах, но мы, большевики, знаем, что резолюция может руководить массой только через людей. Поэтому для проведения той или иной резолюции или идеи требуются соответствующие люди в соответствующей расстановке. Из каждого политического спора вытекают определенные организационные выводы. Этому нас учил Ильич. Каковы должны были быть по отношению к Троцкому организационные выводы и о чем шел спор? В Ленин граде наши товарищи слишком круто хотели завернуть винт. Говорили, что Троцкий должен быть удален из ЦК, а порой проговаривались, что он должен быть выгнан из партии. Мы говорили, что организационные выводы нужно сделать так, чтобы у беспартийной крестьянской, рабочей массы не создалось такого впечатления, что только для того, чтобы придавить к земле, у нас был принципиальный спор и разногласия. Конечно, после спора Троцкий не мог оставаться председателем РВС. Мы это знали. Надо ли было выгонять его из партии? Большинство считало, что не нужно, а меньшинство рассматривало это как мягкотелость и жалость к Троцкому. Нас в этом упрекали. Но большинство – это большинство, и проголосованное решение надо проводить в жизнь. Были различные споры по этому вопросу. Последний спор свелся к тому, чтобы вывести Троцкого немедленно из Политбюро или до съезда не трогать его в партийном отношении. Вот как шел спор. Большинство ре шило не трогать Троцкого, оставить его в Политбюро.

Оглянемся назад на этот спор. Правы мы или не правы? Правы. Ибо это шел спор не только о том, что делать с Троцким. Это шел спор о том, как должно руководящее большинство руководить партией, с какими методами оно должно подходить к оппозиции, в том числе и к теперешней, будущей. Вот о чем спор шел. Нужно ли человека за его ошибку отсечь, постараться его рядом толчков вышибить из партии, отрезать; поступить ли по-евангельски: рука твоя загноилась – отруби ее; или иначе: ошибки не замазывать, ошибки вскрывать, ошибки разъяснять, идейной пощады не давать. А работников, особенно выдающихся, которых у нас мало, нужно для партии беречь. И этот спор сказался в речи Сталина на Московской конференции. Он был выражен в том, что Сталин сказал: «У нас в упряжке бегут семь лошадей. Одна вдруг брыкаться, лягаться начала… Стоит ли ее выпрячь, или нужно ее постегать, и заставить запряжкой бежать?» Это была правильная, картинно выраженная мысль, потому если каждой лошадке, которая забрыкается, переламывать хребет, то в конце концов поедешь не на лошадке, а на одном дышле. А на нем далеко не уедешь (*смех*). Вот как вопрос стоял.

В вопросе о разногласиях с Троцким мы считаем (я думаю, теперь можно задним числом и всем согласиться), что правы были мы, большинство. Никакой бы особенно роковой ошибки со стороны меньшинства не было бы, если бы не стали эту ошибку возводить в квадрат. В ответ на это из Ленинграда посыпались летучие словечки. То мимоходом [один] руководитель той или иной ленинградской организации обронится словечком вроде того, что необходима решительная борьба не только с троцкизмом, но и с полутроцкизмом, то другой. Нас это заинтересовало – где же полутроцкисты? (Троцкизм – понятно.) На это отвечали: возможно, что та кой существует. Что касается полутроцкизма, то мы сказали: если не можете указать, где он, – не пускайте лету чих слов. Для чего вам это нужно? Мы понимаем многое с намеков и понимаем, что в данном случае стали, обидевшись, что остались по вопросу о Троцком в меньшинстве, подводить стали здесь идейный фундамент. И другие летучие словечки, вроде того, что мы – стопроцентные большевики. Мы на это отвечаем: бросьте все словечки о стопроцентных большевиках. Был один стопроцентный большевик, да и тот умер, а остальные – так, около ста да поблизости, не дошли, так 84, 92, 96 процентов (*аплодисменты*)» [302] .

Смещение Троцкого с должности наркомвоенмора и председателя РВС весьма живо обсуждалось за рубежом, прежде всего в русских эмигрантских кругах. Выделялся в этом отношении еженедельный журнал «Иллюстрированная Россия», выходивший в 1924 – 1939 гг. в Париже под редакцией М.П. Миронова, которого в начале 30-х гг. на некоторое время сменил писатель А.И. Куприн. Проявляя вполне естественный интерес ко всему, что происходило в СССР, журнал поместил немало материалов о Троцком, в частности очерк анонимного московского корреспондента «Толки о Троцком». При этом передавались самые разнообразные слухи, которые по этому поводу ходили в Москве. По мнению собеседников, с которыми беседовал автор статьи, время Троцкого еще далеко не завершилось [303] . Спустя месяц тот же журнал поместил выдуманное сатирическое интервью с Троцким за подписью «Летучий голландец». Автор издевался и над Троцким, и над правившей в СССР партией. В придуманной беседе Троцкий делился впечатлениями и размышлениями после кавказского лечения, во время которого у него нашли «разжижение мозгов. Это, знаете, у нас в партии наследственное». Что же касается приверженности партийной дисциплине бывшего наркомвоенмора, то Троцкий соглашался работать там, куда пошлет партия (в этой части статьи автор попал в точку): «сегодня – Главкомштык, завтра – Главинструктор по комсомольским абортам, послезавтра – живоцерковный Главстароста» и т. д.

Нужно отметить, что острила не только антисоветская эмигрантская пресса. Коммунисты тоже острили. В папке документов, собранных Зиновьевым в 1925 г. и касавшихся обсуждения проекта его доклада и статьи Сталина об итогах пленума Исполкома Коминтерна, оказалась ироническая циничная ремарка, сделанная Бухариным: «Тезисы о статье тов. Сталина, хитроумно названные тезисами о расширенном пленуме ИККИ. Издание исправленное и дополненное, частию переделанное наоборот с

использованием общего внутреннего врага, маркиза Троцкизы де Сухумо. Постановка ЦК РКП(б). Отв. режиссер «Семерка» [304] .

Для непосвященного обывателя и для прессы Троцкий оставался «великим вождем». Он не был предан публичной анафеме, его речи публиковались в центральной, республиканской и областной прессе, издавались отдельными брошюрами. Вот как описывала приезд Троцкого с докладом в Тифлис республиканская газета «Советский юг», редакция которой, разумеется, хорошо знала, на что она имеет право, а не что – не имеет, и больше всего боялась нарушить волю вышестоящего московского начальства: «Вдруг, к 18-ти часам дня, быстро пронеслась по мастерским радостная весть о прибытии тов. Троцкого, собирающегося выступить перед рабочими. Со всех концов огромных мастерских потекла лавина рабочих, собравшая до 7-ми тысяч людей. Разместились кто где мог, стало тесно. Под сокрушительное «ура» тов. Троцкий входит на наскоро сделанную трибуну» [305] .

Во многих выступлениях на местах, говоря о социалистических задачах, Троцкий сосредотачивал внимание на необходимости развития крупной промышленности. Именно такой характер носила, например, его речь на заседании Кисловодского горсовета 8 ноября 1925 г., выпущенная отдельной брошюрой [306] . На вечере сибиряков Лев Давидович высмеял идею поворота сибирских рек, сказав, что такое может произойти только в Театре Мейерхольда, но к индустриализации Сибири и к освоению Северного морского пути призвал отнестись крайне серьезно. Верный своей традиции воедино увязывать внутренние и международные дела, он говорил: «Сибирь есть сейчас великий мост между Москвой и Кантоном… Чем больше упрочивается советский порядок в северной и центральной Азии, тем увереннее становится поступь китайских народных масс» [307] .

Результатом размышлений о задачах и перспективах советской экономики явилась брошюра (исходно: серия статей) «К социализму или к капитализму?», в которой основным объектом изучения стали разработанные Госпланом СССР контрольные цифры развития народного хозяйства на 1925 – 1926 гг. Автор всячески подавлял здесь свои критические суждения, которые, безусловно, имели место, поскольку ориентация делалась на поощрение экстенсивного развития сельского хозяйства и легкой промышленности, и лишь во вторую очередь – на развитие тяжелой промышленности, производство средств производства.

Весь текст был пронизан примирительным тоном. Троцкий приветствовал усиление социалистической тенденции в экономике, в которой за год, по его подсчетам, частная промышленность была оттеснена на 3%. Анализ сводной таблицы контрольных цифр давал ему возможность с пафосом провозгласить, что «в этих сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма» [308] . Вместе с тем Троцкий указывал на возможность и необходимость строительства социализма в СССР. Троцкий оставлял открытым вопрос о том, как именно видится достижение этой цели в существовавших условиях и при сохранении капиталистического строя в странах Европы и Америки. Он не отказывался от концепции, утверждающей, что полная и окончательная реализация столь грандиозной задачи возможна только в масштабах группы передовых в экономическом отношении стран, хотя и не полемизировал по этому вопросу в своей брошюре. (Чуть позже, на XV партконференции в ноябре 1926 г., Сталин ухватится за эту «особую» позицию Троцкого для того, чтобы обвинить его в неверии в социалистическую перспективу [309]).

Вместе с тем в названной брошюре ставились некоторые принципиальные вопросы мирового развития: как долго будет существовать капиталистический строй, как он будет изменяться, в какую сторону будет развиваться. Автор предусматривал три возможных варианта: гибель капиталистической системы в относительно близком времени, как наиболее вероятный исход происходивших событий; сохранение капитализма на несколько десятилетий и возгорание мировой революции в финале; новый «расцвет производительных сил» капиталистической системы и сохранение ее на многие годы. Более того, Троцкий приходил к выводу, что «капитализм не исчерпал своей исторической миссии и что

развертывающаяся империалистическая фаза является вовсе не фазой упадка капитализма, а лишь предпосылкой его нового расцвета» [310] . Из этого следовало, образно писал Троцкий, что «мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересесть и даже пересаживаемся с товарного поезда на пассажирский, но догонять нам придется курьерский» поезд.

6 июля 1925 г. Троцкий выступил на заседании Особого совещания по качеству продукции при Президиуме ВСНХ с докладом «Качество продукции и социалистическое хозяйство», изданным затем отдельной брошюрой [311] . В докладе обращалось особое внимание на материальную личную заинтересованность работников промышленности, на необходимость преодоления бюрократических тенденций управления народным хозяйством, снижения издержек производства, сосредоточения внимания на качестве продукции и прекращение обмана потребителя. Троцкий приводил массу примеров такого обмана при помощи рекламы, неверного указания производителя и т. п. Показательным был, в частности, пример очень плохих советских карандашей с надписью на английском языке, создающей впечатление, что карандаши импортные.

Троцкий подчеркивал, что в сложной экономической динамике ведущим началом должна становиться тяжелая индустрия. В сознании автора постепенно, но во все большей степени формировалась установка на необходимость индустриализации страны, которую он понимал как развитие в первую очередь тяжелой промышленности. В этом подходе зрело расхождение, переросшее затем в противостояние господствовавшей в то время установке Сталина и Бухарина на развитие, по образцу западных держав, сначала легкой промышленности и лишь в перспективе – значительно более трудоемких и энергоемких отраслей: металлургии и машиностроения, требовавших массивных капиталовложений и не дававших быстрой заметной отдачи в повседневной жизни.

То, что Троцкий не выражал публично, он формулировал в записях, не предназначенных для печати. В заметках, являвшихся результатом раздумий по поводу возможности заключения блока с Зиновьевым, имея в виду конфликт, возникший между Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Сталиным – с другой [312] , Троцкий в целом позитивно оценивал тенденции экономического развития СССР. Учитывая, что в экономике все более значительное место занимала государственная промышленность, он полагал, что после введения НЭПа ленинское определение советского хозяйства как государственного капитализма теряло смысл или, по крайней мере, становилось формальным. В то же время он критиковал получившую хождение установку (ее ведущим проводником был Бухарин, и пока она имела полную поддержку Сталина), что чрезмерно быстрое развитие промышленности, не имеющее достаточного потребительского рынка, представляет для экономики страны серьезную опасность. Троцкий считал, что ведущим началом является именно промышленность, что она должна постоянно обгонять сельское хозяйство, вести его вперед и это ускорит общее экономическое развитие СССР. Он призывал преодолевать нерешительность, минимализм, недооценку действительных возможностей. Наконец, останавливаясь на зарождавшемся экономическом планировании и критикуя «карикатурно преуменьшенные» пятилетние и прочие программы хозяйственного развития, Троцкий определял основную задачу экономического плана в «сознательной постановке больших хозяйственных задач и в создании условий для их выполнения».

Основная установка хозяйственного развития нацеливалась им на учет международного разделения труда и мирового рынка, на то, чтобы государственная промышленность стала «стержнем хозяйственного планирования, основанного на твердом, действенном соподчинении составных частей государственного и общественного хозяйства, как в его внутренних взаимоотношениях, так и в его взаимоотношениях с частным хозяйством». Отнюдь не предлагая ликвидации частнокапиталистического сектора в промышленности, по крайней мере в ближайшее время, Троцкий, таким образом, считал необходимым взять основной курс на развитие не только государственного, но и общественного хозяйства, понимая под последним, по всей видимости, коллективное,

кооперативное предпринимательство.

Вновь и вновь призывая к концентрации внимания на развитии промышленности, Троцкий в декабре 1925 г., проголосовав на XIV партсъезде за разработанные плановыми органами СССР тезисы о развитии народного хозяйства, представил Политбюро свои соображения, в которых критиковал установку Бухарина о построении социализма «черепашьим шагом» [313] : «Вопрос о сравнительных количественных и качественных коэффициентах не есть вопрос промышленной статистики и бухгалтерии, а есть вопрос о судьбе нашего хозяйственного развития. В нынешних условиях темп определяет не только скорость движения, но и направление его».

Деятельность всех хозяйственных государственных органов, прежде всего Наркомата финансов и Госплана, рассматривалась Троцким сквозь призму необходимости поворота к интенсивному промышленному развитию. Именно такой курс рассматривался им как соответствующий лозунгам «Лицом к военной опасности!» и «Лицом к мировой революции!» (выдвинутыми Троцким в противовес сталинско-бухаринскому лозунгу «Лицом к деревне!»). Троцкий снова разворачивал свою аргументацию во внешнеполитическую сторону, непосредственно увязывая индустриализацию с перспективами грядущего, неизбежного военного столкновения с капиталистическим миром, чреватого революциями на Западе и на Востоке.

В том же духе Троцкий выступал на заседаниях Политбюро. При рассмотрении вопроса о работе Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР в области хлебофуражного баланса 10 декабря 1925 г. он призывал принимать во внимание не только существующую в данный момент степень расслоения крестьянства, но и динамику этого расслоения, преувеличивая, с точки зрения Сталина, опасность и степень этой дифференциации. В конце февраля 1926 г. при обсуждении хозяйственных мероприятий на ближайший период, обосновывая необходимость ускоренного развития промышленности, Троцкий подчеркивал, что только это может способствовать в конечном итоге прогрессу сельского хозяйства, и предлагал максимально вкладывать накопления в промышленность [314] .

В 1925 г. Троцкий несколько раз посещал Украину, в частности район днепровских порогов и город Запорожье, где эксперты-гидростроители уже в течение нескольких лет предлагали начать строительство крупной гидроэлектростанции (первоначальные наметки и даже чертежи этого строительства появились еще в начале века). Здесь проводились подготовительные изыскательские работы, которые, однако, шли крайне медленно, так как принципиальное решение о сооружении Днепрогэса высшие парторганы никак не принимали. Вот как описывал эту поездку Троцкий: «В качестве начальника Электротехнического управления я посещал строящиеся электростанции и совершил, в частности, поездку на Днепр… Два лодочника спустили меня меж порогов по водоворотам на рыбачьей ладье, по старому пути запорожских казаков. Это был, разумеется, чисто спортивный интерес. Но я глубоко заинтересовался днепровским предприятием и с хозяйственной точки зрения, и с технической. Чтобы застраховать гидростанцию от просчетов, я организовал американскую экспертизу, дополненную впоследствии немецкой. Свою новую работу я пытался связывать не только с текущими задачами хозяйства, но и с основными проблемами социализма» [315] .

Убедившись в экономической и технической обоснованности, в перспективности вносимых предложений, считая создание такой ГЭС важным для индустриализации страны и развития сельского хозяйства, Троцкий выступил на Политбюро за строительство Днепрогэса. Предложение наткнулось, однако, на сопротивление Сталина и Бухарина, которые продолжали пока еще ориентироваться на развитие мелкого крестьянского хозяйства и связанных с ним отраслей легкой промышленности. Кроме того, Сталин воспринял инициативу Троцкого как попытку создать «новый плацдарм». «Я не преувеличу, если скажу, – вспоминал Троцкий, – что значительная доля творчества Сталина и его помощника Молотова была направлена на организацию вокруг меня прямого саботажа.

Получать необходимые средства стало для подчиненных мне учреждений почти невыполнимой задачей. Люди, работавшие в этих учреждениях, боялись за свою судьбу или, по крайней мере, за свою карьеру» [316] .

Тем не менее на апрельском пленуме ЦК 1926 г. Троцкий вновь выступил с предложением перейти от слов к делу, вложить в Днепрострой свыше 100 миллионов рублей и еще 200 – 300 миллионов рублей в создание предприятий – потребителей новой энергии. Сталин отверг это предложение: «Речь идет… о том, чтобы поставить Днепрострой на свои собственные средства. А средства требуются тут большие, несколько сот миллионов. Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того, чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и… прогорел. (*Смех*). Можем ли мы не считаться с решением съезда о том, что наши промышленные планы должны сообразовываться с нашими ресурсами? А между тем тов. Троцкий явно не считается с этим решением съезда» [317] .

Прошел год. Начав поворот к индустриализации, Сталин стал ярым приверженцем идеи строительства Днепровской электростанции и уже не мог вспомнить своих слов по поводу «покупки граммофона». Тогда Троцкий 13 апреля 1927 г. выступил со специальным заявлением по личному вопросу, в котором привел подлинную цитату из сталинской речи годичной давности, а в следующие годы не раз тыкал в нос Сталину его крайне неосторожные слова, сравнивающие постройку Днепрогэса с покупкой крестьянином граммофона [318] .

Рассматривая экономическое развитие страны в неразрывной связи с культурным, Троцкий во многих своих выступлениях подчеркивал, что борьба за качество продукции является в то же время борьбой за культуру. Именно так называлась его обширная статья, приуроченная к 8-й годовщине Октябрьского переворота [319] . Повторяя утвердившееся положение, что победа нового строя зависит в первую очередь от повышения производительности труда, Троцкий в то же время был весьма далек от позитивной оценки достижений в этой области. Статья выявляла некоторую растерянность автора, ибо, выдвигая задачи в самой общей форме, он оказывался не в состоянии конкретизировать пути реального повышения производительности труда: «Те производственные и культурные знания, приемы и навыки, которые достались нам в наследство от прошлого, мы исчерпали. Дальше – накатанных капитализмом не только дорог, но и тропинок почти нет. Чтобы продвигаться, нужно пролагать новые пути, закладывать новые технические основы, вырабатывать новые навыки, искоренять безграмотность, повышать квалификацию, учиться и учиться у врагов, поднимать культуру. Нам нужно одновременно повышение культурного «качества» во всех областях».

Когда же вопрос переходил в практическую плоскость, как именно «учиться у врагов», выводы повисали в воздухе. Отмечая, что частный предприниматель действует личной заинтересованностью и «хозяйским глазом», автор оставлял в стороне «заинтересованность», подменял «хозяйский глаз» «общественным контролем», то есть все той же бюрократической структурой, против которой он еще совсем недавно вел энергичную борьбу. По главным, стратегическим вопросам его линия, разумеется, существенно не отличалась от тех позиций, которые занимало официальное партийное руководство. И в статье, посвященной очередной годовщине Октября, он констатировал факт длительного сосуществования советской страны «бок-о-бок с капиталистическими государствами всего мира», напомнив, впрочем, что в дни Октября большевики ждали «более быстрого развития революции» [320] .

6. Куда идут Англия и другие страны?

Внутренние социально-экономические и культурные проблемы были далеко не единственным объектом внимания Троцкого в это переходное для него время. Он продолжал тщательно следить за социально-экономической эволюцией государств Запада,

соперничеством отдельных стран и групп стран, их взаимоотношениями с СССР. Этому интересу способствовала и новая должность Троцкого, полученная им после снятия с военных постов, – руководитель Главконцесскома.

Особый интерес Троцкий проявлял к Великобритании, которая традиционно продолжала рассматриваться в советской политике как одна из ведущих капиталистических держав, главный организатор различных антисоветских блоков и провокаций, как основная сила в неизбежной антисоветской войне в будущем. Пытаясь разобраться в расстановке политических сил в Британской империи, уяснить причины постепенного снижения ее удельного веса в мировой экономике и политике, Троцкий поручил своим секретарям особенно тщательно следить за всем, что публиковалось в центральной советской печати об Англии, за ведущими британскими и американскими печатными органами, за стенографическими отчетами британского парламента, изучая затем этот обширный материал.

Весной 1925 г. он написал довольно большую книгу «Куда идет Англия?», отдельные фрагменты которой исходно публиковалась в «Правде» в виде газетных «подвалов» [321] , после чего книга была издана на русском [322] , а затем появилась в переводах на английском, французском, немецком, итальянском, японском и других языках [323] . Было очевидно, что на эту работу обратили внимание не только компартии и примыкавшие к ним левые организации, но и экономисты и политологи иностранных держав. Лейтмотив книги состоял в том, что Англия приближается к эпохе великих революционных потрясений, причем к этой революции Англию, по мнению Троцкого, подталкивала не Москва, а Нью-Йорк. Иными словами, могущественное и все возраставшее мировое давление Соединенных Штатов было той силой, которая загоняла британскую промышленность, торговлю, финансы, равно как и внешнюю политику и дипломатию, в безысходную ситуацию.

Троцкий признавал, что наряду с экономическим соперничеством между США и Великобританией существует еще и политическое содружество, но он считал его внешним фактором, прикрывающим «глубочайший мировой антагонизм между этими двумя державами» [324] . Предусмотрительно не определяя конкретных хронологических рамок предрекаемого Троцким весьма пессимистического сценария развития событий, Троцкий тем не менее испытывал серьезные сложности с обоснованием выдвинутых тезисов, а тем более с подтверждением их доказательным материалом и историческими фактами. Из описываемой им же картины никак не вырисовывался скорый упадок Великобритании, стоящей на пороге социалистической революции.

В то же время для работы Троцкого был характерен высококачественный для своего времени историко-социологический и политологический анализ. Кратко остановившись на революционных традициях страны, выделив революцию XVII в. – первую великую буржуазную революцию, приведшую к ликвидации монархии, казни короля и созданию, хотя и на непродолжительное время, демократической республики, остановившись на чартистском движении XIX в., являвшемся первым в мире организованным и самостоятельным рабочим движением, Троцкий как бы подводил исторический фундамент под свои будущие выводы. Читатель должен был подспудно почувствовать, что Великобритании предстоит возвращение на тот революционный путь, который она по различным причинам покинула в середине прошлого столетия.

Большое внимание уделялось в книге проблемам мировой гегемонии. Опираясь на многочисленные статистические данные и конкретные факты, автор показывал, что выход Соединенных Штатов «из стадии заокеанского провинциализма» постепенно передвинул Великобританию на второстепенное место в мировой экономике и политике. Именно англо-американский антагонизм рассматривался в книге в качестве основного, решающего фактора будущего мирового развития. Обращая внимание на быстрый прогресс в области военной техники, в особенности на развитие авиации и химических средств ведения войны (танкам и подводному флоту уделялось второстепенное внимание), автор показывал, что эти

военно-технические новшества работали против безопасности Великобритании и сводили на нет геополитические преимущества ее островного положения. «Наиболее жизненные центры Англии и прежде всего Лондон могут подвергнуться в течение нескольких часов убийственной воздушной атаке со стороны Европейского континента», – писал Троцкий, и в этом частном выводе оказался очевидным образом прав. Через всего лишь полтора десятилетия началась воздушная «битва за Англию», правда – не с Соединенными Штатами, и в этом главном принципиальном тезисе книги Троцкий оказался абсолютно не прав, – а с Германией.

Другая тема, которую Троцкий стремился проанализировать в книге, – непосредственное участие Англии в международных делах континента. Великобритания более не в состоянии была, по мнению автора, проводить политику «блестящей изоляции», от которой она отказалась еще до мировой войны, но после завершения войны вплетенность страны в европейскую политику и особенно в военные союзы превращает ее из «владычицы морей», из международного арбитра в одну из крупнейших континентальных держав, учитывающей намерения и силы как возможных партнеров, так и вероятных противников, не ввязываясь в непродуманные односторонние действия. Троцкий особенно детально останавливался на опасности германской экономической конкуренции, имея в виду возрождавшуюся в значительной степени при помощи американского капитала германскую промышленность, преимущества немецкой техники, дисциплины и хозяйственной организации. (О помощи советского правительства Германии в деле восстановления немецкой военной машины, вопреки соглашениям, навязанным Германии Версальским мирным договором, Троцкий деликатно молчал.)

Утрата мировой гегемонии, развивал далее Троцкий свой анализ, завела в тупик целые отрасли британской промышленности. Смертельный удар нанесен торговому и промышленному капиталу среднего размера, что привело к общему ослаблению экономики этой империалистической державы. Далее начинались рассуждения автора о характере современного рабочего движения Великобритании и его лидерах, к которым Троцкий относился презрительно, находя у них черты консерватизма, религиозности, национального высокомерия. Он приводил тенденциозно подобранные цитаты из выступлений лейбористов и руководителей британских тред-юнионов, не находя для этих людей ни одного доброго слова. Единственным британским деятелем, о ком Троцкий отозвался со сдержанной похвалой, был известный писатель, в прошлом социалист, один из лидеров Фабианского общества, Джордж Бернард Шоу. Со слабым налетом иронии Троцкий назвал его «столь критическим» мыслителем.

Троцкий, изначально заявлявший, что мировая революция начнется с Германии, переключившийся затем на Восток и планировавший разжечь пожар в Афганистане и Индии, теперь утверждал, что маршрут международной революции пролегает через Англию. Он предсказывал, что компартия сможет стать во главе британского рабочего движения, оговариваясь, правда, что это произойдет только в том случае, если пролетариат окажется в непримиримом противоречии с консервативной бюрократией тред-юнионов и Лейбористской партии. «Коммунистическая партия может подготовиться к руководящей роли только беспощадной критикой всего руководящего персонала английского рабочего движения, только повседневными обличениями его консервативной, антипролетарской, империалистической, монархистской, лакейской роли во всех областях общественной жизни и классового движения» [325] .

В этом заключительном выводе содержалась доля значительной условности, допустимости, предположения, ставившая под сомнение непререкаемо перед этим высказанное главное положение книги о перспективах социалистической революции в Великобритании, которая неминуемо произойдет там в близком будущем. Троцкий делал очередную попытку вернуться к своему детищу: концепции перманентной революции, существенно модифицированной применительно к новым условиям, противопоставляемой сталинской теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Он готовился к

обоснованию своей позиции в неизбежной скорой дискуссии с партийным большинством и лидерами Политбюро по этому вопросу.

В мае 1926 г., после того как безрезультатно завершилась массовая политическая забастовка в Великобритании, являвшаяся выражением солидарности населения со стачкой углекопов, Троцкий подготовил второе издание своей книги (предисловие было датировано 19 мая 1926 г.) [326] . К этому времени уже имелись отзывы критиков и почитателей. Премьер-министр Англии Стенли Болдуин [327] произнес перед консервативной аудиторией в городе Лидсе слова Троцкого, что англичане «должны учиться работать более производительно». «Хотел бы я знать, – продолжал Болдуин, – сколько голосов было бы подано за революцию в Англии, если бы сказать заранее населению, что единственным результатом ее будет необходимость работать более производительно. (*Смех, аплодисменты*)» [328] .

Остальные отзывы были более академичны. Троцкий поместил во второй выпуск книги статьи известного либерального философа Бертрана Рассела [329] и одного из руководителей Независимой рабочей партии Великобритании Генри Ноэла Брейлсфорда [330] , перепечатанные из британских изданий [331] , а также выдержки из статей и рецензий бывшего премьер-министра правительства Великобритании лейбориста Рамзея Макдональда [332] , которому в книге было высказано немало претензий, и других авторов, опубликовавших свое мнение в британских и американских газетах и журналах [333] . Тут же Троцкий дал и свои ответы Расселу и Брейлсфорду. Последнего Троцкий корил за «покровительственное предисловие» к английскому изданию книги и отмечал, что Брейлсфорд маскируется революционной фразой для борьбы против пролетарской революции, защищает демократические иллюзии и парламентский фетишизм. Троцкий весьма резко отвечал на «умеренные порицания» по поводу содержания книги, но был явно польщен теми «неумеренными похвалами», которые были сделаны по поводу литературной формы.

Что касается Рассела, то здесь полемика по существу отсутствовала. Троцкого возмутило высказывание Рассела, что иностранец (Троцкий) не способен понять британские нравы и традиции. «Мистер Бертран Рассел, философ в математике, математик в философии, аристократ в демократии и дилетант в социализме, счел долгом приложить свою руку, не в первый уже раз, к разрушению тлетворных идей, исходящих из Москвы и враждебных англосаксонскому духу» [334] , – писал Троцкий. При этом его особое негодование вызывали слова Рассела о самом Троцком: «Большинство из нас предпочитает остаться в живых без него, чем умирать с ним» [335] .

Уже в книге об Англии немало суждений было высказано о возраставшей после мировой войны мощи Соединенных Штатов и о конкурировавших с Великобританией крупных европейских странах. Руководство Концессионным комитетом не рассматривалось Львом Давидовичем в качестве первостепенной важности государственного занятия, хотя в своем кабинете в бывшей гостинице на Мясницкой улице – крохотном по сравнению с прошлыми обширными резиденциями наркомвоенмора – он подчас принимал иностранных визитеров, вел с ними переговоры о концессиях и нередко подписывал соглашения. Свои представления о концессионной политике и об экономических отношениях с зарубежными странами Троцкий подробно изложил в беседе с германской рабочей делегацией, состоявшей в основном из профсоюзных функционеров, в июле 1925 г. [336] К тому моменту в СССР действовали 103 концессии, производящие продукции на 1 миллион рублей, что было каплей в море по сравнению с общим объемом продукции, поскольку только тяжелая промышленность страны за шесть месяцев 1923 – 1924 хозяйственного года дала национального продукта на 1,2 миллиарда рублей.

Отмечая незначительный удельный вес концессий в советской экономике, председатель Главконцесскома подчеркивал скромность сферы деятельности, на которую ему пришлось переключиться по решению Политбюро ЦК. В то же время он пытался объяснить столь крохотный объем иностранного капитала в экономике стремлением правительства СССР не

допустить хозяйственной зависимости от капиталистического мира. При этом, в чем-то противореча себе, Троцкий признавал, что концессии способствовали преодолению советской технической отсталости. А для того чтобы немецкая делегация не забывала, что беседует не с рядовым советским руководителем, а с автором концепции мировой революции, выражал надежду, что положение скоро изменится, так как рядом с СССР будет находиться не капиталистическая, а социалистическая Германия.

Троцкий пытался расширить масштабы своей деятельности в Главконцесскоме. За 1925 г. были рассмотрены 253 концессионных предложения (отчитываясь, Троцкий предусмотрительно сообщал о рассмотренных, а не о подписанных концессиях), а за первые восемь месяцев 1926 г. – свыше 400. В разных стадиях разработки находились крупные концессионные предложения – американской нефтяной компании, концерна «Форд» о постройке тракторного завода, фирмы «Ундервуд» о строительстве завода пишущих машинок и т. д. [337] Помощь Троцкому оказывал Иоффе, ставший его заместителем по Главконцесскому. Он давал компетентные советы, особенно относительно Дальнего Востока, с которым познакомился во время дипломатической работы в Китае [338] . По просьбе Троцкого известный экономист Е.С. Варга [339] подготовил информационную записку о перспективах концессионной политики. На ее основе и на базе собственных выкладок Лев Давидович направил 7 декабря 1926 г. свои соображения в Политбюро. Полагая, что в ближайшие годы приток иностранного капитала в СССР усилится, что возникнет бóльшая свобода в выборе партнеров по концессиям, Троцкий предлагал включить в перспективный промышленный план меры по привлечению иностранного капитала [340] . В ряде других документов Троцкий защищал необходимость сохранения и расширения концессионной политики, убеждая, что концессии важны для увеличения золотовалютного запаса страны и, следовательно, для развития промышленности [341] . Закончилось все, однако, тем, что заместитель председателя СНК и СТО сторонник Сталина Рудзутак обвинил Троцкого в раздувании штатов. (12 октября 1926 г. Троцкий ответил на эти обвинения заявлением в Политбюро ЦК, доказывая необоснованность критики.) В итоге, по объективным причинам, результаты деятельности Троцкого в концессионном комитете были более чем скромными [342] .

Но об одном концессионном проекте Троцкого следует сказать особо, так как он оказался судьбоносным для его участников и, выдержав испытание временем, стал важной частью советско-американских отношений и истории. В рамках главного концессионера Троцкий поддержал двух симпатизировавших Троцкому американцев, связанных с компартией США: Джулиуса (отца) и Арманда (сына) Хаммеров. Джулиус, врач образованию и бизнесмен по призванию, в 1919 г. стал одним из основателей компартии США. Он сколотил капитал, мошеннически использовав американский сухой закон для производства под видом лекарств крепких спиртных напитков, а затем начал вести активную торговлю с СССР, поставляя туда зерно в обмен на меха и черную икру. При содействии Троцкого Хаммеры получили несколько концессий. Главной из них была карандашная фабрика в Москве, которая почти сразу же стала приносить высокую прибыль. 1 июня 1924 г., еще до открытия своей фабрики, Д. Хаммер писал Троцкому, сообщая, что намерен оказать финансовую помощь ему и его сторонникам для ведения пропаганды и политической борьбы: «Я бы хотел, чтобы мое участие осталось секретным, дабы не портить мою дальнейшую полезность делу». Позже, в начале 30-х гг., Джулиус и Арманд Хаммеры финансировали сторонников Троцкого и были спонсорами некоторых американских изданий его работ, о чем со временем стало известно советской разведке, считавшей, что Хаммеры по заданию Троцкого осуществляют связь с «троцкистским подпольем» в СССР [343] . В 1930 г. – через год после высылки Троцкого – концессионный договор был расторгнут, а национализированная карандашная фабрика имени Сакко и Ванцетти [344] почти сразу же стала убыточной. Предприимчивый Арманд, однако, смог переметнуться и убедить советское руководство в том, что является «лучшим другом» СССР. Он представлял интересы СССР в деловом мире США, стал лауреатом советского ордена Дружбы народов,

его приветливо принимали все советские лидеры вплоть до Горбачева [345] .

В середине 1924 г. Троцкий опубликовал книгу «Пять лет Коминтерна» [346] , в которую включил свои доклады и выступления на первых четырех конгрессах Коминтерна, а также посвященные Интернационалу статьи и выступления. Имея в виду, что в этот период ему принадлежала весьма значительная часть основополагающих документов мировой коммунистической организации, становится очевидным, что этим сборником, служившим напоминанием тем, у кого была короткая память, Троцкий в свою очередь стремился укрепить свое положение в Интернационале, существенно пошатнувшееся. Предисловие к книге автор посвятил попыткам объяснения причин поражения германского пролетариата в 1923 г., причем продолжал настаивать, что в Германии в это время была «революционная ситуация» (в отличие от 1921 г., когда партия приняла «собственное нетерпение за созревшую революционную ситуацию») [347] . Ни одного своего текста, посвященного «германскому Октябрю» (провалившемуся в 1923 г.), Троцкий в книгу не включил, дабы не подставляться критикам. Автор признавал, что результатом поражения стало наступление капитала и «фашистской реакции» в Европе, но все еще считал весьма вероятным новый революционный взрыв в ближайшем будущем. «Безвыходность Европы, маскируемая ныне международными и внутренними сделками, снова вскроется в своем революционном существе. Нет сомнения, что коммунистические партии к этому моменту окажутся более подготовленными» [348] , – писал Троцкий.

В зарубежных компартиях в 1924 г. стали появляться группы сторонников Троцкого. Обычно они были немногочисленными, и руководству сравнительно легко было заставить их замолчать или исключить из партии. Исключение составляла Коммунистическая рабочая партия Польши, руководящие органы которой в конце 1923 г. приняли во внутрипартийной дискуссии в РКП(б) сторону Троцкого и обратились к Исполкому Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б) с письмом от 23 декабря 1923 г., в котором указывалось, что авторы не располагают достаточно достоверными данными для того, чтобы судить о степени серьезности разногласий в РКП(б) в области экономической политики. Далее в документе говорилось: «Но мы знаем твердо одно: имя т. Троцкого для нашей партии, для всего Интернационала, для всего революционного пролетариата мира неразрывно связано с победоносной октябрьской революцией, с Красной Армией, с мировым коммунизмом и революцией. Мы не допускаем возможности того, чтобы т. Троцкий оказался вне рядов вождей РКП и Коминтерна. Но нас тревожит мысль, что разногласия могут выйти далеко за пределы конкретных спорных вопросов, и некоторые печатные полемики ответственных руководителей партии заставляют нас опасаться худшего» [349] .

Представитель компартии Польши в Исполкоме Коминтерна Эдвард Прухняк продолжил ту же линию, выступив 21 января 1924 г. с заявлением: «Так как Ленин, величайший и наиболее авторитетный лидер революционного мирового пролетариата, более не участвует в руководстве Коминтерном, и так как авторитет Троцкого, руководителя, признанного революционным мировым пролетариатом, поставлен под сомнение русской компартией, существует опасность, что пошатнется авторитет руководства Коминтерна» [350] .

Такая позиция польских коммунистов всерьез встревожила Москву. В начале 1925 г. в Минске (под непосредственным контролем советского руководства) был созван III съезд польской компартии, который прошел под лозунгами большевизации и разоблачения оппортунизма. В копилку ненависти к полякам Сталин вложил и инцидент с поддержкой Троцкого. Не только Прухняк, но и руководители следующего десятилетия, включая сторонника Сталина Юлиана Ленского (Лещиньского), были расстреляны в СССР во время Большого террора.

Не вполне еще разобравшиеся в хитросплетениях интриг советского руководства деятели Коминтерна то и дело обращались к Троцкому, как к одному из вождей международного коммунистического движения. Секретарь Исполкома Коминтерна болгарин Васил Коларов даже попросил его написать в связи с созывом конгресса Коминтерна

воззвание по поводу 10-летия начала мировой войны [351] . Предполагалось также, что Троцкий выступит с докладом по национальному вопросу на V конгрессе Коминтерна. Это решение, однако, вскоре было отменено, дабы Троцкий таким образом не выдвинулся снова на первый план, к тому же перед лицом международной коммунистической общественности. 8 мая 1924 г. Политбюро постановило вместо Троцкого назначить докладчиком близкого Зиновьеву функционера: заведующего Восточным отделом и члена Исполкома Коминтерна Г.И. Сафарова. По уставу докладчик утверждался Исполкомом Коминтерна, который, разумеется, Сафарова предпочел Троцкому [352] . Может быть, именно из-за этого эпизода Троцкий в ноябрьских заметках 1924 г. остро критиковал руководство компартий, отставaвших, по его мнению, от движения масс, что он именовал «кризисом революционного руководства». «Низы пролетарской партии гораздо менее восприимчивы к давлению буржуазно-демократического общественного мнения, но известные элементы партийных верхов и среднего партийного слоя будут неизбежно, в большей или меньшей мере, поддаваться материальному и идейному террору буржуазии в решающий момент. Отмахиваться от этой опасности нельзя» [353] , – писал Троцкий.

V конгресс Коминтерна, состоявшийся 17 июня – 8 июля 1924 г., объявил борьбу против «правых уклонов», сочтя, что «правая опасность» является весьма серьезной. Конгресс принял резолюцию о фашизме, который был объявлен боевой организацией крупной буржуазии (мелкобуржуазные корни итальянского фашизма, германского нацизма и подобных им движений попросту игнорировались). Тем не менее, несмотря на очевидно возрастающую новую потенциальную угрозу – фашизм, Зиновьев провозгласил на конгрессе, что социал-демократия является не естественным союзником коммунистов в борьбе с фашизмом, а левым крылом фашизма. В этот момент и были заложены основы советской доктрины о «социал-фашизме». Подхваченный и растиражированный Сталиным термин «социал-фашизм» стал фундаментом коминтерновской политики вплоть до начала Второй мировой войны. Кроме того, Конгресс утвердил лозунг «большевизации» компартий, предусматривавший, что зарубежные компартии должны учиться у РКП(б) и копировать методы ее работы, не задумываясь о специфических особенностях своих стран. По существу, этот лозунг означал дальнейшее подчинение мирового коммунистического движения контролю Москвы. При Центральных комитетах национальных компартий создавался нелегальный аппарат, работники которого финансировались из партийного бюджета, пополняемого, в свою очередь, тайными денежными вливаниями СССР. Финансовая зависимость компартий от Москвы стала абсолютной.

Оставаясь членом Президиума ИККИ, Троцкий, однако, к принятию решений не имел отношения. Между тем на V конгрессе Коминтерна осуждение Троцкого впервые стало предметом обсуждения международного коммунистического форума. Правда, непосредственно «дело Троцкого» не рассматривалось. Зато возникло «дело Суварина» – французского коммунистического деятеля, в числе ошибок которого называлось опубликование «без ведома руководящих партийных инстанций» перевода брошюры Троцкого «Новый курс». Вина Суварина «усугублялась» тем, что он написал предисловие, «направленное против партии и против Коммунистического Интернационала». В предисловии, в частности, говорилось: «Ошибается тот, кто думает, что можно умалять Троцкого, не умаляя в то же время русской революции и Интернационала, которым он отдал лучшую часть самого себя» [354] . Этим Суварин, по мнению советского руководства, «внес дезорганизацию в ряды коммунистической партии Франции» и в результате был исключен из партии и Интернационала [355] .

На конгрессе был заслушан доклад Рыкова об экономическом положении СССР, в конце которого кратко было сказано о сравнительно недавней «литературной дискуссии». Выступление Рыкова дало повод образовать «русскую комиссию», которая подготовила соответствующую резолюцию, доложенную болгарским коммунистическим лидером Василом Коларовым. В этом документе, содержание которого было продиктовано Кремлем, заявлялось, что предложения оппозиции представляют опасность для диктатуры

пролетариата и единства РКП(б), а следовательно, Коминтерна. Резолюция, принятая единогласно, предлагала отвергнуть эти взгляды, как враждебные интересам мировой революции [356] . Теперь позиция Троцкого была объявлена направленной не только против Коминтерна, но и революции в целом.

V расширенный пленум ИККИ (март – апрель 1925 г.) в очередной раз бросил камень в огород Троцкого. В резолюции по итальянскому вопросу, в которой критиковалась левацкая политика генерального секретаря компартии Амедео Бордиги, было сказано, что «он сходится с Троцким» в вопросах кадровой политики итальянской компартии и, как и Троцкий, «видит прежде всего роль вождей в революции и упускает из виду или недооценивает роль партии как массовой организации пролетариата» [357] . Другая резолюция пленума обвиняла в троцкизме германских коммунистов Брандлера и Тальгеймера, а также Радека. Про Тальгеймера было, в частности, указано, что его статья, отклоненная журналом «Коммунистический Интернационал», содержала выпады «против русской старой большевистской гвардии» «совершенно в духе» «Уроков Октября» Троцкого [358] . Фамилия Троцкого и термин «троцкизм» все больше и больше превращались в пугала, от которых надо было держаться как можно дальше.

В написанном в августе 1925 г. и, по всей видимости, согласованном с Троцким «Предварительном наброске тезисов о политике Коминтерна» [359] Радек дал весьма пессимистическую картину положения в Коминтерне и в его партиях после V конгресса: «В промежуток времени, отделяющий нас от Пятого конгресса, произошли события, доказывающие, что постоянному провозглашению необходимости централизованного руководства со стороны ИККИ не соответствовали факты. Пока не происходили катастрофы, ИККИ занимался персональным составом центральных комитетов, но не их политикой. Основные вопросы, стоящие перед Коминтерном, которые решить самостоятельно компартии Запада не в состоянии, которые могут быть решены только совместными усилиями лучших элементов Интернационала, не выдвигаются и не разрабатываются ИККИ».

Радек, как и Троцкий, подвергал острой критике политику компартий Германии, Франции, Польши, Чехословакии, США. Особое внимание привлекала внутренняя нестабильность руководящих партийных органов, борьба в них различных течений, стремление одних групп отстранить другие от руководства, и это при общем слабом влиянии компартий на рабочих. Троцкий, Радек и другие деятели, ведшие работу в органах Коминтерна, с удовлетворением отмечали, что в компартиях к руководству приходили левые группы, солидаризировавшиеся скорее с Троцким, чем с Зиновьевым. Но они считали, что эти группы самостоятельно не в состоянии справиться даже с вопросами коммунистической пропаганды, не говоря уже о задачах организации массовых экономических и политических выступлений. Единственной работой, которая должна была служить пропаганде «ленинизма» на Западе, была книга германского коммуниста, эмигранта из России Аркадия Маслова [360] «17-й год», но и ее Радек подверг сокрушительной критике, как «безграмотную попытку ревизии ленинизма» [361] .

Иначе говоря, результаты V конгресса Коминтерна оппозицией оценивались негативно. «Левый курс» в Коминтерне, приведший к отстранению от руководства ряда опытных деятелей промосковской ориентации (в их числе назывались группа «Спартак» в Германии, поляки Варский [362] и Валецкий [363] , чехи Шмераль [364] и Запотоцкий [365] , американец Фостер) [366] , имел результатом отрыв от социал-демократических масс и ослабление национальных компартий. Положение в Коминтерне, по мнению близких к Троцкому деятелей, требовало радикальных перемен, главные из которых должны были состоять в предоставлении партиям значительно большей самостоятельности от Москвы при выработке своих решений и проведении их в жизнь, прекращении травли тех, кого объявляли «правыми», восстановлении в партийных рядах некоторых исключенных.

В предыдущие годы Троцкий отодвинул на второй план свой излюбленный лозунг

социалистических Соединенных Штатов Европы. В начале 1926 г. полагая, что стабилизационные процессы капитализма подходят к концу и предстоят новые крупные международные и внутренние потрясения капиталистического мира, Троцкий счел необходимым этот лозунг восстановить, дополнив его требованием рабоче-крестьянского правительства [367] . Правда, лозунг рабоче-крестьянского правительства фигурировал в документах Коминтерна с 1922 г. и был прикрытием столь же умозрительного лозунга пролетарской диктатуры. К тому же Троцкий обусловливал сотрудничество с социал-демократами в этом теоретически вероятном правительстве такой массой оговорок, которые делали такое сотрудничество исключенным.

Что касается Востока, особенно Китая, где развертывалась национально-демократическая революция, то еще в пору временного примирения со сталинским большинством под руководством Троцкого, возглавлявшего соответствующую комиссию, был разработан документ «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии» [368] . Документ был направлен на имя секретаря Сталина И.П. Товстухи [369] . В нем формулировался решительный отказ от военной интервенции Советского Союза в Китае и указывалось на необходимость договориться с генералом Чжан Цзолинем [370] , фактическим руководителем Маньчжурии.

Сам Троцкий очень осторожно и даже несколько неопределенно подходил к утвердившейся пока что только на юге страны, в городе Кантоне и его окрестностях, власти Гоминьдана (Народной партии) во главе с Сунь Ятсеном [371] , считая, что положение его правительства при враждебных действиях со стороны Великобритании и Франции может оказаться крайне тяжелым. Сдержанную позицию Троцкого еще более подкрепил Сталин своим дополнением к документу, с которым он в основном выразил согласие. Сталин считал, что кантонское правительство должно сосредоточить все свои усилия на проведении реформ и «решительно отклонить мысль о военных экспедициях наступательного характера и вообще о таких действиях, которые могли бы толкнуть империалистов на путь военной интервенции» [372] .

О том, насколько важен был еще Троцкий для Сталина, можно судить по его записке помощникам от 29 мая 1925 г. по поводу комплектации и классификации его личной кремлевской библиотеки. Сталин просил расположить книги не по авторам, а по тематике, однако изъять из этой классификации издания нескольких авторов, которые он перечислил в следующем порядке: Ленин, Маркс, Энгельс, Каутский, Плеханов, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Лафарг [373] , Люксембург, Радек [374] . В числе тех, работы которых следовало расположить по авторам, Троцкий, как мы видим, занимал место сразу после «классиков» и двух основных их теоретических толкователей. Время убрать с полок книги Троцкого еще не пришло.

Глава 3 Формирование объединенной оппозиции

1. Интрига с книгой Макса Истмена

Весь 1926 год Троцкий внешне пытался продемонстрировать формальное подчинение партийной дисциплине, однако это получалось далеко не всегда. Мелкий, но показательный инцидент произошел с написанием краткой биографии Ленина, которая была заказана Троцкому редакцией Британской энциклопедии в 1925 г. Троцкий, с согласия Политбюро, быстро выполнил заказ, для чего ему был предоставлен 17 февраля 1926 г. отпуск на восемь дней («исключая заседания Политбюро», на которых он обязан был присутствовать) [375] . Согласно существовавшим правилам, Троцкий передал рукопись на рассмотрение членов Политбюро. Сталин испестрил рукопись мелочными придирками [376] , а затем 20 марта обвинил автора в том, что тот не подчеркнул роль Ленина как теоретика, мало сказал о ленинском учении о партии, о строительстве социализма и пр. [377] 1 апреля на заседании

Политбюро работа Троцкого была обсуждена, но не получила одобрения. Собственно говоря, и отказа в публикации тоже не было [378] . Вопрос о судьбе рукописи оказался подвешенным в воздухе. Тем не менее Троцкий послал статью для публикации, и она появилась в Британской энциклопедии [379] . Вот эта публикация и дала повод для жестких нападок на Троцкого на апрельском пленуме ЦК 1926 г.

Статьей о Ленине – так, как она была написана, – Троцкий отрекался от своего дооктябрьского и непосредственно послеоктябрьского прошлого, но не в полной мере, не так, как хотел бы этого Сталин. Сталин в своем письме и в замечаниях на полях статьи Троцкого ловко подметил акценты, свидетельствовавшие о том, что Троцкий не готов был отказаться от своего прошлого безоговорочно. В частности, по поводу Брестского мира, где Троцкий пытался разъяснить читателям сложную историю переговоров, Сталин сделал пометку: «К чему это? Зачем так пространно?» [380]

Однако наиболее явственно двойственное и противоречивое положение Троцкого в тот период можно было проследить по его отношению и по реакции на его отношение к появившейся на Западе в 1925 г. книге американского журналиста Макса Истмена «После смерти Ленина». Это был тот самый журналист, который в начале 20-х гг. приехал в Россию, женился на коммунистке Елене Васильевне Крыленко, сестре Н.В. Крыленко, сблизился с Троцким, получил возможность записывать его воспоминания и написал книгу о юности Троцкого. Свою новую работу Истмен опубликовал после того, как с большим трудом смог выехать из России при содействии заместителя наркома иностранных дел Литвинова, включившего его в состав советской делегации на одну из международных конференций [381] . Скорее всего, советское правительство просто решило избавиться от биографа Троцкого. Оказавшись за рубежом, Истмен попытался проанализировать борьбу за власть в ВКП(б) и в СССР, причем сделать это на фоне «завещания» Ленина, исходя из предпосылки, что наибольшими правами на наследование места Ленина в революции обладал Троцкий. В опубликованной книге сам текст «завещания» Истмен излагал по памяти и в ряде мест очень неточно, ссылаясь, в частности, на то, что Троцкий потребовал от него рассматривать этот документ как «абсолютную тайну» [382] . Правда, позже Троцкий изменил свою точку зрения, сочтя, что «завещание» должно стать достоянием широкой общественности. Но текста самого «завещания» в распоряжении Истмена не было.

Автор писал, что находился в Москве во время дискуссии 1923 г., посещал собрания, владел русским языком в достаточной степени, чтобы правильно воспринимать все то, что там происходило; что он несколько месяцев колебался, прежде чем взяться за подготовку книги, и в конце концов убедился, что должен служить не только исторической правде и личной справедливости, но и «реальной стратегии революции» [383] . Истмен явно колебался между необходимостью воспроизведения фактов, как они есть, и политической целесообразностью и вступал в сделку со своей совестью, находя возможным совместить несовместимое.

В книге кратко воспроизводилась история взаимоотношений Троцкого и Ленина, то есть в известном смысле она являлась продолжением ранее опубликованной работы о юности Троцкого; шла речь и о «большой дубинке» Ленина на съезде 1903 г., и о революции 1905 г., и о пребывании Троцкого между большевистским и меньшевистским лагерями. «Было бы чудом, – писал Истмен, – если бы молодой человек угнетенной расы, поднявшись на высоту в возрасте 26 лет, остался бы свободным от чувства гордости и стремления выражать собственное мнение». На протяжении всей книги о Троцком говорилось в самых высокопарных выражениях: он «гордый человек», ему свойственна «бескорыстная, безбоязненная и святая преданность революции», это «красочная и захватывающая личность», «вождь от природы» и даже «просто великий человек». Правда, автор пытался как-то сбалансировать свое восторженное изложение, отмечая некоторые недостатки своего героя: он «не знает, как собрать вокруг себя людей», временами он ведет себя «с глупой самонадеянностью ребенка» и т. п. [384]

Истмен давал исключительно высокую оценку деятельности Троцкого в революции и

Гражданской войне, допуская при этом некоторые искажения, которые потом были ловко использованы сталинистами. Он писал, например, что Троцкий не работал и не мог работать до революции с меньшевиками, а это было не так. Он утверждал, что Ленин после 1917 г. верил Троцкому (в этом утверждении конечно же сквозила очевидная идеализацию Истменом Ленина). Он рассказывал, что Ленин предложил Троцкому пост председателя правительства и Совета труда и обороны, то есть «назначил» его своим наследником, что также не соответствовало действительности. По словам Истмена, «тройка» скрыла «завещание» Ленина от членов ЦК, и тут же указывалось, что этот документ был прочитан делегатам XIII съезда (среди которых находились, естественно, все члены ЦК) и именно съезд решил «завещание» не публиковать [385] (что было неверно).

На Западе последовали немедленные отклики на эту сенсационную книгу. Особенно щедры были британские печатные органы. Популярные и авторитетные газеты «Дейли геральд»; «Дейли хроникл» и другие опубликовали хвалебные рецензии. Известный лейборист и деятель Независимой рабочей партии Брейлсфорда, редактировавший газету «Нью лидер», посвятил этой книге целую полосу под заголовком «Почему пал Троцкий». Опираясь на книгу Истмена, он характеризовал Троцкого как блестящего оратора и организатора, человека огромной популярности. Почему же такой одаренный лидер был снят с поста в созданной им же армии? – сокрушался лейбористский деятель. Сам же он и ответил: причины отставки Троцкого лежали в личной зависти, несходстве характеров, в том, что Троцкий имел смелость придерживаться собственного мнения [386] . Француз А. Росмер отмечал, что книга нашла живой отклик в рабочих кругах, что она представляла собой «серьезное, углубленное, неофициальное исследование последнего кризиса в РКП(б), написанное человеком, который с 1917 года не переставал бороться за русскую революцию и коммунизм» [387] .

Значительно осторожнее книгу Истмена оценивали в коммунистических кругах. Те компартии, которые напрямую зависели от советских финансовых вливаний, естественно, ожидали официальной реакции Москвы, чтобы затем включиться в «разоблачение» Истмена. Когда же соответствующие указания поступили, реакция стала молниеносной. Британский коммунистический еженедельник «Уоркерс уикли» озаглавил свою рецензию созвучно с английским названием книги Истмена: «С тех пор как Истмен лжет», а его американский собрат ежемесячник «Уоркерс мансли» объявил, что выступление Истмена, «обывателя Гринвич-Виллидж» (по названию района Нью-Йорка, где традиционно обитала левая и творческая интеллигенция), является подготовкой военного нападения на республику Советов [388] . И понятно почему: Истмен тоже не сильно сдерживался в выражениях. Выделяя Ленина и Троцкого, он писал, что из выступлений и статей советских руководителей создается впечатление, будто они учились «в школах для дебилов» [389] .

Книга Истмена поставила Льва Давидовича в весьма неловкое положение. С одной стороны, он разделял многие из оценок, сделанных американцем, которому сам рассказал немало из того, что потом было изложено Истменом. С другой стороны, был вынужден соблюдать то, что именовалось партийной дисциплиной и солидарностью руководства, к которому он еще принадлежал, будучи и членом ЦК, и членом Политбюро. Он не был готов идти на развязывание открытой политической борьбы по такому незначительному, с его точки зрения, поводу, как появление книги американского журналиста. Весьма неудобным для Троцкого моментом было чрезмерное восхваление его автором. В результате во имя сохранения крайне непрочного перемирия со сталинским большинством Троцкий вынужден был пойти на новые уступки и унижения. Его обязали первым откликнуться на издание. 9 мая 1925 г. в «Правде» был опубликован весьма показательный обмен репликами. Англичанин Джексон, редактор лондонской газеты «Санди Уокер», близкой к левому крылу Лейбористской партии, обратился с письмом к Троцкому. Джексон, в частности, писал: «Книга Истмена широко цитируется в буржуазной прессе. Вас описывают как жертву интриги. Проводится идея, что вы выступаете за демократию и свободную торговлю».

Последнее утверждение не соответствовало действительности и облегчило положение

Троцкого. На нем он и сконцентрировался, проигнорировав основной смысл запроса Джексона. Троцкий ответил, что ничего не знает о книге Истмена, и продолжил: «Грубейшим вымыслом являются сообщаемые Вами утверждения прессы, будто я сочувственно отношусь к буржуазной демократии и свободе торговли. Вместе со всеми членами партии, я считаю советскую систему диктатуры пролетариата и монополию внешней торговли неотъемлемыми условиями социалистического строительства».

Это было даже хуже, чем дезинформационные сообщения, которые Троцкий давал иностранным журналистам ради пропагандистских целей советского правительства. Дезавуируя Истмена, Троцкий изменял себе.

Просто так отделаться от вызвавшей сенсацию на Западе книги было не так-то просто. Летом 1925 г. Сталин занялся разоблачением Троцкого в связи с «завещанием» Ленина и решил использовать для этого книгу Истмена. Генеральный секретарь приложил максимум усилий, чтобы заставить Троцкого раскритиковать Истмена и его книгу в самых жестких тонах. В конце 1925 г. Сталин писал «членам семерки» (именно так адресовал текст сам Сталин, подтверждая, что неофициальный фракционный орган, созданный в нарушение постановлений партии, действительно существовал): «Меня больше всего интересует то, чтобы определить отношение Троцкого к делу о брошюре Истмена и поставить вопрос об *открытом* отмежевании Троцкого от Истмена и его «труда». Я думаю, что брошюра написана с ведома (а может быть, даже *по директиве* Троцкого») [390] .

Явное тактическое преимущество генсека состояло в том, что вопрос о «завещании» оставался в весьма неопределенном состоянии, что официально этого завещания как законченного формального документа не существовало, что по поводу ленинского «Письма к съезду» передавались самые разнообразные версии, которые распространялись, кстати сказать, самими делегатами XIII съезда, воспринимавшими этот документ на слух, когда его зачитывали по делегациям. При этом версии и даже сплетни распространялись под большим секретом, передавались из уст в уста, так как делегатам было запрещено делать записи, да и вообще рассказывать об этом документе.

Сам Истмен не утверждал, что Троцкий передал ему «завещание» Ленина. Он писал, что Троцкий под большим секретом рассказал ему об этом документе [391] , на что Троцкий конечно же, как и другие делегаты съезда, не имел права. Излишне говорить, что, публикуя эту информацию, Истмен подставлял Троцкого, о чем он не мог не знать. Неточности в пересказе документа Истменом подтверждали, что Троцкий не передавал ему документа и что американский журналист довольствовался именно пересказом. Но тем не менее Истмен поставил Троцкого в очень сложное положение и сразу же после известий о публикации книги проинформировал Политбюро о своих контактах с автором. Он подчеркивал, что хорошо Истмена не знал (что не вполне верно, так как он встречался с журналистом неоднократно). Троцкий утверждал, что никаких документов Истмену не передавал, но что тот неплохо говорил по-русски и у него был широкий круг знакомых среди коммунистов [392] . И здесь Троцкий попытался сделать вид, что информация о «завещании» пришла к Истмену не от Троцкого, а кого-то другого, и выглядело это объяснение не слишком убедительно. Сталин Троцкому конечно же не поверил.

Прочитав книгу Истмена в переводе на русский язык, Сталин распорядился передать русский текст книги членам Политбюро. 17 июня он послал членам и кандидатам в члены Политбюро, а также членам Президиума ЦКК обширное письмо, в котором выражал недовольство в связи с «уклончивым» поведением Троцкого после появления книги Истмена, а также попыткой Троцкого подменить прямой ответ ссылкой на то, что действительный ответ дан в его только что вышедшей книге «Куда идет Англия?». По существу, Сталин составил проект ответа Троцкого с оценкой книги Истмена как «лжи и клеветы» на руководителей РКП(б). Используя неточности, имевшиеся в книге, Сталин требовал от членов Политбюро поставить перед Троцким ультиматум – отмежеваться от книги американского журналиста и выступить в печати с категорическими опровержениями или быть готовым к тому, что против него будут приняты соответствующие меры [393] .

18 июня 1925 г. на расширенном заседании Политбюро Сталин гневно обрушился на Троцкого. Он настаивал, чтобы Троцкий объявил книгу клеветнической и получил в этом вопросе, как и ожидалось, полную поддержку большинства [394] . От Троцкого требовали «решительно отмежеваться от Истмена и выступить в печати с категорическим опровержением по крайней мере тех извращений, которые изложены в восьми пунктах записки т. Сталина» [395] . По существу, Сталин предлагал, чтобы Троцкий совершил политическое самоубийство.

23 июня состоялась встреча Сталина, Бухарина и Рыкова с Троцким. Генсек вновь потребовал, чтобы Троцкий выступил с разоблачением книги. Троцкий сопротивлялся. Он направил Сталину два письма, в которых высказывал мнение, что надо быть идиотом или преступником, чтобы поднимать шум вокруг этого «документа», делать из него сенсацию [396] . В итоге он написал заявление «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина» [397] . Но Сталин счел этот текст неудовлетворительным и недостаточно жестким. Сталин считал, что Троцкий лишь формально отмежевался от Истмена. Поэтому Бухарин, Зиновьев, Рыков и Сталин (подписи шли в алфавитном порядке) послали Троцкому весьма резкое письмо, настолько резкое, что письмо, похоже, не сохранилось. О его содержании можно судить лишь по отдельным цитатам, попавшим в другие документы, и по ответу Троцкого от 27 июня. Сталин и его соратники требовали, чтобы Троцкий использовал такие термины, как «клеветник» и «контрреволюционер», и продолжали: «Вы спорили с нами в плоскости именно этих вопросов, сопротивлялись, в конце концов согласились с нами и, тем не менее, кончили тем, что, к нашему удивлению, отказались на деле зафиксировать в своем последнем проекте письма предложенные нами и принятые вами квалификации, заменив их туманными и неопределенными квалификациями, выгодными для Истмена и невыгодными для нашей партии».

Троцкий, прямо скажем, критиковал Истмена мягко. Он писал в том смысле, что книга Истмена «лишена политической ценности», что автор подходит к политической жизни в СССР не опираясь на серьезные критерии, чисто психологически, что произведение сооружено на совершенно недостаточном фундаменте. Все это были конечно же лишь отговорки, которые члены Политбюро сочли неудовлетворительными и неприемлемыми [398] .

В самый разгар этого скандала находившийся в Париже коминтерновский деятель Д.З. Мануильский, не посвященный во все хитрости дела, передал в газету французских коммунистов «Юманите» текст заявления Троцкого о книге Истмена, забракованный Сталиным. Мягкая критическая заметка Троцкого была опубликована. Но Троцкого это не спасло. Используя публикацию Троцкого в «Юманите» как пример коварства Троцкого, Сталин сумел наконец добиться своей цели. Троцкий написал требуемое письмо, которое удовлетворило правившую группу. По каналам Коминтерна оно было отправлено в Центральные комитеты всех компартий и в их печатные органы, чем была исправлена «ошибка», допущенная Мануильским [399] .

Одновременно в Москве в журнале «Большевик» была опубликована подборка материалов, сопровождаемая предисловием «От редакции», написанным, судя по стилю, самим Сталиным [400] . Здесь саркастически обращалось внимание на «богатую» политическую литературу в стане врагов революции, которую породила последняя дискуссия о троцкизме (так теперь называлось то, что еще совсем недавно скромно именовалось «литературной дискуссией»!). Брошюра Истмена объявлялась клеветнической и содержавшей «пышный букет гнуснейших сплетен и клеветнических наветов на ленинскую коммунистическую партию». Попутно лживо утверждалось, что Истмен был исключен из компартии США, в которой он никогда не состоял. За этим следовали заявление Троцкого «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина» [401] и письмо Крупской «Издательству Sunday Worker» [402] . Заявление Троцкого, будучи лишь в незначительной степени более сдержанным по форме по сравнению с предисловием, представляло собой причудливую смесь фактов, преподнесенных с неточностями, и вымыслов. Книгу Истмена ему якобы

прислал секретарь компартии Великобритании Альберт Инкпин [403] с просьбой ее прокомментировать. Понятно, что Инкпин обращался с такой просьбой к Троцкому по указанию из Москвы и с целью дальнейшей компрометации Троцкого.

Троцкий заявлял, что Ленин вообще не писал завещания, что такого документа не существует, что последние письма Ленина были адресованы только руководящим парторганам и касаются советов «по организационным вопросам», что XIII съезд воспринял эти документы с величайшим вниманием и сделал соответствующие выводы. В то же время Троцкий намекал, что его заявление носит вынужденный характер. Он, мол, не собирался ни читать «книжку» Истмена, ни реагировать на нее. «Однако ближайшие товарищи по партийной работе, успевшие ознакомиться с книжкой, высказались в том смысле, что ввиду заключавшихся в книжке ссылок на беседы со мной мое молчание может оказать косвенную поддержку книжке, полностью направленной против нашей партии». Далее шла жесткая критика Истмена, и в заключение Троцкий заверял читателей, что «книжка… может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу контрреволюционным орудием».

Дезавуировав «завещание» руками Троцкого, Сталин подключил затем к компрометации Троцкого в глазах международной коммунистической общественности вдову Ленина Крупскую. Ее обязали написать письмо, объявляющее книгу Истмена набором обыкновенных сплетен. Крупская подтверждала подлинность своего письма Троцкому о теплых чувствах Ленина к Троцкому, но отмежевывалась от политических взглядов последнего, особенно в связи со статьей «Уроки Октября». В завершение Политбюро приняло резолюцию по докладу представителя финской компартии Отто Куусинена о предоставлении Исполкому Коминтерна всех материалов, касающихся книги Истмена, и ответам Троцкого «для осведомления ЦК важнейших компартий». Все названные материалы, а также русский перевод книги Истмена были направлены еще и губкомам партии, членам ЦК и ЦКК ВКП(б) на правах закрытого письма [404] .

Троцкий, видимо, осознал наконец, что дальнейшие уступки с его стороны все равно ни к чему не ведут, что надежды на изменение ситуации в стране и партии в его пользу утопичны, что соотношение сил продолжает меняться только в благоприятную для Сталина сторону и что для него, Троцкого, это во всех случаях чревато политической, а быть может, и физической гибелью. Позже он неоднократно давал понять, что его заявления против книги Истмена не носили искреннего характера, и даже предпринимал попытки как-то оправдать свое поведение. Уже находясь в ссылке в Алма-Ате, он в ноябре 1928 г. дал Истмену очень высокую оценку, отметив, что тот «вошел близко в нашу внутреннюю жизнь, чтобы увереннее и лучше защищать Советскую республику перед народными массами Америки» и что он «стоит несколькими головами выше многих из тех чиновников, которые его травят».

К этому времени Истмен, получивший полный текст «Письма к съезду» Ленина [405] , 18 октября 1926 г. опубликовал его в «Нью-Йорк таймс» со своей сопроводительной статьей. Кроме того, резюме «завещания» Ленина, с согласия Истмена, было распространено французским информационным агентством «Гавас» по всему миру. Правда, американская газета «для баланса» в том же номере поместила и статью сторонника Сталина журналиста Уолтера Дюранти [406] , который объявил, что оппозиция в СССР потерпела полное поражение. Тем не менее новое выступление Истмена привело Сталина в ярость, а Троцкий, наоборот, перешел к словесному нападению: «Заявление Ленина не является государственной или партийной тайной. Опубликование его не есть преступление. Наоборот, преступлением является сокрытие его от партии и рабочего класса. Сейчас сотнями печатаются мелкие и случайные заметки Ленина, писавшиеся им заведомо для себя самого (например, на полях книг), если эти заметки можно хоть косвенно, но использовать против оппозиции. Но скрываются многие сотни статей, речей, писем, телеграмм и заметок Ленина, поскольку они прямо или косвенно направлены против нынешних руководителей или за нынешнюю оппозицию».

Свое поведение в 1925 г. Троцкий пытался теперь оправдать тем, что это было решение

«руководящей группы оппозиции»: «Во всяком случае мое тогдашнее заявление об Истмене может быть понято как составная часть тогдашней нашей линии на соглашение и на умиротворение. Так оно и было понято всеми сколько-нибудь осведомленными и мыслящими членами партии. Никакой тени – ни личной, ни политической – это заявление на Истмена не бросало» [407] . Убедительным такое заявление не выглядело, поверить в него было невозможно, и у «осведомленного и мыслящего» читателя оно могло вызвать только горькую усмешку, поскольку в 1925 г. не было «руководящей группы оппозиции», которая могла бы принять какое бы то ни было решение, более того – не было и самой оппозиции, от имени которой выступал Троцкий. Что же касается самого Истмена, то речь шла не о бросаемой на него «тени», о резких выпадах, которые правильнее было бы назвать оскорблениями.

2. Выбор союзников

Почти сразу после XIV съезда партии, на котором Каменев, Зиновьев и их сторонники, вышибленные из «тройки», потерпев поражение, были лишены части своих постов, но остались на партийно-государственном олимпе, Троцкий начал постепенный поиск возможных контактов с этими деятелями. Он продолжал относиться к ним недоброжелательно, считая их карьеристами, лицемерами, теоретически малокомпетентными и слабыми в организационном плане партработниками. Со своей стороны бывшие сталинские соратники смотрели на Троцкого весьма подозрительно и завистливо, считая, что он остается претендентом на высшую власть в партии и в стране и в случае достижения таковой явно не будет делить с ними добычу. Тем не менее Троцкий и его немногочисленные сторонники сочли возможным пойти на контакты, вначале очень осторожные, затем все более прочные, для совместной борьбы против сталинского большинства, дабы вернуть себе рычаги управления и право считаться преемниками Ленина.

После разрыва с Зиновьевым и Каменевым Сталин начал маневрировать, чтобы предотвратить возможный их блок с Троцким. В марте 1926 г. Бухарин и Сталин встречались с Троцким, вели с ним разговоры о возможности возобновления совместной работы. О том же по поручению Сталина Троцкому сообщил Л.П. Серебряков. После состоявшейся беседы последний 27 марта 1926 г. проинформировал Сталина о том, что и Троцкий рассчитывал на возможность восстановления конструктивного, делового сотрудничества. 20 января 1926 г. в выступлении на рабочем собрании на Путиловском заводе в Ленинграде Ворошилов, очевидно, что по поручению Сталина, даже похвалил Троцкого, сказав, что Троцкий «ведет себя неплохо, исправляется, работу, порученную ему, выполняет добросовестно, по-большевистски, не без пользы», что «есть все надежды на его полное выправление» [408] .

Сигнал был услышан, и Троцкий заявил, что готов продолжить контакты с генсеком, но выражал недоумение по поводу закулисных маневров, которые при этом предпринимаются [409] . Он продолжал работу на тех трех постах, на которые он был назначен, но основное внимание сосредотачивал на аналитической и публицистической деятельности.

Вскоре Троцкий опубликовал брошюру «Европа и Америка», куда поместил две свои речи, в которых отстаивал и развивал идею Соединенных Штатов Европы, на этот раз мотивируя ее недосягаемым материальным перевесом Соединенных Штатов над европейскими странами, исключавшим для капиталистической Европы возможность хозяйственного подъема и возрождения. Американский капитализм революционизирует Европу, был убежден Троцкий. Выход из европейского тупика он видел только в пролетарской революции в Европе, в устранении таможенных перегородок и в создании европейских Социалистических Соединенных Штатов, которые вступили бы в федеративное объединение с СССР [410] – то есть создали бы одну гигантскую Советскую империю.

0 современном американском капитализме Троцкий отзывался почти восторженно. Он предрекал мощный хозяйственный расцвет Америки, утверждая, что «Европа выбрасывает за

океан, волну за волной, такие элементы населения, которые лучше всего были пробуждены, подготовлены, закалены для развития производительных сил». Особое восхищение Троцкого вызывало развитие в США серийного промышленного производства. «К числу этих стандартизированных предметов потребления относятся между прочим детская коляска и гроб. Так что американцы рождаются в стандарте и умирают в стандарте. Я не знаю, удобнее ли это, но это дешевле на 40%», а европейские страны в смысле займов «стоят в очереди у окошка дяди Сама» [411] .

Естественным результатом прогресса США Троцкий вынужден был теперь признать принципиальные изменения в американском организованном рабочем движении. Он обращал внимание на функционирование «компанейских профсоюзов» на Западном континенте, то есть рабочих организаций, возникших по инициативе предпринимателей и их объединений, тесно с ними сотрудничавших. Хотя действовавшая ранее Американская федерация труда и являлась организацией реформистской, она все же противопоставляла рабочих капиталистам и прибегала к традиционным средствам борьбы, прежде всего к забастовкам. Теперь положение значительно изменяется, констатировал автор. Отмечая, что капитал резко увеличивает свои оборотные средства и все более заинтересовывает рабочих в процветании промышленности через их участие в прибыли, он считал, что, по существу дела, это «означает уже полное признание тождества интересов труда и капитала» [412] .

Сами по себе печатные выступления Троцкого откровенно оппозиционными не являлись, но в условиях, когда официальная пропаганда наращивала свои усилия в преподнесении населению обещаний о социализме в одной стране, выглядели весьма необычными и даже подозрительными, особенно имея в виду прошлый опыт остро критических выступлений. В самом же Политбюро, членами которого оставались как Троцкий, так и потерпевшие поражение Каменев и Зиновьев, изменения в их взаимоотношениях были очевидны. Если раньше Зиновьев и Каменев были острыми критиками Троцкого, нападали на него с остервенением и получали столь же нелицеприятные ответные удары, то теперь взаимные нападки постепенно были смягчены, а затем и вовсе прекращены. Происходили закулисные маневры и интриги, неофициальные встречи с выяснением позиций по конкретным вопросам без взятия на себя каких бы то ни было обязательств, результатом которых являлись официальные заявления, но они были облечены в эзопову форму с обилием общих фраз и минимумом конкретики. Уловить действительный смысл этих заявлений с трудом могли только весьма искушенные в советской политике деятели.

Непосредственно после XIV съезда Троцкий пошел на негласный контакт с Бухариным, а через него и со Сталиным, которые опасались блока Троцкого с бывшей «ленинградской оппозицией» [413] . При этом Троцкий даже попытался оторвать Бухарина от Сталина или, по крайней мере, добиться ослабления их связей. Чрезвычайно характерным было письмо Льва Давидовича Бухарину от 9 января 1926 г., в котором отмечалась близость их позиций (скорее выдуманная, нежели реальная) и выражалась надежда на возрождение коллективной работы Политбюро [414] . Троцкий принял предложенные ему правила игры и почти всерьез делился с Бухариным своими опасениями по поводу болезней партаппарата, идейный авторитет которого понижается, а власть поддерживается демагогией. «Я вполне готов к продолжению нашего объяснения, – писал Троцкий, – которое – я хотел бы надеяться – не затруднит, а хоть отчасти облегчит путь к действительно коллективной работе в Политбюро и в ЦК, без чего не будет коллективной работы и во всех нижестоящих партийных организациях» [415] . Однако Бухарин, очевидно по указанию Сталина, на дальнейшие контакты пока не шел, и Троцкий потянулся к Каменеву и Зиновьеву.

Вначале возможности для сближения с теми, кого называли «новой оппозицией», стали ощущаться на заседаниях Политбюро в сходной аргументации, в основном по вопросам хозяйственного развития. Заметив, что Зиновьев и Каменев постепенно сближаются с ним в вопросе о необходимости форсированного промышленного развития СССР, Троцкий стал еще активнее настаивать на индустриализации. Он использовал для этого все заседания, на

которых рассматривались хозяйственные проблемы. Так, уже 11 января 1926 г., то есть через полторы недели после окончания XIV съезда и через два дня после обращения к Бухарину (Политбюро рассматривало в тот день вопрос о состоянии валютных резервов СССР), Троцкий заявил, что червонец, то есть твердая валюта, необходим не сам по себе, а как инструмент социалистического строительства и что именно промышленность должна играть ведущую роль в развитии народного хозяйства. «Выход из кризиса в энергичном форсировании экспорта, в переработке импортных планов под углом зрения индустриализации, в уплотнении бюджета под углом зрения индустриализации и в ясной и отчетливой директиве всем плановым и хозяйственным органам, что разрешение кризиса и предупреждение его… в лозунге «тверже шаг в сторону индустриализации» [416] , – утверждал Троцкий. Каменев и Зиновьев в основном отмалчивались, хотя сочувственно прислушивались к тому, что говорил Троцкий. Бухарин и стоявший за его спиной Сталин продолжали настаивать на первоочередном внимании к сельскому хозяйству.

Под индустриализацией Троцкий понимал не судорожный рывок вперед в промышленном развитии страны, как это произойдет вскоре, когда индустриализацию начнет проводить Сталин, а пропорциональное, сбалансированное развитие тяжелой и легкой промышленности, хотя и при существенном преимуществе производства средств производства. Троцкий считал возможным проводить такую индустриализацию на базе национализированной советской промышленности, существенного расширения концессионной политики и при участии частных западных фирм. На заседании Политбюро 25 февраля 1926 г., обсуждавшего хозяйственные мероприятия на ближайший период, Троцкий вновь подчеркивал необходимость индустриализации, причем на этот раз увязывал индустриальный рост с перспективами развития сельского хозяйства, доказывая, что именно максимальное вкладывание накоплений в промышленность приведет к поднятию уровня земледелия и животноводства [417] .

Острая перепалка произошла на одном из очередных заседаний Политбюро – 18 марта. Собственно говоря, именно на этом заседании наметились первые шаги к прямому сближению между Троцким и бывшими лидерами «новой оппозиции». Обсуждался вопрос о снятии Зиновьева с поста председателя Ленинградского Совета за нарушение партийной дисциплины и фракционную деятельность. Троцкий выступил со спокойной речью, в которой обращал внимание на то, что пресловутая резолюция X партсъезда о единстве партии была документом текущего момента, что сам Ленин не обращал на нее серьезного внимания, когда считал это политически целесообразным, что, например, в том же 1921 г. Ленин, Троцкий и Каменев создали фракцию против Зиновьева, Бухарина и Радека, чтобы провести на Политбюро решения, связанные с курсом III конгресса Коминтерна, направленным против планов авантюрных выступлений в Германии, и сам Ленин признал тогда факт создания им своей фракции.

Понизив таким образом накал страстей в отношении «фракционной работы» Зиновьева в Ленинграде и показав сиюминутность ленинского решения о запрещении фракций и готовность самого Ленина идти на нарушение резолюции X съезда, когда это было выгодно Ленину, Троцкий затем несколько сменил тональность. Он подверг критике «аппаратный режим» в Ленинграде, то есть режим Зиновьева, но не за стиль работы руководителя «новой» оппозиции Зиновьева, а за поддержку им общепартийного режима, режима Сталина: «Тов. Сталин совершенно прав был в той части речи, когда говорил, что победа над ленинградской оппозицией была обеспечена не только давлением центрального аппарата, но и благодаря стремлению ленинградских партийцев освободиться от чрезмерного зажима местного аппарата. Правильно! Но что, если окажется, что они попали из огня да в полымя? Разве нынешний режим в Москве позволяет думать, что новый режим в Ленинграде будет «мягче»?» [418]

При всем показном стремлении Троцкого подняться над схваткой, сохранить позицию судьи это было выступление в пользу Зиновьева, ибо оратор выражал уверенность, что снятием бывшего сталинского соратника с руководящего поста в Северной столице

коренные проблемы, стоявшие перед партией, не будут решены и что для этого необходимы кардинальные меры общего порядка. В результате возникла перебранка, которую инициировал Молотов и поддержал Сталин [419] , понимавший, что без его поддержки не сильный в аргументации, не обладавший красноречием, да еще и страдавший заиканием Молотов не выдержит полемики с Троцким. «Кто первый выдвинул у нас вопрос о перерождении вождей нашей партии? – спрашивал Сталин. – Тов. Троцкий. Кто об этом заговорил первый? Тов. Троцкий». И хотя Сталин деликатно называл Троцкого «товарищем», по существу он обвинил его в том, что Троцкий выступает против решений XIV съезда партии, а это, с учетом резолюции X съезда партии, было нарушение партийной дисциплины. На это Троцкий ответил: «Вы прочитайте, т. Сталин, что я на деле писал, вы так много искажали меня, что сами уже поверили этому».

На заседании Политбюро Троцкий поднял еще один вопрос: об антисемитизме. Дело в том, что постепенное оттеснение от власти сначала Троцкого, а теперь еще и Зиновьева с Каменевым даже при самом непредвзятом (чего в еврейском вопросе никогда не было) подходе к делу походило на изгнание из руководства евреев. На высшем партийном уровне Троцкий впервые коснулся этой проблемы 4 марта. В этот день он написал Бухарину, что получил от рабочего-коммуниста личное письмо, в котором рассказывалось об антисемитском выступлении в Москве на собрании в заводской ячейке: партсекретарь ячейки сказал, что «в Политбюро сидят жиды», а Троцкий продает свои статьи буржуазии, читает доклады за деньги. «Правда, у него, мол, семья большая, рабочим он не читает, зашибает деньгу, берет в свою пользу процент». «Вы спросите: не вздор ли? – риторически спрашивал Троцкий в письме Бухарину. – Нет, к горю нашему, не вздор. Я проверил».

Оказалось, что об этом высказывании партсекретаря ячейки несколько членов партии хотели сообщить в ЦК или в ЦКК, но затем испугались: «Выгонят с завода, а мы семейные». «Другими словами, – комментировал Троцкий, – члены Коммунистической партии боятся донести партийным органам о черносотенной агитации, считая, что их, а не черносотенца выгонят». Бухарину Троцкий предложил поехать в ту ячейку для личного расследования произошедшего, но осторожный Колечка Балаболкин (как прозвал его Троцкий) уклонился [420] .

18 марта на Политбюро вопрос об антисемитизме в рабочей среде был обсужден. Большинство считало, что пережитки антисемитизма имели место, но постепенно искоренялись партией. Обмен репликами был в какой-то момент прерван Троцким: «Вы меня не понимаете: не проявления антисемитизма страшны, а то, что большевик может бояться рассказать о них своему ЦК». На это Сталин, сильно смещая акценты, напомнил Троцкому, что разногласия с Зиновьевым в Политбюро начались именно из-за Троцкого: «У нас размолвки начались с того, что Зиновьев ударил по вопросу о Троцком. Это ясно. Мы имеем резолюцию Ленинградского губкома о том, чтобы исключить тов. Троцкого из партии, разве это не факт? Мы спорили с ним» [421] .

Там, где Троцкий пытался намекнуть на расправу с евреями – членами Политбюро, в угоду низменным интересам черносотенной партийной массы, там Сталин выставлял себя защитником еврея – Троцкого от нападок еврея – Зиновьева. Зиновьев был снят с поста Председателя Ленинградского Совета. На следующий день Троцкий в последний раз обратился к Бухарину с письмом, в котором предлагал выработать общую политическую линию: «Николай Иванович, хотя из вчерашнего заседания Политбюро мне стало совершенно ясно, что в Политбюро окончательно определилась линия на дальнейший зажим, со всеми вытекающими отсюда последствиями для партии, но я не хочу отказаться еще от одной попытки объяснения, тем более что Вы сами мне предложили переговорить о создавшемся положении. Сегодня я целый день – до 7 часов вечера – буду ждать Вашего звонка. После 7 часов у меня Главконцесском» [422] .

Бухарин уклонился от встречи. Объяснение с Бухариным не состоялось. Троцкий был вынужден идти на союз с Зиновьевым и Каменевым. В следующие недели взаимные прощупывания, выяснения настроений и поиски контактов между Троцким и его

сторонниками и теми, кто поддерживал Зиновьева и Каменева, продолжались. Уже в апреле Сталину донесли, что Троцкий и близкий к нему Пятаков «делают попытку повести за собой Каменева-Зиновьева в борьбе за власть» [423] . Луначарский, в разные годы относившийся к Троцкому то с восторгом, то с настороженностью, публично стал намекать на «бонапартизм» Троцкого, на его стремление получить неограниченную власть в партии и над партией. Как принято было в большевистском руководстве, Луначарский говорил на эту тему весьма двусмысленно, паясничая, иезуитствуя. Разобрать, что же именно он имеет в виду и на чьей он стороне, было достаточно сложно даже искушенному слушателю, не говоря уже о темной в своем большинстве партийной массе.

В марте 1926 г. в Большом театре на собрании работниц Москвы по случаю Международного женского дня без какой-либо логической связи с темой доклада Луначарский немало внимания уделил расчетам «обывателей», «стоящих правее партии» и могущих обрести в Троцком своего вождя. Каким образом «правый обыватель» мог обрести своего вождя в «левом» Троцком – Луначарский не пояснял. Зато он обрисовал слушателям живописную картину, согласно которой эти «элементы» готовы преподнести Троцкому корону на бархатной подушке и провозгласить его Львом I. Описав пожелания абстрактных «правых обывателей», Луначарский конечно же заключал, что у Троцкого «и в мыслях не было вступать в борьбу с партией» и «Троцкий такой же коммунист, как и другие».

Понятно, что такое выступление не могло пройти для Троцкого незамеченным, и он дал понять Луначарскому о своем недовольстве. Тот ответил Троцкому письмом внешне дружелюбным, но полным недосказанностей и предостережений. В частности, Луначарский обращал внимание Троцкого на «тревогу партии» по поводу того, что «сейчас тот или другой деятель, может быть, сам того не понимая, может чрезвычайно легко оказаться организатором несомненно существующего в одной части пролетариата, которая живет сумеречным сознанием, глубокого недовольства медленностью и извилистостью нашего пути» [424] . Таким образом, Луначарский намекал, что за Троцким могут пойти разочаровавшиеся в партийной политике «левые» коммунисты.

Троцкий ответил Луначарскому гневным письмом, означавшим разрыв отношений. «Из Вашего письма, Анатолий Васильевич, я вижу, что Вы не отдаете себе достаточно ясного отчета ни в обстановке, ни, простите, в своих собственных словах» – так начинался этот примечательный документ. Троцкий подчеркивал, что против него начата война «НА ИСТРЕБЛЕНИЕ» (именно так, заглавными буквами, были написаны эти слова). «В этих условиях разговоры насчет бархатной подушки и короны как нельзя лучше сочетались с ядовитой и подлой сплетней о бонапартизме, о военных замыслах и пр.». Троцкий затем последовательно и настойчиво, по пунктам, развенчивал приписываемые ему зловещие антипартийные планы и описывал искажения его позиции в письме Луначарского [425] .

Возможно, именно конфликт с Луначарским заставил Троцкого попытаться сформулировать свое отношение к решениям XIV партсъезда. 27 марта 1926 г. он закончил работу над документом, который назвал резолюция оппозиции по отчету ЦК XIV съезду партии [426] . Это был конспект, который можно было в дальнейшем использовать в качестве резолюции. Выражая формальное согласие с основными решениями съезда, Троцкий подчеркивал, что вопрос сводится к их истолкованию и тому, как эти резолюции будут использоваться на практике. Троцкий явно вынашивал мысль о создании объединенной оппозиции, однако это были пока лишь умозрительные заключения. Развитием документа стало письмо Троцкого Серебрякову от 2 апреля [427] . Оно касалось слухов о том, что Троцкий, Пятаков, Радек и сам Серебряков организовали фракцию, уклоняющуюся от ответа на вопрос о безоговорочном признании решений XIV съезда. На признании группой решений съезда настаивал в личном разговоре с Серебряковым Сталин. Серебряков прямого ответа не дал. Троцкий увидел в происходящем не более как провокацию: «Какое право имеете вы предполагать или подозревать, что я, как член партии или как член ЦК, могу выступать иначе, как с защитой решений XIV съезда?» – писал он Серебрякову.

Для пленума ЦК 6 – 9 апреля 1926 г. Троцкий набросал тезисы к выступлению. В основной своей части они были посвящены индустриализации и изменению в этом вопросе позиции Каменева: «Тов. Каменев считает, что поворот на индустриализацию закончен с момента поворота самого тов. Каменева. Я и по отношению к прошлому не вижу полного совпадения этих двух процессов… Тов. Каменев имел в своем распоряжении почти два года для того, чтобы прийти к выводу о необходимости более решительного курса в сторону индустриализации» [428] .

Троцкий внес ряд поправок к проекту резолюции о хозяйственном положении СССР, предложенной председателем Совнаркома Рыковым. Существо поправок состояло в стремлении преодолеть как диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, так и отставание государственной промышленности от общего народно-хозяйственного развития. В то же время, что было весьма показательно, Троцкий с известными оговорками высказался за поправки, внесенные Каменевым [429] , потенциальным союзником Троцкого. В ответ Сталин предпринял очередную попытку компрометации своих недавних соратников. 12 апреля по телефону было проведено голосование членов Политбюро по поводу «рассылки членам ЦК и ЦКК письма т. Ленина». При этом изначально не было ясно, о каком именно письме шла речь: о документе, описывающем «предательскую» позицию Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. в отношении намеченного Лениным вооруженного восстания, или о «завещании» Ленина. Секретарь Сталина Товстуха, обзванивавший членов Политбюро, объяснил, что речь идет о письме 1917 г.

Троцкий по телефону ответил, а на следующий день специальным заявлением в Политбюро еще раз зафиксировал свою позицию, что все письма Ленина, имеющие политический характер, должны быть доведены «по крайней мере» до членов ЦК, если по тем или иным причинам им нельзя дать более широкого распространения. Однако, понимая замысел Сталина, Троцкий «со всей энергией» возражал теперь против ознакомления партактива с одиночным документом: «Было бы совершенно неправильно выделять один документ, умалчивая о других. Такой образ действий с нашей стороны мог бы вызвать подозрение в том, что мы пользуемся произвольно в тот или иной момент теми или другими письмами Владимира Ильича для тех целей, для коих эти письма не предназначались. Хуже того, такой образ действий мог бы возбудить подозрения в сознательной политике «компрометации» и тем самым нанести ущерб авторитету ЦК» [430] .

Компрометировать Зиновьева и Каменева, потенциальных союзников Троцкого, не компрометируя одновременно Сталина, Троцкому теперь, разумеется, было невыгодно. Поэтому Троцкий требовал публикации или по крайней мере доведения до ведома ЦК «Письма к съезду» (которое было лишь зачитано по делегациям во время XIII партсъезда). К мнению Троцкого присоединилась Крупская [431] . Неожиданно Сталин оказался в сложном положении. 24 апреля он ответил обширным издевательским и демагогическим посланием, направленным главным образом против Троцкого [432] .

Вполне возможно, что выяснение позиций происходило бы в течение сравнительно длительного времени, но международные события резко ускорили этот процесс. Основным предметом разногласий стали сначала события в Великобритании, а затем – разразившаяся китайская революция. Только после этого расхождения оппозиции со сталинским большинством распространились на внутрипартийные, хозяйственные и другие аспекты советской политики, постепенно приобретя форму открытой, почти непримиримой борьбы.

На начальном этапе к оппозиции примкнула существовавшая в 1919 – 1921 гг. и длительное время не дававшая о себе знать группа демократического централизма. Теперь ее возглавляли Сапронов и В.М. Смирнов. Децисты выступали против бюрократических методов управления партией, государством и экономикой, по-прежнему требовали децентрализации управления промышленностью, ослабления режима коммунистической диктатуры. По двум последним вопросам децисты существенно расходились с линией Троцкого, почему их участие в объединенной оппозиции оказалось непрочным. Уже в

октябре 1926 г. В.М. Смирнов заявил о прекращении связей с оппозицией, так как она не разделяет его мнения о необходимости создания в СССР второй партии. Летом 1927 г. группа «децистов» выступила с «платформой тринадцати», критиковавшей «примиренческие» установки Троцкого, в результате чего произошел окончательный разрыв. Децисты продолжали теперь самостоятельную критику политики партийного руководства; заявляли об окончательном мелкобуржуазном перерождении ВКП(б) и необходимости создания новой пролетарской партии, то есть существенно расходились с Троцким.

Удивительно, что и в это время Сталин рассматривался большинством наблюдателей как «голос партии» [433] , как руководитель, партию объединяющий и уж ни в коем случае не угрожающий ее единству, тогда как Троцкий, по мнению партактива, явно представлял такую угрозу. Как писала одна из американских левых журналисток, «десятки тысяч людей раньше отдали бы свои жизни за Троцкого, даже за его ошибки. Таковых немало и теперь, но меньше, чем раньше. Никто не отдал бы свою жизнь за Сталина. Но все растущие сотни тысяч отдали бы свое здоровье и жизнь, хотя и без энтузиазма, но как часть повседневной работы, за организацию, в которой он служит в качестве секретаря и общепринятого глашатая». Троцкий, несколькими годами ранее – в революцию, – выдвинувшийся на передний план, в связи с переходом к мирной жизни, демилитаризацией и экономической либерализацией, был отодвинут в сторону. А на первый план выдвинулся малоприметный грузин, плохо владевший русским, неспособный выступать на многолюдных митингах, но прекрасно разбиравшийся в аппаратных связях высшего и среднего уровня.

3. Первые совместные выступления объединенной оппозиции

Важным толчком к формированию объединенной оппозиции стала массовая забастовка в Великобритании, начавшаяся 4 мая 1926 г. В то время принято было называть эту забастовку, явившуюся актом солидарности с бастовавшими углекопами, всеобщей, но на самом деле она до всеобщего уровня не поднялась, хотя по своим масштабам была для этой страны действительно невиданной. Как только правительство признало стачку незаконной, законопослушные британские тред-юнионы объявили стачку прекращенной. Горняки продолжали бастовать, но выступление их без всеобщей поддержки было обречено на провал. В СССР каждая из сторон вновь назревавшего внутрипартийного конфликта в ВКП(б) (партия была переименована из Российской во Всесоюзную на XIV съезде) пыталась использовать итоги английской стачки в своих интересах. Но оппозиционеры получили здесь явное преимущество, так как могли критиковать тезисы сталинского большинства о «стабилизации капитализма» и «правые ошибки» ЦК [434] .

Главным объектом критики и противостояния стал так называемый Англо-русский профсоюзный комитет (АРК). Этот комитет существовал в 1925 – 1927 гг. Он был образован ВЦСПС и Британским конгрессом тред-юнионов на англо-советской профсоюзной конференции в Лондоне в апреле 1925 г. с целью, как указывалось в соответствующем соглашении, координации поддержки профсоюзного движения, сотрудничества профсоюзов обеих стран и развития мирных отношений между ними. Согласие советских властей на его создание было связано с проведением политики НЭПа, курсом на единый рабочий фронт, проводимым Коминтерном, отказом от развязывания немедленной мировой революции и являлось следствием сосредоточения внимания правительства на «построении социализма в одной стране». Комитет был распущен в сентябре 1927 г. из-за разрыва дипломатических отношений между СССР и Великобританией после публикации сенсационного «письма Зиновьева» английским коммунистам с требованием об организации восстания. (Письмо, как впоследствии выяснилось, оказалось фальшивкой.)

Пока же существование АРК было фактом, вызвавшим самые ожесточенные споры. В течение предшествующего года и Троцкий, и Зиновьев с Каменевым относились к этому органу весьма сдержанно и подозрительно. С одной стороны, они рассматривали сотрудничество с Британским конгрессом тред-юнионов в качестве непростительной

уступки реформизму, уступки, на которую партийное руководство пошло под влиянием «правых», в частности председателя ВЦСПС Томского и вопреки позиции Зиновьева, являвшегося председателем Исполкома Коминтерна. С другой стороны, Троцкий вообще рассматривал АРК как мертворожденный орган, особенно в свете «перманентной революции», которая, как он полагал, должна была продолжиться, скорее всего, именно в Великобритании, о чем он говорил и писал многократно, хотя и весьма противоречиво. Прекращение массовой забастовки в Великобритании как раз и стало сигналом для объединения усилий обеих групп, недовольных сталинско-бухаринским «правым курсом», практически проводимым Томским, представлявшим советские профсоюзы в АРК.

В апреле – первой половине мая 1926 г. Троцкий инкогнито находился на лечении в Германии в связи с продолжавшимся уже несколько лет плохим состоянием здоровья, выражавшимся в часто повышавшейся температуре, слабости и других недомоганиях. Особенно беспокоило Троцкого, что порой у него возникали затруднения в изложении своих мыслей на бумаге. Сама организация этой поездки сопровождалась необычной бюрократической волокитой. Московские врачи, оказавшиеся не в состоянии определить, чем страдал Троцкий, настаивали на заграничном обследовании уже в течение долгого времени. Текущие дела заставляли Троцкого откладывать поездку за границу. Но в конце концов он поставил этот вопрос перед Политбюро, которое должно было принять решение о лечении своего непокорного члена.

Вопреки обычной практике, когда такого рода вопросы решались однозначно и положительно, Политбюро приняло уклончивое постановление: исходя из политической обстановки, поездка была сочтена опасной, тем более что ОГПУ также возражало против отъезда. Окончательное решение оставалось за Троцким, а постановление Политбюро отправлено в «особую папку» [435] . Сталину явно не хотелось выпускать Троцкого за границу. Он опасался его бесконтрольных контактов с деятелями международного коммунистического, левого и леволиберального движений, создания некой сплоченной или только аморфной интернациональной группы сторонников опального вождя, хотя, конечно, не опасался, что Троцкий может стать невозвращенцем и уже не вернется в СССР [436] . Кроме того, Сталин конечно же не желал Троцкому выздоровления.

После недолгих колебаний Троцкий решил ехать в Берлин. Путешествовал Троцкий по дипломатическому паспорту на имя члена коллегии Наркомпроса Украины Кузьменко. «Зиновьев и Каменев прощались со мной почти трогательно: им очень не хотелось оставаться со Сталиным с глазу на глаз», – писал Троцкий с оттенком иронии [437] . С ним отправились жена, секретарь Сермукс и один сотрудник ОГПУ, для охраны.

Берлинские врачи не смогли поставить диагноз. По рекомендации одного из них была сделана операция: из гортани удалены миндалевидные железы. Эта считавшаяся легкой операция прошла, однако, с осложнениями, сопровождалась большой потерей крови и, по всей видимости, не дала ожидаемого результата. Правда, обследования, проведенные немецкими медиками, и назначенные ими процедуры позволили несколько улучшить состояние здоровья Льва Давидовича. Приступы беспричинного повышения температуры, которые привели Троцкого в Берлин, стали более редкими и легкими по форме. По возвращении Троцкий смог в полной мере возобновить свою нервную и напряженную работу. В Германии Троцкий углубленно изучал немецкую прессу, наблюдал за общественной жизнью в Берлине. Впечатления бы ли крайне противоречивыми. Вот как они суммировались в мемуарах: «Берлин изменился. Он не имел теперь физиономии вовсе, по крайней мере, я не находил ее. Город медленно оправлялся после долгой и тяжелой болезни, сопровождавшейся рядом хирургических операций. Немецкая аккуратность и чистота за тяжкие годы войны, поражений и версальского грабежа, были побеждены нищетой. Человеческий муравейник упорно, но безрадостно восстанавливал свои ходы, коридоры и склады, раздавленные сапогом войны. В ритме улицы, в движениях и жестах прохожих чувствовался трагический оттенок фатализма: ничего не поделаешь, жизнь есть бессрочная каторга, надо начинать сначала» [438] .

Вместе с женой Троцкий наблюдал празднование 1 мая 1926 г. в германской столице и даже на непродолжительное время затесался в марширующую толпу. Он, разумеется, оставался только наблюдателем, причем наблюдателем, не заметившим ничего особенного в этом традиционном шествии. Наслаждаясь «полной гаммой немецкой республиканской политики» [439] , он не ощутил и не осознал назревавшую поляризацию сил – появление и постепенное укрепление Национал-социалистической рабочей партии Германии, конкурирующей с коммунистами в деле противостояния германской социал-демократии. Национал-социалисты, вновь наращивавшие силы после недолгого запрета их партии в результате «пивного путча» 1923 г., почти ежедневно выводили на улицы штурмовые отряды, устраивавшие скандалы и потасовки и вступавшие в столкновения с коммунистическими боевыми группами. Но угрозы в них Троцкий не видел. Поразительно, что, описывая впечатления от своей берлинской поездки, он вообще не упомянул эту партию.

Впрочем, пребывание в Берлине не обошлось без скандала. Немецкому МИДу было, разумеется, известно, кто именно проживает под фамилией Кузьменко. Из дипломатических кругов слух распространился в берлинские салоны, стали поговаривать о возможном покушении на жизнь Троцкого «русских монархистов». Вокруг больницы, где он лечился, были установлены полицейские посты, появились десятки вездесущих репортеров. В результате Троцкий перебрался в советское представительство, где был гостеприимно принят полпредом Н.Н. Крестинским. За пределы слухов, правда, вся эта история не вышла. В печать проникли лишь слабые ее отголоски, сошедшие за дешевую сенсацию.

Троцкий возвратился в Москву через несколько дней после окончания в Великобритании забастовки солидарности с горняками. 18 мая он писал в Политбюро: «Что создание Англо-советского комитета как элемента в политике единого фронта было правильным, об этом спора не было и нет. Но неправильно было наше политическое отношение к этому организационному мероприятию… Соглашение, основанное в значительных мерах на организационно-дипломатических началах, не выдержало испытания борьбы, что обрушилось на неподготовленные рабочие массы в виде совершенно неожиданного отказа Генерального совета от принятия нашей помощи, а затем и прямого предательства стачки» [440] .

Непоследовательность и противоречивость заявлений Троцкого лежали почти на поверхности. Троцкий подменял Генсовет британских тред-юнионов Англо-русским комитетом, неоправданно разграничивал политический и организационный подходы к АРК и, главное, отрицал свое прежнее негативное отношение к АРК. Правда, через несколько дней в печати проявилась значительно бóльшая оценочная определенность. 25 – 26 мая 1926 г. в «Правде» была опубликована статья Троцкого «Вопросы английского рабочего движения (изо дня в день)». Внешне она содержала нападки на британский реформизм и оппортунизм, но за этой канвой четко прослеживалось осуждение курса руководства ВКП(б) на сотрудничество с реформистами. В статье говорилось: «Вся нынешняя надстройка британского рабочего класса – во всех без исключения оттенках и группировках – является аппаратом революционного торможения. Это предвещает на длительный период напор стихийного и полустихийного движения на рамки старых организаций и формирование на основе этого напора новых революционных организаций».

В данном случае можно считать второстепенным вопрос о том, насколько объективно и реалистично характеризовал Троцкий перспективы британского рабочего движения в обозримом будущем. Можно утверждать, по крайней мере на основании последующего опыта, что он явно и непростительно переоценивал этот самый «революционный напор» – стихийный или полустихийный. Главное состояло в том, что Троцкий открыто осудил в партийной газете курс руководства своей собственной партии на сотрудничество с «аппаратом торможения» в Англии. Так британские события стали предметом внутрипартийной борьбы в ВКП(б).

Вслед за этим Троцкий потребовал немедленного обсуждения вопроса о том, что

происходило в Великобритании, на заседании Политбюро. Он писал 2 июня: «Политика недомолвок и дипломатической двусмысленности находит теперь свое естественное продолжение в стремлении сохранить видимость того, что развалилось» – и требовал принять решение, которое в полной мере соответствовало бы установкам борьбы против оппортунизма [441] . Уже на следующий день, 3 июня, вопрос об уроках английской забастовки был поставлен на Политбюро. Это заседание было особенно знаменательно тем, что на нем впервые, скорее всего по предварительно достигнутой договоренности, Троцкий, Зиновьев и Каменев выступили солидарно.

Прения начал Троцкий заявлением, что вопрос об английской стачке в полном объеме не обсуждался, хотя появилось «нагромождение», как заявил оратор, документов [442] . Вслед за этим долгую речь произнес Зиновьев, выдвинувший требование порвать с тред-юнионами [443] . Троцкий и Зиновьев внесли совместное предложение о содержании декларации ВЦСПС об уроках английской забастовки. Основной упор делался на то, что декларация должна вместить беспощадную критику британских «левых» и оценку их поведения как главных виновников поражения забастовки [444] . Однако принятие такой декларации означало бы, что на Политбюро победила точка зрения Троцкого – Зиновьева – Каменева. «Это вопрос, на котором пытаются политически совсем сблизиться тов. Троцкий и Зиновьев», – заметил Молотов. Он вообще считал политической ошибкой публикацию статьи Троцкого в «Правде», назвав ее выступлением против Коминтерна и ЦК [445] .

Отвечая Молотову, Троцкий попытался опровергнуть очевидный для всех уже заметный факт формирования объединенной оппозиции. Про самого Молотова Троцкий сказал, что есть специальность, в которой Молотов более силен, чем в английских делах: отыскивание платформ оппозиции. У Молотова обнаруживалось, по словам Троцкого, «противоречие между аппаратным могуществом и идейной скудостью» [446] . Это, разумеется, была атака не столько на Молотова, сколько на генсека.

Основную часть своей речи Троцкий посвятил итогам английской стачки, положению в британских тред-юнионах и вопросу целесообразности сохранения АРК. Этот последний пункт был, собственно говоря, главным. Фактом вхождения в АРК «мы говорили: у нас и английской головки есть нечто *политически* общее, что отличает нас от всех остальных руководящих групп профсоюзов во всем мире». Троцкий обвинял руководство советских профсоюзов, а следовательно, и партийное руководство в том, что было присуще (по признанию большевистских руководителей) тред-юнионам: в реформизме, соглашательстве с предпринимателями, курсе на постепенное преобразование трудовых отношений. Все это считалось крамолой и в Москве, и в компартиях Коминтерна. Обвиняя советские профсоюзы в «сползании в Амстердам», то есть в политическом сближении с реформистской Международной федерацией профсоюзов (ее обычно называли по месту, где располагались руководящие органы этой организации, Амстердамским интернационалом), Троцкий требовал разрыва «единого фронта сверху». Не уметь это сделать, провозглашал он, – значит «совершить величайшее преступление по отношению к фронту массы» [447] .

Выступившие затем Зиновьев и Каменев полностью поддержали Троцкого. Зиновьев, формально остававшийся пока председателем Исполкома Коминтерна, представил тезисы, с которыми Троцкий в основном согласился. Правда, когда Каменев упомянул о коллективном руководстве, Лев Давидович бросил реплику, что таковым именовали правление «тройки» и «семерки»: «Коллективное руководство – это и есть, когда все мешают одному или все на одного нападают», – заявил Троцкий, имея в виду прежде всего свое единоборство с большинством. Досталось и Бухарину, которого Троцкий обвинил в фетишизме формы из-за возражений против выхода из АРК. «Так ставите вопрос вы, известные диалектики, в противовес нам, бедным схематикам» [448] , – острил он по адресу Бухарина, популярность которого как ведущего теоретика партии с благословления Сталина все более раздували послушные и недалекие ученики из так называемой «бухаринской школы».

Если Бухарин на реплики Троцкого не реагировал, по крайней мере прилюдно, Молотов воспринял их куда более болезненно. Он обиженно заявил, что Троцкий – это

«мелкий барин, из которого никак не выходит настоящий барин» (затем Молотов эти слова из стенограммы вычеркнул) [449] .

18 июня на заседании делегации ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна Троцкий предложил проект резолюции, по существу обвиняющий сталинское большинство в правооппортунистическом уклоне [450] . На следующий день он направил в Политбюро заявление об АРК, в котором требовал созыва заседания Политбюро для объявления о «разводе» с АРК, прекрасно зная о том, что накануне Политбюро приняло решение не распускать АРК [451] . 7 июля Троцким было направлено в Политбюро письмо с требованием выйти из АРК и этим разорвать «жизнью превзойденный верхушечный блок с оппортунистами», причем сделать это так, чтобы виновником разрыва был выставлен британский Генсовет тред-юнионов (предъявить радикальные ультимативные требования, которые не могут быть выполнены, а после отклонения – объявить о разрыве) [452] .

Обсуждение «английского вопроса» на Политбюро и в ИККИ побудило Троцкого подготовить обширное заявление по вопросам международного коммунистического движения, которое он 28 июня направил в делегацию ВКП(б) при Исполкоме Коминтерна [453] . Судя по контексту, это был уже документ не личный и не группы сторонников Троцкого, а тех, кого вскоре стали именовать объединенной оппозицией: деятелей, подписавших Заявление 46-ти; немногочисленных последователей Зиновьева и Каменева; децистов, от имени которых обычно выступал В.М. Смирнов. Представляя это заявление, Троцкий по существу брал на себя роль руководителя коммунистической оппозиции не только в СССР, но и в международном масштабе.

Предупреждения о бюрократизме как «источнике оппортунизма», адресованные ранее высшим партийным органам, теперь были распространены на режим в Коминтерне. Автор отмечал любопытную особенность коминтерновских резолюций, точнее говоря, резолюций руководящих органов отдельных партий Коминтерна – «готовность принимать радикальные решения за чужой счет», то есть осуждать «правые уклоны» в других странах при пассивности «перед буржуазным общественным мнением собственной страны». Источником такого курса, утверждал Троцкий, является «аппаратно-бюрократический режим в самом Коминтерне и в его руководящей партии». Бюрократизм в иностранных компартиях являлся, таким образом, отражением и дополнением бюрократизма в ВКП(б).

Это был первый документ, в котором Троцкий подверг открытой критике теорию социализма в одной стране. Она рассматривалась им как прикрытие Сталиным всех внутренних противоречий в стране и в партии, как политика, питающая фаталистический оптимизм, за которым «укрывается бюрократическое безразличие к судьбам социализма и международной революции» [454] . Троцкий призывал к серьезному и деловому обсуждению положения в партиях Интернационала, особенно во французской компартии, из которой необоснованно – по мнению Троцкого – была исключена группа революционных синдикалистов во главе с Пьером Монаттом и А. Росмером (эта группа будет особенно близка Троцкому, а в эмиграции станет одной из немногих его опор во Франции). Синдикалисты отрицали необходимость существования пролетарской политической партии и признавали профсоюзы высшей формой рабочей организации.

Появившееся на свет 11 июля совместное заявление Зиновьева и Троцкого на имя Политбюро, переданное через Сталина, а затем совместное заявление Троцкого и Каменева от 9 августа завершило создание объединенной оппозиции [455] . Поставив свои подписи под едиными документами, они подтвердили единство своих политических позиций и готовность к открытому противостоянию большинству. Заявление касалось лицемерной позиции редакции «Правды» и ее главного редактора Бухарина. Последний, заявляя, что ни партия, ни ее ЦК не желают дискуссии, на самом деле изложил в газете, причем в искаженном виде, прения на заседании Политбюро по вопросу об Англо-русском комитете, способствуя «путем намеков и инсинуаций» началу новой дискуссии. Зиновьев и Троцкий рассматривали действия Бухарина как провоцирование открытой дискуссии, на которую оппозиция идти не хотела, рассчитывая разрешить все споры «нормальным путем», то есть в

закрытом формате. Каменев и Троцкий, кроме того, в очередной раз требовали выхода из АРК, который теперь «не мост, соединяющий нас с массами, а барьер, отделяющий нас от них».

Таким образом, к лету 1926 г. существование объединенной оппозиции стало фактом, а Троцкий стал ее лидером, формально – на паритетных началах с Зиновьевым, реально – единолично. Троцкий при этом оставался членом Политбюро; Зиновьев – еще и председателем Исполкома Коминтерна. Но сталинская номенклатура в республиках и на местах уже понимала, куда дует ветер. На собрании в Харькове в июне 1926 г. член Политбюро ЦК КП(б) Украины А.Ф. Радченко [456] заявил, что надо отсечь от партии такую шваль, как Троцкий и Зиновьев [457] . Его никто не остановил и не поправил. В схватке оппозиции и сталинского большинства силы изначально были неравны.

Глава 4 Выработка общего антисталинского курса

1. Июльский пленум и «дело Лашевича»

Со второй половины июня – начала июля 1926 г. почти на всех заседаниях Политбюро Троцкий, как правило при поддержке Зиновьева и Каменева, выступал с разного рода обоснованиями курса оппозиции. На заседании 26 июня, обсуждавшем работу Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации, острые споры вызвал вопрос об участии зажиточных крестьян, которых именовали «кулаками», в кооперативном движении. Прямо не высказываясь против принятия «кулаков» в кооперативы, Троцкий заявил: «Кооперация «сама по себе» не социалистична, как она «сама по себе» не капиталистична. Она – возможная дорога к социализму, но надо знать, кто и с каким грузом по этой дороге идет» [458] . Продолжая выступать за постепенное производственное кооперирование крестьянства, считая, что оно представляет собой путь к поднятию производительности крестьянского труда, Троцкий не требовал преградить части крестьян путь в кооперативы, как часто позже писали и говорили о нем его политические противники, но энергично возражал против того, чтобы считать сельхозкооперацию дорогой к социализму. Он расходился при этом с замечанием, может быть случайным, Ленина о том, что рост кооперации ведет к росту социализма (а этим замечанием все активнее спекулировали сталинцы).

Все тот же аграрный вопрос был в центре внимания заседания 5 июля, рассматривавшего состояние и перспективы развития сельскохозяйственного кредита. Сравнительно спокойный тон дискуссии резко изменился, когда с критикой того, что большинство именовало «социалистической революцией» в деревне, выступили лидеры оппозиции Троцкий и Зиновьев [459] . 2 августа Политбюро рассматривало вопрос о совхозном и колхозном строительстве. Троцкий, стремясь избежать особо острых заявлений, сделал акцент на критике организационной неразберихи в колхозном движении. Он считал необходимой конкуренцию колхозов и совхозов, полагая, что жизнь в будущем на практике покажет, какая из этих двух форм организации сельскохозяйственного производства окажется более эффективной [460] . Однако за всеми этими частными, конкретными расхождениями скрывались принципиальные разногласия, которые только облекались в форму дискуссий по частным вопросам. Споры вспыхивали по все новым и новым поводам, часто из-за догматических установок обеих сторон. Достаточно ясное представление об этом дает подготовленный оппозицией обзорный материал «К истории разногласий» [461] . Из него видно, что особенно острым был спор по вопросу о том, какая власть существует в СССР: диктатура пролетариата или диктатура партии. Стороны изощрялись в выдумывании доводов того, что пролетарская диктатура находит выражение в руководящей роли партии, но сталинцы с лживой изощренностью делали упор на пролетариате, а оппозиционеры – на партии, хотя на деле ни те ни другие не собирались допускать к власти широкие массы

рабочих, а уж тем более народ, и на практике расширять демократию [462] .

Различия по вопросу о характере власти между аппаратным большинством во главе со Сталиным и оппозиционерами заключались в следующем. Первые, ссылаясь на политическую неграмотность 60 – 70% рядовых коммунистов, стремились на словах, да и то произносимых неофициально, полушепотом, сохранить незыблемой диктатуру партийных органов во главе с ЦК. В их понимании речь шла не о диктатуре пролетариата и даже не о диктатуре партии, а о власти небольшой группы партаппаратчиков, имевшей свои полностью послушные ответвления на местах в виде руководителей губкомов и окружкомов партии. Именно на эту группировку опирался Сталин в своем неодолимом стремлении к обеспечению личной власти. Вторые выступали за участие во власти всей партии, правда при условии контроля со стороны «верхов». Для аппаратчиков это было неприемлемо, они боролись против оппозиции привычными методами: искажая высказывания, напоминая о прежних ошибках, обвиняя в отходе от большевизма и наклеивая политически компрометирующие ярлыки, все чаще квалифицируя оппозицию как социал-демократический уклон от большевизма. Это было весьма дискредитирующее определение для оппозиции, имея в виду отрицательное отношение Ленина к социал-демократии.

Сам факт возникновения объединенной оппозиции был до поры до времени прикрыт завесой секретности в силу того, что острые споры происходили негласно, а сами оппозиционеры, Троцкий прежде всего, обычно предваряли свои заявления в Политбюро и ЦК надписью «Совершенно секретно». Секретная замкнутость становилась все большим нормативом, общепринятым способом общения в кругах правившей элиты. Одновременно возникала и секретность второго уровня, когда по тем или иным причинам от Троцкого и других оппозиционеров скрывались разного рода текущие материалы, которые они должны были получать в силу своего официального положения, но которые оппозиционерам не выдавались, так как с точки зрения аппаратной верхушки они могли ослабить позиции сталинского большинства или усилить оппозиционеров.

На этом фоне выдвигались и распространялись всевозможные легенды, которые Троцкий вынужден был разоблачать, не имея на руках первоисточников (например, о том, что он считал британскую компартию «реакционной организацией», по поводу чего Троцкий 3 июня 1926 г. направил обращение в Политбюро) [463] . Когда же Троцкий запросил стенограмму доклада секретаря Московского губкома партии Н.А. Угланова [464] на пленуме Замоскворецкого райкома, где оппозиционеров подвергли резкой и несправедливой критике, секретариат затеял нудную бюрократическую переписку и доклад Троцкому в конечном итоге так и не предоставил [465] .

Все эти споры, однако, вышли на поверхность на долгом объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), происходившем 14 – 23 июля 1926 г. На этом пленуме обсуждались вопросы о международном положении, о хлебозаготовках, о перевыборах Советов, о жилищном строительстве, а также доклад ЦКК о «продолжавшейся фракционной антипартийной деятельности оппозиции» в связи с так называемым «делом Лашевича».

Накануне пленума Зиновьев от своего и Троцкого имени обратился через Сталина к членам Политбюро в связи с предстоящим обсуждением на пленуме «острых вопросов внутрипартийной жизни». Оппозиционеры обращали внимание на резкое расхождение между официальными заявлениями о стремлении избежать дискуссии и назначенными одновременно с этим на ближайшие дни собраниями московских партийных ячеек, контролируемыми секретариатом Сталина, на которых предполагалось принять резолюции, направленные против оппозиции и поддерживающие большинство ЦК [466] .

Было очевидно, что Сталин планирует использовать пленум для нанесения по оппозиции решающего удара. В связи с безвыходностью ситуации Троцкий и его единомышленники приняли вызов. Тринадцать оппозиционеров, в том числе Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, И.П. Бакаев [467] , Лашевич, Муралов и Пятаков, обратились к членам ЦК и ЦКК с обширным заявлением [468] , ставшим первым наброском постепенно

формировавшейся оппозиционной платформы, ибо в нем выдвигались те требования, которые затем фигурировали во многих новых документах. В их числе была критика бюрократизма партийного аппарата, который «чудовищно вырос в период после смерти Ленина и продолжает расти», предложение повысить зарплату рабочих за счет сокращения расходов на бюрократический аппарат, ускорить темп развития промышленности, усилить налоговый нажим на капиталистические элементы, активнее поддерживать международное революционное движение.

В заявлении содержалось обвинение по адресу Сталина и его группы во фракционности и приводились тому доказательства. Речь шла о фракционной «семерке», куда входили шесть членов Политбюро и председатель ЦКК Куйбышев, об участии в тайных заседаниях «семерки» членов ЦКК Ярославского и Янсона, которые на словах вели «беспощадную борьбу» против «фракций» и «группировок», а на деле сами потворствовали их функционированию, об организованных партаппаратом секретных собраниях в Москве, Ленинграде, Харькове и других крупных городах, где читались секретные документы, за несанкционированную передачу содержания которых исключали из партии. «Утверждение, будто «большинство» не может быть фракцией, явно бессмысленно, – отмечалось в документе. – Истолкование и применение решений съезда должно совершаться в рамках нормальных партийных органов, а не путем предрешения всех вопросов правящей фракцией за кулисами нормальных учреждений. В правящей фракции есть свое меньшинство, которое ставит фракционную дисциплину выше партийной».

Оппозиционеры обращались к пленуму с «предложением», как было сказано в документе, восстановить в партии режим, который позволил бы разрешать спорные вопросы в соответствии с партийными традициями, «с чувством и мыслями пролетарского авангарда». Нечего говорить о том, что «партийный демократизм» был в заявлении невероятно переоценен и идеализирован. Однако то, что на заре большевистской власти кровавое подавление воли народа сочеталось с «демократическим централизмом» в самой партии, голоса ее членов были слышны, а существование оппозиции допускалось, было фактом. Правда, конец всему этому был положен резолюцией X съезда при участии Ленина, Троцкого и других ныне входивших в оппозицию большевиков. Так что ссылки оппозиционеров, включавших вдову Ильича, на авторитет Ленина звучали не слишком убедительно. Тем не менее на Ленина ссылались: «Вместе с Лениным, который ясно и точно формулировал свою мысль в документе, известном под именем «Завещания», мы на основании опыта последних лет глубочайшим образом убеждены в том, что организационная политика Сталина и его группы грозит партии дальнейшим дроблением основных кадров, как и дальнейшими сдвигами с классовой линии».

К основному тексту оппозиции спешно было дописано «Дополнительное заявление» в связи с тем, что так называемое «дело Лашевича», внесенное в порядок дня пленума, было решением ЦКК от 20 июля превращено в «дело Зиновьева» [469] . Оппозиционеры видели в этом реализацию давно намеченного и систематически проводимого плана – «отсечь ряд работников, принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми элементами, которые могли бы составить надлежащую опору для руководящей роли т. Сталина». Первым шагом на этом пути они считали перевод Каменева из числа членов Политбюро в кандидаты. Теперь, по мнению оппозиции, начался новый этап «очищения» руководства от противников Сталина.

Оппозиционеры напоминали, что непосредственно после съезда в различных городах, прежде всего в Москве и Харькове (Харьков являлся тогда столицей Украины), была открыта кампания против Троцкого. «В этот период вопрос о предстоящем изъятии тов. Троцкого из Политбюро обсуждался в достаточно широких кругах партии, не только в Москве, но и в ряде других мест». Дело Лашевича не внесло ничего нового в этот план «реорганизации» партруководства, но побудило сталинскую группу подумать о некоторых изменениях в способах проведения плана. Ближайший удар было решено теперь нанести по Зиновьеву, предварительно его скомпрометировав [470] , что было не сложно хотя бы из-за

опубликованного Троцким документа о позиции Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. «Вопрос идет о руководстве партии, о судьбе партии, – взывали оппозиционеры. – Ввиду изложенного, мы категорически отклоняем фракционное и глубоко вредное предложение Президиума ЦКК». Этими словами завершалось их «Дополнительное заявление».

В чем же состояло «дело Лашевича», которому было уделено столь большое внимание на июльском пленуме и на которое очень часто ссылались Троцкий и другие оппозиционеры? Как было объявлено, группа лиц, принадлежавших к оппозиции, во главе с кандидатом в члены ЦК Лашевичем, в то время занимавшим должность первого заместителя наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР Ворошилова, устроила 6 июня 1926 г. в лесу в дачной местности по Савеловской железной дороге «нелегальное собрание», на котором весьма критически обсуждалась деятельность высшего партийного руководства. Скорее всего, речь шла о лесной прогулке группы оппозиционно мысливших единомышленников, во время которой звучали нелицеприятные разговоры о Сталине и его окружении. Во всяком случае, никаких «нелегальных акций» в полном смысле слова Лашевич и другие участники этого «лесного сборища» (в основном здесь были военные среднего ранга) не замышляли. Тем не менее установление этого факта агентурным путем (кто именно донес о «собрании в лесу» – неизвестно) стало серьезным козырем в руках сталинской группы в ее борьбе против объединенной оппозиции [471] . Не случайно в «Дополнительном заявлении» Троцкого, Зиновьева и других, включенном в общий текст заявления оппозиционеров по поводу июльского пленума, основное внимание фиксировалось не на самом «деле Лашевича», а на попытке сталинской группы притянуть к нему Зиновьева, хотя Зиновьев никакого отношения к собранию в лесу, разумеется, не имел.

Оппозиционеры внесли тогда на пленум проект еще одной резолюции [472] – о ненормальном режиме в партии: «В целях борьбы за единство партии пленум требует от всех партийных организаций, комитетов и контрольных комиссий принятия действительных мер для введения режима внутрипартийной демократии. В пределах программы и устава партии и решений ее съездов каждый член партии имеет право свободно отстаивать свои взгляды внутри партии». Однако ни один из лидеров оппозиции, в том числе и Троцкий, даже этот, до предела осторожный проект, не подписал, чтобы не ставить себя в невыгодное положение организаторов или, по крайней мере, защитников «конспиративной деятельности», от которой все оппозиционеры отрекались. В то же время Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, Пятаков, Муралов, Лашевич и член ЦКК ВКП(б) Альвина Августовна Петерсон, в 1926 – 1927 гг. являвшаяся членом объединенной оппозиции [473] , обратились к пленуму с заявлением, обосновывавшим их отказ голосовать за резолюцию, внесенную Молотовым и Кагановичем по вопросу о перевыборах Советов [474] . Оппозиционеры сводили эту проблему к неверной оценке резолюцией ситуации на селе, в частности в области сельскохозяйственной кооперации, которая, по их словам, оказалась в руках деревенских верхов, что обязано превратить кооперацию из орудия социализма в орудие капитализма. (Совсем недавно Троцкий выступал на заседании Политбюро в ином духе, вполне терпимо относясь к ситуации с кооперацией на селе.) Скорее всего, проект был делом рук Зиновьева и Каменева, к которым из солидарности или из нежелания разрушить только что сколоченную оппозицию присоединился Троцкий.

На июльском пленуме Троцкий выступил также с заявлением по поводу предложений наркома труда В.В. Шмидта о заработной плате [475] . Лидер оппозиции обращал внимание, что внесенный Шмидтом проект касался не столько зарплаты, сколько интенсификации труда на промышленных предприятиях. Рабочие оказывались в таком положении, которое возвращало трудовые отношения к «довоенному типу», то есть к капиталистической эксплуатации довоенного времени. Резолюция Шмидта, в частности, ничего не говорила о реальном понижении зарплаты и ее несвоевременной выплате. Троцкий предлагал разработать меры по преданию уголовной и иной ответственности лиц, задерживавших выплату заработной платы, возвратить реальную зарплату на уровень 1925 г., защитить ее от

понижения и при заключении новых коллективных договоров обеспечить повышение зарплаты прежде всего в тех отраслях, где она была наиболее низкой (горное дело, металлургия, транспорт).

Наконец, на этом пленуме была предпринята еще одна попытка противопоставить Сталина воле покойного вождя. Каменев при поддержке Троцкого и Зиновьева огласил содержание записки Ленина Сталину от 5 марта 1923 г., в которой говорилось об оскорблении Сталиным Крупской и содержалась угроза разрыва личных отношений. После этого Зиновьев в выступлении 21 июля огласил данную Лениным в «Письме к съезду» характеристику Сталина. Но большинство присутствовавших на пленуме решительно стало на защиту генсека, который не остался в долгу и в очередной раз зачитал письмо Троцкого Чхеидзе с весьма нелицеприятными характеристиками Ленина [476] . После этого Сталин выступил с заявлением «по личному вопросу» [477] , в котором формально пытался представить себя дисциплинированным партийным членом, подчинявшимся решениям большинства. По существу же его заявление было новым выпадом против Троцкого, которого он противопоставлял себе самому. Троцкий не прав, утверждая, что Ленин настаивал на снятии Сталина с поста. Ленин предлагал съезду обдумать вопрос о перемещении Сталина. А съезд «решил *единогласно* оставить Сталина на посту секретаря, каковому решению Сталин не мог не подчиниться». Троцкий заявляет, что, если бы Сталин не был секретарем, «не было бы и нынешней борьбы. Не думает ли т. Троцкий, что его августовский блок с Потресовым и Алексинским объясняется «нелояльностью» Сталина?»

Генсек обширно цитировал пресловутое письмо Троцкого Чхеидзе, называя его «важнейшим партийным документом, вошедшим уже в историю нашей партии». Отмечая «беспринципность и интриганство» Троцкого и Зиновьева, Сталин указывал, что «глупо объяснять разногласия в партии личным моментом», хотя именно личными отношениями было пронизано все заявление Сталина, официально объявленное документом «по личному вопросу». Ловко играя на принятых решениях, генсек в очередной раз заявлял, что «Троцкий не прав», говоря, что Сталин назвал его ревизионистом ленинизма. Это не мнение его лично. Так оценили Троцкого партийные форумы – XIII партконференция, XIII съезд и V конгресс Коминтерна. В склочной демагогии Сталин явно имел преимущество по сравнению со своим соперником. Троцкий пробовал объяснить партийной массе свое письмо к Чхеидзе, но выглядела эта защита не слишком убедительно: «Письмо это было написано в один из моментов острой фракционной борьбы. В этой борьбе Ленин был прав на сто процентов. Самая борьба давно отошла в прошлое. Письмо, написанное 13 лет назад, звучит сейчас для меня самого так же дико, как и для всякого другого члена нашей партии. Рыться в мусорном ящике старой фракционной борьбы можно только для того, чтобы ошарашить молодых членов партии, не знающих прошлого, т. е. исключительно для кляуз и интриг».

В попытке перехватить инициативу Троцкий указал, что именно такого рода нелояльность Сталина имел в виду Ленин, когда настаивал на снятии того с поста генсека [478] , то есть в очередной раз вернул аудиторию к «завещанию» Ленина. Наверное, в ответ на это он должен был ожидать, что Сталин вновь зачитает письмо Троцкого Чхеидзе…

Драматизм обстановки на июльском пленуме еще более усилило происшедшее во время его работы трагическое событие. 20 июля с докладом о состоянии экономики выступил Дзержинский, который истерически обрушился на Пятакова, назвав его «самым крупным дезорганизатором промышленности», и Каменева, которого Дзержинский обвинил в том, что тот не работает, а занимается политиканством. После доклада Дзержинскому стало плохо. Он некоторое время полежал на диване в кулуарах пленума, затем отправился домой, отказавшись от госпитализации, но в тот же день скончался от инфаркта. Дзержинского похоронили у Кремлевской стены, а смерть его списали на праведное дело борьбы с оппозицией.

Июльский пленум ЦК постановил снять Зиновьева с поста члена Политбюро ЦК, а Лашевича исключить из состава кандидатов в члены ЦК. Одновременно кандидатами в члены Политбюро стали несколько «молодых товарищей», в том числе Каганович и Микоян,

уже зарекомендовавшие себя в борьбе против оппозиции, а в следующие годы еще ярче проявившие свои качества как верные соратники Сталина, которого пленум поддержал по всем вопросам. Это должно было продемонстрировать лидерам оппозиции, прежде всего самому Троцкому, что в рамках действовавшего устава, действовавших дисциплинарных документов, особенно резолюции «О единстве партии» 1921 г., без обращения к партийным низам добиться какого бы то ни было результата они не смогут. Однако на путь нелегальной или хотя бы внепартийной деятельности Троцкий становиться не желал. Он все еще надеялся повернуть за собой партийные кадры, которым, впрочем, сам доверял все меньше и меньше. Стремление сохранять верность догматическим установкам оборачивалось против него самого.

2. На пути к оппозиционной платформе

Единственным достижением Троцкого на июльском пленуме 1926 г. был тот факт, что информация о разногласиях в высшем партийном руководстве без каких-либо усилий со стороны Троцкого вышла за стены пленума. Именно в этом увидела высшая партийная бюрократия особую опасность выступлений объ единенной оппозиции, которые все более нарастали. Состояние здоровья Троцкого оставалось нестабильным. Вторую половину августа и сентябрь Троцкий вновь провел на Кавказских минеральных водах, в Кисловодске, где с первых лет после окончания Гражданской войны исправно работал правительственный санаторий и широко применялись целебные нарзанные ванны.

Августовско-сентябрьский отдых Троцкий использовал для уточнения своих политических позиций, для попытки закрепления союза с зиновьевцами и распространения новых оппозиционных документов. Совместно с Зиновьевым было написано новое обращение в ЦК [479] , в котором констатировалось возникновение серьезного партийного кризиса, явившегося результатом «нынешнего партийного режима». Этот режим «наглухо закрывает партии возможность оказать необходимое воздействие на свое собственное руководство. Партия лишена какого бы то ни было влияния на собственный аппарат. Фракция, подобранная постепенно вокруг генерального секретаря при помощи партийного аппарата, сосредоточила в своих руках всю силу власти. Бесчисленные разъяснительные кампании означают, что партии только разъясняют то, что решил аппарат за ее спиной, без ее согласия, без ее ведома».

В документе были, наконец, поставлены все точки над i в том смысле, что главный противник был назван по имени, что взамен безличного «генерального секретаря» появился, наконец, злоупотреблявший аппаратной властью Сталин. Троцкий и Зиновьев предупреждали, что теперь речь идет не только о плане разгрома оппозиции и устранении ее из руководящих партийных органов и учреждений, а «о создании такого руководства, которое исключало бы возможность какой бы то ни было оппозиции по отношению к Сталину».

Радек, с которым Троцкий в это время политически особенно сблизился, в 1926 – 1927 гг. проявлял обычно несвойственную ему стойкость. В августе 1926 г. он написал своего рода «катехизис» – вопросник с ответами, что собой представляет объединенная оппозиция, каковы ее позиции и требования по основным политическим и хозяйственным вопросам [480] . Можно не сомневаться, что по главным формулировкам, по постановке важнейших из 22 вопросов, на которые были даны сравнительно подробные ответы, Радек консультировался с Троцким. Документ Радека стал новым шагом на пути выработки платформы оппозиции. Среди вопросов, на которые давались ответы, наиболее важными были: в чем оппозиция обвиняет большинство ЦК, в чем большинство ЦК обвиняет оппозицию, в чем выражается бюрократический режим в партии, к чему стремится оппозиция. В ответе на последний вопрос Радек подчеркивал, что оппозиция стремится не к расколу, а к воссозданию единства партии, для чего требует восстановления внутрипартийной демократии, «решительной борьбы против сползания партии на

мелкобуржуазные рельсы», в частности в деревне. Завершался этот своеобразный «катехизис» торжественным провозглашением исключительной правоты оппозиции: «Только политика оппозиции обеспечивает единство партии как рычага революции и развитие революции. Только единая большевистская партия, руководящая растущим социалистическим строительством, может обеспечить единство и развитие Коминтерна, представляющего теперь осколки созданного Лениным революционного объединения революционного пролетариата».

Троцкий в то время придавал позиции Радека, его аргументации существенное, видимо, даже в какой-то мере преувеличенное значение. В письме Радеку от 30 августа, посвященном в основном вопросу о положении в Китае, в частности взаимоотношениям между компартией этой страны и Гоминьданом (Народной партией), Троцкий интересовался в то же время: «Как поживают «вопросы и ответы»?» [481]

Находясь на лечении на Кавминводах, Троцкий общался с отдыхавшими в санаториях руководящими членами партии и правительства. Он выступал с краткими речами, осторожно касаясь существовавших в высших эшелонах власти разногласий. Такое общение, несмотря на то что было оно в основном протокольным (дружеские рукопожатия, совместное фотографирование), не нравилось пребывавшим здесь же представителям сталинской группы, например председателю Совнаркома Рыкову, который тоже отдыхал в это время в Кисловодске. В общении Троцкого небезосновательно видели стремление использовать личный авторитет и обаяние для расширения политического влияния. Видимо, именно партийным руководством было спровоцировано анонимное письмо, полученное Троцким в конце августа: «Лев Давидович! Не находите ли вы не совсем тактичным ваше «хождение по массам» (по санаториям) в связи с последними событиями в Цека? Кажется, другие члены П[олит]бюро этого не делают!»

Письмо имело характерную подпись: *«Член КПБУ п[арт] б[илет] 294557 и другие»* [482] . Троцкий ответил «анонимному коммунисту» разъяснением, что не он (Троцкий), а отдыхающие в санаториях являются инициаторами встреч, что во время этих встреч он касается только того, что «является общим политическим достоянием нашей партии», что, в отличие от автора письма, настроенного «фанатически-раскольнически», настроение подавляющего большинства тех, с кем он встречался, направлено на обеспечение партийного единства [483] .

Получал Троцкий и более «конструктивные» по форме письма. Б. Никитин, то ли проживавший в Ессентуках, то ли отдыхавший там, спрашивал, правда ли, что Троцкий боится хорошего урожая, верно ли, что он предлагает ограбить крестьянство в интересах промышленности, правда ли, что он отрицает существование диктатуры пролетариата в СССР; отрицает ли он капиталистическую стабилизацию в промышленности и считает ли британскую компартию тормозом рабочего движения [484] . Троцкий отвечал подробно, 5 сентября. Особое его возмущение вызвал вопрос об ограблении крестьянства: «Крестьянина грабит частник путем чудовищных розничных накидок, которые являются результатом отставания промышленности. Деревенского бедняка, отчасти середняка и промышленного рабочего грабит кулак, придерживающий свой хлеб. Налоговый нажим на кулака – в интересах как промышленности, так и деревенских масс. Кто называет фискальный нажим на кулака грабежом крестьянства, тот преступно затушевывает расслоение деревни, т. е. скатывается к эсеровщине» [485] .

Троцкий, весьма склонный к наклеиванию ярлыков на своих оппонентов, теперь вплотную приблизился к позиции тех оппозиционеров, которые считали необходимым взимать сверхналог с крестьянства для «первоначального социалистического накопления» и получения стабильных и значительных источников промышленного развития, как об этом многократно писал специализировавшийся по экономическим вопросам левый оппозиционер Преображенский [486] .

Эта концепция, весьма далекая, разумеется, от гуманных принципов, во многом возвращающая советскую экономику к продразверстке времен военного коммунизма,

преподносилась сталинским руководством как требование оппозиции о взимании с крестьянства «дани», налагаемой в том числе и на его беднейшую часть [487] . Как и в случае с индустриализацией, Сталин позиционировал себя в этом вопросе умеренным руководителем, не требующим от крестьянина излишних жертв ради сверхиндустриализации (Троцкий отвергал этот термин), на которой настаивала левая оппозиция.

Отпускной период Троцкий использовал для подготовки целого ряда статей, тезисов, текстов для памяти, набросков, касавшихся главным образом вопросов экономического развития СССР. Вновь и вновь речь шла об индустриализации страны, причем подчеркивалось, что имеется в виду не сверхиндустриализация (в чем его обвиняли Сталин и Бухарин), а необходимость осуществить те, по его мнению, жизненно необходимые задачи преодоления разрыва между сельским хозяйством и промышленностью, которые были основаны на подсчетах теоретиков-экономистов и хозяйственных практиков. Об этом Троцкий писал, в частности, в документе под названием «Развитие промышленности и народного хозяйства в целом» [488] . Именно в этой статье содержались размышления и были сделаны первые наброски перспективного планирования народного хозяйства СССР в расчете на пять лет, которые уже вскоре стали известны всему миру как первая советская пятилетка, причем инициатива Троцкого при этом будет, разумеется, самым тщательным образом скрыта сначала партийными пропагандистами, а затем и историками.

Троцкий базировался на довольно пессимистических расчетах Особого совещания по восстановлению основного капитала (ОСВОК), согласно которым к 1929 г. душевое потребление промышленных товаров в СССР, составлявшее в 1913 г. 47 рублей, в 1926 г. сократилось до 25 рублей, а в 1929 г. может подняться при существующих темпах хозяйственного развития до 44 рублей (в ценах 1913 г.), то есть и тогда не достигнет еще довоенного уровня. Он в полной мере отдавал себе отчет, хотя и не формулировал этого, что разглагольствования о достижении к середине 20-х гг. в СССР довоенного уровня развития производства были элементарной ложью. В то же время, согласно тем же расчетам ОСВОК, предполагалось, что темп производства сельскохозяйственной продукции будет таковым, что она достигнет к 1929 г. 106% довоенного уровня. Кроме того, крестьянское хозяйство, по мнению Троцкого, из-за отмены земельных платежей увеличило свою покупательную способность на примерно 500 миллионов рублей в год. Все это означало, что на протяжении ближайших лет, по мысли Троцкого, товарный голод будет усиливаться, если против него не будут приняты эффективные меры, поскольку у крестьянина денег становится больше, чем было в 1913 г., а товаров производится меньше, чем в довоенный период.

Троцкий приходил к выводу, что «необходимо перестать отделываться от вопросов промышленности общими фразами, а подойти к делу с конкретными расчетами», понять, что темп развития промышленности явно недостаточен, что необходимо начать перераспределение хозяйственных накоплений по линии, способной обеспечить смягчение диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. «Необходимо прекратить легкомысленную болтовню о сверхиндустриализаторстве, перевести резолюцию XIV партсъезда на язык цифр и точных директив и приступить к ее выполнению в полном объеме». И хотя в этом документе Троцкий не предрешал вопроса о том, как именно может быть обеспечено перераспределение хозяйственных накоплений, было очевидно, что он постепенно приближался к взглядам Преображенского по поводу «первоначального социалистического накопления», двигаясь в сторону теории «сверхиндустриализации», проводимой за счет крестьянства.

Об этом можно судить, в частности, по еще одному тексту, подготовленному в отпуске: нового варианта вопросов и ответов, которые Троцкий написал, повторяя по форме аналогичный документ Радека [489] . Отвечая на поставленный самим Троцким вопрос: «Верно ли, что оппозиция хочет без оглядки перекачивать крестьянские накопления в промышленность?», Троцкий давал очень осторожный ответ. С одной стороны, он повторял, что «накопления в стране распределяются неравномерно между промышленностью и непромышленными слоями населения, откуда и возникает товарный голод, питающий

частника и ослабляющий социалистические элементы нашего хозяйства». С другой – заверял, что решающее значение имеет не то, сколько рублей отложил про запас крестьянин, а то, что он может купить на эти деньги. «Крестьянство *в целом* выиграло бы, вложив бóльшую, чем сейчас, долю своих накоплений в государственную промышленность, которая с избытком вернула бы ему эти накопления в виде более дешевых товаров».

Наверное, со сказанным можно было бы согласиться, если бы речь шла об экономике развитого рыночного хозяйства. Но проводимое советским правительством временное тактическое отступление от социалистических принципов, называемое НЭПом, было далеко от капиталистических рыночных отношений и развитой рыночной экономики, в которой крестьянин добровольно, не опасаясь политических репрессий правительства и доверяя ему, вкладывает свои деньги в промышленность страны. НЭП, в основе которого лежали временно допускаемые компартией капиталистические отношения в деревне, для советского руководства был главным раздражающим фактором в социалистической экономике и должен был умереть в ту ми нуту, когда в нем отпала бы жесткая необходимость. Говорить о добровольном вложении крестьянином «своих накоплений в государственную промышленность», зная, что крестьянство является мелкобуржуазным врагом социализма, которому на практике возвращать «с избытком» государство ничего не планировало, мог только оторванный от земной действительности «перманентный революционер» Троцкий, обманывавший в данном вопросе и себя, и своих соратников, и крестьянство. Речь шла не о том, даст ли город деревне «более дешевые товары». Речь шла о том, предоставит ли город возможность крестьянину выжить физически. Или же – ради увеличения темпов промышленного развития отнимет у крестьянина все.

«Левый» оппозиционер Троцкий, противопоставлявший себя «правому» большинству Сталина – Бухарина, вряд ли предполагал, что «правый» Сталин, внимательно изучив материалы оппозиции, настаивающей на сверхиндустриализации, отвергнет эти планы, как обременительные для экономики и населения страны, но встанет затем на путь «сверхсверхиндустриализации», куда более радикальной, чем те проекты, которые намечали Троцкий и Преображенский. Троцкий конечно же не догадывался и о том, что вместо поощрения вкладывания крестьянином «накоплений» в промышленность Сталин, проанализировав программу оппозиционеров в аграрном вопросе, встанет на путь сплошной коллективизации крестьянского сельского хозяйства и не просто разорит деревню, а уничтожит миллионы крестьянских душ. Проводимые Сталиным индустриализация и коллективизация были логическим продолжением того, что неуверенно предлагал партии и правительству левый оппозиционер Троцкий в 1926 – 1927 гг. Как и в случае с пятилеткой, Сталин просто украл идеи Троцкого, а нанятые генсеком советские пропагандисты и историки сделали все возможное для того, чтобы об этой краже как можно скорее забыли.

После завершения отпускного периода, когда и Троцкий, и ряд сторонников Сталина, поднакопив силы, возвратились в Москву для продолжения политических схваток, оппозиция стала терпеть в противостоянии со сталинским большинством очередные поражения. 3 октября Зиновьев, Пятаков и Троцкий направили в Политбюро протест против распространения про оппозицию всевозможных слухов и сплетен. Авторы подчеркивали, что только открытая дискуссия и скорейшее проведение съезда способны вывести партию из состояния перманентного кризиса [490] . На следующий день последовало еще одно заявление группы с предложением найти «мирный выход» из создавшегося положения [491] . Ничего принципиально нового в этом документе не было. По всей видимости, он был направлен в различные партийные органы с тем, чтобы об оппозиции стало известно широким партийным массам.

5 октября оппозиционеры потребовали немедленного созыва заседания Политбюро «для обсуждения практических мер, которые должны иметь своей целью ограждение партии от потрясений и революции от опасностей». В ответ на это Бухарин и Томский подготовили и распространили документ с резкими обвинениями по адресу «партийных баронов», которые «разыгрывают на спине партии свои фантазии» [492] , а партийный фельетонист и

поэт Демьян Бедный сообщил читающей публике (по указанию Сталина) о разногласиях в коммунистических верхах. Его творение было опубликовано в бухаринской «Правде» под ничего хорошего не предвещавшим Троцкому названием «Всему бывает конец». По адресу организатора октябрьского восстания и бывшего наркомвоенмора, председателя РВС Республики и члена Политбюро автор на страницах центрального органа партии выдвинул обвинения в стремлении к политическому и даже военному перевороту:

Что ж это в Москве без меня творится?
Троцкий, закусив удила,
Такие отмачивает дела!
Какого нам всаживает клина!
А я думал – у нас в партии… дисциплина!..
Троцкий гарцует на старом коньке,
Блистая измятым оперением.
Скачет этаким красноперым Мюратом
Со всем своим аппаратом [493] .

Описанная официозным поэтом картина требовала, безусловно, вмешательства на высшем уровне. Допустить, чтобы «закусивший удила» Троцкий продолжал «гарцевать» на лошади, Политбюро не могло. Советскому Мюрату (Марату) должен был прийти конец (о чем придворный поэт провозгласил уже в заглавии стихотворения). А как именно кончил Марат, всем было хорошо известно: его зарезала контрреволюционерка.

3. Попытки смягчить разногласия

8 и 11 октября на заседаниях Политбюро рассматривался вопрос о внутрипартийной ситуации. Каменев предложил было компромиссную резолюцию, но она была отвергнута. Оппозиционеры в очередной раз вынужденно заняли оборонительную позицию. 13 октября лидеры объединенной оппозиции, включая Троцкого, выступили с заявлением, в котором, сделав ряд существенных оговорок, признали все же, что они допустили нарушения партийной дисциплины. Теперь они заявляли об отказе от фракционных методов, о роспуске всех своих группировок, об ошибочности и опасности использования фракционных методов борьбы [494] . Через несколько дней пленум ЦК исключил Троцкого из состава Политбюро и отстранил от должности председателя Научно-технического комитета.

Зиновьев тоже потерял все свои посты. Еще в январе 1926 г. была образована «русская делегация» в ИККИ. Формально делегация работала под председательством Зиновьева и имела право лишь «рекомендовать» те или иные решения, но реально в ней доминировали сторонники Сталина, и с января 1926 г. Зиновьев был фактически отстранен от руководства Коминтерном. В июле он был выведен из состава Политбюро. Теперь же его формально сняли с поста председателя Исполкома Коминтерна [495] . Одновременно Каменев был исключен из кандидатов в члены Политбюро и снят с поста директора Института Ленина [496] (вместо него директором был назначен И.И. Скворцов-Степанов) [497] . Во всех этих смещениях Сталин играл роль второй скрипки. На первом плане были «правые», против которых главным образом вела огонь оппозиция: Бухарин, Рыков и Томский.

Попытки оппозиции сохранить позиции в высшем эшелоне власти не дали результатов. Троцкому, Зиновьеву и Каменеву оставалось теперь вести торг по поводу отдельных формулировок, связанных с прекращением фракционной борьбы. По инициативе Бухарина в ЦК готовилось некое «извещение» об отказе от группировок. Видимо, текст этого извещения был написан Троцким с тем, чтобы под ним поставили подписи и другие оппозиционеры. Бухарин предложил ряд поправок, закрепляющих победу над оппозиционерами и затрудняющих какое бы то ни было возобновление борьбы. Специальным постановлением Политбюро эти поправки были утверждены.

Троцкий, однако, счел, что часть поправок он подписать не может, и выступил по этому поводу со специальным заявлением [498] . Он обращал внимание на то, что Бухарин

дополнял отказ оппозиционеров от участия во фракции развернутым обоснованием принципиальной вредности «теории и практики фракционности». Троцкий считал рискованным подписывать такой текст, ибо он сковывал бы его и его единомышленников в случае принятия решения о возобновлении оппозиционной борьбы. В поправках Бухарина, утвержденных Политбюро, указывалось также, что оппозиция нарушила постановление XIV съезда о недопустимости всесоюзной дискуссии. На самом деле такого постановления не существовало. Фракции были запрещены, но дискуссии постановлением съезда не запрещались; и Троцкий требовал внесения в этот вопрос полной ясности. Были и другие спорные моменты, на которых останавливался Троцкий. Но главное состояло в том, что Троцкий уступал только под давлением, демонстрируя партийному активу, что оппозиционеры отступают лишь во имя партийного единства. Весьма показательными были заключительные слова заявления Троцкого: «Мы, разумеется, полностью признаем, что подчинение ЦК партии предполагает в известных случаях со стороны меньшинства открытую защиту таких взглядов, с которыми это меньшинство не согласно. Если Политбюро считает, что мы *обязаны* принять поправки, формулированные тов. Бухариным, *в порядке партийной дисциплины* , то мы подчинимся и подпишем всякое заявление, какое ЦК найдет отвечающим интересам партии в настоящий момент. Но в этом случае необходимо формальное постановление Политбюро, обязующее нас такого рода заявление подписать».

Было ясно, что речь идет только о временном, тактическом отступлении оппозиционеров, необходимом для собирания сил, перестройки и укрепления авангардных рядов, о поисках новой, более четкой аргументации с целью не допустить или, по крайней мере, свести к минимуму отступничество, о привлечении новых сторонников из числа тех членов партии, которые по разного рода причинам не были удовлетворены курсом «правых», каковыми Троцкий считал Бухарина, Рыкова и Томского, и центристов, к которым он относил в это время Сталина вместе с его ближайшим окружением.

С самого начала формирования объединенной оппозиции за ней было установлено пристальное наблюдение не только партийных, но и карательных органов. Подготовленное совершенно секретное «Информационное письмо о состоянии и перспективах оппозиционного движения» предписывало документ этот «хранить наравне с шифром». Это была высшая форма секретности для тиражируемых текстов. «Письмо», датированное 1928 г., представляло объемистую брошюру и было помечено как № 44. Подписан документ был заместителем председателя ОГПУ Ягодой, заместителем начальника секретно-оперативного управления ОГПУ Т.Д. Дерибасом [499] и заместителем начальника секретного управления ОГПУ Я.С. Аграновым [500] . Начало деятельности оппозиции «Письмо» относило к октябрю 1926 г. Особое внимание уделялось тому факту, что после заявления руководителей оппозиции о прекращении фракционной работы и роспуске фракции из состава объединенной оппозиции вышла группа децистов во главе с Сапроновым, стоявшая за продолжение оппозиционной активности.

Тем не менее, по данным ОГПУ, «политический центр» оппозиционеров не прекратил существования и продолжал обсуждать все вопросы, стоявшие на повестке ЦК ВКП(б). Оппозиционеры утверждали тезисы для выступлений, намечали тактическую линию. Хотя фракционная работа не велась, о происходящих событиях оппозиционеры друг друга конечно же информировали [501] , причем в аналитической записке ОГПУ эта достаточно естественная форма человеческого общения преобразовывалась в формально-бюрократическую деятельность «политического центра», которого на самом деле не существовало. Были лишь связи между оппозиционерами в центре и на местах.

Важным средством активизации своих сторонников, привлечения новых приверженцев, донесения своих взглядов до всех членов партии и до той части беспартийных, которая интересовалась политическим курсом ВКП(б), Троцкий считал новую партийную дискуссию. Он надеялся, что в ходе ее сможет рассеять те произвольные, а порой намеренно извращенные клеветнические оценки его взглядов, которые распространяли бухаринцы и сталинцы, действовавшие в тот период вместе. Проведение дискуссии, как Троцкий полагал,

позволило бы ему перевести пропаганду своих взглядов в легальное русло. В октябре 1926 г. именно этому вопросу Троцкий посвятил целый ряд своих документов (статей, тезисов, заявлений, записок).

В статье под названием «Нужна ли дискуссия?» [502] Троцкий настаивал на проведении таковой немедленно, уже накануне партконференции. Он предлагал обсудить вопросы о падении реальной заработной платы рабочих, о товарном голоде и отставании промышленности, о снижении удельного политического веса пролетариата и его опоры в деревне – деревенской бедноты, то есть был обеспокоен прежде всего усилением капиталистического сектора в советской нэповской экономике. Тот, кто заявляет, что дискуссия вредна и опасна, по существу дела уже ведет дискуссию, утверждал Троцкий, но в таком случае дискуссия носит односторонний характер, не встречает отповеди. «Сейчас сверху заводится дискуссия о том, что не нужно дискуссии». «Дискутировать надо не о дискуссии, а об основных жизненных вопросах, от которых зависит судьба пролетариата и социалистического строительства в нашей стране», – продолжал Троцкий, критикуя сталинско-бухаринскую политику «слева».

Эти пламенные речи бывшего вождя партии уже не производили впечатления ни на партийный аппарат, ни на общество в целом, чувствовавшие себя при НЭПе куда более комфортно, чем при военном коммунизме и трудармиях Троцкого. Дискуссия перед партконференцией проведена не была. По мере обострения политической ситуации все больше и больше чувствовались коренные пороки Троцкого как руководителя, оттесняемого от власти – по сравнению со Сталиным, одерживавшим над ним все более и более ощутимые победы. В политической борьбе на стороне Сталина было одно из решающих преимуществ. Троцкий искренне и фанатично верил в то, что говорил и писал. Он готов был идти на компромиссы, допускал тактические отступления, но только до определенного предела. Для Сталина же теоретические догмы были лишь одним из инструментов обретения и укрепления власти, и он готов был отступать от них тогда, когда интересы сохранения власти этого требовали. Вот как описывал состязание Троцкого и Сталина Милован Джилас [503] : «Троцкий был превосходным оратором; блестящим, искусным в полемике писателем; он был образован, у него был острый ум; ему не хватало только одного: чувства действительности. Он хотел оставаться революционером и возродить революционную партию в то самое время, когда она превращалась во что-то совершенно иное – в новый класс, не заботившийся о высоких идеалах и интересовавшийся только жизненными благами… Он ясно сознавал отрицательные стороны этого нового явления, происходившего на его глазах, но всего значения этих процессов он не понял… Сталин не оглядывался назад, но и не смотрел далеко вперед. Он стал во главе новой власти, которая зародилась в то время, – власти нового класса, политической бюрократии и бюрократизма и сделался ее вождем и организатором. Он не проповедовал: он принимал решения» [504] .

Сами понятия «троцкизм», «троцкисты», возникшие в ходе кампании против Троцкого еще в 1924 г., превратились в устах Сталина в ярлык, являвшийся сначала предостережением, затем угрозой изгнания из партии, а позже – приговором, грозившим гибелью всем тем, к кому этот ярлык был приклеен. Каменев и Зиновьев, совсем недавно являвшиеся союзниками Сталина и великолепно знавшие повадки генсека, предостерегали Троцкого о планах Сталина «оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт». «Сталин ведет войну в другой плоскости, чем Вы. Ваше оружие против него» недейственно [505] , – говорил Каменев Троцкому, сопротивлявшемуся исключительно языком и пером.

Сам Троцкий считал, что «призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима» [506] . В том числе и по этой причине попытки Троцкого несколько смягчить накал борьбы и пойти на уступки Сталину были неизбежно обречены на неудачу. Троцкий очень скоро это осознал и возобновил политическую борьбу. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 23 – 26 октября 1926 г. разыгралась весьма драматическая сцена. Активно жестикулируя, почти показывая на Сталина пальцем, Троцкий во всеуслышание заявил: «Генеральный

секретарь выставляет свою кандидатуру на пост могильщика революции». Сталин побледнел, потом покраснел, затем поднялся и покинул зал заседания, хлопнув дверью. В этот же вечер домой к Троцкому прибежал в состоянии полного отчаяния Пятаков. Н.И. Седова вспоминала: «Он налил стакан воды, выпил ее залпом и сказал: «Вы знаете, мне приходилось нюхать порох, но я никогда не видел ничего подобного! Произошло худшее, что только могло произойти! Почему, почему Лев Давидович сказал это? Сталин никогда не простит ему и его потомкам до третьего и четвертого поколений!» Пятаков был настолько расстроен, что не мог ясно передать, что же произошло. Когда Лев Давидович наконец вошел в столовую, Пятаков ринулся к нему, вопрошая: «Но почему, почему вы сказали это?» Взмахом руки Лев Давидович отмахнулся от вопроса. Он был опустошен, но спокоен» [507] .

XV партийная конференция проходила с 26 октября по 3 ноября. Для Сталина и его сторонников конференция имела огромное значение и была приравнена ими к партийному съезду, так как на конференции сталинцы и бухаринцы поставили своей целью прочно закрепить победу над объединенной оппозицией и, главное, над Троцким. На конференции обсуждались самые разнообразные проблемы. О международном положении докладывал Бухарин, о хозяйственном положении страны и задачах партии – Рыков, о задачах профсоюзов – Томский. Однако в центре внимания стоял вопрос об оппозиции и внутрипартийном положении. Докладчиком по этой теме выступил генеральный секретарь партии Сталин.

Тезисы Сталина к конференции назывались «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)». Сталин доложил, что летом 1926 г. был образован троцкистско-зиновьевский антипартийный блок, чьи лидеры занялись ревизией учения Ленина и решений XIV конференции и XIV съезда ВКП(б) по вопросу о возможности построения социализма в СССР. Установки оппозиции Сталин объявил социал-демократическим уклоном в партии [508] . В результате конференция осудила фракционную деятельность троцкистско-зиновьевского блока, причем теперь речь шла уже не о коммунистической оппозиции, а о социал-демократической, оппортунистической, ревизионистской, иначе говоря – классово чуждой.

С подачи Сталина конференция объявила ошибочными и вредными предложения лидеров троцкистско-зиновьевского блока о проведении индустриализации страны за счет высокого налогообложения крестьянства и повышения цен на промышленные товары. Сталин утверждал, что это неизбежно привело бы к подрыву сельского хозяйства и к падению темпов индустриализации. Принятая конференцией резолюция «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» характеризовала троцкистско-зиновьевский блок как социал-демократический, меньшевистский уклон в партии в том, что касалось характера и перспектив Октябрьской революции. Сталин закрепил свою установку на победу социализма в СССР в условиях капиталистического окружения и объявил о пораженческой сущности идеологии «троцкизма», отрицавшего возможность построения социализма в одной стране, если на помощь не придут революции развитых стран Европы.

На этом самом важном вопросе Троцкий и сосредоточил свое внимание. 12 декабря 1926 г. он закончил на эту тему статью, которую начал писать еще в сентябре [509] . Опубликовать статью, однако, не удалось, и она полулегально распространялась среди сторонников оппозиции. «Вопрос о возможности построения социализма в отдельной стране, – писал Троцкий, – выросший из замедления развития европейской революции, стал одним из главных критериев внутренней идейной борьбы в ВКП. Вопрос ставится Сталиным в высшей степени схоластически и разрешается не анализом мировой хозяйственной и политической обстановки и тенденций ее развития, а чисто формальными доводами и старыми цитатами, относящимися к разным моментам прошлого».

Главным доводом против сталинской теории являлось то, что она исходила из предпосылки замкнутого экономического и политического развития СССР, что ее ни в малейшей степени не интересовали перспективы хозяйственного развития Европы и всего мира. Троцкий признавал теперь, что международная или европейская революция – это дело неопределенного отдаленного будущего и пока что Советский Союз будет неизбежно

развивать связи с европейским и мировым рынками. В статье рассматривались различные варианты развития капитализма в Европе в ближайшие десятилетия: подъем, упадок, сохранение нынешнего состояния с теми или иными отклонениями. Анализ каждого представлял собой добротный образец абстрактного мышления Троцкого, причем при каждом из вариантов, описанных автором, становилась ясной полная бесперспективность построения в СССР социалистического общества. Вот как описывался наиболее оптимистичный для капитализма вариант: «Напор европейской индустрии на наше хозяйство в виде дешевых товаров получил бы в этих условиях непреодолимый характер. Столь же неблагоприятно сложилась бы военная и политическая обстановка. Буржуазия вернула бы себе самоуверенность вместе с материальной силой… Надеяться в этих условиях на противодействие европейского пролетариата было бы очень трудно, ибо капиталистический расцвет, как показывает опыт довоенной Европы, нынешней Америки, позволяет буржуазии во всех вопросах, решающих для жизни страны, подчинять своему влиянию очень значительную часть пролетариата. Мы попали бы с нашим социалистическим строительством в безвыходное положение».

Понятно, что эти теоретические выкладки не имели (как показали события) никакого отношения к ближайшей действительности. В них не было и намека на важнейшие европейские военно-политические процессы, связанные с приходом к власти нацистов (всего лишь через шесть лет) и началом Второй мировой воны. Но в отдаленной перспективе, включавшей в себя послевоенный расцвет современного капитализма, выводы Троцкого выдержали испытание временем.

Естественно, свою критику теории социализма в одной стране Троцкий теснейшим образом связывал с политикой Коминтерна и революционным движением за рубежом. Он пытался убедить зарубежных коммунистических деятелей, что эта теория отодвигает на второй план роль и значение иностранных компартий, отводя им только функцию противодействия «интервенционистским покушениям империализма». Троцкий уверял коммунистических деятелей, что речь идет об очередной передышке, то есть о более или менее длительном периоде между революцией в России и скорой революцией в одной из крупных капиталистических стран. В том, что эта революция в конце концов последует, он был убежден.

Решительное выступление с критикой теории о возможности построения социализма в одной стране – главной и единственной теории Сталина – означало, что Троцкий и лидеры оппозиции отказываются от попыток примирения и пытаются перейти в контрнаступление. Не случайно на следующий день после завершения статьи от 12 декабря Троцкий написал от имени оппозиции заявление, носившее теперь уже открыто конфронтационный характер [510] . Заявление было адресовано VII расширенному пленуму Исполкома Коминтерна, который как раз в это время собрался в Москве и на рассмотрение которого был представлен доклад Сталина, названный им «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» [511] . В этом огромном докладе и в еще большем по объему заключительном слове [512] Сталин уверял зарубежных коммунистических деятелей, что образовавшийся под главенством Троцкого оппозиционный блок является сборищем всех оппортунистических течений, объединившихся для организации борьбы против партии, против ее единства, что он представляет собой зародыш новой партии, что задача ВКП(б) и Коминтерна состоит том, чтобы разбить и ликвидировать этот блок. Совершенно очевидно, что генсек и его окружение теперь вступили на путь прямой политической (еще не физической) расправы с оппозицией.

Пленум ИККИ полностью поддержал советское руководство. Доклад Сталина был встречен бурей аплодисментов и неоднократно прерывался криками «ура!». Впрочем, не все коминтерновские деятели выражали полное согласие с бичеванием Троцкого и оппозиции. В октябре 1926 г., перед самым арестом фашистскими властями, Антонио Грамши от имени руководства компартии Италии обратился к ЦК ВКП(б) с письмом, в котором, считая лидеров «левой оппозиции» в первую очередь ответственными за раскол работавшей с

Лениным руководящей группы ВКП(б) и Коминтерна, одновременно обращался с просьбой к большинству ЦК ВКП(б), чтобы оно не стремилось злоупотреблять победой в борьбе и проявило готовность избежать крайних мер. Отмечая, что руководство большевистской партии было «организующим и стимулирующим фактором для революционных сил всех стран», Грамши предостерегал советских руководителей: «Но сегодня вы разрушаете плоды своих деяний, вы деградируете и рискуете уничтожить руководящую роль, которую Коммунистическая партия СССР завоевала под руководством Ленина».

Пальмиро Тольятти (Эрколи) [513] , который в это время становился фактическим руководителем итальянской компартии и через которого Грамши переслал из тюрьмы свое письмо, показал его только Бухарину, а тот в свою очередь «посоветовал» не отправлять официально письмо в ЦК ВКП(б), поскольку-де такой шаг ухудшит отношения между компартиями двух стран. Указание Бухарина было выполнено [514] .

VII пленум ИККИ в значительной своей части был посвящен атакам на тех, кого считали сторонниками Троцкого и Зиновьева в международном коммунистическом движении. Рассматривались «дела» Аркадия Маслова и Рут Фишер, Брандлера и Тальгеймера, Суварина [515] . Троцкий выступил с обширной речью, отстаивая правильность позиций своих сторонников. Пленум, однако, стал на сторону тех, кто финансировал компартии, – на сторону сталинского большинства ВКП(б) и Коминтерна. В резолюциях утверждалось, что Троцкий и его зарубежные сторонники недооценивают противоречия между важнейшими империалистическими государствами, а в резолюции по «русскому вопросу» оппозиционный блок в ВКП(б) обвинялся в том, что по существу он представляет собой правую опасность, «прикрытую иногда левыми фразами». Пленум вменил в обязанность всем компартиям вести борьбу против влияния оппозиции, «охранять единство ленинской партии, руководительницы первого в мире пролетарского государства». Не удовлетворившись этим, пленум утвердил в качестве собственной резолюции специальную резолюцию XV конференции ВКП(б) «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» [516] , которая обрушивалась на «революционные слова и оппортунистические дела» оппозиционного блока.

Заявление Троцкого от 13 декабря, ставившее своей целью вскрыть хотя бы важнейшие фальсификации и передергивания в сталинском докладе и других материалах VII пленума ИККИ, начиналось утверждением: «Мы снова и категорически отвергаем обвинение во фракционном характере наших выступлений. Если открытое изложение своих взглядов перед руководящим органом мировой коммунистической партии есть фракционность, то какие же другие пути существуют для отстаивания своих идей?»

Декабрь 1926 г. стал рубежом и для Сталина, отказавшегося допустить в партии хоть какую-либо критику и отклонения от общей линии, и для Троцкого, понявшего, что надежд на соглашение со Сталиным через различного уровня компромиссы уже нет. Троцкий наконец-то осознал, что тактика отступлений была порочной. Именно после того, как оппозиция дрогнула, Сталин обрушился на нее на XV партконференции с грозными обвинениями, а затем обратился еще и к формально высшему международному коммунистическому форуму – расширенному пленуму Исполкома Коминтерна. Этап компромиссов (или их видимости) закончился. Началась открытая борьба.

Глава 5 Платформа оппозиции

1. Позиция по китайскому вопросу

Если внутриполитический курс Троцкого как руководителя объединенной оппозиции формировался постепенно, на протяжении нескольких лет, и к началу 1927 г. сложился в относительно стройную концепцию, то позиция по основным международным вопросам вырабатывалась значительно более быстрым темпом под влиянием происходивших крупных

событий, но подвергалась весьма существенным конъюнктурным изменениям. Первоначально важнейшим из международных событий представлялась массовая забастовка в Великобритании, к которой добавился переворот Пилсудского в Польше, поначалу поддержанный польской компартией. Но главным событием на международной арене в 1926 – первой половине 1927 г. была революция в Китае, приковавшая к себе пристальное внимание во всех странах мира и ставшая водоразделом между сторонниками Сталина и Троцкого.

Троцкий и другие оппозиционеры, в частности Радек [517] , взяли курс на углубление китайской революции, далеко не полностью учитывая национальную специфику Китая и преувеличивая сходство между Китаем и предреволюционной Россией. Сталинская группа занимала несравненно более осторожную позицию. Со времен буферной Дальневосточной республики, созданной советским правительством из-за угрозы японской оккупации Дальнего Востока, Япония оставалась главным внешнеполитическим врагом СССР. И политика Сталина в отношении китайской революции 1926 – 1927 гг. была связана прежде всего с «извечным» советско-японским конфликтом.

Отказ советского правительства от открытого вмешательства в китайскую революцию, на чем так настаивала «левая оппозиция» Троцкого, был очередным «Брестским соглашением». Все развивалось по схеме 1918 г., только на месте Ленина был Сталин, на месте левого коммуниста Бухарина (1918 г.) – Троцкий. Подобно левым коммунистам, левая оппозиция убеждала партийный актив, что поли тика советского правительства в отношении китайской революции непременно приведет к ее поражению. Подобно Ленину в 1918 г., Сталин не хотел рисковать, так как понимал, что активное вмешательство в китайские дела приведет к советскому конфликту с Японией, а к нему СССР готов не был. Кроме того, Сталину нужен был не слабый в военном отношении раздробленный коммунистический Китай, ввергнутый в многолетнюю Гражданскую войну (типа той, которая происходила в свое время в Советской России), а сильный объединенный национальный Китай, способный противостоять Японии. Сталин пожертвовал революцией в Китае точно так же, как Ленин пожертвовал революцией в Германии, – ради передышки. Китайская революция действительно завершилась поражением, но время было выиграно, и первый серьезный конфликт с Японией вспыхнул лишь в 1938 г., когда Советское государство было куда сильнее, чем в 1927-м [518] .

Калейдоскоп китайских событий менялся с головокружительной быстротой. В июле 1917 г. в Кантон (ныне Гуанчжоу) прибыл находившийся перед этим в эмиграции Сунь Ятсен – лидер национальных революционеров и их партии Гоминьдан (Народной партии). Здесь были образованы парламент и правительство, вскоре провозгласившие себя верховной властью Китая. Сунь Ятсен был избран президентом, но затем отказался от этого поста и стал главнокомандующим гоминьдановской армией. Он пытался опереться на прогрессивные круги западных держав, но вскоре разочаровался в Западе и стал присматриваться к северному соседу, в столице которого, в свою очередь, внимательно следили за событиями на юге Китая.

С 1918 г. начались визиты представителей Советской России к Сунь Ятсену, с которым было установлено сотрудничество [519] . В 1922 г. в Южный Китай был направлен представитель Исполкома Коминтерна Генрикус Снефлит (Маринг) [520] , для которого Радек разработал инструкцию, предусматривавшую вступление в Гоминьдан компартии в целях формирования в Китае единого антиимпериалистического фронта [521] . В августе 1922 г. ЦИК компартии Китая (КПК) принял рекомендацию Коминтерна о вступлении коммунистов в Гоминьдан. В резолюции ИККИ от 12 января 1923 г. вновь подчеркивалась не только необходимость координации действий Гоминьдана и КПК, но и признавалось целесообразным для коммунистов «оставаться внутри партии Гоминьдан». Тем не менее многие руководители компартии (Чжан Готао, Цай Хэсэнь и другие) были убеждены в ненадежности и классовой чуждости Гоминьдана и считали, что блок с Гоминьданом наносит ущерб идеологической и организационной самостоятельности и «классовой

чистоте» КПК. С самого начала единства по вопросу о статусе КПК в Гоминьдане не было, несмотря на то что из Москвы давались однозначные и настоятельные рекомендации о вхождении в Гоминьдан.

В начале 1923 г. в Кантоне побывал с секретной миссией (она почти сразу стала для всех очевидной) связанный с Троцким Иоффе, обещавший советскую поддержку в создании объединенного сильного и демократического Китая. По просьбе Иоффе комиссия Политбюро во главе с Троцким (в нее входили также Чичерин и Радек) подготовила соответствующую инструкцию [522] . Результатом миссии было подписание совместной декларации, в которой Суня заверили, что в борьбе за национальное освобождение и независимость Китая СССР окажет ему полную поддержку [523] . После этого Сунь Ятсен направил в Москву группу деятелей Гоминьдана во главе со своим молодым, но многообещающим помощником Чан Кайши [524] для получения из первых рук информации о политической ситуации в СССР и о возможностях советского правительства оказать Китаю военную помощь. В китайскую делегацию входили в том числе коммунисты. В Москве делегация провела примерно три месяца [525] .

27 ноября 1923 г. (накануне отъезда из Москвы) гоминьдановско-коммунистическая китайская делегация посетила наркомвоенмора Троцкого. Последний высказал мнение, что Сунь Ятсен сосредоточен исключительно на военных операциях, тогда как необходима политическая подготовка широких масс. «Хорошая газета… лучше, чем плохая дивизия», – поучал Троцкий китайцев и обещал открыть советские военные школы для обучения китайских революционеров военному делу [526] . Троцкий и Чан Кайши обсуждали также революционное движение в Азии и неудачи СССР в Германии и Польше. «Троцкий заверил меня, что, помимо непосредственной помощи вооруженными силами, Советская Россия сделает все от нее зависящее, чтобы помочь воплощению в жизнь программы национальной революции в Китае, оказывая нам действенную экономическую поддержку и помощь оружием» [527] , – вспоминал Чан Кайши.

Вскоре после московской миссии Чан Кайши в Кантон приехала целая группа советско-коминтерновских политических и военных советников. Политическую часть возглавил М.М. Бородин [528] , сменивший Снефлита (Бородин имел опыт нелегальной деятельности за рубежом, в частности в США). Военную – полководец Гражданской войны, а затем военный министр буферной Дальневосточной республики В.К. Блюхер [529] (он пребывал в Китае под псевдонимом генерал Гален). По настоянию советских представителей с огромным трудом и далеко не всегда успешно началась перестройка Гоминьдана в соответствии с большевистским принципом «демократического централизма».

В 1924 г. китайское руководство стало принимать в Гоминьдан коммунистов как частных лиц. Фактически это означало, что компартия присоединилась к Гоминьдану. «Невозможно переоценить влияние Бородина и его помощников на молодых китайских революционеров. Они были закаленными и способными пролетарскими революционерами и принесли в Китай технику организации, агитации и пропаганды большевистской революции и Гражданской войны», – писал американский историк [530] . Однако после смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. в Гоминьдане и кантонском правительстве развернулась борьба за власть. Левым гоминьдановцам (коммунистам и сочувствовавшим) покровительствовала группа Бородина. Им противостояла группировка, настаивавшая на объединении страны и наведении порядка без участия коммунистов. Промежуточная группа Чан Кайши, возглавлявшего вооруженные силы Гоминьдана, маневрировала и колебалась. 20 марта 1926 г. под нажимом правых Чан Кайши произвел нечто вроде государственного переворота. Опасаясь коммунистического мятежа, он ввел военное положение, посадил советских советников под домашний арест (Бородин заблаговременно улизнул) и отправил в отставку левого гоминьдановца Ван Цзинвея [531] – своего основного соперника.

Через две недели Чан Кайши сменил гнев на милость, Бородин возвратился в Кантон. В апреле 1926 г. ЦИК Гоминьдана принял решение о запрещении коммунистам занимать руководящие посты в партии и правительстве, с чем китайская компартия по настоянию

Москвы согласилась. В июле 1926 г. Национально-революционная армия Китая под командованием Чан Кайши начала стремительный поход на север. Города и провинции, находившиеся под властью коррумпированных генералов, творивших там суд и расправу, легко оказывались в руках национально-патриотических сил. В августе войска Чан Кайши достигли реки Янцзы, в октябре заняли Ханькоу и соседние города, составлявшие мегаполис Ухань; в марте 1927 г. Чан Кайши занял Нанкин. Революционное гоминьдановское правительство перебралось из Кантона в Ханькоу. Однако в руководстве Гоминьдана вновь произошел конфликт между левой группой, доминировавшей в правительстве, и Чан Кайши. В марте 1927 г. Чан Кайши был исключен из руководства Гоминьдана и снят с поста главнокомандующего. В ответ на это 12 апреля он устроил в Шанхае, только что занятом его войсками, расправу над коммунистами и другими левыми: «Революционные войска при поддержке местных профессиональных союзов и торгово-промышленных палат разоружили красные рабочие пикеты, взяв коммунистических саботажников под стражу» [532] , – скромно писал в своих мемуарах Чан Кайши. Тогда ЦИК Гоминьдана отдал приказ об аресте Чан Кайши, а последний возложил ответственность за события на компартию, которая, по его словам, создала в Гоминьдане «царство террора», оторвала его от рабочих и крестьянских организаций, привела к созданию единого фронта империалистических государств против национально-патриотических сил Китая. В Нанкине Чан Кайши сформировал альтернативное правительство и потребовал передачи ему всей власти.

В конце мая 1927 г. в руки левых гоминьдановцев попала секретная инструкция советского правительства, приказывавшая китайским коммунистам прекратить сотрудничество с Гоминьданом, начать конфискации помещичьих земель и сформировать собственную независимую от Гоминьдана рабоче-крестьянскую армию. Эти требования соответствовали программе Троцкого, хотя составлялась инструкция сталинским большинством. Но реализованы они не были. Китайские коммунисты были изгнаны из гоминьдановского правительства, утвердившегося в Ханькоу; начались их аресты. Бородин и его миссия были отозваны в СССР.

В сентябре несколько гоминьдановских групп вышли из левого Гоминьдана и вошли в альтернативное правительство в Нанкине. Теперь уже перевес был явно на стороне Чан Кайши, который стал главой ЦИКа Гоминьдана и вернул себе пост главнокомандующего армией. Был взят Пекин. Советские советники были заменены германскими офицерами. Началось примирение Гоминьдана с западными державами. Попытка коммунистического путча в Кантоне в декабре 1927 г., организованная эмиссарами Коминтерна немцем Гейнцем Нейманом [533] и Виссарионом Ломинадзе (Бесо) [534] , потерпела провал и завершилась жестоким кровопролитием. В феврале 1928 г. Коминтерн возложил вину за провал сталинского курса на компартию Китая, обвинив ее руководство в «правом оппортунизме». Генеральный секретарь партии Чен Дусю [535] был снят со своего поста, а китайской компартии было предложено начать создание «советских баз».

Что же касается Троцкого, то до 1924 г. он в основном разделял установку на сотрудничество компартии с Гоминьданом и на вхождение компартии в его состав. Об этом свидетельствует первый обстоятельный оппозиционный документ по китайскому вопросу – «Китайская компартия и Гоминьдан», написанный 27 сентября 1926 г. [536] В нем содержалась попытка провести границу между «настоящим» и «прошлым» революционного движения в великой восточной стране, и в качестве грани между разными этапами был назван 1925 год. С этого времени революционная борьба в Китае, по мнению Троцкого, «вступила в новую эпоху», которая характеризовалась «прежде всего активным выступлением широких пролетарских масс, стачками и созданием профсоюзов. В движение вовлекаются в несомненно возрастающей степени крестьяне. Одновременно с этим торговая буржуазия и связанные с нею элементы интеллигенции откатываются вправо, занимая позицию против стачек, коммунистов и СССР».

Троцкий считал, что компартия должна была участвовать в Гоминьдане в период, когда она «представляла пропагандистское общество, только подготовлявшееся к будущей

самостоятельной политической деятельности и стремившееся в то же время участвовать в текущей национально-освободительной борьбе». Но к сентябрю 1926 г. перед китайскими коммунистами встала принципиально новая задача: руководить самостоятельным, пробужденным рабочим классом. Подвергая критике решения руководства китайской компартии не только об участии в Гоминьдане, но и о принятии «суньятсенизма» как своей собственной идеологии, Троцкий отмечал, что эта линия была продиктована из Москвы сталинским руководством и китайским коммунистам не оставалось ничего иного, как «принять те политические выводы, которые вытекали из этой организационной заповеди».

С переходом в оппозицию Троцкий стал уделять китайским проблемам значительно большее внимание, стремясь противопоставить свою позицию по вопросу о Китае политике Сталина. В том же сентябре 1926 г. к XV партконференции он подготовил еще один документ по китайскому вопросу. В нем делался упор на борьбу сталинской фракции против ленинизма под видом борьбы с «троцкизмом». Позиция Сталина по отношению к Гоминьдану определялась как носившая «совершенно оппортунистический характер». Речь шла о том, что национально-демократическое движение в Китае все более расчленяется по классовому признаку, что пролетариат вступает в борьбу путем стачек, охватывающих «миллионы рабочих», а профорганизации включают в себя десятки и сотни тысяч. Троцкий ставил вопрос о необходимости деятельности в Китае самостоятельной пролетарской партии, которая вела бы борьбу за гегемонию в национально-освободительном движении. «Самостоятельность компартии исключает ее организационное вхождение в Гоминьдан, но не исключает, разумеется, ее длительного политического блока с Гоминьданом». Сталинцы же, как писал Троцкий, прикрывают саму постановку вопроса об организационном размежевании словами об «ультралевизне», «ликвидаторстве» и другими бранными терминами [537] .

Полемика о Китае во многом напоминала средневековые схоластические трактаты. Таковыми, в частности, были дискуссии Радека и Бухарина о степени капиталистического развития Китая, о сохранении в нем феодальных элементов. Эти споры в значительной степени основывались на эмоциях и в лучшем случае на логических предположениях, а не на скрупулезном анализе фактов, в частности статистических данных. Спорщики расходились в том, создавать ли Советы в Китае сразу или брать курс на их организацию при определенных условиях [538] . Даже Сталин продолжал на эту тему дискутировать с Троцким. Сохранилась ответная записка Сталина Троцкому от 23 марта 1926 г.: «Если Вам удобно, давайте поговорим о китайских делах сегодня в 4 часа в ЦК» [539] . Но постепенно установка на конструктивный диалог с оппозицией по китайскому вопросу отступала перед общим курсом на разрыв с оппозицией.

Весной 1927 г. Троцкий выступил с целой серией писем, которые обосновывали его взгляды по общим и конкретным вопросам китайской революции. Первое из этих писем было написано 27 марта, как только поступили сведения, что Шанхай занят национально-революционной армией Гоминьдана [540] . «Марксизм забыт окончательно», – писал Троцкий, оспаривая утверждения советской прессы о том, что национальное правительство Китая представляет интересы всех классов этой страны. Он предполагал, что по мере захвата новых территорий Китая национальное правительство совершит резкий поворот в сторону США и Великобритании. «Мы окажемся курицей, которая высидела утенка», – образно выражался Троцкий и требовал вновь поставить в Политбюро вопрос о взаимоотношениях между китайской компартией и Гоминьданом, хотя отдавал себе отчет, что вместо обсуждения этого вопроса сталинцы организуют «фракционную кляузу». «Но можно ли молчать, когда дело идет буквально о голове китайского пролетариата?» – в отчаянии вопрошал Троцкий.

Наиболее четко Троцкий выразил свои взгляды по китайскому вопросу в письме под заголовком «О лозунге Советов в Китае» 16 апреля [541] . Настаивая на том, чтобы компартия Китая взяла курс на создание Советов, Троцкий стремился опровергнуть контрдоводы Сталина, сущность которых состояла в постановке знака равенства между

лозунгом Советов и лозунгом диктатуры пролетариата. «Но почему же у нас были Советы в 1905 году?» – ставил ответный вопрос Троцкий. Развивая свою аргументацию, он утверждал, что Советы в Китае могут рассматриваться аналогично Советам в России на этапе борьбы против царизма – их можно было бы эффективно использовать против милитаристов, компрадоров (буржуазии, являвшейся проводником зарубежного влияния) и иностранных империалистов. Сталин же, считал Троцкий, уступает китайской буржуазии по всем направлениям: «Если считать, как считал… Сталин, что объединение Китая должна была довести буржуазная головка Гоминьдана, которая через Гоминьдан подчиняет себе коммунистическую партию, лишила ее элементарной независимости (даже газеты!) и управляла завоеванными территориями через реакционную бюрократию, – если так представлять себе национальную революцию, тогда Советам, разумеется, не может быть места. Если же понимать, что буржуазная головка Гоминьдана, не только правая, но и центрально-левая, не способна довести национально-демократическую революцию до конца и даже до середины; что она непременно придет к сделке с империалистами; если понимать это, тогда нужно было своевременно и тем более нужно теперь готовить *смену* этому руководству».

Автор письма вновь и вновь подчеркивал, что не выступает за немедленную пролетарскую революцию в Китае, что в Советы надо привлекать мелких ремесленников и торговцев, распространить сеть этих революционных органов на деревню, используя существовавшие крестьянские союзы. Советы должны были, по его представлению, стать органами аграрной революции, которую ни в коем случае нельзя откладывать до объединения Китая. «В Советы войдут все те классы, слои и прослойки, которые действительно втянуты или будут втягиваться в реальную, настоящую борьбу с чужестранной и своей реакцией». В то же время Троцкий решительно отрицал, что оппозиция толкает компартию на войну против Гоминьдана, и трижды повторил по этому поводу слово «Вздор!». Он считал необходимым поставить сотрудничество компартии с Гоминьданом на «необозримо более широкие и глубокие основы», воплощенные в Советах. Это сотрудничество предусматривало свободу для коммунистической печати. Вопрос же о социалистической революции Троцкий отодвигал на неопределенное будущее. Он не считал его стоявшим в порядке дня. По его мнению, эта перспектива имела шансы стать реальностью только в случае, если бы подоспела успешная пролетарская революция в странах Запада. «Но не надо, – призывал Троцкий, – эту перспективу превращать в платоническое воздаяние за нынешнее положение, когда полем владеют вооруженные буржуазные предатели. Основная и жизненная задача состоит сейчас в том, чтобы подготовить ближайший этап, из которого только и могут вырасти все дальнейшие перспективы и возможности».

22 апреля Троцкий написал письмо, озаглавленное «Не надо мусору!» [542] , в связи с обсуждением в партячейке Института красной профессуры вопроса о китайской революции. Этот институт, созданный в 1921 г., находился под влиянием Бухарина, который культивировал там почтение, если не культ, собственной личности и поощрял формирование группы своих последователей из среды молодых историков, философов, экономистов. Позднее эта группа стала известна как «школа Бухарина». В апреле 1927 г. Троцкого особенно возмутило, когда в ходе обсуждения китайской революции кто-то из «школы Бухарина» указал, что в 1923 г. Троцкий возражал против организации Советов в Германии, а теперь, дескать, яро выступал за их создание в Китае. Троцкий парировал ссылкой на гоголевского «Ревизора», где возле каждого нового забора скапливался мусор: «Так и некоторые публицисты, полемисты и «теоретики» нашей партии пользуются постановкой каждого нового серьезного вопроса, чтобы завалить его кучей мусора».

Троцкий вновь опровергал приписываемый ему взгляд, что компартия Китая должна идти на разрыв с Гоминьданом. Он подчеркивал, что речь идет о сотрудничестве, но в таких формах, при которых компартия располагала бы полной самостоятельностью. Эти письма писались Троцким с Кавказа, где он отдыхал, распределяя время между минеральными

ваннами, охотой и работой. По возвращении в Москву его осмотрел кремлевский доктор Гетье, который сообщил Седовой, что ее супруг выглядит свежее и бодрее, чем до поездки. «Любопытно, – продолжал профессор, – что охота с ее физическим утомлением, с пребыванием на довольно свежем воздухе, с сидением в шалаше и пр. совершенно не отражается вредно на нем» [543] . Пока еще Троцкий имел возможность пользоваться всеми теми привилегиями, которые высшие руководители считали для себя естественными. Но руководитель Октябрьского переворота вряд ли предполагал, что это был последний кавказский отдых в его жизни.

По возвращении Троцкий возобновил атаку на позиции сталинского большинства по китайскому вопросу. Новое письмо на эту тему последовало 10 мая, а почти через месяц, 8 июня, к нему было написано дополнение [544] . На этот раз полемика шла с теми, кто считал, что компартия должна оставаться в составе левого Гоминьдана. В духе этих писем Троцкий подготовил статьи для публикации – «Китайская революция и тезисы Сталина» [545] и «Верный путь». Первая из них была направлена в журнал «Большевик», вторая в «Правду». 12 мая Политбюро приняло решение не печатать эти статьи. В резолюции говорилось: «Ввиду новых попыток оппозиции навязать партии дискуссию, ввиду того что Зиновьев и Троцкий выступили со статьями по китайскому вопросу, в которых нападают на ЦК и его решения – это попытка оппозиции сорвать решения партии и навязать ей дискуссию. Признать нецелесообразным печатание статей Зиновьева и Троцкого» [546] .

В связи с этим Троцкий обратился в Политбюро и Президиум ЦКК с обширным заявлением [547] , в котором заострял внимание на том, что не был приглашен на заседание Политбюро, хотя этого требовала, по его мнению, формальная лояльность. Разумеется, ни на какую лояльность со стороны Сталина Троцкий теперь рассчитывать не мог, но он не преминул использовать возникшую ситуацию, чтобы лишний раз напомнить Сталину об упреках Ленина в нелояльности. На этот раз речь шла не столько о позиции большевистского руководства по китайскому вопросу, хотя он и дебатировался, сколько об общей ситуации в партийных верхах. «Причиной непомещения статей указывается то, что они критикуют ЦК, имеют дискуссионный характер, другими словами, устанавливается правило, вследствие которого партийная печать может только подпевать ЦК, что бы он ни сказал и что бы он ни сделал». Троцкий напоминал, что он предлагал провести закрытый пленум ЦК по китайскому вопросу, что это предложение было отклонено, что именно после этого появились «тезисы Сталина», представлявшие собой «закрепление и углубление наиболее ошибочных сторон в корне ложной политики». Тезисы Сталина, полагал автор, толкают не только китайскую компартию, но и весь Коммунистический интернационал в болото оппортунизма. «Неужели же китайская революция и вся линия Коминтерна есть такая мелочь, которую можно загнать в аппаратную бутылку? Неужели так можно помочь воспитанию китайской компартии? Неужели так могут развиваться иностранные секции Коминтерна? Неужели наша партия может жить таким путем? Мыслима ли такого рода безумная бюрократическая утопия?» – спрашивал Троцкий и от китайской конкретики переходил ко все той же общей постановке вопроса о порочности бюрократического руководства партией и решительно выдвигал требование проведения общепартийной дискуссии. «Да, мы хотим обсуждения вопроса о судьбах китайской революции, стало быть, о наших собственных судьбах», – заключал Троцкий.

2. «Заявление 83-х»

Разногласия по вопросу о развитии китайской революции были главным, но не единственным исходным моментом для подготовки документа объединенной оппозиции, который был подписан не только ее виднейшими руководителями, но и большой группой активных членов. Можно с полным основанием полагать, что документы Троцкого по китайскому вопросу побудили и его самого, и связанных с ним оппозиционеров переосмыслить, заново проанализировать весь комплекс разногласий с высшим партийным

руководством, в которое оппозиционеры теперь не входили.

Перед написанием этого документа Троцкий выступил с рядом записок и писем, касавшихся в основном международных вопросов. Принципиальное значение имело обращение к членам ЦК от 21 февраля 1927 г. с общей оценкой политического состояния мирового пролетариата на фоне международной обстановки и положения СССР [548] . Здесь содержалась попытка дать анализ ситуации в связи с несбывшимися прогнозами европейской революции. После неудачи германской революции 1923 г. и краха надежд на революционные события в Великобритании во время стачки 1926 г. следовало, как показывал Троцкий, прийти к выводу, что послевоенный период был временем величайших поражений европейского пролетариата. «Было бы просто глупой трусостью закрывать на это глаза», – писал Троцкий. Более того, Троцкий отмечал разочарование российского пролетариата в революции, в ее неспособности в короткий срок «глубоко изменить отношения и жизнь». Он призывал не закрывать глаза на эти негативные процессы: «Именно для того, чтобы оградить партию и наиболее дальнозоркие элементы от разочарования, надо сказать то, что есть».

Другим важным документом было заявление «О нашей зависимости от мирового рынка» [549] , критикующее «замкнутое хозяйство», к которому неизбежно вела теория построения социализма в одной стране. Статья обращала внимание на то, что международный фактор, от которого неизбежно зависело развитие СССР, отнюдь не исчерпывался опасностью интервенции. Троцкий доказывал, что в ближайший период зависимость СССР от мирового рынка, от экспорта и импорта будет возрастать, но эта зависимость выгодна, так как она «удесятеряет вес, способность СССР к сопротивлению – экономическому, политическому и военному». В противовес сталинской теории «победы социализма в одной стране» Троцкий призывал рассматривать перспективы развития СССР в контексте общемирового развития, поскольку «достаточность или недостаточность нашего темпа может быть измерена только масштабами мирового хозяйства, ибо темп нашего развития международно обусловлен».

По мнению ОГПУ, с февраля 1927 г. объединенная оппозиция «представляла собой организованную и централизованную фракцию» [550] . Печатались и распространялись оппозиционные документы, восстанавливалась связь с периферией. Заседания руководителей оппозиции происходили на квартирах Смилги, Троцкого, Радека, Зиновьева или Каменева. «Троцкисты» и «зиновьевцы» входили в центр на паритетных началах. Смилга играл «буферную роль». Организационной работой и техникой руководил И.Н. Смирнов, при котором действовала «техническая комиссия», включавшая С.В. Мрачковского [551] и Преображенского. Оппозиционеры пытались организовать и Всесоюзный комсомольский центр, куда входил, в частности, сын Троцкого Лев Седов.

ОГПУ полагало, что в апреле – мае 1927 г. был создан Московский центр «троцкистов», а в конце августа – начале сентября – объединенный Московский центр «троцкистов» и «зиновьевцев», причем между теми и другими велся торг за преобладание в этом органе. Оппозиционной группой в Ленинграде руководил Г.Е. Евдокимов [552] . Связями с уездами Московской губернии занимался И.Я. Врачев. Существовало бюро (куда входил, в частности, Альский) по связи с провинцией. Заграничными связями оппозиции ведали Радек и Серебряков. Денежные ресурсы оппозиции состояли из членских взносов и пожертвований [553] . Был даже образован свой Красный Крест. Сначала им ведали З.И. Лилина (жена Зиновьева) и Ф.В. Белобородова (жена А.Г. Белобородова [554] , наркома внутренних дел РСФСР), а затем жена Карла Радека врач по образованию Роза Маврикиевна Радек. Оппозиционный Красный Крест проводил денежные сборы, оказывал помощь безработным, заключенным и высланным единомышленникам. Но главное, чем было напугано ОГПУ, – это то, что при Центре была создана военная группа, в которую якобы входил ряд слушателей Военной академии РККА и некоторые бывшие работники 5-й армии. Группа организовала охрану Троцкого, ставила вопросы о смене командного состава Красной армии и предлагала «вождям оппозиции» уйти в подполье и развернуть оттуда

более деятельную работу [555] .

Однако реальное соотношение сил было далеко не в пользу оппозиционеров. Почти все руководящие партийные кадры на местах и основная часть рядовых членов партии поддерживали Сталина. Рассчитывать на успех Троцкий конечно же не мог. Его задача состояла в том, чтобы предложить правившему большинству партии, населению и международному коммунистическому движению свой политический курс. Лидер оппозиции рассчитывал противопоставить «механическому большинству» компартии свою особую социально-политическую платформу. Включенный в нее комплекс общих установок и конкретных предложений, по мнению Троцкого, являлся наиболее правильным выражением программы ВКП(б) и Коммунистического интернационала.

Непримиримость Троцкого имела своим результатом отход от оппозиции ряда известных советских деятелей. Показательным было поведение Крупской. В середине мая, то есть тогда, когда начался сбор подписей под коллективным заявлением оппозиционеров, Крупская написала письмо Зиновьеву. Она сокрушалась по поводу той «бузы», которая поднята в партии по вопросам о положении в Китае и в британском рабочем движении, давая понять, что ответственность за эту «бузу» лежит на лидерах оппозиции. Крупская туманно намекала, что самокритика – это одно, а «критика со стороны» – другое, давая понять, что оппозиция выходит за рамки партийности. Вдова Ленина явно сожалела, что ранее поддержала Зиновьева с Каменевым, а затем – объединенную оппозицию. По всей видимости, этим письмом она пыталась оправдать свой отказ поставить подпись под общим оппозиционным документом.

Вместо Зиновьева на письмо Крупской 17 мая ответил Троцкий [556] . Он был до предела сдержан. Вопреки своему обыкновению писать личные письма от руки, он сам напечатал ответ на пишущей машинке, «чтобы не затруднять разбором почерка, который с годами не стал лучше». Очевидно, Троцкий рассчитывал еще и на то, что его письмо Крупской станет достоянием партийной общественности, и именно по этой причине прибег к помощи пишущей машинки. Троцкий указал, что слово «буза» в русском языке означает склоку по ничтожному поводу или даже совсем без повода. Заимствовала Крупская это слово из выступления С.В. Косиора на пленуме ЦК, а Косиор использовал его для того, чтобы представить выступления оппозиции как беспринципные нападки на партию, только лишь для того, чтобы создать излишние неприятности и хлопоты ее высшему руководству. «Еще совсем недавно мы вместе с вами говорили, что самокритики не выходит потому, что у нас нездоровый режим, грубый и нелояльный. Что же, режим стал лучше за последнее полугодие? Или вопросы, требующие самокритики сегодня, слишком мелки и ничтожны? «Буза»?» Троцкий разъяснял Крупской, что Сталин перешел в борьбе против оппозиции от тактики истощения к тактике истребления, но обещал не прекращать борьбы: «Мы будем плыть против течения, даже если Вы вслух повторите за Косиором слово «буза». И никогда мы не чувствовали так глубоко и безошибочно своей связи со всей традицией большевизма, как сейчас, в эти тяжелые дни, когда мы и только мы подготовляем завтрашний день партии и Коминтерна».

20 мая в «Правде» было опубликовано заявление Крупской, в котором говорилось, что оппозиционная критика превратилась во фракционную. Разумеется, малокомпетентная в партийных интригах вдова Ленина сама по себе не была серьезным достоянием оппозиции. Однако она была своего рода символом, знаменем, привязкой к имени «великого Ленина», и переход Крупской в стан сталинистов был для Троцкого серьезной потерей [557] .

Именно в эти драматические дни в Москву были вызваны представители компартий на состоявшийся 18 – 30 мая 1927 г. VIII расширенный пленум Исполкома Коминтерна, рассмотревший китайский вопрос и взявший курс на поддержку китайской компартией правительства левых гоминьдановцев в Ханькоу. Пленум рассмотрел также вопросы о борьбе против войны и об оппозиции в ВКП(б). По первому вопросу пленум, обратив внимание на разжигание «военной тревоги», призвал компартии защищать СССР от нападения «империалистических держав». По второму – обрушился на объединенную

оппозицию и принял специальную резолюцию «О выступлениях тт. Троцкого и Вуйовича» [558] на пленуме Исполкома Коминтерна [559] , в которой объявлял выступления Троцкого сознательной клеветой, прямым дополнением «буржуазно-социал-демократической кампании» против СССР, «грубейшими и недопустимыми нападками» на международный большевизм. Поведение Троцкого в целом объявлялось «отчаянной борьбой единоличного политического дезертира против фронта коммунистов всего мира». ИККИ запретил Троцкому и Вуйовичу продолжение фракционной борьбы и объявил, что они будут исключены из ИККИ, если эта борьба не будет прекращена, «предложив» ЦК ВКП(б) (как будто последний действительно подчинялся Коминтерну) «принять решительные меры к охранению ВКП(б) от фракционной борьбы тт. Троцкого и Зиновьева» [560] . Вскоре требования об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б) стали поступать от национальных компартий. В частности, на этом настаивала конференция французской компартии в Сен-Дени [561] .

Троцкий, однако, не складывал оружия. К 25 мая завершился сбор подписей под коллективным заявлением в ЦК ВКП(б) участников оппозиции. Судя по сопроводительному письму, которое было подписано Евдокимовым, Зиновьевым, Смилгой и Троцким [562] , именно они подготовили текст заявления, подписанный 84 коммунистами с дооктябрьским стажем. То ли количество подписантов было посчитано неточно, то ли в последний момент появилась еще одна подпись, но в историю этот документ вошел как «Заявление 83-х». Один оппозиционер обозначил свой стаж с 1898 г., два – с 1899 г., два – с 1902 г., десять – с 1903 г., четыре с 1904 г., четыре – с 1905 г., один – с 1906 г., пять – с 1907 г., один – с 1908 г., один – с 1910 г., два – с 1911 г., четыре – с 1912 г., один – с 1913 г., восемь – с 1914 г., четыре – с 1915 г., четыре – с 1916 г., двадцать два – с 1917 г. Семь человек свой партийный стаж не обозначили. Любопытно, что в их числе были Зиновьев и Троцкий. Член ЦКК ВКП(б) Лиздин указал партийный стаж с 1892 г., хотя социал-демократическая партия была создана в 1898 г. (видимо, он счел действительным в качестве партстажа свое участие в социал-демократическом кружке). Однако в числе подписавших не было Каменева. Это, правда, не означает, что он начал отход от оппозиции. Некоторые важные документы оппозиции в последующем он подписывал. Но Каменев, видимо, уже начинал колебаться.

Троцкий не указал свой стаж, чтобы не подставляться под критику. Ведь в партию большевиков он вступил только в 1917 г. А включать в партстаж внефракционный период и период принадлежности к меньшевикам ему не хотелось. Зиновьев, у которого была значительно более «чистая» биография (он был социал-демократом с 1901 г. и большевиком с 1903 г.), возможно, не назвал свой стаж, дабы меньше выделялся Троцкий. Для партийной массы «солидный» стаж бывших руководителей партии был очевиден. Во всяком случае, представительство «старой партийной гвардии» в оппозиции выглядело весьма солидно, и это давало ей право на равных вступить в полемику со Сталиным, Бухариным и их приверженцами.

«Заявление 83-х» начиналось с указания на ошибки, допущенные в руководстве китайской революцией, которые привели к ее тяжелому поражению. Оппозиционеры, поддавшись «военной тревоге», которую раздувало высшее партийно-государственное руководство с целью дальнейшего закрепления своей власти и разгрома оппозиции, пытались повернуть сталинско-бухаринскую «военную аргументацию» против руководящего большинства, заявляя, что «поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР». Вторым важным международным вопросом, по которому резко критиковался официальный курс, была позиция по отношению к АРК. Здесь тоже доминировала проблема защиты СССР. Упрекая советское руководство в том, что оно признало Генеральный совет тред-юнионов единственным представителем британского пролетариата, подписавшие письмо приходили к выводу, что его деятели в случае войны «империалистических держав» против СССР выступят на стороне своего правительства и поддержат войну, как «в 1914 году».

Самыми общими мазками были очерчены разногласия по другим международным

вопросам: изгнание видных революционеров из компартии Германии за солидарность с русской оппозицией, «правые ошибки» коммунистических лидеров не только в Германии, но также в Польше и Франции. При всей важности международных вопросов, волновавших оппозиционеров и особенно Троцкого, начинавшего видеть себя вождем не только внутренней, но и интернациональной коммунистической оппозиции, указание на эти проблемы служило только прелюдией к попытке анализа «неправильной линии во внутренней политике» Советского Союза. Отмечая трудности хозяйственного развития СССР, возникшие на фоне завершения восстановительного периода, авторы подчеркивали, что эти трудности усугубляются ставшей генеральной линией партии мелкобуржуазной сталинской теорией построения социализма в одной отдельно взятой стране.

В заявлении содержалась критика «неблагоприятных для пролетариата классовых сдвигов», которые выражались в низкой заработной плате рабочих, безработице, растущей за счет кадрового пролетариата, усилении враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа. Особое внимание уделялось положению в деревне, в частности расслоению крестьянства. Оппозиционеры признавали, что ЦК перестал выдвигать лозунг «обогащайтесь» и призывать кулака «врастать в социализм». Но эта политика сменилась не наступлением на кулака, на чем настаивала оппозиция, а замалчиванием расслоения, ставкой на крепкого крестьянина, то есть продолжением прежнего курса. «Все это ослабляет нашу опору в деревне и затрудняет союз рабочего класса и крестьянской бедноты с середняком».

Троцкий понимал, что «гладкий» перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы путем насаждения крупных государственных предприятий и производственных кооперативных объединений в реально существовавших условиях не имел перспектив: отсутствовала необходимая техника, да и сами крестьяне не горели желанием вступать в сельскохозяйственные коллективы или наниматься на государственные фермы. Поэтому практические предложения по аграрному вопросу были достаточно примитивными. Они сводились к необходимости освобождения от сельхозналога 50% крестьянских дворов – бедноты и «маломощных» крестьян. Все налоговое бремя Троцкий и его сторонники предлагали переложить на вторую половину крестьянства, тех, кто был побогаче.

Требования левой оппозиции в области промышленности были справедливы, но не подтверждались конкретными предложениями. Оппозиция предлагала систематически и планомерно улучшать положение рабочего класса, отказаться от проведения режима экономии за счет выталкивания новых групп рабочих в ряды безработных, снижать себестоимость продукции. Возражать против этого ни один советский партийный руководитель, разумеется, не стал бы. Но как этого добиться – было неясно. Утверждение оппозиционеров, что для успешной реализации их экономической программы сталинское большинство должно всего лишь реализовать политические требования оппозиции, не звучало убедительно. При постановке и попытках решения хозяйственных вопросов оппозиция, таким образом, постепенно сбивалась на путь, по которому вели страну сталинисты: больше популизма и демагогии, меньше практических предложений.

Значительно более обоснованной и понятной была критика внутрипартийного режима, хотя и здесь можно было обнаружить немало сугубо демагогических и даже эгоистических мотивов. Заявление призывало возвратиться к тому внутрипартийному положению, которое существовало при Ленине: «Нам необходима железная партийная дисциплина – как при Ленине. Но нам необходима и внутрипартийная демократия – как при Ленине», – утверждала «старая гвардия», призывая к «усилению живой действенной связи партии с рабочим классом». При этом совершенно не принималась во внимание и сознательно игнорировалась та элементарная истина, что именно при Ленине и под руководством Ленина в годы революции и Гражданской войны проводился красный террор в отношении всех слоев общества, в том числе и в отношении рабочих, отказывавшихся подчиняться беспрекословно; что с первых дней революции в стране не было свободы слова, в том числе и для самих большевиков; что именно Ленин был инициатором драконовской резолюции X съезда «О единстве партии».

Тем не менее критика партийного режима была острой, смелой и справедливой. «Всякая попытка поставить спорные вопросы перед партией объявляется покушением на единство партии. Неправильная линия закрепляется сверху механическим путем. Создается показное единство и официальное благополучие». Оппозиционеры требовали созвать специальный пленум ЦК для выработки предварительных решений и ликвидации внутрипартийной борьбы. На первый план, однако, выставлялся лозунг единства партии. Но там, где сталинское большинство предлагало расправиться с меньшинством административными и организационными методами, там оппозиционеры предлагали добиться единства через партийную дискуссию и принятие единодушных решений. Если на пленуме, считали оппозиционеры, обнаружатся принципиальные разногласия, они должны быть сформулированы и опубликованы, причем коммунисты должны были иметь возможность защищать свою точку зрения в прессе и на собраниях «без обострения и преувеличения». Оппозиция требовала также права для членов партии издавать брошюры, книги, сборники материалов с изложением взглядов, «до сих пор не имевших большинства в партии».

В последующие дни под «Заявлением 83-х» продолжался сбор подписей, с помощью чего оппозиция надеялась вернуть себе утраченные позиции, убедить партию, что за оппозицией идет значительная часть партийного актива. С особым заявлением выступила старый член партии В.Д. Каспарова [563] , долго работавшая в Баку и ранее поддерживавшая со Сталиным дружеские отношения. Теперь же она обвиняла генсека в том, что он разрушил партию идейно и организационно [564] . О своем полном согласии с документом заявил видный дипломат, полпред СССР во Франции Раковский [565] , что означало его присоединение к оппозиции, к которой он до этого относился с известной опаской. К 1 июля 1927 г. к «Заявлению 83-х» присоединилось примерно 300 партийцев с дооктябрьским стажем [566] .

Появление «Заявления 83-х» внесло известное смущение в среду высших партбюрократов. Различными путями (главным образом в виде рукописных копий) этот документ распространился в сравнительно широкой среде. Предъявляя Зиновьеву и Троцкому обвинения в нарушении партийной дисциплины, председатель ЦКК Орджоникидзе даже не включил в число обвинений подписание этого документа. В ответ на последовавший запрос Орджоникидзе объяснил, что каждая группа членов партии имеет право, мол, обращаться в ЦКК с заявлением, индивидуальным и коллективным [567] . При этом тот же Орджоникидзе обвинял Троцкого и Зиновьева во фракционной деятельности в связи с рассылкой ими индивидуальных писем и заявлений, квалифицируя их как меньшевистский уклон. Отличие состояло в том, что на этот раз с изложением своей позиции выступила целая группа большевиков с дооктябрьским стажем, прикрывшая лидеров оппозиции.

Но если сталинское большинство готово было терпеть крамольные письма, не выходившие за узкий круг номенклатурных читателей, оно не желало смотреть сквозь пальцы на публичные выступления Троцкого, обращенные к ушам еще и беспартийных слушателей. 9 июня Троцкий участвовал в проводах на Ярославском вокзале в Москве одного из видных оппозиционных деятелей – ректора Института народного хозяйства имени Плеханова Смилги, которого уволили с занимаемой им должности и «в порядке перевода» отправили на работу на Дальний Восток, по существу в ссылку. Троцкий произнес перед собравшимися короткую речь примерно следующего содержания: «Опасности для нашей страны сейчас велики, времена трудные, и каждый из нас должен быть вдвойне верным сыном революционной ленинской партии!» [568]

Несколько весьма осторожных слов, которые Троцкий произнес на прощание на вокзальном перроне, были истолкованы как речь, обращенная не только к коммунистам, но и к беспартийным, что трактовалось как величайшее преступление, разглашение партийных тайн и нарушение партийной дисциплины. Троцкому приписали слова «У нас не диктатура пролетариата, а диктатура узурпаторов», которые он в это время просто не мог произнести.

Далее делался вывод, что Троцкий находится в одном лагере с министром иностранных дел Великобритании О. Чемберленом [569] и другими «поджигателями войны» против Советского Союза. Напрасно Троцкий разъяснял, что ему приписывается совершенно фантастическая речь, что смысл произнесенной им фразы был противоположен: он состоял в том, что в ВКП(б) «нет и не может быть разногласий насчет защиты пролетарской диктатуры и советского государства» [570] . Троцкому не поверили и вызвали его для разбирательства и осуждения на заседание Президиума ЦКК.

Там Троцкий произнес две речи, проникнутые остроумием и издевательствами над теми, кто теперь его судил [571] . Особенно доставалось известному партийному пропагандисту и историку Ярославскому, ухитрявшемуся умело выслуживаться перед всеми, кто в данный момент стоял у власти. В прошлом Ярославский не раз пел дифирамбы Троцкому; теперь в качестве члена Президиума ЦКК и секретаря ее партколлегии (занимавшейся персональными делами ответственных коммунистов) он лил на Троцкого ушаты грязи.

Троцкий относился к Ярославскому с заслуженным презрением. «Основной особенностью его как оратора и писателя является его неспособность передать без искажения ни одной сколько-нибудь свежей мысли» [572] , – писал Троцкий. «Насчет Ярославского мы давно говорим: если хотите узнать, чего хочет Сталин достигнуть через полгода, пойдите на собрание и послушайте, что говорит Ярославский… Повторите ли вы снова, что отправка Смилги в Хабаровск является командировкой в обычном порядке на работу? И в то же время будете обвинять нас в демонстрации против ЦК? Такая политика является двурушничеством» [573] .

Тон выступлений Троцкого резко изменился. Можно с уверенностью сказать, что впервые критика Троцким сталинской системы вышла за узкие пределы догматических и схоластических споров о том, чья теория построения социализма более правильна и в большей степени соответствует марксизму-ленинизму: Троцкого с его перманентной революцией или Сталина с его теорией социализма в одной стране. Под такой критикой советского режима могли подписаться многие недовольные советской властью: «Товарищи, не надо смешивать социалистическое отечество с начальством. Мы заявляем: сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот. До тех пор, пока вы не вгоните нам в рот кляп, мы будем критиковать этот сталинский режим, который подрывает все завоевания Октябрьской революции… Мы будем критиковать сталинский режим, негодный, сползающий, идейно слабый, короткомысленный, недальнозоркий. Мы будем его с удвоенной силой критиковать именно потому, что видим опасность, и именно потому, что ошибки Сталина в случае войны помножатся на 10 и на 100» [574] .

На заседание Президиума ЦКК 24 июня Троцкий впервые заявил о происходившем в партии термидорианском перерождении [575] . Сравнение проводилось с государственным переворотом 9 термидора (27 июля) 1794 г. во Франции, когда была свергнута якобинская диктатура, залившая страну кровью, и политический курс Французской революции начал возвращаться в русло конституционного развития. Сравнение было крайне неточным и неудачным, потому что из этого сравнения следовало, что Троцкий придерживался «левого» революционного якобинского курса и поддерживал революционный террор, а это не то, что имел в виду Троцкий. Суть расхождений со Сталиным у Троцкого была не в том, что Троцкий выступал за революционный (якобинский) террор, а Сталин был против. Троцкий хотел сказать, что Сталин – могильщик революции, точно так же, как могильщиками революции во Франции стали термидорианцы. Но окончание революции во Франции с точки зрения интересов населения нельзя было воспринимать иначе, как явление положительное, поскольку оно способствовало восстановлению нормальной мирной жизни. Троцкий же видел в этом событие исключительно отрицательное, контрреволюционное.

На счастье Троцкого, это сравнение было тем не менее невыгодно Сталину, который не мог сознаться в том, что является контр революционером (термидорианцем). Сталин конечно

же отождествлял себя скорее с якобинцами, как и Троцкий. Террор, который впоследствии развернул Сталин против советской номенклатуры и старой «ленинской гвардии», можно было с известным уровнем приближения сравнивать с термидорианским террором против революционеров-якобинцев, но с одной очень существенной поправкой. Сталин, позиционировавший себя в Политбюро как умеренный центрист, борющийся сначала с «левыми» Троцким, Зиновьевым и Каменевым, затем с «правыми» Бухариным, Рыковым и Томским, на поверхности оказался крайне левым революционером, куда левее самого Троцкого. Просто Сталин иначе смотрел на движущие силы революции и в другом их видел.

Сам Троцкий не очень хорошо понимал, что же, собственно, происходило во Франции летом 1794 г. Он писал: «Что же такое Термидор? Спуск революции на одну ступеньку; сдвижок власти вправо в результате какого-то надлома или надрыва революции. Наверху, у руля, как будто те же самые люди, те же самые речи и те же самые знамена» [576] . Но во французском Термидоре имел место отнюдь не «сдвижок», а у власти не остались те же люди. Те, кто был у власти, во главе с М. Робеспьером, были отправлены на гильотину, и политическая группировка якобинцев от власти была отстранена.

И сталинское большинство, и оппозиция в равной мере необоснованно и спекулятивно непрерывно твердили об опасности «империалистического» военного нападения на СССР. Наличие внешнего врага, действительного или мнимого, всегда являлось стимулом для укрепления власти. Большевики исходили из весьма примитивной максимы о том, что задача капиталистического мира заключается в свержении советской власти. Паранойя стала одним из основных факторов советской внешней и внутренней политики. Декларирование «военной опасности» особенно усилилось после того, как в мае 1927 г., в разгар сбора подписей под «Заявлением 83-х», последовала серия международных инцидентов. С СССР после того, как во время обыска в помещении Англорусского кооперативного общества АРКОС были обнаружены неопровержимые свидетельства советского шпионажа, разорвала дипломатические отношения Великобритания. В Польше русским эмигрантом был убит советский полпред П.Л. Войков [577] .

«Единого фронта империалистических держав» против СССР и подготовки «новой интервенции» на самом деле не было. Тем не менее начиная с 1925 г. а особенно интенсивно с 1927 г. в Советском Союзе разрабатывались подробные планы военной мобилизации армии, промышленности и сельского хозяйства. Страну держали в состоянии боевой готовности, военной лихорадки, а за любое нарушение бдительности виновных беспощадно карали [578] . Преувеличивая, вместе со Сталиным, военную угрозу, Троцкий, реально, подыгрывал Сталину, использовавшему возникшую панику для борьбы с оппозицией. Именно тогда появился столь болезненный для Троцкого и его соратников сталинский тезис о существовании «единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Несколько позже нарком иностранных дел Чичерин свидетельствовал, что военной опасности в действительности не существовало, а мифическая угроза этой опасности использовалась внутри СССР для борьбы с Троцким. В 1929 г. Чичерин рассказывал американскому журналисту Луису Фишеру: «В июне 1927 г. я вернулся из Западной Европы. Все в Москве говорили о войне. Я старался разубедить их. «Никто не планирует нападения на нас». Я настаивал. Тогда коллега меня просветил. Он сказал: «Мы это знаем. Но это нам нужно для борьбы с Троцким» [579] . Чичерин и позже решительно отрицал опасность нападения на СССР, причем в письмах Сталину писал об этом на удивление резко: «В наших московских выступлениях говорится, что обострилась опасность войны между капиталистическими государствами, а следовательно, и нападения на нас. Что за вздор, как можно говорить такие вещи!!» [580]

Тем временем Агитпропотдел ЦК ВКП(б) издал в 1927 г. брошюру «О войне и военной опасности», целиком направленную против Троцкого, которого обвиняли в «реакционном пораженчестве» [581] . За границей же продолжало существовать мнение, высказанное 18 июня 1927 г. газетой «Нью-Йорк уолд»: Сталин проводит довольно умеренную международную политику, которая противостоит наступательной политике Троцкого и

других лидеров оппозиции, а Чичерин, встречаясь с европейскими руководителями в Берлине и Париже, убеждает их, что только в том случае, если СССР получит кредиты от европейских стран, можно будет держать в узде западноевропейских большевиков.

13 и 14 июня специальная комиссия ЦКК допросила Троцкого и Зиновьева [582] . Сталин, находившийся на отдыхе, остался крайне недоволен тем, что инициативу на заседании перехватили обвиняемые и устроили нечто вроде суда над ЦКК и сталинскими сторонниками Коминтерна. 23 июня генсек с раздражением писал Молотову: «Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК. Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий. Странно, что попрятались некоторые члены ЦКК. А где Серго [Орджоникидзе]? Куда и почему он спрятался? Позор! Решительно протестую, что комиссия по обвинению Тр[оцкого] и Зин[овьева] превратилась в трибуну по обвинению ЦКК и К[ом] и[нтерна] с заострением «дела» против Сталина, которого нет в Москве и на которого можно ввиду этого вешать всех собак. Неужели эту «стенограмму» отдадут на руки Троц[ко]му и Зиновьеву для *распространения* ! Этого еще не хватало» [583] .

Стенограмму Троцкому и Зиновьеву действительно не выдали. В постановлении Президиума ЦКК от 24 июня «По поводу нарушения партийной дисциплины тт. Троцким и Зиновьевым» говорилось, что оформившийся весной и летом 1926 г. блок «новой оппозиции» с Троцким означал окончательный переход «новой оппозиции» «на идейные позиции троцкизма», создание фракционной организации, проводящей нелегальную деятельность; что оппозиция выступает против партии и пролетарской диктатуры, а ее лидеры – Троцкий и Зиновьев – заслуживают исключения из ЦК ВКП(б) [584] .

3. Июльско-августовский пленум ЦК и платформа оппозиции

Ужесточавшаяся внутрипартийная борьба побудила Троцкого приступить к подготовке нового программного документа. «Заявление 83-х», вызванное конкретными событиями, причем не внутреннего, а международного плана, готовилось поспешно, на многие вопросы не давало ответа, а некоторые вообще игнорировало. Так что это заявление Троцкого уже не удовлетворяло. Смысл его состоял в том, чтобы продемонстрировать Сталину поддержку оппозиции группой авторитетных большевиков с дореволюционным стажем. Эта задача была выполнена. Нужно было двигаться дальше.

Накал страстей между тем усиливался. Крупный бой сталинская группа дала оппозиции на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, проходившем двенадцать дней, с 29 июля по 9 августа. К пленуму, в повестку дня которого был включен вопрос «О последних выступлениях оппозиции и нарушениях партийной дисциплины тт. Троцким и Зиновьевым», был подготовлен объемистый «строго секретный» сборник материалов, в котором атака на оппозицию велась по ряду направлений. Так, в тезисах Чичерина и Бухарина о международном положении особое внимание уделялось «троцкистской» точке зрения на китайскую революцию. Троцкого обвиняли в том, что он формально опирается на аналогию с революцией 1905 г. в России, когда большевики, в противоположность меньшевикам, вели непримиримую борьбу против кадетов. Троцкий не понимает, утверждали авторы, основного отличия империалистической страны от колониальной. «Точка зрения Троцкого есть грубейшее *извращение* ленинизма, опирающееся на грубейшее смазывание различий между странами империализма и колониями, смазывание, чрезвычайно характерное для *социал-демократического уклона* » [585] , – указывалось в тезисах.

С докладом о нарушениях партийной дисциплины Троцким и Зиновьевым на пленуме выступил Орджоникидзе. К старым обвинениям было добавлено новое: оппозиция становится на путь раскола ВКП(б), на путь организации второй, враждебной ВКП(б) партии. Это новое обвинение грозило оппозиционерам очень неприятными последствиями, вплоть до исключения из ВКП(б), а может быть, и ареста, так как покушение на монополию коммунистической партии в деле управления государством было сравнимо разве что с

государственной изменой.

Сталин обрушился на оппозицию демагогическими возгласами: «Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях против империализма?» При этом он пересказывал собственную статью, опубликованную накануне открытия пленума, в которой несколько раз ставился этот же вопрос, причем читателю давалось понять, что оппозиция вступает на путь предательства государственных интересов СССР [586] . При этом генеральный секретарь использовал так называемый «тезис о Клемансо» [587] , который не очень удачно повторялся в нескольких выступлениях Троцкого накануне пленума и который состоял в том, что оппозиция даже в условиях возможной войны с империалистическими странами может настаивать на изменении состава партийного руководства, как этого добивался и добился во время Первой мировой войны французский политический деятель Жорж Клемансо. Используя, в частности, письмо Троцкого Орджоникидзе от 11 июля 1927 г., в котором Троцкий разъяснял, что «тезис о Клемансо» отнюдь не означает призыва к свержению нынешнего партийного руководства, Сталин продолжал: «Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей империалистической политикой облегчила французской буржуазии победу. Были ли такие газетчики, которые называли группу Клемансо – пораженцами? Наверное, были: глупцы и клеветники тащатся в обозе всех классов. Но они не всегда имеют возможность играть одинаково значительную роль» [588] .

Сталин, таким образом, приклеил Троцкому одновременно ярлыки «клеветника», «глупца» и «пораженца». Троцкий не стал защищать столь неудачно выдвинутый тезис, но решительно возражал против обвинений по существу: «Из политики Клемансо хотят сделать улику против оппозиции… [589] В сущности Сталин имеет в виду другой вопрос, который не решается высказать, именно: неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не в состоянии обеспечить победу СССР? Да, думает!» «А партия где?» – выкрикнул в этот момент Молотов. «Партию вы задушили», – ответил Троцкий и закончил свою речь словами: «За социалистическое отечество? – Да! За сталинский курс? – Нет» [590] .

Состязаться с Троцким в ораторском искусстве было сложно. Молотов пошел по другому пути. Он заявил, что оппозиция призывает к «повстанчеству против партии и советской власти», то есть к антисоветскому восстанию. А эти действия, как всем было понятно, грозили уже не просто обвинениями в государственной измене, но и расстрелом. По поводу этой речи Молотова группа из 13 оппозиционеров – Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смилга, Раковский, Соловьев, Бакаев, Петерсон, Пятаков, Лиздин, Евдокимов, Муралов и Авдеев, все являвшиеся членами ЦК или ЦКК большевистской партии, – выступила 4 августа с заявлением [591] , в котором указала, что высказывание Молотова является частью более широкого и хорошо продуманного плана: «Ядро сталинской фракции хочет приучить партию к мысли о разгроме оппозиции… Неправда, будто оппозиция готовит вторую партию. Зато безусловная правда, что сталинская фракция раз и навсегда хочет подчинить себе партию методами не только партийного, но и государственного аппарата… Неправда, будто путь оппозиции ведет к восстанию против партии и советской власти. Зато неоспоримая правда, что сталинская фракция на пути достижения своих целей холодно наметила развязку физического разгрома».

Подписавшие документ высказывали решимость «до конца» защищать свои взгляды, но готовы были в интересах партийного единства пойти навстречу предложениям, которые могли бы смягчить внутреннюю борьбу, «создать условия, обеспечивающие всестороннюю проверку партией действительных разногласий и выработку правильной линии на XV партийном съезде». Слегка подправляя «тезис Клемансо», выдвинутый Троцким, оппозиционеры заверяли, что они согласны не просто защищать СССР от внешнего врага, но готовы делать это под руководством существующего ЦК и его Политбюро.

Верили ли Троцкий и его сторонники в возможность достижения соглашений со сталинским большинством летом 1927 г.? Можно не сомневаться, что не верили, что высказываемые оппозицией предложения носили тактический характер и были призваны показать не только членам партии, но и беспартийной массе стремление преодолеть

внутрипартийный кризис на компромиссных началах. Сталинская группа, со своей стороны, создавая видимость конструктивного подхода к разногласиям с оппозицией, поставила перед руководителями оппозиции вопросы, от ответа на которые должны были зависеть решения пленума, в том числе и в пункте об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК [592] . Ответы на эти вопросы были даны пленуму 8 августа в виде нового заявления 13 оппозиционеров. По всей видимости, авторство принадлежало Троцкому и Зиновьеву (последний, скорее всего, писал проект документа, а Троцкий – окончательный отредактированный вариант). Это заявление носило примирительный характер и отвергало вымыслы о враждебности оппозиции к партии, о намерении создать новую партию и о тяготении к меньшевизму. Подробно разъяснялась позиция подписавших по главным пунктам обвинений. Особо важными были разъяснения по пресловутому вопросу о термидорианстве – произошел ли термидорианский переворот или находится в состоянии развития и только угрожает партии и советскому строю: «В стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу. Мы не сомневаемся, что партия и пролетариат преодолеют эти силы при ленинской линии и внутрипартийной демократии. Чего мы требуем, это – чтобы партруководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья партии более систематический, твердый, планомерный отпор. Мы отвергаем мысль о том, будто наша большевистская партия, ее ЦК и ЦКК, стали термидорианскими».

Оппозиционеры вновь и вновь решительно отвергали обвинение в намерении создать в СССР вторую партию и осуждали попытки такого рода: «Путь второй партии считаем безусловно гибельным для революции». В то же время подписавшие заявление указывали на существование «извращенного внутрипартийного режима», в условиях которого они вынуждены были бороться «за доведение до партии» своих «действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати, читаемой всей страной». Выступая за защиту «социалистического отечества» от «империализма», руководители оппозиции сохраняли убеждение, что и в случае войны партия не может отказаться от критики ЦК и исправления его линии, если бы политика ЦК оказалась ошибочной.

Касались оппозиционеры и двух вопросов международного характера – одного частного и одного общего. В связи с исключением из компартии Германии членов группы Рут Фишер и Аркадия Маслова, стоявших, по определению Коминтерна, на ультралевой позиции, они констатировали угрозу раскола германского коммунистического движения, так как среди исключенных оказались сотни немецких революционеров, и предлагали вернуть в партию тех, кто подчинится решениям Коминтерна, разрешив им, однако, отстаивать свои взгляды. Второй вопрос касался лозунгов на случай начала войны против СССР. Механически применяя к новым, непредсказуемым ситуациям лозунг Ленина периода Первой мировой войны, который и тогда грешил национальным нигилизмом и с полным основанием квалифицировался правительствами воюющих стран как предательский и который решительно отвергал в свое время Троцкий, авторы заявления не просто провозглашали необходимость «поражения всех буржуазных правительств, воюющих против СССР», но и требовали, чтобы «каждый честный пролетарий капиталистической страны» активно работал «для поражения «своего» правительства», а каждый иностранный солдат, «который не хочет помогать «рабовладельцам» «своей» страны», переходил бы «на сторону Красной армии», поскольку «СССР есть отечество всех трудящихся» [593] .

О том, насколько влиятельной еще была оппозиция, говорит тот факт, что «Заявление 13-ти» 10 августа опубликовала «Правда», хотя при публикации были допущены искажения текста: отдельные фрагменты исключены, произвольно заменены слова. По требованию авторов на следующий день, 11 августа, «Правда» вынуждена была признать пропуски и напечатать заявление вторично – случай для центрального партийного органа абсолютно беспрецедентный. Впрочем, одновременно была опубликована критическая передовая статья редакции «Правды» (ее автором, очевидно, был Бухарин). Восхваляя правильность и мудрость решений июльско-августовского пленума и ссылаясь на «интересы мира и

единства» партии, автор передовицы заявлял о явной недостаточности документа 13-ти, оставлявшего «лазейки для возобновления борьбы против партии».

К критикам присоединился партийный поэт Бедный, опубликовавший издевательское стихотворение-фельетон в «Известиях»:

Кто-то ходит, щеголяет
Не по ленинской тропе.
Барин с тросточкой гуляет
В самой, значит, Ве Ка Пе! [594]

«Барин с тросточкой» был конечно же Троцкий.

В кампании против оппозиционеров весьма ловко был использован тот факт, что как раз накануне примирительного заявления от 8 августа Троцкий, Зиновьев и Вуйович обратились в Президиум ИККИ с резким письмом по китайскому вопросу, в котором указывали, что в этой стране сложилось крайне серьезное положение, опасное и для национальной революции, и для СССР, в связи с чем выдвигалось требование исправления неверной линии, проводимой Коминтерном в Китае [595] . Письмо дало повод к обвинению Троцкого в «двурушничестве». Повсеместно принимались резко осуждающие резолюции, которые публиковались в центральной и местной печати. Тон резолюций и печатных выступлений становился все более грубым. Не выдерживая давления, некоторые сторонники Троцкого стали выступать с заявлениями о выходе из оппозиции. Правда, пока еще таких было немного, да и занимали они второстепенные партийные и государственные посты. Но самим оппозиционерам для обоснования своих взглядов слово не предоставлялось. Отказывая им в печатной трибуне, партийные органы тем самым провоцировали их на поиск других методов донесения своей позиции до партийной массы, а когда оппозиция прибегала к этим альтернативным способам, на нее лились потоки показного и лицемерного негодования по поводу фракционности и «нелегальщины».

К началу сентября был разработан подробный документ с изложением взглядов оппозиции, который авторы назвали «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). Кризис партии и пути его преодоления» [596] . Его подписали те же 13 оппозиционных деятелей. Авторы представили этот документ в Политбюро, оставляя за собой право внести уточнения накануне съезда, после обмена мнениями в печати и на собраниях. Именно поэтому документ был назван только проектом платформы. В нем впервые было дано своего рода «название» оппозиции – «большевики-ленинцы», фактически противопоставлявшее их «сталинцам». Это название, сохранившееся с того времени на многие годы – вначале в ссылке, а затем и в период эмиграции Троцкого, – было первым элементом в довольно длительном процессе структурирования оппозиции вначале в организационно оформленное течение, а затем и в самостоятельную партийно-политическую организацию. Одновременно все чаще и чаще Троцкий стал использовать сокращение «ВКП» вместо «ВКП(б)», оставляя упоминание о «б» – большевиках – для своей оппозиционной группы «большевиков-ленинцев».

Главки «платформы тринадцати», как ее стали называть, были посвящены положению рабочего класса и профсоюзам, государственной промышленности и социалистическому строительству, Советам, национальному вопросу, партии, комсомолу, международному положению и опасности войны, Красной армии. Заключительные разделы назывались: «О разногласиях действительных и мнимых» и «Против оппортунизма, за единство партии». Участие Троцкого в подготовке этого обширного документа неоспоримо. Он, безусловно, написал введение и общие заключительные разделы. Он также редактировал весь текст, внося в него элементы своей индивидуальной аргументации и логики, неповторимых публицистических приемов.

Уже во введении было дано общее представление о положении партии и страны, рассмотрены «ленинские принципы» партийной политики. Считая себя и, только себя подлинными наследниками ортодоксального ленинского курса, оппозиционеры рукой Троцкого писали: «За последний период произошел решительный сдвиг партийного

руководства с этих ленинских позиций. Группа Сталина ведет партию вслепую. Скрывая силы врага, создавая везде и во всем казенную видимость благополучия, она не дает пролетариату никакой перспективы или, еще хуже, дает неправильную перспективу, движется зигзагами, приспособляясь и подлаживаясь к враждебной стихии, ослабляет и запутывает силы пролетарской армии, способствует росту пассивности, недоверия к руководству и неверию в дело революции» [597] .

Группа Сталина, по мнению «тринадцати», сосредоточивала огонь налево, тогда как действительная опасность находилась справа. Искусственно и прямолинейно вкладывая в две основные позиции, существовавшие в партии, классовый смысл, оппозиционеры называли себя выразителями интересов пролетариата, строившего социалистическое общество, а сталинскую группу – выразителем позиции российской буржуазии, стремившейся повернуть развитие страны на капиталистические рельсы. Понятно, что, прочитав такое введение, советские и иностранные читатели должны были лишний раз убедиться в том, что Троцкий и его сторонники продолжают ратовать за перманентную революцию, в то время как Сталин и его группа, отказавшись от лозунгов мировой революции, отстаивают мирное экономическое развитие Советского Союза в рамках провозглашенной в 1921 г. новой экономической политики.

Детальный критический анализ положения в партии и в стране служил базой для общих выводов и предложений. В числе главных негативных моментов проект платформы называл начавшееся ухудшение положения рабочего класса, отдаление профсоюзов от управления промышленностью; недостаточно высокий темп индустриализации; недооценку батрачества и бедноты как социальной базы диктатуры пролетариата в деревне и ставку на «крепкого» крестьянина; курс на «врастание кулацких кооперативных гнезд» в советскую «систему»; бюрократизацию Советов и всего государственного аппарата; сохранение русского великодержавного шовинизма; систематическое уничтожение внутрипартийной демократии, наличие которой воспрепятствовало бы проведению «правой» политической линии ЦК; недооценку опасности войны; допущение, что стабилизация капитализма может длиться десятилетия, на чем, собственно, и была основана сталинская теория социализма в одной стране.

«Ничто не свидетельствует в такой мере о политической неправоте группы Сталина, как ее непрестанные стремления спорить не с нашими подлинными взглядами, а с выдуманными взглядами, которых мы не разделяли и не разделяем», – писали оппозиционеры, подчеркивая, что им затыкают рот, представляя в то же время их взгляды в искаженном виде. Снова и снова в качестве главного козыря в своей игре они использовали авторитет Ленина и ленинское «завещание»: «Оправдались худшие опасения, высказанные Лениным в его завещании, относительно того, что тов. Сталин не будет достаточно лоялен, не будет достаточно партийно пользоваться той «необъятной властью», которую он сосредоточил в своих руках» [598] .

Оппозиционеры указывали на наличие в партии трех течений: правого (Рыков, Петровский, Чубарь [599] , Калинин); аппаратно-центристского (Сталин, Молотов, Угланов, Каганович, Микоян, С.М. Киров [600]); Бухарин был назван в качестве колебавшегося между этими двумя течениями; и ленинского – представленного оппозицией. «Метод убеждения не только в громадной степени заменен методом принуждения, но и дополнен методом введения партии в заблуждение», – писали авторы платформы. Дело вполне поправимо, «но надо менять, и притом круто менять, линию партийного руководства в том направлении, которое дал Ленин» [601] .

Многие требования платформы следует назвать популистскими, рассчитанными на симпатии трудящихся (прежде всего рабочих и бедных крестьян). В частности, оппозиционеры предлагали пресечь наметившуюся и усиливавшуюся тенденцию к удлинению рабочего дня в промышленности и поднять заработную плату в соответствии с повышением производительности труда, прежде всего низкооплачиваемым слоям рабочих; принять меры к смягчению безработицы; взять курс на орабочивание партийного аппарата;

противопоставить растущему фермерству быстрый рост сельскохозяйственных коллективов, оказать помощь бедняцкому хозяйству, всемерно содействовать подъему середняцкой части деревни и ограничивать эксплуататорские поползновения кулацких слоев путем перераспределения налогов; осуществлять кооперативное строительство, успех которого мыслим «только при условии максимальной самодеятельности кооперированного населения», исключающем «бюрократические методы регулирования» [602] . Оппозиция предлагала повысить темп индустриализации путем перераспределения бюджетных расходов страны и выделения на индустриализацию больших государственных средств, иной кредитной и ценовой политики, обложения высокими налогами частных предпринимателей, а не за счет государственной продажи водки, повлекшей за собой небрежную работу, порчу машин и рост несчастных случаев на производстве; обеспечить устойчивость денежной единицы через «строго целевой бюджет, бездефицитный, жесткий, не терпящий ни лишнего, ни случайного»; взять курс на борьбу против чиновничества путем последовательного развертывания демократии в партии, профсоюзах, Советах; «добиться того, чтобы самый отсталый чернорабочий, самая темная крестьянка убеждались из опыта, что в любом государственном учреждении они найдут внимание, совет, возможную поддержку»; проводить настойчивую работу по преодолению сохраняющейся национальной розни [603] .

Оппозиционеры настаивали также на публикации в печати писем Ленина с критикой Сталина по национальному вопросу, на возвращении в партию исключенных оппозиционеров. Они требовали полностью подтвердить и усилить курс на международную революцию, прекратить борьбу против левого крыла в Коминтерне, усилить внимание к обороне, к укреплению Красной армии и Красного флота. При этом, дабы избежать обвинений в разжигании мировой революции, если не мировой войны, оппозиционеры удивительно многословно описали свое стремление к миру, подчас скатываясь на пацифистские формулировки: «Последовательно, систематически, упорно вести борьбу за мир. Отсрочить войну, «откупиться» от надвигающейся войны – все, что возможно и допустимо… необходимо сделать для этого» [604] .

Заключительная глава являлась итоговой, обобщающей. Она характеризовала позицию группы Сталина как оппортунистическую, опирающуюся на бюрократический аппарат, и пыталась выявить причины «оппортунистической опасности» в ВКП(б), обнаруживая их в буржуазном международном окружении, НЭПе, мелкобуржуазной стихии внутри страны и даже в монопольном положении самой партии. Тем не менее в платформе подчеркивалась безупречность однопартийной системы и отказ от попыток создания второй партии: «Всеми силами мы будем бороться против двух партий, ибо диктатура пролетариата требует как своего стержня *единой* пролетарской партии. Она требует *единой* партии, она требует пролетарской партии, т. е. партии, политику которой определяют интересы пролетариата и проводит пролетарское ядро. Исправление линии нашей партии, улучшение ее социального состава – это не путь двух партий, а усиление, обеспечение ее единства как революционной партии пролетариата. К десятой годовщине Октябрьской революции мы высказываем наше глубокое убеждение в том, что не для того рабочий класс принес бесчисленные жертвы, низверг капитализм, чтобы не быть теперь в состоянии исправить ошибки своего руководства, сильною рукою повести вперед пролетарскую революцию и отстоять СССР, этот центр мировой революции. Против оппортунизма! Против распада! За единство ленинской партии!»

Почти весь документ был проникнут духом коммунистического догматизма и единовластия. Чего стоило, например, требование подготовить и провести XV съезд партии на началах внутрипартийной демократии, как это было «при Ленине», и организовать партийную учебу на основе изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина, «изгоняя из обихода подделки марксизма-ленинизма, фабрикуемые ныне в массовом масштабе» [605] . Все это давало оппозиционерам надежду не только увидеть свою платформу опубликованной, но и начать наконец реальную дискуссию по поднятым в платформе вопросам. 3 сентября «Проект платформы» был направлен в ЦК ВКП(б), а вслед за этим для публикации в

партийную печать (в газету «Правда» и журнал «Большевик»). Предполагалось и издание его отдельной брошюрой. Однако на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 8 сентября, на котором оппозицию представляли Троцкий, Зиновьев, Муралов и Петерсон, в опубликовании этого документа было решительно отказано [606] .

На самом заседании дискуссия превратилась в склоку. Сталин извергал набор ругательств, смешанных с клеветой, по адресу Троцкого. В частности, прекрасно зная о том, как именно руководил Гражданской войной Троцкий, Сталин заявил, что тот за всю войну появился на фронте только один раз, «крадучись, на полчаса, в автомобиле с женой». Троцкий ответил, что заявление Сталина чистейший вздор. Но никто, кроме представителей оппозиции, не осмелился возразить генсеку. Окрыленный этим, Сталин стал кричать, что Троцкий – это «жалкий трус», «жалкий вы человек, лишенный элементарного чувства правды, трус и банкрот, нахал и наглец, позволяющий себе говорить вещи, совершенно не соответствующие действительности». «Бессилие ваше обнаруживает ругань ваша» [607] , – внешне спокойно ответил Троцкий.

Отдельные положения оппозиционной платформы Троцкий развивал в статьях, которые не увидели света, так как Политбюро категорически запретило их публиковать. Среди этих материалов заслуживают быть отмеченными статьи, посвященные событиям в Китае: «Новые возможности Китайской революции, новые задачи и новые ошибки» и «Старые ошибки на новом этапе», написанные 13 и 22 сентября, посланные в журнал «Большевик», но неопубликованные [608] . Главный тезис статей состоял в том, что китайская революция может победить только как диктатура пролетариата или же она не победит.

Единственным материалом Троцкого, который удалось опубликовать в центральной печати в это время, было изложение его беседы с американской профсоюзной делегацией [609] . Выдержанная в очень осторожных тонах, подчеркивавшая, что социализм в СССР будет строиться прежде всего за счет собственных ресурсов, хотя и указывавшая на связь советской экономики с мировым рынком (и этим косвенно вступавшая в дискуссию со сталинским планом построения социализма в одной стране), эта беседа была опубликована вкупе с огромной редакционной статьей-примечанием, которая ставила целью полностью дискредитировать беседу и ее автора. Комментарий «Правды» занимал столько же места, сколько сама беседа. Особенно возмутило редакцию (то есть Бухарина, ибо ясно, что именно он писал этот комментарий), что на вопрос, существует ли демократия в СССР, Троцкий не дал «ленинского ответа» в том духе, что пролетарская демократия, то есть диктатура пролетариата, является высшей формой демократии. Троцкий, мол, сбился на маскировочный характер буржуазной демократии, проглядев невиданное развитие демократии при советском строе. «Правда» издевательски заключала: «Как могло случиться, что заданные американской делегацией вопросы, столь простые по своему характеру для каждого сознательного рабочего-большевика, оказались вдруг столь «трудными», по словам тов. Троцкого, что он в них мог «запутаться» и наделать столько грубых ошибок».

Чуть позже, послав в «Правду» статью «Худой мир лучше доброй ссоры» (о советско-французских переговорах по вопросам долгов и кредитов), Троцкий направил в редакцию сопроводительное письмо со следующими словами: «Если, однако, редакция «Правды» собирается поступить с этой статьей так же, как с моей беседой с американской делегацией, то есть снабдить статью примечаниями, которые должны подорвать *политическую* цель статьи, тогда самое публикование статьи становится бессмысленным» [610] . Статью, действительно, в газете не поместили, уважив таким образом просьбу Троцкого.

Раньше перед партийными съездами группам или отдельным коммунистам, не согласным с официальным партийным курсом, предоставлялась возможность открытых выступлений, которые, хотя и были обречены на поражение, все-таки допускались. Теперь же, из-за постановления Политбюро и Президиума ЦКК, запрещающего публикацию платформы, оппозиция прибегла к нелегальной деятельности. Брошюра с проектом

платформы была отпечатана тайно. Организацией издания руководил Мрачковский, создавший с этой целью специальную группу [611] . Троцкий же, как доносил Ярославский, грозил: «А что – не все же вы нас судить будете». В изложении ОГПУ это выглядело как создание целой сети нелегальных типографий и организация второй подпольной партии с руководящим центром во главе с Троцким и Зиновьевым и с местными организациями по всей стране. Председатель ОГПУ Менжинский и его помощники стали ориентировать теперь своих подчиненных на раскрытие всей «подпольной сети», а чекисты, проявляя повышенную активность, умело или неумело, но «раскрывали» эту несуществующую сеть. Начались первые аресты оппозиционеров, обвиняемых в контрреволюционной пропаганде и агитации. Мрачковский в августе 1927 г. за организацию подпольной типографии был исключен из партии.

Оппозиционеров и тех, кто к ним тяготел, беззастенчиво запугивали. В Киевском институте народного хозяйства под давлением администрации несколько оппозиционеров вынуждены были заявить, что они прекращают оппозиционную деятельность и отходят от оппозиции. Трое покаявшихся были тут же исключены из партии [612] . В одной из резолюций, процитированных в обзоре Информационного отдела ЦК КП(б)У о дискуссии перед XV партсъездом, говорилось: «Партии уже надоело слушать оппозицию, ибо она ведет к гибели. Троцкий всегда в трудные моменты был в оппозиции. Троцкий – сильный оратор, но теперь он ничего не делает, он фактически ведет к расколу партии… Если оппозиция хочет работать с партией, то пусть работает, если нет, то нечего с ней церемониться» [613] .

На партийных собраниях и конференциях взгляды оппозиции грубо извращались. Ее обвиняли в том, что она отказывается строить социализм в СССР, собирается ограбить крестьянство, хочет отдать фабрики и заводы иностранным капиталистам, ликвидировать Коминтерн [614] . Власти прибегали и к провокациям. В президиуме X съезда КП(б) Украины была обнаружена «оппозиционная листовка № 1015» с набором ругательств по адресу правившей группы, которую называли «трусливыми рабами» [615] . Этот «документ» позволил съезду обрушиться на оппозицию, которая вряд ли могла иметь отношение к листовке с порядковым номером 1015, поскольку номеров 1 – 1014 обнаружено не было. В результате, хотя некоторые оппозиционеры Украины сохранили верность своей линии и даже в отдельных случаях сумели добиться принятия резолюций с поддержкой их позиций и с протестами против преследований Троцкого и Зиновьева [616] , в целом в республике оппозицию поддержало менее 1,5% коммунистов [617] . Аналогичным было положение и в других регионах страны [618] . Дело шло к изгнанию Троцкого из партии.

Глава 6 Исключение из ЦК и Партии

1. Изгнание из ЦК

Нелегальное издание платформы оппозиции было только началом ее несанкционированной полуподпольной деятельности. Сам Троцкий вспоминал, что, «несмотря на чудовищный террор, в партии пробудилось стремление услышать оппозицию. Этого нельзя было достигнуть иначе, как на нелегальном пути. В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 или 200 человек для того, чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания» [619] . Иногда удавалось выступать легально. Троцкий и Каменев почти два часа выступали в конце октября на собрании в Большом зале Высшего технического училища имени Баумана, где присутствовало более двух тысяч человек, причем большая толпа не сумевших втиснуться в зал оставалась в коридорах и на улице. Председательствовал на собрании Каменев. Троцкий был главным оратором. Попытки администрации и парторганизации вуза (секретарем партячейки был начинающий сталинист Г.М. Маленков) [620] прекратить собрание путем

окриков и угроз оказались безрезультатны. Внезапно был выключен свет, но дискуссия продолжалась при свечах. Собрание в МВТУ стало «главным митингом оппозиционеров» того времени, писал современник [621] . Следует добавить, что оно стало еще и последним публичным выступлением Троцкого перед массовой аудиторией.

ОГПУ после публикации платформы оппозиции по указанию Политбюро начало операцию по выявлению подпольщиков. Для ускорения и упрощения работы прибегли к провокации. В Москве были «арестованы» некие Тверской и Щербаков, являвшиеся, дескать, участниками подпольной оппозиционной организации. У них, согласно официальному сообщению, были изъяты множительная техника и печатные издания, в том числе платформа оппозиции. На допросе Тверской дал показания о существовании группы «военных заговорщиков» (были названы оппозиционеры Мрачковский, Охотников, Гердовский). Щербаков (на самом деле сотрудник ОГПУ Строилов) был объявлен еще и бывшим врангелевским офицером. Идея превратить Строилова во «врангелевского офицера» принадлежала лично Сталину, который дал соответствующее указание председателю ОГПУ Менжинскому [622] . Теперь оппозицию можно было обвинить еще и в том, что в целях захвата власти она использует услуги «белогвардейцев» [623] .

13 сентября ОГПУ «проинформировало» ЦК о подготовке «военного переворота», намечавшегося на ближайшее время. Эти материалы были приобщены к делу о «нелегальной типографии», и Сталин дал санкцию на проведение обысков у коммунистов, заподозренных в причастности к этим акциям. 22 сентября во все партийные организации было направлено закрытое письмо ЦК по поводу «раскрытого заговора». 28 сентября руководители ОГПУ приняли представителей оппозиции – Зиновьева, Смилгу и Петерсон. Первый заместитель председателя ОГПУ Ягода, который при постоянно болевшем Менжинском фактически руководил этим ведомством, злорадно проинформировал оппозиционеров, что «врангелевский офицер» на самом деле является его сотрудником, способствовавшим раскрытию ряда антисоветских организаций [624] .

В Москве и других городах подпольная деятельность оппозиции целенаправленно представлялась населению в крайне преувеличенных масштабах, как база для создания второй, нелегальной партии, враждебной ВКП(б), с собственным руководящим центром и местными организациями по всей стране. Было ясно, что до начала массовых исключений оппозиционеров из партии и других санкций против оппозиции остаются считаные недели, если не дни. В этих условиях Троцкий призвал своих сторонников начать самое энергичное сопротивление правившему большинству, считая, что только это может оттянуть прямые репрессии. В Москве и других городах оппозиционеры начали сбор подписей под своей платформой, о чем Ярославский 4 октября с тревогой информировал Орджоникидзе, утверждая, что платформа по существу является программой новой партии и оппозиционеры уже не скрывают существования у них подпольной техники, раз продолжают нелегально издавать литературу. Только в Москве под платформой было собрано не менее пяти тысяч подписей. Происходившее Ярославский не без основания квалифицировал как «открытие дискуссии явочным порядком»: «Совершенно ясно, что они решили идти на разрыв. Они бьют на то, что мы *не посмеем* принять решит[ельных] мер, побоимся, ибо мы будто бы *морально* неправы». Впрочем, Ярославский был далек от паники и переоценки влияния оппозиции: «Никакого особого успеха они не имеют. В самую горячую пору, при бешеном нажиме на партию и *беспартийных* … они соберут максимум 10 – 15 тысяч во всей партии. То есть 1%» [625] .

21 – 23 октября состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК, на котором был поставлен вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, причем основным обвинением по их адресу было не отстаивание оппозиционных взглядов и даже не выработка платформы, а нелегальное ее издание при помощи «врангелевского офицера», создание контрреволюционной организации и подготовка военного заговора. Так как Троцкий до момента исключения оставался членом ЦК, ему было предоставлено слово. Прозвучала последняя речь Троцкого на заседании этого партийного органа. Обстановка была

напряженной. Троцкому буквально не давали говорить. В кратком выступлении в начале работы пленума Троцкий потребовал обсудить провокацию, связанную с «врангелевским офицером» и лживыми обвинениями в организации военного заговора. Предложение было отклонено; выступление Троцкого постановили изъять из стенограммы, что было беспрецедентной фальсификацией закрытого во всех случаях партийного документа. Ярославский запустил в Троцкого томом «Контрольных цифр Госплана» (промахнулся). Тогда секретарь ЦК ВКП(б) Н.А. Кубяк [626] в Троцкого «пустил стаканом, но не попал». Секретарь Уральской партийной организации Н.М. Шверник [627] попытался стащить Троцкого с трибуны. «Троцкий на него кричал – фашист, Муралов побежал защищать Троцкого» [628] . «Можешь себе представить картинку», – описывал происходившее секретарь ЦК ВЛКСМ В.Г. Фейгин [629] в письме Орджоникидзе 23 октября.

Сам Троцкий уже на следующий день после окончания пленума, 24 октября, написал жалобу в секретариат ЦК, подчеркивая, что скандальные сцены нельзя рассматривать иначе, как «директивные указания наиболее ответственного органа всем партийным организациям относительно того, какими методами надлежит проводить предсъездовскую дискуссию». Действия нападавших на него участников пленума он назвал «фашистско-хулиганскими» [630] .

Троцкий читал свою последнюю на пленуме речь по заранее подготовленному тексту [631] . Начав с частного вопроса об обвинениях в военном заговоре против советской власти и опровергнув, точнее, высмеяв их, Троцкий вслед за этим перешел к принципиальным вопросам, прежде всего о так называемом «троцкизме». Настаивая на том, что его взгляды не отличаются от взглядов Ленина, Троцкий указывал на фальсификации, подтасовки и искажения фактов: «Чтобы построить «троцкизм», фабрика фальсификаций работает полным ходом и в три смены».

Общеполитический прогноз, содержавшийся в выступлении, был, однако, оптимистичен. Он состоял в неизбежном политическом крушении сталинского режима, которое, по мнению выступавшего, должно было наступить внезапно. Задача оппозиции состояла в том, чтобы служить своего рода «тормозом», дабы «последствия гибельной политики нынешнего руководства нанесли как можно меньший урон партии и ее связям с массами». Имея в виду наметившийся «зигзаг» сталинского курса в деревне, выразившийся в заявлениях о необходимости форсированного наступления на «кулака», Троцкий выражал убеждение, что этот «левый зигзаг» неизбежно сменится «правым курсом» и не является последовательной политикой. При этом Троцкий очевидным образом преувеличивал слабость сталинского руководства и его зависимость от аппарата, за спиной которого, по мнению Троцкого, стояла «внутренняя буржуазия». Одновременно переоценивались силы оппозиции, «сознательность» партийных масс и «рабочего класса», которые за оппозицией следовали: «Партия уже глубоко всколыхнулась: завтра она всколыхнется до дна. За несколькими тысячами *кадровых оппозиционеров* идет двойной или тройной слой *примыкающих к оппозиции* , а затем еще более широкий слой рабочих-партийцев, которые уже начали внимательно прислушиваться к оппозиции и сдвигаться в ее сторону», – сказал Троцкий. Более не имеющего к жизни описания картины вообразить было трудно.

Троцкий вновь и вновь повторял угрозы по адресу партийного руководства, в конце речи распространив их на международное революционное движение. «Травля, исключения, аресты сделают нашу платформу самым популярным, самым близким, самым дорогим документом международного рабочего движения. Исключайте – вы не остановите победы оппозиции, т. е. победы революционного единства нашей партии и Коминтерна».

Последнее слово осталось, разумеется, за Сталиным. Генсек вспомнил, что свою брошюру «Наши политические задачи», изданную в 1904 г., Троцкий посвятил «дорогому учителю» Павлу Борисовичу Аксельроду. «От Ленина к Аксельроду – таков организационный путь, по которому идет наша оппозиция… Скатертью дорога к «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду»! Скатертью дорога! Только поторопитесь, достопочтенный Троцкий, так как «Павел Борисович», ввиду его дряхлости, может в скором

времени помереть, а вы можете не поспеть к «учителю» [632] , – издевался Сталин. Он был достаточно хорошо информирован о здоровье Аксельрода и в этом смысле оказался прозорлив. Павел Борисович умер вскоре, в 1928 г., и Троцкий действительно «не поспел» к учителю: Сталин выслал Троцкого за границу в начале 1929-го, уже после смерти Аксельрода.

Пленум исключил Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б) за организацию фракции и нелегальную антипартийную и антисоветскую деятельность. Ранее, 27 сентября 1927 г., Троцкий был исключен из Исполкома Коминтерна. Травля оппозиции приняла самые грубые формы. На собраниях оппозиционерам не давали говорить, их прерывали криками и свистом, а затем лишали слова. Номенклатурных работников-оппозиционеров лишали привилегий: бесплатного курортного лечения, в том числе за границей, которым они ранее пользовались, «открепляли» от Кремлевской аптеки, где лекарства выдавались бесплатно. Эти меры называли «битьем по желудку» [633] . Критикуя бюрократический режим с его разного рода привилегиями для начальства, оппозиционеры тем не менее пользовались этими самыми привилегиями как чем-то само собой разумеющимся. Теперь же они воспринимали лишение этих льгот как явную несправедливость. В чем-то они были правы: лишение льгот производилось очень избранно, в порядке наказания за оппозиционные взгляды.

Троцкий продолжал писать полемические тексты, которые распространялись нелегально со все бóльшими и бóльшими трудностями. Правда, в отдельных случаях его продолжали приглашать на рабочие собрания для изложения и обоснования своих взглядов. Иногда он получал письма поддержки, подписанные десятками, а то и сотнями людей (с завода «Манометр» за подписью 23 человек, а с фабрики «Красная оборона» за 427 подписями) [634] .

В ответ на письмо с завода имени Ильича (под ним стояли 250 подписей), в котором его просили выступить в связи с приближением 10-летия Октябрьской революции, Троцкий выражал готовность выступить, если будет заранее извещен [635] . Однако ни на этом, ни на других предприятиях выступить Троцкому не удалось. Посланные приглашения объявлялись властями недействительными. Без предварительного согласования с партийными инстанциями Троцкий выступать не имел права. Явиться на завод, зная, что он не будет допущен на трибуну, и пойти на прямую конфронтацию Троцкий не решался.

Тем не менее популярность Троцкого оставалась значительной, в частности в молодежной среде. На собрании столичного комсомольского актива в честь 10-летия ВЛКСМ во время демонстрации документального фильма об октябрьских событиях 1917 г. раздавались аплодисменты каждый раз, когда на экране появлялся Троцкий. Фильм демонстрировался в темноте, и аплодировать опальному вождю революции можно было, не опасаясь репрессий [636] . На художественной выставке, организованной в честь 10-летия Октябрьской революции, были выставлены портреты и бюсты в том числе и членов оппозиции, включая Троцкого. Об этом написал Сталину в малограмотном письме-доносе, содержащем десятки ошибок [637] , член ЦКК М.Ф. Шкирятов [638] .

Перед XV съездом ВКП(б), который был назначен на декабрь, ЦК официально объявил о начале предсъездовской дискуссии, как это было положено сделать по партийным нормам. В ответ Зиновьев, Каменев, Муралов, Раковский, Смилга и Троцкий 2 ноября обратились в редакцию «Правды» с письмом, в котором просили опубликовать посылаемые ими тезисы о партийной работе в деревне. «Какую бы ни было задержку в напечатании тезисов мы будем рассматривать как издевательство над решениями [октябрьского] пленума» провести дискуссию и «интересами подготовки съезда», писали оппозиционеры, добавляя, что тезисы должны быть помещены на одной из основных страниц «Правды» или в издающемся газетой «Дискуссионном листке» [639] . Как и следовало ожидать, ответа из редакции «Правды» не поступило. Тезисы, в составлении которых непосредственно участвовал Троцкий, написав, в частности, разделы «Корни наших затруднений» и «Ревизия ленинизма в крестьянском вопросе» [640] , публикованы не были, хотя «Дискуссионный листок» опубликовал другие тезисы оппозиции – по пятилетнему плану [641] .

Во время дискуссии оппозиционеры издавали свой нелегальный «Бюллетень», в состав редакции которого входили Радек, Сокольников и Вардин (Мгеладзе). Всем оппозиционерам, выступавшим на дискуссионных собраниях, вменялось в обязанность давать краткие отчеты о своих выступлениях [642] . Тезисы оппозиции о политике в деревне и по пятилетнему плану вошли также в «Сборники дискуссионных материалов», выпущенные партийным издательством, но построенные таким образом, что за каждым документом оппозиции следовала череда текстов, обвинявших оппозиционеров в преступлениях перед партией [643] .

В своих тезисах (точнее – контртезисах) оппозиция во многом повторяла положения платформы. Она заявляла, что путем правильного использования бюджета, кредита, цен и связей с мировой экономикой можно получить дополнительные средства для ускорения индустриализации. Как и в платформе, вносились популистские предложения о повышении заработной платы рабочим в соответствии с ростом производительности труда, о недопущении удлинения рабочего дня, о пресечении «бюрократических безобразий». Спекулируя на марксистской догме о неизбежности классовых схваток в деревне, оппозиционеры указывали, что «в разыгравшейся в деревне классовой борьбе партия не на словах, а на деле должна стать во главе батраков, бедняков и основной массы середняков и организовать их против эксплуататорских стремлений кулачества» [644] . Основную часть середняков предлагалось загнать в снабженческие и потребительские кооперативы, одновременно образовав Союз деревенской бедноты (т.е. вернуться к системе «комбедов»). Деревню намечалось систематически и постепенно подводить к переходу на крупное машинное коллективное хозяйство (через несколько месяцев Сталин так и поступит, назвав новую политику в деревне коллективизацией, а «крупное машинное коллективное хозяйство» – колхозами).

Однако основные усилия оппозиции по-прежнему концентрировались на критике бюрократических методов партийной и государственной работы, на критике усиливавшейся власти Сталина, и именно это вызывало наибольшую озлобленность правящей группы. На собрании партактива Москвы 26 октября Молотов указал, что со стороны Троцкого «с исключительным ожесточением ведется атака против тов. Сталина. Эти нападки в настоящий момент приобрели такой неслыханно безобразный характер, настолько возмутительно антипартийный, что мимо них партийные организации проходить не могут, надо положить этому конец». Молотов признал, что главным требованием оппозиции являлись смена политического руководства и смещение Сталина с поста генерального секретаря, в соответствии с ленинским «Письмом к съезду». На этом основании Молотов обвинил руководителей оппозиции в провоцировании террора против лидеров партии и государства [645] .

2. Празднование 10-летия революции и исключение из ВКП(б)

В конце октября в Ленинграде состоялась юбилейная сессия ЦИК СССР, в которой принимали участие председатель ЦИКа Калинин и другие высокопоставленные партийные руководители советских республик. В честь сессии организовывалась демонстрация. В попытке использовать сессию для пропаганды взглядов оппозиции Троцкий и Зиновьев выехали в Ленинград. Похоже, что никаких конкретных планов действий у руководителей оппозиции не было. Троцкий вместе с Зиновьевым и несколькими другими оппозиционерами «объезжал в автомобиле город, чтобы посмотреть размеры и настроение демонстрации» [646] . Подъехали к Таврическому дворцу, где в открытых кузовах грузовиков были оборудованы трибуны. К автомобилю подошел милиционер, не сильно разбиравшийся во внутрипартийных склоках и не подозревавший того, что когда-то возглавлявшие Петросовет Троцкий и Зиновьев не являются частью официальной правительственной делегации. Милиционер предложил высоким гостям пройти к грузовикам с трибунами. Незанятым оказался только последний грузовик. В него и залезли бывший наркомвоенмор и бывший

глава Ленинграда. Демонстранты, которых в то время еще не научили организованно и неторопливо пропускать стройными колоннами мимо правительственных трибун, устремились к вождям революции. Демонстранты тоже в большинстве своем не знали, что Троцкий с Зиновьевым уже «бывшие», а не нынешние начальники. Можно не сомневаться, что помимо сравнительно небольшой группы сознательных сторонников оппозиции, участвовавшей в демонстрации, все остальные были просто обывателями. Троцкий же в этом спонтанном и стихийном событии увидел глубокий смысл: «Массы безразлично проходили мимо первых грузовиков, не отвечая на приветствия и спеша к нам. Возле нашего грузовика образовалась скоро многотысячная запруда. Рабочие и красноармейцы задерживались, глядели вверх, выкрикивали приветственные возгласы и продвигались вперед только под нетерпеливым напором задних рядов. Наряд милиции, направленный к нашему грузовику для наведения порядка, сам был захвачен общей атмосферой и не проявлял активности».

Ситуация выходила из-под контроля. Троцкий с Зиновьевым переманили к своему грузовику всю демонстрацию и перехватили инициативу. Их приветствовала толпа. Вот-вот Троцкий мог обратиться к народу с какой-нибудь пламенной антисталинской речью. Руководство растерялось. Находчивость проявил только Калинин. Прихватил еще нескольких сановников, он перебрался на грузовик Троцкого и Зиновьева и вместе с ними начал приветствовать толпу. Теперь уже трудно было определить, к кому именно устремились демонстранты.

Зиновьев и Троцкий по-разному оценили значение и смысл ленинградского события. Первый «ждал от манифестации величайших последствий». Второй сделал вывод, что «свое недовольство рабочая масса Ленинграда демонстрировала в форме платонического сочувствия по адресу вождей оппозиции, но она еще не была способна помешать аппарату расправиться с нами». Если слово «еще» не описка, значит, Троцкий все-таки сохранял надежду на то, что в будущем «рабочая масса» сможет защитить его от Сталина. Впрочем, перспектива не казалась Троцкому радужной: «На этот счет я не делал себе никаких иллюзий… Манифестация должна была подсказать правящей фракции необходимость ускорить расправу над оппозицией, чтобы поставить массу перед свершившимся фактом» [647] .

Тем не менее новых обвинений Троцкому и Зиновьеву в связи с ленинградскими событиями сталинское руководство предъявлять не стало. Окрыленные происшедшим, лидеры оппозиции решили поучаствовать в демонстрациях по случаю 10-летия Октябрьской революции – 7 – 8 ноября 1927 г., выведя своих сторонников на улицы под лозунгами, сочиненными Троцким: «Повернем огонь направо – против кулака, нэпмана и бюрократа», «Выполним завещание Ленина», «Против оппортунизма, против раскола – за единство ленинской партии» и т. п. В Москве в разных районах были собраны отдельные небольшие группы оппозиционеров, которые двинулись к центру с плакатами и портретами Ленина, Троцкого и Зиновьева. Сам Троцкий вместе с другими лидерами оппозиции переезжал на автомобиле от одной группы к другой, приветствуя своих сторонников и произнося краткие речи, пока на Семеновской улице не раздались выстрелы по автомобилю. Стреляли, видимо, холостыми патронами.

В машине в это время, кроме Троцкого, находились Каменев, Муралов и Смилга (он приехал с Дальнего Востока). Стрелял один из милиционеров, якобы по собственной инициативе, в качестве «предупредительной меры». Троцкий распорядился, чтобы шофер остановил машину. К ней с ругательствами подбежала группа молодчиков, сломала «рожок» (клаксон) и ветровое стекло, после чего удалилась (при полном равнодушии стоявших неподалеку милиционеров).

Каменев и Муралов вылезли из машины и направились вместе со Смилгой к нему на квартиру (в центре Москвы, между Кремлем и Охотным рядом), где застали не менее драматическую сцену. Из окна квартиры с раннего утра был вывешен плакат с лозунгом «Выполним завещание Ленина!», вместе с портретами Ленина и руководителей оппозиции. Взобравшиеся на крышу дома какие-то люди пытались крючьями сорвать лозунг и портреты,

а находившиеся в квартире жена Смилги и другие женщины мешали им через окно половой щеткой. Толпа наблюдала за происходившим со смешанными чувствами. В конце концов в квартиру Смилги ворвалась группа из 15 – 20 человек. Все они были военными – слушателями Школы красных командиров имени ЦИК СССР и Военной академии, в свое время основанной Троцким. С крыши удалось с большим трудом зацепить портрет Ленина, причем он был разорван в клочья. Вместе с плакатами остатки портрета вождя были вытянуты наверх, а сами красные офицеры, ворвавшиеся затем в квартиру, устроили в ней погром. «На полу остались доски, щепы, крючья, битые стекла, разрушенный телефон и пр., в качестве свидетельства героических действий в честь Октябрьской революции», – писали оппозиционеры в жалобе в Политбюро и Президиум ЦКК [648] .

Инциденты происходили и в других частях города. Возле гостиницы «Париж» демонстранты несколько минут слушали выступавшего с балкона Преображенского, которого в конце концов, после «бомбардировки» льдинками и гнилым картофелем, «захватили в плен», но вскоре отпустили (находившаяся здесь же жена Троцкого Наталья Седова во время «захвата» была сбита с ног толпой). Член партии А. Николаев писал в заявлении в ЦК ВКП(б), что на его квартиру на углу Бауманской и Бакунинской улиц, с балкона которой свисали оппозиционные лозунги и портреты Ленина, Троцкого и Зиновьева, был совершен налет, которым руководил секретарь райкома партии А.М. Цихон. В ответ на протесты Николаева и его семьи Цихон закричал: «Молчи, сволочь, ты не делал революцию!» [649] Николаеву и его жене угрожали арестом [650] . Николаев был членом партии с 1913 г. и революцию «делал».

Попытки оппозиции в Москве организовать свою, отдельную от общей демонстрацию были пресечены в зародыше. Демонстрантов разгоняли, заталкивали в подъезды и избивали. Некоторые были арестованы, правда, вскоре отпущены. Такие же сцены разыгрывались в Ленинграде, куда на годовщину выехали Зиновьев и Радек. Оба были задержаны милицией и отпущены только после окончания демонстрации. Самих же оппозиционных демонстрантов, подошедших к площади Урицкого, оттеснила, а затем взяла в плотное кольцо конная милиция. Многие участники были арестованы и избиты [651] . Тем не менее из Ленинграда Зиновьев, исполненный оптимизма, написал Троцкому: «Перелом большой в нашу пользу. Ехать отсюда пока не собираемся» [652] . И, бросив письмо в почтовый ящик, немедленно отбыл в Москву, куда прибыл еще до получения Троцким оптимистического письма [653] .

Вечером 7 ноября на квартире Смилги состоялось совещание лидеров оппозиции (по классификации ОГПУ – Политического центра) с активистами. Обсуждение итогов контрдемонстрации породило серьезные разногласия. Зиновьевцы стали бить отбой во имя единства партии. Троцкий, следуя своей манере выражаться литературно и витиевато, завел разговор о «большом колесе» и «малом колесе» (рабочем классе и партии). Оба колеса находились во взаимодействии. Каждое могло повлиять на другое и повернуть его в ту или иную сторону. В данном же случае «большое колесо» (рабочий класс) должно было бы повернуть «малое колесо» (партию) в «правильную сторону», а оппозиции предназначалась роль толкача [654] .

8 ноября Троцкий написал то ли небольшую статью, то ли тезисы (основные положения были пронумерованы) под названием «После словесного зигзага влево – глубокий сдвиг вправо» [655] , где пытался проанализировать причины враждебного отношения большинства к праздничным лозунгам оппозиции. Троцкий пробовал оценить расправу с оппозиционными демонстрантами с догматической классовой точки зрения. «Бешеный натиск на оппозиционные плакаты прямо продиктован классовыми интересами кулака, нэпмана и бюрократа… – писал Троцкий, абсолютно не понимая Сталина и смысла происходивших событий. – Натиск на ленинские лозунги оппозиции произвели худшие элементы сталинского аппарата в союзе с прямыми отбросами мещанской улицы».

Собрания оппозиционеров на частных квартирах стали относительно регулярным явлением. В них участвовали десятки людей; Троцкий рекомендовал, чтобы на них приглашались также «колеблющиеся», сторонники сталинского большинства и даже

беспартийные. Эти внеуставные беседы, на которых почти ежедневно выступал сам Троцкий, получили название «смычек». Троцкий оправдывал нелегальный характер собраний бюрократическим режимом в партии и невозможностью нормального обмена мнениями [656] . Когда такие собрания обнаруживались, милиция и ОГПУ их разгоняли, подчас с потасовками, иногда арестовывая тех участников, которые, по их мнению, являлись зачинщиками. Во всех подобных случаях Троцкого удавалось заранее уводить. Чтобы не допустить дальнейшего обострения ситуации, 14 ноября оппозиционеры заявили, что прекращают «смычки», и призвали воздерживаться от «опрометчивых выступлений», решительно отвергая планы создания второй партии [657] , в организации которой Троцкого постоянно обвиняло сталинское большинство и оперативные сводки ОГПУ [658] .

В провинции специально приехавшие из столиц люди вели тайную работу по сбору подписей под платформой оппозиции, проводили индивидуальную и групповую агитацию. Согласно информационному письму о состоянии дел в Днепропетровске, направленному в ЦК КП(б)У в конце 1927 г., в городе отмечалось усиление «фракционной работы» по двум направлениям: выступления на активах и партсобраниях и подпольная работа, которую, по мнению информаторов, организовывали приехавшие из Москвы оппозиционеры [659] . В Харькове распространялась листовка в поддержку Троцкого, которого называли «вождем Октябрьской революции, сподвижником Ленина, славным руководителем Красной армии и вождем международного пролетариата» [660] .

Про Одессу сообщалось, что там оппозиция имеет «значительный кадр своих сторонников», что им удалось захватить в свои руки пять партийных ячеек. Назывались формы работы «троцкистов»: конспиративные собрания, организация фракций, организация подпольных центров, связь с исключенными из партии и привлечение их к работе, организация нелегальных кружков с участием беспартийных, пропаганда в среде беспартийных с целью дискредитации политики партии, налаживание связи с предприятиями, распространение «сугубо секретных» партийных документов и «антипартийной литературы», в том числе среди беспартийных. В Одессе «за последнее время» из партии было исключено около 20 человек, говорилось в донесении. Дошло до того, что на одном из партсобраний в Одессе по случаю 7 ноября кто-то из присутствующих предложил послать приветствие Троцкому в связи с днем его рождения [661] . Взволнованный Каганович писал секретарю Одесского окружкома партии В.И. Чернявскому [662] , предлагая не столько карать оппозиционеров, сколько перевоспитывать их или по крайней мере сделать их «безвредными»:

«Считаю необходимым поставить перед Вами задачу борьбы с оппозицией не только методами изъятия через ГПУ и не только методами открытых разоблачений в выступлениях, а и методами обработки самих оппозиционеров. Вы должны иметь в виду, что аресты оппозиционеров, особенно среди рабочих, являются наименее желательной и крайней мерой. Необходимо сделать все для того, чтобы этих оппозиционеров из бывших членов партии мы обрабатывали и сделали все для того, чтобы если не вернуть их в партию, то во всяком случае сделать их безвредными, чтобы они отказались от активной деятельности против партии и советской власти» [663] .

Резолюция V кустового собрания Черкасской городской парторганизации была полностью выдержана в оппозиционном духе. Повторялись установки платформы оппозиции, выдвигалось требование немедленно возвратить в партию исключенных. В другой резолюции, также принятой в Черкассах, констатировалось, что существует «массовый террор против оппозиции, сторонники которой пачками выбрасываются из партии», что «завещание Ленина объявляется непартийным документом только потому, что там сказана правда об опасностях раскола и мерах его предупреждения», что за чтение этого документа исключают из партии, наконец, что постановление о партийной дискуссии «уничтожается тем, что партийные конференции, партийные активы на местах и выборы делегатов на партсъезды производятся до начала дискуссии – раньше, чем партия выскажется по спорным вопросам [664] .

Сталин в те дни пристально следил за тем, как «разъясняется» массам решение об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК и как на него реагируют коммунисты. Его интересовали на этот счет любые данные. Когда в сведениях первого секретаря Ленинградского губкома Кирова и секретаря губкома Н.К. Антипова [665] обнаружились незначительные расхождения, Сталин был крайне раздражен. 1 ноября он писал Кирову: «Ты сообщил мне ночью, что на «[Красном] Треугольнике» было 1500, из них за оппозицию голосовало 24. Я так и передал в «Правду». А сегодня Антипов сообщает, что на «[Красном] Треугольнике» было 2000, из них 22 голосовало за оппозицию. Кому верить[?] *Сталин* » [666] . Сталина волновали лишние два голоса.

В обстановке все большего нагнетания истерии против оппозиции 15 ноября в печати было опубликовано принятое накануне постановление ЦК и ЦКК об антипартийных выступлениях лидеров оппозиции [667] . Никто из обвиняемых на это заседание не вызывался. Возможно, что и заседания никакого не было, а решение было продиктовано Сталиным в отсутствие не только самих обвиняемых, но и членов высших партийных органов. Между тем в постановлении ЦК и ЦКК сообщалось, что Троцкий и Зиновьев на заседании ЦК и ЦКК были исключены из партии. Одновременно Каменев, Смилга, Евдокимов, Раковский и Авдеев были выведены из состава ЦК; а пять оппозиционеров – из ЦКК. Все (кроме уже исключенных Троцкого и Зиновьева) были предупреждены о том, что вопрос о «несовместимости их фракционной работы с пребыванием в рядах ВКП(б)» будет поставлен на XV съезде партии. Такое же предупреждение было вынесено в отношении Радека.

Так, без лишнего шума, без права на апелляцию и даже на «последнее слово подсудимого» Троцкий был лишен последнего, что у него оставалось в арсенале постов и должностей: рядового членства в коммунистической партии. Произошло это за две недели до партийного съезда, которому предстояло сформировать новый состав ЦК, в котором уже не осталось места для оппозиции. Следующим логическим шагом борьбы с оппозиционерами должны были стать репрессии, характер и масштабы которых предопределить было невозможно. Кое-кого из раскаявшихся могли затем вернуть в партию, как предлагал в своем письме Каганович. Возможно, это предположение относилось и к исключенным вождям революции Троцкому и Зиновьеву. Впервые Троцкий, давно разделивший весь мир на «партийных» (своих) и «беспартийных» (чужих и чуждых ему людей, которых в общем-то он считал получеловеками, недостойными его взгляда), оказался беспартийным, чужим, никем: гражданином Львом Давидовичем Бронштейном.

Оппозиционеры ответили на исключение «письмом-обращением» к партии, которое было напечатано на гектографе в виде листовки и распространялось нелегально. В нем говорилось: «Все ссылки на волю партии, якобы осудившей фракционную работу Троцкого и Зиновьева, являются надругательством и насмешкой над партией, ибо ей не сообщили документы, ибо она не знает, за что ей приходится осуждать тт. Троцкого и Зиновьева». Оппозиционеры указывали, кроме того, что принятое ЦК и ЦКК решение предвещает переход к массовым арестам [668] . В этом они оказались правы. Сколько-нибудь значительной циркуляции листовка не получила и вследствие равнодушия основной части коммунистов к борьбе в верхах, и по причине все более возрастающей боязни репрессий, и благодаря действиям органов ОГПУ и парткомитетов.

На практике исключение Троцкого из партии явилось тяжелым ударом по еще сохранявшейся объединенной оппозиции, особенно в провинции, оторванной в информационном плане от столиц. Украинские партийные чиновники в своих рапортах отмечали, что были случаи, когда коммунисты, узнав об исключении Троцкого, сдавали свои партбилеты, заявляя, что раз Троцкого нет в партии, то и им там не место. По подсчетам местных парткомов, против исключения Троцкого и Зиновьева из партии выступило 10 – 15% коммунистов [669] .

Троцкому и его семье было предложено немедленно покинуть квартиру в Кремле,

которую Троцкие занимали со времени перевода правительства в Москву в 1918 г., и они на время переехали к Белобородову, формально остававшемуся еще на посту наркома внутренних дел РСФСР, но фактически отстраненному от работы и занимавшемуся исключительно пропагандой оппозиционных взглядов, в частности на родном ему Урале.

Квартира Белобородова после переезда туда Троцкого стала микроскопическим военным лагерем. В ней собирались руководители оппозиции, сюда приходили за указаниями активисты, здесь непрерывно дежурили несколько сторонников Троцкого из числа военных, сопровождавшие его при всех передвижениях по городу в качестве вооруженной охраны [670] . Уже 15 ноября Троцкий послал секретарю ЦИК СССР Енукидзе официальное письмо об освобождении кремлевской квартиры: «Сим извещаю, что, в связи с состоявшимся обо мне решением, я вчера, 14 ноября, выселился из занимавшейся мною до сих пор квартиры в Кремле. Впредь до того, как найду себе постоянную квартиру, я временно поселился в квартире тов. Белобородова (улица Грановского 3, кв. 62) [671] . Ввиду того, что мой сын заболел, жена и сын останутся в Кремле еще в течение нескольких ближайших дней. Надеюсь, что квартира будет освобождена окончательно не позже 20 ноября» [672] .

Через два дня, 17 ноября, вышло постановление Совнаркома СССР за подписью председателя СНК Рыкова о снятии Троцкого с наиболее ответственного государственного поста, который он все еще занимал, – председателя Главконцесскома [673] . Затем последовали официальные акты о лишении Троцкого других занимаемых им должностей. Под влиянием происшедших событий 16 ноября застрелился А.А. Иоффе – близкий знакомый Троцкого еще по венскому периоду, заместитель Троцкого по Концессионному комитету, участник Брестких переговоров, затем известный советский дипломат, преподаватель МГУ, а в последнее время еще и оппозиционер [674] . Тяжело болевший Иоффе (помимо туберкулеза обоих легких, он страдал хроническим воспалением желчного пузыря и полиневритом – множественным воспалением нервов) был отстранен как оппозиционер от партийной работы, а затем и от преподавания в Московском университете, где он читал курс по востоковедению. Над Иоффе открыто издевались. По решению Лечебной комиссии ЦК был созван консилиум профессоров, которые единодушно приняли решение о необходимости срочной его отправки на длительное лечение за границу. Однако Лечебная комиссия медицинское предписание проигнорировала и к тому же лишила Иоффе (как и других оппозиционеров) бесплатных лекарств Кремлевской аптеки. Теперь все необходимые медикаменты приходилось покупать в обычных городских аптеках по очень высокой цене, на общих основаниях. Иоффе был полностью лишен медицинской помощи и угасал в страшных муках.

Перед смертью Иоффе написал Троцкому большое письмо, в котором не только описывал свои мытарства последних месяцев, но и давал политические оценки ситуации в партии и стране. Коснулся он и личности самого Троцкого, и отношения к нему Ленина: «Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути, и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами… *Вы политически всегда были правы,* начиная с 1905 года, и я неоднократно заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не *он, а Вы были правы* . Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь… Но Вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это ошибка. Повторяю, политически Вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо. Когда-нибудь партия это поймет, а история обязательно оценит» [675] .

Письмо Иоффе было конфисковано ОГПУ в числе всех бумаг Иоффе, поскольку сотрудники этого ведомства первыми приходили в квартиры умерших высокопоставленных партийных работников и, согласно имевшимся тогда инструкциям, опечатывали и увозили всю документацию покойников. Отдельный запечатанный пакет с надписью «Троцкому», в котором лежало объемное письмо Иоффе, был тотчас передан Сталину, который распорядился его засекретить. Однако супруга Иоффе Мария Михайловна, не успевшая это

письмо даже прочитать, рассказала о существовании пакета ряду партийных работников, и даже Троцкому [676] . После известных колебаний Сталин изменил свое решение. В ОГПУ была сделана фотографическая копия письма (тогда это был единственный способ копирования документов) и отдана Раковскому. Оригинал так и остался в ОГПУ. «Почему письмо, написанное Иоффе для меня и запечатанное им в конверт с моей фамилией, было вручено Раковскому, и притом не в оригинале, а в фотокопии, объяснить не могу», – писал позже Троцкий [677] . Скорее всего, соображения были сугубо бюрократические. Сталин распорядился возвратить текст, но ОГПУ не пожелало расставаться с подлинником и отдало фотокопию. Троцкий был уже беспартийным, а Раковский, известный соратник Троцкого, с одной стороны, и близкий друг Иоффе – с другой, оставался пока еще членом партии. Вот и решили передать письмо Иоффе Троцкому через Раковского.

Так как Иоффе оставался до кончины членом партии, причем высокопоставленным, похороны проводились от имени ЦК на Новодевичьем кладбище. Была создана похоронная комиссия, куда от ЦК вошел секретарь Краснопресненского райкома партии М.Н. Рютин [678] (тогда еще выступавший со сталинистских позиций). От друзей и близких покойного в комиссию вошел Раковский. Похороны были назначены на дневные часы в будний день, 19 ноября, чтобы помешать массовому прощанию. Тем не менее собралось несколько тысяч человек. Фактически это была последняя крупная оппозиционная демонстрация, которую во главе траурной колонны возглавляли Троцкий, Раковский и И.Н. Смирнов. Когда процессия достигла кладбища, власти сообщили, что право войти на территорию кладбища имеют лишь 20 человек, но толпа прорвалась через заграждение. Милиция и ОГПУ сочли целесообразным не оказывать сопротивления многочисленным демонстрантам и отступили.

Перед открытой могилой выступил Троцкий, призвавший присутствовавших подражать Иоффе не в смерти, а в жизни: «Он ушел из жизни как бы добровольно. Революция не допускает добровольных уходов из жизни, но Адольфа Абрамовича никто не смеет судить или обвинять, потому что он ушел в тот час, когда сказал себе, что он революции не может отдать ничего больше, кроме своей смерти. И так же твердо и мужественно, как он жил, – он ушел. …Позвольте сказать, и, я думаю, что эта мысль будет вполне соответствовать последним мыслям, последним завещаниям Адольфа Абрамовича, – такие акты, как само вольный уход из жизни, имеют в себе заразительную силу. Но пусть никто не смеет подражать этому старому борцу в его смерти – подражайте ему в его жизни!» [679]

Во время похорон Троцкий беседовал с лидером группы демократического централизма Сапроновым, который поставил вопрос о возобновлении не только сотрудничества, но и о возможном новом объединении в рамках оппозиции. Троцкий отклонил эти предложения, мотивируя тем, что сапроновцы «всегда слишком забегают вперед» [680] . Можно полагать, что решительный отказ от политического сотрудничества был продиктован и тем, что децисты стояли на более демократических позициях, допуская теоретическую возможность организации новой (второй) коммунистической партии.

Осенью 1927 г. слухи о положении, в котором оказался Троцкий, все шире заполняли зарубежную прессу. Журнал «Иллюстрированная Россия» откликнулся на ходившие в Париже достоверные и недостоверные разговоры серией карикатур известного художника Михаила Александровича Дризо под общим названием «Что мы знаем о Троцком?» с подписями: «Троцкий болен», «Троцкого выселили из Кремля», «Троцкий арестован», «Троцкий бежал за границу» и даже «Троцкий убит». Завершал же эту серию рисунок с подписью в виде диалога: «Как, Лев Давидович, вы не в ГПУ, вы не убиты?!» – «Право, не знаю: я еще не читал сегодняшних газет» [681] .

3. XV съезд

2 декабря 1927 г. открылся XV съезд ВКП(б). Исключенный из партии Троцкий мог следить за его работой только со стороны: по прессе и беседам со своими

высокопоставленными знакомыми. Но оказалось, что тень оппозиционного вождя витала над делегатами съезда, хотя таковыми являлись только те, кто выражал свою верность сталинскому руководству и его политическому курсу.

Оппозиционеры предложили свою повестку дня съезда, в которую, помимо обычных отчетных докладов, должны были войти вопросы: итоги десятилетия и дальнейшие перспективы мировой революции, международное революционное движение и тактическая позиция оппозиции, положение рабочего класса СССР в связи с положением в промышленности, развитие буржуазных отношений в деревне и система мер по коллективизации сельского хозяйства, борьба против бюрократизма и состояние государственного аппарата, усиление обороноспособности страны, внутрипартийное положение [682] . Разумеется, предложения оппозиционеров были проигнорированы.

Это был второй со времени установления советской власти большевистский съезд, на котором отсутствовал Троцкий. Но разница была существенная: Лев Давидович не принимал непосредственного участия в VIII съезде, так как был вынужден срочно выехать на фронт, а на XV отсутствовал, поскольку был снят со всех должностей и постов и стал к тому же беспартийным. Однако теперь, как и в 1919 г., весь съезд находился под воздействием личности и деятельности Троцкого. На съезд была допущена с совещательным голосом небольшая группа оппозиционеров, еще не исключенная из партии [683] .

Перед открытием съезда на квартире Л.С. Сосновского состоялось совещание Политического центра. Троцкий сделал сообщение о характере имевшихся разногласий. Он заявил, что период маневров окончился. Наметилось открытое противостояние: «Теперь, когда партия достаточно подготовила почву для расправы с оппозицией и когда партии невыгодно идти на компромисс с последней, сама оппозиция не может уже больше хитрить ни с партией, ни с историей» [684] .

На совещании И.Н. Смирнов предлагал прекратить фракционную работу, считая ее в условиях подполья невозможной. Он предложил сохранить небольшую группу численностью примерно 300 человек, которая была бы хорошо законспирирована и гарантирована от провала. Между участниками группы следовало, по его мнению, сохранить только индивидуальную связь. Троцкий, соглашаясь с целесообразностью прекращения массовой фракционной деятельности, заявил, однако, что И.Н. Смирнов слишком пессимистично рисует перспективы сохранения кадров. «Выступления собравшихся в общем сводились к необходимости сохранения организационного кадра, способного развернуть работу в нужный момент» [685] .

Во время съезда с Троцким встречались также Зиновьев и Каменев и заверяли его в необходимости «капитулировать». Зиновьев напомнил Троцкому, как Ленин в «завещании» предупреждал, что конфликт Сталина и Троцкого грозит расколом партии. «Подумайте, какую ответственность Вы на себя берете!» – восклицал Зиновьев. «Но правильна или нет наша платформа?» – последовал вопрос Троцкого. «Сейчас более, чем когда-либо», – ответил Зиновьев. «Но, если так, сама ожесточенность борьбы аппарата против нас свидетельствует, что это – не временные расхождения, а социальные противоречия. Ленин также писал в своем завещании, что если расхождение взглядов внутри партии совпадет с классовыми различиями, ничего не спасет нас от рас кола» [686] .

Конечно, Троцкий вольно трактовал не слишком конкретные и четкие документы Ленина того времени. Ничего подобного в документах из серии «завещания» сказано не было. Ссылка на слова Ленина, пусть никогда не продиктованные, важна была Троцкому для оправдания своей становившейся все более непримиримой (по отношению к Сталину) позиции. Теперь уже Троцкий готов был идти на раскол. Однако он все еще не был готов на создание второй партии. Зиновьев же, надеявшийся на восстановление в партии в обмен на «капитуляцию», предлагал Троцкому заключить с партией мир, хотя был «Брестский», любой ценой. Троцкий считал, что подобный мир имел бы своим результатом политическую демобилизацию «масс», все еще шедших за оппозицией [687] .

С отчетным докладом на съезде выступил встреченный горячими аплодисментами

генеральный секретарь партии Сталин. Слово в прениях первому было предоставлено генеральному секретарю ЦК КП(б) Украины Кагановичу. Он посвятил целый раздел речи «раскольнической работе оппозиции», в частности на Украине, где служил секретарем ЦК. Особое негодование оратора вызвало поведение Раковского, который, приехав в Харьков накануне, явился 5 ноября без приглашения на торжественное собрание, посвященное 10-летию революции, и обратился к иностранным делегациям с призывами о поддержке оппозиции [688] .

Деятели оппозиции были поставлены на съезде в такое положение, что не имели возможности подготовиться к полемике по докладу Сталина, не могли даже толком его прослушать: сильный акцент и плохая дикция Сталина в сочетании с неблагоприятными акустическими особенностями помещения привели к тому, что значительную часть отчетного доклада на слух просто невозможно было воспринимать. По этой причине Раковский, Муралов, Смилга, Каменев, Евдокимов и Бакаев обратились в президиум съезда с письменной просьбой о предоставлении им стенограммы доклада. Они просили также отсрочить их выступления до передачи им стенограммы. Однако требование оппозиции было отвергнуто. Стенограмма выдана им не была. Выступивший с сообщением по этому вопросу Рыков ехидно заметил: «Я им сообщил, что хотя они и получили совещательный голос, но никакого привилегированного дворянского положения в составе съезда нашего не имеют». Эти слова были встречены возгласами одобрения [689] .

3 декабря большая группа оппозиционеров (121 человек, включая Троцкого) представила съезду заявление, разъяснявшее их позицию и ставившее целью, как они полагали, консолидировать партию [690] . Заявление касалось трех главных моментов. Во-первых, в нем подчеркивалось отсутствие программных разногласий с партией: «Указывая на существование и рост термидорианских опасностей в стране и на недостаточный отпор им, мы никогда не считали и не считаем, что наша партия или ее ЦК стали термидорианскими». Во-вторых, говорилось, что партии нечего скрывать от беспартийной массы: «Осведомление беспартийных о внутрипартийных делах должно вестись с объективным изложением существующих в партии точек зрения, как было при Ленине» (при Ленине в марте 1918 г. даже делегатам большевистского съезда не выдали для ознакомления текст Брестского договора, так что ссылка на Ленина была не более чем общепринятая, банальная спекуляция на созданном партией культе личности Ильича). Наконец, подписавшие заявляли, что, не отказываясь от своих взглядов, в целях единства партии прекращают фракционную борьбу, категорически отвергают путь второй партии, настаивают на возвращении в партию исключенных и освобождении арестованных за оппозиционную деятельность. Иными словами, оппозицией был предпринят новый тактический ход, преследовавший двойную цель: восстановить в партии исключенных и предотвратить дальнейшее исключение из ВКП(б) основной массы оппозиционеров в обмен на обязательство распустить фракцию.

Заявление оппозиции не впечатлило Сталина. Обещание распустить фракции не раз делалось и вряд ли было выполнимо, так как сохранение взглядов означало их пропаганду, а именно это и рассматривалось сталинским руководством как основное проявление фракционности. Реальной предпосылкой для роспуска фракции могли бы быть заверения в отказе от своих взглядов. Но звучало это несколько дико, и в искренность такого стремительного идеологического перерождения вряд ли кто-то мог поверить. На съезде была образована неофициальная и по существу негласная комиссия по делам оппозиции, которая вступила в переговоры с лидерами оппозиционеров. Комиссия заявила, что представленное съезду заявление оппозиции совершенно недостаточно и что необходимо другое заявление, о «капитуляции» [691] .

На съезде удалось выступить лишь нескольким оппозиционерам. Самой важной и яркой речью был доклад 5 декабря близкого друга Троцкого и известного в партии коммуниста Раковского [692] , воспринятый поддерживающей Сталина аудиторией как прямой вызов. Можно предполагать, что основные тезисы доклада Раковского были

предварительно согласованы с Троцким. И это было еще одной причиной, по которой речь Раковского с одинаковым вниманием слушали и союзники, и противники, хотя выступавший успел остановиться только на вопросах международного положения СССР. Начал он с повторения известного заявления оппозиции на июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК о том, что перед лицом внешнего врага ее деятели будут безусловно и безоговорочно защищать СССР под руководством существующих органов партии и Коминтерна. Но, отмечая, что область международных отношений требует максимального единства партии, а внешний враг – самый опасный враг партии и пролетарской диктатуры, Раковский указал на необходимость честно анализировать недосмотры, промахи и ошибки руководства во всех областях, в том числе во внешней политике. ЦК же недооценивает политику международной буржуазии, направленную на международную изоляцию СССР; в докладе Сталина проявлен неоправданный оптимизм, основанный на некотором росте симпатий мирового пролетариата к СССР, не подкрепляемый, однако, революционными выступлениями: «Тот факт, что пролетариат Англии никак не реагировал на разрыв дипломатических сношений с СССР, происшедший по инициативе английского правительства, должен нас предостеречь от выводов о слишком значительном революционизировании европейских масс», – предупреждал Раковский.

Раковскому понадобились невероятное самообладание, сдержанность и сосредоточенность, чтобы выступать с трибуны съезда, так как уже после первых его слов со всех сторон начали раздаваться грубые и оскорбительные выкрики: «Контрреволюционное выступление», «Троцкий послал Раковского использовать трибуну съезда», «Вы – несчастные изменники» и т. п. Когда же оратор попытался перейти к внутрипартийным делам, истерия стала особенно злобной. Под этот аккомпанемент председатель собрания заявил, что время, отведенное для выступления оратора, истекло, хотя было очевидно, что регламент нарушен не Раковским, а хулиганскими выкриками клакеров [693] .

Речь Раковского, несмотря на то что она не была закончена, сильно задела генсека [694] . Не случайно весь первый раздел своего заключительного слова Сталин посвятил полемике с Раковским [695] . Сравнение этого выступления с другими высказываниями Сталина против оппозиции показывает, что его заключительная речь на XV съезде была особенно злобной и раздраженной, хотя направлена она была не против Троцкого, а против второстепенного оппозиционера: «Раковский утверждает, что оппозиция является левым сектором нашей партии. Это курам на смех, товарищи. Такое заявление делается, очевидно, для самоутешения политических банкротов. Доказано, что оппозиция есть меньшевистское крыло в нашей партии, что оппозиция скатилась к меньшевизму, что оппозиция превратилась объективно в орудие для буржуазных элементов… Раковский, очевидно, окончательно запутался и спутал правое с левым. Помните гоголевского Селифана: «Эх ты, черноногая… Не знает, где право, где лево!..» Раковский заявляет, далее, что оппозиция сигнализирует нам об опасностях, о трудностях, о «гибели» нашей страны. Вот уж действительно «сигнализаторы», спасающие партию от «гибели», когда сами гибнут и действительно нуждаются в спасении! Сами еле на ногах стоят, а лезут спасать других! Не смешно ли это, товарищи? (*Смех*)».

10 декабря Муралов, Радек и Раковский обратились к съезду с новым письменным заявлением [696] , вероятно предварительно согласованным с Троцким. Подтверждая прекращение фракционной работы, они требовали соблюдения демократических принципов в партии и настаивали на правильности своих прежних выводов: «В то же время мы считаем, что наши взгляды, изложенные в платформе и тезисах, каждый из нас в рамках устава может защищать перед партией. Отказ от защиты своих взглядов в партии политически равносилен отказу от самих взглядов. Такой отказ был бы для нас обязателен, если бы мы убедились в их неправильности, т. е. в их несоответствии программе ВКП или их маловажности с точки зрения судеб партии и диктатуры пролетариата. В противном случае отказ от защиты своих взглядов явился бы на деле отказом от выполнения своего элементарного долга по отношению к партии и рабочему классу. Мы не сомневаемся, что наши единомышленники, в

том числе и исключенные из партии, докажут свою верность партии Ленина и не колебнутся в деле ограждения единства, как необходимого условия диктатуры пролетариата. Мы твердо верим, что партия найдет пути снова вернуть в свои ряды исключенных и освободить арестованных за оппозиционную деятельность».

Хотя в этом документе, наряду с демагогией и словесной риторикой, можно обнаружить скрытые намеки на готовность отступления и отказа от своих взглядов, символическое для оппозиции «ВКП» вместо «ВКП(б)» выдавало отказ авторов текста от «капитуляции» перед Сталиным. Подтверждением этого было новое заявление – от 18 декабря, подписанное Мураловым, Радеком, Раковским и Смилгой и оглашенное в тот же день Смилгой на съезде [697] . Оно было вызвано предложением Орджоникидзе об исключении участвующих в съезде оппозиционеров из партии. В заявлении оппозиционеров говорилось: «Исключение из партии лишает нас партийных прав, но не может освободить нас от тех обязанностей, которые приняты каждым из нас при вступлении в ряды Коммунистической партии. Исключенные из ее рядов, мы остаемся, как и раньше, верными программе нашей партии, ее традициям, ее знамени. Мы будем работать над ук реплением Коммунистической партии, ее влияния на рабочий класс».

Авторы заявления решительно отвергали приписываемое им намерение создать вторую партию и антисоветскую деятельность, а также характеристику их взглядов как меньшевистских, что так подчеркивал в своем выступлении Сталин. Кроме того, оппозиционеры настаивали на необходимости проведения внутрипартийной реформы.

Логично и обоснованно звучала мысль оппозиционеров о том, что пугало «троцкизма» носит фальшивый характер, представляет собой попытку «произвольно связать величайшие вопросы нашей эпохи с давно минувшими дореволюционными разногласиями, к которым большинство из нас не было причастно». Особо подчеркивалось, что и подписавшие это заявление партийные деятели, и все прочие оппозиционеры полностью и целиком стоят на позициях большевизма. Констатируя усиление расправ над инакомыслящими коммунистами, в частности исключение из ВКП(б) свыше тысячи оппозиционеров и планируемое исключение новых тысяч, руководство оппозиции справедливо указывало, что происходят эти репрессии в условиях, когда сталинское большинство берет на вооружение именно те левые лозунги, за которые билась оппозиция: ограничение кулачества, борьба против бюрократизма, сокращение рабочего дня. Нельзя с успехом осуществить эти лозунги, говорилось в заявлении, отсекая от партии «тех, которые добивались в продолжении последних лет отпора растущим силам кулака, настойчиво выступали против бюрократических извращений и ставили в очередь дня более быстрое улучшение положения рабочих». Таким образом, уже в декабре 1927 г. сами оппозиционеры заподозрили Сталина в том, что, расправляясь со сторонниками Троцкого, он на самом деле берет на вооружение его программу.

При сохранении существовавшего партийного режима оппозиционеры предрекали неизбежность новых расколов в партии, новых репрессий и исключений, хотя никто, в том числе и Троцкий, представить себе не мог, какие гигантские масштабы примет сталинский террор в приближающихся 30-х гг. Попытки оппозиции найти возможность компромисса со Сталиным, договориться о совместной работе ценой приемлемых взаимных уступок, установка Троцкого и его сторонников во всех случаях действовать в рамкам коммунистической партийной системы были изначально обречены на провал, были абсолютно бессмысленны и указывали на полное непонимание Троцким того, что происходит в Советском Союзе.

Договориться со Сталиным было невозможно. Ни искренне раскаявшиеся оппозиционеры, ни навсегда преданные и верные сталинисты не могли рассчитывать на его понимание и прощение. Но в 1927 г. последние чувствовали себя абсолютно уверенно, не сомневаясь, что поддержка линии Сталина гарантирует им довольствие и благополучие. На фоне этого обманчивого пожизненного комфорта большинства делегатов съезда заявление оппозиционеров, чье исключение из партии уже было предрешено инициативой

Орджоникидзе, выглядело наивным донкихотством, упрямством, самонадеянностью и даже глупостью: «Верные учению Маркса и Ленина, кровно связанные с ВКП и Коминтерном, мы отвечаем на наше исключение из ВКП твердым решением впредь бороться беззаветно под старым большевистским знаменем за торжество мировой революции, за единство коммунистических партий, как авангарда пролетариата, за защиту завоеваний Октябрьской революции, за коммунизм, за ВКП и Коминтерн».

Так завершалось заявление оппозиционеров. Так закончилась, абсолютным поражением, организованная борьба левой оппозиции внутри большевистской партии. Все, что происходило с оппозицией и оппозиционерами после 18 декабря 1927 г., было лишь эпилогом, неторопливым добиванием обреченных на гибель людей, которым в большинстве своем оставалось прожить, а скорее не прожить, а промучиться примерно десять лет. Разумеется, можно поразмышлять о том, как все они получили то, что заслуживали, как руки почти всех оппозиционеров (и сталинского большинства) были по локоть в крови, причем у многих не в переносном, а в буквальном смысле слова. Можно вспомнить и о том, что со времени революции, а кто и раньше, все они с неслыханной жестокостью относились и к своим идеологическим противникам, и, простым обывателям, что абсолютно для всех коммунистов живые люди, крестьяне, составлявшие большинство населения огромной страны, были в лучшем случае средством для финансирования индустриализации, необходимой для мировой революции, а в худшем – классовыми врагами, подлежавшими уничтожению. Нельзя забыть и расстрела царских детей, и красном терроре, и уничтожении российского офицерского корпуса, российской интеллигенции и священнослужителей, прежде всего православной церкви, но и других конфессий. Система заложников впервые в истории крупномасштабно была использована тоже именно большевиками (потом этот опыт будет повторен и развит нацистами), среди которых были и нынешние оппозиционеры. С учетом всего сказанного внутрипартийная борьба в большевистской партии у современного читателя должна справедливо вызвать злорадство. Но не вызывает – прежде всего потому, что оппозиционеров наказывали не за совершенные ими в действительности преступления перед человечеством, а за абсолютно нелепые, искусственные, надуманные проступки, заключавшиеся в отступлении от догм, смысл которых был абсолютно никому не известен, ни сталинскому большинству, ни осознанным сторонникам и случайным попутчикам Троцкого.

Как и следовало ожидать, проникнутое коммунистическим духом заявление оппозиции вызвало новую волну негодования большинства съезда. В «Дневнике съезда» – официальном отчете его секретариата – заявление было названо «наглым». Съезд «с возмущением отверг обсуждение этой гнуснейшей декларации политических двурушников» [698] , – говорилось в партийном документе. В тот же день, 18 декабря, съезд принял решение об исключении из партии 75 оппозиционеров, в том числе, разумеется, всех подписантов заявлений [699] . 19 декабря было оглашено заявление совершенно иного содержания [700] . Его подписали 23 человека, включая Каменева Зиновьева, Евдокимова, Бакаева и Лашевича. Авторы заявляли о полном идейном и организационном «разоружении», осуждали свои прошлые действия и взгляды, обязывались защищать все партийные решения и просили вернуть их в партию.

Надо сказать, что Зиновьев предлагал ранее Троцкому дружно раскаяться и договориться о возвращении оппозиционеров (главным образом себя и Троцкого) в партийные ряды. Похоже, что даже 18 декабря Зиновьев предлагал сторонникам Троцкого представить съезду новое заявление в духе требований большинства, но те отказались [701] . ОГПУ рассматривало «Заявление 23-х» как окончательный распад блока «зиновьевцев» и «троцкистов» [702] . Троцкий считал точно так же и назвал поступок Зиновьева «чудовищным вероломством». «Бороться против сталинизма в тех пределах, которые разрешит Сталин» [703] он не собирался.

Понятно, что Зиновьев согласовал свои действия с руководством съезда и наверняка получил со стороны большинства какие-то обещания. Однако Сталин не был бы Сталиным,

если бы не переиграл Зиновьева, как обязан переиграть хороший шахматист плохого. Вопреки ожиданию участников группы раскаявшихся съезд принял решение не рассматривать их документ, предложить оппозиционерам подавать заявления о «капитуляции» в индивидуальном порядке, а решения по заявлениям принимать через шесть месяцев после подачи, при условии, что поведение раскаявшегося оппозиционера соответствует принятым обязательствам, отвечает требованиям съезда и исходит из отказа от взглядов, изложенных в оппозиционных документах [704] .

Каменеву и Зиновьеву теперь не осталось ничего иного, как уступить Сталину по всем пунктам, «разоружиться перед партией», как тогда стало принято говорить. Они выступили с обширным открытым письмом, в котором полностью отрекались от союза с Троцким и от его взглядов и подчеркивали, что разошлись с ним прежде всего по вопросу о создании второй партии [705] . Последнее, разумеется, было откровенной клеветой, зарегистрированной многочисленными документами левой оппозиции, в том числе за подписью самого Троцкого. Но такие тонкости уже никого не волновали. Дело было сделано. Оппозиция раскололась. Буквально на следующий день после исключения 75 оппозиционеров значительная часть сторонников Троцкого «капитулировала» перед сталинской группой. По поводу «капитуляции» Зиновьева и Каменева Троцкий писал через два месяца, находясь уже в ссылке, что в ней «есть по крайней мере тот плюс, что мнимые величины выходят из игры, надо думать, выходят навсегда». Но это была не слишком удачная попытка минимизировать потери в глазах еще имеющихся единомышленников. «Когда появилось в газете письмо двух злополучных мушкетеров, – вспоминал Троцкий, – я в который раз уже вспомнил пророческие слова Сергея [Мрачковского]: «Не надо блока ни с Иосифом [Сталиным], ни с Григорием [Зиновьевым], – Иосиф обманет, а Григорий убежит». Григорий действительно убежал». Троцкий, однако, оставался верен себе, оправдывая свой временный союз с Зиновьевым тем, что это «был блок передовых московских и питерских рабочих» [706] . (В этом смысле Троцкий был неизлечим: к «рабочим» блок Зиновь ева и Троцкого мог иметь отношение только в его больном коммунистическом воображении.)

Хотя Каменев и Зиновьев не были немедленно восстановлены в партии, Сталин проявил к ним известную снисходительность. Каменев, еще в 1926 г. назначенный полпредом СССР в Италии, несмотря на исключение из партии с этого поста сразу снят не был, в 1928 г. был восстановлен в ВКП(б) и в следующем году назначен на вакантный после снятия Троцкого пост председателя Главконцесскома (короткое время этим ведомством руководил чиновник средней руки В. Ксандров [707] , но он считался фигурой временной). Нужно было обладать хорошим чувством черного юмора (если иметь в виду Сталина), чтобы придумать посадить Каменева на место Троцкого. Нужно было вообще перестать адекватно воспринимать происходившее (если иметь в виду Каменева), чтобы согласиться занять должность, ранее принадлежавшую Троцкому. Назначением Каменева на должность Троцкого Сталин, наверное, хотел подчеркнуть, что Каменев достиг высоты Троцкого – той высоты, с которой теперь ему придется очень больно падать вниз. В дополнение к этому, как временный бонус, жена Каменева Ольга (родная сестра Троцкого), назначенная в 1925 г. председателем только что образованного Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, сохранила эту должность до 1929 г. Заработала она эту снисходительность откровенным предательством, причем личного плана: в 1927 г. Ольга Каменева не только выступила с публичным осуждением взглядов своего брата и своего супруга, но даже оформила с Каменевым развод [708] . Зиновьев, тоже восстановленный в партии в 1928 г., стал на недолгое время ректором Казанского университета. Оба они были вновь исключены из партии в 1932 г. и сосланы, после чего начались их хождения по мукам, завершившиеся расстрелом в 1936 г.

XV съезд, по словам Троцкого, стал «всесоюзным совещанием сталинской фракции». Главу своих воспоминаний об объединенной оппозиции Троцкий завершил словами о том, что «съезд постановил исключение оппозиции в целом. Исключенные поступали в распоряжение ГПУ» [709] . Так оно в действительности и было. Достойным завершением

съезда, своего рода чествованием разгрома оппозиции, устроенным Сталиным, был учредительный пленум ЦК, на котором 19 декабря предстояло избрать высшее руководство: членов Политбюро, Оргбюро, Секретариата и, главное, генерального секретаря ЦК. Всем присутствовавшим, да и далеко не только им, было очевидно, что речь могла идти только об одной кандидатуре на этот главный пост: кандидатуре внешне все еще скромно державшегося в тени Сталина. В соответствии с намеченным сценарием председательствовавший Рыков предоставил слово Косиору, который огласил согласованный состав высших органов и предложил избрать генеральным секретарем партии Сталина. Обсуждений не ожидалось.

Предполагалось, что пленум завершится в течение нескольких минут. Но неожиданно слово попросил Сталин. Он произнес одну за другой две сравнительно краткие речи, полные демагогии, лицемерия и политического интриганства [710] . К изумлению делегатов, Сталин попросил освободить его от обязанностей генсека. Своей «просьбой», а на самом деле игрой на опережение Сталин раз и навсегда закрывал вопрос о «завещании» Ленина и о внесенном в свое время Лениным на рассмотрение партсъездом предложении о снятии Сталина с поста генсека. Разумеется, Сталин знал, что пленум единодушно отклонит его предложение – ведь оппозиция была из партии только что изгнана, и это было серьезным предупреждением тем, кто планировал остаться в партии. Одновременно Сталин подчеркнул, что именно ему принадлежала решающая роль в разгроме оппозиции: «Я допускаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту, как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие против опасностей со стороны оппозиции. Я допускаю, что была необходимость, несмотря на известное письмо товарища Ленина, держать меня на посту Генсека. Но теперь эти условия отпали. Отпали, так как оппозиция теперь разбита. Никогда, кажется, оппозиция не терпела такого поражения, ибо она не только разбита, но и исключена из партии. Стало быть, теперь уже нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда Пленум отказывался уважить мою просьбу и освободить меня от обязанностей Генсека. А между тем у вас имеется указание товарища Ленина, с которым мы не можем не считаться и которое нужно, по-моему, провести в жизнь. Я допускаю, что партия была вынуждена обходить это указание до последнего времени, была вынуждена к этому известными условиями внутрипартийного развития. Но я повторяю, что эти особые условия отпали теперь и пора, по-моему, принять к руководству указания товарища Ленина».

Когда его «просьба», как и ожидалось, была решительно и единодушно отвергнута, в качестве промежуточного варианта Сталин предложил ликвидировать должность генсека вообще. Одновременно он напомнил, что на должность генсека был поставлен Лениным и что генсек в партии должен быть один, и только один. Всяких «маленьких генсеков» – в национальных республиках и областях – быть не должно. Председательствовавший Рыков, видимо, настолько не был готов к происшедшему, что после выступлений Сталина стал произносить несвязанные монологи. О его растерянности можно судить по тому, что многие свои слова он позже вычеркивал из стенограммы, затем восстанавливал их, потом заменял другими, и так много раз. Сталин же в текст своих выступлений в стенограммы съезда не внес ни единого изменения, настолько его речи были продуманы и отточены.

В конце концов Рыков предложил отвергнуть предложение Сталина. Этим политическим спектаклем завершился разгром оппозиции и изгнание ее из партии. Поражение Троцкого как лидера объединенной оппозиции и политического деятеля было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами, которые тесно переплетались между собой. Объективными причинами были прежде всего сама сущность и структура политической власти в СССР, характер правившей партии, которая постепенно оформлялась в огромную мафиозную структуру, составную часть тоталитарной системы, находившейся в СССР к концу 20-х гг. на заключительной стадии формирования. Эта система не терпела двоецентрия и двоевластия, неизменно тяготела к установлению единовластия, прикрытого возвышенными утопическими проектами и демагогическими

лозунгами [711] . Советский тоталитаризм призван был на определенном этапе, ко времени завершения периода своего становления, найти ту фигуру, которая могла бы с возможно большей степенью эффективности обеспечить функционирование преступной унифицированной экономической, социально-политической и идеологической системы, стремившейся охватить все стороны общественной и частной жизни [712] . Тот факт, что этой фигурой оказался Сталин, был связан не только с его личностью, но и с потребностями советской тоталитарной системы, нуждавшейся в прагматическом диктаторе, опиравшейся на «новый класс» – номенклатурный бюрократический партийный аппарат.

Эти общие теоретические системные проблемы дополнялись житейской конкретикой 1920-х гг., когда не только в обывательской среде, но и в партийных кругах накопилась невероятная усталость, являвшаяся результатом последней мировой войны, революции, Гражданской войны, военного коммунизма, равно как и попыток реализации грандиозных утопических (и потому нереализованных) проектов революционного переустройства не только России, но и всего остального мира. Бывшие ленинские соратники, стремившиеся вкусить, наконец, в полной мере практические результаты своей победы над многочисленными врагами, увидели делового исполнителя своих волеизъявлений в скромном генсеке, которого не только Троцкий, но и масса других функционеров считали посредственностью, серой мышью, позиционировавшей себя средним умеренным бюрократом. В отличие от фантазера Троцкого, предполагавшего извечно биться за идеалы мировой революции, приземленный Сталин обещал создание скромного социалистического рая в самом недалеком будущем, в масштабах конкретной (довольно большой) страны.

К числу субъективных причин поражения Троцкого относилась прежде всего та стартовая точка, с которой он влез в большевизм и ленинскую организацию. Меньшевистское или «полуменьшевистское» прошлое Троцкого, его острые столкновения с Лениным в промежутке между двумя революциями в России, его позднее вступление в большевистскую партию никогда и не были забыты. Троцкий пришел в партию большевиков извне, причем сразу – на высший партийный пост. Он не поднимался по иерархической лестнице большевистского руководства дореволюционной эпохи вместе с остальными большевиками и при этом в октябре 1917 г. оказался выше всех рангом. Этого блистательного взлета на вершину власти Троцкому простить не мог никто, никогда. Меньше всего серый жестокий Сталин. Представители большевистского эшелона, непосредственно окружавшие Ленина, да и сам Ильич всегда помнили о том, как резко отрицательно Троцкий оценивал большевизм в начале века. Внутренней близости между «старыми большевиками» – в том числе и теми, кто в 1926 – 1927 гг. принимал участие в оппозиционном движении, – и Троцким не возникло.

Сам Троцкий не мог забыть своих острых и справедливых обвинений по адресу Ленина, выдвигавшихся им с 1904 г., абсолютно не понимая, что после октября 1917 г. начался иной отсчет времени, возникла другая эпоха и не имело больше значения, кто был прав в схоластическом теоретическом никому не понятном теперь споре – Ленин или Троцкий. Троцкий так и не сумел приспособиться к внутренней жизни большевистской партии, к созданной Лениным внутри партии жесткой диктаторской структуре, во главе которой стоял он – Ленин. Троцкий всерьез считал, что может разговаривать с Лениным как с равным, ошибочно предполагая, что все революционеры равны ровно настолько, насколько они искренне отстаивают идеалы мировой революции, сформулированные классиками европейской социал-демократии. В глубине души он не был в состоянии избавиться от своих юношеских надежд на возможность построения рабочей партии не на базе психологии осажденной крепости и вытекающего отсюда безоговорочного подчинения начальству, а на основе революционного порыва «рабочих», самодеятельности и инициативы рядовой массы партийцев и поддерживавших их беспартийных. Почти 50-летний Лев Давидович в значительной степени оставался революционным романтиком.

Троцкий не верил во власть. Сталин в нее верил. Троцкий не верил в аппарат. Сталин полагался именно на него. Троцкий верил в идеалы революции и в догмы коммунизма.

Сталин не знал таких слов. Он верил только в диктатуру террора и в силу власти. В 1927 г. Троцкий сознавал, что условий для развертывания массовой работы оппозиции нет, что круг его сторонников очень узок. Но он тешил себя надеждой, что круг оппозиционеров не будет сокращаться, а в дальнейшем, по мере осознания партийной массой неправильности сталинского курса, начнет расти. Он успокаивал своих ближайших соратников, да и себя самого, сомнительной перспективой того, что «оппортунистический уклон» Сталина в теории будет сопровождаться «революционной практической политикой» [713] . Именно в этом духе выдержан анонимный документ «Очередные задачи левого крыла ВКП», написанный в конце 1927 г., скорее всего, самим Троцким. В качестве основных задач назывались подготовка кадров, «чтобы было кому руководить, когда потребуют обстоятельства»; укрепление связей с рядовыми партийцами и вообще рабочей массой; сосредоточение внимания на практических вопросах (борьбе против бюрократии, восстановлении внутрипартийной демократии, повышении зарплаты); прекращение фракционной борьбы при одновременном наступлении (в рамках партийного устава и не допуская организационного оформления); подготовка популярной литературы, выступления на принципиальные темы с изложением точки зрения оппозиции. В конце текста была приписка от руки: «В отношении фракционности следует иметь в виду, что организация фракции имеет шансы, когда мы держим курс на раскол, т. е. при условии, если партия перестала быть большевистской. Первичные же элементы фракционности, связь и проч. сохранить нужно обязательно, хотим мы этого или не хотим. Такова уже логика борьбы» [714] .

Именно эта романтическая двойственность: отказ от «разрыва», стремление «остаться большевиком», категорический отказ от планов создания второй партии – являлись одним из главных факторов, тормозивших становление оппозиции как самостоятельной политической силы. К тому же Троцкий был настолько уверен в своем превосходстве, что не видел необходимости опираться не только на аппарат (пусть небольшой) или ведомство (пусть не всесильное, не «силовое»): как и до революции, он искренне не видел необходимости в формировании своей партии, во главе которой будет стоять он, Троцкий. Троцкому было важно быть властелином идей и душ, а не владельцем людей. Именно в этом он видел силу революции. Именно это делало его идеальным непобеждаемым революционером (в дни революции) и столь же классическим беспомощным утопистом (в периоды ее спада). Считая, что он общается на равных с соратниками по партии, Троцкий на самом деле был непростительно и презрительно высокомерен абсолютно со всеми. Он выражался языком, который с известными поправками можно было бы классифицировать как литературный или философский, но никак нельзя было назвать понятным и простым, и это не могло вызвать ничего, кроме раздражения, у основной партийной массы.

Еврейское происхождение Троцкого, как бы ни относились к нему конкретные члены партии, что бы по этому поводу они ни говорили и писали публично, сколько бы они ни утверждали, что национальность для большевиков никогда не была важна и не имела значения, не было преимуществом Троцкого. Демьян Бедный, всегда говоривший то, что хочет услышать Сталин, не случайно во время расправы над оппозицией затеял политический разговор с абсолютно чуждым ему писателем и человеком Корнеем Чуковским, про которого, впрочем, хорошо было известно, что он ненавидит Троцкого. «Заметили вы про оппозицию, что, во-первых, это все евреи. А во-вторых, эмигранты?» – сказал Чуковскому Бедный, имея в виду под «эмигрантами» (так их действительно называли в партии) социал-демократов, находившихся до 1917 г. в эмиграции (как Троцкий), а не в ссылке (как Сталин). «Каменев, Зиновьев, Троцкий. Троцкий чуть что заявляет: «Я уеду за границу», а нам, русакам, уехать некуда, тут наша родина, тут наше духовное имущество» [715] .

Демьян Бедный, играющий на национальных чувствах Чуковского и говорящий о «духовном имуществе», – это было конечно же новое веяние. Понятно, что Троцкий об отъезде за границу не помышлял. Но Бедный уже в 1926 г. понимал, что именно хочет

услышать от него Сталин, и «жаловался» генсеку: как только «пролетарский поэт» (Бедный) начинает разоблачать Троцкого, оппозиция кричит про «погром» [716] .

Циничный Радек, как и Бедный живо откликающийся на политическую злобу дня, только не с официозного, а с оппозиционного фланга, тоже прошелся по еврейскому вопросу в партии. После исключения Троцкого, Зиновьева и Каменева из Политбюро и усиления власти Сталина, Орджоникидзе и Енукидзе Радек выдал афоризм: «Раньше в Политбюро пахло чесноком, а теперь пахнет шашлыком». После начала арестов и высылок оппозиционеров Радек заметил: «С Кобой невозможно спорить. Ты ему цитату со ссылкой, он тебе ссылку без цитаты. Ты ему вывод, он тебе заключение». А когда совсем запахло смертью, он выдал свою последнюю черную шутку: «У меня со Сталиным расхождения по земельному вопросу: он хочет видеть в могиле меня, а я – его».

В Троцком не было тайны. Он не всегда был понятен, но всегда был открыт. В Сталине тайной было все: его взгляды, его мысли, его намерения и планы. Сталин всегда был закрыт и никогда не был понятен. Поражение Троцкого в борьбе со Сталиным являлось его поражением в продолжавшейся схватке Троцкого с Лениным, несмотря на то что Троцкий искренне считал себя его последователем. Сталин же не относил себя к последователям Ленина, но точно знал, что был первым и лучшим его учеником. У открытого принципиального Троцкого беспринципный мастер интриги Сталин с легкостью выкрал его программу и, одурманив партию, страну и международное общественное мнение реформистской теорией построения социализма в одной (уже потерянной для западной демократии и рыночной экономики) стране – Советском Союзе, приступил к реализации идей Троцкого, опираясь не на фантом в виде «рабочего класса» каждого конкретного государства, а на абсолютно земную силу советской Красной армии.

Так или иначе, но с конца 1927 г. Троцкий работал уже не на современников, а на потомков и историков. Но органы советской контрразведки, преувеличивая масштабы и характер его деятельности, не считали, что война закончена. Информационное письмо ОГПУ, с триумфом сообщавшее корявым бюрократическим языком о разгроме оппозиции, делало вывод, что основные битвы, оказывается, еще впереди: «Небывалый идейный крах и организационный развал оппозиции в результате ее острой и длительной борьбы с партией, устранив ее с политической арены, как самостоятельный политический фактор, не привел, однако, к полному уничтожению оппозиционных групп. Дезорганизаторская работа по подрыву ВКП(б) и пролетарской диктатуры не прекращается. В ходе этой подрывной работы внутри оппозиционных фракций возник ряд процессов, всестороннее освещение которых необходимо для определения современного идейно-политического лица оппозиционных групп и их политической значимости в стране».

Далее обосновывалась необходимость репрессий против Троцкого и его сторонников. Ягода и его сотрудники объявляли, что троцкистская фракция «представляла собой замкнутую, партийного толка организацию, имевшую к тому же свою твердую внутреннюю дисциплину, свою печать, технику и твердые кадры, подбиравшиеся в течение ряда лет. Ко времени 15 партсъезда эта организация окончательно эмансипировалась от ВКП(б) и противостояла ей как политическая организация антибольшевистских, отщепенческих элементов». Эту «подпольную контрреволюционную организацию» необходимо было разгромить, как откровенного врага, используя все доступные средства, применяемые «на поле боя» [717] .

Глава 7 Ссылка

1. Изгнание из Москвы

К началу 1928 г. были задержаны и находились в заключении приблизительно полторы тысячи оппозиционеров [718] . Один из них, болгарский коммунист Георгий Андрейчин, «с

удивлением» вспоминал, как грубо обращались с ним и другими оппозиционерами во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке и в Бутырской тюрьме, где он находился перед отправкой в ссылку. «Об условиях в этом аде я когда-нибудь напишу. Дантов Ад – это игрушка и шутка», – писал он уже из ссылки Троцкому. Больше всего его возмущало, что он сидел в тюрьме вместе с нэпманами, кулаками, растратчиками и убийцами, то есть теми, кто действительно заслуживал, по его мнению, заключения. Он вспоминал, как нэпманы ему говорили: «Смотрите, какую тюрьму вы нам устроили, – пеняйте сейчас». А один из охранников в бане, когда заключенные мылись, сказал Андрейчину: «Нужно расстрелять и тех, и других большевиков – то есть и вас, и сталинцев. Что дала мне эта ваша революция? До войны я мыло подавал баринам, а сейчас меня сделали тюремщиком и опять с мылом!» [719] Вывод, который сделал Андрейчин, заключался в том, что за десять лет советской власти «бóльшая часть работников ГПУ переродилась и стала типичными полицейскими собаками, готовыми служить любому хозяину».

Не все оппозиционеры были готовы терпеть издевательства «полицейских собак» в созданных советской властью тюрьмах. Арестованная в январе 1928 г. большая группа москвичей устроила в Бутырской тюрьме настоящий бунт: они выбивали двери камер, разбивали окна, выкрикивали лозунги. Беспорядки были подавлены, его участники зверски избиты. ОГПУ, направляя доклад о происшедшем Сталину, завершало его словами: «Таким было поведение злейших врагов партии и советской власти» [720] . Местные органы ОГПУ также спешили доложить, что с оппозицией на подведомственных им территориях почти покончено. Докладная записка ГПУ Украины Кагановичу от 25 февраля 1928 г. была озаглавлена «О работе по бывшей оппозиции». Хотя в ней содержались признания в том, что в некоторых местах оппозиционеры еще пользовались авторитетом, в качестве опорных пунктов «врагов советской власти» нарочито назывались не наиболее значительные города республики, а Херсон, Кременчуг, Бердичев [721] . Впрочем, в другой докладной все же признавалась известная активность «троцкистов» в Киеве [722] .

Не все руководство оппозицией было арестовано. Сталин надеялся и не исключал, что на пусть раскаяния, подобно Зиновьеву и Каменеву, со временем встанут прочие лидеры оппозиции и их «капитуляцию» можно будет эффектно использовать в пропагандистских целях. Судя по протоколам Политбюро, вопрос о депортации оппозиционеров на его заседаниях не обсуждался. Похоже, однако, что решение о высылке оппозиции в отдаленные районы страны и об удалении Троцкого из Москвы было принято этим высшим партийно-государственным органом 23 декабря 1927 г. [723] , без занесения в протокол. Воля высшей партийной инстанции была оформлена затем 31 декабря как постановление Особого совещания при коллегии ОГПУ о ссылке активных деятелей оппозиции [724] .

Само собой разумеется, это решение было принято по прямому указанию Сталина. По всей видимости, именно ему принадлежала идея представить высылку в качестве «крайней меры», связанной с тем, что лидеры оппозиции готовились к «побегу за рубеж». Фабриковались «тайные донесения», сообщавшие, будто И.Н. Смирнов, Мрачковский и другие оппозиционеры обсуждали вопрос о возможности «побега за границу» Троцкого, Радека и Раковского, что оппозиционеры из «военной группы» – Дрейцер [725] и Зюк [726] – ездили в Ленинград для выяснения возможности перехода границы, что с этой целью предполагалось «обработать» кого-либо из начальников погранотрядов. Для того чтобы еще больше запутать дело, сообщалось, что «за содействием» в организации бегства обращались к первой жене Троцкого Соколовской, проживавшей в Ленинграде [727] .

Однако характер решения о ссылке от видных оппозиционеров вначале тщательно скрывался. Им было предложено «добровольно» выехать на работу в отдаленные местности СССР. С согласия Троцкого исключенные из партии деятели оппозиции выделили комиссию в составе Раковского, Радека и Каспаровой, вступившую в переговоры с председателем ЦКК Орджоникидзе. Представители оппозиции дали в принципе положительный ответ на вопрос, готовы ли ее лидеры принять такую работу, оговорив, что она не должна быть прикрытием ссылки, а должна хотя бы в минимальной степени учитывать профессиональные навыки и

состояние здоровья высылаемого.

В конце декабря Троцкого проинформировали, что он должен отправиться в Астрахань, где ему будет предоставлена работа. Он ответил, что малярия делает для него невозможным пребывание в этом городе. Неизвестно, страдал ли он на самом деле этой болезнью. Некоторые врачи трактовали его часто повторявшиеся приступы лихорадочного повышения температуры именно как редко встречавшуюся форму малярии, и Троцкий решил отклонить предложение об Астрахани по состоянию здоровья. 3 января Троцкий был вызван «на беседу» в ОГПУ, но отказался туда явиться. Создается впечатление, что Орджоникидзе поначалу придерживался менее жесткой (по сравнению со Сталиным и Молотовым) линии поведения в отношении вождей оппозиции, но уступил Сталину и уже в первых числах января сообщил комиссии оппозиционеров, что речь идет не о переводе на работу в отдаленные города, а о принудительной высылке Троцкого в Астрахань, Раковского – в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), Радека – в Ишим и т. д.

Когда поступило известие о вызове Троцкого в ОГПУ, а такой вызов мог означать и принудительную высылку – прямо из здания ОГПУ и даже арест, Раковский, Радек и Каспарова потребовали новой встречи с Орджоникидзе. Они протестовали против места назначения ссылки Троцкого, заявляли, что здоровье Льва Давидовича подорвано малярией, что он не выдержит тяжелого туманного климата в этом прикаспийском городе. Представители оппозиции возражали против отправки в отдаленные местности и других своих товарищей, требуя оставления некоторых из них в Москве.

Орджоникидзе отвечал уклончиво. Не соглашаясь оставить оппозиционеров в Москве и других центрах, но учитывая «согласие выехать в провинцию», он пообещал пересмотреть места ссылок и предложил встретиться с секретарем ЦК Станиславом Викентьевичем Косиором. Его родной брат – Иосиф – также подлежал высылке, и это, с одной стороны, делало положение С.В. Косиора особенно уязвимым, но с другой – рождало надежду на благосклонное отношение функционера, чей брат оказался в аналогичном сложном положении.

Началась любимая Сталиным игра в кошки-мышки: последовала волна обмана и дезинформации оппозиционеров. Партийные деятели давали крайне неопределенные обещания, сопровождаемые намеками на компромисс и поблажки. Одновременно ОГПУ рассматривало вопрос о скорой насильственной депортации оппозиционеров «за антисоветскую пропаганду и агитацию» по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР, о чем высылаемым становилось известно от старых знакомых, работающих в органах и партаппарате. Троцкий, Радек, Раковский, Преображенский, Смилга, Серебряков, Муралов и другие обратились в Политбюро и ЦКК с декларацией, протестующей против происходящего. Одновременно они выступили с обращением к Исполкому Коминтерна и ЦК всех компартий, прося отменить решение об их исключении из партии [728] . Фактически они обращались к созываемому в Москве VI конгрессу Коминтерна.

К этому времени оппозиционеры уже не тешили себя наивной надеждой на то, что Коминтерн станет на их сторону. Цель состояла тем не менее в том, чтобы еще раз довести свои взгляды до компартий всех стран: «Мы со спокойным презрением отметаем попытку подвести под эту статью десятки большевиков-ленинцев, которые сделали немало для установления, защиты и упрочения Советской власти в прошлом и которые в будущем все свои силы отдадут защите диктатуры пролетариата», – писали оппозиционеры. Кратко изложив суть своих взглядов, которые сталинское руководство инкриминировало им в качестве «антисоветской пропаганды», они апеллировали ко всем компартиям и к VI конгрессу, чтобы те объективно рассмотрели этот комплекс вопросов «при свете дня и при подлинном участии партийных масс»: «Завещание Ленина сейчас более, чем когда-либо, звучит как пророчество. Никто не знает, как много времени оставляет нам еще ход исторических событий для исправления всех содеянных за последние годы ошибок» [729] . Времени действительно оставалось мало, и об этом «никто не знал», точнее – знал один таинственный и непонятый человек, живущий в Кремле: Сталин.

Позиция оппозиционеров в отношении международного коммунистического движения была выражена в двух директивных письмах, посланных руководящими деятелями оппозиции своим сторонникам за границу. В подготовке текстов принимал участие Троцкий, но сами документы писались кем-то из его ближайших соратников. 9 января письма были переданы Андрейчиным (участвовавшим ранее в рабочем движении США) американскому журналисту Роберту Вольфу для вывоза за границу [730] , но их перехватили советские спецслужбы. По решению Политбюро 15 января, с комментариями Бухарина, письма были опубликованы в «Правде»: «Мы против второй партии и против IV Коминтерна – самым непримиримым образом, – писали оппозиционеры, – причем исходим из интересов международного большевизма». Возражая против создания «союза левых коммунистов» в Германии, авторы указывали: «Имя «союз» ничего не прибавляет, но может стать псевдонимом второй партии».

Казалось, позиция Троцкого и его сторонников была совершенно ясной. Тем не менее Бухарин, а за ним редакция журнала «Коммунистический Интернационал» (в котором играл активную роль Бухарин) трактовали ее прямо противоположным образом: как курс на разложение Коминтерна и его секций изнутри, на фактическое образование параллельных национальных компартий и 4-го Интернационала [731] . Будущее покажет, что именно на этот путь действительно встали сочувствовавшие Троцкому зарубежные коммунистические группы и деятели. Они не смогли получить большинство в своих партиях, подверглись преследованиям, травле, были исключены из компартий. В результате образовывались, как правило, крайне нестабильные организации, обычно существовавшие в течение очень короткого времени и претерпевавшие затем новые расколы. Некоторые из них вдобавок были снедаемы сведением личных счетов и всевозможными, чаще всего надуманными, политическими и догматическими дрязгами. В результате эти организации не имели сколько-нибудь существенного влияния в коммунистическом движении своих стран.

Единственным реальным результатом демаршей оппозиционеров накануне ссылки было удовлетворение их протеста по поводу места нахождения Троцкого. Астрахань была ему заменена Алма-Атой. Его проинформировали, что он будет депортирован на основании статьи 58 (10) Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшей кары вплоть до расстрела «за контрреволюционную агитацию и пропаганду». Части оппозиционеров наказание было оформлено в виде ссылки. Остальным – в виде высылки с правом выбора места нового жительства [732] . Разницы между тем и другим не было никакой, так как всем высылаемым место дальнейшего проживания определяли сотрудники ОГПУ. Зарубежная печать называла эту бескровную расправу «сухой гильотиной» [733] .

Отлично понимая, что ссылки не избежать, но надеясь, что в Москве и других городах удастся сохранить какой-то костяк оппозиции, Троцкий в начале января 1928 г. написал в качестве напутствия несколько документов, которые должны были сориентировать сторонников в духе, который соответствовал его намерениям. Эти документы тоже были перехвачены ОГПУ и до адресатов не дошли. В информационном письме ОГПУ документы были обозначены как платформа «На новом этапе», тезисы «К вопросу о задачах оппозиции» и статья «Термидор». Оценки в них Троцким давались более пессимистичные, чем ранее.

Наиболее значительной была статья «На новом этапе», сравнительно недавно переданная из архива ФСБ в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Троцкий писал, что теория «перманентного термидора» ведет к постепенному сползанию и перерождению советской власти, хотя и без каких-либо резких скачков. Отсутствие критики, всесилие партаппарата предопределяли, по его мнению, тот факт, что с точки зрения рабочего власть уже не находится в руках рабочего класса: «Отдельно взятый рабочий, исходя из своего житейского опыта, может прийти к выводу, что власть уже не в руках рабочего класса, на заводе господствует треугольник, критика под запретом, в партии господствует аппарат. За спиной советских организаций командует чиновник и проч[ее]». В то же время Троцкий полагал, что «процесс сползания» не достиг еще той критической точки, когда государственная власть, изменив свою классовую

природу, стала буржуазной. Происходило пока еще только постепенное сосредоточение власти в руках бюрократических органов, все более «выдвигающихся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни и частично переплетающихся с ними».

Троцкий отстаивал «реформистскую тактику», считая, что, раз власть не перешла в руки другого класса, задача оппозиции – выравнивание курса, устранение элементов двоевластия и укрепление пролетарской диктатуры методами давления и требования постепенных позитивных изменений, «теоретическое самовоспитание» оппозиционеров. К оппозиционерам был обращен призыв участвовать во всех советских организациях, не ограничиваясь критикой и выполняя работу лучше, чем «наемный чиновник. Только на этой основе принципиальная критика найдет доступ к сознанию масс», продолжал упорствовать Троцкий в своем догматическом утопическом подходе. В то же время Троцкий считал возможной победу «термидорианского режима», который определялся как переходный к реставрации капитализма. Таковой вполне мог быть сопряжен с утверждением «бонапартистской» или «открыто фашистской» власти. Тогда произошел бы раскол ВКП(б), оппозиция поднялась бы на борьбу против буржуазной реставрации, начала бы готовить вторую пролетарскую революцию и стала бы «продолжением исторической партии большевиков» [734] . Этот вопрос мог бы стать актуальным только в случае серьезного кризиса во внутреннем положении страны или начала войны, которая неизбежно привела бы к власти оппозицию (как мировая война привела к власти большевиков).

Стратегические выкладки завершались выводом, что события могут вступить в такую неожиданную полосу, когда они начнут развиваться гораздо быстрее, чем это предполагается в настоящее время. Поэтому оппозиция должна быть бдительной, сохранять активность и постоянно вмешиваться во все процессы экономической, политической и культурной жизни. Переходя к оценке конкретной ситуации, складывавшейся в стране и партии, Троцкий проницательно обосновывал тезис об усилении борьбы внутри ЦК ВКП(б). Он пытался найти классовое объяснение этой борьбы, видя в росте «правого крыла» выражение интересов новых собственников и бюрократов, которых, правда, классом не считал. Именно через советский аппарат, возглавляемый Рыковым, как председателем СНК, происходил, по мнению Троцкого, нажим непролетарских (правых) элементов на политику партии. «Роль левого крыла станет в этих условиях решающей для судьбы партии и диктатуры пролетариата… Основная задача оппозиции состоит в том, чтобы обеспечить преемственность и непрерывность подлинной большевистской партии. Для данного периода это означает – плыть против течения».

Троцкий выдвигал предположение, что, когда борьба достигнет кульминационного пункта, оппозиция сможет развить наступательную деятельность и доказать массам, что политика руководства привела партию и страну к невиданному краху. Пока же ставить вопрос о создании второй партии он полагал прежде временным: «Чистейшей иллюзией является мысль, будто диктатуру пролетариата можно сохранить одними словесными заклинаниями насчет единой партии. Вопрос об одной или двух партиях в материально-классовом, а не словесно-агитаторском смысле решается именно тем, удастся ли и в какой мере пробудить и мобилизовать силы сопротивления внутри пролетариата. Оппозиция может этого достигнуть только в том случае, если она не даст себя запугать и застращать… пугалом двух партий и шарлатанством насчет «троцкизма» [735] .

Практические задачи оппозиции в новых условиях Троцкий делил на две части: общие и конкретные. Общие задачи формулировались действительно в самой общей форме, даже звучали тривиально: «левое бюрократическое начинание», которое пока еще только намечалось Сталиным, превратить «в твердый левый курс»; развертывать самодеятельность рабочего класса, добиваться подлинной демократии в парторганизациях и профсоюзах и «классовой линии» в Советах; возвратить оппозицию в партию в качестве реально действующей силы, «маяка», на который «будет идти равнение наиболее революционных элементов партии»; коренным образом изменить внутрипартийный режим. Что же касается конкретных задач, то они были более скромными и формальными, если не наивными, и

предусматривали организацию недовольных элементов в рабочей среде с тем, чтобы недовольство находило разрешение на путях реформы, а не потрясений и кризисов; сбор информации о настояниях беспартийных; превращение оппозиционеров в подлинных рабочих вожаков; выступления в партийных ячейках по вопросам, волнующим массы. В случае угрозы забастовок предусматривалось использовать доступные средства для их предотвращения, но при начале стачек планировалось принимать в них участие [736] .

Троцкий был отправлен в ссылку первым. Сталин на дни высылки Троцкого предусмотрительно из Москвы уехал. Он находился в Сибири. Несколько позже это отсутствие Сталина породило слухи о том, что он вообще был против высылки Троцкого и на Политбюро голосовал против [737] . Но это были только слухи, реально ни на чем не основанные. Отъезд Троцкого был назначен на 16 января. Однако власти опасались связанных с этим волнений или, по крайней мере, городской и вокзальной суматохи, в связи с чем был разыгран целый спектакль. Троцкому сообщили, что поезд, которым он должен будет отправиться, отойдет от Казанского вокзала в 10 часов вечера. В то время как Наталья Седова при помощи друзей занималась подготовкой к отъезду и упаковкой вещей, явился кремлевский врач Гетье, который «посоветовал» отложить отъезд, указав на простуду жены Троцкого. Тем временем в квартиру Белобородова приходили многочисленные знакомые и незнакомые люди, чтобы попрощаться с Троцким. Седова писала: «В глазах мелькают все новые и новые лица, много таких, которых я вижу первый раз. Обнимают, жмут руки, выражают сочувствие и пожелания… Хаос увеличивается приносимыми цветами, книгами, конфетами, теплой одеждой и пр. Последний день хлопот, напряжения, возбуждения подходит к концу. Вещи увезены на вокзал. Сидим в столовой всей семьей, готовые к отъезду, ждем агентов ГПУ».

Среди пришедших проводить был и художник-карикатурист Б. Ефимов, которому Троцкий покровительствовал за несколько лет перед этим. Спустя 70 с лишним лет престарелый художник сохранил в памяти эту встречу. Он рассказывал: «Перед высылкой из Москвы Троцкого, которого я знал еще со времен Гражданской войны, я пришел к нему проститься. И вот когда я уходил, Лев Давидович снимает с вешалки пальто и держит его за моей спиной. Смущенный такой любезностью, я никак не мог попасть в рукава. Сам Троцкий подавал мне пальто! Уму непостижимо» [738] .

В эти вечерние часы по телефону, без объяснения причин, Троцкому сообщили, что отъезд отложен на два дня, причем сделано было это буквально в момент предполагавшейся отправки поезда. К этому времени на Казанском вокзале собрались сотни сторонников оппозиции (руководство ОГПУ определило их численность в 3 – 4 тысячи, правда оговариваясь, что часть из них были случайными людьми, явившимися просто из любопытства). Среди тех, кто оказался на вокзале с политической целью, преобладали студенты и советские служащие. Раздавались восклицания «Долой ЦК!», «Долой жандармерию!», «Долой фашистское правительство!» [739] . Пришедшие нашли вагон, в котором намечалось якобы везти их вождя. На крыше вагона под крики «ура» установили портрет Троцкого. Однако поезд тронулся, а герой всей этой истории так и не появился.

Пришедшие вскоре на квартиру Белобородова посланцы с вокзала (среди них был Раковский) рассказали, что демонстранты смогли, встав перед паровозом, остановить состав. Прошел слух, что Троцкого провели в вагон то ли незаметно уже на вокзале, то ли посадили в поезд до подачи состава на платформу. В окна вагонов заглядывали, звали Троцкого. Группа людей ворвалась в вагон, произошла стычка с милицией и сотрудниками ОГПУ, были пострадавшие и с той и с другой стороны. Представители властей произвели аресты. В результате поезд отправился с полуторачасовым опозданием. К этому времени всем уже стало известно, что депортация отложена на двое суток. Поздно вечером с вокзала привезли назад багаж семьи Троцкого и тех, кто, как предполагалось, будет их сопровождать.

Оппозиция намеревалась повторить свое вокзальное выступление 18 января, имея в виду сообщение об отсрочке высылки на два дня [740] . Однако на следующее утро, 17 января, в квартиру Белобородова-Троцкого внезапно явилась большая группа сотрудников

ОГПУ, часть в форме, часть в штатском. Троцкому за подписью Ягоды был вручен ордер на арест и немедленную отправку под конвоем в Алма-Ату. Возле телефона установили часового, чтобы не дать возможности проинформировать друзей и сторонников о том, что происходило. «Позже нам сообщили, – писала Седова, – что «политическое руководство» отправкой Л[ьва] Д[авидовича] возложено было на Бухарина. Это вполне в духе сталинских махинаций».

Понимая, что правительство в прессе и по радиовещанию пыталось придать ссылке видимость добровольного переезда Троцкого на новое место работы и что практические действия ОГПУ уже начали эту версию опровергать, Троцкий решил провести очередную политическую акцию. Он заявил, что отказывается от депортации, которая могла быть проведена теперь только с применением силы. Вместе с женой, сыновьями и несколькими посетителями, оказавшимися в тот момент в квартире Белобородова, Троцкий заперся в одной из комнат. «Они не знали, как быть, – писала Седова, – колебались, вступали в переговоры со своим начальством по телефону, затем получили инструкции и заявили, что будут ломать дверь, так как получили приказание». Без особого труда дверь была взломана. Когда преграда была ликвидирована, в проеме двери неожиданно появилась фигура человека, которого Троцкий хорошо знал еще по Гражданской войне и теперь легко вспомнил. Это был Владимир Александрович Кишкин [741] , в прошлом не раз сопровождавший Троцкого в поездках по фронтам, в частности во время боев под Петроградом против Юденича в 1919 г., и выполнял поручения наркомвоенмора. Теперь Кишкин исполнял функции помощника начальника транспортного отдела ОГПУ, и именно поэтому ему была поручена ответственная задача конвоировать Троцкого во время депортации к месту ссылки. Предполагалось, что этот человек должен был проявить особую ревностность, чтобы заслужить карьерное продвижение и реабилитировать себя за прошлую связь с нынешним вождем оппозиции. Кишкин стоял в дверях, взволнованный и растерянный. «Стреляйте в меня, товарищ Троцкий», – повторял он. «Не говорите вздора, Кишкин, никто в вас не собирается стрелять, делайте свое дело».

Увидев, что Троцкий одет по-домашнему, гэпэушники разыскали его ботинки и стали надевать ему на ноги. Точно так же были найдены шуба и шапка. Троцкий не оказывал сопротивления, но и не помогал гэпэушникам, которые затем понесли его к выходу на руках. «Мы солдаты – приказ, сами знаете, были военным». Троцкий ответил: «Я никогда не был солдатом, я был солдатом Октябрьской революции, а это не одно и то же». Несли его по лестнице трое, им было тяжело, они «все время невероятно пыхтели» и останавливались отдыхать [742] . За Троцким следовали жена и сыновья. Старший сын Лев при спуске по лестнице звонил во все квартиры и громко кричал: «Смотрите, несут товарища Троцкого!» В элитном доме жили видные партийные и советские деятели, большая часть которых находилась на службе. В дверях появлялись их жены, дети и домашние работницы, которые тут же испуганно отшатывались и запирали двери. Разумеется, никакого сопротивления никто не собирался оказывать. Но своей цели Троцкий добился. Слух о том, как его насильно отправили в ссылку, стал распространяться по Москве и другим городам. Появился даже анекдот: Сталин, провожая Троцкого и попыхивая трубкой, говорит: «Дальше едешь – тише будешь».

В автомобиль с трудом погрузили не только Троцкого, его супругу и двоих сыновей, но и провожавшую Франю Викторовну Белобородову. Когда машина приехала наконец на «площадь трех вокзалов», оказалось, что местом назначения являлся не Казанский, как сообщили Троцкому, а Ярославский вокзал. Поняв это, Сергей Седов попытался на ходу выскочить из машины, чтобы забежать к работавшей неподалеку своей жене Ольге и сообщить ей о происходившем. Сотрудники ОГПУ схватили его за руки и не дали возможности скрыться. В результате Троцкий с семьей оказались на совершенно пустом вокзале: для того чтобы вокзал был пуст, расписание поездов на этот день изменили, а сотрудники ОГПУ и милиция очистили от людей здание вокзала и перроны.

Точно так же, как и из квартиры, гэпэушники понесли Троцкого на руках, но теперь это

демонстративное поведение лидера оппозиции существенного значения не имело. Правда, при этом произошло небольшое столкновение. Старший сын Лев стал кричать занимавшимся своими делами железнодорожникам и дорожным рабочим: «Товарищи, смотрите, как несут товарища Троцкого!» Его схватил за воротник один из сотрудников ОГПУ (тоже хороший знакомый Троцкому, поскольку сопровождал его во время выездов на охоту): «Ишь шпингалет!» – воскликнул он и тут же получил удар по щеке, нанесенный Сергеем.

В конце концов Троцкий с семьей и Белобородова оказались в купе вагона. Все остальные купе и коридор были заняты сотрудниками ОГПУ, бдительно сторожившими непокорную, но не оказывавшую сопротивления группу. В два часа дня 17 января паровоз вместе с единственным пассажирским вагоном двинулся. На глухой подмосковной станции вагон Троцкого был включен в состав почтового поезда, который перед этим вышел с Казанского вокзала в сторону Ташкента и был специально остановлен для прицепления к нему спецвагона высылаемого вождя. Во время этой остановки Белобородова и Сергей Седов по предложению охраны покинули поезд, чтобы возвратиться в Москву, тогда как Лев отправился вместе с родителями в ссылку.

Узнав о вывозе Троцкого с незначительным опозданием, Раковский и другие оппозиционеры явились в квартиру Белобородова. В письме Троцкому, отправленном несколько месяцев спустя, из ссылки в ссылку, Раковский вспоминал: «В гостиной группа товарищей, больше женщин, среди них Муралов. Кто здесь гражданин Раковский? – услышал я голос. – Это я, что вам угодно? – Следуйте за мной! Меня отводят через коридор в маленькую комнату. Перед дверью комнаты мне было велено поднять руки вверх. После ощупывания моих карманов меня арестовали. Освободили в пять часов. Муралова, которого подвергли той же процедуре после меня, задержали до поздней ночи… «Потеряли голову», сказал я себе и испытывал не злобу, а стыд за собственных же товарищей» [743] .

Демонстрации на вокзалах в связи со ссылкой Радека и других оппозиционеров происходили в Москве, Харькове, Тифлисе и некоторых других городах. Численно они были незначительны. В целом население оставалось равнодушным к репрессиям в отношении возмутителей спокойствия в руководстве страны. И.Н. Смирнов говорил в те дни: «Через полгода коммунистов будут убивать в Москве, как в Северном Китае. Перебьют и нас в ссылке, если мы не разбежимся. Народ будет так же безмолвствовать, как он безмолвствует теперь» [744] .

В целом депортация проводилась сравнительно корректно. Конвой был предупредителен и вежлив. Троцкий, по воспоминаниям Седовой, «был настроен бодро, почти весело. Положение определилось. Общая атмосфера стала спокойней» [745] . Правда, багаж был отправлен следующим поездом, то ли для ускорения процедуры высылки самого Троцкого, то ли для неторопливой проверки отправляемого багажа, и Троцкому сообщили, что он получит его в городе Пишпеке (только что переименованном в Фрунзе), который был конечным пунктом железнодорожного путешествия: далее предстояло двигаться автомобильным транспортом.

Троцкого угнетало не столько отсутствие багажа, сколько то, что он не имел книг и письменных принадлежностей, которые были заботливо сложены секретарями Сермуксом и Познанским, прекрасно знавшими его вкусы и привычки и сохранившими верность своему шефу. Перед отъездом Сергей раздобыл книгу известного ученого и путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского о Туркестанском крае [746] . Троцкие намеревались лучше ознакомиться со своим будущим местом жительства, о котором знали лишь весьма приблизительно. Однако и эта книга оказалась в багаже. «Мы сидели в вагоне налегке, точно переезжали из одной части города в другую. К вечеру вытянулись на скамьях, опираясь головами на подлокотники. У приоткрытых дверей купе дежурили часовые», – вспоминала Седова.

Хотя положение высылаемых было крайне неопределенным и они даже не были уверены, что местом назначения действительно является Алма-Ата, настроение Троцкого улучшилось. По всей видимости, сказались крайнее напряжение и до предела нервная

обстановка недавнего прошлого, усталость, сменившаяся вынужденным бездельем. Разумеется, в значительной степени бодрость Троцкого была искусственной – это был способ поддержать в тяжелую минуту и жену, и старшего сына, и самого себя. С обыденной точки зрения путешествие проходило сравнительно комфортабельно. По мере продвижения на восток конвой становился еще более предупредительным. Сказывалось удаление от столиц, партийного и чекистского начальства, привычное уважительное и даже почтительное отношение к Троцкому как к организатору большевистских побед в революции и Гражданской войне. Свободнее чувствовали себя не только Троцкий с семьей, но и охранники, готовые теперь оказывать Троцкому житейские услуги. В их среду еще не проникли чувства подозрительности по отношению к коллегам по службе, доносов сослуживцев начальству, похоже, они не боялись (через несколько лет гэпэушники-энкавэдэшники будут себя вести уже иначе). В Самаре были закуплены смены белья, мыло, зубной порошок и другие вещи самой первой необходимости. Еду приносили из вагона-ресторана. Лев Давидович, обычно придерживавшийся строгой диеты, теперь ел все, что ему подавали. Купленным в Самаре бытовым вещам стали давать иронические имена: полотенце имени Менжинского, носки имени Ягоды…

Важную роль в деятельности Троцкого с этого времени стал играть его старший сын Лев Львович Седов. Активно участвовавший в деятельности оппозиции и до этого, он постепенно превращался в главного политического сотрудника и помощника отца. Не успев в Москве попрощаться толком даже с женой Анной Семеновной Рябухиной, он целиком и полностью отдался в ссылке политическим делам Троцкого. Его мать писала, несколько преувеличивая: «С этих пор он стал нашей единственной связью со внешним миром». Но во многом так действительно и было. С момента ссылки Троцкий в передвижениях и общениях был более связан и скован, чем его сын.

Перед отъездом Троцкий требовал, чтобы ему дали возможность взять с собой своих секретарей – Сермукса и Познанского. В этом ему отказали. Сталин по собственному опыту знал, что без секретариата работать куда сложнее, чем с секретарями. Облегчать Троцкому условия работы он не планировал. Тогда верные сотрудники решили ехать вместе с Троцким полулегально. Они купили билеты на поезд, отправлявшийся 16 января, в день запланированной высылки Троцкого, и уехали из Москвы на сутки раньше. Узнав в дороге, что высылка Троцкого отложена, они слезли на какой-то промежуточной станции и ждали следующих поездов, дождавшись поезда со своим шефом. Вот как вспоминал встречу с Сермуксом и Познанским на станции Арысь, недалеко от Чимкента, где поезд остановился на длительное время, Л. Седов: «Утром направляюсь на станцию, авось найду товарищей, о судьбе которых мы всю дорогу много говорим и беспокоимся. И действительно: оба они тут как тут, сидят в буфете за столиком, играют в шахматы. Трудно описать мою радость. Даю им понять, чтобы не подходили: после моего появления в буфете начинается, как всегда, усиленное движение агентов. Тороплюсь в вагон сообщить открытие. Общая радость».

Когда стемнело, Седов встретился с Познанским и передал ему указание отца ехать в Ташкент и там ожидать дальнейших инструкций, а Сермуксу добираться до Алма-Аты, но пока в контакт с ним не вступать. На десятый день медленного путешествия изгнанников наконец догнал багаж, что позволило оставшиеся сутки знакомиться с районом Алма-Аты по описаниям Семенова-Тян-Шанского, а Троцкому, кроме того, начать приводить в порядок приготовленные секретарями письменные принадлежности и бумаги, над которыми он собирался работать.

Конечной станцией был Пишпек (Фрунзе). Далее железнодорожной линии не было. Троцких пересадили на грузовик [747] , везший их, пока была возможность. Затем по высокогорной, непроходимой для автотранспорта дороге ссыльные передвигались на телегах. Заключительная часть пути была более комфортной, по крайней мере поначалу: ехали на автобусе, высланном навстречу из Алма-Аты.

Теперь ссыльных сопровождал еще и новый конвой. Начальник прежней охраны –

Кишкин – заблаговременно попросил у Троцкого документ, подтверждающий, что у Троцкого во время пути по железной дороге к конвою не было претензий и жалоб, что обращались с ними вежливо и корректно. Чины ОГПУ подстраховывались на случай возвращения Троцкого во власть. Поверить в то, что карьера вождя революции и всесильного наркома навсегда завершилась, было трудно даже чекистам. «Если оставить в стороне контрреволюционный характер ссылки меня по 58[-й] ст[атье], а также возмутительные условия отправки меня и моей семьи из Москвы, зависевшие, очевидно, не от конвойной команды и ее начальника гр. Кишкина, то в отношении следования по железной дороге я не имею никаких претензий к гр. Кишкину, который для облегчения мне и моей семье следования сделал все, что мог, в рамках данного ему свыше поручения» [748] , – указал Троцкий в «свидетельстве» Кишкину, предусмотрительно оставив себе копию этого документа.

Первая ночевка была на старой почтовой станции. Троцкий и Седова разместились на столе, а сын – на стоявшей рядом скамейке. «Совсем не похоже на кремлевскую квартиру!» – заметила Наталья с иронией. Троцкий тоже отнесся к ситуации с иронией. Наверное, вспоминалась революционная молодость. Во имя идеалов революции он и сейчас готов был жертвовать комфортом.

Зимняя переправа через Курдайские горы (отроги Киргизского хребта) была очень тяжелой. Снежные заносы вместе со жгучим морозом создавали непосредственную угрозу для жизни всей группы. На третьи сутки, уже глубокой ночью, автобус достиг наконец Алма-Аты. Троцкий с семьей были размещены в двух комнатах гостиницы «Джетысу» (в переводе с казахского «Семиречье»). Соседние номера были заняты конвоем и местными агентами ОГПУ. При проверке багажа, однако, выявилась нехватка двух чемоданов, как раз тех, где снова оказалась книга Семенова-Тян-Шанского и письменные принадлежности. Чемоданы были потеряны в суматохе при пересадке в автобус. Начальник конвоя Кишкин, чувствуя свою вину перед Троцким и опасаясь взысканий и от Троцкого, и от московского начальства, пытался переложить ответственность на новую охрану. Троцкий, поддавшись влиянию Кишкина, тоже вновь ощутил себя руководителем государства и строго телеграфировал в Москву Менжинскому: «Два чемодана [с] книгами [и] бельем утеряны [на] участке Фрунзе – Алма-Ата без [присутствия] Кишкина. Лекарства, бывшие [в] ящике, действительно сохранились. Конвойные Аустрин [и] Рыбкин прекрасно знают [об] утрате чемоданов. Пытались ошибочно заменить их чемоданами других пассажиров [749] . Обязались возместить пропавшее, взяли списки утерянных вещей. Отрицание Кишкина [что он тут ни при чем] неуместно» [750] .

Так Троцкий оказался в своей третьей, на этот раз советской ссылке, из которой бежать было невозможно, тем более для такого именитого лица, находившегося в изгнании вместе с семьей. К тому же, при всем своем неприятии все более четко оформлявшегося сталинского режима, существовавшая власть рассматривалась им не как политически враждебная, а только как допускавшая серьезные отклонения от правильного курса, отклонения вполне, по его мнению, исправимые. Изгнанник по-прежнему ставил своей задачей не свержение существовавшей власти, тем более насильственным путем, а изменение ее политики, прежде всего при помощи замещения «центристского», как он определял, руководства Сталина новыми людьми, что автоматически повлекло бы за собой возвращение Троцкого в Москву и не просто политическую реабилитацию со снятием клейма оппозиционера, проводника меньшевистского уклона, «двурушника» и прочее, а признание курса левой оппозиции Троцкого единственно правильным, практически выполнимым реальным курсом – «генеральной линией» партии.

2. Привилегированный ссыльный

Первый месяц Троцкий с семьей оставался в гостинице. Условия жилья и быт были не из лучших. За две крохотные комнаты необходимо было платить из собственного кармана.

Комнаты не имели элементарных санитарных удобств (ванной, туалета), к которым при всей непритязательности семьи она успела привыкнуть как к необходимому условию, обеспечивавшему сносное существование и возможность умственного труда. Правда, Наталье Ивановне предоставили возможность пользоваться кухней, но все кухонное оборудование было сломано, приходилось пользоваться ресторанной пищей, одновременно дорогой и малосъедобной, «гибельной для здоровья», как написал Троцкий 31 января в телеграфной жалобе на имя Калинина и Менжинского: «Мы поселены ГПУ [в] гостинице [в] условиях, близких тюремным», – говорилось в этой телеграмме, несколько сгущающей краски [751] .

Из новой (февральской) телеграммы стало понятнее, почему Троцкий указывает на тюремный режим алма-атинской гостиницы. Троцкий настаивал, что фактически произошла подмена ссылки арестом: «Условия тюремного заключения можно создать в Москве. Незачем ссылать [за] 4 тысячи верст», – негодовал Лев Давидович, вспоминая, вероятно, сравнительно комфортные условия его первой ссылки по приговору царского суда в Восточную Сибирь в годы юности. Особенно раздражал его теперь отказ начальника местного управления ГПУ разрешить Троцкому пойти на охоту [752] .

Все же, попытавшись несколько припугнуть Троцкого суровыми условиями, власти явно не собирались пока слишком прочно завинчивать гайки, хотя за самим Троцким и его перепиской было установлено самое тщательное наблюдение. Все письма просматривались сотрудниками ОГПУ; ежемесячные – но не ежедневные и не еженедельные – справки посылались Сталину и Менжинскому [753] . Троцкий теперь интересовал Сталина раз в месяц. Правда, копии писем Троцкого обычно посылались высшим партийным чиновникам для ознакомления и ориентировки в борьбе против «троцкизма», о чем свидетельствует, например, толстая папка с этими копиями и другими документами оппозиции в архивном фонде ЦК КП(б) Украины (это были материалы, которые по личному распоряжению Сталина направлялись генеральному секретарю украинской компартии Кагановичу) [754] . По всей видимости, возможность переписки, хотя с трудностями и ограничениями, была сохранена для того, чтобы было легче, лучше и удобнее держать под наблюдением и сосланных, и оставшихся на свободе оппозиционеров, знать об их взглядах, мнениях и намерениях, а в перспективе использовать всю эту информацию для реального раскола оппозиции и для будущих расправ с ее руководителями.

По прибытии в Алма-Ату Троцкий стал принимать меры для установления связей с разбросанными по разным отдаленным уголкам страны единомышленниками. Конец января – февраль 1928 г. были временем рассылки многочисленных телеграмм и открыток, которые члены семьи и сосланные оппозиционеры отправляли Троцкому, зная только то, что он, по-видимому, находится в Алма-Ате. Поэтому адрес был простой: Алма-Ата, почта, до востребования, Седову, тем более что не только сын Лев носил фамилию своей матери, но и у самого Троцкого был паспорт на фамилию жены. Сделано это было в какой-то момент из бюрократических и конспиративных соображений (на псевдоним Троцкий советская бюрократическая машина паспорт выдать не могла, а получать паспорт на фамилию Бронштейн вождь российской революции, пытавшийся убежать от своего еврейского происхождения, посчитал политически неправильным, остановившись на фамилии жены).

Зная о том, что власти проводят перлюстрацию и копирование писем, оппозиционеры, разумеется, писали свои письма с учетом этого. Поэтому в письмах и телеграммах, особенно первых, почти полностью отсутствовала информация по существу и тем более какие бы то ни было политические оценки. 26 января Сергей Седов телеграфировал семье: «Получили две телеграммы. Дорожных [посланных по дороге в ссылку] – нет. Высылаем вещи. Здоровы, целуем». На следующий день жена Льва Седова Анна из Москвы послала мужу телеграмму, полную намеков и иносказаний: «Безмерно обрадована благополучным прибытием [в] Алма-Ату. Приехав домой, застала гостей. Наши домашние здоровы. Сильно заболел Давид [с] ребятами. Александра переехала. Живем дружно. [В] понедельник был врач. Делали дезинфекцию. Все хорошо, не беспокойтесь. Настроение у меня бодрое, получила твою,

мамину телеграмму. Вещи днями вышлем. Целую тебя, маму, папу. *Анюта* ».

«Гостями» были вторгшиеся в квартиру для обыска гэпэушники. «Давид с ребятами» – Давид Майзель и другие сотрудники Троцкого, участвовавшие в том числе в подготовке его собрания сочинений. Указание на то, что они «сильно заболели», означало, что их тоже высылают (Майзеля выслали в Вологду). «Переехавшая Александра» была супруга Раковского Александрина Георгиевна Кодряну, тоже оппозиционерка, выехавшая с мужем в ссылку в Астрахань (вскоре, правда, она вернулась в Москву). Проводивший в понедельник «дезинфекцию» «врач» – указание на новый обыск, произведенный в понедельник сотрудниками ОГПУ.

Получив телеграммы от Каспаровой, Муралова, И.Н. Смирнова, Троцкий немедленно откликнулся на них, сообщив свой временный, пока еще гостиничный адрес. Особенно обрадовали его телеграммы от исчезнувшего было Сергея Сермукса, который был перехвачен гэпэушниками по дороге и оказался в ссылке в Великом Устюге (он сообщил свой адрес) и от супруги Белобородова Франи – недавней гостеприимной хозяйки Троцких в Москве – со словами «Привет от Егорыча [Белобородова] из Усть-Кулома» [755] .

Несколько писем Троцкий получил от своей первой жены А.Л. Соколовской, с которой у него сохранились теплые отношения. Александра Львовна выполняла просьбы своего бывшего супруга, к примеру посылая ему литературу. Особенно рад был Троцкий получению «Воспоминаний» российского государственного деятеля конца XIX – начала XX в. С.Ю. Витте, которые читал с удовольствием, вспоминая, в частности, начало своей политической деятельности [756] . В письме от 2 мая Соколовская рассказала, как проходило ее исключение из партии: «Ты, надеюсь, знаешь, что мои все политические симпатии всегда совпадают с твоими, даже если мы друг о друге ничего не знаем». На партийном собрании Соколовскую спросили: «Как, вы даже против исключения Троцкого?» Она ответила: «Я знаю 30 лет Троцкого как самого пламенного революционера, который всегда стоял на этой позиции и даже на одно мгновение не изменил ей». – «Как так? – возмущенно сказал председатель собрания. – Ведь он был меньшевиком? А Августовский блок?» – «Я не изучала историю партии по фальсифицированным документам, а сама ее творила. Вы мне про Троцкого не рассказывайте, а у меня про него спросите». Председатель ответил: «Я тоже знаю партию не по документам». – «Что ж, так, значит, не всякому дано умение понимать, что вокруг него делается» [757] .

В одном из первых своих писем Троцкий объяснял, почему не занимается охотой и рыбной ловлей: у него вновь была повышенная температура, которая не покидала его со времени начала путешествия. «Причин к тому много», – писал Троцкий, добавляя, что живет пока еще «в гостинице гоголевских времен» [758] . Через несколько дней, подтверждая, что в гостинице «ужасный хаос, который, хотя и не является результатом землетрясения, но очень напоминает последнее» (клопов в номере не было, и это приходилось считать одной из маленьких радостей!), Троцкий сообщал, что все же собирается в ближайшее время заняться охотой. Дичи, считал он, поубавилось, но она в районе Алма-Аты чрезвычайно разнообразна: от перепела до барса и тигра. Об охоте на камышового балхашского тигра можно было только мечтать: «Тигры… довольно далеко отсюда, на Балхашском озере, и непосредственной опасности им от меня не угрожает».

В 20-х числах февраля Троцкому была предоставлена отдельная квартира, и быт его семьи стал постепенно налаживаться. Он писал 27 февраля: «В результате телеграмм, посланных мною в Москву по самым высокопоставленным адресам, нам, наконец, после трехнедельного пребывания в гостинице, предоставили квартиру. Пришлось покупать мебель, восстанавливать разоренную плиту и вообще заниматься строительством, правда, во внеплановом порядке. Строительство не закончено и по сей день, ибо честная советская плита не хочет нагреваться» [759] . «Внеплановый порядок» в жизни Троцкого, в отличие от «планового» централизованного советского строительства, возник конечно же из-за того, что Сталин сослал его в глушь.

В мае удалось получить разрешение и небольшую денежную сумму для того, чтобы

снять дачу в окрестностях города – в так называемых Садах, ибо на летний период все жители, которые были в состоянии это сделать по материальным соображениям, покидали пределы Алма-Аты, где царили не только жесточайшая жара, но и невыносимая пыль. Сюда, в Сады, смогли приехать навестить своих родных вначале сын Сергей, а затем и жена Льва Анна, настроение которой было удрученным, так как перед самым отъездом она была уволена с работы в отместку за деятельность ее родственников. Собиралась навестить отца и дочь Троцкого от первого брака Зинаида, работавшая до поры до времени в школе для взрослых в Ялте. Однако и ее уволили с преподавательской работы, несмотря на то что у нее были дочь и двухлетний сын, из опасений, как писала отцу Зинаида, что она будет внушать слушателям «троцкизм» и «неоменьшевизм», тем более что муж Зинаиды – Платон Волков [760] , являвшийся активным сторонником Троцкого, – был к тому времени арестован, а затем сослан в город Енисейск. Зина надеялась, что «это свинство» продлится не слишком долго, хотя была готова и к худшему. Ее поездка в Алма-Ату так и не состоялась, видимо, и по причине легочной болезни, и потому, что сам Лев Давидович, приглашая дочь, в то же время предостерегал ее от поездки, рекомендуя посоветоваться с доктором Гетье, а затем перестал настаивать на ее приезде [761] , часто испытывая раздражение из-за ее тяжелого, психически неуравновешенного характера.

Первоначальное запрещение Троцкому охотиться, исходившее от местного ГПУ, было, очевидно после вмешательства Москвы, отменено. Правда, охоту ограничили 25 верстами (около 30 километров) от местожительства, что вызвало новое возмущение Троцкого, выраженное в телеграмме Менжинскому с копией начальнику Алма-Атинского ГПУ Иванову. Заявляя, что в указанном радиусе охотится не на кого, Троцкий 6 марта объявил, что собирается охотиться в районе Илийска, за 70 верст от Алма-Аты, и просил дать соответствующие указания местным властям «во избежание бесцельных столкновений». Правда, первая охотничья экспедиция была почти сразу прервана, так как усердные надсмотрщики из ГПУ вели себя демонстративно открыто, о чем Троцкий написал в протесте районному отделу ГПУ. Можно, правда, заподозрить, что охота прервалась и по другой причине: Лев Давидович с сыном и сопровождавшими егерями заночевали в юрте местных жителей, откуда «вывезли большое количество совсем не предусмотренной нашими охотничьими планами «дичи» [762] . В охоте ради наживы отпала необходимость.

В очередном письме Преображенскому, Муралову и Раковскому речь шла о второй вылазке в окрестные леса. Эта экспедиция была несравненно удачнее, и о ней буквально с мальчишеской гордостью автор повествовал в самых восторженных тонах, включавших описание мелких дорожных приключений и великолепных, ярко схваченных острым пером бывшего журналиста пейзажей реки Или. Для своих лесных предприятий Троцкий приобрел охотничью собаку по кличке Мая, по поводу которой острил: она «даже и не подозревает, что попала в большую политику» [763] . Позже появилась и вторая собака. Вот отрывок из этого описания: «Поездка доставила мне огромное удовольствие, суть которого состоит во временном обращении в варварство: девять дней провести на открытом воздухе, и заодно девять ночей, есть под открытым небом баранину, тут же изготовленную в ведре, не умываться, не раздеваться и потому не одеваться, падать с лошади в реку (единственный раз, когда пришлось раздеться), проводить почти круглые сутки на маленьком помосте посреди воды и камышей (киргизская дверь размером с небольшое окно) – все это приходится переживать не часто. Вернулся я домой без намека на простуду».

Режим Троцкого в Алма-Ате в целом определялся лично Сталиным. Поскольку режим этот не был максимально жестким, можно предположить, что Троцкому оставлялась лазейка на случай возникновения желания публично раскаяться и вернуться в Москву. Он был исключен из партии и сослан, но в Алма-Ате сохранялся парк имени Троцкого, а на почте можно было еще приобрести открытки с его изображением. Дети и родственники теряли работу и свободу, но не жизнь. Никто из детей не был арестован, хотя мужья дочерей были сосланы почти одновременно с Троцким. Однажды к Троцкому без предварительной договоренности явился некий человек, который представился сочувствующим ему

инженером. Он расспрашивал об условиях жизни, выражал огорчение по поводу трудностей и как бы ненароком спросил: «Не думаете ли вы, что возможны какие-либо шаги для примирения?» Подозрительный в отношении всех «случайных» знакомых Троцкий ответил ему в том смысле, что «о примирении сейчас не может быть и речи: не потому, что я его *не хочу* , а потому, что Сталин *не может* мириться, он вынужден идти до конца по тому пути, на который его поставила бюрократия». Визитер поинтересовался, чем все это может окончиться, и получил ответ: «Мокрым делом, ничем иным Сталин кончить не может». Троцкий полагал, что эта беседа сыграла немаловажную роль через некоторое время при принятии Сталиным решения о высылке его за границу [764] .

В Алма-Ате Троцкий занялся работой, которую считал важной и ответственной. Еще до ссылки он договорился с директором Института Маркса – Энгельса – Ленина Д.Б. Рязановым о сотрудничестве. Соглашаясь дать Троцкому оплачиваемую работу, Рязанов, не любивший Сталина, но и не входивший никогда в оппозицию, проявил определенное мужество. Вряд ли он нуждался в Троцком как в научном работнике и переводчике. Понятно, что он пользовался своей должностью директора института, чтобы поддержать Троцкого морально и материально. Тем не менее это назначение Троцкого на должность сотрудника института было конечно же согласовано, и Сталин не возражал против того, чтобы Троцкий тратил свое время в ссылке не на оппозиционную деятельность, а на академическую работу по пропагандированию идей Маркса, прежде всего на трудоемкую, нудную работу по переводу текстов с немецкого и английского на русский. К тому же удачно решалась и проблема денежного довольствия Троцкого в Алма-Ате: теперь у него была возможность получать гонорары от Рязанова [765] , а не ждать милости от правительства (что советскому руководству тоже было проще). Поэтому до поры до времени сотрудничеству Троцкого с Рязановым власти не мешали.

Институт взял на себя снабжение Троцкого социально-политической литературой, необходимой для работы, причем Рязанов трактовал потребности Троцкого в книгах в выгодную для него сторону, широко и не скупясь. Рязанов организовал отправку литературы и другим ссыльным оппозиционерам, в частности Муралову. Подчас, писал Муралов Троцкому, посылают «дребедень», но большей частью хорошие книги [766] .

Троцкий имел от Института несколько заданий. Одно из них состояло в литературно-политическом редактировании части томов издания произведений Маркса и Энгельса на русском языке. В начале мая он получил первый том рукописи, приступил к работе [767] , но вскоре сообщил Рязанову, что считает перевод первого тома неудовлетворительным, приводя ряд примеров [768] . Другим поручением стал перевод на русский язык части памфлета Маркса «Господин Фогт». Эта обширная работа Маркса, написанная в 1860 г., являлась резким полемическим ответом на ряд печатных выступлений немецкого философа и естествоиспытателя Карта Фогта [769] . В мае 1928 г. Троцкий проинформировал Рязанова, что уже перевел примерно три печатных листа этой работы, однако и эта часть еще нуждалась в доработке, особенно в связи с наличием цитат из других разноязычных источников [770] .

Сообщая единомышленникам об этой работе, Троцкий с сарказмом делился своими впечатлениями. Маркс собрал для своего памфлета документы и свидетельские показания, разобрал прямые и косвенные улики, и, «если бы мы стали опровергать клевету в таком же масштабе», как это делал Маркс, оппозиционерам «пришлось бы издать тысячетомную энциклопедию. Ведь совсем недавно провозглашено было: «разбили, разгромили, довольно полемики», переходим «к практическому строительству, а вместо этого открыта новая глава полемики, причем на сей раз, чтобы не повторять старого репертуара, приходится полемизировать против числа чемоданов и ящиков (преувеличив их втрое для красоты слов) и против охотничьей собаки» [771] , которую долго не разрешали завести.

Еще одним проектом был перевод книги британского экономиста и социолога Томаса Годскина [772] . Троцкий не называл, какую именно книгу Годскина он переводит. Скорее всего, речь шла о «Популярной политической экономии» (1827). Рязанову сообщалось, что в

течение месяца-полутора эта работа будет завершена. Сообщая, что перевод цитат, встречавшихся в тексте, не представляет никаких затруднений, он все же просил Рязанова прислать ему изданные Институтом сочинения Д. Рикардо [773] , ибо «в интересах единства физиономии научного издательства следовало бы привести цитаты по тексту» именно этого издания [774] . Трудно сказать, был ли закончен этот перевод, но во всяком случае издан он в переводе Троцкого тогда не был. Сочинения Годскина были опубликованы на русском языке лишь через десять лет [775] .

Судя по некоторым письмам, в частности своей первой жене, Троцкий предполагал написать в ссылке еще и работу об итогах мировой войны [776] , но к реализации этого плана не приступил, хотя начал собирать необходимую литературу. Зато он сделал первые шаги в работе над книгой воспоминаний (которую завершил и издал уже в эмиграции). К созданию мемуаров его побуждал ряд коллег и соратников, особенно Преображенский. В алма-атинской городской библиотеке ему удалось разыскать много старых журналов (правда, они не были каталогизированы, лежали кучами, и Троцкому приходилось «производить в них раскопки»). Предполагалось, что эти журналы будут опорными вехами для проникновения в эпоху. Для этого же, как и для конкретизации фактов и проверки их достоверности, использовались народовольческие мемуары, воспоминания царских сановников, а также статистические справочники и сборники, особенно связанные с экономическим развитием южных губерний России, издания Херсонского губернского земства, литература об Одессе и топографические планы Одессы и Николаева. «Других, столь благоприятных условий для написания воспоминаний, как в благословенной Алма-Ата, больше уж, пожалуй, не дождешься» [777] , – писал Троцкий в мае 1928 г. Сокольникову, незадолго перед тем, как Сокольников «капитулировал», раскаялся и был назначен на пост полпреда СССР в Великобритании.

О периоде жизни до образования Николаевского рабочего союза Троцкий успел написать обширные, хотя и не связанные друг с другом черновики. Для части о Николаевском союзе, пребывании в тюрьме, первой ссылке – занимался подборкой материалов. Очень сожалел, что он не может получить одесские и николаевские газеты за 1888 – 1898 гг. Придумал несколько вариантов названия воспоминаний: «Полвека», «Приливы и отливы», «На службе революции», «Жизнь в борьбе», «Жить – значит бороться». (В конце концов воспоминания были названы «Моя жизнь».) Сравнение намеченного с конечным результатом – изданным в Берлине в конце 1929 г. двухтомником – показывает, что первоначальные планы были реализованы только отчасти. Столь широкой панорамы раннего периода своей деятельности, как это задумывалось в Алма-Ате, Троцкий не дал. По всей видимости, текущие политические события поглощали основное его внимание и на воспоминания отводился только остаток времени.

Троцкий привык работать с секретарями и помощниками. Так было не только тогда, когда он занимал высокие правительственные посты, но и ранее, возглавляя свои группы и периодические органы. Теперь приходилось привыкать к работе в одиночку – ни Сермукс, ни Познанский в Алма-Ату допущены не были (оба были отправлены в ссылку в другие места). Троцкому разрешили пользоваться пишущей машинкой, привезенной с собой, а единственным помощником оказался сын Лев, который трудился с утра до ночи, выполняя все более нагромождавшиеся технические и лишь частично политические поручения отца. Пока еще Троцкий терпеливо относился к тому, что он считал недоработками или ошибками сына, но постепенно у него накоплялось лишь слегка подавляемое раздражение. Посильную помощь в делах оказывала и Наталья Ивановна, но в основном она занималась нелегкими бытовыми проблемами, от которых всеми силами ограждала мужа.

Власти проводили четкую границу между исключенными из партии и сосланными лидерами оппозиции и рядовыми ее членами. К первым пока относились с определенным пиететом – их брали на государственное содержание, весьма, впрочем, скудное, не препятствовали их рассылаемым по почте политическим заявлениям, переписке, телеграммам, давали возможность обращаться в международные коммунистические

инстанции, в частности к VI конгрессу Коминтерна. Показательным был строго секретный циркуляр от 12 мая 1928 г., подписанный заместителями начальников секретно-оперативного управления и секретного отдела ОГПУ Дерибасом и Аграновым и утвержденный заместителем председателя ОГПУ Ягодой [778] . В этом документе выражалось недовольство нарушениями директив о «работе» с ссыльными оппозиционерами – переброской их в отдаленные углы губерний, отказами в помощи в подыскании жилья, несвоевременными выплатами полагавшегося ежемесячного пособия в 30 рублей и т. п., что вызывало «жалобы и нарекания оппозиционеров по всем инстанциям». «Указанные выше ненормальности, а также ряд других мелких упущений… – указывалось в циркуляре, – не только не способствуют идейному и организационному разложению оппозиции, не только не ускоряют отхода колеблющихся элементов, но создают ненужную озлобленность последних, дают излишние поводы для провокационных и вздорных жалоб в директивные инстанции и выступлений в подпольных листках о существующем якобы стремлении к «физическому уничтожению оппозиции».

Начальство требовало не допускать никаких перебросок и других «оперативных действий» без санкции секретно-оперативного отдела ОГПУ, регулярной выплаты пособия с добавкой 5 рублей в месяц на каждого ребенка, помощи в подыскании жилья, трудоустройства и заработка. Ссыльным разрешалось поступать на службу в советские учреждения. После ругани с Троцким из-за охоты было сформулировано общее разрешение охотиться в радиусе 25 – 30 верст от места проживания. После многочисленных заболеваний Троцкого ссыльным разрешили не регистрироваться еженедельно в случае задокументированной врачами болезни. В то же время от местных начальников требовали тщательно перлюстрировать корреспонденцию, все письма в копиях направлять в ОГПУ, а наиболее важные документы фотографировать. За ссыльными следовало устанавливать конспиративное наблюдение. С ними необходимо было проводить беседы, «соблюдая осторожность и такт», особенно внимательно относясь к тем, кто склонен был к отходу от оппозиции. К беседам не следовало допускать сотрудников «политически слабо развитых или мало подготовленных».

Если во имя разложения оппозиции в отношении ее верхов устанавливался сравнительно либеральный режим, оппозиционеры низшего и среднего звена, наоборот, подвергались все более жестоким преследованиям и травле. В ряде случаев рядовых оппозиционеров продолжали сажать в тюрьмы и отправлять в концентрационные лагеря, где они подвергались издевательствам не только со стороны охраны, но и подстрекаемых ею уголовников, находившихся в тех же камерах и бараках (от существовавших ранее «политизоляторов», в которых содержались только политзаключенные, карательные органы все больше отказывались). Проводя этот курс, власти пытались оторвать верхушку оппозиции от рядовой массы, оставить для лидеров оппозиции приоткрытую дверь для возвращения в партию, продемонстрировать зарубежной левой общественности, и прежде всего коммунистам, своего рода «либерализм» руководства ВКП(б), готового вновь принять заблудших в свои ряды, разумеется в случае их полного раскаяния.

До октября 1928 г. в целом не было перебоев с почтой. Два-три раза в неделю инвалид-почтальон верхом на лошади доставлял Троцкому плотную сумку, набитую письмами, прочей корреспонденцией, иногда даже книгами и газетами из-за границы. Ответная переписка алма-атинского ссыльного тоже была очень активной. Письма шли Радеку и его жене Розе Маврикиевне в Тобольск, а затем в Томск; И.Н. Смирнову в Новобаязет (Армения); Каспаровой в Курган; Мрачковскому в Великий Устюг; Муралову в Тару; Преображенскому в Уральск; Врачеву в Вологду; Смилге в Нарым; Эльцину [779] в Усть-Вымь, куда также был в конце концов отправлен Сермукс. Основной формой общения оппозиционеров в ссылке стали так называемые «циркулярные письма». Это были тексты, предназначенные одновременно для многих лиц, хотя часто адресованные конкретному человеку или нескольким ссыльным, и должные «циркулировать» среди группы заранее

определенных адресатов, передаваться и пересылаться от ссыльного к ссыльному. С мая по декабрь 1928 г. Троцким было послано одиннадцать формальных «циркулярных писем». Но фактически ориентировочных циркуляров было значительно больше, так как некоторые письма считались частными.

«Циркулярные письма» оказались достаточно демократическим способом общения и обсуждения вырабатываемой общей политической линии. Ссылка уравняла в правах всех. Теперь среди участников дискуссий не было ни членов Политбюро, ни членов ЦК, ни даже членов ВКП(б). Ссыльный Троцкий рассылал своим сторонникам циркулярные письма, излагая в них свои выводы и оценки. Другие ссыльные, как бывшие руководители, так и бывшие рядовые члены оппозиции, делились с бывшим вождем Октябрьской революции и вторым человеком в государстве анализом конкретных событий и ситуаций, в центре которых они оказывались, а в некоторых случаях вносили предложения по коренным вопросам. Троцкий всегда воспринимал эти предложения и советы формально вежливо, но крайне сдержанно и считался с ними лишь в редких случаях. Тем не менее у всех создавалось впечатление, что точка зрения любого ссыльного Троцкому важна и интересна.

3. Раковский

Информация о текущих событиях в СССР и за рубежом к оппозиционерам поступала только из советской прессы, причем вначале Троцкий получал лишь «Правду» и «Экономическую жизнь», а также местную, не выходившую ежедневно «Джетысуйскую искру». Почта поступала с большим опозданием. Троцкому пришлось письменно пожаловаться местным властям, которые заверили его, как и полагалось бюрократам, что почтовые неурядицы будут изжиты и что корреспонденция станет поступать регулярно. Иностранные газеты в Алма-Ату не доходили, и Троцкий просто изнывал, не получая западную прессу. Он писал в феврале, что надеется со временем наладить получение по крайней мере важнейших мировых газет, хотя бы с запозданием на месяц [780] . Это ему действительно удалось. Помощь оказали владевшие иностранными языками Раковский и Андрейчин. Последний, сам находясь в ссылке, установил с Троцким контакт и предложил ему разнообразные услуги, поскольку свободно владел английским языком и сохранил обрывочные связи с деятелями американского рабочего движения, в котором участвовал ранее. Андрейчин посылал Троцкому материалы из печати Соединенных Штатов, делился своими соображениями о политическом положении и предполагаемых перспективах хозяйственного и политического развития США [781] .

Однако главным корреспондентом на протяжении почти всего 1928 г. был старый и верный друг Раковский, находившийся в ссылке в Астрахани и писавший обширные и интересные письма [782] . Раковский прибыл в Астрахань, по всей видимости, 20 января. Он был отправлен в ссылку «дня через три» после Троцкого. Троцкий, со своей стороны, известил Раковского о приезде в Алма-Ату письмом. Ответную телеграмму Раковского он получил 4 февраля: «Крайне обрадовался, здоров, работаю, обнимаю всех» [783] . После этого между ними началась весьма примечательная переписка, в которой участвовали и члены семей: Наталья Ивановна и Лев Седов, с одной стороны, супруга Раковского – с другой. Часто обменивались телеграммами [784] .

Хотя с Троцким Раковский переписывался регулярно в течение всего времени пребывания в Астрахани, это не была переписка в полном смысле слова, ибо Троцкий, как правило, отвечал не самому Раковскому, а группе своих единомышленников, в том числе и ему. Иначе говоря, письма Троцкого были почти полностью политическими, личные моменты в них встречались крайне редко. Первое письмо Раковского Троцкому было послано 17 февраля из Астрахани. В нем говорилось, что в этом городе он находится уже около месяца. В письме рассказывалось, как вначале Раковский поселился в коммунальной гостинице, но нашел комнату с пансионом, куда на днях должен был перебраться. Позже он опять поселился в гостинице. В небольшой комнатушке, где за ширмой стояли кровать и

умывальник, основное место занимали лежавшие один на другом чемоданы с политическими и дипломатическими документами, которые Раковскому каким-то образом удалось привезти в Астрахань. В городе была неплохая, по мнению Христиана Георгиевича, библиотека, но почти полностью отсутствовали книги по общественным дисциплинам. Внезапно вырванный из привычной социально-политической среды, Раковский крайне тяжело ощущал хотя бы то, что он не получал ни одного журнала. Но какие-то книги взять с собой удалось. Он усиленно занимался изучением трудов Анри Сен-Симона [785] и его ученика Бартелеми Анфантена [786] . Ссыльный перечитывал Маркса и Энгельса. Только теперь он смог внимательно прочитать «Политическую историю Французской революции» выдающегося историка Альфонса Олара, подаренную ему автором во время одной из встреч в Париже.

Раковский поделился с Троцким, что в ссылке начал писать мемуары. В написанных фрагментах он вспоминал свои первые шаги в социалистическом движении Болгарии, России и западноевропейских стран, рассказывал о контактах с Плехановым, Люксембург, Жоресом, Благоевым, Лениным и самим Троцким. К тому, что отложилось в памяти, он обращался не впервые – фрагменты воспоминаний о контактах с выдающимися деятелями социалистического движения и с матросами мятежного броненосца «Потемкин» появлялись в печати раньше. Но теперь создавался крупный цельный мемуарный труд. Много внимания уделялось в нем социалистическому движению в Болгарии и Румынии, работе по руководству правительством Советской Украины.

Фрагмент письма от 25 марта 1928 г., посвященный интенсивной работе над воспоминаниями, свидетельствует, между прочим, о начитанности обоих политиков. Раковский писал Троцкому, как, перечитывая свою рукопись, он внезапно понял, что она напоминает замечание Лежнева о Ласунской: «О каком бы лице ни заговорила Дарья Михайловна, на первом плане все-таки она». Раковский не должен был уточнять Троцкому, что речь идет о персонажах романа И.С. Тургенева «Рудин». К мемуарам Раковского Троцкий отнесся очень серьезно: «Кто хоть немного знает жизнь Раковского, легко представит себе, какой огромный интерес представляют его мемуары» [787] , – писал Троцкий. Но это все, что мы знаем о воспоминаниях бывшего главы правительства Украины. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна. По всей видимости, она была конфискована сотрудниками НКВД при последующем аресте Раковского и затем уничтожена как «утратившая оперативную ценность». Во всяком случае, работники Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации утверждали в беседах с авторами этой книги, что в фондах названного архива рукописи Раковского нет и что она была сожжена. Проверить это утверждение не представляется возможным, так как для исследователей архивы ФСБ России продолжают оставаться под почти полным запретом, и даже в тех очень немногих случаях, когда научным работникам, подобно авторам этой книги, удается получить разрешение на просмотр отдельных дел, их выдают по усмотрению бюрократов из архива ФСБ, не разрешая при этом пользоваться необходимыми архивными путеводителями и описями.

Как видно из писем, адресованных Троцкому, Раковский сохранял в ссылке бодрость и высокую работоспособность. «Насколько здоровья хватит, буду работать», – писал он. «Охота к работе громадная, я бы сказал, работаю avec ardeur [с жаром]. Она доставляет мне пока большое удовлетворение. Но приходится мне здесь повторить жалобу Сен-Симона, что его мозг потерял sa malléabilité [свою подвижность, гибкость]. Это он писал, когда ему было немного более сорока лет. Что же я должен говорить насчет malléabilité моего мозга!» [788] Раковский, однако, явно преувеличивал. Его память, воображение, сообразительность, способность анализировать (в рамках, ограниченных марксистскими догмами) оставались высокими. Троцкий даже считал, что «никогда, может быть, Раковский не жил более напряженной и плодотворной жизнью, чем в годы своей ссылки» [789] . В этих словах было, бесспорно, значительное преувеличение, ибо они нивелировали интенсивную политическую деятельность Раковского в течение десятилетий его жизни. Но после Троцкого Раковский оказался наиболее активным, теоретически подготовленным и плодотворным критиком той

политической системы, которая сформировалась в СССР.

Раковский делился со своим другом тем, насколько жадно поглощал он художественную литературу, которую в предыдущие годы почти не имел возможности читать: Диккенса (в оригинале), Сервантеса, Овидия. Из книг современных авторов особое удовольствие доставлял ему изданный в 1926 г. сборник рассказов Исаака Бабеля «Конармия», многие сюжеты которых заставляли его вспоминать сравнительно недавние перипетии Гражданской войны на территории Украины [790] . Раковский рассказывал Троцкому и о забавных коллизиях, в которые он подчас попадал, когда люди, не разбиравшиеся в политической ситуации в СССР и все еще считая Раковского принадлежавшим к высшей советской номенклатуре, просили его о помощи и содействии. Иностранцы, на долгие годы застрявшие в СССР, просили помочь им в получении заграничных паспортов, не догадываясь, что сам Раковский был лишен уже загранпаспорта и тоже не прочь был бы его получить. Своеобразными «детьми лейтенанта Шмидта» были мнимые «потемкинцы», осаждавшие Раковского, узнав о том, что в 1905 г. и позже он играл видную роль в защите участников восстания броненосца «Потемкин». «Один такой потемкинец наговорил мне с три короба, что он меня знает по Константинополю, откуда вернулся «тихообразно», говорит на девяти наречиях и что, хотя пьет (был пьян), но не в «большой форме» (sic!), кончил, как все просители, просьбой о пособии… Я дал ему рубль. Он просил еще 20 к[опеек] – стоимость рубашки (1.20). Но заведующий гостиницей товарищ потом мне сказал, что 1.20 – это стоимость одной бутылки водки» [791] .

Раковский был важен Троцкому не только как друг и единомышленник, но и тем, что от него поступала иностранная пресса. Вторым источником получения иностранной прессы были родные в Москве, в частности сын Сергей и дочь Зинаида, а также первая жена Соколовская. В начале апреля Троцкий сообщал в одном из писем: «Иностранные газеты стали получаться сейчас из Москвы и из Астрахани» [792] . В другом письме, адресованном своему сторонникy Карлу Яновичу Грюнштейну, работавшему ранее генеральным секретарем Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и теперь находившемуся в ссылке в Чердыни (Республика Коми), Троцкий сообщал, что аккуратнее всего писали Раковский и Сосновский, но «Раковский сверх того посылает мне из Астрахани иностранные газеты» [793] . Корреспонденция от Сосновского, правда, вскоре иссякла.

С мыслью о том, что теперь он не руководитель Советского государства, а бывший высокопоставленный руководитель и репрессированный «враг народа», Раковский в ссылке так никогда и не свыкся. Ссылаясь на плохое состояние здоровья, он продолжал из Астрахани требовать от правительства предоставления ему возможности поехать на лечение в Кисловодск. Под кисловодский гипноз Раковского, оторвавшись от реальности, попал даже Троцкий, искренне возмущавшийся отказом властей разрешить ссыльному Раковскому такую поездку. У Сталина, нужно заметить, хватило юмора: он заявил, что отрицательное решение по ходатайству Раковского принял VI конгресс Коминтерна! Такое даже Троцкому парировать было трудно, но Раковский нашелся. Он обратился к VI конгрессу с телеграммой, в которой, «как один из основателей Коминтерна», выражал поддержку Троцкому и «пожелание конгрессу сказать веское мужественное слово против исключений и ссылок и требовать в интересах мировой и русской революции восстановления единства ВКП(б)» [794] . Об отпуске в Кисловодск Раковский упоминать не стал.

4. Начало «капитуляций»

Первыми объемными аналитическими циркулярными письмами были послания И.Н. Смирнову и группам ссыльных, отправленные в феврале 1928 г. [795] В них содержалась прежде всего политическая оценка покаянных заявлений и других выступлений Каменева и Зиновьева, которых Троцкий презрительно именовал в одном письме «двумя мушкетерами», а в другом «двумя покойничками». Опубликованное в «Правде» покаянное письмо Зиновьева и Каменева, обвинявшее Троцкого в попытке создания второй партии, о которой

он пока не помышлял, квалифицировалось Троцким как документ «жалкенький и дрянненький». В качестве особо яркого примера лицемерия «мушкетеров» приводились их высказывания о характере возникшей во Франции оппозиционной коммунистической группы «Против течения» [796] и о том, что эта группа «наиболее далека от большевизма». От какого большевизма? – спрашивал Троцкий. «От того, который два злополучных мушкетера до вчерашнего дня проповедовали, или от того, на который они нападали? Об этом молчок, да и не мудрено: ибо ведь на умолчании о самом существе вопросов, составляющих предмет спора, и построен этот льстиво-похотливо-лебезящий документ».

От оппозиционной деятельности готовы были также отказаться «зиновьевцы» Сафаров, Вардин (Мгеладзе) и Вуйович, принадлежавшие к образовавшейся после XV партсъезда группе «безвожденцев» (или «левых ленинградцев», хотя находились они теперь в основном не в Ленинграде, а в ссылке). Отношение «бежвожденцев» к Троцкому было двойственным. Они все более отходили от него, считая, что у них с партийным руководством больше общих точек соприкосновения. Троцкистов они стали обвинять в переоценке масштабов «термидорианских процессов» в стране и партии, в недооценке сил рабочего класса. Вместе с тем они считали возможным преодолеть разногласия «в рамках партии и внутрипартийным путем». В письме Вардину от 10 мая 1928 г. Сафаров называл троцкистов «политическими противниками», исповедовавшими «эсеровскую социологию на троцкистских дрожжах». Сторонников Троцкого «зиновьевцы» обвиняли в отходе от платформы оппозиции и даже в ликвидаторстве. Однако в середине июня Сафаров и Вардин сами обратились в ЦКК с заявлением о снятии своих подписей с платформы оппозиции и решительном разрыве с ней [797] .

Покаяние «мушкетеров» и их группы было только началом того вполне понятного с житейской точки зрения, но самоубийственного для политиков и позорного в глазах Троцкого перехода прежних его союзников и единомышленников на сторону Сталина. После «капитуляции» Зиновьева и Каменева особенно болезненным было для Троцкого поведение Пятакова. Этот большевистский руководитель удостоился даже упоминания в ленинском «Письме к съезду». Покаянное, буквально истерическое письмо Пятакова, считавшегося одним из ближайших соратников Троцкого, появилось в «Правде» 28 февраля. Оно было еще более резким, отступническим, «антитроцкистским», чем более осторожные заявления двух «покойничков». «Фракционная организация и фракционная борьба привели к такого рода выступлениям, – писал Пятаков, – которые явно ослабляли партию как носительницу диктатуры пролетариата. Такие методы борьбы я никоим образом правильными признать не могу».

Сталинское крыло умело воспользовалось этим заявлением: его показывали оппозиционерам на собеседованиях в партийных организациях, на допросах в ОГПУ, заставляли внимательно читать, предлагая поставить свою подпись под ним или же написать заявление по образцу «раскаяния» Пятакова, обещая за это всяческие блага и угрожая новыми карами в случае отказа. «Пятаков делается знаменем ренегатства», – говорилось в листовке-статье за подписью «Большевик-ленинец», появившейся в начале марта 1928 г. Не исключено, что автором этой листовки был Троцкий [798] . Он болезненно реагировал на очередную измену, подробно останавливаясь на ней в письме Белобородову от 17 марта. Правда, он прикрывал свои чувства утверждением, будто давно считал Пятакова «человеком политически конченым», вспоминая, как Пятаков говорил ему, что политика его более не интересует, что он хотел бы перейти на положение «спеца». Заявляя, что и Пятаков теперь политический покойник, Троцкий не исключал: «Конечно, какая-нибудь очень большая европейская или мировая революционная волна может воскресить и Пятакова: ведь воскресал же Лазарь [Каганович], хотя уже смердел… [799] В таком случае Пятаков, предоставленный самому себе, непременно наделает ошибок влево. Словом, Ленин был прав и на этот раз, когда писал, что на Пятакова в больших вопросах полагаться нельзя» [800] . В общем, чтобы «воскресить» Пятакова, нужно было в очередной раз организовать мировую революцию.

С заявлениями, признававшими правоту «генеральной линии», отдельные оппозиционеры, считавшиеся сторонниками Троцкого, стали выступать все чаще. К хору раскаявшихся присоединился Антонов-Овсеенко, выступивший, по словам Троцкого, со «смердяковским пресмыкательством». В этом определении был использован образ одного из героев романа Достоевского «Братья Карамазовы» Павла Федоровича Смердякова, который считался дореволюционной левой интеллигенцией воплощением мещанина, мечтавшего о «красивой жизни» (большевики не раз повторяли высказывание Смердякова о том, что не надо было побеждать Наполеона, жили бы как французы).

От Троцкого и его взглядов спешили отречься и те, кто официально в оппозицию не входил, но мог быть в этом заподозрен из-за близости к Троцкому. Эти люди, стремясь сохранить свое партийное и служебное положение, считали необходимым объявить о том, что не имеют отношения к «троцкизму». К ним относился, например, Крестинский, занимавший пост советского полпреда в Германии. Он не был сослан, не входил в оппозицию, не привлекался к партийной и административной ответственности, но был хорошо известен как близкий Троцкому деятель, сочувствовавший оппозиции.

В конце марта 1928 г., когда на имя Крестинского поступил показавшийся ему весьма опасным запрос из ЦКК ВКП(б) о передаче в ЦКК личной переписки с Троцким, всполошившийся Крестинский счел необходимым обратиться в этот орган со специальным письмом. Крестинский разъяснял, что его переписка с Троцким отражает его критическое отношение к тактике оппозиции, «приведшее в конце концов к… идейному разрыву с оппозицией, несмотря на то что с большинством руководителей ее» он «был связан давнишними и тесными личными отношениями». При этом Крестинский подчеркивал, что речь шла именно об идейном, а не об организационном разрыве, так как «никакой организационной связи с оппозицией» у него никогда не было [801] .

Приблизительно в то же время руководство ОГПУ на основании изучения документов, исходящих от ссыльных оппозиционеров, и других материалов, в том числе донесений своих агентов и представителей на местах, пришло к выводу, не лишенному известных оснований: «В настоящее время троцкизм не представляет собой единого целого не только в смысле организационном, но и в идейно-политическом отношении. Троцкистская фракция является конгломератом течений, начиная от «ортодоксального», непримиримого направления до примиренческой группы Преображенского – Радека, стоящей за соглашение с партией, и откровенно ликвидаторского течения, считающего дело социалистической революции в СССР проигранным при любых условиях. Есть и экстремистское течение, признающее необходимость решительной и безоговорочной борьбы с руководством ВКП(б). Есть группы троцкистской молодежи, воспринимающие некоторые положения анархизма и по существу превратившиеся в анархо-синдикалистские организации. Но есть ряд незыблемых принципиальных положений, которые являются общими для всех течений троцкистской мысли, независимо от их тактических установок в данный момент. Зрелище подобного разброда являет собою, пожалуй, лишь российский меньшевизм в период его упадка» [802] .

5. Оптимизм в условиях карантина

Рапортуя Сталину о победе над оппозицией, Ягода умышленно замалчивал, что основная масса оппозиционеров, находившихся в ссылке, все еще оставалась под политическим влиянием Троцкого. Ссыльные продолжали вырабатывать и уточнять платформы и позиции. Сам же Троцкий в первых циркулярных письмах из Алма-Аты уделял большое внимание изменениям в международной ситуации, считая, как когда-то в 1917 г., что именно из-за границы – в форме мировой революции – придет спасение не только для падшего Пятакова, но и для остальных оппозиционеров.

При этом Троцкий, признавая стабилизацию капитализма в Европе, провал установки иностранных компартий на организацию в своих странах коммунистических революций, считал, что революционный спад недолговечен, ибо все упирается в основные противоречия,

породившие в свое время мировую войну. Если в предыдущие годы наблюдалось волнообразное обострение положения, сменяемое спадом, то теперь, считал Троцкий, неизбежно «систематическое и планомерное обострение международных отношений». Главным грядущим мировым конфликтом он считал англо-американский. По мнению Троцкого, Великобритания должна была либо сдаться Америке, либо начать против нее войну. Остальная же Европа «будет плясать под музыку англоамериканского антагонизма – подобно тому, как карась пляшет на сковородке» [803] . Естественно, из этого делался стандартный вывод, что в результате такой войны вспыхнет наконец мировая революция.

Впрочем, Троцкий не исключал, что Великобритания и США сумеют избежать войны. Советские газеты «упрощают», когда пишут, что этот антагонизм, непрерывно обостряясь, приведет непосредственно к войне. «Слишком грозной штукой явилась бы война для обоих партнеров. Они еще сделают не одно усилие для соглашения и умиротворения» [804] . На фоне поднимающегося национал-социализма в Германии эти размышления конечно же могли вызвать только недоумение: ослепленные догматикой коммунизма, оппозиционеры, с Троцким во главе, не могли разобраться в проблемах мировой политики, не сумели предугадать грядущих блоков, союзов, взрывов; не определили вероятную расстановку сил на международной арене. Основным надежным источником информации ссыльный Троцкий продолжал считать коммунистические издания европейских стран и советскую «Правду», редактируемую не любимым им то ли левым, то ли правым Бухариным.

Наибольшее внимание Троцкий уделял китайским событиям. Он посвятил им три письма, адресованные Преображенскому. Первое было написано 2 марта, остальные – в конце апреля [805] . В печати как раз появилась информация о вооруженном восстании, вспыхнувшем 11 – 13 декабря 1927 г. в Кантоне (Гуанчжоу). Ответственность за вооруженное выступление взяла на себя китайская компартия в лице члена ее Политбюро Чжан Тайлэя. В городе был образован Совет народных комиссаров, предусматривалась организация других органов советской власти. Направленное непосредственно против правительства Гоминьдана восстание было легко подавлено вооруженными силами Гоминьдана и завершилось массовым кровопролитием (погибло свыше шести тысяч человек).

Троцкий полагал, что после такого поражения в Китае будет наблюдаться спад революционного движения, а влияние компартии ослабнет. При этом он высказывал убеждение, что левый Гоминьдан, руководивший правительством в Ухане, не является рабоче-крестьянской и даже революционно-крестьянской партией. Он возлагал некоторые надежды на повстанческие отряды Хэ Луна и Е Тина, несмотря на то что компетентный в китайских делах оппозиционер Альский, в 1926 г. работавший советником гоминьдановского правительства в Кантоне, считал иначе [806] . «Я нисколько не переоценивал восстание Хэ Луна, но тем не менее считал, что оно является последним сигналом в пользу необходимости пересмотра ориентировки в делах китайской революции» [807] , – писал Троцкий.

Верный себе, Троцкий возлагал надежды на новый революционный подъем в Китае, который будет развиваться быстрыми темпами и в конце концов приведет пролетариат к революции. Но он был далек от того, чтобы призывать китайскую компартию к восстанию и захвату власти немедленно: «Задача состоит в том, чтобы компартия насквозь прониклась тем убеждением, что третья китайская революция может победоносно завершиться только диктатурой пролетариата под руководством компартии. Причем это руководство надлежит понимать не «вообще», а в смысле обладания полной революционной властью. А каким темпом придется строить в Китае социализм – это «будем посмотреть» [808] .

В одном из «циркулярных писем» Троцкий с иронией, рассчитанной еще и на цензоров, читающих и копирующих его письма, указал на усиление репрессий правительства против оппозиции: «Дорогие друзья, благодаря левому курсу колонии большевиков-ленинцев так разрастаются, что создается все бóльшая возможность перехода от индивидуальной переписки к коллективной. И здесь, стало быть, перевес социалистического начала полностью обеспечен» [809] . Может оказаться, что ирония Троцкого не была понята

большинством ссыльных оппозиционеров, прежде всего их средним и низшим звеньями, воспринимавшими каждое слово, произнесенное Троцким, как догму и руководство к действию.

В циркулярных и личных письмах Троцкий разрабатывал комплекс внутренних вопросов, но подчеркивал, что «внутренние вопросы нужно поставить под международным углом зрения» [810] . Он пытался проанализировать «убийственные ошибки», допущенные в Германии – во время кризиса и Гамбургского восстания 1923 г.; в Болгарии – в связи с правым государственным переворотом 9 июня 1923 г. и сентябрьским восстанием того же года; в Эстонии, где катастрофой завершилось так называемое Перводекабрьское восстание в Таллине в 1924 г.; в Великобритании, где потерпела поражение массовая (называемая в то время всеобщей) забастовка 1926 г.; наконец, в Китае в связи со сложнейшей революционной ситуацией, политикой Гоминьдана и компартии, колебаниями советского руководства в китайском вопросе. Причину всех этих катастрофических для советского правительства и международного коммунистического движения неудач Троцкий видел в «оппортунистическом вмешательстве» органов Коминтерна (то есть советского руководства) в ход событий, осуществленном вразрез с логикой происходившего. «Под могущественными толчками империалистической эпохи массы снова левеют и приливают к нам. А когда ситуация достигает решающего обострения, мы оппортунистически срываем ее, а затем пытаемся авантюристически исправить неисправимое» [811] .

Троцкий выражался очень сумбурно, неясно, с претензией на высокий стиль. Наверное, он хотел сказать, что ошибки и провалы в руководстве международным коммунистическим движением были результатом бюрократического стиля советского руководства, формально, а не творчески подходящего к делу революции. Можно было бы даже расшифровать, что под бюрократическим стилем понимается жесткий централизованный контроль международного коммунистического движения со стороны Коминтерна, советской компартии, Сталина. Наверное, были еще какие-то земные, естественные и в этом смысле более глубокие и понятные причины поражений европейских и азиатских коммунистических революций. Но лидер оппозиции оставался до мозга костей коммунистом и органически не способен был признать, что в основе неудач, заканчивавшихся, как и свершившиеся революции, кровавыми расправами, лежала оторванность компартий от большинства населения своих стран, неспособность коммунистических руководителей сплотить вокруг себя хотя бы «рабочий класс», не говоря уже о крестьянстве. Троцкий не желал принимать во внимание тот очевидный факт, что после 1917 г. компартии в Европе существовали и действовали в огромной степени благодаря финансовым вливаниям Москвы, а не революционному энтузиазму масс и оказывались в состоянии привлечь на свою сторону, да и то временно, только низы городского населения, маргинальные группы и небольшую часть левонастроенной интеллигенции, которая воспринимала коммунистические идеи умозрительно, абстрактно, как средство самовыражения и даже карьерного продвижения, как моду, как возможность сближения с загадочными советскими лидерами, а в некоторых случаях – по откровенно меркантильным соображениям.

В руководстве международным коммунистическим движением постоянно происходила неразбериха, наполненная интригами и склоками. После отстранения Зиновьева должность председателя ИККИ упразднили. Был создан Политсекретариат, задуманный как коллективный орган, но сразу же превратившийся в еще один инструмент управления иностранными компартиями из Москвы. Фактическим главой Коминтерна вплоть до октября 1928 г. был бывший левый коммунист (времен Брестского мира) и нынешний «правый» (если иметь в виду советскую политику в деревне) Бухарин. Именно под руководством Бухарина провалилась очередная коммунистическая революция – в Австрии. Все началось со столкновений восставших рабочих с полицией в Вене 15 июля 1927 г. Бухарин заявлял, что рабочие поднялись на восстание не только против буржуазии, но и против австрийских социал-демократов. Пока еще неофициально в коминтерновских кругах все шире фигурировал термин «социал-фашизм», которым советские и коминтерновские лидеры

удостаивали социал-демократов (не обращая внимания на действительных национал-социалистов). Термин был изобретен в свое время Зиновьевым, подхвачен Сталиным и стал непреодолимым препятствием к единству действий коммунистических и социал-демократических партий.

На этом фоне в Германии все-таки произошел окончательный раскол компартии. От нее откололась левая группа во главе с Аркадием Масловым и Рут Фишер. Она была изгнана из партии за частичную поддержку платформы объединенной оппозиции и в апреле 1928 г. образовала собственную партию Ленин-бунд (Ленинский союз). Открытое письмо Маслова «Ко всем членам германской компартии» было переведено оппозиционерами в Москве на русский, и Троцкий имел возможность с ним ознакомиться [812] , взяв группу под свою сдержанную защиту. Осторожное, а порой и неодобрительное отношение к Ленинбунду, обвинения Союза в «верхоглядстве» и колебаниях были связаны в первую очередь с самим фактом создания второй партии, на что ссыльный Троцкий так и не решился.

В то же время Троцкий отмечал с оттенком сожаления, даже досады, возросшее число голосов, поданных за полуанархистскую, как он считал, Коммунистическую рабочую партию Германии [813] во главе с Карлом Коршем [814] , бывшим коммунистом, который в 1925 г. порвал с компартией и создал свою политическую организацию. Советская пресса называла группу Корша «троцкистской», что Троцким решительно (и с полным основанием) отвергалось, ибо эта партия никакого отношения к установкам левой оппозиции в СССР не имела и не поддерживала связей с ее деятелями.

Было самое время обратить внимание на то, что раскол в немецком коммунистическом движении вместе с одновременным объявлением германских социал-демократов (за которых, как указывал сам Троцкий, голосовало до 30% избирателей) социал-фашистами и врагами международного коммунизма создают условия для прихода к власти в Германии новой поднимающейся си лы, еще одной партии, конкурирующей с коммунистами и социал-демократами за право считаться рабочей: Национал-социалистической рабочей партии Германии, во главе которой уже стоял Гитлер. Однако этой опасности не увидели ни Троцкий, ни руководивший Коминтерном Бухарин.

Постепенный поворот к новому стратегическому курсу нашел свое выражение в формуле «класс против класса», которую придумал кандидат в члены Политсекретариата ИККИ швейцарец Жюль Эмбер-Дро [815] . Разъясняя мысль своего единомышленника, Бухарин в письме компартиям, одобренном Политсекретариатом ИККИ 28 октября 1927 г., выступил против «примирительного отношения к реформизму». Он ориентировал компартии на «решительное изживание парламентского кретинизма и левоблокистских традиций», то есть объединения левых сил. Стратегия «класс против класса», в свою очередь, означала открытое противостояние коммунистов социал-демократам, ставшим по терминологии советского руководства «главной опорой буржуазии» в условиях нового революционного подъема. На IX пленуме ИККИ решение о «левом повороте» Коминтерна было одобрено единогласно.

В специальной резолюции «Троцкистская оппозиция» [816] IX пленум ИККИ поддержал решение XV съезда ВКП(б) об исключении Троцкого и его сторонников из партии и одновременно направил свои стрелы против оппозиционных групп в других иностранных коммунистических партиях. Эти оппозиционные заграничные группы объявлялись «правыми» (хотя были они конечно же левыми). К ним были отнесены группы Суварина – Мориса Паза [817] и Альбера Трэна [818] – Сюзанны Жиро во Франции; Маслова – Фишер в Германии; Генриетты Роланд-Гольст в Голландии; а также «правые элементы» в компартии США, Великобритании, Бельгии и Чехословакии.

Пленум повторил нападки на оппозиционные течения, заявив, что «все худшие элементы рабочего движения, откровенные оппортунистические элементы коммунистического движения, все ренегатские группки, выброшенные из рядов коммунистического Интернационала, объединяются сейчас на троцкистской платформе борьбы против» СССР, «ВКП(б) и Коммунистического Интернационала, играя роль одного

из гнуснейших орудий международной социал-демократии против коммунистов в борьбе последних за влияние на широкие массы рабочего класса». Троцкий, однако, считал, что наметившийся на пленуме некий поворот представлял собой «непоследовательный, противоречивый, но все же несомненный шаг в нашу сторону» [819] . В то же время он не относил этот поворот к заслугам Сталина, а называл его вынужденным результатом происходивших гигантских сдвигов в соотношении мировых сил за последние годы и в то же время давления оппозиции как «единственного сознательного выражения бессознательного процесса». Троцкий даже позволил себе фигурально выразиться: хвост ударил по голове и вызвал перегруппировку сил [820] .

Находясь в ссылке, Троцкий понес первую семейную утрату. 9 июня 1928 г. в Москве от скоротечного туберкулеза скончалась его 25-летняя дочь Нина, муж которой Марк (Ман) Невельсон, являвшийся участником оппозиции, был арестован незадолго до высылки Троцкого и затем сослан в село Самарово Тобольского округа. Изначально Невельсон оказался в очень тяжелых условиях: в селе не было продуктов, которые он мог бы купить на свое нищенское пособие, тем более что он нуждался в диете в связи с перенесенным брюшным тифом. Тогда Ман подал заявление о переводе в другое место и был переведен в город Чебоксары Чувашской АССР [821] . В момент ареста Невельсона Нина находилась в больнице, куда попала с гриппом, осложнившимся тяжелым воспалением легких, а затем и туберкулезным их поражением. Неблагополучным было и ее моральное состояние в связи с арестом мужа, ее собственным исключением из партии и снятием с работы как родственницы лидера оппозиции. Дома фактически без присмотра оставались маленькие дети – семилетний Лева и двухлетняя Волина.

Вначале болезнь Нины, протекавшая нелегко, не считалась опасной. Первой о болезни сестры 20 февраля отцу сообщила Зина: «Врачи подозревают, что имеется туберкулезный процесс» [822] . 20 марта 1928 г. Нина писала отцу вполне оптимистично, что пятую неделю находится в постели, вторую – в больнице, но готова «броситься в погоню» за книгами, нужными отцу. Хотя температура держалась высокая – около 38°, – она надеялась скоро «выйти на свободу» [823] . Состояние ее здоровья с каждым днем ухудшалось. Тем не менее она сбежала из больницы, чтобы ухаживать за детьми. Тяжелейшая болезнь легких вступила в критическую стадию, и, несмотря на помощь хороших медиков, в том числе кремлевского доктора Гетье, не забывавшего о Троцких и в ссылке [824] , в течение нескольких недель последовал фатальный исход. До открытия пенициллина оставались еще годы, и во многих случаях медицина оказывалась бессильной перед туберкулезом.

16 июня в Алма-Ату пришла телеграмма от Раковского из Астрахани: «Вчера получил твое письмо о тяжелой болезни Нины… Сегодня из газет узнал, что Нина окончила свой короткий революционный жизненный путь. Целиком с тобой, дорогой друг, и очень тяжело, что непреодолимое расстояние разделяет нас. Обнимаю много раз и крепко. *Христиан* » [825] . А через две недели Троцкий получил письмо Раковского, отправленное тогда же. «Мне страшно больно за Ниночку, за тебя, за всех нас, – говорилось в нем. – Ты давно несешь тяжелый крест революционера-марксиста, но теперь впервые испытываешь беспредельное горе отца. От всей души с тобой, скорблю, что так далеко от тебя» [826] . Коммунистическая догматика настолько глубоко проникла в сознание Раковского, что даже частное соболезнование по поводу смерти близкого человека не обходилось без революционной терминологии.

6. «Левый поворот» Сталина

На XV съезде по докладу Молотова была принята резолюция о работе в деревне, которая намечала интенсификацию мер по созданию колхозов и усиление мероприятий по ограничению кулачества, но отнюдь не предусматривала его ликвидации и «сплошной коллективизации». Прошло, однако, лишь две недели, и в связи с «неудовлетворительным ходом хлебозаготовок» Сталин отправился в Сибирь, где он находился с 15 января по 6

февраля 1928 г. Генсек выступал на собраниях партийных активов Новосибирской, Барнаульской, Бийской, Рубцовской и Омской окружных организаций. Эти выступления коренным образом отличались от его же доклада на недавнем съезде. Сталин фактически провозглашал новый курс: на проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства. От местных властей Сталин требовал чрезвычайных мер против кулаков, обыска амбаров, блокировки дорог, чтобы не дать возможности кулакам вывозить свое зерно на свободную продажу, конфискации у них хлеба, продажи 25% конфискованной сельхозпродукции малоимущим крестьянам по низкой цене. Иными словами, Сталин возвращался к системе, которую деревня уже хорошо усвоила, со всеми последствиями, в первые годы советской власти: военный коммунизм, продразверстка, комбеды. Теперь добавлялись еще и колхозы.

По требованию Сталина широкая трактовка была придана статье 107 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. и аналогичным статьям уголовных кодексов остальных советских республик. Эти статьи предусматривали суровые наказания – лишение свободы с полной или частичной конфискацией имущества – за спекуляцию, под которой понималась перепродажа товаров, купленных, как правило, в государственной торговой сети, за более высокую цену. В то же время в статье содержалась формула о «злостном повышении цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых». Понятно было, что под эту статью можно было подвести любого продавца товара, в первую очередь – все крестьянство. Советская власть стала рассматривать крестьян, отказывавшихся сдавать хлеб государству, как спекулянтов и применять к ним уголовное законодательство во всей строгости, вплоть до расстрела.

Вслед за этим указанная статья была распространена на городских нэпманов: проявления частного предпринимательства тоже стали рассматриваться как спекуляция. По требованию Сталина Западно-Сибирский крайком ВКП(б), а затем другие партийные органы приняли решения о расследовании дел по этой статье в течение 24 часов без участия защиты. Судам запрещалось выносить оправдательные или условные приговоры.

Одновременно со Сталиным в различные районы для контроля на местах за проведением новой советской политики в деревне выехали другие партийные деятели, хотя некоторые из них в ходе командировок стали осуждать применение «военно-коммунистических методов» заготовки хлеба (например, М.И. Фрумкин на Южном Урале и Угланов на Нижней Волге).

Январско-февральские поездки по стране положили начало столкновениям между блоком Сталина, с одной стороны, и блоком Бухарина – Рыкова – с другой. Последние пытались доказать, что хлебные затруднения вызваны экономическими, а не политическими предпосылками и меры по улучшению ситуации предлагали не карательные, а стимулирующие. С 6 по 11 апреля 1928 г. в Москве проходил объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), который обсуждал вопросы о хлебозаготовках и Шахтинское дело, завершившееся судебным процессом в мае – июне 1928 г. в Шахтинском районе Донбасса по обвинению большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста «Донуголь» и шахт во вредительстве и саботаже. Официально Шахтинское дело называлось «делом об экономической контрреволюции в Донбассе». Обвиняемым вменялась в вину не только «вредительская деятельность», но и создание подпольной организации, установление конспиративной связи с московскими вредителями и с зарубежными антисоветскими центрами [827] .

Решения пленума были выдержаны в основном в духе умеренных установок Бухарина. Сам Бухарин, а также Рыков, заместитель наркома финансов Фрумкин и другие энергично выступили против применения чрезвычайных мер в деревне. Пленум потребовал исправления «перегибов», к которым были отнесены «все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продразверстки» [828] . В Политбюро зрел раскол, признаки которого наблюдались воочию. Вскоре после завершения пленума, решения которого были близки к «нэповским» установкам Бухарина (материалы пленума опубликованы в то время не были), в печати появились два принципиально отличавшихся описания итогов этого партийного форума: Сталина (в

Москве) и Бухарина (в Ленинграде). Доклад Бухарина был выдержан в мягких, примирительных тонах [829] . Сталин же был бескомпромиссен и груб. Он произнес свои «исторические» слова о том, что «если критика содержит хотя бы 5 – 10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать». Это было открытое приглашение к клевете и будущему выявлению «врагов народа». О тех, кто рассчитывал на прекращение борьбы против кулачества, Сталин заявил, что «им не может быть места в нашей партии», что тот, кто думает понравиться «и богатым, и бедным, тот не марксист, а дурак». Было ясно, что этого грубого прозвища был удостоен именно Бухарин, вроде бы восторжествовавший на только что завершившемся пленуме. Сталин начал, кроме того, демагогически разглагольствовать о необходимости самокритики и критики, «невзирая на лица» [830] , причем из круга критикуемых автоматически исключались генсек и те, кто в данный момент были к нему близки.

В начале июня 1928 г., ЦК ВКП(б) опубликовал обращение «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» [831] , специально посвященное развертыванию «самокритики». Это требование, однако, было сформулировано таким образом, что ставило под огонь критики лишь неугодных сталинскому руководству. «Самокритика» оказалась термином крайне неправильным, так как себя никто из руководителей не критиковал и критиковать не собирался. Но в результате Сталин развернул кампанию «самокритики» так, что она способствовала укреплению его личной власти. Бухарин с Рыковым были обвинены в «правом уклоне» и осуждены сталинским большинством. В стране полных ходом началась насильственная коллективизация сельского хозяйства.

Троцкий усмотрел начало «левого поворота» Сталина уже во время работы IX пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося 9 – 25 февраля 1928 г., хотя пленум и подтвердил правильность исключения «троцкистов» из ВКП(б). В апреле 1928 г. Раковский разослал Троцкому и ряду других ссыльных оппозиционеров письмо с анализом тех сдвигов, которые происходили, по его мнению, в высшем эшелоне большевистской власти непосредственно после XV съезда. В нем шла речь о поездке Сталина в Сибирь и возврате к чрезвычайным мерам в деревне, и в этом оппозиция справедливо усмотрела разворот к «левому» курсу [832] . Положительно воспринималась оппозиционерами начавшаяся в печати, на партийных собраниях и конференциях критика и бичевание «правых» – Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. Троцкий писал, что «борьба с правым уклоном инсценирована в духе конструктивизма. Прямо-таки мейерхольдовская постановка. Все единогласно и единодушно, полностью и целиком борются против некого злодея П. У. (правый уклон), адрес коего, однако, никому не известен. С правым уклоном борются столь же, и еще более решительно, чем с оппозицией… Чудеса в решете, да и только. Однако за этим конструктивистским маскарадом скрываются серьезнейшие процессы», поскольку даже сам Коля Балаболкин (Бухарин) «по секрету всему свету» сообщал, что его разногласия с объединенной оппозицией были ничтожными по сравнению с теми расхождениями, которые отделяют его группу от сталинцев, в то время как «два мушкетера» (Зиновьев и Каменев), с которыми Бухарин пытается вступить в переговоры, «воздерживаются» от блока с ним, «ожидая за это поощрения от мастера» (Сталина).

В тесной связи с театрализованными спектаклями «самокритики», которые стали ставиться теперь повсеместно, оппозиционеры обращали внимание на еще одну кампанию, развязанную властями, – на раскрытие ряда случаев взяточничества и других форм коррупции, на придание им широкой гласности в прессе, на сообщения, что в наиболее широко распубликованном Смоленском деле и во многих других подобных делах были замешаны руководящие советские и хозяйственные работники (партийные работники пока в основном изображались в честными и бескорыстными) [833] . В среде ссыльных шли оживленные дискуссии о том, что же, собственно говоря, имело место: подлинно новый курс или только «левый зигзаг». Смилга в письме Троцкому 4 апреля высказывал мнение, что «нет ничего более ошибочного, как представление о «левом» зигзаге как о последовательном левом курсе», что «левый зигзаг уже находится на ущербе», что речь идет даже о «левой

конвульсии». Но обосновывал он свою точку зрения не характером социально-экономических мероприятий властей, а тем, что «нынешние руководители ВКП проводят бешеный террор против большевиков-ленинцев» (то есть оппозиции). В отличие от Смилги Раковский в своем апрельском «циркулярном письме» оппозиционерам полагал, что имел место «левый поворот» (хотя употреблял и термин «зигзаг»). Раковский считал не исключенным поворот партруководства к подлинно «левому курсу». Только при условии такового возможно было в будущем возвращение оппозиционеров в партию, полагал он.

Лишь в некоторых документах содержались попытки отойти от общих схоластических рассуждений на тему о том, что происходит – поворот или зигзаг, и попытаться разобраться в ситуации по существу. В этом смысле наиболее интересны были письма и заявления Преображенского и Сосновского. Сосновский, например, на основании анализа местной прессы и других публикаций стремился проникнуть в суть ситуации на селе, в причины политики усиленного давления на кулака, характерной для сталинского курса первой половины 1928 г. Он полагал, что этот нажим – проявление тактического, вынужденного отхода Сталина от «центристского» курса и связан не с изменением политики советской власти в деревне, а возникшими в данный момент хлебным дефицитом.

Более широкая социально-экономическая перспектива была представлена находившимся в городе Уральске Преображенским в его тезисах «Левый курс в деревне и перспективы», которые он послал И.Н. Смирнову, Муралову, Раковскому, Смилге и, разумеется, Троцкому. Автор исходил из того, что кризис в СССР, имевший место в 1928 г., был «кризисом длительным и кризисом социальным». В основе его Преображенский обнаруживал два основных явления: отставание с индустриализацией страны и противоречие между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, которое автор связывал в основном с процессами, происходившими в деревне. Из этого более или менее достоверного анализа делались выводы, что вопрос о том, какой курс возобладает в партийном руководстве, все еще не решен, что вполне возможно «возвращение к ленинской политике, опирающейся на подъем бедняцко-середняцкой деревни и на борьбу с ее капиталистическими тенденциями», что «левый курс», проводимый партийным руководством, стал результатом наступления кулака, вызвавшего контрмеры партии и государства и что этот курс является по существу победой оппозиции по основным вопросам советской политики. Соответственно, автор считал «абсолютно необходимым и назревшим коллективное выступление оппозиции навстречу большинству партии», для чего предлагал обратиться в ЦК с просьбой разрешить совещание ссыльных оппозиционеров для выработки соответствующего заявления [834] .

Точки зрения левых и сталинского большинства действительно сблизились. Объективности ради следует указать, что оппозиционеры остались на своих старых позициях, в основе которых лежало убеждение в необходимости проводить индустриализацию в СССР за счет взимаемой с крестьянства дани, в свертывании рыночных отношений (и без того «свернутых»), в «перераспределении» национального дохода (уже давно и так перераспределенного в пользу государства), в дальнейшем нажиме на «капиталистические элементы» (советской властью давно уничтоженные). Сталин же действительно осуществил «левый поворот», причем более радикальный, чем тот, на который могла рассчитывать оппозиция, а в претворении в жизнь программы Троцкого пошел намного дальше, чем тот мог предполагать. Те, кто настаивал на сохранении и углублении НЭПа, оказались в числе новой «правой» оппозиции. И с ними Сталин планировал разделаться точно так же, как когда-то с левой, и даже жестче, поскольку правая оппозиция оказалась совсем малочисленной и состояла буквально из нескольких лидеров, поддерживавших Бухарина, Рыкова и Томского.

Однако не все оппозиционеры готовы были, как Преображенский, слепо приветствовать новую сталинскую «революцию сверху», грозившую очередной волной репрессий в отношении населения, прежде всего крестьянства, хотя вставать на защиту «мелкобуржуазного крестьянства» не позволяли марксистские догмы. Критику оппозицией

сталинского курса лучше всего сформулировал оппозиционер И.К. Дашковский в письме Троцкому: «Тот бюрократический «нажим», который Сталин теперь проводит аппаратными методами, без активности пролетарских и организованных бедняцких масс, нельзя назвать левым, т. е. пролетарским курсом. Нажим направо, сопровождающийся полицейским режимом в партии, арестами и ссылками оппозиционеров, предвидевших и предупреждавших о растущих опасностях, есть только бюрократическое извращение левой, т. е. пролетарской, линии».

Иными словами, оппозиция считала политику Сталина правой не из-за разногласий в политическом курсе, а из-за расхождений в методах достижения и в способах реализации общей для Троцкого и Сталина программы. Во внешней политике, там, где Троцкий предлагал захватывать власть на гребне стихийных народных восстаний, Сталин планировал использовать прежде всего Красную армию. В политике внутренней, там, где левая оппозиция планировала наступать на крестьянина «пролетарскими и организованными бедняцкими массами», Сталин решал проблемы «аппаратным нажимом» и «полицейскими» методами, то есть через сплошную коллективизацию и репрессии.

Троцкий, однако, упрямо продолжал называть Сталина «термидорианцем» на том основании, что тот хоть и повернул круто влево, применив и до крайности заострив лозунги, украденные у оппозиции, продолжал при этом усиливать преследование тех оппозиционеров, которые не стали перед ним на колени. Таковых, впрочем, оставалось все меньше и меньше. Для оправдания «капитуляции» перед Сталиным деятели оппозиции продолжали использовать словесную эквилибристику, связанную в основном с жонглированием категориями диалектики, позволявшей на базе «единства и борьбы противоречий» делать любые, удобные в данный момент выводы. Тем не менее остатки организованных групп оппозиционеров сохранялись как в столице, так и на периферии. По данным ОГПУ, в феврале – марте 1928 г. в Москве возобновилась деятельность групп «троцкистов», в которых участвовали главным образом студенты и служащие. Рабочих было очень мало. В Алма-Ату был послан представитель «центра» Ф. Юдин, которому удалось передать Троцкому пакет материалов. По возвращении Юдин передал москвичам директиву Троцкого «действовать в соответствии с особенностями момента», поскольку в Москве «легче разобраться в обстановке». Но «разобраться» им было не так уж легко. Сначала был арестован Юдин [835] . Затем, 9 апреля, был арестован практически весь «московский центр». Скрыться удалось только трем москвичам, и они предприняли очередную попытку создать некое подобие нового «центра», который пытался перепечатывать и рассылать письма Троцкого и другие документы оппозиции [836] .

Немалый скандал произошел во время VIII съезда ВЛКСМ, когда в Большом театре 5 мая 1928 г. было разбросано около 200 оппозиционных листовок, причем виновники обнаружены не были. По данным ОГПУ, наряду с Москвой и Ленинградом, «троцкисты» продолжали сохранять свои активные организации на Украине, Северном Кавказе, в Казахстане, а также в Иваново-Вознесенске [837] . Летом 1928 г. руководство ОГПУ констатировало, что «троцкистский актив» в Москве живо обсуждает полемику между Троцким, Радеком и Преображенским. Лишь некоторые из этих «активистов» поддерживали настроения примирения с ЦК, бóльшая же часть считала политику ЦК «центристским метанием», неустойчивым и безнадежным, выступала за продолжение решительной борьбы против нынешнего партруководства. При этом ОГПУ уточняло, что «есть значительные кадры отходящих от оппозиции, которые подают заявления об обратном принятии в партию, целиком осуждают оппозицию и троцкизм, признавая их меньшевистский характер, и порывают с фракционностью, неизбежно скатывающейся на путь второй партии» [838] .

В угоду высшему руководству партии, а может быть, действительно так считая, ОГПУ объявляло, что самой характерной чертой для «троцкистской оппозиции» в данный момент является все более усиливавшийся идейный и организационный разброд. Причинами этого назывались разгром кадров и технического аппарата оппозиции органами ОГПУ, «взаимная

грызня внутри фракции и взаимные обвинения в провокаторстве и предательстве», отсутствие единых взглядов по кардинальным вопросам. Этот анализ не был далек от истины. Цели Троцкого и его единомышленников тоже были определены правильно, за исключением пункта о намерении создать вторую партию: «Изучение документов троцкистской фракции послесъездовского периода и самый характер работы ее подполья не оставляет сомнений в том, что подлинной установкой этой фракции является завоевание большинства в партии и политического руководства далеко не «реформистскими» методами, а путем организации недовольных элементов в рабочем классе и вне его и создания массовой борьбы за смену политического руководства в стране. Не подлежит сомнению, что наиболее экстремистские элементы троцкизма неустанно работают над построением второй партии».

«Троцкизм» объявлялся органами госбезопасности «партией мелкобуржуазной городской интеллигенции, уставшей от режима пролетарской диктатуры, чуждой рабочему классу, считающей заранее дело социализма в СССР проигранным, гибель соввласти неизбежной и беспомощно мятущейся в поисках выхода из собственного безнадежного тупика» [839] . Этими помпезными лозунгами, отражавшими реальное положение оппозиционеров и их намерения, определялся тот вектор действий против оппозиции, который был угоден сталинскому руководству: постепенное усиление репрессий, в первую очередь против рядовой массы и среднего звена оппозиции, а затем и против ее лидеров.

Следует отметить, что к этому времени кроме левой и правой оппозиции у Сталина появился еще один идеологический противник: оформившиеся в независимую оппозиционную группу демократические централисты. В отношении их ОГПУ давало куда более жесткие оценки. По словам докладной ОГПУ, децисты переродились в «антисоветскую, полуанархистскую, полуфашистскую группу, стоящую за крайние методы борьбы с советским режимом». И хотя по своей численности децисты были малочисленны и в этом плане не могли идти в сравнение с левой оппозицией, ОГПУ отмечало, что оба течения неоднократно вели переговоры о совместных действиях и возможном слиянии. В частности, такие переговоры с «сапроновцами» от «троцкистов» вел в марте 1928 г. Владимир Косиор (Кассиор) [840] , еще один брат-оппозиционер большевистского руководителя Станислава Косиора.

ОГПУ считало, что среди децистов преобладало течение, резко отрицательно относившееся к перспективе слияния с левой оппозицией и выступавшее против «реформистского характера» тактики Троцкого. Особенно серьезные разногласия выявлялись по отношению к стачкам. В противоположность курсу сторонников Троцкого на предотвращение стачек, децисты ставили перед собой задачу активного участия в них, а по возможности – руководства ими. В практической работе децистов все большее значение имела конспирация (условные коды, шифры, конспиративные адреса, тайнопись, явки и т. п.). Предусматривался переход на нелегальное положение лиц, которым угрожали аресты [841] . Еще более радикальной была незначительная оппозиционная коммунистическая группа «Рабочий путь к власти», в которой слились остатки «рабочей оппозиции» и ранее ликвидированной группы «Рабочий путь» Г.И. Мясникова [842] , исключенного из партии в 1922 г. Эта группа пыталась печатать на ротаторе свою газету, в которой резко критиковался режим Сталина и платформа Троцкого, а сам Троцкий обвинялся в беспринципности и борьбе за власть над рабочим классом [843] .

Из реальных фактов, параноидальных преувеличений и фантастических домыслов спецслужбистов вытекали те конкретные задачи, которые ставило перед собой ОГПУ в отношении оппозиции: «В нашей борьбе с оппозиционным подпольем мы должны рассматривать оппозиционные фракции и группы как антисоветские политические организации. Но было бы не совсем правильно подходить к ним с методами и масштабами разработки и ликвидации меньшевиков, с[оциалистов]-революционеров и др[угих] антисоветских политпартий без некоторых корректив, требуемых известным своеобразием политического существа оппозиционных фракций».

Это «своеобразие» руководители ОГПУ видели в том, что в случае полного и

безоговорочного разрыва с оппозицией бывшие оппозиционеры вновь восстанавливались в партии, хотя в искренности этих раскаяний приходилось сомневаться, так как многие «капитулянты» скрывали «свое действительное троцкистское лицо под маской преданности партии» [844] . А из этого, в свою очередь, вытекали те провокационные методы, которые предлагались как руководство к действию: для ликвидации оппозиционных центров, парализации связей оппозиционеров с массами, пресечения попыток объединения недовольных элементов требовалось содействовать «ускоренному разброду и распылению» кадров оппозиции. Здесь в дело вступал элемент, о котором не упоминали документы и инструкции: «имеющаяся агентура», которая, как оказалось, уже трудилась в рамках оппозиции. Ей вменялось в обязанность способствовать усилению более умеренных групп, стоящих за сближение с партией, добиваться групповых выходов из оппозиционных формирований: «Эта тактика потребует, конечно, напряженного использования агентурных сил, которые по разным причинам… не могут быть использованы для достаточно эффективного освещения подполья. Работа по разложению оппозиции должна проводиться с соблюдением особо строгой конспирации. Нужна безусловная гарантия от провала и разоблачения наших методов работы».

Агентуру требовали внедрять во все группы оппозиционеров, причем расширять число агентов путем привлечения тех членов оппозиции, которые находились «на пути к отходу от оппозиционной работы» для «освещения ее изнутри» и для «подготовки группового выхода из организации и содействия ее развалу». Арестовывать же предполагалось преимущественно интеллигентов, служащих, бывших партийных работников. Рабочих рекомендовалось отправлять в тюрьмы в последнюю очередь. Следователи должны были добиваться от арестованных не только подробных показаний, но и мотивированных заявлений о разрыве с оппозицией и об осуждении фракционной деятельности, причем следствие требовалось проводить в ускоренном порядке, используя его еще и для вербовки новой агентуры. С этой целью приказывалось осуществлять тщательную перлюстрацию переписки ссыльных [845] .

Итак, шефы ОГПУ признавали, что в среде оппозиционеров действовали глубоко и прочно внедренные агенты, перед которыми ставились две главные задачи – шпионаж и разложение движения. Ни один из этих агентов ни тогда, ни позже не был разоблачен в качестве такового – настолько законспирирована была их сеть и беспечны оппозиционеры. В числе подававших петиции о раскаянии и о желании возвратиться в партию, которых Троцкий и его соратники клеймили как отступников, но не как политических шпионов и диверсантов, тоже были изначальные провокаторы, чьи имена могут быть установлены только в том случае, если когда-нибудь гласности будут преданы архивные фонды спецслужб, на что весьма трудно надеяться в обозримом будущем.

Тем временем Троцкий получал информацию не только от своих открытых сторонников. В числе документов, сохранившихся в его архиве, имеется немало текстов, пришедших из кругов правившего большинства, из партийного, государственного, военного аппаратов, в центре и на местах. Невозможно конкретно определить, каким образом эти документы, в том числе и фигурировавшие под грифом «Секретно», оказывались в Алма-Ате. По всей видимости, передавали ему эти документы разными путями тайные союзники, маскировавшиеся под сторонников «генеральной линии». Такова, например, относившаяся к апрелю 1928 г. секретная резолюция совещания высшего политического состава Белорусского военного округа Красной армии, в которой констатировались многочисленные недостатки партийно-политической работы в войсках, в том числе очковтирательство, карьеризм и прислужничество. Вместе с тем в этой резолюции отмечалось, что в Красной армии распространялись «чуждые» взгляды и настроения, содержались жалобы, что в военную литературу просачивались антимарксистские положения. В этой связи назывались имена служивших в Красной армии бывших царских генералов и офицеров В.Н. Левичева [846] , А.И. Верховского, М.М. Загю [847] и других, привлеченных на службу в свое время Троцким. Предгрозовые вспышки молний будущего

«1937 года» уже появились на политическом небосклоне.

С бывшими руководителями оппозиции теперь попытался установить контакт даже Бухарин. 11 июля он тайно встретился с Каменевым, специально вызванным им из Калуги, куда тот был фактически сослан, и в присутствии Сокольникова провел с ним беседу о возможном сотрудничестве в борьбе против «Чингисхана» – Сталина [848] . За пределы взаимного прощупывания и перемывания косточек контакты Колечки Балаболкина не продвинулись. С другой стороны, Сталин сам стал распространять слухи, что готов пойти на примирение с оппозиционерами. В пользу достоверности этих слухов говорили выступления Сталина, откровенно заимствовавшего идеи Троцкого. «Незаметно Сталин присвоил себе одежду Троцкого», – писал биограф [849] .

Некоторые сторонники Бухарина были куда смелее его самого, за что и поплатились раньше Бухарина. В Ленинграде состоялось собрание фракционного актива «правых», на котором выступил близкий к Бухарину заведующий одного из отделов Исполкома Коминтерна и ответственный сотрудник «Правды» А.Н. Слепков [850] , заявивший, что Сталин ведет страну к гибели, что новая политика Сталина – это «троцкизм», и необходимо повести со Сталиным самую жестокую борьбу. О собрании сообщили Кирову, последний донес о происшедшем в вышестоящие партийные органы [851] . Слепков был снят с должностей и в порядке наказания переведен на работу в Средневолжский крайком партии [852] .

В ряде писем единомышленникам, как «циркулярных», так и личных, Троцкий предостерегал против переоценки тех сдвигов, которые наблюдались в советской политике. Он подтверждал, что с формальной точки зрения «новый курс» Сталина был приближением в некоторых вопросах к позициям, на которых стояли Троцкий и левая оппозиция, что примирение со сталинской группой все еще возможно. Тем более что режим ссыльных с течением времени не ужесточался. Троцкий за гонорары выполнял задания Института Маркса и Энгельса при ЦК ВКП(б), выезжал на охоту, то есть имел право на огнестрельное оружие, на лето получил разрешение и возможность снять пригородную дачу, к нему в гости приезжали из Москвы родные. Определенным «снисходительным» режимом пользовались и некоторые другие ссыльные – высокопоставленные партийные и государственные деятели – притом что сотни рядовых сторонников оппозиции были арестованы, находились в так называемых «политизоляторах», где подвергались обычным для советской пенитенциарной системы издевательствам, а затем переводились в стандартные тюрьмы и концлагеря.

Сам Троцкий, лишь в самом начале оптимистически восприняв внутренние бури в Политбюро, вскоре стал весьма скептически относиться к происходившим за кремлевскими стенами событиям. Он писал Раковскому 14 июля, что Радек и Преображенский не правы, полагая, что сталинская фракция имеет лишь «правый хвост» и ее надо, мол, уговорить избавиться от такового. «Обезьяна, освобожденная от хвоста, еще не человек», – комментировал алма-атинский ссыльный с присущим ему едким сарказмом [853] . В то же время Раковский и некоторые другие наиболее близкие к Троцкому оппозиционеры вначале воспринимали всю эту возню в Кремле и на Старой площади не вполне адекватно. Летом 1928 г. Раковскому казалось, что «правые» (Бухарин и Рыков) уже одержали или, по крайней мере, одерживают победу над «центром» (Сталиным). 21 июля Раковский писал Троцкому: «Как не нужно поддаваться беспочвенным восторгам по поводу «нового курса», так [не стоит поддаваться] и косности психологии ссыльных. Последнее тем паче, что я считаю, что положение очень серьезно. Центр после нескольких жестов был положен на обе лопатки. Победа правых не стоила им даже больших усилий. В первой же схватке – в первом же «скрещении шпаг», – у правых… чувствовалась уверенность и спокойствие, а у центра нервность и неуверенность. Посмотрим, что будет на следующем пленуме. Но от одного пленума до другого мы как будто переживаем целый исторический период. Развитие событий идет невероятно быстро» [854] .

Христиан Георгиевич принимал желаемое за действительное. Он писал Троцкому, с оттенком чуть ли не восторга, что на собрании актива коммунистов и беспартийных в

Смоленске были сделаны заявления в духе недоверия к партийному руководству (пока оппозиционеры остаются в ссылке). Раковский утверждал, будто бы эти заявления вызвали «грандиозный скандал», а Каганович переметнулся на сторону Рыкова. Разумеется, это был лишь слух о разногласиях Кагановича со Сталиным, ни на чем не основанный и не к чему не приведший [855] . В значительно большей степени колебания и растерянность характерны были для десятков других ссыльных. С одной стороны, эти люди стремились сохранить политическую и личную преданность своему лидеру. С другой – у них возникали и зрели все большие сомнения в целесообразности продолжать оппозиционную деятельность. Постепенно они начинали осознавать, что не «правые», а именно Сталин и его группа путем хитрых вывертов одерживают верх, используя партийный аппарат и доверие малообразованной массы коммунистов, склонной поддаваться инстинкту толпы.

Очередная попытка проанализировать изменявшиеся реалии была сделана в письме Раковского, которое стало известно как «Письмо тов. В.» – Г.Б. Валентинову, бывшему сотруднику газеты «Труд», находившемуся в это время в ссылке в городе Великий Устюг [856] . В письме констатировалось усиливавшееся политическое равнодушие рабочей массы, ее дифференциация, бюрократическое перерождение партии и советской системы. Раковский разоблачал «извращения» партийно-государственной системы с позиций намечаемого им демократического обновления советского общества, что, несомненно, было утопией, ибо не предполагало коренного изменения его социальных и политических основ. Он высказывал мнение о том главном инструменте, который мог бы повлиять на общую ситуацию в партии и в стране, мог бы способствовать ее повороту в лучшую сторону. Таким инструментом он считал существенное сокращение объема и функций партийного аппарата. Любую реформу, которая опиралась бы на партийную бюрократию, он считал нереальной.

«Письмо тов. В.» получило высокую оценку всех тех, кто стремился разобраться в происходящем, в частности осознавать бюрократическое перерождение советской системы. Многократно к этому документу обращался Троцкий, выражая восхищение письмом Раковского. «Оно у нас немедленно было переписано в значительном числе экземпляров и разослано ряду друзей» [857] , – писал он. О том же вспоминала и Н. Седова: «Перепечатывали замечательное письмо Раковского и рассылали другим» [858] . Это «небольшое исследование о советской бюрократии» Троцкий и в эмиграции, в 1936 г., продолжал считать «лучшим из всего, что написано по этому вопросу». В связи с тем, что к 1936 г. Раковский уже «капитулировал» перед Сталиным, Троцкий сокрушенно добавлял: «Сломленный бюрократической репрессией, сам Раковский отрекся впоследствии от своих критических суждений. Но и семидесятилетний Галилей в тисках святейшей инквизиции увидел себя вынужденным отречься от системы Коперника, что не помешало Земле все-таки вращаться и далее. Покаянию шестидесятилетнего Раковского мы не верим, ибо сам он не раз давал уничтожающий анализ таких покаяний. Что касается его исторической критики, то она нашла в фактах объективного развития гораздо более надежную опору, чем в субъективной стойкости ее автора» [859] .

Троцкий уделял этому письму настолько большое значение, что после высылки из СССР в феврале 1929 г. опубликовал его в Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», который начал издаваться за рубежом [860] . Даже в 1932 г., вспоминая о программных документах ссыльных оппозиционеров, он писал, что «эта программа была достаточно конкретно изложена… в работах левой оппозиции, особенно в замечательной статье Х.Г. Раковского».

В 1928 г. между Троцким и его сторонниками происходили бурные дебаты по поводу «полевения» Сталина, отказа его от «центристских» установок, по поводу того, какие практические выводы необходимо сделать в новых условиях. С начала июня Троцкий прилагал максимум усилий, чтобы убедить ссыльных оппозиционеров не поддаваться на уловки, не идти на «капитуляцию», маскируя ее «принципиальными соображениями». Он подчеркивал исключительную важность вопроса о методах руководства партией, государством, профсоюзами. «Всегда и неизбежно будут ошибаться те, которые берут

отдельные экономические мероприятия вне политического процесса и политической деятельности в целом», – писал он в «циркулярном» письме [861] .

Троцкий упорно и настойчиво проповедовал своим сторонникам, что мелким соглашательством, второстепенными уступками «левому сдвигу» результатов добиться невозможно. Он так формулировал основы своей тактики в изменившихся условиях: «Поддержка не центризму, сдвигающемуся в данный момент влево, а только его левым шагам. Но мы не можем поддерживать и укреплять авторитет и влияние центристов, хотя бы и левеющих в данный момент. Нам надо думать о завтрашнем дне. Наша поддержка левым или полулевым шагам центристов состоит в том, что мы, опальные большевики-ленинцы, исключаем самую мысль о каком-либо блоке с правыми против общего противника» [862] .

На совместную борьбу с Бухариным против Сталина Троцкий идти не хотел, полевевший Сталин был ему куда ближе поправевшего Бухарина.

Некоторые ссыльные высказывали в письмах опасения, как бы «каша не сварилась» без их участия. Подобные настроения Троцкий объявлял «капитулянтством» и указывал, что признание оппозицией «левого поворота» Сталина станет возможным лишь после того, как оппозиционеры будут возвращены в партию и восстановлены на руководящих постах. Авторы аналитической записки ОГПУ, посвященной ссыльным оппозиционерам, также приходили к выводу, что внутриполитические сложности, с которыми столкнулось советское правительство, оставляли Троцкому и его единомышленникам возможности для борьбы и надежду на конечную победу: «Трудности хлебозаготовительной и колдоговорной кампаний были учтены троцкистами как начало тяжелого хозяйственного кризиса в стране. Предстоящий кризис должен был привести к повсеместным стихийным выступлениям крестьянства, оживлению революционного рабочего движения и в конечном счете к торжеству троцкистской фракции. Необходимость сохранения кадров диктовалась стремлением сохранить организованные силы для новой открытой борьбы за власть» [863] .

Сельскохозяйственным проблемам в контексте хлебозаготовок и организации новых зерновых совхозов уделил большое внимание на июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Официальная стенограмма пленума опубликована не была, но кто-то из тайных единомышленников Троцкого, работавших в партаппарате, передал ему в ссылку частичную стенограмму пленума. Троцкий усмотрел на пленуме почти полную «капитуляцию» антинэповских сил, резкое усиление позиций «правой» группы Бухарина и Рыкова. Особенно четко это прослеживалось, по его мнению, в высказываниях Молотова, всегда выполнявшего сталинские инструкции, по поводу индивидуальных крестьянских хозяйств и необходимости уступок середняку, то есть всего того, что оппозиционеры клеймили как «центризм». Это – «ленинская политика», – сказал Молотов. Сталин добавил: «Большевистская политика». Об уступках крестьянину свидетельствовали также решения пленума о повышении государственных заготовительных цен на хлеб и «ликвидации» нарушений законности на селе.

«Правые» и центристы сохранили в Политбюро свои позиции, о чем свидетельствовали противоположные по смыслу доклады об итогах пленума, с которыми выступили Рыков в Москве и Сталин в Ленинграде [864] . Однако левый Троцкий считал, что на пленуме победили «правые». 22 июля он писал: «По тону доклад Рыкова есть доклад победителя. И не зря: из первой схватки с центром, через 4 – 5 месяцев после начала «левой» политики, правые вы шли вполне победоносно. Июльский пленум ЦК знаменует первую открытую победу Рыкова над Сталиным, правда, при помощи самого же Сталина» [865] . Однако проходили недели, а Сталина от власти никто не отстранял. 4 сентября Троцкому в письме Смилге пришлось скорректировать свою позицию в том смысле, что аппарат прочно находится в руках центристов (группы Сталина). «Еще зигзаги будут, возможно даже, что линия зигзагов уже в ближайший период получит форму малярийной кривой» [866] , – писал Троцкий, справедливо предполагая, что Сталин еще вынужден будет вернуться к левому курсу.

7. «Капитуляция» Радека

Существенно переоценивая позитивное значение для оппозиции изменений в линии поведения советского руководства, Троцкий усматривал в этих левых сдвигах лишний аргумент для отказа от создания параллельных компартий как в СССР, так и за его пределами. «Шатаний, колебаний, перебежек, расколов будет еще немало впереди, как внутри официальных компартий, так и в тех группах, которые на данном этапе вытеснены из их состава. На этот счет не нужно делать себе никаких иллюзий. Люди учатся ходить только на собственных ногах, причем неизбежно набивают себе шишки на лбу и в других местах» [867] , – писал он снисходительно, не призывая иностранных коммунистов формировать новые партии, но и не осуждая их за деятельность, повлекшую исключение из компартий. За Троцкого это сделал Радек, направивший в «Правду» телеграмму, которая была опубликована под заголовком «Радек против избирательной тактики германских ультралевых» [868] .

Радек послал эту телеграмму в «Правду» с просьбой напечатать ее также в германской коммунистической газете «Роте фане». И хотя Радек при этом обнаружил раскаяние в оппозиционной деятельности, факт посылки им телеграммы в центральный партийный орган и ее публикация, сопровождавшаяся соответствующими комментариями редакции, были истолкованы некоторыми ссыльными как первый шаг на пути к «капитуляции». В редакционных комментариях указывалось, что телеграмма Радека была первоначально послана Троцкому, но тот свою подпись поставить отказался. В самой же телеграмме содержалась резкая и язвительная критика группы Фишер – Маслова.

Троцкий не отнесся к демаршу Радека как к чему-то серьезному: «Телеграмма Радека в «Правде» есть результат некоторой излишней импульсивности, вряд ли много более того», – писал он 2 июня [869] . Но остальные ссыльные увидели нехороший и опасный прецедент в том, что один из членов объединенной высылкой оппозиции сепаратно выступает на страницах официального партийного органа, к тому же центрального: «Я лично и другие любящие Вас друзья переживали Ваше выступление очень болезненно и тяжело» [870] , – написал Радеку в письме 7 июля Сосновский, высказавший, похоже, общую точку зрения ссыльных. Тревога Сосновского была более чем уместна. Радек стал первым ссыльным лидером оппозиции, предложившим сочетать критику центристов (сталинцев) с конструктивным сотрудничеством с ними. Затем Радек объявил правильной «генеральную линию» партии и наконец высказался за необходимость возвращения в партийные ряды. «Радек, многократно менявший свои взгляды и установки, не сильно заботился о принципиальных моментах. Он проявлял способность обращать свой недюжинный интеллект, память и знание текстов Маркса, Энгельса и Ленина на доказательство безусловной верности тех идей, которые он считал выгодными в данный момент, даже если еще вчера он признавал их глубоко ошибочными. В этом смысле Радек был одним из самых непревзойденных мастеров диалектики, понимаемой как искусство доказывать правильность того, что требуется насущным моментом. Еще 9 марта 1928 г., как бы намечая будущую аргументацию примиренческой позиции, Радек в письме жене, перлюстрированном, как хорошо было известно, советскими органами госбезопасности, писал о правильности нынешней политики Коминтерна вообще, о верности советской политики в деревне, в частности о том, что было бы слепотой из «чувства озлобления против репрессий» не видеть изменений в политическом курсе партии. Не случайно именно это письмо получило распространение среди сторонников оппозиции в Москве. Несколько ранее, 7 марта, Карл Бернгардович изливал свою душу Серебрякову: «Если окажется, что это не зигзаг, что мы находимся в начале исправления линии партии, тогда не борьба с руководством, а полная победа [курса оппозиции] будет обеспечена… Мы были правы в крест[ьянском] вопросе, были правы и в критике анг[лийской] и кит[айской] политики, но преувеличили опасность сползания или его силу и перешли на чересчур острые формы борьбы. За это пусть нас и жмут».

«Центр партии со Сталиным во главе оказался лучшим, чем мы думали в смысле своего пролетарского характера» [871] , – отмечал Радек в другом своем письме, 17 апреля, Сосновскому.

В июле Радек написал документ под заголовком «Несколько замечаний о положении в стране и в партии» [872] , в котором касался разнообразных вопросов: хлебозаготовки, место рабочего класса в обществе, коминтерновские дела, но, главное, излагал условия, на которых оппозиционеры, по мнению автора, могли бы возвратиться в партию. Он подготовил историко-теоретическую работу «Развитие и значение лозунга пролетарской революции», смысл которой состоял в том, чтобы продемонстрировать Сталину свой очевидный политический поворот в его сторону. Критикуя установку Каменева после свержения царизма в России, когда тот выступал за сотрудничество с Временным правительством и оказание на него только внешнего давления, называя Каменева «мелкобуржуазным революционером», Радек деликатно умалчивал, что той же позиции придерживался в 1917 г. и нынешний генсек. Сталин, разумеется, хорошо помнил о своей точке зрения по теперь уже академическому вопросу. Но он не мог не обратить внимание на то, что Радек не стал упоминать об этом «ошибочном» взгляде Сталина.

Один из разделов работы Радек назвал «Ленинский лозунг демократической диктатуры и идея так называемой перманентной революции». Пренебрежительно назвав теорию Троцкого «так называемой», Радек затем осмеливался открыто подвергнуть Троцкого критике, заявив, что теория перманентной революции родилась из «творческой ошибки одиночки», что прав был Ленин, а не Троцкий.

В сентябре появилось еще одно заявление Радека под заголовком «Надо додумать до конца», в котором речь уже шла о «грубейших ошибках» Троцкого, недооценивавшего, по мнению автора, не только «правую», но и «левую опасность». Троцкий, писал автор, «говорит о необходимости поддержки всякого левого сдвига, но в дальнейшем добавляет, что наша поддержка должна состоять в критике, в критике и еще раз в критике. Я согласен не 3, а 7 раз критиковать центристские течения. Но, во-первых, критика должна быть правильна, а не неправильна, а во-вторых, критикой не может исчерпаться наша задача поддержки». Если «в партии и профсоюзах выявится центристская группа, призывающая рабочих к борьбе против сползания… мы, толкая ее на обострение борьбы, должны одновременно поддерживать каждый, хотя бы нерешительный, шаг, направленный против правых».

Сигналы Радека были должным образом оценены Сталиным. Осенью 1928 г. раскаявшийся «грешник» был чуть ли не с почетом возвращен в Москву, а вскоре после этого назначен на работу в редакцию газеты «Известия», где стали появляться его статьи, главным образом по вопросам современного международного положения. Затем Радек был восстановлен в партии и назначен заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б). Это был, пожалуй, самый чувствительный удар по Троцкому, поскольку возвращение Радека стало первым резонансным восстановлением в партии и на высокой должности ссыльного оппозиционера. Вслед за этим покаянные заявления полились рекой. Люди, которых Троцкий считал своей надежной опорой, отрекались от него, чтобы вернуться в партию на номенклатурную должность. Среди них оказались Преображенский, Смилга, Белобородов, Серебряков и многие другие. В числе тех, кто покаялся перед Сталиным, кто заявил о полном одобрении официального партийного курса, были почти все ближайшие соратники Троцкого по объединенной оппозиции.

Троцкий весьма болезненно реагировал на раскол и фактический распад оппозиции, но он старался не давать воли своим чувствам, пытаясь сохранить контакт даже с теми, кто его предал. Весьма показательным было его письмо Радеку от 20 октября, посланное уже в Москву [873] . Он обращался к адресату по-прежнему: «Дорогой К[арл] Б[ернгардович]» – и весь свой сарказм и чувство негодования умело маскировал, противопоставляя Радека прежнего Радеку нынешнему. Сообщая, что он узнал о «новых взглядах» Радека одним из последних и фактически из вторых рук (здесь Троцкий несколько преувеличивал, ибо

тексты, предшествовавшие покаянию Радека, он от автора получал), Лев Давидович посылал «дорогому Карлу Бернгардовичу» несколько старых работ Радека, в которых содержались, в частности, решительные возражения против попыток протащить «антитроцкизм» как идейную основу ренегатства. Тогда же Троцкий написал небольшую статью «Перманентная революция и линия Ленина», в которой пытался проанализировать выступления Сталина и Радека, в которых те подвергали Троцкого критике, опираясь на цитаты из Ленина. Большую часть статьи Троцкий направил против Радека, утверждавшего, что теория перманентной революции угрожает советской власти отрывом от крестьянства [874] .

Положение, которое к этому времени сложилось в кругах оппозиции, адекватно было отражено в информационном письме руководства ОГПУ республиканским и местным органам летом 1928 г.: «То обстоятельство, что своей платформой [о примирении] они содействуют организационному брожению в рядах оппозиции и идейному оформлению тех элементов, которые склонны пойти на соглашение с партией, вызвало целые потоки нападок «непримиримых», пытающихся спасти положение и удержать своих друзей от падения. Прежде всего, характерно отношение к ним самого Троцкого» [875] .

Тем не менее в своих воспоминаниях Троцкий не упоминает о покаянных заявлениях тех авторов, которые сумели внешне соблюсти некое подобие достоинства и сделали вид, что их декларации о примирении с «генеральной линией» или даже о признании ее единственно правильной и «марксистско-ленинской» носили чисто политический (а не шкурный) характер. Может быть, кто-то из подписантов сумел уверовать в искренность своих поступков и убедить в этом других, в том числе и Троцкого. Но очевидно, что раскаявшиеся оппозиционеры преследовали несколько практических задач: восстановление в партии, восстановление в должности, приобретение свободы, сохранение жизни. Как достоверно известно, эти задачи были некоторыми из них решены удовлетворительно, но только на ближайшие семь – десять лет.

8. VI конгресс Коминтерна

Летом 1928 г. внимание к внутриполитическим вопросам на некоторое время отошло на второй план в связи с подготовкой созыва и проведением VI конгресса Коминтерна, состоявшегося в Москве 17 июля – 1 сентября 1928 г. Это был первый конгресс, в котором не принимал участие Троцкий, являвшийся одним из основателей Интернационала, и первый конгресс, который проходил после его исключения из партии и Коминтерна.

Предыдущий V конгресс созывался четыре года назад. Сам факт созыва международного коммунистического форума после столь длительного перерыва (до 1922 г. конгрессы созывались ежегодно, несмотря на крайние трудности, с которыми зарубежные делегаты добирались до советской столицы) свидетельствовал, что советское правительство уделяло Коминтерну все меньшее внимание, хотя и продолжало рассматривать его в качестве внешнеполитического ответвления ЦК ВКП(б). Коминтерн теперь призван был обеспечивать послушное проведение компартиями директив Политбюро и отсекать элементы, несогласные с указаниями советского правительства и с самим фактом управления компартиями из Москвы.

Конгресс рассмотрел вопросы об опасности империалистической войны, о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, о положении в СССР и в ВКП(б), об уставе Коминтерна. Но особенно важным вопросом было рассмотрение проекта программы Интернационала. Работой по написанию новой программы руководил Бухарин. В основном именно им писался сам текст. На конгрессе Бухарин руководил работой программной комиссии, несколько раз выступал по программному вопросу. Насколько можно было судить по неформальным высказываниям руководителей основных европейских компартий, делегаты съезда остались недовольны проектом Бухарина. Руководитель итальянской делегации Тольятти и французский представитель Морис Торез [876] жаловались на то, что им была в свое время «подсунута» для единогласного принятия

злосчастная теория построения социализма в одной стране, что от них пытаются скрыть теперешние разногласия в ЦК ВКП(б) и на конгрессе о них узнают окольным путем, что бухаринский доклад и его тезисы не наметили никакой реальной перспективы для практической деятельности компартий, что руководство последних беспрерывно дергают сверху противоречивыми директивами. Тольятти заявил также, что «уровень конгресса и выступающих ниже всякой критики. Парадные заверения о верности Коминтерну. Скучно и грустно». Торез прибавил, что «среди нашей делегации растут беспокойство, недовольство и скептицизм. Нас беспокоит содержание доклада Бухарина, а также то, что в нем не сказано или недостаточно ясно сказано».

Сталин тоже остался недоволен проектом Бухарина. По требованию Сталина делегация ВКП(б) демонстративно внесла в тезисы Бухарина свыше двух десятков поправок (что она могла бы сделать и раньше, до начала работы конгресса, не унижая Бухарина публично и не привлекая внимания остальных компартий к разногласиям Бухарина со Сталиным в вопросах Коминтерна и внешней политики). Внесенные и принятые поправки усиливали левый курс, в целом свойственный решениям конгресса, и обращали особое внимание на монолитность рядов компартий. В частности, программа указывала на особую опасность левой социал-демократии (переманивающей к себе членов компартий) и на необходимость соблюдения «железной дисциплины» в партиях, то есть борьбы с любыми проявлениями фракционизма.

Обо всем этом Троцкому сообщали в Алма-Ату его тайные сторонники, имевшие возможность общаться с зарубежными делегатами и пересылать затем Троцкому письменные отчеты о встречах и даже неформальные стенограммы бесед [877] . В то же время на официальных заседаниях делегаты проявляли раболепное единодушие и единообразие. Дискуссии на конгрессах Коминтерна ушли в прошлое. Открытых инакомыслящих коммунистических оппозиционеров на конгресс просто не допускали, и те, кто туда все-таки просачивался или же становился критиком советской коминтерновской политики уже в Москве, не имели возможности выступать и только с нетерпением ожидали своего отъезда из СССР, чтобы высказать свои истинные взгляды уже за границей, не подвергая свою жизнь опасности со стороны органов ОГПУ.

Полагая, что оппозиция в состоянии если не изменить курс международного коммунистического движения, то, по крайней мере, в какой-то степени повлиять на него, Троцкий еще 9 мая обратился с письмами к Раковскому, Смилге, Радеку, Преображенскому и Белобородову. Он предложил, чтобы оппозиционеры направили коллективное послание конгрессу, в котором изложили бы свое отношение не только к международной ситуации, но и к внутренней политике руководства ВКП(б): «Заявление не должно игнорировать нынешних официальных попыток вырваться из трясины, – но и никакой дипломатии, лжи и фальши, развращающего хулиганства в духе Зиновьева – Каменева – Пятакова, себялюбивого, чиновничьего, насквозь безответственного, понтиепилатовского умывания рук в духе Крестинского или смердяковского пресмыкания в духе Антонова-Овсеенко. Заявление должно ребром поставить вопрос об убийственных ошибках, начиная с 1923 г. – Болгария – Германия – Эстония – Англия – Китай» [878] .

Имея в виду наметившийся в партруководстве сдвиг влево, «нами же обусловленный», Троцкий предлагал выдвинуть перед конгрессом требование о возвращении оппозиционеров в партию при обязательстве со стороны оппозиции соблюдать дисциплину и не создавать фракций. Именно давлением оппозиции Троцкий объяснял изменения в партийном курсе, которые он определял как «торможение в процессе сползания». Официальный сталинский курс увеличивает шансы оздоровления партии [879] , указывал Троцкий, для которого «правый» Бухарин стал главным противником.

Позиция Троцкого была встречена сдержанно. Одни, как Радек, давно уже подумывали о полной «капитуляции», и им было не до обращений к конгрессу. В конце концов Сталин в целом принял программу левой оппозиции в своей основе, а разбираться в тонкостях и мелочах, находясь в ссылке, было сложно. Другие, наиболее упрямые и стойкие, считали, что

поворот сталинского курса незначителен, а вовлекать во внутрипартийную дискуссию коммунистический форум во всех случаях неправильно и неэффективно. Сосновский писал Радеку 18 мая, что оппозиционеры, молчащие в разных углах ссылки, «неизмеримо больше говорят и незримо голосуют на разных пленумах», что игнорировать новые меры ЦК «глупо и вредно», но надо иметь в виду, что бюрократизированные до крайности советские, партийные, профсоюзные и кооперативные аппараты всякое дело сведут на «антипролетарские рельсы». Нехотя соглашаясь с подготовкой обращения к конгрессу, Сосновский полагал, что оно должно быть «написано с достоинством». Белобородов же считал любое обращение «капитулянтством», будучи уверенным в том, что «зигзаг» окажется столь же кратковременным, как и «другие прыжки влево с правой дорожки» [880] .

В июне 1928 г. Троцкий все-таки направил VI конгрессу несколько своих документов. Первым из них был обширный, составлявший целую книгу материал «Критика программы Коммунистического Интернационала» [881] . Время написания этой работы не совсем ясно. В конце текста поставлена дата «июль 1928 г.». В архивном же экземпляре в качестве даты завершения обозначено 28 июня. Можно предположить, что в начале июля Троцкий завершал доработку текста и только после этого отправил его в Москву. Вслед за этим, 12 июля, конгрессу был направлен обширный комментарий программного документа Интернационала под заголовком «Что же дальше?» [882] . В тот же день было отправлено еще одно заявление Троцкого на имя конгресса [883] . Кроме того, проблем VI конгресса Троцкий касался в целом ряде «циркулярных» и индивидуальных писем.

Несколько раньше Троцкого, если судить по корреспонденции, свои тезисы под заголовком «Что надо сказать конгрессу Коминтерна» подготовил Преображенский. Он послал их Троцкому, разослал и многим другим ссыльным. В отличие от весьма объемных документов Троцкого тезисы Преображенского составляли всего несколько страниц [884] . В них сохранялась традиционная критика курса официального партийного руководства, но в то же время весь тон документа и особенно его выводы звучали совершенно по-новому. Не идя еще на прямую «капитуляцию», стремясь действовать в пределах солидарности ссыльных оппозиционеров, Преображенский – один из наиболее образованных и эрудированных соратников Троцкого – высказывал мнение, что опасность дальнейшего поворота политики партии вправо устраняется переходом ее руководства к активной борьбе против кулака. Автор тезисов констатировал уменьшение разногласий оппозиции с ЦК по ряду вопросов международной и внутренней политики. «Мы готовы приложить все наши усилия к поддержке всякого шага ЦК по пути ленинской политики, мы хотим помириться с большинством партии на основах проведения нового курса, мы просим Конгресс вернуть нас в партию, в рядах которой мы лояльно и искренне осуществим наше обязательство не прибегать к фракционной деятельности» – так завершалось это примечательное обращение Преображенского.

Троцкого весьма встревожила инициатива Преображенского, ибо он ощущал по письмам других своих соратников, что и у них возникает соблазн попытаться возвратиться в партию и вернуться к активной деятельности, избавившись от ссылки. Сохраняя благожелательный тон в переписке с Преображенским и нарочито посвятив свое ответное письмо от 24 мая в основном бытовым и текущим делам, не критикуя тезисы Преображенского по существу, Троцкий в то же время ссылался на отрицательное отношение к документу Преображенского со стороны других ссыльных [885] . Он приводил текст двух полученных им телеграмм. Одна из них была от группы ссыльных из села Колпашева Томской губернии, в том числе за подписью Смилги и Альского; другая – из Усть-Кулома (Республика Коми) от Белобородова. В первой телеграмме говорилось: «Предложения-оценку Евгения решительно отвергаем, ответьте немедленно». Вторая гласила столь же непререкаемо: «Предложения Евгения считаем неправильными». «Во всяком случае из доброй сотни голосов только три человека высказались за тезисы Преображенского», – писал Троцкий Раковскому. Так что пока удавалось вроде бы в основном сохранять солидарность и единодушие большинства ссыльных оппозиционеров и

их сплоченность вокруг непримиримых установок Троцкого.

Получив тезисы Преображенского в разгар своей работы над новыми документами для VI конгресса, Троцкий придал им особенно резкую и полемически заостренную форму, адресовав не только конгрессу Коминтерна и руководству ВКП(б), но и собственным сторонникам. Он полагал, что следовало бы выступить с коллективным обращением оппозиционеров. Своему единомышленнику Багдасарову, находившемуся в ссылке в Чимкенте, он писал, что «смысл заявления: высказать то, что есть. Никаких преувеличений, никакого игнорирования нынешних офиц[иальных] попыток вырваться из трясины, но и никакой дипломатии, фальши, развращенного политиканства в духе Зиновьева, Каменева, Пятакова» [886] .

В письме Раковскому от 14 июля Троцкий признавался, что работа над документами к конгрессу Коминтерна была своего рода средством отвлечения от тяжких душевных страданий, от глубокой скорби, связанных с недавней потерей младшей дочери. «Это было трудно. Но с другой стороны, необходимость выполнить эту работу во что бы то ни стало послужила как бы оттяжным пластырем и помогла пронести ношу через первые наиболее тяжкие недели». Рассказывая, что у него получилась книжка объемом в одиннадцать печатных листов, Троцкий не приписывал инициативу ее создания только себе самому. По его словам, он стремился подытожить то, «что было плодом нашей коллективной работы за последнее пятилетие, когда Ленин отошел от руководства партией и когда воцарилось бесшабашное эпигонство, жившее сперва на проценты от старого капитала, но скоро пустившее в расход и самый капитал» [887] .

Иначе говоря, Троцкий рассматривал документы, подготовленные к VI конгрессу Коминтерна, как своего рода итог всей теоретической, публицистической, разоблачительной, протестной деятельности оппозиции, начиная с 1923 г., когда оппозиции в буквальном смысле еще не существовало, но зарождалась дискуссионно-критическая струя в большевизме, приверженцы которой, считая себя подлинными преемниками Ленина, вступали в мужественную борьбу против того, что позже оформилось как сталинизм.

Документы Троцкого с критикой программы и всей деятельности Коминтерна были скрыты делегацией ВКП(б) как от большинства участников конгресса, так и от партии. Но все же машинописная рукопись Троцкого в сильно сокращенной форме была отпечатана в нескольких экземплярах в качестве секретного документа и роздана членам программной комиссии без указания автора на титульном листе, но с подлинным заголовком, причем члены комиссии были поставлены в известность, кем именно этот текст был написан. Как бы в насмешку и над самим документом, и над членами комиссии, им сообщили: выдаваемый им материал дается не в дискуссионном, а в информационном порядке и обсуждению не подлежит. Идея отпечатать сокращенный текст документа в нескольких экземплярах, видимо, принадлежала Бухарину, причем представитель компартии США на конгрессе Джеймс Кэннон [888] даже предположил, что появление документа в программной комиссии конгресса вызвало недовольство Сталина и стало еще одной причиной отстранения Бухарина от дел [889] .

«Критика программы Коммунистического Интернационала» состояла из трех разделов. Они были посвящены общим вопросам международной революции в противопоставлении курсу Сталина на построение социализма в одной стране; общим чертам и особенностям стратегии и тактики коммунистического движения в современную эпоху; итогам, перспективам и урокам китайской революции. Троцкий основывал свою критику на том безусловном для него положении, что «интернациональная коммунистическая программа ни в коем случае не есть сумма национальных программ или сводка воедино их общих черт» [890] . Исходя из этого, он не оставлял камня на камне от бухаринского проекта, игнорировавшего, по его мнению, новую роль Соединенных Штатов в мире, их напор на Европу, считал совершенно недопустимым устранение из проекта программы Коминтерна лозунга советских Соединенных Штатов Европы.

Троцкий повторял, расширял, дополнительно аргументировал критику теории

социализма в одной стране, подтверждая свою приверженность концепции перманентной революции в международном масштабе. Подчеркивая зависимость СССР от мировой экономики, от международного рынка, Троцкий утверждал, что в проекте Бухарина «революционно-историческую диалектику заменила крохоборчески-реакционная утопия замкнутого социализма, который строится на низкой технике, развивается «черепашьим темпом» в национальных границах, связанных с внешним миром только страхом перед интервенцией» [891] . Теория социализма в отдельной стране рассматривалась как «источник социал-патриотических блужданий» (так был назван специальный раздел «Критики») [892] . Троцкий здесь прозорливо подметил пока еще только начинавший складываться национализм сталинского руководства, поведение которого сопоставлялось с курсом официального руководства германской социал-демократии во время Первой мировой войны. Интернационализм превращается, утверждал критик, в схоластическое прикрытие заведомой фальши.

Переходя к критике стратегических и тактических установок Коминтерна, Троцкий прежде всего останавливался на характеристике современной эпохи, определение и анализ которой отсутствовали в проекте. Он отбрасывал примитивную мысль, что революционный характер эпохи состоит в возможности в каждый данный момент захватить власть. Революционность эпохи он видел «в глубоких и резких колебаниях, в крутых и частых переходах от непосредственно революционной обстановки… к победе фашистской или полуфашистской контрреволюции, от этой последней – к временному режиму золотой середины, чтобы затем опять довести противоречия до острия бритвы и поставить ребром вопрос о власти» [893] .

Немалое внимание в критике уделялось отношению к буржуазно-демократическим, социал-демократическим партиям и к «фашистским» организациям. При этом Троцкий, точно так же, как и все деятели коммунистического движения, да и значительная часть демократической общественности, понимал фашизм расширительно – не как специфически итальянское явление, а в качестве правого, реакционного политического крыла буржуазных и мелкобуржуазных слоев различных стран. Однако в прямом противоречии с официальными коммунистическими установками Троцкий начал проводить прямое противопоставление фашизма демократической буржуазии и социал-демократии, что оказалось весьма важно для понимания сущности правоэкстремистских движений и определения путей борьбы с ними, хотя и в этом вопросе у Троцкого сохранялся очевидный «классовый крен». Он писал в своей «Критике», что положение о тождестве социал-демократии и фашизма является «нелепо-упрощенным», что таковым тождеством руководство Коминтерна напрочь перечеркивает не только политическое различие между этими силами, но и отличие между открытой гражданской войной и «периодом «нормализации» классовой борьбы»: «Можно сказать, что социал-демократия есть левое крыло буржуазного общества, и это определение будет совершенно правильно, если не забывать, что социал-демократия все еще ведет за собой миллионы рабочих и в известных пределах вынуждена считаться… с интересами своего обманутого пролетарского доверителя. Но бессмысленно определять социал-демократию как «умеренное крыло фашизма»… Для самой простой политической ориентировки нужно не валить все в кучу, а различать, что социал-демократия и фашизм представляют собою полюсы – *единого в минуты опасности* – буржуазного фронта, но *полюсы* » [894] .

Но если *опасность* исчислять не минутами, а годами или считать эту *опасность* постоянно действующим фактором, теория Троцкого о единых полюсах – социал-демократии и фашизме – становится идентичной сталинскому подходу к этой проблеме. В очередной раз Сталин просто украл идею Троцкого, приноровив ее к собственной программе.

Троцкий подробно останавливался на зигзагах и поворотах в коминтерновском курсе, на необоснованных, как он полагал, крутых поворотах от левизны к правому курсу и наоборот, именуя это «ультралевой политикой на правых дрожжах» (так он назвал одну из

главок своей «Критики»). Со свойственной ему образностью он проводил здесь любопытное сравнение: «Один род движения нужен человеку, когда он поднимается по лестнице, другой – когда он спускается по ней. Самое опасное положение – это такое, когда человек, потушив свечу, заносит ногу для подъема вверх, тогда как перед ним ступеньки вниз. Тут неизбежны падения, ушибы, вывихи» [895] . В подтверждение этого приводились уже знакомые примеры – катастрофы коммунистического движения в Германии, Болгарии, Эстонии, разгром кантонского восстания 1927 г. Особенно подробно Троцкий останавливался, однако, на провале правых комбинаций Сталина, в частности в связи с китайской революцией и Англо-русским комитетом.

Не отказываясь в принципе от гибкой, маневренной линии поведения, Троцкий в то же время отвергал маневренность как основной политический принцип, служащий заключению беспринципных сделок с теми, кого он считал классово враждебными силами. При этом он обращал внимание, что из всех «маневренных комбинаций» победителями выходили в последние годы именно те, кого он относил в «классовым врагам», – Чан Кайши в Китае, тред-юнионист Персель [896] в Великобритании, «кулак» внутри СССР. Бросая камень в огород так называемой «бухаринской школы», которая в этот период все еще поставляла теоретические аргументы Сталину, несмотря на то что между Сталиным и Бухариным уже возникли серьезные разногласия, автор писал: «Воспитались целые выводки молодых маневренных академиков, которые под большевистской гибкостью понимают преимущественно эластичность собственной спины» [897] .

Касаясь причин поражения оппозиционных течений как внутри ВКП(б), так и в других компартиях, Троцкий пытался обнаружить их в социальных, классово-политических факторах, но, разумеется, не в недостатках собственной политики и тактики. Вполне понятно, что даже в том случае, если он сознавал (вряд ли он мог совершенно не понимать этого) свою непоследовательность, приверженность партийному единству до первой половины 1926 г., готовность идти на компромиссы со Сталиным в 1926, 1927 и даже 1928 гг., он не мог и не желал произнести слова исповеди и покаяния в обращении к VI конгрессу Интернационала. Это коренным образом противоречило самому духу и ментальности организатора Октябрьского переворота. Отсюда и общие рассуждения по поводу итогов внутрипартийной борьбы, отсюда – сухой, малоубедительный, но категорический общий вывод: «Рост экономического и политического нажима бюрократических и мелкобуржуазных слоев внутри страны на фоне поражений пролетарской революции в Европе и Азии – вот та историческая цепь, которая затягивалась в течение этих 4 лет на шее оппозиции. Кто этого не понял, тот не понял ничего» [898] .

Принципиально новых соображений не было и в разделе «Критики», посвященном китайской революции, ее характеру и урокам. Здесь вновь шла речь о национально-буржуазной сущности Гоминьдана, в том числе левого его крыла, о необходимости применения к китайским условиям теории перманентной революции, о реакционности идеи «двухсоставных» (рабоче-крестьянских) партий не только для Китая, но для Востока в целом. Подводя итог, Троцкий предлагал нечто совершенно утопическое, во что вряд ли он сам мог верить, что могло вызвать только ухмылку его противников и горечь разочарования его сторонников: отказаться от обсуждения программы на VI конгрессе, провести через год VII конгресс и, восстановив в Интернационале «нормальный режим», начать действительное обсуждение программы на новом конгрессе, противопоставив эклектическому бухаринскому проекту «ленинский». Подразумевалось, что в основе этого «ленинского» проекта будет лежать текст, написанный Троцким. «Надо глубоким плугом марксизма пропахать за этот год все поле. Только в результате такой работы международная партия пролетариата сможет получить программу, то есть великий маяк, правильным светом освещающий прошлое и бросающий надежные лучи далеко в будущее» [899] , – литературно писал Троцкий.

Остальные документы Троцкого, адресованные VI конгрессу, носили дополнительный

характер, существенно не расширяя объекты и характер критики. В письме «Что же дальше?» по существу резюмировалась критика программы. Кроме того, Троцкий ставил вопрос, по каким причинам конгрессы Коминтерна не собирались свыше четырех лет, и объяснял, что сделано это было для того, чтобы в административном порядке сменить политику и кадры Интернационала, поставив новый конгресс перед свершившимся фактом. В результате Коминтерн оказался в руках Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). При этом, достаточно искусственно, противопоставлялся последний период развития Интернационала предыдущему, когда решающую роль в выработке и принятии коминтерновских решений, до 1922 г. включительно, играли Ленин и Троцкий. Теперь же речь идет «о чисто закулисном организационном аппаратном всемогуществе Секретариата ЦК ВКП, чего при Ленине не было и в помине и против чего Ленин сурово предупреждал в своих последних советах партии» [900] , – писал Троцкий, в очередной раз заставляя читателя вспомнить о ленинских документах про нелояльного, грубого Сталина, сосредоточившего в своих руках необъятную власть и подлежащего снятию с должности генсека и перемещению на другой, менее ответственный пост. Троцкий явно спекулировал здесь именем и авторитетом Ленина, забывая указать о том, что Коминтерн с первых дней его существования находился под абсолютным контролем большевистских руководителей и именно они составляли большинство первого состава Исполкома Коминтерна, а затем продолжали оказывать решающее воздействие на его политику открытыми и закулисными способами.

Наконец, в документе, названном «Заявление» [901] , Троцкий ставил вопрос о «восстановлении большевиков-ленинцев (оппозиции) в партии на основе ясного и точного изложения» их «взглядов на создавшееся положение и на задачи Коммунистического Интернационала». Подчеркивая трудности общения между ссыльными и невозможности по этой причине выработки единодушного коллективного обращения, Троцкий в то же время был убежден, что в основном его документ выражает взгляды «подавляющего большинства сторонников оппозиционной платформы». Повторяя основные пункты критики политики руководства внутри страны и на международной арене, Троцкий акцентировал здесь внимание на том, что оппозиция, будучи исключенной из партии и оказавшись вне партийных рядов, «не освобождает себя от партийных обязанностей», не отказывается от своей платформы, считает отстаивание основных положений этого документа вполне совместимым с единством партии. Троцкий предлагал союз центристам (Сталину) в борьбе против «правых» (Бухарина и Рыкова). «Дальнейшая борьба за идеи и предложения платформы есть единственно правильная серьезная и честная поддержка всем сколько-нибудь серьезным шагам центра. Только при этом условии и можно питать серьезную надежду на то, что партии удастся методами партийной реформы превратить левоцентристский зигзаг руководства в действительно ленинской курс», – писал он.

Верил ли Троцкий в то, что Сталин склонится к союзу с ним и его сторонниками, отвернувшись от Бухарина и Рыкова? Можно предположить, что верил. Во всяком случае ничего неестественного и неправильного в таком повороте событий Троцкий не видел. Он продолжал смотреть на Сталина снизу вверх, как на партийного чиновника, нуждающегося в его идеях, и неоднократно уже был свидетелем того, как серый центрист Сталин тихо крал мысли и предложения Троцкого, преподнося их партийной массе как собственные. Лишенный в этом смысле тщеславия и готовый простить любое воровство, лишь бы оно было осуществлено в интересах мировой революции, Троцкий готов был простить Сталину любую человеческую подлость, хитрость, коварство. Однако к лету 1928 г., почти полностью овладев партийным и государственным аппаратом, изгнав из него не только оппозиционеров, но и просто ненадежных, Сталин уже настолько прочно обеспечил себе решающее положение в партии и руководстве страны, что был в состоянии справиться с так называемыми «правыми» без какой-либо помощи со стороны «левых», руководимых его злейшим личным врагом.

Нельзя сказать, что материалы, направленные Троцким конгрессу, не произвели на его делегатов никакого впечатления. Хотя при подготовке конгресса проводился тщательнейший

отбор делегатов, выбирать приходилось из тех, кто реально входил в руководящие органы компартий, а среди них были люди разного толка, в том числе и стремившиеся разобраться в происходящем. Американский делегат Джеймс Кэннон, являвшийся одним из членов программной комиссии, вместе с Уильямом Фостером отстаивал в своей партии сталинский курс, борясь с фракционной деятельностью Джея Ловстона [902] , близкого по взглядам и симпатиям к Бухарину. После знакомства с документами Троцкого Кэннон перешел на сторону Троцкого. На конгрессе он встретился с представителем канадских коммунистов Морисом Спектором [903] , который в течение последних лет в глубине своей коммунистической души, то есть скрытно, симпатизировал Троцкому. Кэннон и Спектор пришли к выводу, что «документ разъяснил им многие «тайны» того, как функционировало международное движение, его подчинение сталинской бюрократии и все усиливавшуюся власть Сталина над Интернационалом» [904] , и договорились по возвращении в свои страны развернуть пропаганду идей Троцкого, пока еще не помышляя, однако, о создании в США и Канаде параллельных компартий.

Выбраться из «красной столицы» было сложно даже членам иностранных компартий. По приезде в Москву делегаты сдавали свои иностранные паспорта в «особый отдел» Коминтерна. Чтобы получить их назад, нужно было сначала вернуть все полученные во время конгресса «секретные документы». Стремясь во что бы то ни стало привезти в Америку «Критику» Троцкого, хотя бы в том сокращенном виде, в котором она была им выдана, североамериканские коммунисты попросту украли экземпляр австралийского делегата Вилкинсона, предоставив тому незавидную перспективу выкручиваться из создавшегося положения [905] . По возвращении в США Кэннон познакомил с «Критикой» близких ему Мартина Аберна [906] и Макса Шахтмана [907] и сумел убедить их в верности и точности анализа международного положения и мирового коммунистического движения, сделанного Троцким. После этого все трое развернули соответствующую агитацию не только в США, но и на Западе.

Этому способствовал изданный в 1928 г. Максом Истменом объемистый (более 350 страниц) сборник, в который вошли платформа оппозиции и ряд других документов левой оппозиции. Сборник вышел под заголовком «Действительное положение в России» [908] . Шахтман и Кэннон посетили Истмена, чтобы познакомиться и выразить ему благодарность за издание. Растроганный Истмен даже отдал американским коммунистам свой гонорар за книгу. Составлял он несколько сотен долларов, по тем временам огромные деньги [909] .

Неизвестно, перешел ли на сторону Троцкого кто-то еще из участников VI конгресса, но именно после конгресса стали формироваться организации его сторонников в разных странах. Сам же конгресс послушно выполнил волю Сталина, приняв резолюцию «Дело Троцкого, Сапронова и др.» [910] , и объявил принадлежность к «троцкистской оппозиции» несовместимой с пребыванием в ВКП(б). Содержание платформы оппозиции было объявлено контрреволюционным. Резолюция также указывала, что Троцкий и его сторонники продолжают «свою раскольническую работу и свою клеветническую кампанию против ВКП(б) и против пролетарской диктатуры». Ходатайства Троцкого, Радека, Сапронова и других о восстановлении в партии были отклонены.

VI конгресс Коминтерна явился очередным рубежом в битве Сталина с Троцким. Всевластие Сталина в СССР, формально закрепленное XV съездом партии, дополнялось теперь господством и над международной коммунистической организацией, ставшей безотказным проводником сталинской политики за границей. Разложение оппозиции, начавшееся с первыми высылками, вступило в решающую стадию, приведя в конечном итоге к тому, что внутри страны Троцкий оказался в полной изоляции. В письме Раковскому от 14 июля он осторожно, сохранив некоторый оптимизм, высказал прогноз на будущее: «Весьма вероятно, что блок Сталина с Бухариным – Рыковым сохранит еще на этом конгрессе видимость единства, чтобы сделать последнюю безнадежную попытку покрыть нас самой «окончательной» могильной плитой. Но именно это новое усилие и его безуспешность могут чрезвычайно ускорить процесс дифференциации внутри блока, ибо на другой день после

конгресса еще обнаженнее встанет вопрос, что же дальше?» [911]

И хотя Троцкий предугадал распад непрочного союза центриста Сталина с «правыми» Бухариным и Рыковым, упоминание Троцким «могильной плиты» наводило на весьма грустные мысли. Задавая вопрос «Что же дальше?», он, похоже, и сам не знал на него ответа. Более того, впервые он не пытался сделать вид, что знает. О его будущем в эти дни мог догадываться только один человек: Сталин.

9. Ликвидация оппозиции

С середины 1928 г. преследование сторонников оппозиции со стороны партийных органов и ОГПУ резко усилилось. Оппозиционеров не только исключали из партии, но снимали с работы, изгоняли из вузов, а некоторых, наиболее активных, все чаще подвергали избиениям и арестам, отправляли в политизоляторы, тюрьмы и лагеря. В отчетах секретных отделов ОГПУ появился специальный раздел об оппозиции, в котором по республикам, районам, городам фиксировалось количество арестов оппозиционеров и заведенных против них судебных дел. Руководители ОГПУ требовали от своих подчиненных непримиримости к тем, кто был объявлен «врагами». Особенно усердствовал председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий [912] , давший указание составить «проскрипционные списки» участников оппозиции и связавший членов объединенной оппозиции с «украинской» – националистической, оппозиционной группой [913] .

Информационные сводки Московского комитета ВКП(б) о настроениях в рабочей среде на разных предприятиях столицы показывали, что к осени 1928 г. сторонники Троцкого еще сохранили определенное влияние среди рабочих. Две сводки, специально посвященные «троцкистским» выступлениям, в частности в связи с 11-й годовщиной Октября, имеются в архивном фонде Троцкого (это еще раз свидетельствует о том, что ему удавалось почти до конца 1928 г. поддерживать нелегальные связи со своими тайными сообщниками). Правда, в некоторых случаях органы ОГПУ и партийное руководство выставляли в качестве оппозиционных выступлений обычные проявления недовольства. Тем не менее бесспорными фактами оставались листовки, которые довольно широко распространялись на предприятиях накануне и в день празднования годовщины революции, а во время демонстраций – даже на Красной площади.

В начале сентября распространились сведения о том, что Троцкий серьезно болен, что у него тяжелые приступы малярии. В Москве и других городах была распространена листовка, в которой выражалось негодование, что Троцкого держат в малярийной Алма-Ате, тогда как «бюрократство с семьями направляют на курорты». Молотов (Сталин как раз находился в отпуске) счел необходимым поставить на заседание Политбюро 20 сентября вопрос «о листовках троцкистов». Секретарю Московской партийной организации Угланову и Ярославскому было предложено «средактировать в опубликовываемом докладе т. Угланова соответствующее место о состоянии здоровья Троцкого». Вместе с тем от всех партийных организаций потребовали «усилить идейно-политическую борьбу с троцкистскими элементами… путем решительного отпора на собраниях антипартийным выступлениям, ограничивая, однако, такую дискуссию действительным минимумом». Когда же Угланов на пленуме губкома заявил о «мнимой болезни» Троцкого, Седова направила ему гневное открытое письмо, которое получило широкое распространение в колониях ссыльных и распространялось как нелегальная листовка даже в Москве.

Седова сообщала, что ее мужа в течение ряда лет мучает повышенная температура, что он болен колитом и подагрой, к которым в Алма-Ате добавилась малярия. «Поддерживать здоровье на известном уровне можно только при правильном режиме и правильном лечении. Ни того ни другого в Алма-Ате нет». Протестуя против ссылки ее супруга по обвинениям в контрреволюционных выступлениях, она завершала свое обращение словами: «Вместо того, чтобы сказать, что болезнь Троцкого есть для вас выгода, ибо она может помешать ему думать и писать, вы просто отрицаете эту болезнь… Тот факт, что вам приходится держать

по этому вопросу ответ перед массой и так недостойно изворачиваться, показывает, что политической клевете на Троцкого рабочий класс не верит. Не поверит он и вашей неправде о состоянии здоровья Л[ва] Д[авидовича]».

В то же время Троцкий опасался, что информация о плохом состоянии его здоровья может привести лишь к новым «капитуляциям». В письме единомышленникам, написанном непосредственно после обращения Седовой к Угланову, Троцкий существенно охлаждал пыл открытого письма жены: «По вопросу о моем переводе в другое место ряд товарищей пишет о необходимости «более энергичных» протестов. Это неправильно. Ссыльные товарищи сделали решительно все, что могли, отправив телеграммы. Состояние мое вовсе не является таким тяжким, как рисуется некоторым товарищам. Сейчас мне значительно лучше. Но и независимо от этого надо ясно сказать себе, что судьба ссыльных, и моя в том числе, может быть разрешена не «обострением» протестов самой ссылки, а расширением этих протестов далеко за пределы ссылки. Из доклада Угланова вытекает, что это «расширение» уже происходит. Что и требовалось доказать» [914] .

Официальные ораторы изображали ситуацию со здоровьем бывшего вождя в самых радужных красках. Ярославский в докладе на собрании партийного актива Краснопресненского района Москвы заявил, что «Троцкий не болен, он поставлен в хорошие условия, он получает 50 руб., чего же еще надо, он и этого не заслуживает, ведь многие рабочие получают меньше». На собрании актива Бауманской районной парторганизации Ярославский потрясал документами оппозиции и кричал: «Разве, если бы Троцкий был болен, он смог бы написать такое количество документов? Оппозиция выпустила листовку, но это только ухудшает положение Троцкого. Неверно, что Троцкий плохо материально обеспечен. Мы ему даем все необходимое. Он имеет и стенографистку, и машинистку, и доктора».

Медицинской помощью Троцкий действительно пользовался. Стенографистки и машинистки у него, разумеется, не было. Ухудшение состояние здоровья, естественно, повлияло на его политическую активность. Письма, которые он направлял другим ссыльным, становились более краткими, общими, в них все чаще встречались повторы. Но главное, Троцкий не был в состоянии противостоять волне покаянных заявлений, которые стали появляться с середины года и к концу года превратились в бесконечный поток. Даже Раковский, ранее державшийся безупречно, стал вести себя не слишком последовательно. В начале июля Раковский по своей инициативе и без согласования с Троцким выступил с инициативой обращения ссыльных в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить им собраться в Москве, Алма-Ате или другом месте для выработки совместного письма в партийные органы [915] . В связи с этим он послал телеграммы ряду оппозиционеров, испрашивая согласия на включение их фамилий в список лиц, поддерживающих его просьбу [916] .

Объясняя свой поступок в письме Троцкому от 21 июля, Раковский с чувством некоторой неловкости писал: «Я считал, конечно, что наше обращение за разрешением может быть на черной партбирже и использовано против нас, но я считал и считаю также, что две идеи для нас важны и обязательны: защищать свои взгляды и, когда случай представится, постучать в двери партии» [917] .

Но оппозиционеры уже стучались в «двери партии» толпами. Индивидуальные обращения оппозиционеров в ЦК ВКП(б) с заявлениями об отказе от своих взглядов было именно то, что пугало Троцкого. По мнению Раковского, партийные органы, получив его запрос, во-первых, должны были истолковать просьбу о проведении совещания ссыльных как их желание согласовать свои позиции на пути примирения с большинством партии; во-вторых, поскольку одним из мест собрания указывалась Алма-Ата, в обращении Раковского содержался намек на то, что в совещании ссыльных примет участие лидер оппозиции Троцкий. Иными словами, Раковский хотел сделать все, чтобы его инициатива была истолкована как санкционированное Троцким мероприятие, но это было именно то, что категорически не устраивало Троцкого. 14 июля Лев Седов отправил Раковскому

телеграмму: «Идею совещания Лев [Троцкий] считает вредной фантазией. Посылает письмо конгрессу [от] собственного имени [с] указанием, что [в] основном [выражает] мнение всей оппозиции» [918] .

В октябре – декабре Троцкий написал несколько статей, ставших, как оказалось, последними его работами, созданными в Советском Союзе. В статье, посвященной 11-й годовщине Октябрьского переворота [919] , Троцкий уделил много внимания противопоставлению Ленина нынешнему советскому руководству. Он четко сформулировал, что в партии и в стране сложился и функционирует «сталинский режим». В обобщенном виде оценка положения в верхах партии дана была также в его статье «Кризис право-центристского блока и перспективы» [920] . Здесь автор пытался обосновать свой тезис о «практике узурпаторства» на путях к «подлинному бонапартизму», практике, которая, как считал Троцкий, характерна была для группы Сталина, опиравшейся на «рабочую бюрократию». В статье констатировалось развертывание «кампании против правых», которая отличалась «чрезвычайным шумом – треском при отсутствии политической конкретности». Троцкий высказывал убеждение, что бюрократический режим сохраняет мелкобуржуазную базу и что такая политика неизбежно кончится крахом – «выходом на пролетарский или буржуазный путь». Этот узел советского «термидора», бонапартистской диктатуры и опасности капиталистической реставрации будет вновь и вновь фигурировать в творчестве Троцкого на протяжении всего следующего десятилетия, подвергаясь лишь уточнениям, поправкам и изменениям.

В статье «О философских тенденциях бюрократизма» [921] Троцкий сформулировал концепцию возникновения «рабочей бюрократии» как социальной базы режима Сталина. Это была наиболее значительная теоретическая работа Троцкого периода ссылки. В статье давался в целом объективный анализ происхождения и развития большевистской бюрократической системы и ее идеологического обеспечения. Правда, Троцкий, упрекая Сталина и его придворных авторов в том, что они подбирают цитаты так же, как «попы всех церквей подбирают тексты применительно обстоятельству», забывал, что этот обоснованный упрек мог быть в точно такой же степени отнесен к нему самому, причем даже к этой его статье. Но самостоятельный анализ у Троцкого преобладал, разумеется, в узких пределах большевистской парадигмы.

Он полагал, что философскую базу советского бюрократизма составляют «осколки» марксизма, некоторые установки меньшевизма и народничества, не придя еще к выводу, что никакой, собственно говоря, «философии» у советско-большевистского руководства не было, что оно, следуя сталинскому курсу, действовало исключительно в пределах сиюминутной политической и даже личной выгоды, руководствовалось чисто прагматическими соображениями, которые пропагандистский аппарат удобно оправдывал различными диалектическими изысками, весьма удобными псевдофилософскими категориями, среди которых находились те самые «осколки» марксизма, в котором, кстати, философии тоже было мало.

Троцкий считал, что бюрократия не является ни сложившимся самостоятельным классом, ни классом, находившимся в стадии формирования, что это «часть общества», которая стремится не дать себя в обиду. «Если разные части и прослойки класса ведут нередко ожесточенную борьбу из-за своей доли в доходе и во власти, то тем более это касается бюрократии, которая представляет собой наиболее организованную и централизованную часть гражданского общества… И рабочая бюрократия не составляет изъятия из этого общего определения». В таком определении бюрократии Троцкий был значительно ближе к исторической истине, нежели многочисленные поздние советологи, считавшие советскую бюрократию «господствующим классом» тоталитарного общества, не уточняя, что бюрократия, как и остальные группы населения, была исполнительницей воли одного или нескольких диктаторов и подвергалась таким же ограничениям и репрессиям, как и остальные группы населения.

«Каждый отдельный бюрократ, – писал Троцкий, – склонен рассматривать диктатуру

как ангела-хранителя, стоящего за его спиной». Троцкий полагал, что пролетарская диктатура в СССР все еще сохраняется, но деформируется бюрократическим слоем. О степени презрения автора статьи к Сталину можно судить хотя бы по следующему высказыванию: «Внешне бюрократическая бесцветность его речей и статей… мало прикрывает его задыхающуюся ненависть ко всему, что превосходит его уровень… Сталинская мысль, как скорпион, нередко ранит себя самое ядовитым хвостом в голову». Правда, Троцкий не ставил вопроса о том, насколько соответствовала эта риторика реальным замыслам генсека, действительно ли она свидетельствовала о посредственности сталинского ума, как полагал Троцкий, или же была средством не столько выразить, сколько скрыть реальные планы. Сталин, как показало будущее, был значительно более сложным историческим персонажем, нежели тот образ, который рисовал в своем сознании Троцкий.

Проблемам международного положения была посвящена статья «Пакт Келлога и борьба за мир. (Несколько беглых замечаний)», написанная в декабре 1928 г. [922] Здесь Троцкий формулировал и полностью одобрял двойственный и по существу лицемерный характер советской внешней политики: агрессивный по линии Коминтерна и «соглашательский», то есть основанный на мирном сосуществовании государств с различными социальными системами, по линии Наркоминдела. Жестко критикуя конкретные проявления этой политики, Троцкий сдержанно и с оговорками одобрял присоединение СССР к пакту Бриана – Келлога об отказе от войны как средстве национальной политики [923] . В этом одобрении пакта Троцкий, видимо, был не менее лицемерен, чем ставившие под договором свою подпись советские руководители. Даже формальное одобрение акции правительства СССР он превратил в средство сокрушительной критики всей внешней политики Сталина. Троцкий оценивал пакт как двойную дипломатическую петлю, которую ведущие капиталистические державы одним концом набрасывают на более слабые государства, а другим – на народы своих собственных стран. В конечном итоге пакт Бриана – Келлога у Троцкого превращался в пакт Келлога, ибо выгоден был этот договор, по мнению Троцкого, только США: «Пакт о ненападении есть в действительности пакт о таком ненападении, которое протекало бы в обстановке, наиболее благоприятной для буржуазии Соединенных Штатов и тех государств, которые будут действовать с ней заодно. Наиболее благоприятной будет та обстановка, при которой наиболее окажутся обмануты народные массы Соединенных Штатов, а по возможности и других стран. Истолкование «нападения» и ответственности за него будет принадлежать буржуазии тех стран или той страны, в руках которой окажется наибольшее количество газет, кабеля, радио, пароходов, а главное – золота. Отсюда ясно, что пакт Келлога в такой же мере может быть рассматриваем в качестве гарантии мира, как и Лига наций, которую он перекрывает, чтобы «контролировать» ее».

Троцкий предрекал наступление «мировой сверхвойны», в которой должен был решаться вопрос о господстве Соединенных Штатов. И в этом он оказался отчасти прав. Новая война оказалась действительно «сверхвойной», и США вышли из нее непобедимой мировой державой. Но возникла война совсем не по вине Соединенных Штатов и не для того, чтобы решать вопрос о величии Америки. Рассуждения же Троцкого о газетах, радио и пароходах в преддверии Второй мировой войны были достойны лишь пера наивного школьника XIX века, но не политика XX. «Могло ли вообще в таком случае советское правительство подписать пакт Келлога? – спрашивал Троцкий, предусмотрительно убрав из названия этого документа фамилию второго инициатора, Бриана. – Решать этот вопрос безусловно отрицательно, на основании одной лишь принципиальной характеристики пакта как злостно империалистического замысла было бы неправильно. Тогда пришлось бы сделать вывод, что одинокое рабочее государство вообще не может подписывать никаких соглашений с империалистскими правительствами».

Он приходил к очень удобному для себя выводу, что единственной мотивировкой подписания документа, допустимой с точки зрения «революционно-пролетарской политики», могло быть только крайнее ухудшение международного положения СССР и

резкое усиление военной опасности. В этом случае «мы выигрываем новую отсрочку, которую мы используем для разоблачения пакта и вообще для укрепления нашего международного положения». Подписывать пакт ради новой отсрочки, разоблачения пакта и укрепления международного положения – все это слишком напоминало Троцкому недавнее прошлое: ленинскую брестскую передышку. Но назвать подписание важного международного договора очередной «передышкой» Троцкий все-таки счел неуместной выдачей советской государственной тайны, граничащей с государственной изменой. Восприятие Троцким внешней мировой политики застыло на 1914 – 1918 гг. Ко всему последующему развитию человечества в 1928 г. он готов был применять лишь те принципы, которые открыл и сформулировал для себя в 1918-м.

Несколько подробнее Троцкий в конце 1928 г. рассматривал проблемы международного революционного движения, главным образом в свете итогов недавнего конгресса Коминтерна. Он написал большие статьи «Кто руководит Коминтерном?» [924] , «Итоги и перспективы Китайской революции, ее уроки для стран Востока и всего Коминтерна» [925] и «Китайский вопрос после VI конгресса» [926] , которые в то время не были опубликованы, но явились основой для выработки тактики международной коммунистической оппозиции после эмиграции Троцкого. В первой статье давалась саркастическая, но вполне справедливая характеристика руководящих органов Коминтерна как аппарата, «о котором заботятся те, коим это присвоено по должности»: «Средний партиец начинает относиться к очередным катастрофам в Коминтерне, да отчасти их собственной партии, как крестьянин относится к граду или засухе; ничего не поделаешь, приходится терпеть». Далее следовали характеристики тех, кого Сталин поставил во главе Коминтерна и его учреждений. Речь шла и о тех, кто ранее сотрудничал с Троцким или полемизировал с ним (например, Мануильский, А.С. Мартынов и Варга), и о коммунистических чиновниках, с которыми Троцкому сталкиваться почти не приходилось. Особо выделил автор статьи Куусинена, который, по мнению Троцкого, был в первых рядах тех, кто погубил финляндскую революцию 1918 г.

Но больше всего досталось Бухарину. Троцкий знал, что Бухарин к этому времени уже был фактически отстранен и от международных, и от внутренних дел (эмиссаром Сталина в Интернационале стал его ближайший сподвижник Молотов). Старая неприязнь к Бухарину давала себя знать, и Троцкий не был снисходителен к поверженному противнику: «Действительное влияние Бухарина на конгрессе было очень близко к нулю… – писал Троцкий. – О руководстве Бухарина говорить теперь совершенно не приходится, ибо гвоздем VI конгресса была ликвидация Бухарина». Бухарин «развивает совершенно безответственный и безудержный произвол, снимая обобщения с потолка и жонглируя понятиями, как мечами. Если дать себе труд подобрать и расположить хронологически все те «теории», которые Бухарин сервировал Коминтерну с 1919 г. и особенно с 1923 г., то получится картина вальпургиевой ночи, в которой бедные тени марксизма бешено треплются всеми сквозными ветрами схоластики» [927] . Как всегда, Троцкий выражался витиевато и непонятно.

Что же касается статьи по китайскому вопросу, то в ней закреплялись и развивались те идеи, которые Троцкий формулировал на протяжении последних месяцев перед исключением из партии и ссылкой: о полной применимости к условиям Китая идеи перманентной революции и возможности миновать «демократическую стадию» в ходе революции в этой стране, перейдя непосредственно к диктатуре пролетариата; о том, что не исключен созыв в Китае Учредительного собрания (причем Троцкий, выступая за созыв Учредительного собрания в Китае, очень хорошо помнил, как именно поступили с Учредительным собранием большевики в России; они использовали лозунг созыва Собрания для консолидации левых сил в борьбе со старым режимом, после чего цинично разогнали Собрание).

В отношении общих перспектив китайской революции Троцкий считал, что «борьба с оппортунизмом при повороте политики в сторону парламентаризма или в сторону борьбы за

парламентаризм является не менее важной, чем в условиях прямого революционного наступления». Он выступал не против выдвижения демократических лозунгов, а за выработку «большевистских гарантий и методов борьбы за эти лозунги». Таковыми в его представлении являлись: осознание подсобного характера демократических лозунгов; разъяснение, что характер государственной власти определяется не голосованиями, а собственностью; борьба за легальное существование рабочих организаций; работа в армии; отсечение от компартии элементов, тянущих ее к «буржуазному легализму», то есть к легальной деятельности в рамках существовавших законов. Иными словами, Троцкий считал китайскую революцию абсолютным повторением российской и не видел необходимости изобретать велосипед второй раз, а предлагал поступать точно так же, как поступали большевики в России в 1917 г.

Глава 8 Высылка

1. Развязка

С осени 1928 г. Троцкий оказался почти в полной изоляции: «С октября наступила в нашем положении резкая перемена, – вспоминал он. – Наши связи с единомышленниками, друзьями, даже родными в Москве, сразу прекратились. На московском телеграфе, как мы узнали особыми путями, скоплялись многие сотни адресованных мне телеграмм, особенно в день годовщины Октябрьского переворота. Кольцо вокруг нас сжималось все сильнее» [928] . Письма в Алма-Ату и из Алма-Аты, ранее подвергавшиеся цензуре, но доходившие регулярно, теперь стали задерживаться в почтовых отделениях на все более долгие сроки. «ГПУ читало, фотографировало, собирало все возможное, в результате чего Политбюро было информировано о взглядах своих оппонентов и имело возможность составить списки своих наиболее неуступчивых противников», – писала Седова [929] .

Тем не менее почтовая связь до осени 1928 г. была весьма оживленной. Троцкий подсчитал, что за апрель – октябрь он отправил около 800 политических писем и около 650 телеграмм. За это же время им было получено свыше 1000 писем и около 700 телеграмм, причем большей частью это были коллективные послания ссыльных. Кроме того, из Москвы было получено с нарочными 8 или 9 комплектов конспиративных материалов и примерно столько же отправлено в обратном направлении. «Секретная московская почта держала меня в курсе всех дел и позволяла с небольшим запозданием откликаться на важнейшие события» [930] , – вспоминал Троцкий, добавляя, что дошедшая до него корреспонденция составляла не более половины посылаемого [931] . Остальное пропадало по дороге. Но с октября 1928 г. письма практически не доставлялись.

В конце декабря 1928 г. Троцкому каким-то образом удалось получить анонимное письмо, посланное 8 ноября. В верхней части первого листа документа рукой Троцкого было написано: «Видимо, Солнцев» [932] . Елизар Солнцев был к тому времени уже ссыльным оппозиционером. В 1927 – 1928 гг. он был в командировке в Европе и США и в направленном Троцкому документе сделал попытку рассказать о состоянии дел в зарубежном коммунистическом движении. Явно преувеличивая влияние Троцкого, автор описывал распад Коминтерна и усиление раскола в коммунистических организациях Германии, Бельгии и США. «Отсутствие идейной жизни в К[оммунистическом] И[нтернационале] заменяется все угасающим и падающим авторитетом Москвы», – писал автор послания Троцкому.

Из документа у Троцкого сложилось некоторое представление о тех непрерывных дрязгах, склоках, мелочных обидах и противоречиях, которые раздирали оппозиционные коммунистические группки, приводя к образованию новых, еще более мелких и мельчайших групп. Автор письма весьма злобно описывал положение в компартиях США, Франции, Германии, выход из них многих активных членов, уход этих партий «в обывательщину»,

отход от компартий попутчиков и сочувствовавших им лиц. «Зато создалась почти во всех странах многочисленная категория людей, которые вполне созрели для политической работы, но которые остаются на пороге [за порогом] партии из отвращения и брезгливости к методам и формам партийной работы и борьбы. Зато эти круги чутко прислушиваются к нам [оппозиционерам] и, хотя весьма робко, начинают выражать нам свое сочувствие». Он полагал, идет процесс формирования «левого крыла» в Коминтерне, которое, как он надеялся, встанет на позиции «большевиков-ленинцев». Однако, признавалось в письме, этот процесс будет длительным и болезненным, будет сопровождаться спорами и даже расколами. Надежда, что в ближайшее время сможет вырасти левое коммунистическое крыло, была, по мнению автора, преждевременной. Тем более преждевременным автор считал созыв в декабре 1928 г. интернациональной конференции «левых» коммунистов, сторонников Троцкого. (Идея созыва такой конференции где-нибудь в Европе обсуждалась, но проект этот по многим практическим соображениям был нереален и нереализуем.)

Совершенно не представляя себе своего ближайшего будущего, Троцкий, видимо, не обратил особого внимания на это письмо, хотя оно оказалось достаточно информативным, ибо предвещало те трудности, муки, тупики, зигзаги и повороты, которые пришлось преодолевать и переживать Троцкому в ближайшие годы, когда он сам стал во главе микроскопического, но весьма активного и агрессивного международного движения своих сторонников.

За исключением случайно прорвавшихся через почтовую блокаду писем, доставляли Троцкому лишь те письма и телеграммы, которые могли внушить ему чувства разочарования и депрессии, убедить его в том, что он политически изолирован. Письма и телеграммы родных все же иногда прорывались. Не догадываясь о предстоящей высылке Троцкого за границу, сын Сергей телеграфировал в Алма-Ату 15 января 1929 г.: «Как относитесь [к] моему приезду [?] Телеграфируйте срок» [933] . Копия ответной телеграммы Троцких не сохранилась. Иногда прорывались отдельные письма и телеграммы других родственников, краткие приветствия ссыльных. В числе получаемых писем были и ответы представителей местных властей в связи с жалобами Троцкого на усиливавшиеся ограничения, вводимые против него и его семьи.

Представление о динамике корреспонденции ссыльного Троцкого дает проведенный нами подсчет полученных им в алма-атинском изгнании писем и телеграмм. В январе 1928 г. он получил 16 писем и телеграмм, в феврале – 67, в марте – 87, в апреле – 42, в мае – 216, в июне – 282, в июле – 362, в августе – 318, в сентябре – 194, в октябре – 168, в ноябре – 71, в декабре – 32, в январе 1929 г. – 23, в феврале – 3. Правда, были и недатированные письма, но они не меняют общей картины. В январе – апреле 1928 г. шло постепенное установление почтовых связей, в мае – августе – корреспонденция достигла наибольшего размаха (нередко ежедневно поступало более десятка писем), с сентября волна писем пошла на убыль, чтобы превратиться в тончайший ручеек в конце 1928 – начале 1929 г. Связано это было не только с мерами властей, но с сокращением участников переписки и числа сторонников Троцкого.

3 декабря Троцкий телеграфировал председателю ОГПУ Менжинскому, в ЦК ВКП(б) и председателю ЦИК СССР Калинину: «Больше месяца абсолютная почтовая блокада. Перехватываются даже письма, телеграммы [о] здоровье дочери» [934] Зинаиды. В ответ на это, безусловно с санкции Сталина и Политбюро, Троцкому были переданы два политических письма, поступившие в Алма-Ату в последнее время. Первое письмо не было подписано. В нем выражались сомнения в правильности таких требований Троцкого, как «честный созыв XVI съезда», сокращение партбюджета в 20 раз, опубликование скрываемых работ Ленина и т. п. В целом письмо обвиняло Троцкого в примиренчестве. Второе письмо, написанное ссыльными Абутуровым и Боярчиковым, собиравшимися обратиться в ЦК с покаянным заявлением, содержало их оправдания перед бывшим кумиром и вождем и даже рекомендации Троцкому пойти на соглашение с партийной верхушкой, чтобы влить свои силы в дело строительства социализма.

На оба этих письма Троцкий дал подробные ответы. В «циркулярном» письме под

заголовком «Слишком примиренческая линия?» [935] Троцкий отвергал обвинения, что его лозунги являются примиренческими. Те конкретные требования, о которых шла речь в полученном им письме (честный созыв съезда, сокращение партбюджета и публикация ленинских документов), – «это первые шаги, выполнение которых должно было бы показать партии, что совершился серьезный перелом режима». В то же время Троцкий давал понять своим адресатам, что не верит в выполнение сталинским большинством даже этих минимальных требований, «поскольку они зависят от доброй воли руководства».

В противоположность первому ответу, второй, адресованный «примиренцам», являлся критикой платформы об отходе от оппозиции [936] , на которую в своих отчетах ссылалось ОГПУ. Начав свою отповедь констатацией, что в условиях почти полной почтовой блокады это письмо, в отличие от других, было доставлено в кратчайший срок – за 15 дней, и завершая словами «С антикапитулянтским приветом», Троцкий решительно отвергал «миротворческий» путь. «Очень может быть, – писал он, – что вы этого не сознаете, но те, которые подсунули вам эту «платформу», сознают, по-видимому, хорошо, куда ведут». Проявляя прежнюю решительность и непримиримость в критике официального курса, Троцкий признавал в то же время позитивный сдвиг в политике Сталина. Как следует вести себя в этих условиях? – задавал он риторический вопрос и сам же на него отвечал: «Чтобы дать ответ на этот вопрос, надо учитывать, что «центристы шевелятся *под нашим кнутом* ». Стало быть, надо не отбрасывать кнут, а действовать «в три кнута».

Такой оптимистический вывод и вытекавшая из него рекомендация, как свидетельствовал уже имевшийся опыт и как в еще большей степени показали назревавшие события, не имел под собой никаких оснований. Троцкий, казалось бы весьма опытный и трезвый политик, в своем алма-атинском одиночестве оказался во власти необоснованных надежд и предположений. Таковые были присущи ему и ранее, но он обычно преодолевал их силой своего критического ума. Теперь же радужные надежды оказывались все более необоснованными и столь же цепкими. Троцкий надеялся, что центризм будет выделять из своей среды «правые» и «левые» элементы; произойдет дифференциация, бюрократы пойдут направо, рабочие – налево. «Чем принципиальнее, тверже, смелее будет наша позиция, тем быстрее и здоровее пойдет этот процесс дифференциации. Он, и только он несет с собой гибель правому крылу».

Совершенно очевидно, что это были прекраснодушные фразы, никакого отношения не имевшие к жестким политическим перспективам и планам Сталина. Потерявший всех своих сторонников, оставшийся в полной изоляции Троцкий к началу 1929 г. мог ожидать разве что прихода конца. Именно в этот момент произошло событие, которое, как представлялось Сталину, должно было поставить крест в политической карьере Троцкого. Но, как оказалось на поверку, стало единственной в те годы серьезнейшей ошибкой генсека, давшей возможность его заклятому врагу возобновить деятельность, восстановить свой международный авторитет, расколоть международное коммунистическое движение и перетянуть на свою сторону часть левых интеллектуалов за пределами Советского Союза.

2. Ошибка Сталина

Можно полагать, что в начале 1929 г. Сталин существенно переоценил степень влияния и авторитет Троцкого. Над «кремлевским горцем» по-прежнему витала тень всемогущего председателя Петроградского Совета времен Октябрьского переворота, организатора Красной армии и ее побед, могущественного наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета периода Гражданской войны, вождя мировой революции. Сталин и сам еще не осознал силу власти, которую захватил, превратившись в единоличного диктатора. Свойственные ему неторопливость в принятии решений и осторожность в их реализации на этот раз сослужили ему дурную службу. Вместо того чтобы умертвить Троцкого, Сталин выпустил его за границу. Он, безусловно, сожалел об этом трусливом решении всю свою жизнь, но не мог позволить себе в этой ошибке сознаться публично.

Сталин должен был заставить Троцкого покаяться и замолчать. Первое оказалось невозможным. Упрямый Троцкий не сдавался. Его революционный оптимизм не позволял согласиться с собственным поражением и победой Сталина. Разумеется, можно было заключить Троцкого в тюрьму или убить его. Казнь на основе судебного решения была исключена, так как при всем падении авторитета и влияния Троцкого (что Сталин недооценивал) его имя было известно всей стране и всему миру как вождя Октябрьской революции и руководителя Советского государства. После Ленина Троцкий все еще оставался вторым человеком в государстве, несмотря на то что он потерял свои чины, должности, сторонников и даже партбилет. Советским гражданам, от простого обывателя до Сталина, было абсолютно не важно, какой именно пост занимал Лев Давидович. Они очень хорошо знали, что, безотносительно постов, Троцкий всегда оставался тем, чем он был: Троцким.

Троцкий не повторил ошибки Ленина. Ленин позволил изолировать себя в Горках. До последней минуты Ленин создавал видимость отсутствия разногласий со Сталиным, поддерживая миф о любви и дружбе внутри советского руководства. В интересах единства партии Ленин не позволил себе сделать свою войну со Сталиным достоянием гласности, вынести сор из избы и уж тем более организовать свою фракцию, противостоящую сталинскому большинству. В результате Ленин тихо скончался в Горках в возрасте 54 лет, и, по прошествии десятилетий, с достоверностью неизвестно, как именно это произошло. Троцкий сделал свой спор со Сталиным публичным. Он не стал образовывать вторую партию, но это единственное, чего он не сделал. В рамках единой партии Троцкий провоцировал Сталина на все новые и новые репрессии, приковывавшие внимание советской и мировой общественности. По этой причине в январе 1929 г. с Троцким нельзя было расправиться так же тихо, как с Лениным в марте 1923-го. Нужно будет искать другое решение, и Сталин его нашел. Он изгнал своего главного политического противника за границу.

Сталин знал, в чем заключается его сила: в карательном аппарате, который подчинялся генсеку, в секретариате партии, который подчинялся генсеку, в Политбюро, которое подчинялось генсеку, в армии, которая подчинялась генсеку, в неограниченных государственных ресурсах, в том числе и финансовых, которые тоже находились в распоряжении генсека. Ничего этого в распоряжении высылаемого за границу Троцкого не было. В этом смысле Троцкий, с точки зрения Сталина, был совершенно бессилен, абсолютно не опасен и, скорее всего, недолговечен – в силу своего слабого здоровья и тех многочисленных невзгод, через которые ему конечно же за границей нужно будет пройти. Всего, всех и всегда боявшийся параноик Сталин, ни разу за десять лет советской власти не выехавший за пределы СССР, конечно же не исключал и в глубине души надеялся, что Троцкого за границей прикончит какой-нибудь террорист. А если такой естественный теракт не случится, его можно будет в конце концов, рано или поздно, организовать по линии советской разведки, созданной в свое время самим Троцким. Иными словами, все краткосрочные тактические задачи Сталина решались высылкой Троцкого. О задачах стратегических можно было пока не думать. Время решения этих задач еще не пришло.

Учитывая, что формировавшиеся за границей оппозиционные коммунистические группы были лишены финансовой помощи, оказываемой Москвой компартиям Коминтерна, и без серьезных финансовых вливаний они могли оставаться лишь слабыми и малочисленными сектантскими организациями, не имевшими существенного влияния в кругах левой общественности, Сталин не мог и не должен был предполагать, что Троцкому, без копейки денег, удастся объединить вокруг себя значительные международные левые силы. К тому же было много оснований считать, что против Троцкого будет работать и географический фактор: европейские страны, самостоятельно или под давлением советского правительства, откажутся принять Троцкого, и он вынужден будет прозябать в какой-нибудь отдаленной стране, не имея возможности поддерживать постоянный контакт со своими единомышленниками, пока его не настигнет, наконец, заслуженная кара в виде

террориста-антикоммуниста или естественная смерть…

Был, правда, еще один вариант, который, по всей видимости, рассматривался Сталиным и его окружением, но, как точно известно, был отвергнут: ничего не менять в статусе Троцкого, оставить все как есть, держать Троцкого в алма-атинской или какой-то другой, более отдаленной внутренней ссылке, постепенно усиливая его изоляцию, перекрывая каналы возможных связей с единомышленниками и близкими, игнорируя существование Троцкого на съездах партии, конгрессах Коминтерна, в советской и международной коммунистической печати. Потерпевший почти полное политическое поражение, растерявший основную часть влиятельных сторонников, находившийся в изоляции, Троцкий, скорее всего, постепенно был бы забыт, после чего к нему можно было бы применить более жесткие санкции, вплоть до физического уничтожения и его, и близких ему людей. В конце концов, расстреляли ведь царскую династию, и ничего… Но это требовало времени, а Сталин хотел решить «проблему Троцкого» как можно скорее. Алмаатинец в «железной маске» Сталину был не нужен. Сам не зная, к какому решению придет окончательно, 16 декабря 1928 г. Сталин предъявил Троцкому ультиматум. В этот день в алма-атинской квартире Троцкого появился специальный уполномоченный ОГПУ, представившийся как сотрудник ОГПУ Волынский и передавший устный, не оставляющий следов письменного документа ультиматум (Троцкий донес его содержание до нас максимально точно).

Обратим внимание на то, как неопределенно звучало указание на перемену «места жительства». В контексте сказанного эти слова можно было трактовать как угодно: и как ссылку в более отдаленные районы СССР, и как тюремное заключение, и как высылку за границу, и даже как отправку на тот свет: «Работа ваших единомышленников в стране приняла за последнее время явно контрреволюционный характер; условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам полную возможность руководить этой работой; ввиду этого коллегия ГПУ решила потребовать от вас категорического обязательства прекратить вашу деятельность, – иначе коллегия окажется вынужденной изменить условия вашего существования в смысле полной изоляции вас от политической жизни, в связи с чем встает также вопрос о перемене места вашего жительства» [937] .

Совершенно очевидно, что это был ультиматум не ОГПУ, а лично Сталина, который, перед принятием очередного решения, хотел услышать, что именно на такое предложение ответит Троцкий. Упоминание об «изоляции» от «политической жизни» и палачу Сталину, и его жертве Троцкому не могло не напомнить о судьбе Ленина, которого Сталин с Дзержинским в свое время намеревались изначально «изолировать» только от «политической жизни». Но логика развивавшихся событий заставила их изолировать «любимого вождя» от жизни вообще. Ранее, 26 ноября 1928 г., на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин поставил вопрос «О контрреволюционной деятельности Троцкого». Решение, как совершенно секретное, было отправлено в «особую папку» [938] . Но и в «особой папке» никакого решения не оказалось. Формального письменного решения относительно судьбы Троцкого вынесено не было. В качестве постановления там фигурировала запись: «Предложить ОГПУ провести в жизнь решение ЦК» [939] . Но в чем заключалось это решение ЦК – было неизвестно. Сталин еще не решил, что делать с Троцким и в чем именно будет заключаться «решение ЦК».

Только через два дня Сталин распорядился отправить выписку из протокола – в единственном экземпляре – в ОГПУ, на имя председателя этого ведомства Менжинского и его заместителя Ягоды. Выписку подписал особо доверенный помощник и секретарь Сталина Товстуха [940] . Конкретные указания, в чем же именно состояло это так и не зафиксированное письменно решение ЦК, Сталин передал Менжинскому и Ягоде при личной аудиенции. На принятие решения Сталину понадобилось больше трех недель. Только после этого соответствующие инструкции Ягодой были переданы Волынскому, и тот отправился в дорогу.

На устный ультиматум Волынского Троцкий в тот же день дал письменный ответ на

имя ЦК ВКП(б) и Президиума Исполкома Коминтерна [941] . Похоже, сотрудник ОГПУ готов был довольствоваться и устным ответом Троцкого, но вождь оппозиции настоял на письменном: «Отказ мой от устного ответа вызывался уверенностью, опиравшейся на все прошлое, что слова мои снова будут злостно искажены для введения в заблуждение трудящихся масс СССР и всего мира». В своем заявлении Троцкий оценивал требование отказаться от политической деятельности как равносильное прекращению борьбы за интересы мирового пролетариата, а обвинение в контрреволюционной деятельности квалифицировал как разрыв с традициями и заветами Октября, грозящий наступлением «Термидора». Троцкий описывал режим, сложившийся в партии при Сталине, перечислял удары, которым подверглось со стороны сталинского большинства «ленинское крыло» начиная с 1923 г. Сталинский «левый курс» Троцкий оценивал как «обломки и осколки идей оппозиции». Автор заявления не жалел самых темных красок для характеристики сталинской политики и того режима, который был установлен в стране: «Неизлечимая слабость аппаратной реакции при ее внешнем могуществе состоит в том, что она не ведает, что творит. Она выполняет заказ враждебных классов. Не может быть большего исторического проклятия для фракции, вышедшей из революции и подрывающей ее».

Троцкий предрекал Сталину весьма мрачную перспективу, ибо сила оппозиции при ее внешней слабости, по мнению автора, состояла в том, что она видит и подготовляет завтрашний день. «Отказаться от политической деятельности означало бы отказаться от подготовки завтрашнего дня». На угрозу изменить условия существования и изолировать его от политической деятельности Троцкий отвечал, что он и так находится в изоляции, что письма получает в лучшем случае через месяцы после их отправки, что письмо от безнадежно больной младшей дочери шло 73 дня, а письмо от старшей дочери, также больной и уволенной с работы, – 43 дня. Троцкий не преминул упомянуть также, что обе дочери были исключены из партии. «В таком же и еще худшем положении находятся тысячи безукоризненных большевиков-ленинцев, заслуги которых перед Октябрьской революцией и международным пролетариатом неизмеримо превосходят заслуги тех, которые их заточили или сослали».

Справедливость требует отметить, что в этом последнем положении Троцкий явно сгустил краски: в ссылке и заключении оставались лишь некоторые его наиболее стойкие сторонники, тогда как основная часть из них к этому времени «капитулировала» перед Сталиным, была освобождена, получила работу, а многие были даже восстановлены в партии. Правда, в перспективе «завтрашнего дня» Троцкий оказался абсолютно прав: тысячи (а на самом деле сотни тысяч) «большевиков-ленинцев» были очень скоро, лет через восемь-девять, поголовного уничтожения во время Большого террора. Заявление завершалось следующими словами: «Каждому свое. Вы хотите и дальше проводить внушения враждебных пролетариату классовых сил. Мы знаем наш долг. Мы выполним его до конца».

При всей своей митинговой напыщенности и «классовой», догматичной терминологии языка, документ, бесспорно, указывал на личное мужество автора и его твердую решимость продолжать борьбу, отстаивая свои убеждения в любых, пусть самых тяжелых и безнадежных условиях. Можно не сомневаться, что именно этот документ предопределил окончательное ошибочное решение малодушного Сталина: выслать Троцкого за границу. Теория социализма в одной стране сыграла со Сталиным злую шутку. Он на самом деле поверил, что, выслав Троцкого за пределы отдельно взятой страны, он избавляет себя от ночных кошмаров «троцкизма», а отдельно взятую страну – от Троцкого; точно так же, как – провозгласив строительство социализма в этой одной стране – изгоняет за рубежи государства все мешающие реализации этой восхитительной идеи препятствия. Создав пограничную охрану, аналогов которой не знала мировая история, Сталин искренне считал, что через его китайскую стену не проникнет ни враг, ни крамола.

Заявление Троцкого в ЦК и Президиум Исполкома Коминтерна – последнее обращение Троцкого, написанное им в Советском Союзе, – удалось переправить в столицу, где оно было

напечатано в виде листовки. В конце были добавлены лозунги: «За дело Ленина, за дело пролетариата, за упорное социалистическое строительство, за подлинный союз рабочих и крестьян, за международную коммунистическую революцию!», а после подписи Троцкого было поставлено «Большевики-ленинцы (оппозиция)» [942] . Так определилось «официальное» название движения, которое теперь возглавлял Троцкий. Удивительно, но после 16 декабря в положении Троцкого несколько недель почти ничего не менялось. Оборвались нелегальные связи с Москвой [943] . Почта приносила только центральные газеты. Но в остальном все было без изменений. Посланец ОГПУ Волынский оставался в Алма-Ате, ожидая новых инструкций (которые он получил 20 января 1929 г.). Этим инструкциям предшествовало заседание Политбюро 7 января, в повестке дня которого под пунктом 29 значилось: «О Тр[оцком]». На этот раз решение было положено на бумагу: «Выслать за границу за антисоветскую работу». Выписка из протокола была тотчас послана Менжинскому [944] . Началась подготовка операции по выдворению Троцкого из СССР, длившаяся почти две недели.

20 января Волынский снова явился в дом Троцкого в сопровождении большой группы вооруженных агентов ОГПУ в форме и в штатском. Они заняли все входы и выходы, как будто ссыльный, его сын и жена могли совершить побег. Троцкому была предъявлена следующая выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ, датированная 18 января:

« *Слушали:* Дело гражданина Троцкого Льва Давидовича по ст[атье] 58/10 Уголовного кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против советской власти.

Постановили: Гражданина Троцкого Льва Давидовича – выслать из пределов СССР».

Выписка была заверена подписью начальника Алма-Атинского окружного отдела ОГПУ и его печатью [945] . От Троцкого потребовали расписки в получении постановления, и он написал: «Преступное по существу и беззаконное по форме постановление ГПУ мне объявлено 20 января 1929 г.». На естественное требование сообщить, куда и каким образом его собираются выслать, Троцкий получил уклончивый ответ в том смысле, что об этом ему будет сообщено «в пределах европейской части СССР», куда для встречи с ним выедет другой представитель ОГПУ [946] .

Весь следующий день Троцкие спешно собирали вещи, главным образом рукописи и книги. В багаж упаковывались только самые необходимые личные вещи, одежда, предметы обихода. Почти все крайне скромное домашнее имущество, приобретенное в Алма-Ате, было передано под расписку представителям ОГПУ. В описи значились два шкафа, шесть стульев, один диван, три кровати, одна полка для книг, один самовар, пять чайных чашек, шесть блюдец, один бак для воды, пять ведер, два железных таза, один утюг, одна мясорубка, писчая и копировальная бумага. Особо сожалел Троцкий о том, что пришлось сдать охотничьи и рыболовные принадлежности – охотничье ружье, одну рыболовную сеть, комплект удочек, патроны, порох, охотничью сумку и сапоги, машинки для набивания патронов, сумки с порохом. Сданы были и две охотничьи короткошерстые легавые собаки – пойнтеры (Мая и Форд) вместе с их документами [947] .

Что касается книг, то с собой было взято минимальное их количество. Остальная литература была сдана представителям властей. Описаны были около 660 книг и журналов, в том числе девять книг Ленина, одна книга Маркса и Энгельса, 84 книги мемуарно-критического и беллетристического содержания, 22 книги по военному делу, 35 книг по российской истории, 10 томов стенограмм партийных съездов, справочная литература и т. д. С фамилией автора и названием произведения была указана только одна книга: «История Французской революции» Альбера Матьеза. Сданы были и многочисленные журнальные комплекты [948] .

Основное внимание Троцкие обращали на материалы личного архива. А к этому времени в личном архиве Троцкого накопилась документация огромной исторической

важности: документы его деятельности до 1917 г., в том числе протоколы Августовской конференции 1912 г. и переписка с видными социал-демократами разных стран, переписка с Лениным и другими большевистскими партийными деятелями, в том числе со ссыльными оппозиционерами, приказы и распоряжения председателя Реввоенсовета Республики, многочисленные донесения, поступавшие на его имя, стенограммы докладов и выступлений Троцкого на партийных съездах, конференциях, всевозможных собраниях и митингах и самый разнообразный другой первичный исторический материал. Правда, ленинскими документами Троцкий теперь обладал только в копиях. Еще перед ссылкой он передал в Институт Ленина при ЦК ВКП(б) все письма, телеграммы и записки Ленина, получив обязательство института изготовить и переправить Троцкому фотокопии всех документов. Однако получил он только часть копий, к тому же невысокого качества. В письме, адресованном дирекции института и отправленном с дороги во время высылки (31 января 1929 г.), Троцкий выражал тщетную надежду, что институт «выполнит незамедлительно свое обязательство» [949] . (Институт, формально находившийся в подчинении ЦК, своих обязательств перед высланным Троцким, разумеется, не выполнил.)

Не имея инструкций по поводу личной документации Троцкого, сотрудники ОГПУ не препятствовали ему собирать свой архив. С их стороны, признавал Троцкий, «не было и тени враждебности» [950] . Впрочем, Троцкий сомневался в том, что ему удастся вывезти архив за рубеж, но на всякий случай при помощи жены и сына прилагал максимум усилий, чтобы не потерялась ни одна ценная бумага. Сундуки с документами составили основную часть багажа.

На рассвете 22 января Троцкий, его супруга и сын Лев были усажены в конвоируемый автобус, который отправился по накатанной снежной дороге по направлению к Курдайскому перевалу. Через сам перевал удалось проехать с огромным трудом. Бушевали снежные заносы, мощный трактор, который взял автобус и несколько попутных автомобилей на буксир, сам застрял в снегу. Несколько человек сопровождения скончалось от переохлаждения. Семью Троцкого перегрузили в сани. Расстояние в 30 километров было преодолено более чем за семь часов.

За перевалом состоялась новая пересадка в автомобиль, который благополучно довез всех троих до Фрунзе, где они были погружены в железнодорожный состав. В Актюбинске Троцкий получил правительственную телеграмму (это была последняя правительственная телеграмма, которая оказалась в его руках), сообщающую, что местом его назначения является город Константинополь в Турции. На все возражения против высылки в Турцию следовали ответы, что сотрудники ОГПУ только выполняют полученные приказы и что скоро прибудет более ответственное лицо, с которым можно будет вступить в переговоры по существу. Ответственное лицо действительно вскоре появилось в поезде, на станции Ряжск. Им был Павел Петрович Буланов, занимавший в это время должность секретаря секретно-оперативного управления ОГПУ [951] . Буланов подтвердил, что местом депортации Троцких является Константинополь. Он согласился (имея на это соответствующие указания высшего начальства) вызвать в Ряжск для прощания с высылаемыми близких родственников: сына Сергея, его жену Ольгу Гребнер и жену Льва Седова Анну Рябухину. По требованию Троцкого Буланов вел также телефонные переговоры с Москвой относительно страны депортации, или делал вид, что ведет их. Но пункт депортации изменен не был.

Пока длились «переговоры» Буланова с Москвой, поезд остановился на глухой ветке. «Так проходит день за днем. Число консервных жестянок вокруг поезда растет. Вороны и сороки собираются все большими стаями на поживу. Дико, глухо. Зайцев здесь нет: осенью их скосила грозная эпидемия. Зато лисица проложила свой вкрадчивый след к самому поезду», – вспоминал Троцкий, в котором в те напряженные дни не угасал азарт охотника [952] . Прибыли младший сын Сергей и жена Льва Анна. Им обоим предстояло расстаться со своими близкими навсегда. Сергей, не увлекавшийся политикой, не хотел отказываться от

своих научно-технических планов и твердо решил не следовать за родителями. Анна не планировала отправляться за границу, так как в Москве оставался годовалый сын Лев, названный, как и его отец, в честь деда. Почему-то считалось, что в Москве будет спокойнее и безопаснее, чем в Турции.

Очень трудно судить, какие мысли бродили в голове Льва Львовича Седова, когда он расставался со своей женой и покидал только недавно родившегося сына Люлика. Понимал ли он, что эта разлука навсегда? Если не понимал до конца, то должен был, по крайней мере, предполагать подобное в качестве вполне возможного варианта. Судя по немногим письмам, полученным Львом Седовым от жены в эмиграции, она не возражала против расставания. Тем не менее она горько сожалела о разлуке: «Что ты имеешь в результате? – писала она в одном из недатированных писем, видимо 1932 – 1933 гг. – Ты разбил только свою и нашу с Люликом жизнь» [953] .

Что же касается дочери Льва Давидовича Зинаиды, оставшейся после смерти Нины единственной дочерью Троцкого, то она узнала о высылке Троцких, скорее всего, только задним числом. Зинаида страдала туберкулезом легких и психической неуравновешенностью. Лев Давидович не хотел усложнять ситуацию неизбежными истериками дочери. Это было не для его нервов.

После двенадцати суток пребывания на глухом полустанке недалеко от Ряжска поезд наконец двинулся дальше. Между Наркоматом иностранных дел СССР и внешнеполитическими ведомствами Турции было к этому времени достигнуто устное соглашение о том, что Троцкий под фамилией Седов, на которую был выписан заграничный паспорт, будет принят в этой стране «на лечение» на неопределенно долгое время. Это была наиболее удобная формула, устраивавшая обе стороны, так как дипломатично избегала упоминания о существе дела – высылке из СССР политического противника Сталина и известного в мировом масштабе революционера. С турецкими властями было договорено, что первое время Седов будет проживать в помещении советского консульства в Константинополе с условием, что не будет вмешиваться во внутренние дела Турецкой республики.

В ночь на 10 февраля поезд Троцкого прибыл в Одессу. Перед этим Льву Давидовичу сообщили, что он и сопровождавшие его лица будут отправлены в Турцию на пароходе «Калинин», но небольшой «Калинин» настолько прочно застрял в прибрежных льдах, что ледоколы не смогли освободить его, и в качестве транспортного средства пришлось остановиться на более крупном пароходе, по иронии судьбы носившем отчество Ленина: «Ильич». Троцких срочно перегрузили на корабль, где они были единственными пассажирами, и Буланов передал опеку над опасным узником другому сотруднику ОГПУ – Ф.П. Фокину, занимавшему в это время должность начальника паспортного отдела Главного управления милиции. Сам Буланов тоже отправился с Троцкими в путешествие по Черному морю, но уже в качестве наблюдателя. Вначале дорогу прокладывал ледокол, затем, по мере отдаления от Одессы, море очистилось от льда, и пароход беспрепятственно двинулся к турецкому берегу. 12 февраля «Ильич» вошел в Босфор. При приближении к Константинополю, который вскоре будет переименован в Стамбул, Троцкий передал Фокину официальный письменный документ, из которого следовало, что Троцкий опасался за свою жизнь. Ему трудно было предположить, что Сталин высылает его с семьей на свободу. Он ожидал в Турции либо немедленной над собой расправы, либо тюремного заточения: «Согласно заявлению представителя коллегии ГПУ Буланова, Вы имеете категорическое предписание, невзирая на мой протест, высадить меня путем применения физического насилия в Константинополе, т[о] е[сть] передать в руки Кремля и его агентов. Выполнить это поручение Вы можете только потому, что у ГПУ (т[о] е[сть] у Сталина) имеется готовое соглашение с [президентом Турции] Кемалем [954] о принудительном водворении в Турции пролетарского революционера объединенными усилиями ГПУ и турецкой национально-фашистской полиции [955] . Если я вынужден в данный момент подчиниться этому насилию, в основе которого лежит беспримерное вероломство со стороны бывших

учеников Ленина (Сталин и К°), то считаю в то же время необходимым предупредить Вас, что неизбежное и, надеюсь, недалекое возрождение Октябрьской революции, ВКП, Коминтерна на подлинных основах большевизма даст мне раньше или позже возможность привлечь к ответственности как организаторов этого термидорианского представления, так и его исполнителей» [956] .

Вслед за этим весьма резким письмом он подготовил еще одно, которое вручил турецкому полицейскому офицеру, поднявшемуся на борт парохода для проверки документов. В письме, адресованном президенту Турции, говорилось: «Милостивый Государь, у ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу лишь подчиняясь насилию. Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства» [957] .

Советским агентам в Константинополе удалось раздобыть заявление Троцкого президенту Турции на турецком языке. Текст был переведен на русский, отправлен в Москву и включен Иностранным отделом ОГПУ в сводку, представленную председателю ОГПУ Менжинскому. Одновременно сообщалось, что состоялась беседа Троцкого с начальником полиции Константинополя, которому Троцкий заявил, что слова о насилии относятся не к турецким, а к советским властям и что Троцкий никаких претензий к туркам не имеет [958] .

В «Правде» крохотное сообщение о высылке Троцкого появилось только через неделю, 19 февраля: «Л.Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при ОГПУ. С ним согласно его желанию выехала его семья» [959] . В заметке «Правды» не было указания на пункт постановления Особого Совещания ОГПУ, в котором Троцкий обвинялся в подготовке вооруженной борьбы против советской власти. Сталин не решился напечатать такое в советской прессе, зная, что ему никто не поверит [960] . (Должно было пройти несколько лет весьма усиленного промывания мозгов, чтобы любая бессмысленная клевета против Троцкого начала восприниматься населением как непреложная истина.)

Так Троцкий превратился в изгнанника, гражданина «планеты без визы», как он назвал последнюю главу своих воспоминаний, изданных вскоре после высылки. Начинался новый, последний этап бурной общественно-политической деятельности великого революционера и возмутителя спокойствия. Выдворяя его из СССР, Сталин, безусловно, надеялся, что в захолустном турецком изгнании, утратив большевистско-советские корни, связь со своими, ставшими немногочисленными, сторонниками, Троцкий как политик окончательно захиреет, канет в социальное, общественное и политическое небытие.

Внутри страны в это время прилагались все усилия, чтобы выкорчевать из сознания населения память о Троцком как соратнике Ленина, видном партийном и государственном деятеле, вожде революции, организаторе Октябрьского переворота, руководителе Красной армии. Город Троцк был в том же 1929 г. переименован и стал называться Красногвардейск (в 1944 г. городу было возвращено его исконное имя Гатчина). Тщательно прошерстили всю карту СССР, устраняя из наименований населенных пунктов, а также предприятий, школ и других учреждений, улиц и проспектов имя опального революционера [961] . Доходило до анекдотов: известный в Ленинграде универмаг «Ленинградский дом торговли» почему-то стали называть «Дом ленинградской торговли», что с точки зрения норм русского языка была совершенно нелепо, так как «ленинградская торговля» по-русски звучало дико. Но дело было в том, что сокращение «ЛДТ» совпадало с инициалами Л.Д. Троцкого, и руководство опасалось, что, приходя в дом торговли, покупатели будут вспоминать о Троцком. Пришлось поменять порядок слов и создать «ДЛТ», вопреки нормам языка.

Добиться забвения Троцкого Сталин, однако, не смог. Случилось прямо противоположное. За пределами СССР Троцкий почти сразу воспрянул духом, смог установить или восстановить связи с многочисленными, пусть пока еще разобщенными, антикоминтерновскими коммунистическими и левыми социалистическими организациями и превратился из национального в международного лидера левой оппозиции «большевиков-ленинцев».

3. Турция

По прибытии в Константинополь Троцкий с женой и сыном были доставлены в сопровождении советских представителей, фактически под их конвоем, в консульство СССР, где, как им сообщили, они смогут проживать первое время, которое точно не было определено. Здание консульства находилось на главной улице современной части Константинополя – Пера (Истикляль). Сейчас там размещаются Генконсульство и Торговое представительство Российской Федерации (а российские сотрудники этих учреждений представления не имеют, что в их помещении в 1929 г. жил Лев Троцкий). Прощание с представителями ОГПУ было почти дружественным. Первоначально казалось, что решение об изгнании из СССР не является окончательным, что Троцкому предоставлена возможность раскаяться и возвратиться в СССР. Формальное заявление турецким властям о том, что Троцкий прибыл в Турцию на лечение, для советских чиновников также было намеком на возможный временный характер пребывания Троцкого за границей. Во всех случаях советское правительство надеялось, что за рубежом Троцкий будет соблюдать политическое молчание, по многим причинам, в том числе и из-за отсутствия аудитории. Троцкому и его близким были сохранены советское гражданство и советские паспорта. Троцкий выехал по своему старому заграничному паспорту, выданному на фамилию Седов. (На эту же фамилию был выписан вид на жительство от 30 мая 1931 г., выданный консульством СССР взамен сгоревшего паспорта.)

Троцкий с семьей жили в здании советского консульства примерно месяц. Всю почту, которая постепенно увеличивалась, он получал на консульский адрес. Как вспоминала Наталья Ивановна, штат консульства относился к ним «с уважением и почти дружески» [962] . Когда Троцкий покидал корабль, представители ОГПУ Буланов и Фокин передали ему 1500 долларов для расходов на первое время. «Это было последнее жалованье, полученное им от государства, основателем которого он был, – не без иронии писал И. Дойчер, – Троцкий представил себе издевательскую усмешку Сталина, но, не имея ни гроша, был вынужден проглотить это публичное оскорбление и принять деньги» [963] . Добавим, что та же издевательская усмешка виднелась в названии парохода «Ильич», на борту которого была совершена депортация.

Сумма полторы тысячи долларов была ничтожной. При отсутствии других доходов она была бы израсходована новыми эмигрантами в ближайшие недели. Забегая вперед, отметим, что в течение всех лет пребывания за рубежом Троцкий и его семья жили исключительно скромно, хотя Троцкий получал довольно большие гонорары за свои книги и статьи от западных издательств и редакций журналов. Но все эти средства он передавал на выпуск периодических и других изданий своего направления и на поддержку организаций своих сторонников в различных странах. Средства на обзаведение в Турции и на начало издательской деятельности Троцкий получил в виде займа в сумме 20 тысяч франков от французского левого социалиста Паза, а позже возвратил долг из гонораров.

Вначале Троцкий не очень хорошо представлял себе возможную денежную стоимость своих публикаций. Послав статью Истмену в США с просьбой перевести ее на английский язык и продать какому-либо периодическому изданию, Троцкий оценил статью приблизительно в 200 долларов, но Истмен смог получить от журнала «Либерти» 1500 долларов [964] . Очень скоро Троцкий стал получать первые крупные гонорары от американских газет, публиковавших его статьи. Затем американское издательство «Скрибнер и сыновья» заплатило ему аванс 7 тысяч долларов за будущую книгу воспоминаний. Еще через некоторое время он получил из США гонорар 45 тысяч долларов за «Историю русской революции» [965] .

Тот факт, что Троцкий всегда, на протяжении всех лет эмиграции, нуждался в средствах и крайне экономно относился к тратам, очевиден из массы документов, сохранившихся в его архиве. Он был весьма озабочен тем, как ему подешевле добраться из

Стамбула в Осло, когда в начале 1931 г. встал вопрос о его возможной поездке в Норвегию для чтения лекций (поездка не состоялась). Добираться морем, считал он, будет очень дорого. После возвращения с женой из Копенгагена, где он выступал с лекцией осенью 1932 г., Троцкий писал сыну в Берлин: «Поездка в Копенгаген произвела большую дыру в нашем бюджете (мы надеялись, наоборот, что жизнь в Европе позволит достигнуть значительной экономии). Резервы очень невелики: видно дно. Все это требует от нас всех строгого хозяйства, т. е. точного бюджета, при отсутствии перерасходов, долгов и пр.» [966] . В 1936 г., находясь в больнице в Осло, Лев Давидович сообщал знакомому о своей «финансовой катастрофе»: он должен был платить за лечение по 10 крон в день, а у него всего оставалось 100 крон. Находясь в Мексике, он писал как-то жене во время кратковременного деревенского отдыха, что у него сломалась удочка, а новая стоит очень дорого и он не может позволить себе такой расход.

Правда, после прибытия в Мексику в начале 1937 г. финансовое положение Троцкого несколько улучшилось благодаря помощи художника Диего Риверы [967] и его супруги Фриды Кало [968] (именно в доме Кало Троцкие проживали первое время), но после разрыва с Риверой в последние полтора года жизни положение Троцкого вновь стало затруднительным, и Троцкий был вынужден писать статьи специально для того, чтобы заработать себе на жизнь.

Все эти житейские обстоятельства тем более важно подчеркнуть, что уже вскоре после высылки за пределы СССР в советской печати в изобилии стали появляться клеветнические материалы, в частности карикатуры, изображавшие «мистера» Троцкого с мешком, наполненным деньгами, получаемыми, мол, за верную службу «акулам империализма». Эту клевету, уже с антикоммунистических позиций, повторяют и некоторые современные авторы. Так, Игорь Бунич утверждает, без ссылок на источники, что еще в 1921 г. Троцкий перевел 11 миллионов долларов в один из банков США и 90 миллионов швейцарских франков в Швейцарский банк [969] . Если переводы этих сумм советским правительством на заграничные счета действительно были сделаны, остается установить, какое отношение к ним имел Троцкий. Созданный в феврале 1920 г. Гохран подчинялся Политбюро. Поступавшие туда конфискованные ценности могли реализовываться за границей. Но деньги в этом случае оседали тоже за границей, а не переводились обратно в советские банки для дальнейшего перевода на заграничные советские счета. Троцкий действительно был назначен спецуполномоченным ВЦИКа и Совнаркома по учету этих ценностей, а с 1922 г. руководил еще и конфискацией церковных ценностей. Теоретически рассуждая, он мог давать санкции на перевод денег за границу, например для финансирования иностранных компартий или какой-то другой подрывной коммунистической деятельности. Но Троцкий, разумеется, не переводил, да и не мог переводить столь крупные суммы на личные счета на случай своей высылки или выезда из Советской России. В 1921 г. советские руководители, безусловно, злоупотребляли властью и положением. Эти злоупотребления могли выражаться и в присвоении чужой собственности (например, квартир, антиквариата, драгоценностей), и в бесконтрольном использовании государственных благ (машин, домов отдыха, нечастых заграничных поездок). Но современные виды воровства типа перевода крупных сумм бюджетных денег на личные заграничные счета коммунистам 1921 г. известны не были.

Еще один странный факт в истории изгнания Троцкого из СССР – это официально не оформленное, но существовавшее разрешение на вывоз его архива, значительную часть материалов которого он вскоре стал использовать в борьбе против Сталина и его сторонников. Ведь речь шла о нескольких сундуках с бумагами! По-видимому, в том, что власти допустили вывоз Троцким архива, можно видеть и демонстративную готовность Сталина к примирению в случае «капитуляции» его главного противника, и некую растерянность властей, готовых избавиться от Троцкого как можно скорее, уступая во всех, не казавшихся Сталину принципиальными вопросах. Не исключено, что в 1929 г. Сталин просто не был еще достаточно опытен, чтобы предвидеть взрывоопасную силу документов Троцкого. По крайней мере, Сталин не понимал, что опытный полемист и журналист

Троцкий будет использовать в борьбе с генсеком любой документик, оказавшийся под рукой. Это знание, этот опыт Сталин приобретет чуть позже. Больше таких ошибок он уже не повторит.

По прибытии в Турцию изгнанник начал устанавливать связи с оппозиционными коммунистическими деятелями в разных странах. Многие из тех, к кому обращался Троцкий, заявляли о своей с ним солидарности и готовности вместе с ним и под его руководством вести борьбу за ликвидацию центристского (то есть сталинского) курса в ВКП(б) и Коминтерне. В числе первых откликнувшихся были давние знакомые: бывший член Исполкома Коминтерна француз А. Росмер и его супруга Маргарита, видный французский журналист Паз, исключенный из компартии за поддержку объединенной оппозиции в ВКП(б). С их помощью Троцкий стал устанавливать контакт с редакциями крупных западноевропейских и американских газет. Корреспонденты «буржуазных» периодических изданий один за другим стали появляться в советском консульстве, создавая серьезные практические и политические неудобства советским чиновникам и агентам ОГПУ, работавшим в консульстве под дипломатическим прикрытием.

Интерес зарубежных журналистов к появлению Троцкого в Стамбуле стимулировался тем, что, как это водится, после депортации Троцкого и его прибытия в Турцию в прессе сразу же стали распространяться самые невероятные слухи. Их с завидным постоянством перепечатывали русские эмигрантские издания, редакторы которых никак не могли поверить, что Троцкий изгнан Сталиным как лицо, политически разошедшееся с генсеком и большинством политического руководства страны. Из-за границы разногласия левой оппозиции с центристами и правыми казались мелкими, походили даже на ненамеренную дезинформацию с целью усыпления бдительности демократического («капиталистического») мира. Попросту говоря, в глазах антисоветской эмиграции Троцкий был не меньшей «сволочью и бандитом», чем Сталин. В глазах западной общественности перманентная революция Троцкого выглядела куда худшей угрозой, чем сталинская теория социализма в одной стране. Высылка международного революционера Троцкого скорее могла казаться засылкой троянского коня, а не наказанием пламенного революционера. В перипетиях судьбы бывшего наркомвоенмора видели некий дьявольский большевистский замысел. Наиболее преуспели в трактовке высылки Троцкого парижские «Последние новости», перепечатавшие сообщение, что Троцкий «стоит во главе советской армии у границ Афганистана, выжидая событий» [970] . В других сообщениях, наоборот, утверждалось, что «небольшой пароход», на котором, дескать, везли Троцкого, «бесследно затерялся в пути, а на море плавает много обломков» [971] . Троцкий же, вопреки информации о выдворении в Турцию, перевезен в Москву, где над ним будет организован суд по обвинению в заговоре с целью свержения Сталина [972] . Это звучало уже более правдоподобно, по крайней мере с политической точки зрения, хотя и не соответствовало действительности. Популярный журнал «Иллюстрированная Россия» опубликовал очередную серию карикатур Дризо на тему «Что мы можем предложить т. Троцкому в эмиграции». Варианты были следующими: вместо того чтобы раздувать пожар мировой революции, раздувать самовар в русском ресторане; вместо того чтобы «разменивать» людей, заняться разменом иностранной валюты; вместо того чтобы сажать буржуев, сажать капусту; вместо того чтобы участвовать во всяких комиссиях, заняться комиссионным делом [973] .

Западная пресса тоже строила всевозможные догадки относительно причин высылки Троцкого и явного несоответствия статуса приехавшего «на лечение» изгнанника тем обвинениям, которые одновременно с этим были ему предъявлены в СССР. В прессе распространялись всевозможные слухи и предположения о судьбе Троцкого, о том, какова его «миссия», насколько соответствует истине версия о высылке его как оппозиционера и пр. Желтые газеты искали в появлении бывшего вождя Красной армии в Стамбуле проявление какой-то запутанной интриги Кремля. Значительная часть изданий выдвигала даже версию, что высылка – это маскировочное прикрытие для внедрения Троцкого на Западе с целью раздувания там революции. Возможно, эта версия была результатом намеренной утечки

информации из Кремля для того, чтобы вызвать особую ненависть к депортированному со стороны русской эмиграции и западного общественного мнения, создать Троцкому как можно бóльшие сложности за рубежом. Печатались даже сообщения, что Троцкий прибыл в Стамбул по соглашению со Сталиным с тайной миссией для того, чтобы подготовить военный захват стран Ближнего Востока, что предыдущая почти шестилетняя внутрипартийная борьба была попросту спектаклем с заранее распределенными в нем ролями.

Журналисты искренне пытались разобраться в том, что же все-таки происходило с Троцким в январе 1929 г. После того как французское агентство Гавас, а за ним и константинопольский корреспондент лондонской «Таймс» подтвердили, что Троцкий прибыл в Константинополь на пароходе «Ильич» под фамилией Седов вместе с женой и сыном [974] , в советское консульство хлынула толпа журналистов, напору которых было крайне трудно противостоять. Консульские работники, допускавшие газетчиков к Троцкому, способствовали таким образом – разумеется, против своей воли – расширению оппозиционной деятельности Троцкого за границей, а это могло стоить карьеры, свободы, жизни.

Первыми в консульстве появились представители германской социал-демократической прессы, которым Троцкий дал интервью, опубликованное в немецких газетах в конце февраля – начале марта [975] . Особенно подробным и информативным, в целом сочувственным к Троцкому, было интервью, помещенное в авторитетной «Рейнско-Вестфальской газете», выходившей в Эссене [976] . По поручению Сталина перевод этого интервью был разослан членам и кандидатам в члены Политбюро, членам Президиума ЦКК и некоторым членам ЦК. Вот как описывала газета своего героя, сбрившего бородку, чтобы не быть случайно узнанным посторонними или враждебно к нему настроенными людьми: «Ростом несколько выше среднего, небрежно элегантно одетый, вальяжный, с гладко выбритым лицом, вместо известных нам портретов с бородой Троцкого, резко очерченные одухотворенные черты и большие острые голубые глаза… Троцкий гладко говорил больше часа на изысканном немецком языке».

Вслед за немцами подоспели турки и англичане, также исправно поместившие интервью с Троцким в своих газетах [977] . Хотя немалая доля того, что публиковалось, была просто выдумкой коварных журналистов, общая направленность материалов была очевидной – все они содержали резкую и непримиримую критику Сталина и проводимого им курса.

Естественно, долго так продолжаться не могло. Изо дня в день советские представители все более убеждались, что Троцкий не намерен свертывать свою оппозиционную деятельность. Это стало особенно очевидно в связи с его настойчивыми требованиями выполнить данное ему еще на корабле Булановым и Фокиным обещание отпустить в Турцию находившихся в ссылке секретарей Троцкого Познанского и Сермукса, которые должны были, по планам Троцкого, оказывать ему помощь в работе. По дороге в Турцию Троцкому было заявлено, что вопрос о депортации его секретарей согласован с советским руководством. «Все равно обманете!» – рассмеялся Троцкий. «Тогда Вы назовете меня негодяем!» – ответил Буланов. «И чем это мне поможет?.. Зачем мне Вас обижать, обманете не вы, обманет Сталин» [978] , – сказал Троцкий.

Опасения Троцкого подтвердились в полной мере. Сначала генеральный консул СССР Минский, являвшийся, по мнению Седовой, сотрудником ОГПУ, отделывался неопределенными заявлениями о том, что вопрос находится в стадии обсуждения и разрешения. Через несколько дней Минский известил Троцкого, что им получен из Москвы отрицательный ответ: Сермукс и Познанский не будут выпущены в Турцию [979] .

Консул и вышестоящее начальство крайне раздражались тем, что Троцкий принимал в помещении советского дипломатического представительства нежелательных для властей СССР «подозрительных» посетителей, давал интервью корреспондентам западной прессы, начал сотрудничать с оппозиционными коммунистическими деятелями, в том числе

исключенными из компартий, то есть вел себя в стенах советского представительства не как бесправный изгнанник, а как хозяин. По всей видимости, консул получил распоряжение найти удобный предлог для выдворения Троцкого из здания. Повод нашелся, когда Лев Седов во время не санкционированной турецкими властями прогулки в город был задержан (скорее всего, по «наводке» советского консульства) турецкой полицией, которая его допросила и отпустила. Сочтя этот инцидент достаточно веским предлогом, Минский 5 марта потребовал ухода изгнанника с «советской территории».

Троцкий ответил протестом. В своем заявлении он описывал, как агенты ОГПУ обещали ему, что он будет жить в отдельном доме за городом, в условиях, которые «дают минимальные топографические гарантии против совершения легкого и безнаказанного покушения белогвардейцев или иностранных фашистов», что к нему будут доставлены его секретари, что до этого он будет находиться либо в консульстве, либо в отдельном доме под советской охраной. Ни одно из этих условий выполнено не было. Троцкий завершал заявление указанием, что он не имеет желания оставаться в консульстве ни одного лишнего дня, но и не намерен поступаться элементарными требованиями безопасности своей семьи. «Если вы попытаетесь разрешить вопрос не на основах соглашения, а применения физической изоляции меня и моей семьи, как вы мне сегодня говорили, то я оставлю за собой полную свободу действий. Ответственность за последствия будет целиком на ЦК ВКП» [980] .

Разумеется, это были угрозы, не имевшие никакого реального содержания. Обращает на себя внимание то, что Троцкий, с одной стороны, упрямо писал «ВКП» вместо «ВКП(б)», продолжая оставлять за собой, для себя и своих единомышленников, важную букву «б» («большевики-ленинцы»), а с другой – предполагал, что покушение на него будут организовывать не Сталин и советская разведка, а белогвардейцы и фашисты (ни разу за всю эмиграцию Троцкого не попытавшиеся организовать его убийство).

Несмотря на протесты Троцкого, Минский, следуя инструкциям из Москвы, выдворил Троцких из консульства в гостиницу. Переезд в отель на длительное время был невозможен как по финансовым соображениям, так и из-за опасения покушений, как, по крайней мере, считал Троцкий. Стамбул (таковым стало официальное название Константинополя с марта 1930 г.) был наводнен русскими эмигрантами, в частности в свое время эвакуировавшимися из Крыма военнослужащими армии генерала Врангеля. Русские эмигрантские газеты, бедные, малотиражные и беспомощные, давали понять, что эмиграция не прочь расправиться с тем, кого она с полным основанием считала одним из главных виновников изгнания и постигшей Россию трагедии. Никакими реальными действиями эти публикации, разумеется, не подкреплялись, но Троцкому мерещился бывший русский офицер, причем конечно же пьяный, ярый антисемит, в состоянии глубокой депрессии и из чувства ненависти к большевикам совершающий покушение на него и членов его семьи.

Один из сотрудников консульства, когда-то служивший в Красной армии под началом Троцкого, помог найти и снять небольшую виллу на острове Принкипо (по-турецки Буюк-Ада) – главном острове архипелага Принцевы острова (Кызыладалар) в Мраморном море, по соседству со Стамбулом, в 25 – 30 кило метрах от стамбульского берега. Острова получили название Принце вы еще во времена Византийской империи, так как сюда ссылали провинившихся представителей знати. Это правило сохранили и завоевавшие Византию турки-османы. Со второй половины XIX в. Принкипо стал привычным местом летнего отдыха зажиточных жителей крупнейшего города Турции. Помимо Принкипо в архипелаг входили еще восемь островов, но только четыре острова были тогда обитаемы. Они отличались спокойствием и умиротворением. На Принкипо даже не разрешалось использование автомобилей, а передвижение осуществлялось на велосипедах и в фаэтонах (это правило сохраняется по настоящее время и способствует сохранению естественного обаяния острова).

Для Троцкого Принцевы острова были памятны тем, что в начале 1919 г. лидеры западных держав предложили провести здесь конференцию представителей всех

правительств, существовавших на территории России, а также правительств отделившихся от России государств. Совнарком по инициативе Ленина тогда принял это предложение, и предполагалось, что делегацию РСФСР возглавит Троцкий (не исключалось, правда, что руководить ею будет Л.Б. Красин [981]). Конференция, однако, не состоялась, так как антибольшевистские правительства отказались принимать в ней участие. Теперь Троцкий неожиданно для себя самого оказался в том месте, куда он мог попасть, но не попал десятью годами ранее.

Удобство найденной для Троцких виллы было тем бóльшим, что находился этот просторный трехэтажный особняк на холме, на отшибе, в северной части острова, куда обычно не направлялись туристы, но сравнительно недалеко от пристани, что было удобно посетителям. Принадлежавший одному из бывших сановников Турецкой империи Иззет-паше (в его честь была названа и улица, на которой под номером 29 находилась эта вилла), особняк к этому времени пришел в запустение. Хозяин с радостью согласился сдать его в аренду за незначительную плату, считая, что заключил выгодную сделку.

В течение нескольких дней, пока на вилле Иззет-паши производился ремонт, Троцкие жили в гостинице «Токатлиян» в деловом и культурном центре города Бейоглу в районе Пера, откуда Троцкий 6 марта телеграфировал Пазу: «Бесплатно проживаю в гостинице. Ищу жилье» [982] . Как видим, консульские работники были еще настолько любезны, что даже (по согласованию с Москвой) оплатили проживание врага Сталина в недешевом отеле.

8 марта 1929 г. Троцкий был перевезен сотрудниками консульства на Принкипо, перед этим выразив очередной протест. На имя Минского, которого Троцкий демонстративно называл «представителем ГПУ» (хотя формальная должность Минского была другой), Троцкий написал жалобу: «В тех условиях, в каких вы выселяете нас из консульства с применением физического насилия, вы выполняете поручение тех термидорианцев, которые сознательно и преднамеренно хотят подвести меня и мою семью под удары врагов Октябрьской революции. Вы не можете этого не понимать, ибо слишком хорошо знаете обстановку в Константинополе, – следовательно, не только Сталин и его фракция, но и вы, исполнители, несете за последствия всю полноту ответственности» [983] .

Это заявление Троцкого отличалось от предыдущих. О «физическом насилии» в полном смысле этого слова говорить не приходилось: семью Троцкого отправляли на виллу, с которой заблаговременно и детально познакомились Лев Седов и Наталья. Семья дала согласие туда переехать. Погибнуть Троцкий опасался теперь уже не от русских белогвардейцев и турецких фашистов, а от рук «врагов Октябрьской революции», что, безусловно, означало стремительный прогресс в развитии Троцкого, поскольку к врагам революции он в этот период относил Сталина. Наконец, Троцкий, похоже, начинал понимать и то, что не абстрактная партия и не коллективный ЦК несут ответственность за сложности и мучения, которым его подвергают, а конкретные люди: от Сталина до Минского. Похоже, что в эти дни Троцкий впервые перестал смотреть на человечество как на безликую массу, разделенную на партийцев и внепартийных обывателей-врагов. Он понял, что в этой новой эмиграции ему придется иметь дело с конкретными людьми, совершающими в отношении его и его семьи зло, несмотря на то что они принадлежали к одной, коммунистической партии, или добро – вопреки тому, что они к этой партии не принадлежали.

Либеральная пресса стала писать уже и о том, что Троцкий собирается организовывать в СССР очередную революцию, а для этого будет создавать 4-й Интернационал. Проигнорировав публикации о засылке с целью организации революции за пределами СССР, Троцкий посчитал целесообразным выступить с опровержением версии о планируемой им революции в СССР и новом Интернационале. 22 марта он подготовил текст письма в редакции стамбульских газет, в котором, в частности, говорилось: «Оба эти утверждения прямо противоположны тому, что я сказал. Взгляды мои на эти два вопроса выражены в многочисленных речах, статьях и книгах» [984] . Тем не менее вряд ли можно предположить, что турецкие журналисты, не сильно разбиравшиеся в тонкостях внутрипартийной борьбы

между левой оппозицией и сталинским большинством, сами выдумали версию о создании 4-го Интернационала. Неискушенными журналистами Троцкий был услышан именно так: спасти СССР может только очередная революция, для этого требуется создание нового Интернационала. Поразмыслив, Троцкий решил опровержение в газеты не посылать. Имея в виду, что солидарность с Троцким начинало выражать все большее и большее количество иностранных коммунистов, признававших правильность политических установок левой оппозиции или, по крайней мере, близость Троцкого к их собственным взглядам, автор концепции перманентной революции не пожелал связывать себе руки категорическим заявлением. Он пока не планировал объявлять о возможном создании 4-го Интернационала, но уже не исключал, что в перспективе организовывать его придется.

С первых недель пребывания в Турции, особенно после переезда на Принкипо, Троцкий стал получать корреспонденцию со всего мира. Голландец по происхождению и француз по месту жительства Ян ван Хейженоорт, в течение двух лет исполнявший обязанности секретаря Троцкого на Принкипо, рассказывал в воспоминаниях, что каждое утро, кроме пятниц (в то время в Турции это был праздничный день), почтальон привозил большое количество почты: «Письма, газеты, книги, пакеты с документами поступали со всего мира. Мы открывали все пакеты, прежде чем передать их Троцкому, но письма не вскрывали, так как в это время техника убийства, как мы полагали, не включала возможности запечатать смертоносное оружие в небольшой конверт. Каждый день приходили письма от эксцентричных, не вполне нормальных людей: некоторые цитировали Библию, другие рекомендовали Троцкому, как сохранить свое здоровье или спасти свою душу. И всегда были среди них собиратели автографов» [985] .

Обращались и люди, отнюдь не являвшиеся эксцентриками, но явно не представлявшие себе характера деятельности Троцкого, его взглядов, его намерений. Письма от такого рода лиц, подчас известных в обществе, могли рассматриваться только как курьезы. Так, летом 1929 г. пришло письмо от Сирила Клеменса, сына знаменитого американского писателя Сэмюэля Клеменса, писавшего под псевдонимом Марк Твен. Клеменс-младший предлагал Троцкому стать почетным вице-председателем Общества Марка Твена. Все было бы ничего, но письмо было напечатано на бланке этого общества, на котором значились имена тех, кто уже входил в руководство общества. Среди вице-председателей были действительно достойные лица – путешественник Руаль Амундсен, писатель Кнут Гамсун. Одно из имен – британского лейбористского деятеля и дважды премьер-министра Рамзея Макдональда – было Троцкому явно неприятным. Но главное, на бланке значилась фамилия почетного председателя общества – его превосходительства Бенито Муссолини – премьер-министра Италии и вождя итальянских фашистов, которого Троцкий, как убежденный коммунист, считал главной опорой мировой реакции и своим заклятым врагом [986] . На письмо сына Твена Троцкий ответа просто не дал, считая нецелесообразным объявлять о своем отношении к дуче, так как на гостеприимство Италии, ее правительства и бывшего социалиста Муссолини Троцкий на самом деле рассчитывал. Позже он действительно дважды воспользовался любезностью итальянцев: первый раз, когда после выступления с лекцией в Копенгагене через Италию возвращался в Турцию, и второй раз, когда через Италию ехал из Турции во Францию, после получения французской визы и разрешения на переезд в эту страну.

Почти столь же странными были письма от известного американского писателя Эптона Синклера [987] . В одном из них, сообщив, что он завершил чтение только что вышедших воспоминаний Троцкого «Моя жизнь», поздравив автора с «живым изложением», подчеркнув при этом, что политическую сторону книги он не желает обсуждать (поскольку не согласен со взглядами Троцкого), Синклер перешел к важному для него практическому вопросу. Ни одна из его книг не была переведена на турецкий язык, и американский писатель просил Троцкого найти хорошего переводчика [988] . Через несколько месяцев в газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано сообщение, что Троцкий сам собирается переводить книги Синклера на турецкий язык. Кто-то, видимо, неправильно истолковал слова Троцкого.

Понимая, что публикация в «Нью-Йорк таймс» забавное недоразумение, Синклер прислал Троцкому письмо с просьбой разъяснить смысл статьи в американской газете. Смущало его главным образом то, что Троцкий недостаточно хорошо владеет турецким, чтобы переводить с английского [989] .

Троцкий со свойственным ему цинизмом характеризовал основную часть получаемой почты: «Трудно поверить, что существует на свете столько людей, кровно заинтересованных в спасении моей души. Я получил за эти годы такое количество религиозной литературы, которого могло бы хватить для спасения не одного лица, а целой штрафной команды грешников. Все нужные места в благочестивых книгах предупредительно отчеркнуты на полях. Не меньшее количество людей заинтересовано, однако, в гибели моей души и выражает соответственные пожелания с похвальной откровенностью, хотя и без подписи. Графологи настаивают на присылке им рукописи для определения моего характера. Астрологи просят сообщить день и час рождения, чтоб составить мой гороскоп… Постепенно я научился по конвертам отгадывать, просят ли у меня палки для домашнего музея, хотят ли меня завербовать в методистские проповедники или, наоборот, предрекают вечные муки на одной из вакантных адских жаровен» [990] .

В январе 1931 г. к Троцкому приехала старшая дочь Зинаида Волкова с четырехлетним сыном Севой (Всеволодом). Сама Зина и ее мать (Соколовская) недоумевали, каким образом советские власти выпустили ее к отцу – злейшему сталинскому врагу. Но за этой поездкой скрывался коварный план. Больная Зинаида была скорее обузой для Троцкого, нервировала его и отвлекала от работы. В Ленинграде с бабушкой оставалась в заложниках старшая дочь Зинаиды от первого брака с Захаром Моглиным – семилетняя Саша. Разрешению на выезд к отцу предшествовал краткий арест Зинаиды [991] , с которой конечно же во время ареста проводили беседы. Она была освобождена через несколько дней и выпущена за границу к отцу. Сталин счел более выгодным отправить ее за рубеж.

Зина страдала туберкулезом легких, и родные надеялись, что ее удастся послать из Турции в одну из европейских стран для квалифицированного лечения. Пока что Троцкий, не ожидая, что из этого выйдет что-то путное в силу личных свойств дочери, дал Зинаиде несколько заданий секретарско-технического характера. Отнесясь к ним как к скучной повинности и считая, что она способна на значительно большее, Зинаида только затрудняла работу Троцкого, вмешиваясь в дела и давая непрошеные, подчас нелепые советы. В качестве секретаря Зинаида отличалась рассеянностью, неисполнительностью, и вскоре ей перестали давать поручения, что вызвало очередные обиды, истерики и выяснение отношений, главным образом с женой Троцкого. Так что надежды Сталина в целом оправдались.

Наталья Ивановна держалась в этой сложной ситуации весьма достойно, проявляла заботу о дочери Троцкого и, тем более, о его внуке, которого сразу полюбила, как родного. Но сам Лев Давидович, всегда озабоченный покоем Натальи, чувствовал себя не в своей тарелке. Отношения с дочерью быстро ухудшались. С большим трудом в качестве временного решения Зинаиду удалось устроить в туберкулезный санаторий под Стамбулом. Там ей, по заявлению врачей, поставили пневмотораксы в оба легких (то есть ввели газ в полость плевры для сдавливания легких с целью спадения характерных для заболевания пустот – каверн). Как позже оказалось (это выяснилось уже в Германии, куда в конце концов Зинаиду удалось отправить на лечение и легких, и психики), турецкие медики, не очень высокой квалификации, смогли установить и остановить пневмоторакс только в одном легком, а туберкулезный процесс во втором легком продолжался. Германские медики остались недовольны тем, как Зинаиду лечили в Турции. Сравнивая зарубежных врачей с теми, которые лечили Троцких до эмиграции, Седова писала, что лучшая похвала – «как московские» [992] , забывая, впрочем, что ее семью в Москве лечили лучшие специалисты правительственной больницы. В конце концов Зину забрали из санатория, она вернулась в семью, и домашнее напряжение сразу же возобновилось.

На Принкипо Троцкий жил четыре с лишним года. Правда, в ночь на 1 марта 1931 г. на

его вилле произошел сильный пожар. Перед этим случился меньший пожар, который был быстро ликвидирован собственными силами, не принеся существенного ущерба. (Высказывалось предположение, что оба пожара могли стать результатом неаккуратности Зинаиды.) В результате второго пожара серьезно пострадала значительная часть виллы, сгорели некоторые подготовительные материалы к работам Троцкого, написанные фрагменты текстов (в частности, запланированной им книги о Марксе и Энгельсе) [993] , а также часть архива, однако не очень существенная. Мужественно во время пожара вел себя секретарь и охранник Троцкого Ян Франкель, который остался в горящем доме и выбрасывал из окна кабинета папки с рукописями и другими документами до тех пор, пока прибывавшие пожарные не заставили его покинуть помещение [994] .

О пожаре немедленно под крупными заголовками сообщили турецкие и зарубежные газеты, так что, например, болгарские сторонники, весьма взволнованные этим событием, в тот же день отправили Троцкому почтовую карточку с возникшими у них вопросами. 7 марта Троцкий им ответил: «Я получил вашу открытку от 1 марта с запросом о нашей «катастрофе». Она достаточно велика, но все же не так грозна, как сообщили некоторые газеты. Прежде всего, наиболее полные документы архива хранятся вне Турции, некоторые даже в двух копиях. Та часть архива, которая мне необходима для текущих работ, не сгорела. Спасена также рукопись второго тома «Истории русской революции», который подготавливается мною к печати. Все остальное сгорело. В том числе: материалы, вырезки, заметки для книги о мировом положении, для книги политических характеристик и отчасти для книг о Ленине и о Красной армии. Чтоб восстановить эти материалы, нужна очень большая работа: нужно перечитать большое число книг, старых газет и пр. и пр. Эта работа осуществима только отчасти. Сгорела также вся библиотека и все так называемое «имущество», включая даже такие вещи, как стило [995] , часы и пишущая машинка. Сейчас живем на бивуаке и ищем квартиру» [996] .

В течение почти месяца семья Троцкого вновь жила в гостинице, на этот раз в крохотном отеле «Савой» на Принкипо, а в конце марта перебралась в азиатскую часть Стамбула, в небольшой пригород Кадикьой, где был временно снят дом – менее удобный, чем вилла на Принкипо, но с прочным забором и помещениями для охраны и секретарей, что Лев Давидович считал наиболее важным. Вскоре пожар вспыхнул и в новом доме. Казалось, что Троцкого буквально преследовали пожары, правда не тот главный пожар, о котором он мечтал, не пожар мировой революции. Огонь разгорелся в подвальном этаже. Его удалось быстро потушить без существенного ущерба. В своем дневнике Троцкий записал: «Инициатором предприятия оказался мой внук 6 лет, который трудолюбиво собрал в кучу опилки, дрова, старую вату – и с успехом поджег этот хорошо воспламеняющийся материал. Не без труда и волнений удалось потушить пожар – к огорчению для его инициатора» [997] . В октябре 1932 г., после весьма трудоемких восстановительных работ, Троцкий получил возможность возвратиться на виллу Иззет-паши, которая ему очень полюбилась [998] .

Еще до второго пожара помощникам Троцкого удалось найти ему хорошего секретаря. Им стала образованная и трудолюбивая Мария Ильинична Певзнер, за десять лет до этого эмигрировавшая вместе со своими близкими из России. Она была политически нейтральной, но смогла вникнуть в интересы и заботы Троцкого и подчас даже по его поручению сама писала письма в разные концы мира с заданиями, существо которых перед этим разъяснял ей Троцкий. Близкие и посетители шутили, что Лев Давидович обзавелся «белогвардейской секретаршей». Почти год, до самого отъезда Троцкого из Турции, Певзнер работала не щадя сил. По вечерам она уезжала в Стамбул на катере, а когда работы было особенно много или когда море было очень беспокойным, ночевала в отеле «Савой» на Принкипо.

Постепенно быт на Принкипо приходил в относительную норму. В штат Троцкого обычно входили в это время секретарь, стенографистка, три-четыре охранника, которые одновременно исполняли функции помощников. Снаружи дом охраняла также турецкая полиция, служители которой, правда, соответственно восточным традициям, были медлительны и надежной защиты обеспечить не могли, так что реальную, хотя и весьма

незначительную силу составляли только идейно связанные с Троцким помощники. Месячные расходы были скромными, составляли от 1 до 1,5 тысячи долларов (сюда входили и деньги, которые Троцкий посылал сыну Льву, когда тот перебрался в Берлин). Ничего лишнего обитатели принкипской виллы позволить себе не могли. Почти не было мебели, пища была предельно проста. Небольшой сад у дома был неухоженным, там господствовали сорняки. Зато сам дом стоял на берегу моря (и это Троцкому было особенно приятно) и из окна кабинета виден был соседний крохотный островок – красный утес, напоминавший погружающееся в воду доисторическое существо [999] .

Хотя пребывание на острове имело свои прелести, Троцкий всеми силами тянулся в Западную Европу, обращался с просьбами о предоставлении ему визы в Германию, Великобританию, Чехословакию, США и другие страны. Некоторые русские беженцы, проявляя в этом вопросе «классовую солидарность», полагали, что не следует препятствовать Троцкому в выезде в одну из крупных стран. А.Ф. Керенский в беседе с корреспондентом газеты «Чикаго трибюн» выразил надежду, что иностранные правительства окажут ему гостеприимство, дадут визу и этим докажут, что они с бóльшим уважением относятся к свободе, нежели это делают большевики в СССР [1000] .

Зарубежные дипломаты и чиновники вступали с изгнанником в вежливую переписку, но в конце концов неизменно следовали отказы. Уже 22 апреля 1929 г. Троцкий написал статью «Демократический урок, которого я не получил» [1001] , где подробно рассказал, как с легкой руки германских социал-демократов ему было отказано во въезде в эту страну. «Демократический урок» Троцкий не воспринял абсолютно зря. Германским социал-демократам было что ставить в вину Троцкому: и многочисленные, можно даже сказать «перманентные» попытки взорвать Веймарскую республику, организуя на советские деньги в Германии революции, и коминтерновский запрет левым партиям Германии вступать в союз с социал-демократами для борьбы с поднимающимся нацизмом, который Троцкий упрямо старался не замечать.

Несколько месяцев тянулась переписка с посольством Чехословакии по поводу предоставления визы на краткосрочное лечение. Вначале чехословацкие власти прямо не отказывали во въезде, но выдвигали все новые и новые условия. Троцкий на эти условия соглашался, но в конце концов, несмотря на то что примирился со всеми ограничениями, которые собиралась на него наложить чехословацкая сторона, ему все-таки было в визе отказано [1002] . Может быть, вспомнились приказы Троцкого о разоружении и расстреле солдат и офицеров Чехословацкого корпуса в Советской России в 1918 г.?

Особенно настоятельно Троцкий просил о британской визе, имея в виду, что историей и культурой этой страны он интересовался в предыдущие годы, что его книги об Англии получили благожелательную оценку либеральной прессы. В поддержку Троцкого высказались такие известные писатели, как Джордж Бернард Шоу и Герберт Уэллс. Последний указывал, что «Троцкий имеет право приехать в страну, которая всегда, на протяжении всей своей истории, была гостеприимной для политических деятелей, обращавшихся к ней в подобных обстоятельствах» [1003] , что Троцкий – «единственный первоклассный интеллиент, порожденный революционным движением» [1004] . Однако многократные просьбы Троцкого о предоставлении британской визы неизменно натыкались на отказ. Даже пришедшие к власти в Великобритании в 1929 г. лейбористы во главе с Рамзеем Макдональдом не захотели впускать пламенного революционера и осложнять отношения с советским правительством. (Наверное, не забылось и высокомерное поведение Троцкого в порту на пути в Россию в 1917 г., и арест по указанию наркома иностранных дел британского генерального консула Локкарта, которого, по существу, держали заложником, одновременно фабрикуя против него дело о шпионаже.)

Что касается Соединенных Штатов, то Троцкий замыслил поездку туда уже в мае 1929 г. 25 мая он обратился к американскому консулу в Стамбуле с просьбой о разрешении въехать в США и «пробыть там в течение трех месяцев» для работы над книгой по «сравнительной истории гражданских войн в России и Америке», о второй американской

революции и об Аврааме Линкольне (которые на самом деле писать не собирался) [1005] . Он заверял, что не будет заниматься политикой, и обязался «не вмешиваться, будь то прямым или косвенным образом, во внутреннюю жизнь Соединенных Штатов». Уже 23 июня просьба была отклонена ввиду политических взглядов просителя [1006] . Впускать в США волка в овечьей шкуре, слезно обещающего не вмешиваться во внутренние дела, американцы не планировали. Книга Троцкого о Гражданской вой не, судя по всему, их тоже не заинтересовала. На призывы быв шего вождя революции откликнулся только неутомимый Дризо в «Иллюстрированной России», да и то лишь в виде серии карикатур, суть которых сводилась к тому, что во имя избавления России от коммунизма «любая страна» должна предоставить «убежище Троцкому… и не только ему, а всем членам ВЦИКа, ЦИКа, всем членам Коминтерна и Профинтерна и всем, всем коммунистам вообще» [1007] .

15 июля 1933 г., за два дня до отъезда с Принкипо во Францию, куда Троцкий получил наконец визу, он сделал пространную запись в своем дневнике: он всегда, да и теперь, рвавшийся в гущу политических событий, в людские толпы, на которые он мог бы оказывать воздействие своим пером и своим ораторским талантом, за годы пребывания в Турции привык к островному одиночеству, к сравнительному уединению; в полной мере оставаясь человеком публичным, он предпочитал теперь оказывать воздействие не устными выступлениями перед массой слушателей, которые бы жадно заглатывали каждое его слово, которые превращались в толпу, готовую выполнить любой его приказ, а более спокойными средствами – книгами, письмами, беседами с немногочисленными посетителями.

Возможно, сказывался уже не молодой возраст Троцкого: ему пошел шестой десяток. В еще большей степени на образ его жизни влияли условия, на которых он был принят Турцией: отказ от политической деятельности. К подобному поведению Лев Давидович стал постепенно привыкать уже в ссылке, но тогда считал свое положение временным. Теперь же у него начинало складываться впечатление, что высылка – надолго. И он стал воспринимать новые условия своего существования не просто терпеливо, а даже с некоторым удовлетворением. «Принкипо – остров покоя и забвения, – писал он в дневнике. – Мировая жизнь доходит сюда с запозданием и в приглушенном виде… На Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимой, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы» [1008] .

Особенно приятно Троцкому было то, что он здесь имел возможность беспрепятственно выходить в море на рыбную ловлю, которую, как и охоту, уже много лет считал неотъемлемой частью своей жизни. Не удовлетворив прежде всего свой охотничий и рыболовный азарт, он почти не был в состоянии выступать, садиться за стол или вести политические беседы. Для него это было средство и сосредоточиться, и добавить адреналин, что особенно было важно при сидячем образе жизни. Охотиться на Принкипо на крупную дичь было невозможно: и запрещено, и негде. Разрешалась только охота на пернатых, и этим правом Троцкий пользовался, разбавляя охоту рыбной ловлей. В октябре 1932 г. он писал своему американскому корреспонденту профессору факультета славянских языков Калифорнийского университета Александру Кауну: «Погода здесь стоит прекрасная. Стреляю перепелов и ловлю рыбу. Скоро пойдет в большом количестве скумбрия» [1009] . А Наталья, сообщая сыну о болезни Троцкого и о том, что он поправляется, прибавляла в декабре 1932 г.: «Но на рыбную ловлю, к сожалению, все еще не ездит. Это большой минус для него. Без рыбной ловли нет отдыха» [1010] .

Дневниковые записи, посвященные вылазкам в Мраморное море, поистине поэтичны. Троцкий буквально с упоением рассказывал о своем «незаменимом наставнике» юном уроженце Принкипо греке Хараламбосе, с которым он вместе рыбачил и с которым сдружился, несмотря на то что мир этого юноши был «описан радиусом примерно в 4 километра вокруг Принкипо». Он не знал грамоты, но зато знал свой мир и «прекрасную книгу Мраморного моря читал артистически». С гордостью, наверное ничуть не меньшей, чем во время Гражданской войны, Троцкий рассказывал о тех победах, которые одерживал в рыбачьей лодке. С явным удовольствием он записывал подробности: «Ловля сетями, как

промысловая, считается недостойной свободного артиста. Поверхностный и ложный взгляд! Ловля сетями есть высокое искусство. Надо знать место и время для каждого рода рыбы. Надо уметь расположить сеть полукругом, иногда кругом, даже спиралью, применительно к конфигурации дна и десятку других условий. Надо опустить сеть в воду бесшумно, быстро развязывая ее по ходу лодки. Надо, наконец, – не последнее дело – загнать рыбу в сеть. Это делается ныне так, как делалось 10 и более тысяч лет тому назад, при помощи швыряемых с лодки камней. Заградительным огнем рыба загоняется в дугу, потом в самую сеть. В разное время года, при разном состоянии моря нужно для этого разное количество камней. Запас их приходится время от времени обновлять на берегу. Но в лодке имеются два постоянных камня на длинных шнурах. Надо уметь метать их с силой и сейчас же быстро извлекать из воды. Камень должен упасть близко возле сети. Но горе, если он угодит в самую сеть и запутается в ней: Хараламбос покарает уничтожающим взглядом – и он прав» [1011] .

Далее Троцкий столь же подробно передавал свои инструкции, точнее, инструкции Хараламбоса будущим рыбакам, причем чувствовалось, что, зная о предстоящем отъезде, он с глубокой жалостью расставался с Мраморным морем. Последняя запись на Принкипо завершалась следующими словами: «Сегодня утром ловля была плоха: сезон кончился, рыба ушла на глубину. К концу августа она вернется. Но Хараламбос будет ее ловить уже без меня. Сейчас он внизу заколачивает ящики с книгами, в полезности которых он, видимо, не совсем убежден. Сквозь открытое окно виден небольшой пароход, везущий из Стамбула чиновников на дачу. В библиотечном помещении зияют пустые полки. Только в верхнем углу, над аркой окна, продолжается старая жизнь: ласточки слепили там гнездо и прямо над британскими «синими книгами» вывели птенцов, которым нет никакого дела до французской визы» [1012] .

Облик и некоторые манеры Троцкого в этот начальный период эмиграции запечатлел его многолетний преданный секретарь Ян ван Хейженоорт, человек наблюдательный и способный сравнительно объективно оценивать личность своего шефа. Впечатления 1932 г. он позже передавал так: «Живость его жестов и одухотворенность его речи привлекала к нему немедленный интерес. Прежде всего, обращали внимание на его лоб, высокий и прямой, искусственно не увеличенный лысиной. А вслед за этим его глаза, голубые и глубокие, со взглядом сильным и уверенным в этой силе». По словам Яна, Лев Давидович говорил со всеми ясно и отчетливо, но испытывал чувство раздражения, слушая скомканную и торопливую речь других. Беседуя с визитерами в своем кабинете, он вскоре начинал жестикулировать, помогая себе говорить жесткими, широкими взмахами руки [1013] .

Хейженоорт вспоминал, что Троцкий любил давать окружающим всевозможные шутливые клички, отражавшие, по его мнению, те или иные свойства или занятия данного человека. Самого Яна он как-то прозвал «молоканом» (по названию русской религиозной секты), так как по утрам он предпочитал чаю молоко. Позже ему же была присвоена кличка «технократ», ибо он пытался установить во дворе виллы водяной насос. Наконец, в связи с переговорами в Стамбуле касательно визы на въезд во Францию Ян получил «звание» министра иностранных дел [1014] .

Примерно за полтора месяца до отъезда во Францию Троцкий дал интервью Жоржу Сименону, молодому, но уже известному своими первыми романами о комиссаре Мегрэ французскому писателю и журналисту. Текст интервью сопровождался яркими описаниями Принкипо, пейзажей острова, его быта. «Воздух, вода, листва, небо – все охвачено таким спокойствием, такой неподвижностью, что кажется, будто, проходя, я разрываю солнечные лучи». Сам Троцкий тоже произвел на Сименона впечатление спокойствия и безмятежности. Через несколько дней интервью, посвященное в основном вопросам диктатуры и демократии, войны и мира, было опубликовано в двух номерах газеты «Пари-суар» [1015] . Тем временем пора провинциального умиротворения Троцкого завершалась. Предстояли многочисленные сложные, нервные, опасные перипетии во Франции, Норвегии и, наконец, в Мексике.

Список аббревиатур

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
АРК – Англо-русский профсоюзный комитет
АРКОС – Англо-русское кооперативное общество
АФТ – Американская федерация труда
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГДА СБУ – Галузевий державний архів Служби безпеки України
ГПУ – Государственное политическое управление
ГУЛАг – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
ИМЛ – Институт мировой литературы
ИМЭ – Институт Маркса и Энгельса при ЦИКе СССР
ИНО – Иностранный отдел ОГПУ
КГБ – Комитет государственной безопасности
КИМ – Коммунистический интернационал молодежи
КЛА – Коммунистическая лига Америки
КПА – Коммунистическая партия Австрии
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КПИ – Коммунистическая партия Испании
КПК – Коммунистическая партия Китая
МВТУ – Московское высшее техническое училище имени Баумана
МИД – Министерство иностранных дел
МСБ – Международное социалистическое бюро
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НЭП – новая экономическая политика
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОК – Организационная комиссия
ОСВОК – Особое совещание по восстановлению основного капитала
ПСС – Полное собрание сочинений
ПУР – Политическое управление Реввоенсовета
РВС – Революционный военный совет
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОСТА – Российское телеграфное агентство
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК – Совет народных комиссаров
СТО – Совет труда и обороны
СФИО (SFIO) – сокращенное от *фр.* Section Française de Internationale Ouvrière – Французская секция рабочего Интернационала

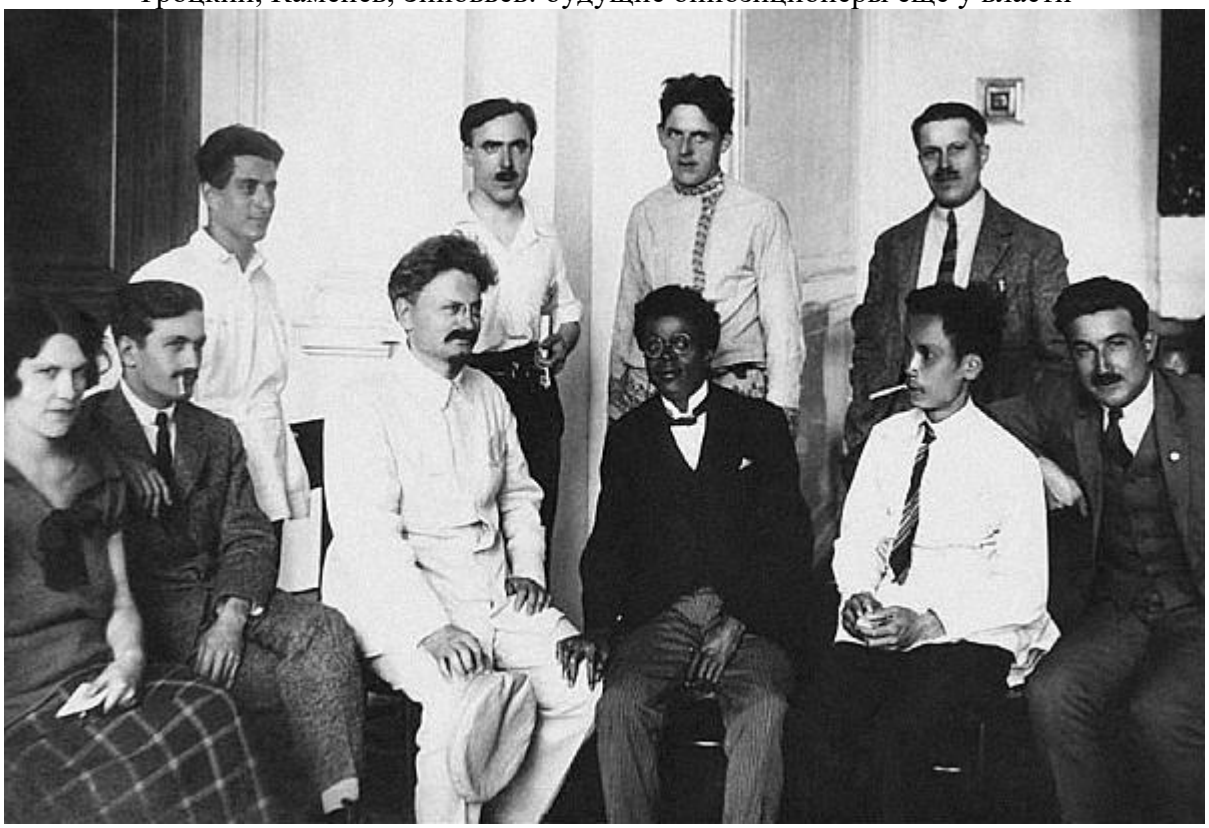
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
ФКП – Французская коммунистическая партия
ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ЦДАГОУ – Центральний державний архів громадських об’еднань України
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦО – Центральный (печатный) орган

Фотоальбом

Кубо-футуристический портрет Троцкого, написанный Юрием Анненковым

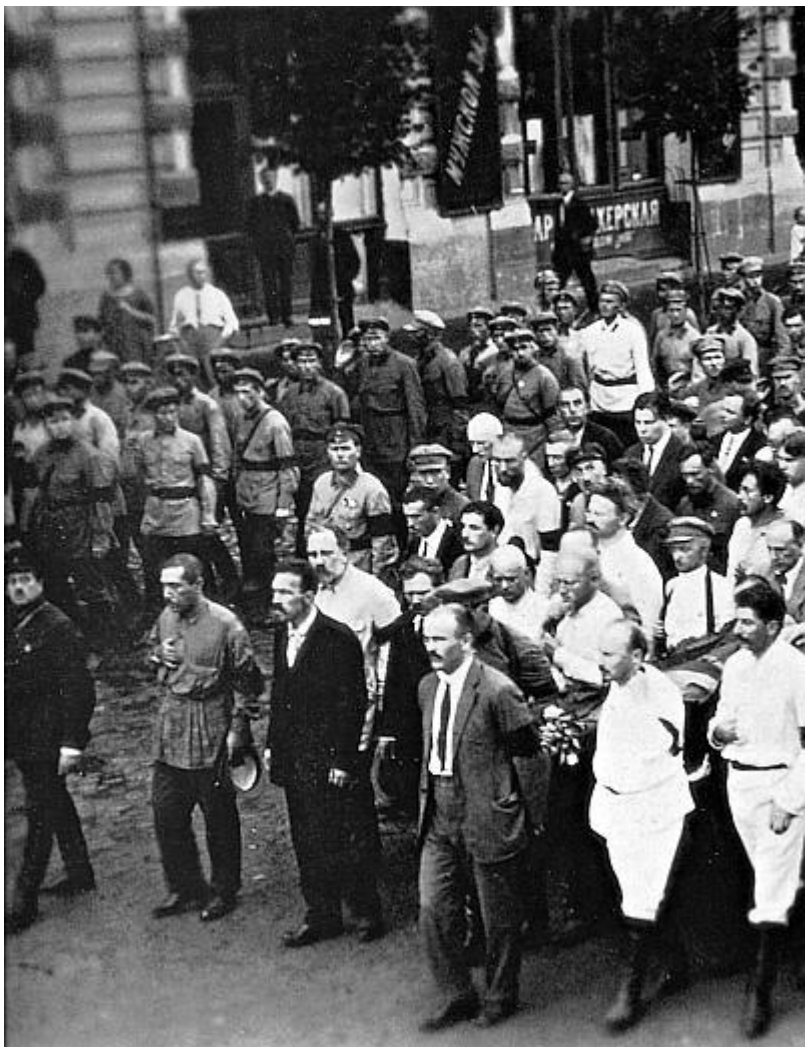
Троцкий на Красной площади. Зима 1920 г.

Троцкий, Каменев, Зиновьев: будущие оппозиционеры еще у власти

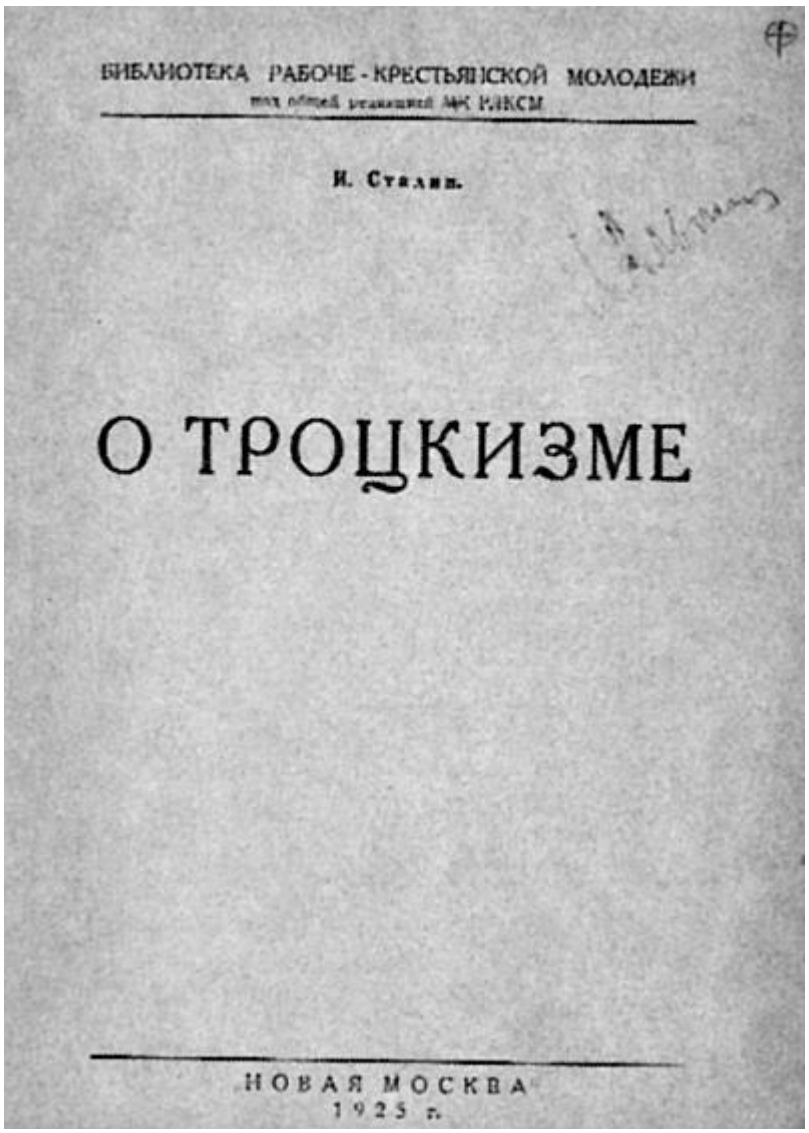


Пятый конгресс Коминтерна. Москва, 1924 г. Троцкий – в центре. Справа от него Джозеф Готон-Люнион, руководитель компартии Гваделупы. Далее, с сигаретой, – Нгуен Шинь Кун, он же Нгуен Тат Тхань, он же Нгуен Ай Куок, он же Хо Ши Мин – будущий вождь коммунистического Вьетнама

Портрет Троцкого работы художника Сергея Пичугина. 1923 г. После опалы Троцкого автор заклеил рисунок листом бумаги. Он был случайно обнаружен несколько лет назад, когда кто-то из потомков С. Пичугина догадался отодрать лист бумаги



Похороны Ф. Дзержинского. Июль 1926 г. Легко узнаваемы Ягода, Молотов, Бухарин, Сталин, Каменев, Троцкий



И. Сталин «О троцкизме». 1925 г.

И. Сталин «Об оппозиции»

Деятели левой оппозиции. *Сидят:* Л. Серебряков, К. Радек, Л. Троцкий, М. Богуславский, Е. Преображенский; *стоят:* Х. Раковский, Я. Дробнис, А. Белобородов, Л. Сосновский

Карикатура на левых оппозиционеров в журнале «Крокодил»: певец Зиновьев, шарманщик Троцкий, попугай Каменев. Ноябрь 1927 г. Работа художника Константина Елисеева

Л. Троцкий накануне высылки из СССР. Конец 1920-х гг.

Примечания

1

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze: Edizioni Aurora, 1975. С. 657 – 658.

2

Экономическая жизнь. 1923. 1 октября.

3

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 247.

4

Там же. Ед. хр. 519. Л. 1.

5

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 174.

6

Eastman M . Since Lenin Died. London: Labour Publishing Company, LTD, 1925. P. 142 – 143.

7

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923 – 1927: Документы и материалы архивов Троцкого: В 4 т. / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990. [Далее: *Коммунистическая* оппозиция в СССР.] Т. 1. С. 79 – 85.

8

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 175.

9

Петерс Яков Христофорович (1886 – 1938) – латвийский социал-демократ с 1904 г. В 1909 г. эмигрировал. Приехал в Петроград после Февральской революции 1917 г., стал большевиком. Заместитель председателя ВЧК с момента ее создания. Один из практических

руководителей и организаторов большевистского террора. С 1922 г. начальник Восточного отдела ГПУ (затем ОГПУ). С 1930 г. член президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Арестован в ноябре 1937 г. Расстрелян без суда.

10

Центральний державний архів громадських об\'єднань України (далее ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 1640. Арк. 23.

11

Дорошко М. Органи ВУЧК – ГПУ – НКВД у здійсненні контролю над компартійно-державною номенклатурою УСРР у 1920 – 1930-ті роки // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КДБ, 2003. № 1. С. 58.

12

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 103. Л. 2 – 3; Оп. 3. Ед. хр. 384. Л. 3.

13

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Инфодизайн, 1990. С. 63.

14

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 71 – 72.

15

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 183.

16

Там же. № 5. С. 172.

17

Полный текст письма был впервые опубликован в «Известиях ЦК КПСС». (1990. № 5. С. 165 – 173). Отрывки из письма, однако, попали за границу уже вскоре после его написания и были помещены в эмигрантском журнале «Социалистический вестник» (1924. № 11. С. 9 – 10).

18

Троцкий пока еще решительно отказывался признать себя оппозиционером. Наоборот, он отмежевывался от оппозиционных группировок и считал появление таковых опасным признаком.

19

См. подробнее: *Чернявский Г.И., Станчев М.Г.* В борьбе против самовластия. Х.Г. Раковский в 1927 – 1941 гг. Харьков, 1993. С. 61 – 89.

20

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 81.

21

Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 175.

22

Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 176 – 177.

23

Там же. С. 177 – 178.

24

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 83 – 88; Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 189 – 193. Документ не датирован. Публикаторы документа из тогдашнего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС датировали его по содержанию постановления Политбюро от 18 октября, но чем они руководствовались, не ясно, так как в названном постановлении заявление не упоминается вообще (Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 189, 194). Рядом с несколькими подписями стоит одна и та же дата – 11 октября, возле одной подписи – 12 октября.

25

На самом деле под заявлением было собрано 47 подписей, но одна подпись: А. Гольцман – была дана дважды, и не было ясно, идет ли речь об однофамильце или же об

ошибочно поставленной два раза подписи. Вот фамилии подписавшихся в том порядке, как они шли под документом: Е. Преображенский, С.В. Бреслав, Л. Серебряков, А. Белобородов, А. Розенгольц, М. Альский, Антонов-Овсеенко, А. Венедиктов, И.Н. Смирнов, Г. Пятаков, В. Оболенский (Осинский), Н. Муралов, Т. Сапронов, А. Гольцман, В. Максимовский, Л. Сосновский, Данишевский, П. Месяцев, Г. Хоречко, А. Бубнов, А. Воронский, В. Смирнов, Е. Бош, И. Бык, В. Кассиор (Косиор), Ф. Лоцканов, Каганович, Дробнис, А. Коваленко, А.Е. Минкин, В. Яковлева, Б. Эльцин, М. Левитин, И. Полюдов, О. Шмидель, В. Ваганьян, И. Стуков, А. Лобанов, Рафаил, С. Васильченко, Мих. Жаков, А. Пузаков, Н. Николаев, Аверин, М. Богуславский, Ф. Дудник.

26

Воронский Александр Константинович (1884 – 1937) – участник социал-демократического движения с 1904 г., большевик. Подвергался арестам и ссылкам. После 1917 г. являлся одним из ведущих партийных политиков в области художественной литературы и искусства. В 1921 – 1927 гг. редактор журнала «Красная новь», в 1922 – 1927 гг. редактор журнала «Прожектор». Выступал за постепенное привлечение в советскую литературу старых писателей. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии и сослан в Липецк. После покаянного заявления в 1930 г. восстановлен в партии и возвращен в Москву. Работал в Гослитиздате. В 1935 г. арестован. Расстрелян без суда.

27

Сосновский Лев Семенович (1886 – 1937) – социал-демократ с 1904 г., большевик. Неоднократно подвергался арестам. Один из организаторов в 1912 г. в Петербурге большевистской газеты «Правда» и легального большевистского журнала «Вопросы страхования». После 1917 г. занимал различные партийные посты. В 1921 г. являлся заведующим агитпропотделом ЦК РКП(б). В 1918 – 1927 гг. был редактором газеты «Беднота». В 1927 – 1929 гг. – ответственный сотрудник «Правды». Участник объединенной оппозиции в 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии, а затем арестован. В течение более четырех лет находился в тюрьмах. Являлся одним из оппозиционеров, наиболее упорно отстаивавших свои позиции. В 1934 г. заявил об отказе от оппозиционных взглядов, был освобожден, возвращен в Москву и вновь принят в ВКП(б). Работал журналистом. В 1936 г. вновь арестован. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

28

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 174 – 175.

29

Там же. С. 176 – 189.

30

Там же. С. 190.

31

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 167 – 181.

32

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 183 – 185.

33

Здесь и далее в квадратных скобках отмечены уточнения, сделанные авторами книги.

34

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 185 – 187.

35

Там же. С. 188 – 189.

36

Serge V., Sedova-Trotsky N . The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books, Inc. Publishers, 1975. P. 121.

37

Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 2. С. 238.

38

Эта запись Седовой была приведена в мемуарах Троцкого (*Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 240). В книгу мемуаров Н.И. Седовой она включена не была.

39

Сталин так выразился, будто наркомвоенморов было несколько.

40

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1101. Л. 159.

41

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 169 – 171. Полностью этот документ был опубликован в стенографическом отчете XIII партсъезда (XIII съезд Росийской коммунистической партии /большевиков/: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. С. 777 – 780).

42

Правда. 1923. 7 декабря.

43

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 164 – 168.

44

Правда. 1923. 11 декабря.

45

Сталин И. О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого // Правда. 1923. 15 декабря; *Он же.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 5. С. 371 – 387.

46

Правда. 1923. 18 декабря.

47

Правда. 1923. 18 декабря.

48

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1 – 12.

49

Там же. Л. 16 – 18.

50

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1 – 46.

51

Там же. Л. 15.

52

Там же. Л. 63.

53

Каждая В. Тело и дело // Огонек. 2008. № 4. С. 57 – 58.

54

Троцкий Л. Новый курс. М.: Красная новь, 1924.

55

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 6. Л. 19.

56

Там же. Л. 20.

57

Eastman M . Since Lenin Died. P. 93 – 94.

58

В разговоре с Истменом Троцкий характеризовал Сталина как «храброго человека и искреннего революционера» (Ibid. P. 44). Но как иначе мог он говорить о генсеке с иностранцем?

59

Ольминский (настоящая фамилия Александров) Михаил Степанович (1863 – 1933) – участник народнического движения с 1884 г., с 1898 г. – социал-демократ. Неоднократно подвергался арестам и ссылке. С 1903 г. – большевик. Участвовал в издании газет «Звезда» и «Правда». В 1918 – 1920 гг. член редакции «Правды». В 1920 г. выступил в качестве организатора Истпарта и являлся его председателем до 1928 г. Руководил изданием сочинений Ленина и Плеханова, документов по истории российской социал-демократии, мемуаров деятелей революционного движения. Выступал также в качестве литературного критика.

60

РГАСПИ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 28.

61

Троцкий Л. Война и революция. Крушение Второго Интернационала и подготовка Третьего. Пг.: Госиздат, 1922. Т. 1. С. 27.

62

Пролеткульт (Организация пролетарской культуры) возник осенью 1917 г. и вскоре объединил более 200 местных организаций в различных областях искусства, особенно в литературе и театре. К лету 1919 г. к нему примыкало около 100 организаций на местах. В 1920 г. в рядах организации насчитывалось около 80 тысяч человек. Идеологи Пролеткульта А.А. Богданов, А.К. Гастев и другие декларировали, что любое произведение искусства отражает интересы и мировоззрение только одного класса и поэтому непригодно для другого. Следовательно, пролетариату требуется создать свою собственную культуру. По определению Богданова, пролетарская культура – динамичная система элементов сознания, управляющая социальной практикой, которую пролетариат реализует как класс. Идеология Пролеткульта нанесла серьезный ущерб художественному развитию страны, отрицая культурное наследие. Пролеткульт решал две задачи – разрушить старую дворянскую культуру и создать новую, пролетарскую. Если задача разрушения была частично решена, то вторая задача так и не вышла за рамки неудачного экспериментаторства. С критикой Пролеткульта выступил Ленин (в значительной степени его позиция была обусловлена враждебным отношением к Богданову, с которым Ленин столкнулся в конкурентной борьбе за руководство большевистской фракцией после революции 1905 – 1907 гг.), и с 1922 г. деятельность организации стала замирать. Вместо единого Пролеткульта теперь создавались отдельные, самостоятельные объединения «пролетарских» писателей, художников, музыкантов, театроведов.

63

Троцкий Л. Вопросы быта. М.: Красная новь, 1923.

64

Sinclair L. Trotsky. A Bibliography. 2 vol. Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. Vol. 1. P. 1306.

65

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 21. Проблемы культуры. Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 453 (примеч. 1).

66

Троцкий Л. Вопросы быта. С. 3 – 12.

67

Павлов Иван Петрович (1849 – 1936) – физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. Разработал метод условных рефлексов, широко вошедший в мировую науку. Лауреат Нобелевской премии 1904 г. Академик с 1907 г.

68

Правда. 1923. 24 ноября; *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 21. С. 257 – 268.

69

Съезд проходил в Москве 23 – 27 ноября 1923 г. Участвовали 128 профессоров, преподавателей вузов и научных работников, избранных своими профессиональными

организациями. Съезд носил подчеркнуто беспартийный характер.

70

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923.

71

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Госиздат, 1924. Во второе издание была включена речь на совещании по вопросам литературы в ЦК 9 мая 1924 г.

72

Sinclair L . Trotsky. A Bibliography. Vol. 1. P. 1245 – 1246.

73

Авербах Леопольд Леонидович (1903 – 1939) – член ВКП(б) с 1919 г., активный участник коммунистического юношеского движения. В 1919 г. вошел в ЦК РКСМ. В 1922 – 1924 гг. редактировал журнал «Молодая гвардия», в 1924 – 1925 гг. вел партийную работу на Урале. В последующие годы проявлял себя в основном как литературный критик и чиновник в области литературы. Родственник Я.М. Свердлова и шурин Г.Г. Ягоды. В 20 – 30-х гг. был одним из лидеров группы «На посту» и редактором одноименного журнала. В 1925 г. составил «Апрельские тезисы», в которых причиной кризиса в литературе объявил «переход отдела печати ЦК от недоброжелательного нейтралитета к враждебным выступлениям против напостовцев». В 1926 г. выступил в журнале «Большевик» с заявлением об обострении классовой борьбы в культуре. Отношения Авербаха с Троцким были сложными, о чем свидетельствует позитивное предисловие Троцкого к книге Авербаха, с одной стороны, и резкое его осуждение на совещании в ЦК в 1924 г. – с другой с 1926 г. Авербах активно выступил против Троцкого (и позже был обвинен в том, что создавал видимость крикливой, непримиримой вражды с Троцким). В группе «На посту» Авербах пытался утвердить личную диктатуру, выступая с нападками на многих писателей, объявляя их «попутчиками». Его сатирический образ представлен в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова – в качестве одного из наиболее агрессивных литературных критиков. Авербах способствовал появлению поэмы Д. Бедного «Слезай с печи», после чего выдвинул лозунг «одемьянивания» литературы. В 1937 г. Авербах был арестован, а его группа объявлена троцкистской. Сам Авербах был приговорен к смертной казни и расстрелян.

74

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 157.

75

Правда. 1923. 26 июля.

76

Гинзбург Л. Претворение опыта. Рига: Новая литература, 1991. С. 146.

77

Гинзбург Л. Записи 20 – 30-х годов. Из неопубликованного // Новый мир. 1992. № 6. С. 147.

78

Константинов С. Троцкий, Федор Сологуб и журнал «Крокодил» // Независимая газета. 2000. 12 января.

79

Правда. 1927. 12 января.

80

В 2001 г. по российскому государственному телеканалу РТР был показан 40-минутный «документальный» фильм В. Мирзояна «Кровь и слово», в котором преподносится бездоказательная, фальшивая версия об убийстве Есенина в результате «еврейского заговора», направлявшегося Троцким. Через несколько лет, в 2005 г., российское государственное телевидение (Первый канал) преподнесло зрителям многосерийный (11 серий), теперь уже художественный фильм «Есенин» (по роману В. Безрукова), в котором проводится эта же самая, столь же никак не обосновываемая злобная версия. В обоих фильмах Троцкий предстает как «гений зла» и в то же время всячески возвеличивается

Сталин.

81

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 101 – 102.

82

Там же. С. 83.

83

Рассказ Пильняка «Иван-да-Марья» был запрещен к печатанию Главлитом (цензурой), дело дошло до Политбюро, которое подтвердило запрет (Из переписки А.В. Луначарского и П.И. Лебедева-Полянского // De Visu. 1993. № 10 (11). С. 19; *Константинов С.* Троцкий, Федор Сологуб и журнал «Крокодил»).

84

Троцкий Л. Литература и революция. С. 78.

85

De Visu. 1993. № 10. С. 19.

86

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 81, 175, 341, 343.

87

Полонский (настоящая фамилия Гусин) Вячеслав Павлович (1886 – 1932) – социал-демократ с 1905 г., меньшевик. С 1919 г. большевик. Литературный критик, редактор, журналист, историк. Автор работ о М.А. Бакунине. Редактор журналов «Печать и революция» (1921 – 1929) и «Новый мир» (1926 – 1931).

88

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Ед. хр. 195. Л. 52.

89

Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 193 – 194.

90

Там же. С. 251.

91

Грамши Антонио (1891 – 1937) – итальянский политический деятель. Окончил филологический факультет Туринского университета. Член Социалистической партии с 1915 г. Во время Первой мировой войны стал руководителем Туринской организации партии, выступал против войны и за раскол партии путем создания левой политической организации. Был инициатором образования Итальянской коммунистической партии в 1921 г. В 1922 – 1924 гг. представлял партию в Исполкоме Коминтерна и жил в Москве. В 1924 г., то есть уже после фашистского переворота, происшедшего в октябре 1922 г., возвратился в Италию и был избран в парламент. Резко критиковал фашистскую власть и лично Б. Муссолини. В 1926 г. арестован, в 1928 г. приговорен к 20 годам заключения (затем срок был сокращен до 11 лет). В тюрьме написал «Тюремные тетради» – заметки по истории, философии, культуре. В целом поддерживал сталинский СССР и выступал против Троцкого, но критиковал крайности сталинизма, а в 30-х гг. подверг критическому анализу тоталитаризм (не называя СССР). Освобожден из тюрьмы в 1937 г. по истечении срока заключения; вскоре умер от инсульта.

92

Троцкий Л. Литература и революция. С. 116 – 118.

93

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 77.

94

Печать и революция. 1923. № 7. С. 1 – 16.

95

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1 – 19; Печать и революция. 1924. № 3. С. 1 – 14.

96

Журнал «На посту» (1923 – 1925) являлся критико-теоретическим органом Российской

ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Сгруппировавшиеся вокруг него писатели проявляли явно нигилистическое отношение к классическому наследию, к непролетарским писателям, которые с легкой руки Троцкого стали называться «попутчиками».

97

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 504. Л. 1 – 2.

98

Сарнов Б. Случай Эренбурга. М.: Эксмо, 2006. С. 55.

99

Bednyi D . Die Hauptstrasse. Wien: Verlag für Literatur und Politik, 1924.

100

Правда. 1923. 7 июня. Курсив – наш. «Стальной союзник» – это союзник, единомышленник Сталин.

101

Бонч-Бруевич В. Покушение на В.И. Ленина в Москве 30-го августа 1918 года. (По личным воспоминаниям). М., 1924. С. 14. Впервые опубликовано 7 ноября 1923 г. в ноябрьско-декабрьском номере журнала «Молодая гвардия».

102

Троцкий Л. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991. С. 54.

103

Из письма Д. Бедного Л. Троцкому от 15 июля 1920 г. Цит. по ст.: *Писатель* на ночном горшке. Д. Бедный и квартирный вопрос // Аргументы и факты. 1996. Август. № 34. С. 9.

104

Безыменский А. Как пахнет жизнь. М., 1924; *Он же* . Комсомолия. М., 1924. Сам же поэт, являвшийся еще со времен Гражданской войны поклонником Троцкого, назвал в его честь своего сына. Лев Александрович Безыменский стал через много лет одним из известных российских специалистов по истории нацистской Германии и Второй мировой войны.

105

Правда. 1924. 17 ноября.

106

Хрущев Н.С. Время, люди, власть. (Воспоминания). Кн. 1. М.: Московские новости, 1999. С. 57.

107

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 21. С. 345 – 346.

108

Протоколы допросов И.Э. Бабеля 29, 30, 31 мая, 3 октября 1939 г. // Архив ФСБ РФ. Без выходных данных. В протоколах дата встречи обозначена как 1924 г., хотя поэма «Дума про Опанаса» была написана в 1926 г. Либо встреча состоялась все-таки в 1926 г., либо Багрицкий в 1924 г. читал другое свое произведение.

109

Шуплов А. Смеясь, он дожил до 103 лет // Российская газета. 2003. 27 сентября.

110

Троцкий Л. Мой побег из Сибири. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. С. 3 – 4.

111

Троцкий Л. Сотрудникам и читателям «Молодой гвардии» // Правда. 1923. 6 июня; *Он же.* Письмо в редакцию «Молодой гвардии» // Правда. 1924. 14 мая; *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 21. С. 213 – 215, 216.

112

Красная звезда. 1924. 11 мая; *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 21. С. 219 – 235.

113

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 21. С. 354 – 355.

114

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 1.

115

Там же. Ед. хр. 396. Л. 1, 2, 12 и др.

116

Чуковский К. Дневник 1901 – 1929. М.: Современный писатель, 1996. С. 238.

117

Чуковский К. Дневник 1901 – 1929. М.: Современный писатель, 1996. С. 501.

118

Там же. С. 292.

119

Там же. С. 76.

120

Анненков Юрий Павлович (1889 – 1974) – русский и французский живописец и график, художник театра и кино. Оформитель книг. В первые годы большевистской власти написал в модернистском стиле ряд портретов советских лидеров. В 1924 г. эмигрировал. Жил во Франции. В 1925 г. основал Общество художников-станковистов. Автор многочисленных портретов в плоскостной манере со свободными пятнами и контурами. Автор мемуаров.

121

Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 260 – 285.

122

Golomstock I. Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China. New York: Icon Edition, 1990. P. 73.

123

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 130 – 131.

124

Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919 – 1939. New York: Oxford University Press, 1990. P. 189.

125

Документацию об этой высылке см. в: *Очистим* Россию надолго / Публ. А.Н. Артизова / Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65 – 96.

126

Стронг Анна Луиза (1885 – 1970) – американская журналистка прокоммунистической направленности, автор многих книг и статей с восхвалениями СССР и коммунистического Китая. В 1949 г. по указанию Сталина была выслана из СССР как «американская шпионка», по возвращении в США подвергалась преследованиям, на этот раз как советский агент. С начала 50-х гг. до конца жизни проживала в Китае. Активно поддерживала политику Мао Цзэдуна, в частности в период так называемой «культурной революции», участвовала в кампании чисток, а также в акциях хунвейбинов, несмотря на весьма пожилой возраст.

127

Известия. 1922. 30 августа.

128

Вскоре Стронг опубликовала в США книгу «Впервые в истории», в основном посвященную первым годам НЭПа в России, для которой Троцкий написал весьма комплиментарное предисловие (*Strong A.L* . First Time in History. Two Years of Russia's New Life. New York: Boni & Liveright, 1924). Автор предисловия особенно хвалил «мисс Стронг» за то, что она не утаивала трудностей и «темных пятен», характерных для этого периода. Стронг со своей стороны не жалела хвалебных слов для Троцкого, который в течение ряда лет оставался ее кумиром. Особенно она одобряла запрет производства крепких спиртных напитков, рьяным сторонником которого был Троцкий.

129

Троцкий Л. Сочинения. Т. 21. С. 423 – 446.

130

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М.: Наука, 1998. С. 257 – 261.

131

Там же. С. 262 – 264.

132

The Trotsky's Papers. 1917 – 1922. Edited and annotated by Jan M. Meijer // The Hague: Mounton & Co, 1964. Vol. 2. P. 462. Росмер, который в своих воспоминаниях упоминал этот эпизод, рассказывал, что после вмешательства Троцкого бытовые проблемы были быстро решены (*Rosmer A.* Moscou sous Lénine. Les origines du communisme. Paris: Horay, 1953. P. 172 – 173).

133

Моризэ А. У Ленина и Троцкого. М., 1921. С. 62, 97, 106.

134

Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М.: Госиздат, [1924]. С. 138 – 196.

135

Леви Пауль (1883 – 1930) – деятель социал-демократического и коммунистического движения Германии, по профессии юрист. Социал-демократ с 1906 г. Во время Первой мировой войны был одним из организаторов левой группы «Спартак» (затем Союз Спартака). С января 1919 г. коммунист. С марта 1919 г. председатель компартии. Участвуя во II конгрессе Коминтерна (1920), выступил против авантюристического курса компартий, чреватого, по его мнению, их поражением. В феврале 1921 г. вышел из ЦК партии в знак протеста против «политики наступления», проводимой большинством в партийном руководстве. В апреле того же года исключен из партии и вскоре после этого возвратился в Социал-демократическую партию. Был депутатом рейхстага. Погиб при невыясненных обстоятельствах – выпал из окна.

136

Тальгеймер Август (1884 – 1948) – деятель германского социалистического и коммунистического движения. Социал-демократ с 1910 г. Один из основателей группы «Спартак» во время Первой мировой войны. С начала 1919 г. коммунист. В 1919 – 1923 гг. редактор центрального печатного органа компартии газеты «Роте фане». Один из руководителей подготовки вооруженного восстания в 1923 г., продиктованного Коминтерном и большевистским руководством. После неудачи этого курса отозван в Москву. Был подвергнут критике как «правый оппортунист». Работал в Коминтерне и преподавал в его учебных заведениях. В 1928 г. возвратился в Германию и вместе с Г. Брандлером основал вначале оппозиционную фракцию в компартии, а затем, после исключения из ее состава, оппозиционную компартию. Поддерживал связь с Троцким, но к руководимым им организациям не присоединился. В 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1939 г. был интернирован, но в 1941 г. освобожден и выехал на Кубу, где жил, не участвуя в политической деятельности.

137

Рейтер (в период пребывания в компартии имел псевдоним Фрисланд) Эрнст (1889 – 1953) – германский политический деятель. С 1912 г. социал-демократ. Находясь в русском плену во время Первой мировой войны, примкнул к большевикам. В 1918 г. являлся комиссаром Республики немцев Поволжья. В 1919 г. возвратился в Германию и стал членом компартии. Выступив против курса на вооруженное восстание в 1921 г., Рейтер покинул партию и через некоторое время возвратился к социал-демократам. В 1931 – 1933 гг. был обер-бургомистром Магдебурга, в 1932 – 1933 гг. – депутат рейхстага. После прихода нацистов к власти был арестован и отправлен в концлагерь, где подвергался пыткам. Освобожден по настоянию международной общественности. Бежал в Великобританию, затем проживал в Турции. После Второй мировой войны возвратился в Германию. В 1947 г. был избран бургомистром Берлина, но реально возглавил администрацию западных оккупационных зон города. Занимал этот пост до своей смерти.

138

The Trotsky Papers. Vol. 2. P. 466, 468, 470.

139

Тельман Эрнст (1886 – 1944) – германский коммунистический деятель. В 1903 – 1917 гг. член Социал-демократической партии, в 1917 – 1920 гг. – Независимой социал-демократической партии. С 1920 г. коммунист. Один из организаторов попытки коммунистического восстания в Гамбурге в октябре 1923 г. В 1924 – 1943 гг. кандидат, затем член Исполкома Коминтерна, член его Президиума. С 1925 г. председатель компартии Германии. Один из виднейших ставленников Сталина в европейском коммунистическом движении. В 1933 г. Тельман был арестован гитлеровцами. В августе 1944 г. убит в концлагере Бухенвальд.

140

Кун Бела (1886 – 1938) – венгерский социалистический и коммунистический деятель. Социал-демократ с 1902 г. Будучи военнослужащим австро-венгерской армии во время Первой мировой войны, попал в русский плен в 1916 г., где присоединился к большевикам. В 1918 г. был инициатором создания венгерской группы РКП(б). Участвовал в Гражданской войне. В ноябре 1918 г. возвратился в Будапешт. Являлся одним из учредителей Венгерской коммунистической партии, а затем объединенной Социалистической партии, в состав которой вошли также социал-демократы. Объединенная партия провозгласила создание в марте 1919 г. Венгерской советской республики, в правительстве которой Кун занимал пост комиссара иностранных дел, но фактически руководил всей системой власти. После разгрома Советской республики бежал в Австрию, где был интернирован, но вскоре освобожден и отправился вновь в Россию. Осенью 1920 г. был назначен председателем Крымского ревкома и был одним из главных виновников (вместе с Р.С. Землячкой) массовых бессудных расстрелов белых офицеров, оставшихся в Крыму после эвакуации армии генерала Врангеля в Турцию. С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна, выполняя многочисленные зарубежные миссии. В 1930-х гг. был переведен на работу в Гослитиздат и, таким образом, лишен политического влияния. Арестованный во время Большого террора, был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

141

Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев, по оценке Троцкого, «говорил примирительно, осторожно и вполне лояльно» (The Trotsky’s Papers. Vol. 2. P. 472).

142

Ibid. P. 470, 472, 474.

143

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919 – 1932. М.: Партиздат, 1933. С. 166.

144

Там же. С. 186.

145

The Trotsky’s Papers. Vol. 2. P. 582, 584.

146

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Комитерна. 1919 – 1923. М.: РОССПЭН, 1997. С. 38.

147

IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября – 3 декабря 1922 г. Избранные доклады, речи и резолюции. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 74 – 111; *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 302 – 345. Тезисы доклада, одобренные конгрессом, см.: Там же. С. 346 – 356.

148

The Trotsky Papers. Vol. 2. P. 760, 762, 764.

149

IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. С. 317 – 354.

150

Коммунистический Интернационал в документах. С. 350 – 353.

151

Там же. С. 353 – 356.

152

Бордига Амедео (1889 – 1970) – деятель итальянского социалистического и коммунистического движения. В 1919 – 1920 гг. был лидером абстенционистов (бойкотистов), призывавших к отказу социалистов от использования парламентских форм деятельности. В 1921 г. при основании компартии стал ее генеральным секретарем и фактически продолжал абстенционистский курс. В 1923 г. был отстранен Коминтерном от руководства партией. После эмиграции Л.Д. Троцкого краткое время сотрудничал с ним, но затем произошел разрыв. В 1930 г. Бордига был исключен из компартии. После Второй мировой войны он попытался возобновить политическую деятельность, основав Интернациональную коммунистическую партию, не получившую сколько-нибудь значительного влияния.

153

Серрати Джачинто Менотти (1872, по другим сведениям 1876 – 1926) – итальянский социалистический деятель. Член социалистической партии с 1892 г. Возглавлял максималистскую (центристскую) фракцию. В 1914 – 1922 гг. редактор партийной газеты «Аванти!». После образования компартии в 1921 г. выступал за слияние с ней социалистической партии. В 1924 г. стал членом компартии и был избран в состав ее ЦК.

154

The Trotsky Papers. Vol. 2. P. 768, 770.

155

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Организационная структура Комитерна. С. 65.

156

В конце 1922 – начале 1923 г. 30 типографий по всей Германии круглосуточно печатали бумажные денежные знаки. Инфляция развивалась катастрофическими темпами – примерно 10% в час. В январе 1923 г. один американский доллар стоил 4,2 миллиарда немецких марок (*Lowenstein H.* Deutsche Geschichte von den Anfängn bis zur jüngsten Gegenwart. München: Herbig, 1982, S. 544).

157

Brockdorf-Rantzau U . Dokumente und Gedenken um Versailles. Berlin: Verlag für Kulturpolitik, 1925. S. 208.

158

Зиновьев, однако, следил не только за международными делами, но и за поведением Троцкого и продолжал плести интриги. 31 июля он доносил Сталину: «Тут был на днях Раковс[кий]. Приезжал к Троцкому. К нам не заходил. Украину, по-моему, надо серьезно укрепить новыми крупн[ыми] людьми» (*Политбюро* ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919 – 1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 159).

159

« *Назначить* революцию в Германии на 9 ноября» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 115.

160

Брандлер Генрих (1881 – 1967) – член Социал-демократической партии Германии с 1901 г. Был близок к К. Либкнехту. Во время Первой мировой войны присоединился к левой группе «Спартак». В 1916 г. был исключен из партии. Участвовал в Циммервальдской конференции социалистов, выступавших против войны (1915). Присоединился к компартии в момент ее основания на рубеже 1918 – 1919 гг. С 1919 г. член ЦК. В 1921 г. стал председателем компартии. С 1922 г. являлся членом Президиума Исполкома Коминтерна. В

1923 г. возглавил подготовку коммунистического вооруженного выступления в общегерманском масштабе. Был министром коалиционного правительства в Саксонии. После провала коммунистического путча в Гамбурге в октябре 1923 г. по требованию Коминтерна был снят с руководящих постов, но в апреле 1924 г. вновь избран в ЦК. В марте 1925 г. опять был лишен постов в партии. Уехал в Москву, где работал в центральном аппарате Коминтерна. В марте 1927 г. возвратился в Германию, где вместе с А. Тальгеймером организовал в компартии оппозиционную фракцию. В начале 1929 г. исключен из партии. Руководил группой исключенных коммунистов, образовавших оппозиционную компартию. Сотрудничал с Троцким, но вскоре порвал с ним. В 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. на Кубу. В 1948 г. возвратился в Западную Германию. Жил в Гамбурге.

161

Это была уже вторая встреча с ведущими немецкими коммунистами в Москве. Первая состоялась в мае, и в ней участвовали с германской стороны Г. Брандлер, Э. Тельман, А. Маслов, П. Бетчер и Р. Фишер, а с русской – Троцкий, Радек, Бухарин и Зиновьев. На этой встрече были осуждены «правые», и от германской компартии советское правительство потребовало решительной борьбы за власть (*Fischer R.* Stalin and German Communism. A Study in the Origins of the State Party // Cambridge: Harvard University Press, 1948. P. 260).

162

The Communist International 1919 – 1943: Documents / Selected and edited by *Degras J.* London: Oxford University Press, 1960. Vol. 2. P. 17.

163

« *Назначить* революцию в Германии на 9 ноября». С. 117 – 118.

164

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 2.

165

« *Назначить* революцию в Германии на 9 ноября». С. 122 – 124.

166

Там же. С. 124. Косвенным напоминанием о необходимости установить «календарный план» германской революции была статья Троцкого «Можно ли контрреволюцию или революцию сделать в срок?», опубликованная в «Правде» 23 сентября 1923 г.

167

« *Назначить* революцию в Германии на 9 ноября». С. 118 – 119.

168

« *Назначить* революцию в Германии на 9 ноября». С. 130.

169

РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004. С. 205. Тем не менее в письме Склянскому от 25 августа Троцкий требовал развернуть работу в армии в том смысле, что «германские трудящиеся массы несомненно справятся с фашистами и создадут свою трудовую республику». Возможна, однако, интервенция со стороны Франции, Польши и других стран, что было бы только вступлением к удару по СССР. Поэтому надо практически готовиться к наступлению (*Политбюро* ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 168).

170

Там же. С. 182 – 184.

171

« *Назначить* революцию в Германии на 9 ноября». С. 138.

172

Знание – сила. 1989. № 7. С. 84.

173

Fischer R . Stalin and German Communism. P. 321 – 323.

174

Фишер Рут (настоящие фамилия и имя Эйслер Эльфрида) (1895 – 1961) – австрийская, а затем германская коммунистическая деятельница. Активно участвовала в создании компартии Австрии в 1918 г. В 1919 г. переехала в Германию. В 1921 г. вместе с Аркадием Масловым возглавила берлинскую партийную организацию. Оба они стали лидерами левого крыла партии, подвергая резкой критике партийное руководство, особенно после провала коммунистического вооруженного выступления в 1923 г. В 1924 – 1925 гг. совместно с Масловым Фишер возглавляла компартию. В 1926 г. поддержала объединенную оппозицию в ВКП(б) и по требованию руководства Коминтерна была исключена из партии. Являлась инициатором создания коммунистической организации Ленинбунд, вначале сотрудничавшей с Троцким. В 1929 г. попыталась возвратиться в компартию, но после отказа отошла от политической деятельности. В 1933 г. эмигрировала во Францию, где вновь недолгое время поддерживала связь с Троцким. В 1941 г. выехала на Кубу, а затем в США. Занималась изучением истории коммунистического движения. В 1948 г. выпустила книгу «Сталин и германский коммунизм». Позже возвратилась в Западную Германию, где опубликовала несколько политологических работ.

175

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 177.

176

Боярчиков А.И. Воспоминания. М.: АСТ, 2003. С. 1121 – 1124.

177

Л. Рейснер, непосредственно участвовавшая в гамбургских боях, по возвращении в Москву написала книгу очерков об этом восстании (*Рейснер Л.* Гамбург на баррикадах. М.: Новый мир, 1924).

178

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 415. Л. 25 – 27.

179

РКП(б). Внутрипартийная борьба… С. 237.

180

Коминтернът и България (март 1919 – септември 1944 г.). София: Главно управление на архивите при Министерския съвет на РБ, 2005. Т. 1. С. 254.

181

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 2. Л. 12 – 14; *Коминтернът* и България… Т. 1. С. 255 – 256.

182

Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 207 – 208.

183

Знамя. 1990. № 3. С. 140.

184

Вопросы истории. 1989. № 2. С. 92.

185

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919 – 1929. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. С. 260.

186

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919 – 1929. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. С. 263.

187

Беленький Абрам Яковлевич (1882 или 1883 – 1941) – социал-демократ с 1902 г. В 1904 г. эмигрировал во Францию. Учился в большевистской школе в Лонжюмо, руководимой Лениным. В 1917 г. возвратился в Россию. С декабря 1917 г. работал во Всероссийской чрезвычайной комиссии, где занимал ответственные посты (комиссар по вопросам типографий, сотрудник отдела борьбы против должностных преступлений). С 1921 г. был ответственным за охрану высшего руководства РСФСР (затем СССР). С 1930 г.

особоуполномоченный при председателе ОГПУ (с 1934 г. при наркоме внутренних дел). Отвечал за расследование личных дел сотрудников ОГПУ (НКВД). В 1938 г. снят с работы и арестован. Приговорен к пяти годам заключения. В 1941 г. вновь приговорен, на этот раз к смертной казни, и расстрелян.

188

Лакоба Нестор Аполлонович (1893 – 1936) участвовал в социал-демократическом движении с 1912 г. Вел партийную работу в Аджарии, Абхазии, затем на Северном Кавказе. В 1918 г. был заместителем председателя Сухумского военно-революционного комитета. В конце 1918 г. меньшевистским правительством заключен в тюрьму в г. Сухуми, весной 1919 г. выслан за пределы Грузии. Председатель Совета народных комиссаров Абхазии (1922 – 1930), а затем председатель ЦИКа Абхазии (1930 – 1936). В декабре 1936 г. неожиданно умер (ряд исследователей считают, что он был отравлен Л.П. Берией). Ему устроили торжественные похороны в Сухуми, но позднее Лакоба был объявлен «врагом народа». Его обвинили, в частности, в том, что в 1929 г. он помог Л. Троцкому «бежать из Сухуми в Турцию», хотя Троцкий был официально выслан в эту страну, что было хорошо известно. Все члены семьи Лакобы были репрессированы.

189

Hoover Institution Archives, N. Lakoba Collection; *Rayfield D* . Stalin and His Hanchmen. New York: Random House, 2004. P. 95 – 96.

190

Первая статья появилась в «Правде» 28 декабря 1923 г.

191

Огонек. 1989. № 51. С. 17.

192

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1 – 25.

193

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 6. С. 11, 27 – 45.

194

Там же. С. 35.

195

Хрущев Н.С. Время, люди, власть. Кн. 1. С. 27.

196

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 249. Троцкий в своих воспоминаниях приводил выдержки из мемуаров Н.И. Седовой.

197

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 77.

198

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 250.

199

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 75.

200

Правда. 1924. 30 января; *Сталин И.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 6. С. 46 – 51.

201

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 88.

202

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 253. Младший сын Сергей все дальше отходил от политики – он вначале увлекался спортом, акробатикой, даже собирался стать цирковым артистом. Сергей допускал подчас экстравагантные выходки. Однажды советскому полпреду в Великобритании Раковскому сообщили, что на советском корабле в качестве юнги в Лондон прибыл без заграничного паспорта сын Троцкого Сергей. Юноша, разумеется, очень хотел сойти на берег. Полпреду не стоило больших усилий договориться с чиновниками

британского министерства иностранных дел о том, чтобы Сергею разрешили в порядке исключения пребывание в Лондоне в течение нескольких дней. Позже Сергей поступил в Московский механический институт, где успешно учился, а по окончании занялся теплотехникой, став известным специалистом в этой области.

203

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 107.

204

Воспоминание И.Я. Врачева, записанные Г.И. Чернявским 20 февраля 1990 г.

205

Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее ГДА СБУ). Од. зб. 33104 фп. Т. 1. Арк. 38 – 39.

206

Фрунзе Михаил Васильевич (1885 – 1925) – советский партийный, государственный и военный деятель. Социал-демократ с 1904 г., большевик. Подвергался арестам и ссылкам. В период Гражданской войны командовал армиями и фронтами. С 1920 г. командующий вооруженными силами Украины и Крыма, с 1922 г. заместитель председателя Совнаркома Украины. В 1924 – 1925 гг. заместитель наркома, а затем нарком по военным и морским делам СССР. Умер после операции, которая, по мнению современных специалистов, не являлась необходимостью. Ряд авторов высказывает мнение, что Фрунзе был убит врачами по приказу Сталина.

207

Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924 – 1925). М.: Воениздат, 1958. С. 60 – 62.

208

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 17.

209

Залуцкий Петр Антонович (1887 – 1937) – социал-демократ с 1907 г. Вначале был близок к меньшевикам, с 1911 г. большевик. С 1916 г. – сотрудник Русского бюро ЦК РСДРП. В октябре 1917 г. – член Петроградского военно-революционного комитета. В годы Гражданской войны занимал политические посты в Красной армии. В 1922 г. – секретарь Уральского губкома партии. Затем секретарь Петроградского (Ленинградского) горкома партии. Участник оппозиционной группы Зиновьева и Каменева в 1925 г. Член объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии, но уже летом 1928 г. восстановлен после покаянного заявления. Занимал хозяйственные посты на периферии. В 1934 г. управляющий трестом Строймашина. В декабре 1934 г. арестован и затем приговорен к пятилетнему заключению за «соучастие» в убийстве С.М. Кирова. В январе 1937 г. приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР и казнен.

210

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 16.

211

Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза; Эксмо, 2004. С. 317.

212

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879 – 1938) – социал-демократ с 1900 г. Участвовал в деятельности польской, затем российской социал-демократии. С 1921 г. заместитель председателя ВЧК, затем ОГПУ. В 1925 – 1930 гг. заместитель наркома по военным и морским делам. В 1933 – 1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

213

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 253.

214

В дополнение к назначению в Москву Ворошилов решением Политбюро был также назначен членом Президиума Реввоенсовета Республики (*Политбюро* ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 328).

215

Троцкий Л. Что и как произошло? Шесть статей для мировой буржуазной печати. Париж, 1929. С. 35.

216

Бухарин Н.И. Ленин как марксист. Л.: Госиздат, 1925. С. 3 – 5, 17.

217

Buranov Iu. Lenin's Will: Falsified and Forbidden: From the Secret Archives of the Former Soviet Union. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1994. P. 81 – 82.

218

Ibid. P. 82.

219

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 268 – 269.

220

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 106.

221

Там же.

222

Некоторыми делегатами, по всей видимости, требование не делать записи и не разглашать происходившее нарушалось. Во всяком случае, слухи о «ленинском завещании» стали сразу же циркулировать в Москве, а затем и в других городах. Секретарь Зиновьева Пикель докладывал своему шефу 4 июня: «Вчера только один беспартийный спрашивал меня, верно ли то, что на съезде оглашалось письмо Ильича с характеристикой членов ЦК, причем отдельные фразы его пересказа вполне соответствуют тексту! В вузовских ячейках говорят об этом вдоль и поперек, конечно, с чудовищными извращениями и нелепицей» (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 41).

223

Каганович Лазарь Моисеевич (1893 – 1991) – участник революционного движения в России, член большевистской фракции с 1911 г. С 1924 г. член ЦК РКП(б), с 1930 г. член Политбюро ЦК. Будучи одним из ближайших сподвижников Сталина, занимал многочисленные ответственные посты в государственном аппарате, являлся одним из основных проводников террористического курса. В 1925 – 1928 гг. генеральный секретарь компартии Украины. В 1957 г. в результате внутренней борьбы в руководстве КПСС был снят со всех постов как участник «антипартийной группы», в 1961 г. исключен из КПСС. Последние годы жизни проживал в Москве в качестве персонального пенсионера. Автор малосодержательных мемуаров «Памятные записки», фактически пересказывавших сталинский краткий курс истории ВКП(б) (опубликованы посмертно).

224

Каганович Л.М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996. С. 360.

225

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. С. 146 – 159.

226

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. С. 229 – 237.

227

Тринадцатый съезд РКП(б). С. 184 – 194, 163 – 165, 224 – 225. В том же духе, но несколько более осторожно на пленуме Харьковского губкома партии 18 июня 1924 г. секретарь губкома К.О. Киркиж объяснял появление в партии оппозиции давлением «новой буржуазии». Не называя Троцкого по фамилии, он заявлял, что оп позиция существует «в скрытом виде, среди нее находятся тонкие политики» (Державний архів Харківської області Республіки України. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 1094. Арк. 56).

228

Там же. С. 251.

229

Дискуссия 1923 года; Материалы и документы. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 138. «Что 46 стояли за группировки – это общеизвестно, – сказал Зиновьев. – Разве вы не помните, как тов. Крыленко, наш первый помощник верховного прокурора республики, требовал в печати, чтобы была юридическая формулировка, что такое фракция и что такое группировка (*смех*), ибо без этого вообще нечего-де говорить о демократии. Я думаю, советские юристы могли бы найти занятие более полезное, чем это. Мы не нуждаемся в юридических формулировках» (Там же).

230

Об этом рассказали Троцкому, и он зафиксировал возникшую полемику между Зиновьевым и Сталиным в своем письме Луначарскому, написанном в марте 1926 г., в ответ на письмо Луначарского от 3 марта. Зиновьев заявил тогда: «После того, что сказано обо мне [о Троцком], нельзя было оставлять меня [Троцкого] в Центральном комитете» (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242. Арк. 5).

231

Тринадцатый съезд РКП(б). С. 591.

232

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 244 – 245.

233

Троцкий Л. Ленин как национальный тип. Л.: Госиздат, 1924.

234

Там же. С. 5.

235

Там же. С. 7 – 8.

236

Троцкий Л. Ленин как национальный тип. Л.: Госиздат, 1924. С. 8.

237

Троцкий Л.Д. О Ленине: Материалы для биографа. М.: Госиздат, 1924.

238

Эта часть была выпущена с небольшими изменениями отдельной брошюрой, датированной 5 марта 1924 г., в предисловии к которой Троцкий писал о свойствах собственной памяти: «Я очень плохо запоминал расположение городов и даже квартир… Долгое время я очень плохо запоминал человеческие лица, но в этом смысле я сделал весьма значительные успехи. Зато я очень хорошо запоминал и запоминаю идеи, их сочетание и беседы на идейные темы. Что эта оценка не субъективна, я имел возможность убедиться путем проверки много раз; другие лица, присутствовавшие при той же беседе, что и я, передавали ее нередко менее точно, чем я, и принимали мои поправки» (*Троцкий Л.Д.* Ленин и старая «Искра». М.: Госиздат, 1924. С. 5). Аналогично оценивал Троцкий свойства своей памяти и в написанных позже мемуарах (*Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 9).

239

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 43.

240

Первый среди равных (*лат* .).

241

Печать и революция. 1924. № 4. С. 162.

242

Красная новь. 1924. № 4. С. 341 – 343.

243

Квиринг Э. Ленин, заговорщичество, Октябрь. М.: Госиздат, 1924.

Квиринг Эммануил Ионович (1888 – 1937) – социал-демократ с 1911 г., с 1912 г. большевик. В 1913 – 1914 гг. секретарь большевистской фракции 4-й Государственной думы.

В 1914 г. выслан в г. Екатеринослав. В 1917 – 1918 гг. председатель Екатеринославского комитета большевиков и председатель местного совета. Во время Гражданской войны на военно-политической работе. В 1923 – 1925 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Украины. Затем работал заместителем председателя Госплана СССР, заместителем наркома путей сообщения СССР. В 1934 – 1937 гг. – директор Экономического института Коммунистической академии. Арестован во время Большого террора, приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

244

Так в тексте. См.: *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2002. С. 140.

245

Решение об отпуске Троцкого было принято Политбюро 24 июля (*Политбюро* ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 314).

246

Эльцин Виктор Борисович (1900 – 1937) – сын Б.М. Эльцина. Активно участвовал в установлении большевистской власти. В 1918 г., несмотря на юный возраст, был председателем Вятского губисполкома. Позже – член редколлегии собрания сочинений Троцкого. Участник объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и сослан. В следующие годы подвергался арестам. Расстрелян во время Большого террора.

247

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 27, 29.

248

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 388; *Работы Л.Д.* Троцкого в фондах Библиотеки Академии наук СССР. СПб., 1991. С. 57 – 58.

249

«Издание было пресечено на полном ходу», – писал Троцкий Рязанову (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 5).

250

Старцев В.И. Второй раунд смертельной схватки // Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Лениздат, 1991. С. 38.

251

Старцев В.И. Второй раунд смертельной схватки // Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Лениздат, 1991. С. 48.

252

Каменев Л.Б. Партия и троцкизм. (Уроки партийной истории). М.; Л: Госиздат, 1924; *Он же.* Ленинизм или троцкизм // Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). С. 126 – 189.

253

Сталин И. Троцкизм или ленинизм? // Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). С. 190 – 212; *Сталин И.* Сочинения. Т. 6. С. 324 – 357.

254

Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). С. 213 – 258.

255

Там же. С. 305 – 322; Правда. 1924. 2 ноября.

256

Правда. 1924. 9 декабря; *Молотов В.* Об уроках троцкизма. По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине». М.; Л.: Госиздат, 1925.

257

Правда. 1924. 9 декабря; *Молотов В.* Об уроках троцкизма. По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине». М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 36 – 37.

258

Вардин (настоящая фамилия Мгеладзе) Илларион Виссарионович (1890 – 1941) – советский партийный работник и журналист, общественный деятель. Социал-демократ с 1906 г., большевик. Во время Гражданской войны начальник политотдела Первой конной армии С.М. Буденного. После войны на пропагандистской работе. Участвовал в «новой оппозиции» 1925 г. и объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии и сослан. Возвращен из ссылки и восстановлен в партии в 1928 г. после подачи покаянного заявления. В 1935 г. вновь исключен из партии и арестован, приговорен к 10 годам заключения. Расстрелян в 1941 г., после нападения Германии на СССР.

259

Троцкий Л. Избыток усердия // Большевик. 1924. № 12 – 13. С. 92 – 104.

260

Там же. С. 105 – 109.

261

Каменев Л. Был ли Ленин вождем пролетарской революции. (К переписке т. Троцкого с Чхеидзе и т. Ольминским). [Юзовка]: Рабочий Донбасса, 1925.

262

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 259.

263

Там же. С. 19 – 23.

264

См., например: *Каменев Л.Б.* Ленинизм или троцкизм. Харьков: Пролетарий, 1925; *Каменев Л., Сталин И.* Против троцкизма. Крымгосиздат, 1925; Ленин о Троцком и троцкизме. М.; Л.: Госиздат, 1925; Ленин о Троцком и троцкизме. Л.: Прибой, 1925; Ленин о Троцком и троцкизме. Хабаровск: Дальбюро ЦК РКП(б), 1925.

265

Чуковский К. Дневник 1901 – 1929. С. 297.

266

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 122.

267

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 102 – 109.

268

Комсомольская правда. 1988. 22 октября.

269

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 6. С. 357.

270

Троцкий Л. Дневники и письма. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. С. 91.

271

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 119.

272

Там же. С. 123.

273

Там же. С. 110.

274

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 44 – 45.

275

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 198.

276

Большевистское руководство: Переписка. 1912 – 1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 298 – 299.

277

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 49 – 52; Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 183 –

185.

278

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 323 – 324.

279

Роговин В. Была ли альтернатива? М.: Терра, 1992. С. 200 – 204.

280

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 7. С. 379 – 380.

281

Андреев А.А. Воспоминания, письма. М.: Политиздат, 1985. С. 155.

282

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 330.

283

Л.Б. Красин высказывал в октябре 1925 г. убеждение, что работа в Главконцесскоме носит спокойный и малоответственный характер (*Красин Л.Б.* Письма жене и детям // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 118).

284

Однажды, увидев входивших в зал заседаний Троцкого и Радека, Ворошилов воскликнул: «Смотрите, вон идут Лев и его хвост». Радек мгновенно отреагировал эпиграммой: «У Ворошилова пустая голова, Все мысли в кучу свалены. Уж лучше быль хвостом у Льва, Чем задницей у Сталина».

285

Международный институт социальной истории в Амстердаме. Кол. Александра Бекмана. Папка III (10). Письмо А. Бекмана И. Дон Левину от 4 августа 1927 г. На англ. яз.

286

Там же. Кол. Б.К. Суварина. 11 апреля 1957 г. 1 л.

287

В 1987 г. повесть была переиздана журналом «Знамя». № 12. С тех пор проблема смерти Фрунзе неоднократно обсуждалась в литературе (см.: *Зенькович Н.А.* Тайны кремлевских смертей. М., 1995. С. 166 – 181; *Медведев Р.* О смерти М.В. Фрунзе и Ф.Э. Дзержинского // Военно-исторический журнал. 1989. № 3).

288

Серебрякова Г. Моей дочери Зоре о ее отце // Родина. 1989. № 6. С. 31.

289

Там же.

290

Наше Отечество: Опыт политической истории. М.: Терра, 1991. Т. 2. С. 192.

291

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 152 – 157.

292

Там же. С. 154.

293

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 157 – 158.

294

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 130. Л. 164.

295

Там же. Л. 168.

296

Там же. Л. 174.

297

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 163 – 166.

298

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 18 – 31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 166.

299

Там же. С. 318.

300

Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 180 – 183.

301

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 9 апреля 1928 г., вспоминая о том периоде, Каганович сказал: «Мы к делу подбора людей, к делу подбора работников в значительной мере подходили под политическим углом зрения, обеспечивающим единство партии, обеспечивающим правильную политическую линию» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 103).

302

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 229 – 230.

303

Иллюстрированная Россия. 1925. № 16. С. 4; *Юниверг Л.* «Главкомштык» глазами русских парижан // Голос (Израиль). 2009. 19 февраля.

304

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 1; *Драбкин Я.С.* Идея мировой революции и ее трансформации // Коминтерн и идея мировой революции. С. 36.

305

Советский Юг. 1924. 16 апреля.

306

Троцкий Л. Восемь лет. Итоги и перспективы. М.: Госиздат, 1926.

307

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 118 – 126.

308

Троцкий Л. К социализму или к капитализму? М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926. С. 9.

309

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 8. С. 275 – 276.

310

Троцкий Л. К социализму или к капитализму? С. 60 – 61.

311

Троцкий Л. Борьба за качество. М.: Плановое хозяйство, 1926.

312

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 152 – 157.

313

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 159 – 161.

314

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923 – 1938 гг. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 438 – 461, 463 – 464.

315

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 262.

316

Там же. С. 263.

317

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 170.

318

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1110. Л. 131.

319

Троцкий Л. За качество – за культуру // Правда. 1925. 7 ноября; *Троцкий Л.Д.*

Сочинения. Т. 21. С. 369 – 384.

320

Известия. 1924. 7 ноября.

321

Правда. 1925. 28 мая. 1934. 11, 17 июня.

322

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 1. М.; Л., Госиздат, 1925.

323

Sinclair L . Trotsky. A Bibliography. Vol. 1. P. 386.

324

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 1. С. 5.

325

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 1. С. 140 – 141.

326

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 2. М.; Л.: Госиздат, 1926.

327

Болдуин Стенли (1867 – 1947) – британский политический деятель, консерватор. Премьер-министр Великобритании в 1923 – 1924, 1924 – 1929, 1935 – 1937 гг.

328

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 1. С. 23.

329

Рассел Бертран (1872 – 1970) – британский философ, математик и общественный деятель. Основоположник концепций английского неопозитивизма. Автор основополагающих трудов по математической логике. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

330

Брейлсфорд Генри Ноел (1873 – 1958) – британский левый журналист, член Лейбористской партии. В 1913 – 1914 гг. участвовал в комиссии фонда Карнеги по обследованию положения на Балканах после Балканских войн. Поддерживал связи с Советской Россией, затем СССР, дважды посещал СССР и написал книги об этих поездках, в основном освещавших положение в СССР позитивно. Во время Второй мировой войны выступил с книгой об Индии, в которой аргументировал необходимость предоставления ей независимости. В последние годы жизни работал над книгой о левеллерах – левом течении в английской революции XVII в. Завершена книга не была.

331

Brailsford H.N . Introduction // Trotsky L. Where is Britain going? London: George Allen & Unwin Ltd, [1925]; *Russel B* . Trotsky on Our Sins // The New Leader. 1926. February 26.

332

The Nation. 1926. March 10.

333

Manchester Guardian. 1925. September 15; The New York Times. 1925. September 26.

334

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 2. С. 51.

335

Там же. С. 73.

336

Экономическая жизнь. 1925. 29 июля.

337

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 147.

338

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 205 и др.

339

Варга Ёне (в СССР Евгений Самуилович) (1879 – 1964) – деятель венгерского социалистического и коммунистического движения, деятель Коминтерна, ученый-экономист. С 1920 г. жил в России, был членом большевистской партии. В 1927 – 1947 гг. директор Института мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии, затем Академии наук СССР. С 1939 г. академик. Автор многочисленных трудов в области политической экономии и конкретной экономики современного капитализма. В марте 1938 г. Варга обратился с письмом к Сталину, в котором протестовал против арестов иностранных коммунистов и роста националистических настроений в СССР. После Второй мировой войны подвергался нападкам со стороны председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, однако арест и расстрел Вознесенского спасли Варгу от расправы. В пределах марксистско-ленинской парадигмы Варга пытался относительно трезво анализировать основные явления социально-экономического развития современного мира. В начале 60-х гг. он написал работу, не предназначенную для печати, в которой пытался осмыслить явления советской действительности, в основном связанные с формированием бюрократии как особого правящего слоя и моральным разложением общества.

340

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 188.

341

Торгово-промышленная газета. 1925. 8 октября; 1926. 10 января.

342

Thatcher I.D. Trotsky, the Soviet Union and the World Economy // Coexistence. 1993. Vol. 30. P. 113.

343

Library of Congress. Manuscript Division. Alexander Vassilev's Papers 0438 N. White Notebook. № 2. P. 105.

344

Сакко Никола (1891 – 1927) и Ванцетти Бартоломео (1888 – 1927) – американские рабочие активисты итальянского происхождения. Придерживались анархистских взглядов. В 1920 г. были обвинены в ограблении и убийстве кассира и двух охранников обувной фабрики в г. Саус-Брейнтри, штат Массачусетс. Приговорены к смертной казни. Ходатайства о пересмотре дела и помиловании были отклонены, несмотря на то что в 1923 г. М. Мадейрос, арестованный по другому делу, признал, что совершил инкриминируемое Сакко и Ванцетти ограбление и что последние в нем не участвовали. Казнь Сакко и Ванецетти на электрическом стуле вызвала кампанию протеста во многих странах. Коммунистическая пропаганда использовала их дело для обоснования продажности западной судебной системы и героизма рабочих (скрывая при этом принадлежность Сакко и Ванцетти к анархистскому направлению). В СССР именами этих деятелей назывались предприятия, колхозы и прочие организации.

345

См.: *Hammer A., Lyndon N.* Hammer. New York: Perigue Books, 1988.

346

Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М.: Госиздат, [1924]. Предисловие к книге датировано 20 мая 1924 г. (с. XVIII).

347

Там же. С. XI.

348

Там же. С. XXVIII.

349

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 242 – 243.

350

The Communist International. P. 140.

351

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. 1.

352

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 255.

353

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 133 – 134.

354

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 4.

355

Коммунистический Интернационал в документах. С. 471 – 472.

356

The Communist International. P. 141.

357

Коммунистический Интернационал в документах. С. 520.

358

Там же. С. 525.

359

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 143 – 151.

360

Маслов (настоящая фамилия Череминский) Аркадий (1891 – 1941) – деятель германского коммунистического движения российского происхождения. Участник Ноябрьской революции 1918 г. Член компартии с 1919 г. В 1921 г. стал одним из руководителей левой фракции в партии совместно с Р. Фишер и Э. Тельманом. В 1925 г. был избран в ЦК и Политбюро. В 1926 г. был исключен из партии по требованию Исполкома Коминтерна за поддержку взглядов Троцкого и других оппозиционеров в ВКП(б) (перед этим произошел разрыв с Тельманом, полностью поддержавшим Сталина). В 1928 г. Маслов участвовал в основании оппозиционной коммунистической организации Ленинбунд. В 1933 г. эмигрировал во Францию. В 1940 – 1941 гг. жил на Кубе.

361

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 144.

362

Варский (настоящая фамилия Варшавский) (Адольф) (1868 – 1937) – деятель польского социалистического и коммунистического движения. Один из основателей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (1893) и компартии Польши (1918). Был одним из лидеров компартии до 1929 г. После этого был отстранен от руководства. Жил в Москве, работал в Институте Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), написал и издал ряд трудов по истории польского социалистического и коммунистического движения. Арестован во время Большого террора. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

363

Валецкий Максимилиан (1877 – 1937) – деятель польского социалистического и коммунистического движения. Социал-демократ с 1895 г. Один из основателей компартии Польши в 1918 г. В 1921 – 1925 гг. представитель этой партии в Исполкоме Коминтерна. С 1925 г. постоянно проживал в СССР, был переведен в ВКП(б). Являлся редактором журнала « *Коммунистический* Интернационал» и членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

364

Шмераль Богумир (1880 – 1941) – деятель социалистического и коммунистического движения Чехословакии. В 1914 – 1917 гг. председатель Чехословацкой социал-демократической партии. В 1921 – 1929 гг. и с 1936 г. член ЦК компартии. В 1922 – 1935 гг. член Президиума Исполкома Коминтерна. С 1938 г. жил в Москве, входил в состав эмигрантского руководства компартии Чехословакии.

365

Запотоцкий Антонин (1884 – 1957) – чехословацкий социал-демократический и коммунистический деятель. Социал-демократ с 1900 г. Один из основателей компартии в 1921 г. Член ее Политбюро, с 1935 г. кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Во время Второй мировой войны находился в нацистских тюрьмах и концлагере. В 1945 – 1948 гг. заместитель председателя, затем председатель правительства Чехословакии. В 1953 – 1957 гг. президент страны. Вместе с К. Готвальдом нес главную ответственность за террор в Чехословакии, развязанный там в конце 40-х – начале 50-х гг. по указанию Сталина.

366

Фостер Уильям Зебулон (1881 – 1961) – деятель американского социалистического и коммунистического движения. Социалист с 1901 г., с 1909 г. деятель левой профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира». С 1921 г. член компартии. В 1929 – 1944 гг. являлся председателем Национального комитета партии, однако реальным руководителем партии был Ёрл Браудер. Несколько раз Фостер выдвигался на пост президента США, но получал незначительное число голосов. Являясь откровенным сталинистом, активно поддерживал политику советского руководства со всеми ее поворотами (включая союз с нацистской Германией в 1939 – 1941 гг.). Подчиняясь распоряжениям Москвы, возглавил восстановление компартии США в 1945 г., после того как она, также по указанию Кремля, была в 1944 г. распущена, а вместо нее была оформлена Коммунистическая политическая ассоциация. В 1945 – 1957 гг. вновь являлся председателем Национального комитета партии, реально ее возглавляя. С 1957 г. почетный председатель Нацкомитета. Автор многочисленных догматических исторических работ по истории компартии США, Коминтерна, международного профсоюзного движения, политической истории Американского континента.

367

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 173 – 174.

368

Там же. С. 174 – 181.

369

Товстуха Иван Павлович (1889 – 1935) – социал-демократ с 1909 г. Подвергался арестам. В 1912 г. эмигрировал и примкнул к большевикам. Возвратился в Россию после Февральской революции 1917 г. В 1919 – 1921 гг. работал в Наркомате по делам национальностей, где стал приближенным Сталина. С 1921 г. работал в ЦК РКП(б), заняв пост личного секретаря Сталина. В 1924 – 1926 гг. был помощником директора Института В.И. Ленина при ЦК, с 1931 г. – заместитель директора Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК.

370

Чжан Цзолинь (1976 – 1928) – лидер фынтяньской группы милитаристов в Китае. В 1926 г. присвоил себе титул генералиссимуса сухопутных и морских сил Китайской республики, фактически президента страны. В июне 1928 г. его войска были разбиты армией Чан Кайши, и Чжан Цзолинь отступил от Пекина к Шэньяну. Вслед за этим поезд, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван. Взрыв приписывали японской разведке, но в 2001 г. были опубликованы материалы о том, что операция по устранению Чжан Цзолиня была проведена советской агентурой. После смерти Чжан Цзолиня командование его войсками и власть над Маньчжурией унаследовал его сын Чжан Сюэлян.

371

Сунь Ятсен (1866 – 1925) – лидер китайского национально-революционного движения. В 1895 – 1911 гг. путешествовал по странам Европы, жил в Японии, стремясь привлечь финансовую и политическую помощь борцам против Маньчжурской династии. Был руководителем революции 1911 – 1913 гг., временным президентом Китайской республики (1912). В 1912 г. основал партию Гоминьдан. В 1913 г. эмигрировал в Японию. В 1921 г. возвратился в Китай и был провозглашен президентом страны в Кантоне. В 1923 г. выступил

за союз с компартией и опору на СССР. Выдвинул три принципа, которые в упрощенной форме можно сформулировать как национализм, демократия и социализм.

372

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 179.

373

Лафарг Поль (1842 – 1911) – один из основателей Французской рабочей партии, деятель 1-го Интернационала. Лафарг оставил большое литературное наследство в области философии, политическй экономии, литературоведения и т. д. Был женат на дочери К. Маркса Лауре. Оба они одновременно покончили жизнь самоубийством, считая, что в старческом возрасте не могут более приносить пользу социалистическому движению.

374

Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. С. 153 – 155.

375

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 547. Л. 1; *Политбюро* ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. С. 439.

376

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 693. Л. 119 – 133.

377

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 123; *Сталин И.В.* Историческая идеология в СССР в 1920 – 1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. документов и материалов. СПб., Ч. 1. 2006. С. 36.

378

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 449.

379

Encyclopaedia Britannica. London: The Encyclopaedia Britannica Co, Ltd, 1926. Vol. 13. P. 1929.

380

Сталин И.В. Историческая идеология в СССР. С. 37.

381

Под нажимом ОГПУ Е. Крыленко подписала документ о согласии сотрудничать с советской разведкой за рубежом (*O'Neil W.L* . The Last Romantic. A Life of Max Eastman. New York: Oxford University Press, 1978. P. 106). Биограф Истмена считает, что к ее услугам не прибегали (Там же).

382

Eastman M. Since Lenin Died. P. 26.

383

Eastman M. Since Lenin Died. P. 9.

384

Ibid. P. 11 – 14, 18, 37, 40.

385

Eastman M. Since Lenin Died. P. 8, 10.

386

New Leader. 1925. May 1.

387

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1.

388

O'Neil W.L . The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 108.

389

Eastman M. Since Lenin Died. P. 51.

390

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 130. Л. 176.

391

Швецов В.В. Лев Троцкий и Макс Истмен. История одной политической дружбы // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 149.

392

Buranov Iu. Lenin's Will. P. 112.

393

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925 – 1936 гг.: Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 14 – 15.

394

Buranov Iu. Lenin's Will. P. 112 – 114.

395

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 39; *Политбюро* ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 322.

396

Buranov Iu. Lenin's Will. P. 124.

397

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 33 – 41; Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 417. Д. 927.

398

Там же. Л. 137 – 138.

399

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 33.

400

Большевик. 1925. № 16. С. 66.

401

Там же. С. 67 – 70.

402

Там же. С. 71 – 73.

403

Инкпин Альберт (1884 – 1944) – британский социалистический и коммунистический деятель. Член Социал-демократической федерации с 1904 г. Один из основателей Британской социалистической партии в 1911 г. и ее генеральный секретарь с 1913 г. Был в числе основателей компартии Великобритании в 1920 г. и являлся ее генеральным секретарем до 1929 г. С 1930 г. руководил Обществом друзей СССР.

404

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 332.

405

«Письмо к съезду» и заметки «К вопросу о национальностях, или об «автономизации» были вывезены на Запад и переданы через посредников Истмену полпредом СССР во Франции Х.Г. Раковским. Этот факт зафиксирован в переписке Троцкого с Истменом 1931 г., хранящейся в коллекции Истмена в Индианском университете (США) (*Троцкий Л.* Портреты революционеров. С. 123). Позже Истмен свидетельствовал, не упоминая имени Раковского: «Текст «Письма к съезду» с надежным курьером был переслан Суварину в Париж. По моральным и политическим соображениям я был избран для того, чтобы передать его прессе» (*Eastman M* . Love and Revolution. My Journey through an Epoch. New York: Random House, 1964. P. 452). Контакты Раковского с Истменом имели место и несколько ранее, когда последний дал Раковскому на отзыв рукопись тогда еще не опубликованной книги «После смерти Ленина», причем Раковский высказался о книге весьма положительно (*Чернявский Г.И., Станчев М.Г.* В борьбе против самовластия. С. 97).

406

Дюранти Уолтер (1884 – 1957) – британский, а затем американский журналист. В 1922 – 1936 гг. руководитель бюро газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве. Лауреат Пулицеровской премии 1932 г. за серию очерков о первой пятилетке и об индустриализации в СССР. Дюранти всячески оправдывал политику Сталина, в частности отрицал голод и массовую

смертность во время насильственной коллекивизации сельского хозяйства. Оставив постоянную работу в СССР, он до 1940 г. несколько раз посещал Москву, в частности во время судебных процессов 1937 – 1938 гг. При этом он псевдо-«объективно» и даже цинично освещал показательные судебные процессы, фактически оправдывая Большой террор. Сталин благосклонно относился к Дюранти, принимал его, давал интервью. В следующие годы Дюранти опубликовал несколько книг об СССР, в которых давал более объективную картину, однако цинично оправдывал свои предыдущие оценки соображениями карьеры и личной выгоды. В конце XX – начале XXI в. шла острая кампания за посмертное лишение Дюранти как сознательного лжеца Пулицеровской премии, однако Комитет по этим премиям подтвердил решение 1932 г., заявив, что не существует объективных доказательств преднамеренного обмана со стороны автора.

407

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 148 – 149.

408

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 172 – 173.

409

Большевистское руководство: Переписка. 1912 – 1927. М.: РОССПЭН, 1976. С. 324 – 325; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 1. С. 188.

410

Троцкий Л. Европа и Америка. М.; Л.: Госиздат, 1926. В связи с этим Троцкий вспоминал свою статью «О своевременности лозунга Соединенных Штатов Европы» (Правда. 1923. 30 июня), где создание подобного государственного формирования объявлялось большим историческим этапом, через который необходимо перевалить в первую очередь.

411

Троцкий Л. Европа и Америка. С. 45 – 46, 54.

412

Там же. С. 42.

413

Большевистское руководство: Переписка. 1912 – 1927. С. 324 – 325.

414

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 181 – 188.

415

Там же. С. 188.

416

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 580.

417

Там же. С. 638 – 641.

418

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 676 – 677.

419

Там же. С. 682.

420

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 189 – 190.

421

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 689 – 690, 711.

422

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 190.

423

Большевистское руководство: Переписка. 1912 – 1927. С. 326.

424

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242. Арк. 2 – 4. Письмо Луначарского Троцкому, как и

ответ последнего, было в копиях передано Л.М. Кагановичу, являвшемуся в то время секретарем ЦК КП(б)У, почему они и оказались в украинском архиве.

425

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242. Арк. 4 – 6.

426

Хогтонская библиотека Гарвардского университета (Бостон). Архив Троцкого. Фонд bMs Russ 13 [далее: Архив Троцкого. Фонд 13]. Т-871; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 1. С. 185 – 187.

427

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-873; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 1. С. 187 – 188.

428

Там же. С. 207.

429

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-873; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 1. С. 214 – 222.

430

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2651. Арк. 2.

431

Там же. Арк. 2.

432

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2651. Арк. 8 – 10.

433

Strong A.L. Stalin «The Voice of the Party» Breaks Trotsky // Gateaway, 1925, December. P. 18 – 24.

434

Еще 5 марта 1926 г. Троцкий обратился в Политбюро с письмом по вопросу о стачке английских горняков (*Коминтерн* и идея мировой революции. С. 589 – 592). Он писал, что накануне на заседании Политбюро вопрос рассматривался в конце заседания, когда все устали и вряд ли понимали друг друга. Поэтому он решил, что необходимо формулировать свое видение проблемы. Он считал, что в Англии сознание рабочих масс особенно отставало от объективной экономической обстановки. Полагая, что страна входит в полосу величайших потрясений, он считал необходимой «перестройку» рабочего класса, ориентацию компартии Великобритании на организацию действий, на целую серию битв и потрясений. Нельзя прозевать революционную ситуацию, как это произошло в Германии в 1923 г., уверял Троцкий членов большевистского ареопага.

435

«Особой папкой» условно называли специальный фонд наиболее тайных документов высшего партийного руководства, позже известный под наименованием Кремлевского архива, а в настоящее время составляющий значительную часть Архива Президента Российской Федерации, документация которого лишь медленно и постепенно рассекречивается и передается в архивы, доступные для исследователей.

436

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. С. 448; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 266.

437

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 267.

438

Там же.

439

Там же. С. 268.

440

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 55а. Л. 142.

441

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 882 – 886.

442

Там же. С. 743.

443

Там же. С. 753.

444

Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. Из «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) / Публ. Л.Г. Бабиченко // Исторический архив. 1995. № 16. С. 19.

445

Там же. С. 906.

446

Там же. С. 762 – 763.

447

Там же. С. 767 – 769.

448

Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. Из «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) / Публ. Л.Г. Бабиченко // Исторический архив. 1995. № 16. С. 780, 796 – 806, 811, 816.

449

Там же. С. 816.

450

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 5 – 18.

451

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 16 – 19, 37 – 38.

452

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 63 – 70.

453

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 240 – 247.

454

Там же. С. 242.

455

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-884; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 1. С. 248 – 253; РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1.

456

Радченко Андрей Федорович (1887 – 1938) – рабочий Донбасса, социал-демократ с 1912 г., большевик. В 1924 – 1925 гг. – секретарь Юзовского (Сталинского) губкома партии. В 1925 – 1929 гг. – председатель Всеукраинского совета профсоюзов, член Политбюро ЦК КП(б) Украины. Затем занимал различные партийные и административные должности. В середине 30-х гг. – начальник Всесоюзного объединения «Заготлен». Арестован во время Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

457

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 42.

458

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 160.

459

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 225 – 229.

460

Там же. С. 321 – 324.

461

Документ был составлен, видимо, в конце 1926 г. и хранился в архивном фонде Зиновьева.

462

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 1 – 26.

463

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 13 – 15.

464

Угланов Николай Александрович (1886 – 1937) – социал-демократ с 1907 г., большевик. В 1921 – 1922 гг. был секретарем Петроградского губкома партии. В 1922 – 1924 гг. – секретарь Нижегородского губкома. В 1924 – 1928 гг. – секретарь Московского областного и городского комитетов ВКП(б). Был снят с этих постов в ноябре 1928 г. за «примиренчество по отношению к правому уклону». В 1928 – 1930 гг. – нарком труда СССР. С 1930 г. находился в фактической ссылке в Астрахани в связи с поддержкой им «правого уклона» Бухарина и Рыкова. После раскаяния возвращен в Москву. Работал в Наркомате тяжелого машиностроения СССР. В 1932 г. исключен из партии за связи с группой Рютина. В 1934 г. восстановлен в ВКП(б), но через два года вновь исключен. Арестован и расстрелян во время Большого террора по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

465

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 4.

466

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-884; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 9.

467

Бакаев Иван Петрович (1887 – 1936) – участник социал-демократического движения с 1905 г., большевик. После 1917 г. занимал различные посты в советском аппарате. В начале 20-х гг. был председателем Чрезвычайной комиссии в Петрограде. Сблизился с Зиновьевым. Участвовал в «новой оппозиции» 1925 г. и объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Исключен из партии в декабре 1927 г. и в начале 1928 г. сослан. После покаяния был восстановлен в партии. В декабре 1934 г. был арестован по обвинению в участии в подготовке убийства С.М. Кирова. Был в числе подсудимых на провокационном судебном процессе по делу «троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

468

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 11 – 24.

469

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 93 – 94.

470

Инициатором превращения «дела Лашевича» в «дело Зиновьева» был Сталин, писавший 25 июня Молотову и другим членам «семерки» из Сочи, где он проводил отпуск, что группа Зиновьева «является сейчас наиболее вредной и удар должен быть нанесен на пленуме именно этой группе», что «не только Лашевича нужно вывести *из ЦК,* но и Зиновьева нужно вывести из *Политбюро* с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола» (*Письма* И.В. Сталина В.М. Молотову 1925 – 1936 гг. С. 73).

471

О «нелегальном собрании» неизвестный провокатор донес секретарю Краснопресненского райкома партии М.Н. Рютину – в то время ярому сталинисту, а тот в свою очередь передал дело в ЦКК ВКП(б). Специальная комиссия ЦКК устроила допросы участников «собрания» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 695. Л. 10 – 35), в результате чего ЦКК квалифицировала собрание как подпольное и фракционное. Участникам его были объявлены партийные взыскания, предложено было также исключить Лашевича из состава кандидатов в члены ЦК и снять его с поста заместителя председателя Реввоенсовета и заместителя наркома (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 21 – 22).

472

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 28 – 31.

473

Черушев Н.С. Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М.: Вече, 2005. С. 290. А.А. Петерсон была арестована органами НКВД в начале 1937 г. 10 июля того же года Сталин и Молотов завизировали список лиц, подлежавших осуждению по «первой» (расстрел) и «второй» (длительное заключение) категориям, в котором А.А. Петерсон оказалась во второй, а ее однофамилец Р.А. Петерсон – в первой категории (АПРФ. Оп. 24. Ед. хр. 410. Л. 19 – 21). Дальнейшая судьба А.А. Петерсон неизвестна. По всей видимости, она скончалась в ГУЛАГе.

474

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 2 – 4; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-882; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 24 – 28.

475

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 31 – 33.

476

Сталин И.В. Историческая идеология в СССР. С. 23 – 24.

477

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 131. Л. 51 – 53.

478

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 87.

479

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2996; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 34 – 35.

480

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 40 – 55. Просматривая свой архив и натолкнувшись на этот документ, не прочитав его до конца, Троцкий приписал: «Написано, кажется, Радеком». Когда взгляд упал на последнюю страницу, там действительно оказались подпись Радека и дата «август [1]926 г.» (Там же. С. 40, 55).

481

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 57.

482

Там же. С. 55.

483

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 55 – 56.

484

Там же. С. 58 – 60.

485

Там же. С. 58.

486

См., например: *Преображенский Е.* Новая экономика. М.: Госиздат, 1926. С. 101 – 102.

487

Правда. 1927. 26 июня.

488

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 60 – 63.

489

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 64 – 75.

490

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 420 – 423.

491

Там же. С. 423 – 424.

492

Там же. С. 425 – 427, 430 – 434.

493

Правда. 1926. 7 октября.

494

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 442 – 443.

495

На этом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) делегация Исполкома Коминтерна выступила со спровоцированным Сталиным заявлением о том, что она «не находит возможным дальнейшее пребывание и работу тов. Зиновьева во главе Коминтерна». Президиум ИККИ 25 октября послушно согласился с этим мнением и вынес вопрос на обсуждение VII пленума ИККИ (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 1 – 2), который утвердил снятие Зиновьева.

496

Вскоре Каменев будет отправлен в фактическую ссылку – полпредом СССР в фашистской Италии, но и на этом посту продержится всего лишь год.

497

Скворцов – Степанов (настоящая фамилия Скворцов, псевдоним Степанов; обычно подлинная фамилия и псевдоним употреблялись как двойная фамилия Скворцов-Степанов) Иван Иванович (1870 – 1928) – социал-демократ с 1896 г., с 1903 г. – большевик. Вел пропагандистскую работу в Москве. В 1917 г. – член Московского военно-революционного комитета. Нарком финансов в первом большевистском правительстве. В 1918 – 1924 гг. был сотрудником газеты «Правда». С 1925 г. – редактор газеты «Известия». С 1926 г. еще и директор Института Ленина при ЦК ВКП(б). Переводчик на русский язык «Капитала» Маркса.

498

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-896; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 109 – 111.

499

Дерибас Терентий Дмитриевич (1883 – 1938) – социал-демократ с 1904 г., большевик. Подвергался арестам и ссылкам. С 1918 г. служил в ВЧК. С 1923 г. начальник секретного отдела ГПУ (затем ОГПУ). С 1929 г. полномочный представитель ОГПУ на Дальнем Востоке, где руководил массовыми репрессиями. С 1933 г. руководил строительством силами заключенных Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга (1935). Арестован и расстрелян во время Большого террора.

500

Агранов (настоящая фамилия Соренсон) Яков Саулович (1893 – 1938) – эсер с 1912 г., социал-демократ с 1915 г. В 1918 г. технический секретарь Совнаркома РСФСР. С 1919 г. служил в ВЧК. С 1921 г. особо уполномоченный секретно-оперативного управления ВЧК. Руководил расследованием и массовыми репрессиями в связи с делами о Кронштадтском восстании, крестьянском восстании Антонова, в связи с делом В.Н. Таганцева (по этому делу был расстрелян писатель Н.С. Гумилев). С 1923 г. заместитель начальника секретного отдела ОГПУ, в 1929 – 1931 гг. начальник этого отдела. Считался «куратором» творческой интеллигенции, в связи с чем поддерживал внешне дружеские отношения с рядом писателей, актеров и т. д. С 1933 г. заместитель начальника ОГПУ, с 1934 г. заместитель наркома внутренних дел. Комиссар государственной безопасности первого ранга (1935). В 1937 г. вначале понижен в должности, а затем арестован. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

501

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 5.

502

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3009; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 111 – 114.

503

Джилас Милован (1911 – 1995) – югославский политический и общественный деятель,

политолог и публицист. Член компартии с 1932 г., член ее ЦК с 1937 г. С 1943 г. – член Президиума Антифашистского вече народного освобождения Югославии. Один из организаторов коммунистического партизанского движения. С 1945 г. – министр по делам Черногории. С 1953 г. – вице-президент. С конца 1953 г. выступал с осуждением бюрократических методов политического и хозяйственного руководства. В 1956 г. осудил вооруженное подавление советскими войсками народного восстания в Венгрии. После этого был арестован и приговорен к трехлетнему заключению. В заключении написал книгу «Новый класс», которую удалось издать за рубежом. В этой работе доказывалось с марксистских позиций, что правящая верхушка, то есть номенклатура, в социалистических странах превратилась в новый господствующий класс. После освобождения опубликовал (вновь за границей) воспоминания «Разговоры со Сталиным», за что вновь был посажен в тюрьму на пять лет. Освобожденный в 1963 г., продолжал диссидентскую деятельность. В конце 60-х гг. ему удавалось несколько раз выезжать за границу, но с 1970 по 1986 г. выезд был запрещен. Книги Джиласа переведены на многие языки (включая русский).

504

Djilas M. New Class. An Analysis of the Communist System. New York: Praeger, 1957. P. 69. Троцкий, посвятивший этому вопросу немало страниц, никогда, вопреки Джиласу, не считал компартию (или номенклатуру) новым классом.

505

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 72.

506

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 21. Из речи Троцкого на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г.

507

Serge V., Sedova-Trotsky N . The Life and Death of Leon Trotsky. P. 149.

508

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 8. С. 214 – 297.

509

Архив Троцкого. Фонд 13. T-3007a, T-3007b, T-3017; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 141 – 147.

510

Архив Троцкого. Фонд 13. T-907; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 2. С. 147 – 149.

511

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 9. С. 3 – 61.

512

Там же. С. 62 – 151.

513

Тольятти Пальмиро (псевдоним Эрколи) (1893 – 1964) – деятель итальянского социалистического и коммунистического движения. Социалист с 1912 г. После Первой мировой войны являлся вместе с А. Грамши одним из основателей левосоциалистической группы «Новый порядок». С 1921 г. деятель коммунистической партии. В 1926 г. после ареста Грамши стал фактическим руководителем партии. В 30-х гг. находился в ссылке. В 1940 г. получил разрешение на эмиграцию и выехал в СССР. Являлся членом Президиума Коминтерна. В 1944 г. возвратился в Италию. Был избран генеральным секретарем компартии. В 1944 – 1946 гг. входил в правительство в качестве министра и заместителя председателя Совета министров. Являлся инициатором курса на национальное единство левых и центристских сил. Под руководством Тольятти компартия Италии стала самой крупной коммунистической партией Европы. Он являлся одним из основоположников «еврокоммунизма» – концепции постепенного преобразования общества и отказа от курса на социалистическую революцию.

514

Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 143 – 144.

515

Коммунистический Интернационал в документах. С. 626.

516

Коммунистический Интернационал в документах. С. 680 – 690.

517

Подробнее об этом см.: *Радек К.* О Китае. Документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М.: ООО «Соверо-принт», 2005.

518

Еще в 1937 г. началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Сегодня этот факт при водят в доказательство дальновидности советского правительства, чуть ли не предвидевшего не только войну с Германией, но и эвакуацию промышленности, проведенную в годы Второй мировой войны. Между тем в конце 1930-х гг. главным внешнеполитическим врагом СССР была Япония. Как раз в сентябре 1937 г. в Монголию были направлены советские войска. Не сколько раньше, летом 1937 г., японцы приступили к захвату Китая. В июле ими был взят Пекин, в ноябре – Шанхай, в декабре – Нанкин. К октябрю 1938 г. ими была оккупирована значительная часть Китая с главными промышленны ми центрами и важнейшими железнодорожными магистралями. Внешнеполитические цели Японии состояли в захвате советского Дальнего Востока. В течение 1936 – 1938 гг. на советской дальневосточной границе произошло 35 крупных военных столкновений с японскими войсками, самым серьезным из которых было столкновение в конце июля 1938 г. в районе озера Хасан. В мае 1939 г. Япония начала войну против Монголии (и косвенно – против СССР). Военные действия на реке Халхин-Гол продолжались четыре месяца и закончились уже после подписания пакта Риббентропа – Молотова в августе 1939 г., благодаря еще и посредничеству Гитлера. Таким образом, советскую политику в Китае нужно рассматривать прежде всего в связи с советско-японскими отношениями того времени.

519

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и Китайская революция (1919 – 1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 75 – 76.

520

Снефлит Генрикус (Hendricus или Henk Sneevliet, псевдоним Маринг) (1883 – 1942) – деятель коммунистического движения на Яве, затем в Голландии. В 1920 г. он участвовал во II конгрессе Коминтерна и являлся секретарем его комиссии по национальному и колониальному вопросам. В 1920 – 1921 гг. член ИККИ. В 1921 – 1923 гг. был представителем Коминтерна в Китае. В 1924 г. выехал из Москвы в Западную Европу. Участвовал в коммунистическом движении ряда европейских стран. В 1928 г. был исключен из Коминтерна за поддержку Троцкого. Инициатор создания оппозиционных коммунистических групп, сотрудничавших с Троцким. Убит нацистами. В написании его фамилии на русском встречаются общепризнанные разночтения: Г. или Х. Снефлит, Сневлит, Снивлит.

521

Pantsov A., Benton G . Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang «From the First»? // Republican China, 1994. Vol. XIX. № 2. P. 61 – 63; *Панцов А.В.* Карл Радек – китаевед // Радек К. О Китае. С. 11.

522

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 150.

523

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 93.

524

Чан Кайши (Цзян Чжеши) (1887 – 1975) – китайский политический деятель, один из соратников Сунь Ятсена. Получил военное образование в Японии и СССР. После смерти

Сунь Ятсена – командующий армией Гоминьдана. Глава правительства с 1927 г. В 1928 г. образовал общенациональное правительство, объединившее бóльшую часть Китая. Руководил войной Китая против Японии в 1937 – 1945 гг., приняв звание генералиссимуса. После победы китайских коммунистов в 1949 г. и образования Китайской Народной Республики бежал на остров Тайвань, где до конца жизни продолжал оставаться президентом Китайской республики.

525

Fairbank J.K . China. A New History. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 263.

526

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 222 – 224.

527

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет / Науч. редакция и вступ. статья А.В. Панцова. М.: Посев, 2009. С. 36 – 37.

528

Бородин (настоящая фамилия Грузенберг) Михаил Маркович (1884 – 1951) – советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1903 г. В 1907 – 1918 гг. жил в США, где организовал школу для политических иммигрантов. В 1918 – 1922 гг. работал в Коминтерне, в 1919 г. стал первым советским консулом в Мексике, был одним из создателей мексиканской коммунистической партии. В 1923 – 1927 гг. – политический советник ЦИК Гоминьдана. По возвращении в СССР был заместителем наркома труда, а в 1932 – 1934 гг. – заместителем директора ТАСС. С 1934 г. – главный редактор Советского информационного бюро. В 1949 г. снят с этого поста, затем арестован и расстрелян.

529

Блюхер Василий Константинович (1889 – 1938) – советский военный деятель. Маршал Советского Союза (1935). Большевик с 1916 г. Во время Гражданской войны выдвинулся как талантливый военачальник. Командовал дивизией. В 1921 г. был военным министром Дальневосточной республики. В 1922 – 1924 гг. – командующий и военный комиссар Петроградского укрепленного района. В 1924 – 1927 гг. являлся военным советником армии Гоминьдана под командованием Чан Кайши (псевдоним генерал Гален). С 1929 г. – командующий Особой Дальневосточной армией. Участвовал в репрессиях в Красной армии периода Большого террора. Был членом Специального военного присутствия, присудившего к смертной казни группу высших военных по «делу Тухачевского» в июне 1937 г. Арестован в октябре 1938 г. Умер от пыток во время следствия в Лефортовской тюрьме.

530

Harrison J.A . China Since 1800. New York: Harcourt; Brace & World, 1967. P. 131.

531

Ван Цзинвей (1883 – 1944) – китайский политический деятель. Начал свою карьеру в качестве деятеля Гоминьдана. Был личным помощником руководителя этой партии Сунь Ятсена. После смерти Суня между Ван Цзинвеем и Чан Кайши развернулась борьба за руководство партией и армией. В апреле – августе 1927 г. Ван возглавлял правительство в г. Ухань. Совершил государственный переворот и установил личную диктатуру. В 1930 г. пошел на примирение с Чан Кайши. В 1931 г. стал премьер-министром. В 1935 г. был ранен во время покушения и длительное время лечился за рубежом. По возвращении в Китай был председателем Центрального политического совета Гоминьдана. Выступал за примирение и сотрудничество с Японией, с которой Китай с 1937 г. находился в состоянии войны. В 1940 г. открыто перешел на сторону Японии и в 1940 г. возглавил марионеточное правительство. В Китае Ван Цзинвея считают национальным предателем.

532

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. С. 66.

533

Нейман Гейнц (1902 – 1937) – деятель германского социал-демократического

движения, с 1921 г. – член компартии Германии. С 1925 г. представитель партии в Исполкоме Коминтерна. С 1927 г. член Политбюро компартии Германии. Ставленник Сталина. Был представителем Коминтерна в Китае, участвовал в подготовке коммунистического мятежа в Кантоне в декабре 1927 г. В 1932 г. был подвергнут критике за ошибки в борьбе против нацизма. После прихода нацистов к власти в 1933 г. выполнял поручения Коминтерна в Европе. С 1935 г. жил в СССР. Арестован и расстрелян во время Большого террора по «сталинскому списку».

534

Ломинадзе Виссарион Виссарионович (партийный псевдоним Бесо) (1897 – 1935) – социал-демократ с 1913 г., большевик. В 1917 г. секретарь Кутаисского горкома РСДРП(б). В 1918 – 1920 гг. занимал различные партийные посты в Закавказье, а затем в РСФСР. В 1922 – 1924 гг. – секретарь ЦК компартии Грузии, позже работал в Коминтерне. С 1930 г. – первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). Совместно с Л.А. Шацкиным образовал группу, подвергшую острой критике политику Сталина и установившую связь с группой Сырцова. В декабре 1930 г. Сталиным было проведено постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) о фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и других. В 1931 – 1933 гг. Ломинадзе занимал различные второстепенные партийные и административные посты. С 1933 г. работал секретарем Магнитогорского горкома партии. Под угрозой ареста в условиях травли пытался покончить жизнь самоубийством. Непосредственная попытка была неудачной, однако Ломинадзе умер после операции по извлечению пули.

535

Чен Дусю (1879 – 1942) – деятель компартии Китая, ученый-филолог. Получил образование в Токио и Париже. Преподавал историю литературы в Пекинском университете, был деканом факультета. В 1915 г. основал журнал «Новая юность», выступавший за демократическую перестройку Китая. Один из основателей компартии и ее генеральный секретарь в 1921 – 1927 гг. В 1927 г. по требованию Коминтерна снят с руководящих постов в компартии за «оппортунистические ошибки», выразившиеся, в частности, в курсе на союз с Гоминьданом и подчинение ему. После этого организовал группу, солидаризовавшуюся с Троцким и его сторонниками. В 1930 г. был исключен из компартии. В 1932 – 1937 гг. находился в заключении. После освобождения отказался от политической деятельности. Занимался научной работой.

536

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 103 – 108.

537

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 90, 98. Это как следует из приведенных документов, которые детально и тонко проанализировал А.В. Панцов (*Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 149 – 156).

538

«Доводы Троцкого… были сильнее, когда он высказывался за уменьшение зависимости коммунистов от Гоминьдана, как правого, так и левого, а следовательно, за усиление их самостоятельности; однако и он впадал в абстракцию, когда в качестве панацеи предлагал создавать и распространять Советы», – пишет Д. Боффа (*Боффа Д.* История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1994. Т. 1. С. 290). Детальный анализ позиций как сталинистов, так и сторонников Троцкого по отношению к событиям в Китае см.: *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений.

539

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 85.

540

Там же. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 49.

541

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 6 – 12.

542

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 25 – 30.

543

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-949.

544

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 42 – 45, 45 – 48.

545

Троцкий имел в виду написанные Сталиным «Тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б)» под названием «Вопросы китайской революции» (*Сталин И.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 9. С. 221 – 230). В этих сравнительно кратких тезисах содержалась попытка обосновать переход китайской революции к новому этапу, причем рубежом был обозначен переворот Чан Кайши, означавший «отход национальной буржуазии от революции, нарождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом против китайской революции». Сталин выдвигал тезис о том, что начался поворот масс к аграрной революции, в ходе которой «революционный Гоминьдан в Ухане» будет превращаться в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. При этом по адресу оппозиции выдвигались обвинения в непонимании характера революции в Китае, в стремлении навязать ей создание Советов, для которых условия не возникли, в стремлении увести компартию из левого Гоминьдана. Сталин делал вывод, что оппозиция играет на руку врагам китайской революции.

546

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 444 – 445.

547

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 52 – 55.

548

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 1 – 5.

549

Там же. Л. 21 – 24.

550

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 5.

551

Мрачковский Сергей Витальевич (1888 – 1936) – участник социал-демократического движения в России с 1905 г., большевик. После революции 1917 г. на военной работе. Занимал командные посты в Красной армии во время Гражданской войны. В 1920 – 1925 гг. был командующим Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами. Активный участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В августе 1927 г. исключен из партии по обвинению в организации нелегальной типографии, а в январе 1928 г. сослан в Воронеж. В 1929 г. возвращен из ссылки после покаянного заявления, был начальником строительства Байкало-Амурской железной дороги. Позже являлся председателем трестов «Уралзолото», «Госшеймашина», «Казжелдорстрой» и др. В 1933 г. был арестован и приговорен к пяти годам заключения. Был подсудимым на судебном процессе по делу «троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

552

Евдокимов Григорий Еремеевич (1884 – 1936) – социал-демократ с 1903 г., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал руководящие посты в Петрограде. Был единственным выступающим на Красной площади во время похорон В.И. Ленина 27 января 1924 г., как полагают, благодаря своему зычному голосу. В 1925 г. являлся секретарем Петроградского комитета РКП(б). Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии, затем сослан. После покаянного заявления восстановлен в партии и возвращен из ссылки. В декабре 1934 г. арестован по обвинению в соучастии в убийстве С.М. Кирова. Был подсудимым на судебном процессе по делу «троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. Приговорен к смертной казни и

расстрелян.

553

По данным ОГПУ, 30 марта 1928 г. коллектив Государственного еврейского театра пожертвовал в кассу «троцкистского центра» часть своего сбора (около 1 тыс. рублей).

554

Белобородов Александр Георгиевич (1891 – 1938) – социал-демократ с 1907 г., большевик. Член ЦК в 1919 – 1920 гг. (кандидат в 1920 – 1921 гг.), член Оргбюро ЦК в 1919 – 1920 гг. В 1919 – 1920 гг. на военно-политической работе. С 1921 г. заместитель наркома, в 1923 – 1927 гг. нарком внутренних дел РСФСР. Активный участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В 1927 г. исключен из партии и сослан. После покаяния в 1930 г. был возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Работал в Комитете заготовок СССР, а затем уполномоченным Наркомата внутренней торговли СССР. В 1936 г. вновь исключен из партии и арестован. В феврале 1938 г. был приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР и немедленно после этого казнен.

555

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 6 – 8, 19 – 20.

556

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 57 – 59.

557

Концепция книги В.А. Куманева и И.С. Куликовой «Противостояние. Крупская – Сталин» (М.: Наука, 1994) не подтверждается сколько-нибудь убедительными фактами и доводами. Противостояния между Крупской и Сталиным никогда не было. Кратковременное пребывание Крупской в оппозиции было вызвано очевидным для Крупской участием Сталина в устранении Ленина. Не стоит упрекать несчастную, пожилую и болезненную женщину в лицемерии, однако «противостояние» здесь явно ни при чем.

558

Вуйович Войя (Воислав) (1897 – 1936) – сербский коммунист, генеральный секретарь Коммунистического интернационала молодежи в 1921 – 1926 гг., член Президиума Исполкома Коминтерна. Поддержал объединенную оппозицию в ВКП(б) в 1926 г. и проводил активную агитацию в ее пользу. Подписал оппозиционное «Заявление 83-х». В 1926 г. был снят с руководящих постов, а в сентябре 1927 г. исключен из Коминтерна и КИМа. В 1928 г. Вуйович был сослан в Верхнеуральск, но после раскаяния восстановлен в партии. Работал в Балканском секретариате Коминтерна. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

559

Коминтерн и идея мировой революции. С. 589 – 592.

560

Коммунистический Интернационал в документах. С. 741 – 745.

561

Об этом Троцкому сообщил в письме Виктор Серж (Кибальчич), дальний родственник изобретателя Н.И. Кибальчича. Серж ранее проживал в Западной Европе, а теперь находился в Ленинграде. Он с полным основанием рассматривал эти требования как провокационные, продиктованные из Москвы (см.: Архив Троцкого. Фонд 13. Т-974).

562

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 72 – 73.

563

Каспарова Варсаника Давидовна (1888 – 1941) – большевистская деятельница. После Октябрьского переворота 1917 г. вела пропагандистскую работу. Являлась сотрудницей аппарата Исполкома Коминтерна. В 1926 – 1927 гг. участвовала в объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. исключена из ВКП(б) и затем сослана в г. Курган Уральской области. Через несколько лет, после заявления о разрыве с оппозицией, была освобождена и восстановлена в партии. Работала в сельскохозяйственном институте в Алма-Ате. В 1936 г.

арестована, приговорена к десяти годам заключения. В сентябре 1941 г. в числе большой группы политзаключенных расстреляна в Орловской тюрьме по приказу Сталина, оформленному постановлением Государственного комитета обороны СССР.

564

Социалистический вестник 1927. № 13. С. 12.

565

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 212.

566

Об этом было указано в письме Троцкого, Зиновьева и Евдокимова в ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов от 1 июля 1927 г. (Там же. С. 222).

567

Там же. С. 82.

568

Цитируется по письму от 16 июня 1927 г. (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 82; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 4. С. 13).

569

Чемберлен Остин (1863 – 1937) – британский политический деятель, консерватор. Занимал посты министра финансов, министра по делам Индии, морского министра. В 1924 – 1929 гг. – министр иностранных дел.

570

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 82.

571

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 87 – 127.

572

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 363. Л. 1.

573

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 88.

574

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 96.

575

Правда. 1927. 26 июня.

576

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 372. Л. 1.

577

Войков Петр Лазаревич (настоящие фамилия и имя Вайнер Пинкус) (1888 – 1927) – социал-демократ с 1903 г., меньшевик. В 1917 г. вступил в большевистскую партию. В 1918 г. был комиссаром по снабжению Уральского округа в Екатеринбурге и непосредственно участвовал в организации убийства бывшего царя Николая II, членов его семьи и близких. С 1924 г. – полпред СССР в Польше. Был убит белоэмигрантом в Варшаве.

578

Rosenfeldt N.E. Stalin’s Special Departments. A Comparative Analysis of Key Sources. Copenhagen: C.A. Reitzels Forlag, 1989. P. 26 – 27.

579

Tucker R.G . The Emergency of Stalin’s Foreign Policy // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 4. P. 567.

580

Советское руководство: Переписка 1928 – 1941. М.: РОССПЭН, 1991. С. 69. Письмо Чичерина Сталину от 30 марта 1930 г.

581

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 94.

582

РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 57.

583

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 102.

584

Правда. 1927. 26 июня.

585

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 45. Курсив документа.

586

Правда. 1927. 28 июля; *Сталин И.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 9. С. 322 – 361.

587

Клемансо Жорж (1841 – 1929) – французский политический деятель, лидер партии радикалов, премьер-министр в 1906 – 1909 и 1917 – 1920 гг. Неоднократно занимал министерские посты. Председатель Парижской мирной конференции 1919 – 1920 гг.

588

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 10. С. 52.

589

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 62.

590

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 162.

591

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 48 – 50.

592

Там же. С. 68 – 69.

593

Правда. 1927. 10, 11 августа.

594

Известия. 1927. 13 августа.

595

РГАСПИ. Ф. 405. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 12.

596

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 109 – 174. В архивном фонде Троцкого, хранящемся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, имеется лишь дефектный, обгоревший экземпляр проекта платформы, в котором отсутствуют заключительная часть и дата. Именно он был впервые опубликован на русском языке. Позже в Архиве Гуверовского института войны революции и мира (Пало-Альто, Калифорния, США) была обнаружена машинописная копия последней главы проекта платформы, включенная в новую публикацию материалов архивов Троцкого, подготовленного авторами этой книги (см.: *Архив* Троцкого. Т. 1 / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского, М.Г. Станчева. Харьков: Око, 1999. С. 250 – 256). Полный текст проекта платформы был также опубликован в Германии на немецком языке в 1927 г. (см.: Platform der russischen Opposition. Eingereicht nicht veruffentlich vom stalinistischen ZK. [Berlin, 1927], 72 S.). Черновой машинописный текст проекта платформы с пометками и правкой Троцкого, Зиновьева, Каменева и других лиц сохранился также в архивном фонде Г.Е. Зиновьева (см.: РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 104).

597

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 114.

598

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 170, 150.

599

Чубарь Влас Яковлевич (1891 – 1939) – социал-демократ с 1907 г., большевик. В 1918 – 1923 гг. – член Президиума ВСНХ и одновременно с 1920 г. – председатель Президиума ВСНХ Украинской ССР. В 1923 – 1934 гг. – председатель Совнаркома Украины. В 1934 –

1937 гг. – заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1937 – 1938 гг. – нарком финансов СССР. Арестован во время Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

600

Киров (настоящая фамилия Костриков) Сергей Миронович (1886 – 1934) – советский партийный деятель. В начале своей политической карьеры был социал-демократом, затем перешел к кадетам. В 1917 г. вновь возвратился к социал-демократам и стал большевиком. С 1921 г. секретарь ЦК компартии Азербайджана. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (затем обкома) партии. Член Политбюро с 1930 г. Считался одним из ближайших сподвижников Сталина. Убит 1 декабря 1934 г. в коридоре Смольного (Ленинградского обкома). По мнению многих авторов, являлся жертвой покушения, организованного Сталиным, который видел в Кирове своего конкурента. Однако другие авторы эту версию опровергают, полагая, что Киров был убит одиночкой Л. Николаевым. В любом случае убийство Кирова было максимально использовано Сталиным для развязывания с 1936 г. Большого террора.

601

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 149, 116.

602

Там же. С. 130, 154.

603

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 138, 142.

604

Там же. С. 169.

605

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 154.

606

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 563.

607

Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 22, 592 – 595.

608

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 1 – 13, 15 – 24.

609

Правда. 1927. 24 августа.

610

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 204.

611

«Делали и будем это делать», – заявил, по словам Емельяна Ярославского, Мрачковский, когда ему были предъявлены претензии в связи с нелегальной публикацией платформы (*Большевистское* руководство: Переписка. 1912 – 1927. С. 349 – 350).

612

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2541. Арк. 7 – 12.

613

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2541. Арк. 16.

614

См., например, сведения об этом в материалах Луганской окружной партконференции 1927 г. (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 5).

615

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242. Арк. 7.

616

На одном из собраний в Харькове осуждалось «применение мер государственного воздействия, обыски, аресты к товарищам, боровшимся за доведение своих взглядов до сведения партии» (Там же. Арк. 13).

617

Там же. Арк. 3.

618

В Грузии была предпринята попытка создания молодежной организации под названием Союз защиты демократии имени тов. Троцкого, но, кроме издания воззвания в поддержку идей Троцкого, сделано ничего не было (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2477. Арк. 10 – 11). Наиболее ощутимо оппозиционные настроения проявились на предсъездовских комсомольских конференциях, прежде всего в вузовских организациях, что видно из обзора ЦК ВЛКСМ «Дискуссия в комсомоле (Предварительные итоги)», в котором, помимо прочего, сообщалось, что в Киеве на квартире оппозиционера была обнаружена платформа «За ленинский комсомол», являвшаяся изложением соответствующего раздела из проекта платформы большевиков-ленинцев, напечатанная на ротаторе тиражом 150 экземпляров (Там же. Арк. 2 – 3, 22 – 87).

619

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 277.

620

Маленков Георгий Максимилианович (1901 – 1988) – советский партийный и государственный деятель. С 1919 г. член РКП(б). Служил в Красной армии, после чего был направлен на обучение в Московское высшее техническое училище. Будучи секретарем партийной ячейки училища, руководил комиссией по борьбе с «троцкизмом», благодаря чему выдвинулся. С 1927 г. технический секретарь Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934 – 1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК. Активнейший участник и организатор сталинского Большого террора 1936 – 1938 гг. С 1939 г. начальник управления кадров и секретарь ЦК ВКП(б). В первые послевоенные годы конкурировал с А.А. Ждановым за право быть наиболее приближенным к Сталину лицом. Добился этого после смерти Жданова в 1948 г. После смерти Сталина стал председателем Совета министров СССР (до 1955 г.). До сентября 1953 г. считался «наследником» Сталина по руководству страной, после чего его начал оттеснять Н.С. Хрущев. Был снят с поста главы правительства по обвинению в «ревизионизме». Некоторое время занимал должность министра электростанций СССР. В 1957 г. в результате внутренней борьбы в высшем руководстве и после неудачной попытки отстранить от власти Хрущева был в качестве одного из членов «антипартийной группы» исключен из ЦК КПСС, а позже и из партии. Работал директором электростанций до отправки на пенсию.

621

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 277 – 278; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 129 – 130.

622

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М.: Автор, 1991. С. 45.

623

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 218 – 219.

624

Материалы Центрального архива ФСБ РФ, предоставленные авторам без выходных данных.

625

Там же. С. 350.

626

Кубяк Николай Афанасьевич (1881 – 1937) – социал-демократ с 1898 г., с 1903 г. – большевик. Член ЦК в 1923 – 1934 гг., секретарь ЦК в 1927 – 1928 гг. С 1928 г. нарком земледелия РСФСР. С 1931 г. председатель Ивановского облисполкома. С 1933 г. председатель Всесоюзного совета по коммунальному хозяйству при ЦИКе СССР. В 1937 г. арестован и вслед за этим расстрелян.

627

Шверник Николай Михайлович (1888 – 1970) – социал-демократ с 1905 г., большевик. Участвовал в борьбе за установление власти большевиков в Самаре. С 1923 г. – нарком рабоче-крестьянской инспекции. В 1925 г. – секретарь Ленинградского обкома партии и ЦК ВКП(б). В 1930 – 1944 гг. – секретарь ВЦСПС. В 1935 – 1953 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР. Затем – председатель ВЦСПС.

628

Письмо секретаря ЦК ВЛКСМ В.Г. Фейгина Орджоникидзе от 23 октября 1927 г. (*Большевистское* руководство: Переписка. 1912 – 1927. С. 356).

629

Фейгин Владимир Григорьевич (1901 – 1937) – большевик с 1917 г. В 1919 – 1920 гг. – на комсомольской работе на периферии. Затем – секретарь ЦК РКСМ. С 1925 г. – слушатель Института красной профессуры, по окончании которого вновь был секретарем ЦК комсомола. С 1929 г. – заместитель наркома земледелия. Позже являлся руководителем оперативной группы по сельскому хозяйству Комитета государственного контроля СССР. Арестован и расстрелян в период Большого террора.

630

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 87; *Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 4. С. 230 – 231.

631

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 218 – 224.

632

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 10. С. 204 – 205. В подготовленной для пленума речи, которую ему так и не дали произнести, Х.Г. Раковский высмеял это заявление Сталина. «Я не знаю, – говорилось в тексте речи, – забыл ли Сталин или он не знает, что Ленин несколько раньше тов. Троцкого также назвал Аксельрода «дорогим учителем» (*Коммунистическая* оппозиция в СССР. Т. 4. С. 243).

633

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 337.

634

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 234.

635

Там же. С. 235.

636

Большевистское руководство: Переписка, 1912 – 1927. С. 356.

637

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 826. Л. 1 – 2; *Сталин И.В.* Историческая идеология в СССР. С. 44 – 45.

638

Шкирято в Матвей Федорович (1883 – 1954) – социал-демократ с 1906 г., большевик. С 1918 г. работал в профсоюзах, с 1923 г. – в ЦКК большевистской партии. Фанатичный сталинист, подвергавший безапелляционной критике всех действительных и мнимых противников Сталина.

639

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 1.

640

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 233 – 234.

641

Дискуссионный листок № 5 // Правда. 1927. 17 ноября.

642

ГДА СБУ. Ф. 13б. Ед. зб. 282. Арк. 8.

643

Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б) // Сборник дискуссионных

материалов. М.; Л.: Госиздат, 1928. Вып. 2. С. 32 – 68; Вып. 3. С. 24 – 61.

644

Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б) // Сборник дискуссионных материалов. М.; Л.: Госиздат, 1928. Вып. 3. С. 58.

645

Правда. 1927. 1 ноября.

646

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 278 – 279.

647

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 279.

648

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 251.

649

Цихон Антон Михайлович (1887 – 1939) был членом ЦК ВКП(б) в 1930 – 1934 гг., работал секретарем ряда райкомов партии и председателем ряда райисполкомов в Москве. Был секретарем Бауманского райкома. В 1930 – 1933 гг. – нарком труда СССР. Арестован во время Большого террора, расстрелян.

650

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 256 – 257.

651

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 66 – 67.

652

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 280 – 281.

653

Значительно менее энергичные выступления оппозиционеров имели место в других городах. В Харькове были случаи, когда по пути прохождения демонстрантов с балконов частных квартир вывешивали портреты Ленина, Троцкого, Зиновьева, Раковского и лозунги типа «Привет ленинской гвардии в день 10-й годовщины Октября» (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2600. Арк. 10).

654

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 9. К этому времени окончательно «капитулировал» Каменев. Он сказал, что вне ВКП(б) оппозиции «грозит только одно – вырождение и гибель», почему необходимо всеми силами «избегать того, что облегчает противнику исключение [оппозиционеров] из партии» (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 153).

655

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 252 – 254.

656

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 265.

657

Там же. С. 266; ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 9 – 10.

658

Так, в информационном письме ОГПУ сообщалось, что на одном из собраний оппозиционеров Троцкий выступил с тезисами, в которых указал «минимальные сроки существования сов[етской] власти», подчеркнув, «что спасти положение может только европейская революция». «В орг[анизационном] вопросе, – указывалось в информационном письме ОГПУ, – Троцкий постоянно выступает против фетишизации одной партии» (ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 12). Понятно, что к организации второй партии Троцкий в силу своих убеждений не призывал и призывать не мог, а всегда высказывался категорически против идеи создания второй партии.

659

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2647. Арк. 1 – 2.

660

Там же. Арк. 71.

661

Там же. Од. зб. 2600. Арк. 1 – 4, 8.

662

Чернявский Владимир Ильич (1893 – 1939) – большевик с 1911 г. В 1919 г. был секретарем Киевского комитета большевистской партии. В 1920 – 1923 гг. служил в Красной армии. В 1924 – 1926 гг. являлся прокурором Одесской губернии. В 1927 – 1930 гг. секретарь Киевского, а затем Одесского губкомов партии. В 1930 – 1932 гг. секретарь ЦК КП(б)У. Затем секретарь Днепропетровского, позже Винницкого обкомов. Арестован во время Большого террора. Умер в заключении.

663

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2647. Арк. 37.

664

Там же. Од. зб. 2620. Арк. 6 – 10.

665

Антипов Николай Кириллович (1894 – 1938) – социал-демократ с 1912 г., большевик. В 1917 г. – член президиума Петроградского центрального совета фабзавкомов. В 1917 – 1918 гг. – заместитель председателя Петроградской ЧК. Затем занимал руководящие должности в административном и профсоюзном аппарате на периферии. С 1924 г. – секретарь местных партийных комитетов. В 1928 – 1931 гг. – нарком почты и телеграфа СССР, затем – заместитель наркома РКИ. В 1935 – 1937 гг. – заместитель председателя Совнаркома СССР и нарком совконтроля. Арестован в период Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

666

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 63. Л. 29.

667

Правда. 1927. 15 ноября.

668

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 1 – 4; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242. Арк. 8.

669

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2600. Арк. 9.

670

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 282.

671

Это был так называемый Пятый Дом Советов, рядом с которым находились Кремлевская больница с поликлиникой и Кремлевская столовая.

672

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 264.

673

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 19.

674

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 281.

675

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 335 – 342.

676

Троцкий вспоминал, что в квартире Белобородова раздался телефонный звонок, его попросили к телефону и незнакомый голос произнес: «Адольф Абрамович застрелился. На столике его лежит пакет для вас» (*Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 282).

677

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 283.

678

Рютин Мартемьян Никитич (1890 – 1937) – социал-демократ с 1914 г., большевик. С

1920 г. занимал различные посты в партийном аппарате. Являлся секретарем Краснопресненского райкома партии в Москве. Был организатором вооруженных партийных отрядов для разгона оппозиционной демонстрации 7 ноября 1927 г. В 1928 г. был снят с должности секретаря райкома за «примиренческое отношение к правому уклону». Назначен заместителем главного редактора военной газеты «Красная звезда». В 1930 г. участвовал в группе С.И. Сырцова. Был исключен из партии и снят с ответственных постов за участие в «право-левацком блоке» (перед этим короткое время был председателем правления фотокинопромышленности). В ноябре 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде, но вскоре освобожден. В начале 30-х гг. стал организатором подпольного антисталинского Союза марксистов-ленинцев и основным автором нелегального манифеста «Ко всем членам партии». Написал (возможно, совместно с другими участниками его нелегальной группы) большую работу «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». В этих документах утверждалось, что Сталин и его окружение порвали с ленинизмом и привели партию и страну к опасному кризису, что оздоровление партии и государства невозможно без устранения Сталина. В сентябре 1932 г. Рютин был вновь арестован. Сталин требовал его расстрела. Но другие члены Политбюро высказались против этого, и Рютин был приговорен к 10 годам заключения. В январе 1937 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

679

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 332 – 333.

680

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 57.

681

Иллюстрированная Россия. 1927. № 49. С. 3; *Юниверг Л.* «Главкомштык» глазами русских парижан // Голос (Израиль). 2009. 19 февраля.

682

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 2.

683

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 1395, 1412.

684

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 10 – 11. Агентурное сообщение информатора ОГПУ.

685

Там же. Арк. 11.

686

Trotsky L . Writings 1936 – 1937. New York: Pathfinder Press, 1978. P. 65.

687

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 11.

688

Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия. С. 130 – 132.

689

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 143.

690

Там же. С. 1333 – 1335.

691

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 11 – 12.

692

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 186 – 193.

693

См. подробнее: *Чернявский Г.И., Станчев М.Г.* В борьбе против самовластия. С. 149 – 152.

694

Историк А. Авторханов полагает, видимо не без основания, что выступление Раковского озаботило Сталина, боявшегося, что оно может вызвать резонанс в партии (*Авторханов А.* Происхождение партократии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973. Т. 2. С. 352).

695

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 371 – 372.

696

Там же. С. 1338.

697

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1248 – 1250.

698

Правда. 1927. 20 декабря.

699

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1247.

700

Там же. С. 1266 – 1267.

701

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 12.

702

Там же.

703

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 209.

704

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1319.

705

Правда. 1927. 27 декабря.

706

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 25.

707

Ксандров Владимир Николаевич (1877 – 1942) – социал-демократ с 1899 г., с 1903 г. – большевик. Активно участвовал в борьбе за установление власти большевиков в Симбирске. Затем – на хозяйственной работе (председатель Совета народного хозяйства Украины, член президиума ВСНХ, председатель правления Промбанка). В 1927 – 1929 гг. – председатель Главного концессионного комитета. Затем был переведен на низовую работу (являлся начальником службы пути Московско-Казанской железной дороги, начальником строительства Гайно-Кайской ведомственной железной дороги, которая соединяла лагерные пункты в районе Перми и которую строили заключенные концлагерей). Арестован в 1938 г. и приговорен к десяти годам заключения. Умер в тюрьме.

708

Бронштейн В.Б. Преодоление. М.: Адамантъ, 2004. С. 12.

709

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 285.

710

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 335. Л. 4 – 8.

711

«Тоталитаризм, прикрываясь идеей, скрывает свою уголовную сущность, более того, приобретает как бы законные черты», – пишет современный российский философ (*Кантор В.* «…Есть европейская держава». Россия. Трудный путь к цивилизации. М.: РОССПЭН, 1997. С. 176).

712

См. подробнее: *Чернявский Г.* Тень люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм. Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма.

Харьков: Око, 2003. С. 49 – 52.

713

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 9.

714

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2453. Арк. 10.

715

Чуковский К. Дневник 1901 – 1929. С. 427.

716

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 701. Л. 37.

717

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 5, 9.

718

О масштабе репрессий в документе антисоветского эмигрантского Русского общевоинского союза «Внутреннее положение в ВКП» (май 1928 г.) говорилось: «Число подвергшихся карам оппозиционеров насчитывается тысячами, хотя точно не известно, так как тысячи рядовых оппозиционеров пострадали номинально не за их принадлежность к оппозиции, а переведены в глухие местности по службе или лишены должности «по несоответствию» или по таким должностным проступкам, которые не угрожают политически благонадежным членам РКП какими-нибудь неприятными последствиями» (ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 2).

719

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1742.

720

Andrew C., Mitrokhin V . The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West. London: Penguin Group, 1999. P. 52. Эта книга представляет собой краткую выжимку из документов так называемого «архива Митрохина». Василий Никитич Митрохин, руководитель Архива внешней разведки КГБ СССР, в течение долгих лет, с 1972 г., тайком переписывал секретные документы архива, выносил их здания на Лубянке (бывшей площади Дзержинского) в карманах и даже в носках, а потом прятал в потайных местах за городом. Ему удалось в 1992 г. переправить эти ценные материалы на Запад, а затем и самому перебраться в Великобританию, где совместно с известным историком Кристофером Эндрю он издал книгу.

721

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2647. Арк. 16.

722

Там же. Арк. 25 – 26.

723

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 581.

724

Материалы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, предоставленные авторам без выходных данных.

725

Дрейцер Ефим Александрович (1894 – 1936) – член РКП(б) с 1919 г. В 1926 – 1927 гг. – участник объединенной оппозиции. Исключен из ВКП(б) в 1928 г., после подачи покаянного заявления восстановлен в партии в 1929 г. и находился на хозяйственной работе. До 1936 г. – заместитель директора завода «Магнезит» в Челябинской области. Арестован в 1936 г. Был подсудимым на судебном процессе 1936 г. по делу троцкистско-зиновьевского центра. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

726

Зюк Михаил Осипович (1895 – 20 июня 1937). Настоящая фамилия Нахамкин. Родился в Чернигове. После 1917 г. взял фамилию Зюк по своему детскому прозвищу – Зюка. Член РСДРП с 1913 г., большевик. За революционную деятельность был арестован и отправлен на

каторгу. Участник январского 1918 г. большевистского восстания в Киеве, подавленного украинским правительством. После революции закончил Военную академию РККА. В 1918 – 1925 гг. – начальник артиллерии 1-го кавалерийского корпуса Червонного казачества. В 1925 – 1926 гг. военный советник по артиллерии в Китае при командующем 1-й Китайской народной армией маршале Фэн Юйсяне (г. Калган). Во время Тяньцзиньской наступательной операции против «мукденских милитаристов» – начальник группы советников при конном корпусе армии Фэна; глубоким рейдом освободил г. Чэнде. В 1926 г. лично доставил в Москву выданного Фэном советским властям атамана Б.В. Анненкова. В 1926 – 1935 гг. – командир 4-й Туркестанской стрелковой дивизии, командир дивизий в Забайкалье, Ленинграде. В 1935 – 1936 гг. – командир-комиссар 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, г. Полтава. К моменту ареста – комбриг. Арестован 15 августа 1936 г. По обвинению в участии в террористическом заговоре в РККА приговорен ВКВС 19 июня 1937 г. к расстрелу. Расстрелян 20 июня 1937 г. Реабилитирован 10 октября 1957 г.

727

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 14 – 15.

728

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1092. Л. 1 – 4.

729

Под заголовком «Завещание Владимира Ильича Ленина» часть «Письма к съезду» Ленина, содержавшая характеристики партийных деятелей, была напечатана на гектографе и нелегально распространялась в партийной среде (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2651. Арк. 1).

730

ГДА СБУ. Ф. 13 од. зб. 282. Арк. 14. Андрейчин и ранее поддерживал связь с «нежелательными» для сталинского окружения лицами и различными путями получал важную информацию из «кухни» Политбюро. Так, 29 октября 1925 г. на заседании этого органа было решено «расследовать, какими путями дошли до Дюранти полученные им сведения, а равно каким образом Андрейчин узнал, что вопрос о высылке стоит в повестке Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 2. Л. 183). Дюранти тогда собирались выслать из СССР, но вскоре, в связи с тем, что он стал поддерживать Сталина, оставили в Москве.

731

Коммунистический Интернационал. 1928. № 4. С. 5. Имея в виду, что эти документы поступили в «Правду» из ОГПУ, можно было бы заподозрить, что они были подделкой. Но письма были подлинные. 10 мая 1928 г. Радек писал Преображенскому: «Так как мы уже высказывались против в «письме к Петру», напечатанном в «Правде» от 15 января…» (Разгром левой оппозиции в СССР: Письма ссыльных большевиков (1928) // Публ. Ю. Фельштинского // Минувшее: Исторический альманах. М.: Феникс, 1992. Т. 7. С. 275).

732

Правда. 1928. 19 января.

733

Социалистический вестник. 1928. № 1. С. 3.

734

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 1 – 11.

735

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 27 – 31.

736

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 31 – 38.

737

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Изд-во Гуманитарной литературы, 1995. С. 84.

738

Ефимов Б. Мои встречи. М.: Вагриус, 2005. С. 399 – 401.

739

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 15.

740

Там же. Арк. 16.

741

В.А. Кишкин (1883 – 1938) временно добился карьерного роста. Он стал заместителем наркома путей сообщения СССР (1931 – 1933), затем начальником Главного управления железных дорог Дальнего Востока Наркомата путей сообщения, а с 1934 г. являлся начальником транспортного отдела НКВД СССР. Но в 1938 г. он был расстрелян за связь с троцкистами.

742

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 58 – 59.

743

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1676.

744

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 16.

745

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 289; *Serge V., Sedova-Trotsky N.* The Life and Death of Leon Trotsky. P. 157.

746

Видимо, имелась в виду книга: *Окраины* России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и Полярная часть Европейской России / Под ред. П.П. Семенова. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900.

747

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1161.

748

Там же. Т-1099; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 18.

749

Последняя фраза из телеграммы была вычеркнута и осталась только в исходном оригинале, сохранившемся у Троцкого.

750

Копия телеграммы сохранилась в Архиве Международного института социальной истории в Амстердаме (Фонд SIBL. Папка 2369 (1). См. также: *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 19.

751

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1103; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 19.

752

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1108; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 19.

753

Andrew C., Mitrokhin V . The Mitrokhin Archive. P. 51 – 52.

754

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2651.

755

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1110, Т-1111, Т-1112, Т-1141, Т-1148; *Архив* Троцкого. Т. 2 / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского, М.Г. Станчева. Харьков: Око, 2001. С. 4 – 6.

756

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1494.

757

Там же. Т-1419.

758

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 20.

759

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1161; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 26.

760

Волков Платон Иванович (1898 – 1936) – муж старшей дочери Л.Д. Троцкого Зинаиды Бронштейн, учитель. В начале 20-х гг. член ЦК профсоюза работников просвещения. В 1928 г. за принадлежность к объединенной оппозиции в ВКП(б) арестован и сослан в Архангельск. В 1934 г. переведен в Красноярск, затем в Семипалатинск. В 1936 г., находясь в ссылке в Семипалатинске, пытался покончить с собой. Переведен в Омск. Расстрелян.

761

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1137, Т-1434, Т-1540, Т-1664.

762

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 27, 28.

763

Там же. С. 26, 28 – 29.

764

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 92.

765

Денежные расчеты по работам, осуществленным для ИМЭ, выполняла по поручению Троцкого его невестка, жена Льва Седова Анна (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 1).

766

Архив Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 50.

767

Архив Троцкого. Фонд 13. Т. 1402; *Архив* Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 74.

768

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 2 – 4.

769

Фогт Карт (1817 – 1895) – известный немецкий естествоиспытатель, философ и антрополог, представитель школы так называемого вульгарного материализма, отрицавшей специфику и относительную самостоятельность человеческого сознания и считавшей сознание исключительно физиологической функцией организма. Фогт участвовал в революции 1848 – 1849 гг. в Германии, был приговорен к смертной казни и оставшуюся часть жизни прожил в Швейцарии, где и создал многочисленные работы по зоологии, геологии, физиологии. Фогт выступал с критикой взглядов Маркса и Энгельса.

770

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 73.

771

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 26.

772

Годскин Томас (1787 – 1869) – автор нескольких книг, анализировавших с социалистических позиций современную ему капиталистическую экономику и стремившихся доказать, что единственным источником стоимости является труд.

773

Рикардо Дэвид (1772 – 1823) – британский экономист, представитель классической школы политической экономии. Разработал трудовую теорию стоимости, признавал факт эксплуатации рабочих капиталистами. Взгляды Рикардо (как и Адама Смита) явились одним из источников формирования экономической теории Маркса.

774

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 73.

775

Годскин Т. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1938.

776

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1494.

777

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 51 – 52.

778

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк 73 – 74.

779

Эльцин Борис Моисеевич (1875 – 1937) – социал-демократ с 1897 г., позже – большевик. Начал революционную деятельность в Одессе. В 1910 г. сослан в Уфимскую губернию, где работал санитарным врачом. С 1918 г. – председатель Уральского совнархоза. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Поддерживал близкие дружеские отношения с Троцким. В декабре 1927 г. исключен из партии и затем сослан в Усть-Вымь (Коми АССР). В 1929 г. арестован, затем опять переведен на положение ссыльного. Вновь арестован в 1936 г. и отправлен в концентрационный лагерь на Колыму. Являлся одним из организаторов голодовки политзаключенных. Расстрелян без суда.

780

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 24.

781

В письме от 26 мая он писал Троцкому, что считает «одним из самых ярых врагов британского империализма» кандидата на президентский пост Герберта Гувера, который стремится «выкрутить хвост льву». Вероятное избрание Гувера президентом США, полагал Андрейчин, будет чревато колоссальными последствиями в смысле обострения соперничества между этими странами (Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1533). Действительность оказалась совсем иной.

782

См. публикацию этих писем: *Станчев М.Г., Чернявский Г.И.* Письма и телеграммы Х.Г. Раковского Л.Д. Троцкому и членам его семьи (1928 г.) // Станчев М.Г., Чернявский Г.И. Фарс на крови. Харьков: Око, 1997. С. 83 – 158.

783

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1128, Т-1115.

784

В ответ на одну из телеграмм Раковского Троцкий писал 21 апреля: «Мы благополучны. Тебе необходимо перевестись из Астрахани. Обнимаем вас крепко». «Как здоровье. Беспокоимся отсутствием вестей. Обнимаем. Лев, Наталья», – говорилось в новой телеграмме из Алма-Аты от 16 мая. В ответ на одно из поздравлений Троцкий послал телеграмму: «Спасибо, дорогой. Привет друзьям. *Лев* ». Предполагая, что Раковский сменил адрес (потом узнав, что этого не произошло), Троцкие телеграфировали в ноябре 1928 г.: «Не писали, не зная адреса. Горячий октябрьский привет. Обнимаем. Наталья, Лев» (Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1340, Т-1471, Т-1650, Т-2847; *Архив* Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 60, 87).

785

Сен-Симон Клод Анри де Ровруа (обычно именуют Анри) (1760 – 1825) – граф, социалист-утопист. Движущими силами исторического развития считал прогресс знаний, морали и религии. По его мнению, в будущем «справедливом» обществе предприниматели и рабочие составят единый класс «индустриалов».

786

Анфантен Бартелеми Проспер (1796 – 1864) – французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона. Вскоре после смерти Сен-Симона (с 1829 г.) стал руководителем школы его учеников. Для практической проверки своих социалистических идей создал трудовую общину в своем имении. В 1832 г. власти запретили общину, а Анфантен был приговорен к одному году заключения. Позже он порвал с социалистическими взглядами и поддержал государственный переворот Луи Бонапарта в 1852 г.

787

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1128; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 299.

788

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1128.

789

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 344.

790

Там же. В одном из рассказов Бабеля можно было встретить фрагмент, связанный с Троцким. В ответ мешочнице, которая обвинила красного казака, что он спасает жидов Ленина и Троцкого, тот ответил: «За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются. Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора, и вступился, хоть и другого звания, за трудящийся класс». В 1926 г., когда травля Троцкого велась достаточно активно, поставить его (устами героя своего рассказа) на один уровень с Лениным было смелым поступком.

791

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1123.

792

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 29.

793

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 24.

794

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 7; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1753.

795

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1112, Т-1121, Т-1161; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 20 – 27.

796

Группа Contre la Courant («Против течения») была названа по наименованию журнала, который начал издаваться в ноябре 1927 г. под редакцией адвоката и журналиста М. Паза группой его единомышленников в компартии Франции. Члены этой группы были исключены из партии в конце 1927 г. и одними из первых объявили себя сторонниками Троцкого.

797

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 61 – 65.

798

Архив Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 17 – 21.

799

Не ясно, о каком эпизоде в биографии Кагановича упоминал Троцкий. Возможно, речь шла о его переводе с должности секретаря ЦК РКП(б) на Украину, где он в 1925 – 1928 гг. возглавлял республиканскую партийную организацию.

800

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 22.

801

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1232.

802

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 27.

803

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 23 – 24.

804

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 26.

805

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 10 – 13, 26 – 36.

806

Архив Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 44 – 45.

807

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 31.

808
Там же. С. 36.
809
Там же. С. 106.
810
ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2651. Арк. 55 – 57; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1448b.
811
Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 43.
812
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 25.
813
Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 76.
814
Корш Карл (1886 – 1961) – германский политический деятель. Член Независимой социал-демократической партии в 1919 г. С 1920 г. коммунист. Министр образования коалиционного правительства социал-демократов и коммунистов в Тюрингии осенью 1923 г. Выступил против подчинения германской компартии директивам Москвы. В 1925 г. порвал с коммунистическим движением. В 1926 г. в качестве депутата рейхстага выступил против утверждения советско-германского торгового договора. После 1928 г. отошел от политической деятельности. В 1933 г. эмигрировал из Германии. С 1936 г. жил в США. Был профессором философии ряда университетов.
815
Эмбер-Дро Жюль (1891 – 1971) – швейцарский политический деятель, член социал-демократической партии. В 1921 г. – один из основателей компартии Швейцарии, член Исполкома Коминтерна. В 1931 г. был исключен из компартии как сторонник Бухарина. В 1932 г. признал свои ошибки и был восстановлен в партии. В 1938 – 1939 гг. депутат Национального совета. В 1943 г. вновь исключен из компартии, перешел к социал-демократам. В 1947 – 1958 гг. был секретарем Социал-демократической партии Швейцарии.
816
Коммунистический Интернационал в документах. С. 746 – 749.
817
Паз Морис (1896 – 1985) – деятель французского социалистического движения, адвокат, один из основателей французской компартии. В 1919 г., будучи членом социалистической партии (СФИО), участвовал в создании парижского Комитета 3-го Интернационала. Член ФКП с момента ее создания (1920). В 1923 г. солидаризировался с Троцким. В 1927 г. поддержал объединенную оппозицию в ВКП(б); в том же году был исключен из партии и основал группу «Против течения», издававшую журнал под тем же названием: «Контр ле куран». Поддерживал связь с Троцким во время его пребывания в Турции, но последователем Троцкого не стал и в 1929 г. отошел от Троцкого и порвал с ним. В 1931 г. вернулся в социалистическую партию, стал секретарем СФИО по международным делам. Участвовал в движении народного фронта в середине 30-х гг., был видным пацифистом. В 1936 г. одним из первых среди социалистов выступил с разоблачением и осуждением московских судебных процессов. В 1940 г. отошел от политической деятельности. В конце жизни занимался историческими исследованиями, был автором ряда трудов по революционной истории Франции, в частности книги об О. Бланки, сотрудничал с французским Институтом Троцкого в Гренобле и его руководителем П. Бруэ.
818
Трэн Альбер (1889 – 1971) – французский социалист с 1914 г. Выступал за создание нового Интернационала. Являлся одним из основателей компартии. В 1923 – 1925 гг. фактически возглавлял партию. В 1927 г. поддержал объединенную оппозицию в ВКП(б) и был исключен из партии. Краткое время сохранял связь с Троцким во время его пребывания

в Турции, затем между ними произошел разрыв. В следующие годы Трэн принимал участие в синдикалистских группах. В 1934 г. возвратился в социалистическую партию.

819

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 44.

820

Там же. С. 44 – 45.

821

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2266.

822

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1137.

823

Там же. Т-1227.

824

Там же. Т-1444, Т-1492, Т-1566, Т-1778, Т-2764. Льву Седову Гетье писал 18 февраля 1928 г. (его почтовая карточка поступила только через месяц – 19 марта): «Здоровы ли вы все? Ужасно скучаю по вас, не имея почти никаких сведений. Пишу открытку – думаю, что вернее дойдет. Крепко обнимаю всех и желаю доброго здоровья» (Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1132).

825

Там же. Т-1694.

826

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 302.

827

В 2000 г. все осужденные по делу были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

828

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 9. С. 319.

829

Бухарин Н. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. М.: Госиздат, 1928.

830

Правда. 1928. 18 апреля.

831

Правда. 1928. 3 июня.

832

Архив Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 70 – 72.

833

См.: *Афанасьев В.Г.* «Смоленское дело» 1928 г. Подготовка «великого перелома» // Вестник Московского ун-та. История. 1991. № 3.

834

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 40 – 46. На том, что в СССР имеет место социальный кризис, Преображенский продолжал настаивать и позже, в частности в документе «В борьбе за ленинскую линию» (май 1928 г.).

835

После ареста он был сослан в г. Ачинск (*Архив* Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 83 – 87).

836

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 17 – 18.

837

Там же. Арк. 20.

838

Там же. Арк. 46 – 47.

839

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 50.

840

Косиор (Кассиор, Коссиор) В.В. (1891 – 1938) – младший брат С.В. Косиора, социал-демократ с 1907 г., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. работал инструктором ЦК РКП(б), затем в редакции газеты «Труд». Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии, затем сослан. После покаянного заявления восстановлен в партии и возвращен из ссылки, но впоследствии вновь исключен и арестован. Расстрелян в Воркуте.

841

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 51 – 58.

842

Мясников Гавриил Ильич (1889 – 1945) – уральский большевик с 1905 г. Инициатор убийства великого князя Михаила Романова в 1918 г. В 1920 – 1922 гг. член рабочей оппозиции. В 1922 г. исключен из партии, в 1923 г. арестован, в 1927 г. освобожден и сослан в Ереван. В 1928 г. бежал в Персию. В 1930 – 1944 гг. жил во Франции. Затем возвратился в СССР. Был арестован и расстрелян.

843

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 17 – 18, 59.

844

Там же. Арк. 46 – 47.

845

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 67 – 68.

846

Левичев Василий Николаевич (1891 – 1937) – советский военный деятель. Штабс-капитан во время Первой мировой войны. С 1919 г. служил в Красной армии. В 1923 г. окончил курсы старших командиров Красной армии Военной академии РККА. В 1924 – 1927 гг. заместитель начальника, а затем начальник Главного административного управления Красной армии. Был редактором журнала «Военный вестник». В 1931 – 1933 и 1934 – 1937 гг. заместитель начальника Штаба Красной армии. В 1933 – 1934 гг. краткое время был военным атташе в Германии. Арестован во время Большого террора и расстрелян без суда.

847

Загю Михаил Михайлович (1875 – 1951) – российский и советский военный деятель. Во время Первой мировой войны – генерал-майор. С 1915 г. – начальник почтово-телеграфной и этапно-транспортной части Главного управления военных сообщений Генерального штаба. Командовал соединениями. Признав большевистскую власть, с 1918 г. служил в Красной армии. Одно время был начальником штаба Верховного главнокомандующего. В 20-х гг. преподавал в высших военных учебных заведениях.

848

Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1993. С. 30 – 37.

849

Deutscher I. The Prophet Unarmed. P. 454.

850

Слепков Александр Николаевич (1899 – 1937) – большевик с 1919 г., участник так называемой «бухаринской» школы, публицист и историк. В 1921 – 1924 гг. студент исторического отделения Института красной профессуры. В 1924 – 1928 гг. – член редколлегии журнала «Большевик», затем – член редколлегии газеты «Правда». Работал также в аппарате Коминтерна. В 1932 г. вместе с М.Н. Рютиным и другими партийными деятелями организовал подпольную антисталинскую группу. Был арестован и сослан. В 1933

г. приговорен к пятилетнему заключению. Расстрелян во время Большого террора по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

851

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 85 – 86.

852

В 1930 г. он был исключен из ВКП(б) за «правооппортунистические ошибки» (*Залесский К.А.* Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 415).

853

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1943.

854

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1753.

855

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 84.

856

См. научную публикацию, осуществленную В.П. Даниловым в журнале «Вопросы истории» (1989. № 12. С. 68 – 83), и анализ документа в кн.: *Чернявский Г.И., Станчев М.Г.* В борьбе против самовластия. С. 172 – 183.

857

«Письмо тов. В.» (участнику оппозиции ссыльному Г.Б. Валентинову) было написано Раковским в августе 1928 г. и отправлено Троцкому и многим другим оппозиционерам. Письмо содержало анализ социально-экономических процессов в СССР и причин формирования бюрократической политической системы.

858

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 297.

859

Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Нью-Йорк: Слово, 1989. С. 117.

860

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) 1929. № 6. С. 14 – 20. Заверенный Раковским экземпляр письма хранится в архивном фонде Троцкого (Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2206).

861

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1613а; *Троцкий Л.* Письма из ссылки. С. 78 – 80.

862

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 107.

863

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 13.

864

Reiman M . The Birth of Stalinism. The USSR on the Eve of the Second Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1979. P. 74.

865

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 127 – 128.

866

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 145.

867

Там же. С. 77.

868

Правда. 1928. 4 мая.

869

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 77.

870

Разгром левой оппозиции в СССР / Публ. Ю. Фельштинского // Минувшее. Т. 7. С. 284.

871
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 42.
872
Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1780.
873
Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 197 – 204.
874
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 1 – 3.
875
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 42 – 43.
876
Торез Морис (1900 – 1964) – французский коммунистический деятель, с 1930 г. генеральный секретарь ЦК компартии. Депутат парламента с 1932 г. В 1945 – 1947 гг. входил в правительство Франции.
877
Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-21447.
878
Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 42.
879
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 43.
880
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 44.
881
Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3117; *Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина. [М.]: Спартаковец, 1993. С. 64 – 233.
882
Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3118, Т-3121; *Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 19 – 63.
883
Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 90 – 105.
884
Архив Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 193 – 195.
885
Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928. С. 64 – 66.
886
ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 2651. Арк. 55 – 57; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1448b.
887
Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1943.
888
Кэннон Джеймс (1890 – 1974) был членом Социалистической партии США с 1908 г. Являлся одним из основателей Коммунистической рабочей партии в 1919 г. В 1920 г. стал национальным секретарем партии и редактором ее газеты The Toiler («Трудящийся»). С 1928 г., после исключения из компартии, являлся руководителем движения сторонников Троцкого в США до конца своей жизни. С 1936 г. являлся членом Социалистической рабочей партии, в которой возглавлял левое крыло. В 1938 – 1953 гг. являлся национальным секретарем этой партии.
889
Glotzer A . Trotsky. Memoir & Critique. Buffalo, New York: Prometheus Books, 1989. P. 21.
890
Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 65.
891
Там же. С. 97.

892

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 113 – 118.

893

Там же. С. 123 – 124.

894

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 147.

895

Там же. С. 149.

896

Персель Альберт Артур (1872 – 1936) – британский профсоюзный и политический деятель, член Социал-демократической федерации, а затем Лейбористской партии. Председатель Генерального Совета тред-юнионов во время массовой стачки в Англии 1926 г. Был членом парламента.

897

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 163.

898

Там же. С. 183.

899

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 233.

900

Там же. С. 22.

901

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 90 – 105.

902

Ловстон Джей (настоящие фамилия и имя Либстейн Якоб) (1898 – 1974) – деятель американского социалистического и коммунистического движения. Родился в Российской империи (Литва), эмигрировал в США вместе с родителями в возрасте девяти лет. С 1917 г. был членом социалистической партии. Один из основателей Коммунистической партии Америки в 1919 г. С 1922 г. национальный секретарь партии. В конце 20-х гг. солидаризовался с Н.И. Бухариным и другими «правыми уклонистами» в ВКП(б). В 1929 г. был снят с ответственных постов, а затем в результате фракционной борьбы исключен из компартии. Сформировал альтернативную компартию (с 1933 г. Независимая рабочая лига Америки, распущенная в 1940 г.). Затем, отказавшись от коммунистических взглядов, работал в руководстве Американской федерации труда, являясь советником по иностранным делам руководителя АФТ Дж. Мини.

903

Спектор Морис (1898 – 1968) – один из основателей компартии Канады. Являлся членом Исполкома Коминтерна. После разрыва с Коминтерном стал руководителем Канадской левой оппозиции, вначале являвшейся частью Коммунистической лиги Америки, а с 1936 г. самостоятельной организацией. В 1939 г. переехал в Нью-Йорк, где порвал со сторонниками Троцкого.

904

Glotzer A . Trotsky. Memoir & Critique. P. 22.

905

Ibid. P. 21 – 22.

906

Аберн Мартин (1898 – 1949) участвовал в основании Коммунистической рабочей партии США и создании Коммунистической лиги Америки. В 1936 – 1940 гг. член Социалистической рабочей партии США.

907

Шахтман Макс (1904 – 1972) – американский общественный деятель, член компартии США с 1923 г. Исключен из партии в 1928 г. за поддержку взглядов Троцкого. В 1929 г. один

из основателей Коммунистической лиги Америки, с которой порвал в 1940 г., выступив против поддержки и защиты СССР из-за подписания пакта Молотова – Риббентропа и агрессии Советского Союза в 1939 – 1940 гг. в Восточной Европе. С 1940 г. – член Социалистической партии США. Придерживался мнения о полном перерождении СССР и установлении в нем строя «бюрократического коллективизма». После Второй мировой войны отошел от социалистической деятельности и в целом поддерживал внешнюю политику США.

908

The Real Situation in Russia. New York: Harcourt; Brace & Co, 1928. По словам биографа Истмена, Троцкий в ответ послал ему письмо с извинениями за свое поведение в связи с выходом книги «После смерти Ленина» (*O'Neil W L.* The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 125), однако автор биографии этот документ не приводит и не цитирует. Не удалось обнаружить его и в архивных фондах Троцкого, включая коллекцию «Троцкий – Истмен» в архиве Индианского университета. Имея это в виду и сам характер нашего персонажа, не склонного к извинениям, можно усомниться в том, что такое письмо Троцкого Истмену действительно было написано.

909

O'Neil W.L. The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 127.

910

Коммунистический Интернационал в документах. С. 873 – 874.

911

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1943

912

Балицкий Всеволод Аполлонович (1892 – 1937) – социал-демократ с 1913 г., меньшевик. С 1915 г. большевик. С 1918 г. служил в ВЧК, являлся заведующим отделом ЧК Украины, затем занимал руководящие должности в органах ЧК различных городов республики. В 1921 – 1923 гг. – заместитель председателя Всеукраинской чрезвычайной комиссии, затем Государственного политического управления Украины. В 1923 – 1931 гг. – председатель ГПУ Украины. Позже являлся особоуполномоченным ОГПУ СССР на Украине. В 1934 – 1937 гг. нарком внутренних дел Украины. Вслед за этим был переведен на Дальний Восток, но вскоре уволен из НКВД, арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян.

913

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 1640. Арк. 6.

914

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3127.

915

Аналогичное предложение выдвигал Преображенский еще весной. На что Троцкий ответил 8 мая: «Получил вчера тезисы и телеграфировал сейчас же. Первые впечатления: анализ хорош, полит[ические] выводы сомнительны, план ходатайства о съезде – утопия и притом не прогрессивная». Предложение Преображенского тогда отвергли также И.Н. Смирнов, Муралов, Сосновский, Белобородов, Раковский. Единственным, кто отнесся к нему сдержанно положительно, был Радек, который, правда, склонялся к несколько иному варианту. Он телеграфировал Преображенскому: «Не знаю точно твоих предложений, предлагаю совместное заявление конгрессу Коминтерна [о] поддержке левого курса ЦК [с] требованиями, гарантиями его укрепления, развития» (ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 43 – 45).

916

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 12; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1643.

917

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1768.

918

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-1937.

919

Там же. Т-3177.

920

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 1 – 17; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3143, Т-3144.

921

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3147.

922

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3156.

923

Парижский пакт был подписан 27 августа 1928 г. 15 государствами. Он получил название по именам его инициаторов – министра иностранных дел Франции А. Бриана и Государственного секретаря США Ф. Келлога. В том же году к пакту присоединилось правительство СССР.

924

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3142; *Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 281 – 309.

925

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 335.

926

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3129; *Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 234 – 280.

927

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 302.

928

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 307.

929

Serge V., Sedova Trotsky N . The Life and Death of Leon Trotsky. P. 159.

930

Троцкий Л. Письма из ссылки. С. 221.

931

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 305.

932

Солнцев Елизар Борисович (1897 – 1936) – член РСДРП(б) с 1917 г. Выпускник Института красной профессуры, историк, экономист. С 1923 г. участвовал в выступлениях сторонников Л.Д. Троцкого. В 1927 – 1928 гг., находясь в командировке в США по внешнеторговым делам, содействовал формированию оппозиции в американском коммунистическом движении. В 1928 г. отозван в СССР, исключен из партии, отправлен в ссылку, затем заключен в Верхнеуральский политизолятор, но вскоре освобожден. В 1930 г. один из авторов платформы «Кризис революции. Перспективы борьбы и задачи оппозиции». В 1935 г. арестован, приговорен к ссылке в Минусинск на три года. Умер в январе 1936 г., по одним сведениям, в новосибирской тюремной больнице в результате голодовки, по другим – по дороге в Минусинск.

933

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2943.

934

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2912; *Троцкий Л.* Письма из ссылки. С. 233.

935

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3152; *Троцкий Л.* Письма из ссылки. С. 233 – 235. В описи архивного фонда Троцкого в Гарвардском университете содержится предположение (видимо, оно было высказано бывшим секретарем Троцкого Яном ван Хейженоортом,

который приводил в порядок архив), что это письмо было послано И.Т. Смилге, однако это не может соответствовать действительности, так как Смилга к этому времени покаялся, был возвращен в Москву и не мог обвинять Троцкого в том, что тот занимает «слишком примиренческую» позицию.

936

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 159 – 160; Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3157; *Троцкий Л.* Письма из ссылки. С. 235 – 239.

937

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 308.

938

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 714. Л. 5.

939

Там же. Оп. 162. Ед. хр. 7. Л. 5.

940

Там же. Оп. 166. Ед. хр. 283. Л. 17.

941

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3171. Вскоре этот документ был опубликован в сборнике статей Троцкого, выпущенном сразу же после высылки Троцкого за границу (*Троцкий Л.* Что и как произошло? Шесть статей для буржуазной печати. Paris: Navarre, 1929), и перепечатан оппозиционными коммунистическими и другими изданиями во многих странах на многих языках. Основной раздел документа Троцкий также включил в свои воспоминания (*Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 308 – 313).

942

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 1.

943

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 313.

944

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 721. Л. 26.

945

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2944; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 313.

946

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 314.

947

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2945. Л. 4 – 6.

948

Там же. Л. 1 – 3.

949

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2947.

950

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 314.

951

Вскоре Буланов, видимо в виде поощрения за успешно проведенную операцию с Троцким, будет повышен – он станет секретарем коллегии ОГПУ. С 1934 г. он был секретарем наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды и в этом качестве выполнял его самые тайные поручения, одновременно являясь секретарем Особого совещания при наркоме внутренних дел. В 1937 г. Буланов был арестован, предстал перед судом по делу правотроцкистского блока в марте 1938 г. и по приговору этого суда был расстрелян.

952

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 315.

953

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13046

954

Речь идет о президенте Турецкой республики Мустафе Кемале Ататюрке. Ататюрк (1881 – 1938) был руководителем национально-освободительной революции в Турции 1918 – 1923 гг. и с 1923 г. до конца жизни являлся президентом. Между СССР и Турцией были установлены дипломатические отношения, которые подчас рассматривались как дружеские, ибо СССР оказывал Турции военную помощь и поставлял ей оружие.

955

Ругательно-оскорбительный термин «фашизм» в отношении турецких властей Троцкий, очевидно, использовал в связи с тем, что компартия в Турции была запрещена, а ее подпольные активисты подвергались арестам и даже смертной казни.

956

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-2950.

957

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 317.

958

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 491. Л. 6; Лев Троцкий, Константинополь, 1929 год / Публ. М.М. Пантелеева // Исторический архив. 1993. № 1. С. 218 – 219.

959

Правда. 1929. 19 февраля.

960

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1 – 2. С. 3.

961

Курьезный случай произошел с известным историком античной литературы И.М. Троцким, который счел опасным носить одиозную фамилию и сменил ее на Троицкий, под которой и стал публиковаться. Его примеру последовали многие другие однофамильцы изгнанника (*Гусейнов Г.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов. М.: Три квадрата, 2004. С. 75).

962

Serge V., Sedova-Trotsky N . The Life and Death of Leon Trotsky. P. 163.

963

Дойчер И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929 – 1940. М.: Центрполиграф, 2006. С. 13 – 14.

964

Швецов В.В . Лев Троцкий и Макс Истмен: История одной политической дружбы // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 157.

965

В архивном фонде Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета хранится огромная переписка самого Троцкого и его сына с издателями, свидетельствующая о том, что гонорары, которые Троцкий получал за публикации своих работ, были значительными, но намного меньшими обычных сумм, выплачиваемым популярным авторам, к которым он вполне мог быть отнесен.

966

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-1010.

967

Ривера Диего (1886 – 1957) – мексиканский живописец, левый общественный деятель. В 1907 – 1921 гг. жил в Европе, учился в Академии художеств в Мадриде, затем работал в Париже и других городах. С 1922 г. член компартии Мексики. В 1927 г. приехал в СССР и стал соучредителем художественного объединения «Октябрь». Поддержал объединенную оппозицию, вынужден был уехать из СССР и порвал с компартией. В 1930 – 1934 и 1940 гг. работал в США, где произошел известный скандал с фреской «Человек на распутье», которую Ривера создал в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке. Персонажами фрески были Ленин, Троцкий и другие революционеры, поэтому несколько лет фреску скрывали под занавесом, а в 1934 г. она была уничтожена. Ривера воссоздал ее затем в здании оперного

театра в г. Мехико. В середине 30-х гг. Ривера поддерживал близкие отношения с Троцким. Однако затем между ними произошел разрыв, и художник возвратился в компартию. В 1955 и 1956 гг. он вновь посещал СССР.

968

Кало Магдалена Кармен Фрида (известна как Фрида Кало) (1907 – 1944) – мексиканская художница, жена Д. Риверы. В детстве перенесла полиомиелит, а в юности попала в автомобильную аварию. И то и другое оказало сильное влияние на ее жизнь и творчество. В живописи Кало преобладают мексиканские народные сюжеты, окрашенные модернистскими влияниями. Являлась членом компартии, из которой вышла в связи с увлечением идеями Троцкого. В конце 30-х гг. возвратилась в компартию. Выступала как сталинистка.

969

Бунич И. Пятисотлетняя война в России. Киев; СПб.: Облик, 1997. С. 185.

970

Последние новости. 1929. 26 января.

971

Руль (Берлин). 1929. 5 февраля.

972

Новое время (Белград). 1929. 10 февраля.

973

Иллюстрированная Россия. 1929. № 8. С. 3; *Юниверг Л* . «Главкомштык» глазами русских парижан // Вести (Израиль). 2009. 19 февраля.

974

Последние новости. 1929. 14, 15 февраля.

975

Drezdener Nachrichten. 1929. 23 February; Arbeiterzeitung. 1929. 3 Marz.

976

Rheinisch-Westfälische Zeitung. 1929. 21 Marz.

977

Sinclair L. Trotsky. Vol. 1. P. 462.

978

Троцкий Л . Моя жизнь. Т. 2. С. 318; *Serge V., Sedova-Trotsky N* . The Life and Death of Leon Trotsky. P. 163.

979

Троцкий Л . Моя жизнь. Т. 2. С. 318.

980

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3177; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 46 – 48.

981

Красин Л.Б. Письма жене и детям // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 81.

982

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9478.

983

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-3178; *Троцкий Л* . Дневники и письма. С. 48.

984

Архив Троцкого, фонд 13.1. Т-3181; *Троцкий Л* . Дневники и письма. С. 48.

985

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacán. Cambridge: Harvard University Press. 1978. p. 20.

986

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-586.

987

Синклер Эптон (1878 – 1968) – американский писатель и журналист, один из

основоположников разоблачительной журналистики («разгребатели грязи»). Автор многих романов, повестей, драматических произведений, памфлетов, переведенных на большинство языков.

988

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5138.

989

Там же. Т-5140.

990

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 68 – 69.

991

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 10.

992

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13728.

993

Троцкий Л . Дневники и письма. С. 84. «Вряд ли придется вернуться снова к этой теме», – писал позже Троцкий в своем дневнике. Эта работа так и не была завершена и опубликована.

994

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacán. P. 24.

995

Так на старый русский манер Троцкий называл свой «пишущий прибор», то есть ручку.

996

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7821.

997

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 75.

998

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacán. P. 6 – 7.

999

Eastman M . Einstein, Hamingway, Freud, and Others. Great Companions. Critical Memoirs of Some Famous Friends. New York: Farrar, Straus, and Cudahy, 1959. P. 159 – 160.

1000

Возрождение (Париж). 1929. 2 марта.

1001

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1. С. 5 – 8.

1002

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-724.727, Т-767.773, Т-7650, Т-7655.

1003

Переписку Троцкого с британскими властями обнаружил и прокомментировал журналист Владимир Катин (*Катин В.* В угоду Сталину: Троцкому было отказано в британской визе // Независимая газета. 2000. 22 июня).

1004

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-821.

1005

Там же. Т-2180.

1006

National Archives of the United States. Records of U.S. State Department 59.

1007

Иллюстрированная Россия. 1929. № 13. С. 3; *Юниверг Л.* «Главкомштык» глазами русских парижан // Голос (Израиль). 2009. 19 февраля.

1008

Троцкий Л . Дневники и письма. С. 68.

1009

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8629.
1010
Там же. Т-13664.
1011
Троцкий Л . Дневники и письма. С. 69 – 70.
1012
Там же. С. 72.
1013
Heijenoort J . With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacбn. P. 4 – 5.
1014
Ibid. P. 17.
1015
Paris soir. 1933. 16, 17 juin.